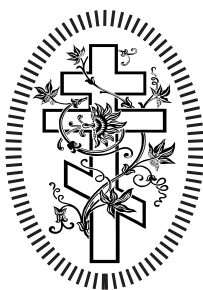

АВГУСТ ГАКСТГАУЗЕН

**ИЗСЛЕДОВАНИЯ
НАРОДНОЙ ЖИЗНИ
РОССИИ**

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Серия главных книг самых выдающихся русских этнографов и знатоков народного быта, языка и фольклора, заложивших основы отечественного народоведения. Книги отражают главные вехи в развитии русского образа жизни – понятий, обычаев, труда, быта, жилища, одежды – воплощенного в материальных памятниках, искусстве, праве, языке и фольклоре:

Ярослав Мудрый	Глинка Г.	Орлов А. С.
Нестор Летописец	Громыко М. М.	Пассек В. В.
Владимир Мономах	Даль В. И.	Потебня А. А.
Русская Правда	Державин Н. С.	Пропп В. Я.
Нил Сорский	Драгоманов М. П.	Прыжов И. Г.
Иосиф Волоцкий	Ермолов А. С.	Риттих А. Ф.
Иван Грозный	Ефименко А. Я.	Ровинский Д. А.
Стоглав	Ефименко П. С.	Рыбников П. Н.
Домострой	Забелин И. Е.	Садовников Д. Н.
Соборное Уложение	Забылин М.	Сахаров И. П.
Азадовский М. К.	Зеленин Д. К.	Снегирев И. М.
Аничков Е. В.	Кайсаров А. С.	Срезневский И. И.
Антоновский М. И.	Калачов Н. В.	Сумцов Н. Ф.
Анучин Д. Н.	Калинский И. П.	Терещенко А. В.
Афанасьев А. Н.	Киреевский П. В.	Токарев С. А.
Барсов Е. В.	Коринфский А. А.	Толстой Н. И.
Батюшков П. Н.	Костомаров Н. И.	Фаминцын А. С.
Безсонов П. А.	Кулиш П. А.	Флоринский Т. Д.
Богданович А. Е.	Ламанский В. И.	Худяков И. А.
Бодянский О. М.	Максимов С. В.	Чулков М. Д.
Болотов А. Т.	Максимович М. А.	Шангина И. И.
Будилович А. С.	Мельников П. И.	Шейн П. В.
Бурцев А. Е.	Метлинский А. Л.	Шергин Б. В.
Буслаев Ф. И.	Миллер В. Ф.	Ядринцев Н. М.
Веселовский А. Н.	Миллер О. Ф.	Якушкин Е. И.
Гальковский Н. М.	Надеждин Н. И.	Якушкин П. И.
Гильфердинг А. Ф.	Нидерле Л.	

АВГУСТ ГАКСТГАУЗЕН

ИЗСЛЕДОВАНИЯ
ВНУТРЕННИХ ОТНОШЕНИЙ
НАРОДНОЙ ЖИЗНИ
И В ОСОБЕННОСТИ
СЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ
РОССИИ

ЕВРОПА: От одного берега отстал,
да к другому не пристал.

РОССИЯ: Сиж у моря и жду погоды.
(Две русския поговорки)

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2017

УДК 395
ББК 63.5
Г 14

Август Гакстгаузен

Г 14 Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2017. — 672 с.

Август, барон фон Гакстгаузен (1792–1866), немецкий ученый и путешественник – яркая и неординарная фигура в истории XIX века; хорошо известен как серьезный исследователь аграрных отношений, публицист и политический деятель. В 1843 г. получил разрешение от русского правительства на въезд в Россию с целью изучения русского аграрного строя. Объездив ряд городов и областей и собрав огромное количество разнообразного материала, в 1847 г. выпустил «Этюды о внутренних отношениях народной жизни и в особенности о земельных порядках России». В этом сочинении Гакстгаузен поддержал мнение тех, которые, подобно графу П. Д. Киселёву, стояли за сохранение общинного землевладения, высказал убеждение, что русская крестьянская община (к которой он относился очень сочувственно) явится препятствием к образованию промышленного пролетариата, предостерегая о вреде безземельного освобождения крестьян. Собранными фактами обосновал мысль о том, что для России с её обширной территорией, особенностями экономического развития земледельческих районов страны, был бы нежелателен немедленный переход от крепостного права к вольному найму; уничтожение крепостного права он готов был отложить в долгий ящик. «С истинным участием, – писал автор, – и с чувством личной любви и преданности наблюдал и изучал я состояние и характер страны посещённых мною племён; я воздержался от всякого малодушного высокомерия нашей новейшей цивилизации, которая во всём видит грубое невежество и варварство у племён, не имеющих нашей образованности. Я надеюсь, что мои замечания верны и что я с точностью передал различные черты народного характера и народного быта».

В книге частично сохранена орфография середины XIX века.

ISBN 978-5-4261-0156-2

© Институт русской цивилизации, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Из предисловия Гакстгаузена читатель увидит, по какому случаю автор предпринял своё аграрное путешествие по России, какие местности он объехал, какими средствами пользовался для своих исследований и даже те главные выводы, к которым он пришёл. А потому мне остаётся только сказать о значении этой книги для русского общества и о тех мотивах, которые побудили меня перевести и издать это сочинение.

У нас непомерно мало знаний – до того мало, что большинство так называемых специалистов не знает, даже в сфере своих специальностей, что важно, что не важно, что заслуживает особого изучения, что нет. Но, может быть, всего менее знаем мы об условиях жизни нашего народа. Безспорно, очень трудно знать эти условия в такой обширной стране как Россия, и притом русскому человеку труднее, чем иностранцу, потому что иностранцу, едущему изучать нашу страну, доставляются такие пособия и материалы, о которых мы, русские, не смеем и мечтать. Но, тем не менее, почти каждому из нас приходится бывать и даже жить в разных местностях, иногда подолгу, а между тем что мы знаем о жизни народа в тех местностях? Ничего, или почти ничего. И это частью происходит оттого, что мы не умеем взяться за дело, не знаем, как подойти к вопросу, с чего начать, или, другими словами, сами не знаем, что хотим узнать.

В этом отношении книга Гакстгаузена может служить отличным руководством. Познакомившись с этой книгой, человек не растеряется и получит хорошую на-

учную программу для более точного изучения быта русского народа.

Гакстгаузен не турист, едущий за границу от скуки, чтоб убить время, – нет, он задал себе определённую задачу, составил определённую программу, оттого книга его не «записки путешественника», в которых входит только то, что случайно попадает автору в пути и почему-либо заинтересовывает его, а учёное исследование. Довольно сказать, что Гакстгаузен ездил по России с марта по ноябрь 1843 г., а между тем первые 29 глав своего сочинения издал только в 1847, а остальные – в 1852 г., употребив, следовательно, от 4 до 9 лет на изучение России по документам и книгам.

Можно не соглашаться со многими политическими и религиозными убеждениями Гакстгаузена – в политике он крайний монархист, а в религии ультракатолик – но нельзя не относиться с глубоким уважением к его серьёзному, добросовестному и честному труду. Собственно, специальность Гакстгаузена – сельское хозяйство; в этом деле он настоящий знаток и рассматривает русское сельское хозяйство не только с точки зрения выгодности отдельного частного хозяйства, но и в интересах государственной экономики. Поэтому он обстоятельно изучает русскую общину, разбирает экономические выгоды или невыгоды общинного владения землёй и в этом отношении особенно даёт драгоценнейшие факты из русской народной жизни. Некоторые стороны этой жизни рассмотрены в этом сочинении со всею полнотой, но нет почти ни одной стороны, которой бы Гакстгаузен не касался более или менее.

Прежде чем высказать свой взгляд на какое-либо явление, Гакстгаузен предпосылает ему множество фактов и не подтасовывает их, а ставит все сподряд, как они представлялись ему во время путешествия. Это имеет ту выгоду, что суждение его не стесняет читателя и даёт последнему полную возможность отнестись кри-

тически к суждению автора. Наконец, нужно сказать, что Гакстгаузен изследует русскую народную жизнь с замечательною добросовестностью и безпристрастием, даже, можно сказать, с любовью, и это даёт особый вес и значение всему сочинению.

Многие, может быть, узнавши, что эта книга вышла около 20 лет тому назад, до реформ нынешняго царствования, подумают, что она устарела и не может заключать в себе интересных современных данных. Но, во-первых, Гакстгаузен главным образом касается таких сторон русскаго народа, которыя никакими реформами не могут быть изменены в какия-нибудь 20 лет и которыя, в большинстве случаев, идут через всю историю народа, составляя его физиономию, его отличие от других народов; во-вторых, если б даже всё, написанное в этой книге, не существовало более фактически, благодаря быстротекущей жизни, то все же нельзя предположить, чтобы вся нация моментально совершенно переродилась, чтобы эта жизнь утекла в 20 лет так далеко, чтобы могли разорваться все связи ея со столь недавно прошедшим; наконец, в-третьих, нужно сказать, что все реформы текущаго десятилетия имеют самое ничтожное значение для настоящаго нашей жизни, по крайней мере в стороне экономической, и, во всяком случае, не могут в короткое время значительно изменить весь строй народной жизни. И в самом деле, освобождение крестьян имеет для настоящей минуты почти исключительно одно моральное значение, не сделавши серьёзных изменений в экономическом быте. Безспорно, великое дело – не чувствовать себя в полной и неограниченной зависимости от личнаго произвола своего соседа, имевшаго возможность каждую минуту вторгаться в мою экономическую и нравственную жизнь, и равно великое дело, с другой стороны, потерять возможность распоряжаться чужою жизнью – и то и другое в общих чертах достигнуто, но с экономической стороны положение помещиков

большую часть ухудшилось, положение же крестьян в общем итоге вряд ли стало лучше, а в некоторых местностях положительно стало хуже.

Земство есть по преимуществу учреждение воспитательное, и потому все значение его в будущем, а в тех рамках, в какия земство поставлено теперь, воспитание народа пойдёт медленно.

Судебная реформа менее всего может оказать значительное влияние на современный строй русской народной жизни, потому что мало одного суда, хотя бы правого, скорого и милостивого, для укрепления в народе сознания своих прав, тем более что наш народ руководствуется в жизни своими особыми обычаями, не вошедшими в кодекс, и не любит обращаться к суду, не только потому, что опытом дознался в недобросовестности прежних судебных инстанций, но и потому, что суд может разсудить его только по кодексу, а народ его не знает и считает несправедливым. В Москве новые суды открыты уже почти пять лет, а нынешним летом в 25 верстах от Москвы я видел крестьянина, собиравшего в деревне деньги в пользу своего отца, сидящего в московской тюрьме.

Вот самая важная и самая обширная реформа текущаго десятилетия – в чём же могли они изменить общий склад народной жизни?

Гораздо важнейшее изменение в народном благосостоянии и культуре произведут железныя дороги. Гакстаузен говорит, что при высоте заработной платы в России вследствие искусственно вызванной фабричной деятельности и при ничтожной ценности земледельческих продуктов вследствие отсутствия хороших путей сообщения, сельское хозяйство в России находится в упадке и что оно даже в этом виде только может существовать при даровом крепостном труде. Поэтому он говорит, что отмена крепостного права без предварительнаго проведения хороших путей сообщения может совсем погубить земле-

деле. Мы это видели на опыте. С отменой крепостного права большая часть помещичьих хозяйств совсем оставилась, и могли продолжать, хотя значительно уменьшенное хозяйство, только те помещики, которые не отпустили своих крестьян на выкуп и сохранили обязательные отношения работой. Крестьянское хозяйство стоит совсем в иных условиях, в большинстве мест оно убыточно и ведётся частью по привычке, частью потому, что может случиться и урожай, который окупит работу, а частью и потому, что хорошо менять работу менее выгодную на более выгодную, но для этого нужно, чтобы на всех хватило этой более выгодной работы, а когда её нет, то приходится работать, что можно.

Общество и правительство скоро увидели, что без улучшенных путей сообщения дело не может продолжаться далее – отсюда эта масса железных дорог выстроенных, строящихся и проектированных, которых чуть не со сказочной быстротой проводятся по стране во всех направлениях; особенно важны в этом отношении не длинные пути, соединяющие друг с другом несколько крупных центров, имеющие часто больше стратегического, чем экономического значения, а короткая дороги, так называемая питательная ветви, идущая от средних пунктов к большим центрам или к удобным путям сообщения.

Но, несмотря на 7000 вёрст построенных и 4000 вёрст строящихся дорог, этого всё-таки слишком мало, и притом дороги проведены так недавно, что существенного изменения в общем они произвести также не могли.

Из этого читатель увидит, что подозрение в отсталости книги Гакстгаузена, в общем, едва ли основательно.

Это сочинение Гакстгаузена вышло на немецком в трёх томах; первые два тома, заключающие в себе 29 глав, изданы в 1847, а третий том – в 1852 году. В русское

издание не вошла II глава, составленная Козегартеном, по ея безинтересности, затем в VI главе **выпущен трактат** Гакстгаузена о сен-симонизме и социализме по его туманности и односторонности, наконец, в это издание не взойдёт бóльшая часть третьяго тома, озаглавленная у автора: «Военныя силы России», потому что этот отдел значительно устарел и не представляет интереса для большинства нашей публики.

Таким образом, вследствие этих выпусков, а равно и иного формата бумаги, на целую треть бóльшаго против немецкаго, русское издание будет состоять из двух томов*.

Часть политипажей, изображающих избы и резныя украшения их, также не вошли в это издание.

---

* В русском переводе книга вышла лишь в предлагаемом вниманию читателей объеме, как следствие реакции властей на критику автором крепостного права и несовершенства русской экономики. Однако предложения по развитию экономики и социально-политических институтов, высказанные Гакстгаузеном в 40-е гг. XIX века, позволили ему в александровское время сотрудничать с русскими общественными деятелями по обсуждению проекта реформ. (Прим. ред.)

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Автор этого сочинения уже давно посвятил себя изучению поземельного устройства в полном его объёме во всем, что касается до состояния земледельцев, до устройства общин, до отношения земледельцев к семье, к господину (где ещё существует зависимость от него), к общине и к государству. Он старался изучать жизнь так называемых низших сословий личным и непосредственным наблюдением. Впоследствии Прусское правительство поручило ему основательное исследование народных отношений во всех провинциях прусской монархии на самом месте и представить подробное изложение и историческое развитие их. Собранные им материалы должны были послужить необходимым основанием и пособием для будущего законодательства. С этою целью от 1830 до 1838 года автор изъездил во всех направлениях все прусския провинции и большую часть соседних стран.

Во время путешествия и потом, сравнивая собранные материалы, он встретил при разьяснении исторического развития некоторых частных сельских учреждений во всех западных местностях Германии загадочныя отношения, не вытекавшия из основ чисто германской народной жизни. Так как в этих, хотя первобытных германских странах жили от VI до XII столетия славянския племена, впоследствии мало-помалу истреблённыя или огерманизованныя, то автор скоро пришёл к тому заключению, что эти загадочныя отношения должны корениться в основах славянской народной жизни и в древнейших славянских учреждениях.

Таким образом, для его исторических исследований явилась необходимость в более обширном изучении народной жизни и сельских учреждений славян. Автор никогда не мог вполне изучить и выработать себе совершенно яснаго представления об учреждениях какого-либо народа из документов и книг, но всегда должен был для этого непосредственно своими глазами наблюдать народную жизнь, причём позднейшее ознакомление с книгами способствовало только облегчению его понимания, но не могло бы его дать наперёд. Поэтому он возымел сильнейшее желание посетить и изучить те коренныя славянския земли, которые постоянно и до сих пор заселены славянскими народами, развивавшими сельския учреждения в первобытной чистоте без посторонней примеси.

Первобытныя славянския поземельныя отношения в прусских провинциях, до сих пор обитаемых славянскими племенами – кашубами, мазурами, верхнесилезцами и даже поляками, – не сохранились в своей чистоте и приняли в своём развитии некоторое отклонение. В эти учреждения столько проникло германских элементов, что в отдельных случаях часто невозможно доискиваться, что в них германскаго и что славянскаго. Это должно было вызвать в авторе желание посетить, изъездить и исследовать те именно страны, в которых коренные славянские элементы поземельнаго устройства могли развиваться чистыми, без посторонних влияний. А это могло только быть в южных провинциях Австрии, в Сербии, Болгарии и преимущественно в России.

Но такое исследование представляло много трудностей, и безспорно, оно могло быть предпринято при особом покровительстве и содействии правительств тех стран.

Со стороны русскаго правительства автор встретил величайшую готовность к содействию его учёным исследованиям. Император Николай приказал не только всем властям оказывать ему полное покровительство, но и сообщать ему документы из архивов и присутственных мест.

Доставши в Петербурге всё необходимое и приготовившись совсем к этому важному путешествию, автор выехал в путь из Москвы весною 1843 г. Прежде всего он отправился на север, осмотрел часть обширной лесной области; затем повернул к Волге, проехал на восток до Казани, потом на юг до Саратова, повернул в чернозёмную местность – в Пензенскую, Тамбовскую, Воронежскую, Харьковскую губернии; далее чрез Екатеринослав проехал в степные пространства до Керчи в Крыму; из Керчи предпринял небольшое путешествие в южнокавказския земли, объехал Крым и берегом достиг Одессы. Из Одессы он отправился в Подолию и Волынию, доехал до Киева и через Чернигов, Орёл и Тулу вернулся в ноябре месяце в Москву*.

Изданная теперь книга заключает в себе только часть собранных им наблюдений и материалов по России.

При этих изследованиях нужно иметь в виду тот принцип, что сельския учреждения, как в отношении к владению землёй, так и в отношении к правам лиц, зиждутся на основах, особенных у каждого народа. Только совершенно ознакомившись с последними, можно верно понять первые. Если в каждом народе, даже племени, встречаются в этом отношении свои особенности, то те же особенности, но в ещё большем размере, выступают у двух обширных народных семейств – у народов германских и романских, хотя они имеют и много схожаго, и даже общаго. Оба народа несколько сгладили свои особенности и приравнялись друг другу благодаря тысячелетнему сближению нравов, языков, интересов всей жизни, общности церкви и распространению в них римскаго права.

Это сближение народов выразилось и в их языках, которых слова и соответствующия им понятия имеют совершенно одно и то же значение. На каждом из этих языков могут

---

* См. предыдущее примечание. (Прим. ред.)

быть описаны вышепомянутыя отношения не только своего, но и другаго народа, и притом так точно, что книга будет вполне понятна как учёным, так и публике того народа.

Если, например, разбирать понятие слов: *Gemeinde*, *commune*, **common** (община) или **pächter**, **fermier**, **farmer** (арендатор), то оно выражает на всех трёх языках в существенном одне и те же отношения, которыя, будучи выражены на одном языке, будут совершенно правильно поняты другим народом.

Не так у славянских народов. Немецкие нравы, обычаи и понятия влияли несколько столетий на Польшу и Богемию. Ими усвоены германския и римския понятия о правах в отношениях людских; уже несколько столетий, как законодательство их получило тот же характер, что у германских и романских народов; поэтому в этих странах первобытныя славянския учреждения значительно изменились и настолько сблизились с учреждениями германских и романских народов, что польския и богемския книги, излагающия их учреждения, могут быть переведены на германские и романские языки и будут вполне понятны этим народам; а с другой стороны, немец может описывать на своём языке польския и богемския учреждения, и, переведённые на польский язык, они будут совершенно понятны полякам. Городское устройство немецкаго, французскаго или польскаго города может быть одинаково хорошо изложено на любом из этих языков, потому что на развитие польских городов всего более влияло германское и римское право.

Совсем не то с теми славянскими народами, которые, как Сербия, Босния, Болгария, совсем ещё не коснулись цивилизации европейских народов, или как Россия, которая только в последнее время стала сблизаться с Европой. Европейская цивилизация усвоена только высшими классами России, но не проникла в нижние слои, а потому отнюдь не могла существенно изменить ея сельских учреждений.

Первобытный принцип и развитие поземельных отношений у этих славянских народов, не тронутых новой

европейской культурой, так глубоко различны от тех же отношений у остальных народов, что в европейских языках часто не достаёт слов для полного, ясного и верного выражения этих отношений, и нам приходится прибегать к длинным описаниям. Понятие, заключающееся, например, в слове *Gemeinde*, *commune*, так определённо и так одинаково во всех европейских языках, что слова эти можно употребить на любом европейском языке, без опасения быть непонятым. Но как отличается старославянская или русская община от европейского понимания этого слова! Европейская община представляет искусственное собрание людей, предписанное сверху, – людей, случайно живущих вместе и совместная жизнь которых подчинена установленным правилам. В России община есть семейный организм; в первобытные времена она составляла обширную патриархальную семью, да и теперь ещё, по крайней мере, отвлечённо она представляет одну семью, связанную общею собственностью, со старшиною во главе.

Относительно Сербии, Болгарии и т. д. давно уже все сознали, что изучать их можно только личным, непосредственным наблюдением, а не из европейских книжек о них. Труды Ранке о Сербии (насколько нам известно, никогда не бывшего в Сербии) и Киприяна Роберта о славянах вообще отлично подтверждают мои слова.

Этого нельзя сказать относительно русского народа. Россия давно уже слилась в одно государство; она давно уже получила государственное учреждение из Константинополя, и притом при германском (варяжском) содействии. С XVI столетия, после свержения монгольского ига, она значительно сблизилась с Западной Европой. В последние 140 лет в России сильно распространилась новейшая цивилизация. Высшие классы получают западноевропейское воспитание и образование; все государственные учреждения заимствованы с Запада. Законодательство приняло не только характер, но и форму европейских за-

конодательств; но всё это отразилось только на высших классах. Западная цивилизация не проникла в нижние слои русского народа, в его нравы и обычаи; его семейная и общинная жизнь, его земледелие и главным образом способ поземельного владения сохранились вне всякого влияния иноземной культуры, законодательства и почти вне правительственного вмешательства.

Но благодаря различию в образовании верхних и нижних слоёв русского народа, образованное сословие утратило всякое понимание сельских народных учреждений. Воспитанное на европейских нравах, изучившее иноземные законодательства и учреждения, оно смотрело чужими глазами на учреждения своего народа и, насколько могло влиять на законодательство, старалось изменить их по европейскому образцу. Только в последнее время начинает развиваться в России, как и в остальных странах Европы, более национальный взгляд. Русские учёные начинают основательно изучать народный быт*, и потому теперь в этом отношении существует некоторый поворот. Но развитие этого направления встречает повсюду препятствие со стороны укоренившегося иноземного образования и сложившагося языка верхних слоёв, придавшего русским словам, выражающим народные учреждения, некоторый оттенок европейских понятий.

Если я утверждаю, что даже коренные русские образованные люди утратили верное понимание первобытных народных учреждений или ещё не вернулись к этому пониманию**; если я говорю, что русский язык не выработался

---

* Первый толчок к этому направлению дан немецкими учёными: Шлёцер, Мюллер, Эверс, Георги, Шторх и, всего более в последнее время, Реуц были воспитателями молодых русских учёных и вдохнули в них любовь к изучению народных учреждений.

** Замечательный пример этому представлял недавно умерший Александр Тургенев. С обширным европейским космополитическим образованием, с глубокою и страстною любовью к родине, с основательным знанием истории своей страны, он остался чужд пониманию народной жизни.

для яснаго выражения русскаго народнаго быта, что русская литература, рисовавшая народ по Вальтер Скотту и Ирвингу, только теперь начинает знакомиться с жизнью народа, его семейными отношениями и обычаями, то все это только в ещё высшей степени должно быть сказано об иностранцах, писавших о России.

Всякий едущий в Россию с целью основательнаго изучения русскаго народнаго быта должен, прежде всего, постараться забыть всё, что он читал о нём в Европе.

Автор этого сочинения пробыл в России с небольшим год и потому не хочет выдавать себя за человека, изучившего русский народный быт во всей его полноте. Но он может чистосердечно сознаться, что он приступил к своему труду без предубеждений, что он относился к нему с любовью, потому что он издавна привык относиться с глубочайшим благоговением и любовью ко всякой свежей, простой, неизвращённой жизни. Более чем двадцатилетнее исследование и путешествие изошрили до известной степени его наблюдательность, и потому он надеется дать в этой книге не только нечто новое и совершенно неизвестное, но и нечто вызывающее на размышление и изучение; он берёт на себя смелость думать, что указал новый путь для изучения русскаго народа. Он никоим образом не думает, что его книга представляет полное, всестороннее, во всех своих частях безошибочное изучение предмета. Книга эта представляет и з с л е д о в а н и я, а не критическую работу, а потому автор не хочет брать на себя ответственности за некоторыя отдельные погрешности; но он думает, что достаточно прочно установил тот принцип, который должен служить путеводною нитью для всякаго, желающаго изучить общественное состояние России, равно как и для правительства, которое пожелало бы развивать народную жизнь на действительно народных началах, а не предписывать формальныя улучшения на бумаге. Пусть просвещённые и образованные

люди проверят результаты, к которым пришёл автор (он особенно желал бы этого со стороны русского правительства); пусть они соглашаются с ними или оспаривают их — он желает только одного, чтобы книга его способствовала улучшению жизни русского народа.

Чтобы несколько пояснить вышесказанное, я изложу вкратце в этом предисловии некоторые выводы моих наблюдений и исследований.

Тогда как все страны Западной Европы должны быть по их историческому развитию причислены к феодальным государствам, Россия должна быть названа патриархальным государством.

Это обстоятельство вызывает неисчислимыя последствия и разъясняет существенныя стороны государственнаго и социального состоянія России.

Русская семья есть микрокосм русского государства. В русской семье господствует полное равенство прав; но, пока она не разделена, она подчинена отцу, а после его смерти — старшему брату, который один распоряжается неограниченно всем имуществом и даёт каждому члену семьи столько, сколько найдёт нужным. Та же семья, только в больших размерах, есть русская община. Вся земля принадлежит семье или общине. Отдельный член ея имеет только право пользования землёю и притом так, что каждый вновь родившийся член общины получает равныя права со всеми остальными членами.

Поэтому вся земля делится равномерно между всеми живыми членами общины для временнаго пользования ею, и дети не наследуют участка отца. Сыновья требуют себе участка земли (равнаго участкам других членов) не в силу права наследства, а в силу личных прав, как члены общины. Община также имеет своего отвлечённаго отца в старшине, которому она, безусловно, повинуетя.

По традиционному народному воззрению, Россия представляет одну большую семью с царём во главе, которому одному вручена власть надо всем и которому все, безусловно, повинуются. Ограничение царской власти совершенно немыслимо для русского народа. «Чем может быть ограничен отец, кроме божеских законов?» – говорит ещё до сих пор простой народ, так же как говорил при избрании Романовых 230 лет тому назад. Все тогдашние и позднейшие попытки ограничить царскую власть были безуспешны, потому что не согласовались с политической верой народа. Поэтому в отношении к простому народу русский царь занимает такое положение, какого не занимает ни один другой монарх, но положение его как императора русского государства ничем не разнится от положения других государей.

Так как каждый русский крестьянин принадлежит к какой-нибудь общине и как член общины имеет равномерный участок земли, то в России нет пролетариата.

Во всех государствах Западной Европы существуют предвестники социальной революции против богатства и собственности. Ея лозунг – уничтожение наследства и провозглашение прав каждого на равный участок земли. В России такая революция невозможна, так как эти мечты европейских революционеров имеют уже своё реальное осуществление в русской народной жизни.

Европейский либерализм стремится сгладить органическое различие между городом и деревней, повсюду уничтожить средневековые учреждения гильдий, цехов и установить полную свободу производства. Такое общественное устройство существует в России с первобытных времён. Но именно оно затрудняло внутреннее развитие народа, и правительство выдавало привилегии городам, основывало гильдии и цехи и теперь ещё, хотя с ничтожным успехом, старается образовать буржуазное сословие.

Дворянство до Петра I было относительно очень многочисленно; может быть, дворянский элемент вообще

противен духу славянских народов. Во все исторические эпохи дворянство получало какое-нибудь значение только благодаря князьям, а не положению, занимаемому им в народе. Пётр I стал раздавать дворянство за выслугу и тем совсем почти оттеснил на задний план родовое дворянство*. Путь к дворянству открыт всем, и каждый крестьянин может при известных условиях выслужиться в личные, а впоследствии и в потомственные дворяне. Но в действительности это не ведёт ни к чему хорошему, и не подлежит никакому сомнению потребность для России в образованном сельском дворянстве.

Последнее время Россия сделала необыкновенные успехи в фабричной деятельности. Большая часть дворян обратилась в фабрикантов и заводчиков. Москва, средоточие русской промышленности, превратилась из дворянского города в фабричный. Очень сомнительно, чтоб это имело благотворные результаты.

Частью в связи с этим заработная плата в России непомерно возросла; сравнительно со всеми остальными условиями она нигде так не высока, как в России. Цены на сырые земледельческие продукты стоят чрезвычайно низко внутри России в губерниях, отдалённых от европейских хлебных рынков и лишённых хороших путей сообщения.

Ясно, что при высоте заработной платы все земледельческие работы обходятся очень дорого, так что сельское хозяйство составляет промышленность наименее вознаграждающую. И в самом деле, если обрабатывать землю наймом, то выгоды никакой не будет. Вследствие этого, земледелие в России во всех своих отраслях идёт вяло и небрежно и не только не улучшается, но даже ухудшается. Оно ещё более ухудшилось бы, если бы не поддержива-

---

* Во всех других государствах, даже в конституционных, дворянское достоинство раздавалось по милости и произволу князей. В отократической России не император по своему произволу возводит в дворянское сословие, но выслуга и закон. И при всём том, нигде не существует худшего дворянства как русское, чиновничье.

лось ещё барщинным хозяйством, крепостными людьми. Поэтому фабричная деятельность составляет одно из могущественнейших препятствий для освобождения крестьян, которое становится, однако, мало-помалу существенною необходимостью во всей России.

С первобытных времён во многих губерниях России существуют ремесленные производства, которые, опираясь на русскую общину, образуют нечто вроде фабричных артелей. Они, в действительности, представляют то, что сенсимонистские теории выставляли за образец для Европы. Правительство из пристрастия к новым фабрикам слишком мало обращало до сих пор внимания на эти народныя ремесленные артели.

России предстоит в ея внутреннем развитии большая будущность. Ея государственное единство составляет естественную необходимость. Все земельное пространство ея разделено самою природою на 4 колоссальныя части, из которых ни одна не представляет условий для полной самостоятельности, а все вместе образуют могущественное и независимое государство. Весь север покрыт лесами и, между прочим, одним непрерывным лесом, занимающим пространство большее, чем вся Испания. Затем идёт полоса земли слабой или средней производительности, от Урала до Смоленска, заключающая в себе 18 000 кв. миль с 16 миллионами населения; все это население занято обширнейшею и разнообразнейшею промышленною деятельностью, но оно не может существовать без примыкающих к нему с севера лесов, а с юга безконечно плодоноснаго чернозёма. На юг от нея лежит чернозёмная полоса, равная которой по плодovitости и обширности едва ли есть на земном шаре: она вдвое более всей Франции. Тут сеют пшеницу сотню лет на той же земле одну за другой без удобрения. Почти на всём пространстве земля эта не удобряется, а в некоторых местах даже не пашется, а только раздирается слегка перед посевом. За отсутствием лесов, солома и навоз идут на отопление.

К югу и югу-востоку начинаются необозримые степи, большею частью плодоносные и теперь постепенно все более и более разрабатываемые колонистами, поселяющимися в отдельных пунктах в виде оазисов; за исключением этих пунктов, по всем степям кочуют номады. Как скоро удастся в этих землях, прилегающих к Чёрному морю, развести леса и как скоро население достаточно возрастет, то вся эта местность станет одной из самых цветущих стран Европы.

Обширная Россия, не уступающая в величине всей остальной Европе, лежащая между четырёх морей, заселена совершенно однородным, здоровым и сильным народом.

Русские разделяются на два племени – на великороссов и малороссов, но языки их менее отличаются друг от друга, чем нижнегерманский от верхнегерманского языка. Тридцать четыре миллиона великороссов образуют самую многочисленную и самую однородную народную массу в Европе. В русском народе нет никаких задатков к распадению, сепаратизму, напротив, в нём развито общее чувство единства народа и Церкви, как ни в каком другом. Только в малороссах, богаче одарённых умственными силами, заметно лёгкое стремление к отделению и некоторое нерасположение к великороссам, но и те крепко держатся единства русской державы. Верхние слои этого народа в течение столетия получили европейское образование, но не национальное, не вытекающее из развития своего народа. По отношению к образованию в России находятся как бы два различных народа. Но в настоящее время и низшие классы при непомерном развитии промышленности получили также большое стремление к интеллектуальному развитию, и величайшей задачей правительства будет дать правильное направление этому стремлению и потребности. Этим направлением может только руководить духовенство, но оно само нуждается предварительно в более практическом образовании.

Упомянув о государственном единстве и нераздельности России как о естественной необходимости, я должен, с другой стороны, сказать, что она не может и не должна быть страной завоевательной. Россия была и должна была быть государством завоевательным, пока она не достигла внутреннего объединения, независимости и не заняла внешнего почётного положения. Без приобретения берегов Балтийского и Чёрного морей она никогда не могла стать сплочённым и политически сильным государством. Но теперь всякое дальнейшее завоевание становится для неё скорее бременем, чем приращением могущества. Для неё было бы лучше отказаться от всех обременительных завоеваний. Всякая новая деревня, которую приобретёт Россия путём завоевания, составит только увеличение бремени и ослабление её внутреннего могущества. России ещё остаётся более чем на столетие работы со своим внутренним устройством. Какая ей польза лишней миллион неверных подданных в завоёванной стране, которую нужно охранять многочисленной армией, тогда как, занявшись внутренним устройством, она в немного лет может приобрести лишней десять миллионов верных граждан одной с ней национальности и религии?

ГЛАВА I

Отъезд из Берлина в Петербург. — Разница в температуре. — Вскрытие Невы. — Страстная неделя и заутреня в Почтамтской церкви. — Русское церковное пение. — Пасхальное «Христос Воскресе». — Большой парад перед Зимним дворцом. — Отъезд из Петербурга. — Лисинский лесной институт и Петербургская лесная Академия. — Новгород. — Вышний Волочок. — Торжок и тамошняя кожевенная изделия. — Тверь. — Крестьянская община. — Положение и постройка деревень. — «Ижорские». — Русский крестьянский двор. — Изгороди. — Народная одежда. — Нравы

Я выехал из Берлина в первых числах марта 1843 г. В Берлине стояла уже совсем весна, хотя от Кёсслина (я ехал через Померанию) на высоких местах земля ещё была покрыта тонким слоем снега, а в низменностях грязь сменялась ночными заморозками. Такая температура стояла вдоль морского берега от Данцига на Кёнигсберг, Литву, Курляндию до Риги. Здесь на Двине был ещё лёд, но такой рыхлый, что переходить по нём было небезопасно. За Ригой опять начиналась полная зима, снег был так глубок, что за Дерптом мне пришлось поставить свою карету на полозья. За несколько станций до Петербурга снег внезапно исчез, так что мы должны были опять поставить экипаж на колёса и бросить полозья. Такое явление должно повторяться здесь нередко при сравнительно высокой температуре, свойственной этой ограниченной полосе земли.

В Петербурге ещё ездили на санях, морозы доходили до 8 и 14°, зима продержалась до половины апреля.

Я опускаю описание моего пребывания в Петербурге, так как под конец моего путешествия я прожил в нём дольше, и расскажу о нём тогда за один раз. Теперь почти всё моё время было употреблено на то, чтобы сделать некоторыя нужныя знакомства, добыть нужныя официальные письма, собрать необходимыя справки и сколько-нибудь освоиться с русскою народною жизнью. Я могу, впрочем, сообщить здесь несколько о последних днях этого моего пребывания в Петербурге.

Весенняя погода наступила в половине апреля. Я жил до тех пор на Васильевском острове, на правом берегу Невы. Однажды рано утром мне пришли сказать, что на Неве начинает ломать лёд и что в несколько часов понтонные мосты будут снесены, а потому если я тотчас же не переправлюсь на другую сторону, то на несколько дней буду отрезан от Петербурга. Я быстро переправился на другой берег. Вскоре снег на улицах исчез, сани заменились дрожками, в большем против них числе, что необходимее, чем когда-либо, потому что на всех улицах образовалось сплошное болото, сделавшее почти невозможным пешеходное сообщение. Мостовыя в Петербурге необыкновенно дурны, и все распоряжения правительства не привели ни к чему, хотя в различных местах делались опыты всех способов мощения. Самая почва и климат, конечно, представляют много затруднений, но при виде того, как отвратительно мостят рабочие на некоторых уже осушённых местах, становится непонятным, как можно только терпеть такую работу.

В субботу вечером перед Пасхой члены каждой русской семьи сходятся, чтобы в полночь всем вместе отправиться в церковь. Я присоединился к одной русской семье по ея приглашению. Около половины двенадцатаго вышли мы из дому. Все улицы были ярко освещены способом, который я только видел в Петербурге и в Москве, именно, кроме обычных фонарей, вдоль тротуаров по обеим сто-

ронам улиц, через каждые 4–5 шагов, стояли площадки с зажжённым салом и скипидаром, что придавало предметам совсем особенное, какое-то магическое освещение. Народ двигался по улицам, направляясь к различным церквям. Мы поместились в Почтамтской церкви на хорах, так что нам видно было все, что делалось в самой церкви. Мало-помалу она наполнялась народом, каждый держал в руке по незажжённой восковой свече; но всё ещё было тихо и темно, только посередине, у гроба Христа, горело несколько свеч. В три четверти двенадцатаго пришёл один духовный, потом несколько ещё, началось величественное простое пение с часто повторяемым в хоре: «Господи помилуй!». Это простое, чистое пение нескольких сильных мужских голосов, без всякаго аккомпанемента, исходя из единственного освещённого места в тёмной церкви, в самом деле глубоко потрясает! Священники служат около плащаницы, наконец, её уносят вправо в алтарь. Гром пушечных выстрелов возвещает полночь, начало новаго великаго дня. Хор певчих громким и радостным голосом восклицает: «Христос воскресе!», царские двери отворяются, влево от них одна из ближе стоящих женщин зажигает свою свечку от свечи священника. От нея зажигают свои свечи соседи, свет распространяется по церкви во всех направлениях, как блуждающие огоньки, и скоро вся церковь освещается тысячами огней*. Теперь начинается праздничная обедня с пением певчих поистине торжественным. Музыка в западно-католической церкви, именно в Италии, ужасно опошлена; пение мужчин и женщин в изысканных нарядах под инструментальный аккомпанемент с трелями и руладами, к тому же самый характер музыкальных сочинений, даже лучших, например, большей

---

* Мне говорили, что и в Великий Четверг русские также стоят в церкви со свечами. Во время чтения Евангелия близстоящий зажигает свою свечку от свечи священника, читающаго Евангелие, передаёт своему соседу, таким образом свет скоро распространяется по всей церкви, причем по окончании службы каждый уносит эту свечку (свет Евангелия) к себе домой!

части пиес Бетховена и Моцарта, производят такое впечатление, как будто слушаешь серьёзную оперу. Строгие папы уже не раз, хотя безуспешно, возставали против этого. Вряд ли выйдет в этом отношении какое-нибудь улучшение до тех пор, пока папы вовсе не воспретят в церквах инструментальную музыку. Даже орган должен только слегка аккомпанировать пению прихожан, но не пению пастора или хора. В протестантской церкви церковная музыка составлена удивительно хорошо, например, хорал Себастьяна Баха признан за образцовое произведение искусства. Но вообще музыка протестантской церкви не вызывает в слушателях никакого чувства; что касается меня, я полагаю, что русское церковное пение может вызвать сильное и глубокое религиозное чувство, а в этом и заключается вся задача церковной музыки.

Русское церковное пение в его теперешнем виде не очень древняго происхождения. Во всей восточно-кафолической церкви, точно так же и в России, прежде и ещё в настоящее время у староверов, которые берегут с величайшею ревностью все старья формы до незначительнейших мелочей, церковное пение совсем иное. Оно сплошь в унисон, а при произношении господствующие тоны носовые, как на всём востоке, даже у магометан, — так что общее производит очень неприятное впечатление, но мелодии в большинстве случаев очень хороши.

Изменение в русском церковном пении сделано при Екатерине II. Старья мелодии были переложены на хоры, Екатерина послала в Рим собрать древнейшие христианские напевы, которые более всего сохранились в Сикстинской капелле, и таким образом было тогда сформировано и введено теперешнее пение. К нему присоединялись иногда и новья композиции, именно одного русскаго композитора Бортнянскаго. Повсеместно были открыты школы для обучения духовенства в новом пении, и в какия-нибудь 50–60 лет этот новый напев распространился на террито-

рии всего огромного царства, так что я часто слышал его в простых бедных деревенских церквах, – а это указывает на большие музыкальные способности русского народа, а равно и на строгую дисциплину в нём.

После этого небольшого отступления я возвращаюсь к моему рассказу.

Служба шла своим чередом, как вдруг в этой толкотне загорелся и ярко вспыхнул верхний платок на одной горничной. Это была минута, которую я не скоро забуду. Крик ужаса и отчаяния вырвался из тысячи грудей, необыкновенное волнение овладело публикой, все стремительно бросились к выходным дверям! Священники заперли тотчас же за собой все двери в алтаре; к счастью, опасность была кратковременна, огонь быстро погасили, хотя дело не обошлось без обжогов. Но самой серьёзной опасности подвергалась публика, занимавшая хоры; очень многочисленная, она состояла почти исключительно из дам высших классов, а единственным выходом для нея служила одна узенькая лестница. Распространись огонь, и мы все погибли бы без всякого спасения. Многие дамы упали в обморок, и, между прочим, рядом со мной молоденькая княжна Л. Через 10 минут, однако, по миновании опасности всё успокоилось, и служба продолжалась благополучно до конца. При выходе на улицу на всех лицах заметно было торжество. Все встречающиеся поздравляли друг друга, обнимались и целовались с радостным «Христос воскрес» и с ответом «воистину воскрес». Было около трёх часов ночи, их дома отперты, каждый на ногах, все ходят друг к другу, все встречают дружеским пасхальным поцелуем и ведут к столам, нагруженным всевозможными вкусными и красивыми снадобьями, и, прежде всего, предлагают освящённой пасхи и кулича. Я встретился с одним приятелем, генералом М., перед самым его домом; его прислуга вышла поздравить его в сени, и он безо всякого различия обнимал и целовал каждого. Затем вышла к нам навстречу и семья

его с объятиями и поцелуями – как будто после долгой разлуки все встречаются со старыми друзьями.

Только с началом дня каждый искал покоя. В 11 часов я пошёл посмотреть на большой парад. Благодаря содействию приятелей, я занял удобное место под порталом Зимнего дворца, так что оттуда мог видеть всё. Погода была отличная, необозримыми рядами стояли роскошные войска. Прежде других явился в. к. Михаил, галопируя перед войсками. Он был встречен громким ура. Через несколько времени вышел из дворца царь и пошёл пешком к войскам, неимоверно радостный крик приветствовал его. Он был в платье донских казаков, в которых лучше выказывается его антично-прекрасное сложение, нежели в новых мундирах. Он остановился посредине перед войсками, ото всех полков выступило по несколько человек солдат и окружило его. Он подходил к каждому из них поодиночке, христосовался с ним, обнимал и целовал. Это была особенная, величественная минута. Ежегодно в тот же день с отдалённой древности возобновляется торжество в воспоминание воскресения Христа, весь народ проникается сознанием равенства перед Ним, все, и великие и малые мира сего, обнимаются как братья, и даже властелин полмира, светская глава своей Церкви, целует последнего из своего народа и тем свидетельствует об одинаковости их веры, любви и надежды.

Окончив приготовления к дороге, мы выехали 27 апреля ст. ст. (9 мая) вместе с доктором К., гг. А. В. С. и князем П. Л., в двух экипажах. Мы купили так называемые тарантасы*, очень удобный четырёхместный экипаж, устроен-

---

* Не следует тарантаса смешивать с телегой. Тарантас – экипаж татарский, и до сих пор лучшие из них делаются в Казани; телега же коренного русского происхождения. Она похожа на лодку, укрепленную на короткий четырёхколёсный став, и по виду красивее наших крестьянских фур. Никто, конечно, не претендует на удобство езды в ней – нужно быть достаточно ловким, чтобы не вывалиться. Ежедневная прогулка в телеге была бы бесполезна от ипохондрии. На русских почтовых станциях не держат других экипажей.

ный таким образом, что обыкновенный колясочный ящик поставлен на 2 дубовыя дрожины около 10–12 футов длиною и 4-х дюймов толщиной; тарантасы эти очень покойны и приятнее рессорных. Я решился весь путь от Петербурга до Москвы ехать день и ночь, останавливаясь только по несколько часов в более важных городах. Когда мы выехали из Петербурга, стояла отличная погода, но через несколько часов наступило ненастье, перешедшее ночью в сильную снежную метель. Снегу выпало на четверть аршина, и только за 70 вёрст перед Москвой его не стало, и, наконец, в полдень 2 мая при ярком солнечном освещении мы подъехали к заставе старого города московских царей.

Пётр I, хотевший придвинуть насколько возможно свою новую резиденцию к старой столице, приказал англичанину Факперсону провести между Москвою и Петербургом совершенно прямую дорогу. И в самом деле, дорогу провели уже по этой линии почти на 100 вёрст, но так как леса и болота представляли неимоверныя затруднения и к тому же многие значительные города, как Новгород, Торжок, Тверь и пр., не входили в эту линию, то прежний план был изменён и дорога проведена на эти города. Теперь длина этого пути 728 вёрст, тогда как по прямой линии 595 вёрст.

Как только Петербург скрылся из глаз, дорога пошла через леса и болота, что очень надоедливо, особенно в ненастное время. Далее при приближении к Валдайской возвышенности, разграничивающей воды Балтийскаго и Чёрнаго морей, виды становятся красивее, местами даже живописны. Ближе к Москве они имеют характер песчаных местностей.

27 апреля со второй станции от Петербурга мы свернули вправо от шоссе и поехали в Лисино, чтобы осмотреть вновь устроенный там лесной институт. Он составляет дополнение к Петербургской лесной академии. Здесь учатся практически тому, чему теоретически учат в Петербурге. Несколько дней перед тем мы посетили академию. План

преподавания и самое преподавание там хороши и в сущности те же, что и в немецких заведениях этого рода. Воспитание и дисциплина военные по образцу кадетских корпусов, воспитанники носят форму. Строения роскошные как дворцы, полы, например, все паркетные. Во всем царствует строжайший порядок и чистота. Я выразил моё удивление при виде той роскоши, в которой воспитываются молодые люди, и сказал, что это неизбежно должно вызвать в них недовольство предстоящей им жизнью. И в самом деле, здесь они привыкают к роскоши и даже к изнеженности, между тем как впоследствии их ожидает жизнь, по всей вероятности исполненная всяких лишений, быть может, на глубоком севере, в скучном и однообразном лесу, отрезанном от всех удобств, доставляемых современной цивилизацией. Мне отвечали, что нельзя судить по внешности, что тут никакой изнеженности и баловства нет, что, напротив, молодых людей приучают к строгому повиновению, порядку и чистоте, так как это везде необходимо; что постройки возведены в благородном и красивом стиле; что в Петербурге, на глазах у царя, нельзя, да и не следует строить иначе, а что некоторые вещи, по-видимому служащие только неуместною роскошью, в сущности, чрезвычайно выгодны, что, например, паркет составляет положительную экономию в ежегодных расходах, так как простые полы и трудно чисто содержать, и, кроме того, их нужно безпрестанно мыть и натирать, и, в конце концов, пол от этого гниёт, а паркет хотя первоначально стоит и дороже, но зато содержание его ничего не стоит и т. д. А что касается молодых людей, то их не приучают к роскошной жизни – ежедневное содержание обходится в 13–14 копеек на человека. Они получают утром хлеб и сбитень, тёплый напиток из сиропа, немного пряностей и кипятку, за обедом три кушанья: суп, мясо и пирожное, и вечером суп и кашу.

Конечно, всеми этими возражениями не были опровергнуты мои замечания, но я ясно видел, что тут есть другая

основания, невысказанные, но которые не трудно угадать. Дело в том, что в Петербурге, на глазах у Европы (на что в России обращают слишком много внимания), и, ещё более, на глазах у царя, нельзя открыть заведения, носящего характер бедности и лишений, и уже окончательно невозможно удержать в нём воспитанников, так как во всех казённых учебных заведениях и кадетских корпусах, устроенных уже давно, молодые люди одинакового состояния и образования содержатся в той же роскоши. В России исключительно только дети дворян воспитываются в публичных заведениях. Нужно заметить, что ни в одной стране нет такой изнеженности и роскоши между образованными классами, как в России, а здесь такой класс составляет дворянство, и потому дети, воспитанные ещё дома в роскоши, недовольны обстановкою казённых заведений. Как часто приходилось мне слышать их жалобы на дурную еду, тогда как я везде находил её обильно и хорошо приготовленную, так что в этом отношении нельзя сравнить с ними ни одного воспитательного заведения Германии, даже из лучших. В России и в этих заведениях не удержать бы изнеженных детей современной цивилизации, если бы с образованием в них не связывались надежды на карьеру.

В Германии множество детей ремесленников и простых крестьян с раннего возраста получают хорошее школьное образование, причём в домах своих родителей, или родственников, или покровителей выучиваются выносить и бедность, и лишения. Случится такому мальчику получить большее образование, которое даёт ему возможность сделаться чиновником или офицером, – у него нет никаких стремлений к роскошной жизни, и, во всяком случае, он в состоянии вынести иногда невероятные лишения. И если бы таких детей воспитывать в публичных заведениях, то они довольствовались бы самую простую пищею и, конечно, не имели бы никаких притязаний на роскошную жизнь, прислугу и т. п.

В России нет до сих пор такого среднего сословия с европейским образованием и развитием или, по крайней мере, с образованностью, и притом с привычкой к труду и лишениям. Правительство со времени Екатерины II желало образовать в России буржуазный класс, и в недавнее время с этой целью, по предложению министра графа Канкрина, был издан закон 1831 года о наследственных правах купечества, тем не менее дело это находится пока в зародыше и развито ещё очень слабо.

Возвращаясь к лесному институту, можно с полным правом спросить: представляет ли Петербург удобное место для такого заведения и не полезнее ли основать лесной институт внутри страны, вблизи больших лесов, например, в Вологодской или Казанской губернии? На это один ответ: наука о лесоводстве в России ещё в зародыше, *русских* учёных лесничих совсем ещё нет, *русских* профессоров по лесоводству не существует. Должны были пригласить в профессора академии немецких лесничих. Образованнейшие люди Германии охотно согласились ехать в Петербург или Москву, но не во внутренние губернии. Внутри страны даже трудно было бы набрать и воспитанников по данной специальности. А потому нечего и рассчитывать, чтобы этот институт мог образовать значительное число людей, годных для практического лесоводства; он только может служить разсадником лесных офицеров, которым поручается высший надзор за лесом, да разве будущих русских преподавателей лесоводства в будущих лесных институтах, когда они откроются внутри страны.

Лисинский лесной институт, как уже сказано, есть отделение Петербургской академии, назначенное для практических занятий. Заведение это ещё не было открыто, или, вернее, оно переформировывалось, воспитанников по случаю вакансий не было, а потому я не мог составить себе понятия о нём. Во второй главе этой книги я помещу очерк лесного института, равно как и современного состояния

лесоводства в России, очерк, составленный моим спутником, доктором Козегартеном*.

Вечером отправились мы в дальнейший путь и на следующее утро прибыли в Новгород.

Я немного могу сообщить об этом старом и славном городе, потому что целый день шёл сильный снег. Мы посетили Софийский собор, один из древнейших храмов России. Собор и его знаменитые Корсунские ворота были уже много раз описаны, а потому я обхожу их.

29-го достигли мы Валдайской возвышенности. Шоссе так скверно, что мы проехали мимо одной повозки, завязшей в грязи и брошенной, и другой, совершенно разломанной; местами целыя пространства были вымощены брёвнами по старорусской системе улучшения дорог. В Вышнем Волочке мы проехали по замечательнейшему висячему мосту, самому длинному, какой только существует, но отвратительная погода не позволила мне ближе рассмотреть его. Здесь, между прочим, узел колоссальной системы водяных сообщений, соединяющей Балтийское море с Каспийским. Утверждают, хотя я не могу в этом поручиться, что системою побочных рек и каналов можно проехать водою от Балтийского моря до китайской границы.

Мы опять ехали всю ночь и к 11 часам следующего утра прибыли в старый город Торжок. До этого пункта проникли некогда татары, Батый разрушил это пограничное укрепление Новгородской республики в 1238 г. Каково, в самом деле, расстояние, пройденное тогда монголами, — от Торжка через Силезию до Константинополя? И разве не возможен новый наплыв на Европу азиатского населения, которое, быть может, дойдёт до Атлантического океана? Конечно, этого нельзя ожидать, пока европейския государства связаны друг с другом взаимными обязательствами

* Глава эта состоит почти вся из перечисления узаконений, изданных в России в разное время с целью сбережения государственных лесов, и так как она не имеет ни научного, ни общественного значения и написана очень скучно, то я счёл за лучшее исключить ее из русского издания.

и опираются на дисциплинированное войско; но если все более и более распространяющееся общественное разложение вызовет однажды анархию и уничтожение постоянных армий, а, следовательно, и дисциплины, тогда вторжение станет возможным. Энтузиазм волонтеров, верно, не представит неотразимого отпора!

Торжок лежит по обеим сторонам Тверцы, правый берег которой красив и спускается амфитеатром. Множество колоколен придаёт всегда русским городам некоторую живописность; издали, по числу этих колоколен, западноевропейский путешественник рассчитывает увидеть большой город, а на самом деле оказываются непомерно широкия пустынные улицы, огромныя площади, большею частью одна улица и одна площадь, окружённая каменными двухэтажными домами, все же остальное – несколько одноэтажных деревянных домов, связанных между собой длинными заборами. На пространстве, занимаемом немецким городом, может быть в десять раз более домов, чем в русском городе того же протяжения. Торжок, я полагаю, занимает пространство не менее Гамбурга, а населения в нём около 12–14 тыс. человек, тогда как в Гамбурге число жителей, по крайней мере, вдесятеро более.

В гостинице мы ели отличныя птичьи котлеты, которыя пользуются европейскою известностью. Торжок есть пункт очень обширной торговли кожевенными изделиями. Самая кожа в большинстве случаев обрабатывается не тут, а привозится из Петербурга или Казани. Тут преимущественно делают из цветнаго сафьяна сапоги, башмаки, туфли, кошельки и пр., простые и вышитые золотом и серебром. Эти щеголеватыя изделия, собственно, не русскаго происхождения. Русские научились им от татар, но теперь превзошли их в этом искусстве. Доказательством татарскаго происхождения этих работ служит и то, что здесь до сих пор сапоги эти называют – казанские сапожки. В гостинице были выставлены сафьянныя изделия, но я нашёл их очень

дорогими. Полицеймейстер водил нас по многим домам, где мы могли видеть самую работу и собрать сведения о положении рабочих. Женщина или девушка зарабатывает на шитье золотом обыкновенно 28 коп. сер. в день, в длинный же летний день или при усиленной работе может заработать вдвое больше. Фабрикант даёт им совсем скроенную кожу на пару женских сапожек, или оне сами покупают её за 28 коп. сер. Золотья и серебряная нитки оне покупают сами. Золотник золотых ниток стоит 35 коп. сер. На пару сапожек на круг выходит менее золотника. Работа ценится, смотря по трудности рисунка, от 10, 15 и до 30 коп. сер. за пару. После этого фабрикант пришивает к ним подошву, и, таким образом, пара сапожек обходится ему, самое большое, от 1 руб. до 1 руб. 15 коп. сер.; продаёт же он их тут же в лавке по 2 руб. 30 коп. и 2 руб. 85 коп. сер. Рабочие мужчины нанимаются к фабриканту по контракту, государственные крестьяне сами от себя, а крепостные законтрактовываются помещиками. Обыкновенный рабочий получает, кроме еды и помещения (отапливаемого зимой), летом по 4 коп. сер., зимой 8 коп. сер. в день, не исключая воскресений и праздников. Лучшие работники получают и более.

На ночь поехали мы дальше и утром были в Твери. Здесь переехал я в первый раз могущественнейшую реку Европы, Волгу, которую в дальнейшее путешествие мне пришлось переезжать взад и вперёд 12 раз.

Тверь – очень красивый город; вновь отстроенный после большого пожара 1763 г., он считается одним из красивейших городов России. Кому нравятся широкия, прямая улицы с рядами новейших каменных домов, украшенных большею частью колоннами и балконом, большия симметрическаия площади с большими домами вокруг, множество бросающихся в глаза церквей и безчисленное количество куполов и колоколен, тот должен согласиться, что Тверь – красивый город. На некоторых улицах хорошенькия липовыя аллеи. Где только покажется река, там

видишь множество туда и сюда снующих судов, число которых в приходе и отходе ежегодно считают здесь до 4000. Цветущая торговля и благосостояние жителей выказываются, между прочим, и в оживлённом движении на улицах. Так как церкви, казённые и большая часть частных домов окрашены тут в жёлтый цвет, то русские прозвали Тверь *жёлтым городом**.

Я познакомился с управляющим палатой государственных имуществ и с председателем удельной конторы. От них я собрал сведения о теперешнем положении крестьян в этой губернии. Земля тут в сельскохозяйственном отношении плохая, урожаи средним числом немного больше 3-х зёрен; при дурных лугах скотоводство также незначительно; из промышленных растений производят довольно много лён и коноплю. Так как земля не прокармливает всего населения, то часть его занята промыслами. Около 12 тыс. человек бурлачат на Волге, остальные работают на фабриках, число которых в Тверской губернии в 1808 г. было 31, в 1832 г. уже 72, а теперь более 100 с 4 тыс. рабочих. Кроме того, тут существуют ещё старинные русские артельные ремёсла, которыми заняты целые общины, мужчины и женщины; так, например, в Артемьевской волости деревня Юркинская состоит из башмачников и сапожников. Всё, что нарабotaют, они посылают в Москву, где живут некоторые из крестьян той же деревни и имеют склады, из которых продают и оптом, и розницею. Государственные и удельные крестьяне платят одинаковые подати, которая уже с давняго времени не изменялась в России. За первое полугодие подати взыскиваются в марте и могут быть отсрочены до мая, а за второе – до января. Первый срок для крестьян тяжёл; прежде накапливалось на них много недоимок, но теперь этого не бывает. Общинное устройство государственных крестьян получило в последнее время некоторое изменение. В каждой деревне был прежде, да

* Тверь-городок – Москвы уголок, говорит русская поговорка.

и теперь есть, выбираемый самими крестьянами из своей среды *староста*, под его началом и в помощь ему состоят *десятские*, также выборные по одному от каждого десяти хозяев. Последние обыкновенно остаются на службе год, хотя по закону должны выбираться каждый месяц. В очень маленьких деревнях нередко бывает только один *десятский*. Десятские жалованья не получают, но старосты получают различно, смотря по числу душ, до 50 руб. сер. Там и сям уже и прежде несколько деревень образовывали *сельския общества*, которые теперь сделаны повсеместно обязательными и составляют низшую административную инстанцию. Прежде во главе сельского общества стоял старший из деревенских старост, теперь же все крестьяне всех деревень даннаго общества выбирают особаго *старшину*; это делается так: каждые 10 дворов выбирают двух, а эти из среды себя выбирают старшину. Последний получает жалованья от 85 до 115 руб. сер. Сельское общество составляется из такого числа деревень, чтобы в них было примерно от 500–600 дворов. Рекрута назначаются теперь с сельского общества, тогда как прежде они считались с 1000 душ. Несколько сельских обществ образуют вторую административную инстанцию – *волость*, представитель ея есть *голова*. Он выбирается на 3 года. Окружной начальник должен дать письменное мнение своё о новом голове, а губернатор утверждает выбор. По истечении срока службы он может быть вновь выбран. Несколько волостей образуют *округ*^{*}, начальник котораго уже есть государственный чиновник, назначаемый министром; он состоит в 7 или 8-м классе и имеет при себе помощника, состоящего в 9-м классе. Все окружные начальники одной губернии подчинены местному управляющему палатой государственных имуществ. Каждое общество имеет свой сельский суд, состоя-

---

* До сих пор шла собственно народная организация, последующия учреждения, как округ, палата и Министерство государственных имуществ, составляют уже учреждения государственныя или политическия.

щий из старосты и двух заседателей, тоже выборных. Он ведаёт полицейские проступки, подлежащие взысканию до 25 ударов розгой и штрафу до 5 руб. асс., имущественные споры, но не по наследству. Уголовных дел он не разбирает вовсе, а только доносит о таковых куда следует, подвергает виновных аресту и производит первое дознание. Голова и двое выборных волостных заседателей образуют волостной суд или *волостную управу*. Она составляет следующую высшую судебную инстанцию, но она вправе только уменьшать налагаемые сельским судом взыскания, но не увеличивать их. Если волостная управа находит наказание слишком малым, то доносит о том окружному начальнику. Если последний согласен с мнением управы, то представляет его на резолюцию управляющего палатой.

Расположение деревень и постройка изб на пути между Петербургом и Москвой представляет некоторое различие. От Петербурга до Новгорода большею частью лежат только почтовые деревни, построенные Петром I. На остальном пути большая часть деревень относится к тому же времени. Выше Новгорода деревни заселены русскими, а ниже его — пленными ливонскими немцами, латышами и эстонцами, шведами и поляками (последние поселены близ Валдая ещё при Алексее Михайловиче). Эти чужеземные народности, присоединённые к русской Церкви, стали совсем русскими и едва сохранили черты своей национальности.

Ингерманландия тотчас после завоевания её Петром I была совершенно русифицирована; финское население ингров и корелов было очень слабо и подавлено войнами. Пётр переселил туда русских, подарил множество пустопорожней земли русскому дворянству, которое должно было заселить её русскими. Шведское устройство было заменено русским; привилегии, которыми пользовались корелы, отменены. Большая часть финского населения лютеранского вероисповедания, но сохранившая ещё наполовину язычества, отошла к русской церкви, но интересно, что ни к госу-

дарственной церкви, а к староверам, точно так же как и корелы Тверской губернии, числом в несколько тысяч человек, все староверы. Эти финны переняли много русского, почти все говорят рядом со своим языком и по-русски. Только на Ижоре они более сохранили свою национальность, почему в Петербурге зовут их «Ижорские».

Эти «Ижорские» живут маленькими деревнями, редко превышающими 5–10 домов. Расположение их деревень, постройка домов, образ жизни, нравы, даже земледелие и скотоводство до сих пор существенно отличает их отazole живущих русских. Расположение и постройка русских деревень, виденных мною здесь на большой дороге, совершенно одинаковы во всей остальной Великороссии вплоть до Волги, и в особенности с деревнями северных губерний; они соответствуют северному климату, лесному богатству, вкусам, привычкам и достаткам севернаго русского поселенина. К югу от Волги к Москве вид и расположение деревень те же, но избы и хозяйственные постройки становятся беднее, меньше и не так щеголеваты.

Русския деревни, виденныя мною на этом пути, состоят все из одной широкой и длинной, большею частью прямой улицы, редко с переулками. Русския избы размещены очень тесно, очень часто 2 избы стоят непосредственно одна подле другой, затем налево и направо по узкому двору с въездными воротами, и потом опять такая же пара рядом стоящих изб и т. д. Такое размещение вызывалось полицейскими предписаниями (хотя помимо этого основанием ему должен служить какой-нибудь древний обычай). При этом порядке каждый может и будет наблюдать за своим ближайшим соседом. Избы почти без исключения обращены фронтоном на улицы, входная дверь сбоку во дворе, и к ней ведёт обыкновенно небольшая лестница снаружи дома. Несмотря на то, что настоящия русския избы никогда не строятся в несколько этажей, всё-таки на высоте от 2¹/₂ до 4¹/₂ арш. над землёю настилается пол, и

самое жильё помещается уже на этой высоте; нижнее же пространство служит или помещением для скота, или кладовой. Жилая комната занимает всю ширину фронтона и всегда в три окна. Ещё выше на чердаке под крышей есть окно, часто с балкончиком перед ним – это спальня дочерей и девушек (светёлка). Сзади изб (а иногда против них по другую сторону улицы) находятся хозяйственные постройки: помещение для скота, овин, амбары, заключающиеся ригой или баней. Самый двор иногда крытый, но большею частью открытый, переходит непосредственно в поле, которое с этого конца или засеяно капустой, или просто составляет пастбище для коровы. Садов сначала вовсе не было, только близ Валдая заметил я впервые несколько огородов; плодовых же деревьев нигде нет.

Избы редко окрашены, только кое-где у более достаточных крестьян, и в этих случаях почти всегда дом красится зелёной краской, а драничная крыша – красной. Поэтому русская деревня имеет всегда однородный серый цвет.

Если бы эти избы окрасить в какия-нибудь светлые цвета, то русская деревня, со своей красивой резьбой на фронтонах домов, с обыкновенно зеленоватыми пёстро выкрашенными ставнями окон, обращённых на улицу, с часто встречающимися балкончиками, опирающимися на маленькия деревянные колонны, была бы очень красива и в этом отношении могла бы выдержать соперничество с деревней любой другой страны.

По наружному украшению домов, по резьбе балкончиков, лестниц, русския избы очень похожи на альпийския, а именно швейцарския крестьянския дома. Внутреннее же расположение существенно различно. Но об этом я буду говорить позднее, так как лучшия и совершеннейшия русския избы не здесь, а на северо-востоке.

До Новгорода загороди полей обыкновеннаго севернаго образца, распространённаго и в Финляндии, и Эстляндии, и поэтому я бы дал им название чудской изгороди; далее к югу

идут дощатые заборы, встречаемые в Польше и в Германии и вообще там, где много леса, и притом хвойного.

Только в Малороссии встречаются изгороди, искусно и плотно сплетённые из хворосту; там знают в совершенстве это плетение, из того же хвороста там плетутся даже стены помещений для скота и сенных сараев.

Обыкновенно крестьяне носят овчинные полушубки, мехом внутрь, или (особенно летом) суконные кафтаны, у бедных – из домашней шерсти, обыкновенно серые или коричневые, а у богатых – синие, часто подвязанные яркими шёлковыми турецкими или персидскими шарфами (а у купцов так и настоящими шальями). До Твери встречались большею частью чёрные низенькие поярковые шляпы, несколько шире сверху, чем книзу, с широкими полями, подвязанные большею частью лентой.

Ближе к Москве шляпы с узкими полями, суживающиеся сверху, с яркой лентой посредине шляпы. Крестьянские щёголи, в особенности ловкие ямщики, припиливают ещё к шляпе розу, или павлинье перо, или какое другое украшение.

В тёплое время крестьяне носят лапти, окутывая ноги тряпками (онучи), короткие шаровары и рубашку навывпуск, перетянутую поясом. Прежде рубашки шились из грубого холста, теперь же, с развитием бумажно-хлопчатых фабрик, всё больше и больше распространяются ситцевыя*, и по большим дорогам почти все носят яркая ситцевыя рубашки, почти всегда красныя, так как на чисто русский взгляд *красное* однозначаще с *прекрасным*, что выразилось и в языке, назвавшем оба понятия одним словом**. Едущаго по этой дороге особенно поражает женский головной убор в Торжке и Твери. Тогда как в остальной

---

* Олеариус говорит, что уж в его время (1633 г.) русския бабы носили ситцевыя рубашки.

** Одна народная песнь начинается словами: Краснолица (с красивым лицом), круглолица...

Великороссии женщины носят красные бархатные, бусами и золотом обшитыя кокошники, чрезвычайно красивые (кокошники эти часто носит императрица), тут, напротив, на голове сидит нечто вроде остроконечного башмака, выдающегося вперёд и вверх. Он около полуаршина в вышину и $1\frac{1}{2}$ арш. в окружности. Обыкновенно женщины повязывают голову только платком. Верхний костюм у бедных из домашнего сукна, а у богатых покупного синяго; он всегда с широкими вырезками на место рукавов и спускается до колен; такой же, но длинный, называется *сарафаном*. Зимой сверх этого оне надевают коротенькия, едва покрывающия поясницы шубейки, носящия изящное название *душегрейки*, которыя в употреблении и в остальной Европе, особенно у детей.

На деревенских улицах никогда не увидишь девушек, а женщин разве только за работой. В глухих местах, где редко проезжают посторонние люди, женщины и девушки толпою стоят обыкновенно на крыльце дома, но по приближении к ним они быстро исчезают в дом. Конечно, это ещё остаток восточных нравов. Только во время танцев на улице они так углубляются в это серьёзное занятие, что не обращают даже внимания на любопытнаго проезжаго; он может спокойно стоять и смотреть, не опасаясь обратить на себя внимание не только танцующих, но и зрителей.

Въезд путешественника на станцию привлекает всегда большую толпу народа, начинается осмотр экипажа, со всех сторон критикуют, болтают, радушно помогают запрягать. Видно, у русскаго крестьянина много свободного времени. Но тут участвует, впрочем, и реальный интерес: часто на станции не хватает лошадей, тогда можно заработать на подставе – самый любимый заработок русскаго крестьянина.

Вечером 1 мая выехал я из Твери, проехал Клин и в полдень 2-го мая прибыл в Москву.

ГЛАВА III И IV

Москва в сравнении с Петербургом. — Великорусский народ. — Путь его цивилизации. — Народное значение Москвы. — Пётр I и данное им направление. Взгляд на Москву. — Улицы, церкви. Кремль, его архитектура, строения. Иван Васильевич. — Китай-город; базар, русские торговцы. — Положение женщины в России. — Составная часть населения Москвы. — Прежде дворянский город, теперь купеческий. — Постройка старых дворянских домов, дворян. — Теперешняя постройка, фабричные рабочие. — Политическое значение Москвы как промышленного центра. — Об образовании среднего сословия, германская корпорация, русская артель. Русские ремесленники, ремесленные артели. — В России нет пролетариата. — Коренные русские типы. — Дворник, будочник, плотник

Уже давно замечено, что по Петербургу нельзя составить себе верного понятия о России. Петербург называют окном в Европу, прорубленным Петром I, чтобы открыть доступ в Россию западноевропейскому свету. Петербург по преимуществу европейский город, с меньшим даже национальным характером, чем, например, Лондон или Париж, с немного большим числом русских церквей против церквей прочих вероисповеданий, город, населённый русскими солдатами и чиновниками, несколькими русскими купцами, небольшим числом русских крестьян и затем немцами, финнами, французами, англичанами и т. д. Даже почва, на которой он выстроен, не русская, а финская. Русские тут только колонисты, и то каких-нибудь 140 лет. Путь, каким русские образовали из себя народ, а Россия сложилась в государство, покрыт ещё мраком, который трудно вполне разсеять. Главнейшую, основную часть народа составляют сла-

вяне. Малороссы более других сохранили тип славянской расы, они менее смешивались с другими народностями и потому не могли стать господствующим народом в России. Никогда чистые, несмешанные народы не стояли во главе цивилизации и не играли продолжительной роли в мировой истории. Разве греки и римляне не были смешанными народами? Разве новые европейские народы, итальянцы, французы, англичане, испанцы, даже немцы, и турки – чистые расы? Несмешанные народы, как индейцы, монголы, даже венгерцы, конечно, не лишены умственного развития, кроме того, это многочисленные народы – почему же они не могли иметь продолжительного сильного влияния на мировую историю? Единственным исключением из этого правила служат евреи и арабы. Но евреи во всех отношениях составляют исключение, и если даже не признавать непосредственного участия Промысла Божия в судьбе этого народа, то всё же нельзя отрицать некоторой таинственности в его истории. Но, во всяком случае, влияние евреев на мировую историю более нравственное и умственное, чем материальное. Арабы дали толчок одному только мировому событию – магометанству, которое перешло к другим народам, туркам, персам и т. д.; собственно же Аравия скоро опять погрузилась в прежнее историческое ничтожество.

Ядро русского народа, 36 миллионов великороссов, есть смешанное племя. Как древние франки, пришедши в Галлию, смешались с галлами и римлянами и образовали новый, резко выразившийся, французский народ, так точно славянское племя, заселяя нынешнюю Россию, смешивалось с первобытными обитателями этой земли – чудским племенем (финнами), затем позднее – с германским (варягами), татарским, монгольским и другими.

Русские идут совсем иным путём цивилизации, нежели другие европейские народы. Германские народы имели в этом отношении много преимуществ перед славянским. Вступивши на территорию западного римского мира и

смешавшись с его первобытными обитателями, они нашли старую и высокую культуру, язык которой, латинский, не только был распространён во всех местностях, ими занятых, но и, как язык Церкви, проник вместе с христианством в собственно германския и скандинавския земли. Притом общее германское происхождение, германский язык, германские нравы составляли внутреннюю связь для всех этих народов, упрочению которой способствовало ещё постепенное развитие романских языков и народов. К этому присоединилось ещё одно очень важное обстоятельство. Все эти народы имели один общий естественный, религиозный центр в Риме, из котораго они почерпали начала христианства и цивилизации – этим и определилось их равномерное развитие в истории. Восточная Церковь точно так же сохранила единство и дисциплину учения, но это единство поддерживало скорее государственное начало, восточный царизм; на западе же Церковь была независима. Здесь было нечто более чем *единство*, тут был *centrum unitatis* (центр единства), даже внешним образом независимый от государственной власти, временами поддерживаемый ею, временами сам составлявший большую политическую силу. Западная Церковь была сама ковчегом цивилизации и распространительницею науки; это единство источника дало равномерность историческому движению *всех* западных народов.

Крестовые походы предохранили Европу от односторонняго направления римской или латинской культуры и внесли в неё начала восточной науки и восточнаго миросозерцания. Одновременно с этим в государственной жизни народов развивалось рыцарство и промышленное сословие, распространившие во всей Западной Европе одинаковый строй жизни. Таким образом, на западе цивилизация не сделалась принадлежностью одного какого-нибудь народа, но всех народов, из которых каждый преимущественно развивался в каком-нибудь одном

направлении, но все вместе они пополняли друг друга и составляли одно целое. Даже реформация XVI века не в силах была разорвать это единство цивилизации, и, таким образом, все народы Западной Европы составляют в настоящее время одну огромную семью, с однородным строем жизни и мирозерцанием, и притом до такой степени однородным, что в настоящее время изменение, реформа или разрушение какой-нибудь стороны государственного строя жизни или даже зарождение новой мысли в одной стране непременно потрясёт и все остальные народы и отзовется даже в отдалённых уголках Европы.

Россия не имела этого огромного преимущества германских народов. Славянское племя, заселившее нынешнюю Россию, не нашло на её территории цивилизованного народа, с которым могла бы слиться и принять от него какое-нибудь образование. Мало того, оно нашло только малочисленные остатки чуждых народов, которые по своим способностям и цивилизации стояли далеко ниже его. Россия приняла христианство от восточной Церкви в то время, когда она хотя и не отпала ещё совершенно от западной Церкви, но стояла уже к ней во враждебном отношении. Россия, таким образом, осталась вдали от Европы, тем более что Византийская империя, нуждавшаяся из политических соображений в латинском Западе, воздерживалась от полного разрыва не только с ним, но и с папами. Россия встала даже к самой Византии скорее во враждебное, чем дружеское отношение. Оставалась только связь с константинопольским патриархом, но эта связь была гораздо слабее связи германско-романских народов с Римом. К этому присоединилось бесконечно важное в этом отношении обстоятельство, именно то, что Россия ввела в своё богослужение славянский язык, а не греческий. Поэтому и русскому духовенству не ставилось в необходимость изучение греческого языка. Таким образом, если не церковная, то классическая литература древней Греции

осталась чуждою России. Старославянский язык был сам по себе красивый и богатый язык, что видно по сохранившемуся отличному переводу Библии, сделанному Св. Кириллом и Мефодием. Ещё до сих пор поэты часто заимствуют из него слова, обороты и выражения. Однако язык этот не имел литературы и потому не мог стать исходным пунктом цивилизации. Потому естественно, что Россия не могла идти в уровень с остальной Европой в великом движении умственной и государственной жизни. Но, отнюдь, нельзя сказать, чтобы она осталась совершенно в стороне от этого движения.

Напротив, мы видим в России от X до XIII века те же зародыши цивилизации и народного развития, что и в остальной Европе, и в этом отношении она едва ли уступала странам, принявшим христианство несколько позднее ея или почти одновременно с нею, например, Скандинавии.

Летопись киевского монаха Нестора конца XI века свидетельствует о том, что по выработке языка, по религии и общественному состоянию Россия не стояла тогда ниже Польши, Богемии, Швеции и Дании. Можно видеть явные следы влияния германского мирозерцания, германского государственного устройства на русский народ того времени*, даже дух рыцарства ясно отличим. Стоит обратиться только к эпической «Песне о полку Игореве» из XII века и в особенности к целому циклу народных сказаний о богатырях, чтобы окончательно убедиться в этом. Но на этом Россия и остановилась тогда. Жестоко теснимая с востока половцами, так что, несмотря на вызов папы и требование константинопольского императора, она не могла принять существенного участия в крестовых походах; вскоре затем Россия была наводнена и покорена монголами и татарами, которые задушили все зачатки цивилизации или, по край-

* Даже беглый взгляд на древнее русское право, на «Русскую Правду» XII столетия даёт несомненные доказательства в этом. Задатки феодализма, кажется, перешли в Россию с варягами; они дали начало феодальному дворянству, дружинам и т. д.

ней мере, задержали их развитие. Безспорно, монгольское иго задержало развитие русского народа, но оно имело очень важное и благодетельное влияние на образование сильного государства. Варяги внесли в Россию германское феодальное начало, Рюриков род разделил всю страну на множество маленьких княжеств, подчинённых по ленному праву князю старшего рода, который под именем великого князя заседал в Киеве; эти отдельные княжества были независимы друг от друга и вечно враждовали между собой, так что бояре, дружина и даже отдельные города достигали политической силы; так, города нередко сменяли своих князей и сажали себе новых, оставаясь, впрочем, всегда, как и следует по феодальным понятиям, верными Рюрикову дому. Раздробленная на мелкие части, ослабленная возникшим могуществом дворянства и городов, Россия утратила единство и впала поэтому в руки завоевателей, без продолжительного противодействия, после нескольких кровопролитных битв. Два с половиной века тяготело иго монгольское над Великороссией; червонная и малая Русь с Киевом, столицей великого князя, досталась Литве, а затем вместе с Литвою – Польше. Монголы не стали оседлым народом в России. Хотя хан Золотой орды имел при южной части Волги город и постоянную резиденцию в нём, но народ его остался всё-таки народом кочевым. Он сохранил за русскими всё их устройство и требовал от них только дани и контрибуций.

Три условия помогли тогда России отстоять свою независимость. *Национальное чувство*, связанное общим языком, не было подавлено или извращено, упругая сила народа выдержала жестокое давление и, развившись под влиянием ненависти к чужеземному притеснителю до глубокой, неугасимой энергии, дала, наконец, сильный отпор ему. *Религия*, не тронутая монголами, доставляла русскому народу в его тяжких страданиях утешение и развивала в нём чувство объединения; враждебная монголам и маго-

метанству, она стала дорога народному чувству, чрезо что само христианство получило характер народной религии. Наконец, в-третьих, государственный организм не потерпел изменений, народ оставался *под управлением своих собственных князей*, потому что монголы сделали огромную политическую ошибку тем, что не уничтожили власть великаго князя над удельными, а ещё усиливали её, так что давление народа снизу и более и более укреплявшееся могущество великаго князя сверху повели к неизбежному сплочению всего населения, что имело последствием свержение монгольского ига в конце XV века. Ещё до начала монгольского владычества старый великокняжеский престол распался на две половины. Рядом со старым великокняжеством Киевским образовалось новое, сперва во Владимире, а потом в Москве, которое, наконец, со всеми великорусскими удельными княжествами отложилось от Киева. Позднее Киев, покорённый Литвой, присоединён был, наконец, к Польше и совсем сошёл со сцены. Таким образом, Москва, после усмирения и покорения Новгорода, стала средоточием русского единства.

Москва имеет значение для русского народа, какого ни один город, ни в одной стране не имеет для своего народа. Она – средоточие всех национальных религиозных чувств русского народа. Во всей этой неизмеримой стране нет ни одного великоросса, от Архангельска до Одессы, от Тобольска до Новгорода, который бы не говорил о «святой матушке» Москве с глубоким благоговением и нежною любовью. Каждый русский крестьянин, прошедший сотни вёрст, как только завидит московския колокольни, с полным благоговением снимает шапку и крестится. Не раз я видал и в самой Москве, как извозчик, выезжая на какую-нибудь улицу, с которой виден Кремль, снимал шапку и крестился. И такое чувство к Москве питают не только крестьяне, для которых оно стало уже прирождённым чувством, но я видел его почти без исключений (быть может, исключения эти

составляют только некоторые легкомысленные петербуржцы) во всех классах народа, у высоко и низко поставленных, у образованных и необразованных.

Наполеон не знал или не предчувствовал этого, иначе он не предпринял бы похода на Москву. Если бы он направил свою армию к Петербургу или в южную Россию, он не возбудил бы до такой степени народное чувство русского, и, как знать, – результаты могли бы быть иные. После занятия Москвы началась война на жизнь и смерть для всего русского народа, и тут уж стало невозможно никакое примирение, пока хоть один француз оставался на русской земле. После пожара 1812 года большая часть домов в Москве выстроена по новейшему западноевропейскому образцу и вкусу; это должно неизбежно и во многих отношениях повлиять на нравы и жизнь обитателей этих домов. В Москве теперь от 8 до 10 тыс. немцев, французов и других иностранцев. Кроме того, в ней от 15 до 18 тыс. человек, получивших более или менее европейское образование и воспитание, – чиновники, офицеры, дворяне, почётные граждане, купцы первых двух гильдий; все же остальные, в количестве 300 тыс. человек, по понятиям, образованию, нравам и образу жизни ещё коренные русские люди, до которых не коснулась новейшая культура.

Господство коренных русских элементов в Москве в XVI и XVII столетиях было, конечно, ещё сильнее. Русские государи давно уже предчувствовали, что русский народ далеко отстал в цивилизации от остальных европейских народов одного с ним происхождения, одинаковых духовных физических свойств, религии и политического положения. Они считали необходимым теснее связать Россию с Западной Европой и пересадить в свою страну опередившую западную цивилизацию. Легчайший путь достижения этого они видели в возможно большем наплыве иностранцев в Россию, в отдании на чужия руки воспитания русского общества, в перенесении западноевропейских учреждений

на русскую почву или в подражательной переделке русских учреждений по европейскому образцу.

Уже Иван Васильевич пригласил многих иностранцев, особенно немцев, и хотел организовать военную силу страны на европейскую ногу.

Цари из дома Романовых ревностно следовали этому пути, но никто не сознавал глубже Петра необходимости поднять развитие русского народа до западноевропейского уровня, и никто, кроме него, не приступал к этому более энергично.

Не в живой и сильной натуре Петра было посеять и не собрать жатву. При выполнении своих планов он повсюду встречал препятствия, повсюду совершенное, впрочем естественное, противодействие народа против нововведений и всего чужеземного. Но Пётр был человек, не отступавший перед препятствиями и не умевший делать вполовину. Он чувствовал, что из Москвы, этого средоточия всего старого и закоснелого, невозможно энергическое и быстрое введение реформ. Подобно Архимеду, он искал вне земли прочной точки опоры, с которой мог бы повернуть её. Эту точку он нашёл в местности, занимаемой теперь Петербургом. Успешной войной приобрёл он для России берега Балтийского моря, через что впервые стала возможна крепкая внутренняя связь с Западной Европой. Гениальным взглядом предугадал он значение, которое даёт Петербургский порт всей торговле России с Европой. Он верил, что это место при посредстве им задуманной сети водяного сообщения с внутренностью страны будет одним из важнейших торговых пунктов мира.

А торговля ведёт к естественным сношениям между народами, она есть легчайший мост цивилизации. На этом основании Пётр решился перенести свою резиденцию в Петербург, чтобы оттуда со всею свойственной ему энергией реформировать Россию. И кто может сказать, что он не достиг этого?

Россия до сих пор идёт по пути, указанному ей Петром; толчок, им данный, до сих пор ещё жив и продолжает влиять на всю государственную и народную жизнь страны. Это совершившийся факт, влияние которого не в состоянии уничтожить никакая человеческая сила, а потому совершенно бесполезны все разсуждения о том, нужна ли была и благодетельна ли для России реформа Петра. Никто не станет отрицать, что Пётр слишком мало щадил коренные и характерные стороны русской народной жизни, что он слишком поспешно пересаживал на русскую почву много посредственного и даже дурного из европейской жизни, не изследуя наперёд, могло ли оно пустить корни на чужой земле и гармонировало ли оно с теми данными, которые заключала в себе Россия*. В настоящее время представляется вопрос: следует ли России и теперь продолжать идти по направлению Петровской системы или удовольствоваться полученным результатом от нея и, воспользовавшись западноевропейской цивилизацией, прокладывать новый, более национальный путь, заботясь о сохранении всего хорошего своего и развивая всё коренное народное. Позднее я возвращусь к этому важнейшему вопросу современной внутренней политики России.

Вид Москвы при приближении к ней очарователен, и я не могу сравнить с ней ни одного города Европы. Всего красивее Москва с Воробьёвых гор: безчисленные золотые

---

* Пётр I вызвал, впрочем, для воспитания русского народа голландцев, немцев, англичан, шведов – одним словом, германский элемент. Он хотел дать народу серьёзное и полезное образование, соответствующее действительной необходимости. При Елизавете впервые начала вторгаться в Россию французская цивилизация. Французские гувернёры и гувернантки привезли с собой французские нравы и французское мирозерцание и тем нанесли России неисчислимый вред; они развили в огромной массе высших классов России пустоту, легкомыслие, нерелигиозность (с сохранением наружных форм), неосновательность, прикрытую внешним лоском; всеми этими пороками государственная и народная жизнь разъедается как раком. Но это не вина Петра, не он дал России это фальшивое направление; позднее введённое французское воспитание повредило России, и она тогда только поправится, когда отделается от него.

и зелёные куполы и колокольни (каждая церковь имеет, по крайней мере, по 3 купола, большая часть по 5, некоторые по 13, а всех церквей в Москве до 400) в целом море красных крыш; посреди города, как плавающая в воздухе корона, возвышающийся на горе Кремль со своими густо скученными 32 церквами, 170 куполами и колокольнями!

Здесь остановился некогда Наполеон, верхом на лошади, окружённый своей старой гвардией, и ждал, что бояре и власти царского города выйдут к нему навстречу и в смирении принесут ему городские ключи. Но никто не явился, жители покинули свой «святой» город, а в ночь Москва была предана пламени; звезда Наполеона достигла своего зенита и с этого момента начала закатываться.

При въезде в Москву это величественное впечатление исчезает; она походит на всякий другой город, только разве носит на себе меньше исторических следов, чем, например, Нюрнберг, Любек, Данциг, где уютно теснятся друг к дружке церкви и дома многих столетий, начиная с десятого. Я больше люблю города, где постройки разных веков служат немymi рассказчиками их истории, где в каждом доме несколько поколений прожили своё счастье и горе и, успокоившись, расчистили своим детям и внукам поле для новой жизни; такие города привлекательнее для меня и красивее, чем новые, как Петербург и большая часть Берлина, как будто грибы, выросшие в одну ночь по воле какого-нибудь земного владыки.

Эти длинные, совершенно прямые улицы, однообразные дома, как казармы, с хвастливыми претензиями на красоту, но которые, в сущности, никогда не отвечают требованиям действительного вкуса и искусства, а только подтверждают поговорку: «хотел, да не сумел» – я не люблю их! Я хочу от дома, чтобы он был характерен, живописен или представлял бы произведение архитектурного искусства.

После 1812 г. Москва отстроилась вся вновь и, конечно, в обыкновенном новом стиле, причём только национальное

пристрастие русских к колоннам и балконам расплодилось повсюду в огромном количестве. Тут почти не найти древних интересных и характерных частных домов. Только в предместьях да переулках стоят типичные бревенчатые русские дома, с фронтоном на улицу, а рядом двор с дощатым забором и воротами. Видно, в России нет коренного различия в деревенских и городских постройках.

Исключение из этого однообразного нового стиля составляют церкви: их видишь на каждом перекрёстке или глубоко во дворе; они довольно своеобразны и производят впечатление тропических растений между простым туземным кустарником.

Стиль русских церквей, как и все, касающееся восточно-кафолического богослужения, ограничен тесными нормами, от которых он прежде почти никогда не уклонялся. Поэтому все старья русския церкви очень однообразны, хотя стиль их прост и благороден. Множество наших, так называемых византийских, церквей на западе построены в том же вкусе, к которому очень подходит и новый итальянский стиль, выразившийся во всей полноте в архитектуре храма Петра в Риме. Над срединною частью церкви возвышается купол, поддерживаемый изнутри колоннами, причём в старинных церквях, как, например, в Новгородском и в Софийском Киевском соборе, вероятно, по образцу Константинопольскаго Софийскаго собора, изображён с внутренней стороны купола благословляющий Христос. Внутренность церкви разделяется на две неравныя части иконостасом тонкой стеной, сверху донизу уставленной образами, с тремя дверями; передняя часть храма предназначена для народа, вторая, задняя, — для духовенства; посреди последней стоит престол. По бокам купола стоят ещё меньшие куполы числом два, иногда четыре, а иногда и двенадцать — и это не произвольно, но имеет своё символическое значение. Три купола означают Троицу, пять — Христа с четырьмя Евангелистами,

тринадцать – Христа с 12 апостолами. Колокола обыкновенно висят на отдельной от церкви колокольне, а если же ее нет, то в боковых куполах, которые тогда имеют вид башенок, и, конечно, никогда в главном куполе, так как он составляет принадлежность внутренности храма. В старых церквях совсем нет окон, разве иногда в алтаре одно или несколько узеньких. Свет входит внутрь только через купол. Поэтому во всех русских церквях царствует магический полумрак; главное освещение идёт от восковых свеч в алтаре и перед иконостасом.

Новые русские церкви во внешнем стиле приближаются к архитектуре храма Петра в Риме, таковы Исаакиевский и Казанский соборы в Петербурге; огромный новый, ещё не конченный собор Спаса в Москве, строится архитектором Тоном в византийском стиле и приближается опять к старорусскому стилю.

Из времён Екатерины II **попадают церкви в совершенно новом итальянском или так называемом иезуитском стиле, такова церковь св. Андрея в Киеве***.

Ныне вся Москва отстроена по новому западному образцу; небольшая часть ее, Кремль, стоящий на значительной высоте, обнесённый высокой каменной стеной, составляет исключение вместе с прилегающим к нему Китай-городом.

Все достопримечательности и особенности Кремля и всей Москвы были столько раз и так подробно описаны, что я умолчу о них и сделаю только некоторые поверхностные замечания.

Кремль занимает пространство небольшого городка, с полчаса ходьбы в окружности, а вместе с Китай-городом несколько больше часа.

Большая часть кремлёвских зданий, кроме церквей, новой постройки, то есть от начала XVIII столетия. Только терема, небольшая Грановитая палата и высокая обводная

---

* Рисунок этой церкви помещён в книге Блазиуса: Путешествие по Европейской России в 1840–41 годах. Т. II, стр. 252.

стена с ея тремя воротами и башнями несколько древнее, но и то не старше XVI столетия. Некоторые церкви старше.

Церковь Спаса на Бору относится к XII веку, она стоит внутри двора нового дворца. Она существовала, когда Москва ещё не была городом. В России мало древних исторических памятников, потому что в старину в ней не было обычая строить каменные здания. Так из дохристианской эпохи нет никаких зданий и даже никаких развалин; только с XI века начинают в некоторых более важных городах строить каменные церкви. Даже городские стены в старину строились из брёвен*. Дома были все деревянные. По Олеариусу (1633 г.) даже сам царь жил в Кремле в деревянном дворце, несмотря на то, что рядом стоял каменный, и это потому, что в России считалось нездоровым жить в каменном доме. Зубчатая обводная стена с 61-ой башней и 3-мя воротами указывает на западноевропейского строителя. Она должна быть отнесена к тому времени, когда так называемый готический стиль приходил уже к упадку, а новый стиль не был ещё выработан. В основе этой архитектуры лежит готический стиль, но с сильной примесью нового италийского вкуса и чего-то ещё, чему трудно дать определённое название, чего-то восточного, чего-то татарского – одним словом, какой-то русской атмосферы, имевшей заметное влияние на мысль архитектора.

Одна из замечательнейших и оригинальнейших построек на Красной площади, отделяющей Кремль от Китай-города, храм Василия Блаженного. Он играет всеми цветами радуги, и на некотором отдалении, в особенности при тумане, его можно было бы принять за огромного съёжившагося дракона. Иван Васильевич поручил одному итальянцу построить его в 1554 в воспоминание покорения Казани. Когда церковь была готова, царь спросил архитектора, сможет ли он построить ещё лучшую церковь, и, когда тот в своём тщеславии ответил утвердительно, царь велел его ослепить.

---

* Геродот упоминает о деревянных стенах у скифов.

Да, это был человек несколько странного и неприятного нрава. Но удивительно, что в воспоминании русского народа по сохранившимся легендам Грозный был человек набожный, добродушный, легко дающийся в обман и во все не стойкий*.

Аттила немецких Нибелунгов то же набожный и добрый малый, таков же и Карл Великий. Народные сказания всегда говорят иное, чем история, и, тем не менее, говорят правду. То, что мы называем историей, открывает нам истину только с одной стороны.

Теперь строится в Кремле новый дворец. С Москвы-реки, откуда он виден во всю ширину, высоко над остальными строениями, дворец этот производит в высшей степени не живописный эффект своей правильной четырёхугольной формой, между массой красивых и изящных вершин башен и куполов, и портит весь вид Кремля. Всего лучше вид на Кремль с Москворецкого моста. Когда я ехал однажды из Замоскворечья в светлую майскую ночь по этому мосту, повсюду глубокая тишина, только внизу лёгкое журчанье Москвы-реки, и, когда предстал передо мною Кремль при

* Имя Иван у русских, как и у большинства народов, есть имя нарицательное; оно обозначает национальность, характер, главные свойства и склонности народа; главным образом оно означает национального плута. Как у немцев *das Hänschen, der Hanswurst* (шут), у французов *Jean Potage*, у англичан *John Bull*, так у русских Иван Иванович означает национального, добродушного, флегматичного, плутоватого дурака. Русский называет Иваном Ивановичем всякого, имени которого он не знает и над кем желает подтрунить; вот почему и Царь Иван Грозный в народных сказаниях непременно добродушен, очень похож на *bon roi Dagobert*, упоминаемого в французских народных песнях. Он зовёт своего старшего слугу, своего обер-камергера, который совершенно по-русски растянулся на печке: «Иван Иванович, подиними с меня сапоги». Ивану Ивановичу не хочется, он лежит на животе, задрал левую ногу кверху как вестфалец и похлопывает рукой по печке: «Печь, я тебе приказываю, снеси меня к царю». Царь: «Однако, Иван Иванович, печь тебя не слушается». Иван: «Это плохо, царь! Так приди, царь, ты ко мне» и т. д. Когда один извозчик увидел в первый раз поезд железной дороги из Царского села, то, указывая на локомотив, вскричал: «Смотри, смотри, ведь это Иван Иванович на своей печке к царю едет». Каждый выглядывающий мужиковатым и неуклюжим, равно как и каждый извозчик, называется Иваном или просто Ванькой.

магическом лунном освещении, я думал, что вижу окаменевшую сказку из «Тысячи и одной ночи».

По другую сторону Красной площади начинается Китай-город, первое строение которого есть огромный рынок или базар, часто называемый просто городом; я думаю, надо час времени, чтоб исходить все эти безчисленные ряды с лавками по обеим сторонам. (Это круглый год длящаяся ярмарка.) Нехорошо знакомый с расположением этого здания нелегко отыщет, что ему надо, так как каждый род товаров имеет свой отдельный ряд: в одном ряду кожи, в другом – бумажные товары, в третьем – полотняные и т. д., и иностранец только благодаря случаю может после продолжительных блужданий попасть в ряд, ему нужный. Такие базары во всех русских городах, они, очевидно, восточного происхождения, но совпали с коренным, русским духом ассоциации. Московский гостиный двор, конечно, больше других, и во всём свете нет под одной крышей такого огромного склада товаров по разнообразию и ценности их. В нём можно найти решительно всё, только за хорошия деньги. Тут в большом употреблении заманивание и зазывание покупателя. Из большинства лавок 12 и 15-летние мальчики в длиннополых суконных синих кафтанах бросаются на каждого проходящего как отлично дрессированныя лягавыя собаки и тащат его в лавку. Как только вы поравняетесь с лавкой, вам переступает дорогу дрессированный малый и всякими вкрадчивыми жестами и словами приглашает вас в лавку; он перерезывает вам путь, становится против вас и по мере вашего наступления на него отступает шаг за шагом; на границе своих владений он делает отчаянные попытки, схватывает вас за платье или за руку и хочет, наконец, силою втащить в лавку; если вы и тут устоите, он внезапно оставляет вас, отходит спокойно прочь и начинает новую охоту на следующего проходящего. Миновавши одну лавку, вы, естественно, входите в границы другой, откуда на вас броса-

ется не менее ревностный малый. Но всегда приходится иметь дело с одним, если только по неосторожности вы не остановитесь между двух лавок, тогда, естественно, на вас нападают с обеих сторон, так как каждая сторона строго блюдет права и границы своих владений.

Русския женщины и девушки никогда не торгуют в лавках; даже в лучших модных магазинах сидят обыкновенно француженки и немки, но я никогда не встречал в них русских женщин. Конечно, между швеями есть и русския девушки, но оне никогда не выходят в лавку продавать, даже в модных магазинах.

Сен-симонисты в Египте отыскивали свободную женщину. Если б они поехали в Россию, то, может, вернулись бы более удовлетворёнными. В конституционном государстве король должен царствовать, но не управлять; в правильно организованной семье царствует муж, а управляет жена. В России, по крайней мере в Москве, наоборот – царствует жена, а управляет муж. Женщина в России занимает иное положение, чем в остальной Европе, но положение это в различных сословиях различно. У мужиков – а их насчитывают в Москве более 100 тысяч – женщины и девушки работают много меньше мужчин и меньше, чем у нас; даже домашняя работа лежит обыкновенно на мужчине: он приносит воду, дрова и затапливает печь*,

* Есть очень остроумная русская народная шутка, резко рисующая терпение и добродушие крестьянина и неуступчивый нрав его жены. Муж: «Милая жена, посеём этот ячмень». Жена: «Это не ячмень, это греча». Муж: «Пусть будет греча, я не буду спорить». – Муж: «Посмотри, как хорошо взошёл ячмень». Жена: «Это не ячмень, это греча». Муж: «Пусть будет греча, я не буду спорить». – Муж: «Ячмень поспел уж, надо его жать». Жена: «Это не ячмень, это греча». Муж: «Пусть будет греча, я не буду спорить». – Муж: «Ячмень вымолочен, какой славный уродился». Жена: «Это не ячмень, это греча». Муж: «Пусть будет греча, я не буду спорить». – Муж: «Какой славный солод, я хочу сварить пиво». Жена: «Это не солод, это греча». Муж: «Пусть будет греча, я не буду спорить». – Муж: «Какое славное пиво из нашего солода!» Жена: «Это был не солод, а греча». Муж: «Пусть будет греча, я не буду спорить; только я никогда ещё не слышал, чтобы был гречишный солод и чтобы из него варили пиво!»

а женщина присматривает, носит детей, убирает и т. д. У мещан, особенно у купцов и ремесленников, жена целый день ничего не делает, она даже несколько не интересуется домашним хозяйством; она не имеет ни малейшего понятия о тех работах, которые исполняет хозяйка-немка. Муж делает всё и даже распоряжается домашним хозяйством. Между богатыми девушки большей частью воспитываются в различных институтах и получают образование и внешний лоск, высшие против своих мужей, но, в сущности, эти институты воспитывают только модных барышень, а не хозяек. У высших классов это встречается ещё чаще.

В настоящее время московская жизнь начинает складываться по европейскому образцу; в коренном русском доме и прежде, да и теперь ещё, вся домашняя работа исполняется мужчинами. Там нет кухарок и поваров, нет женской прислуги, экономок и пр. – вся такая работа лежит на мужчинах, отчего происходит такой значительный перевес в мужском населении Москвы над женским. Статистические таблицы 1834 года показывают в Москве 214 778 мужчин и 133 784 женщин.

Значительная часть недвижимых имуществ находится в руках женщин. В Москве и Петербурге на воротах каждого дома вывешена фамилия владельца. Можно считать, наверное, что целою третью домов владеют женщины.

Точно так же от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ всей земельной собственности принадлежит женщинам.

Легко понять, что это обстоятельство должно давать большое значение женщинам в России. Развитие всей социальной жизни привело к этому. Нигде нет таких колебаний в состояниях, как в России; земля постоянно переходит из рук в руки; служба, торговля, фабрика, промысел быстро дают огромные состояния, которые так же быстро теряются. Воровство чиновника открывается, имение его

конфискуется, мошеннические спекуляции, на которые русские так падки, разоряют купца, фабриканта*.

Для обеспечения семьи от таких случаев часть состояния, именно дома и имения, переводится на имя жены. Русские законы более чем какая-нибудь другие покровительствуют женщинам в отношении к имуществу; таким образом, движимое составляет собственность мужа, а недвижимое принадлежит обыкновенно жене; оно сохраняется в случае разорения мужа.

Пожар 1812 года, изменивши совершенно наружный вид Москвы, влиял и на изменение в ея населении; составные части ея теперь совсем иные, чем прежде.

Москва была городом русского дворянства. Теперь же она стала фабричным городом.

Ещё за 50 лет тому назад из 8360 частных домов 6400 принадлежали дворянству**. В то время русское дворянство жило большею частью, по крайней мере зимой, в Москве. Дворянство это было до того высокомерно, что не позволяло в своём доме никому более жить; да и самые дома были так расположены, что помещение в них лавок или ремесленных производств было неудобно (разве иногда в нижнем этаже). Дома находились или в глубине двора, или если выходили на улицу, то рядом с ними лежал двор с воротами. Некоторые из них были настоящими дворцами в два и три этажа, другие – одноэтажные деревянные русские дома, но красиво отделанные. В Москве не было, как в западных городах, непосредственно один подле другого стоящих домов в два, три, четыре и более этажей, из которых нижний предназначается обыкновенно для лавок.

---

* Как непрочны в России даже большия фабрики, можно видеть из того, в чем меня уверяли крупные фабриканты, бывшие в то же время и помещиками: если нет наличных денег, то нечего и открывать фабрику, разве при полной уверенности, что с самаго начала работы она начнёт давать 30–35% на капитал. – Но и обыкновенный заём нередко делается за 12%.

** Описание Москвы Вихельгаузена. Берлин. 1803 г. С. 226.

Эти дома занимало прежде дворянство со своими семьями и дворовыми, крепостными людьми и жило в них с роскошью наполовину восточной, наполовину европейской. Мужик работал и платил своему господину, а господин с семьёй и дворней спускал все в Москве. Высшая роскошь заключалась в держании наибольшего числа лошадей и дворни. Для обуздания роскоши на лошадях правительство не раз было вынуждено делать особые распоряжения; так выходили постановления о том, кто имел право ездить парой, кто четвернёй, кто шестернёй и т. д. Что касается до роскоши на дворню, то в Западной Европе не имеют об этом никакого понятия. Утверждают, что некоторые дворяне содержали по 1000 и более дворовых людей; даже незначительные, сравнительно бедные дворяне имели, по крайней мере, по 20 и 30 человек прислуги. Невозможно найти сословия более лениваго, нерадиваго и беспорядочнаго, как русская дворня; да и где было взять работы на такую массу людей. Мне рассказывали, что распределение занятий между ними доходило часто до смешнаго: один человек, например, всю свою жизнь только и делал, что выметал одну лестницу, на обязанности другаго лежало подать воду к обеду господ, третий должен был подавать воду вечером и т. д. Содержание этой дворни не обходилось, однако, слишком дорого: они питались, как русские мужики, хлебом, кашей, щами и квасом; их одежда была крестьянская, и помещались они в простых избах, которая всегда стояли в изобилии на дворах помещичьих домов*. Таким образом, дворянство с своею дворней составляло прежде главную составную часть населения Москвы, быть может, в 250 тыс. человек. На лето половина или, быть может, две трети этого населения уезжало в деревни, и до зимы Москва превращалась в пустыню.

---

* Русофилы, утверждающие очень близкое национальное и кровное родство русских с греками, очень довольны, как я заметил, что у древних эллинов были также избы. Гомер. Илиада II, 414.

С 1812 года всё изменилось. Дворянские дома сгорели, дворянство, понёсшее большие потери, удалилось вовнутрь страны и не имело уже более ни сил, ни средств на восстановление прежних зданий и на продолжение в них той же праздной жизни в роскоши. Дворянство осталось в деревнях и на зиму приезжало в губернские города, которые с этого времени необыкновенно разцвели. В то же время правительство начало будить и оживлять промышленность, и скоро Москва стала центром всей промышленной деятельности.

Теперь на вопрос: чей этот богатый дом? – получаешь ответ: фабриканта такого-то, купца такого-то, а прежде принадлежал князю такому-то или такому-то.

С развитием промышленности состав московского населения совершенно изменился. В лучших частях города дома стоят один подле друга и только изредка встречаются огромные дворы с воротами, но в отдалённых частях города они преобладают до сих пор. Дома большей частью в два и три этажа, редко более, и нижние заняты сплошь лавками. Некоторые же улицы, например Кузнецкий мост, могли бы в этом отношении поспорить с самыми блестящими улицами лучших городов Европы. (Место прежнего дворянства с его многочисленной ленивой дворней заступили теперь фабриканты с не меньшим количеством рабочих. Многие дворяне занялись сами фабричными предприятиями, а их прежние дворовые работают теперь на фабриках за плату.) Но и остальная часть дворянства, живущая в Москве или на службе, или своими средствами, живёт всё-таки совершенно иначе, чем прежде. Роскошь на лошадей исчезла совершенно, ограничиваются только необходимым. Прислуги тоже держат сколько нужно, и если всё ещё нуждаются в большом количестве ея, например, вдвое больше, чем жители Берлина (семья, довольствующаяся в Берлине двумя или тремя лакеями, имеет их в Москве, по крайней мере, от четырёх до шести), то прежняя масса

ничем не занятых людей совершенно исчезли. Теперь, разве как исключение, можно встретить где-нибудь в доме 20, 30 человек прислуги и уже совсем как редкость попадётся какой-нибудь русский вельможа из древних бояр, который держит при себе по старому обычаю несколько сотен дворовых; мне называли из таких между прочими князя Сергея Голицына. Вообще же дворянство теперь находит более выгодным и соответственным своим новым привычкам и образу жизни помещать за определённый оброк прежде ничего не делавших дворовых людей в рабочие на фабрики. Часть дворянства, воспитанного на совершенно европейскую ногу, не держит при себе вовсе своих крепостных, а нанимает прислугу. Между тем как его крепостные, быть может, в той же Москве служат за вознаграждение у других дворян, он нанимает к себе чужих крепостных.

Таким образом, в последние 30 лет внешний вид и характер Москвы совершенно переродился, так что изучавший Москву 50 лет назад не мог бы узнать её теперь и подумал бы, что попал в другой русский город. До сих пор никто ещё не говорил о влиянии, оказываемом Москвой как центром промышленности на внутреннюю и внешнюю политику правительства. При любви и благоговении всех русских к «б е л о к а м е н н о й м а т у ш к е М о с к в е», при огромном значении Москвы как торгового центра и как представительницы огромного промышленного района с 16 миллионами населения, правительство, естественно, должно внимательно прислушиваться к мнению Москвы во всём, что касается охранительного тарифа, хотя по разным побуждениям своей внешней политики оно бы склонялось к иным решениям. Мне рассказывали, что несколько времени тому назад в правительстве шла речь о полном отделении Польши и что вопрос этот оставлен вследствие того, что московская депутация представила о дурных последствиях этого отделения для всей внутренней торговли и в особенности для Москвы.

Я упомянул уже выше, что в России нет замкнутого буржуазного сословия с выработанным самостоятельным воспитанием, общественным положением, с муниципальным и корпоративным духом самодовольного и гордаго сословия, имевшаго такое влияние у германских и романских народов на развитие культуры в средние века.

Должно быть, в характере и в истории славянских народов лежит какая-то таинственная причина, не благоприятствующая образованию буржуазии, так как не только у русских, но и нигде у других славянских народов, она не имела прочнаго самостоятельнаго развития. Ни поляки, ни южные славяне не имеют ея, а у богемцев буржуазия введена немцами, зато и богемские города по настоящее время заселены почти исключительно немцами.

Уже более полустолетия как русское правительство старается ввести в России буржуазию. Екатерина II издала несколько законов о городском устройстве в немецком духе и по немецкому образцу, но это законоположение не привилось и, во всяком случае, не дало тех результатов, на которые рассчитывали. Немецкий корпоративный гений, на котором основалось это положение, совершенно чужд русскому национальному характеру и его сильному ассоциационному гению*; он противен нравам, обычаям и мирозерцанию русскаго народа, и я думаю, что он никогда не получит приложения в России.

Совершенно иное надо сказать о необыкновенно быстро и сильно, в какия-нибудь 25 лет, развившейся промышленности. Не подлежит никакому сомнению, что торговая и промышленная деятельность при том непомерном распространении, какое она получила в России, окажет значительное влияние на развитие средняго сословия. Какой вид примет это сословие – покажет будущее.

* В другом месте, где я буду разбирать русское городское устройство, я разьясню подробно противоположность между корпорацией и ассоциацией, так как она вызвала в последнее время политическую вражду партий в Западной Европе и в особенности в Германии.

Русский народ имеет ко всему способности и талант. Быть может, изо всех народов он одарён наибольшим практическим смыслом. Но русский совершенно лишён той привязанности и любви к своему званию, к своему занятию, к своему труду, которая составляет типичную характеристику немца. Коренной немец любит своё звание и не променяет его ни на какое другое; он остаётся верен тому ремеслу, которое раз выбрал, занимается им с терпением, любовью и даже гордостью, кладёт своё самолюбие в его усовершенствование, радуется на удавшееся произведение своих рук; он смотрит на своё положение как на указание Провидения, которому он должен остаться верен.

Не таков русский. Большею частью случай определяет, какая из многих способностей ребёнка должна получить своё развитие. Помещик без большого выбора назначает детей своих крепостных – кого в сапожники, кого в кузнецы, в писаря, в повара и т. д. Более заботливые помещики отдают детей на выучку мастерам по контрактам на 3, на 4 и на 8 лет. Полковой командир без дальнейших соображений и без всякой опаски прямо приказывает, чтобы было столько-то седельщиков, столько-то кузнецов, столько-то музыкантов, столько-то писарей на канцелярию – и они будут, и притом почти всегда ловкие и искусные. Лучшие из них становятся впоследствии мастерами и остаются уже при своём ремесле. У казённых крестьян, напротив, мальчик получает первый толчок от родных или родственников или сам выбирает себе занятие. Но тут нет и речи об изучении ремесла, об определённых годах правильного обучения мастерству, о переходе ученика в подмастерье и, наконец, о признании его после пробной работы полноправным мастером; он узнает немножко тут, немножко там, попробует сам, что-нибудь придумает и ищет себе заработка, как случится. Конечно, тут нет ни любви, ни благочестия к своему званию, к своему ремеслу. Он не руководствуется никакими правилами для назначения цены

за свою работу, а берёт, что можно взять. Ему незнакомо чувство долга и чести иметь хорошую и продолжительную работу, он работает для вида, чтобы как-нибудь сбыть товар, и совершенно равнодушен к своей славе.

Не пошло у него с одним ремеслом, он берётся за другое или за какой-нибудь промысел. Как часто бывает в России, что начавший с сапожника или портного бросает потом своё ремесло, становится, быть может, разнощиком калачей, затем, скопивши сколько-нибудь деньжонок, покупает лошадь и телегу и идёт в извозчики, развозя товар далеко по всей стране. При этом он делает небольшие спекуляции, потом начинает торговать, разнося товары по домам, наконец, где-нибудь укрепляется на одном месте и, если повезёт счастье, делается значительным купцом. Такова, или почти такова, история многих богатых русских купцов и фабрикантов.

Но и ставши богатым купцом или фабрикантом, русский всё-таки не приобретает любви и привязанности к своему званию и занятию. Он смотрит на последнее как на средство к богатству. Есть у него дети, – он разве только одного сына приготавливает к своему занятию, и то с единственною целию воспитать себе верного помощника, остальных же он прочит для государственной военной и гражданской службы, подавая им, таким образом, надежду пролезть в дворяне. Страсть к деньгам и честолюбие – вот скалы, о которыя разбивается каждый русский характер. Простой мужик добросердечен и симпатичен, но как скоро он богатеет, становится торговцем, купцом, он портится и делается мошенником. Правительство обратило внимание на вред этих непомерных колебаний и с целию затруднения их делало попытки к образованию постоянного буржуазного сословия, доказательством чего может служить закон об учреждении почётнаго гражданства.

Возбуждённая фабричная деятельность тоже некоторым образом способствует упрочению буржуазии. Про-

стой купец, в особенности русский, обладающий больше способностями барышника и лавочника, нежели обширного торговца (поэтому так относительно мало русских ведут заграничную торговлю*, которая почти вся в руках петербургских немцев и англичан), может легко, когда ему вздумается, закрыть свою лавку и прекратить торговлю. Не в таких условиях стоит фабрикант. Фабрика имеет некоторую стойкость, она почти то же, что имение; в ней заключён большой недвижимый капитал в строениях и машинах и такой же капитал человеческого труда и ума. А поэтому ликвидация фабрики гораздо затруднительнее и всегда сопровождается большими потерями. К тому же, чтобы быть фабрикантом, нужно иметь более обширные способности, чем для купца, получить более серьёзное и разнообразное образование. Успех существования и прочность фабрики вынуждают фабриканта воспитывать своих детей в применении к данному производству; а такое воспитание требует основательных знаний, а в ком они есть, в том уже сама собой развивается любовь к тому занятию, к которому он их прикладывает. Таким образом, Россия может надеяться, что из класса фабрикантов разовьётся со временем класс высшей буржуазии.

Но ещё этого мало, ещё тут нет главного зерна, так называемой низшей или мелкой буржуазии. Высшая буржуазия рано или поздно сольётся в России с дворянством, но нет никакой надежды на образование почтенного и многочисленного низшего буржуазного класса. Представители его в России – ремесленники, лавочники, мелкие торговцы – совершенно деморализованы.

Я считаю совершенно безцельным улучшать этот класс путём цехового устройства, так как я сказал уже, что корпоративный цеховой дух и цеховое устройство противны русскому народному характеру. Лучшее действие на этот класс оказали пример, соревнование и кон-

---

* Только Кяхтинская чайная торговля в руках одних русских купцов.

курения. Почти во всех больших городах есть немецкие ремесленники, и, когда русский хочет особенно похвалить какую-нибудь ремесленную работу, он называет её немецкой; таким образом, конкуренция и пример заставляют мало-помалу работать лучше и назначать за работу правильную цену. В последнее время, к сожалению, замечено, что вновь прибывающие немецкие ремесленники начали терять репутацию честных и хороших работников и становятся нерадивы и недобросовестны.

Коренная русская форма ремесленного производства есть организованная ремесленная артель. Целые деревни и местечки заняты сплошь одним и тем же ремеслом: так есть деревни, которые только шьют сапоги, другие делают только столы или стулья, третьи – горшки и т. д.; одна или несколько семей работают, разделяя между собою труд, и имеют свои лавки в больших городах или на ярмарках. Эта форма ремесленной деятельности распространена по всей стране и составляет коренную народную особенность. Русские вообще способные фабричные рабочие, но дурные ремесленники; они любят ремесленную ассоциацию, но не ремесленную корпорацию.

В Москве нет так называемого мелкого люда, живущаго как в Берлине под крышами и в подвалах. Если и есть в Москве отдаваемые в наём мансарды, то только как редкое исключение, подвальных же жилищ я не видал вовсе. Но ведь прежде не жил в Москве и простой народ, и теперь он попадает там ещё в очень ничтожном количестве. Простой народ составлял прежде два класса в России: один представлял мужиков, принадлежащих к какой-нибудь общине с равным распределением земли между членами ея, другой – крепостную дворню, о помещении, одежде и пропитании которой должен был заботиться помещик. В России вовсе не было людей без родины, без клочка земли или без господина, заботящегося о них, – вообще людей *vis-a-vis du rien*.

Рекрутчина в России – одна из форм освобождения от крепостной зависимости. Крепостной, сделавшийся солдатом, тем самым освобождается от помещика. Окончив срок службы, он делается вполне свободным человеком, но такая же свобода птицы в воздухе. Прежде солдат отрывался от своей прежней жизни и терял её навсегда. После 25-летнего срока службы очень немногие из них возвращались к первоначальной жизни; ещё реже он имел возможность жениться и составить семью, а большую часть скитался в одиночестве по обширному государству. На него нельзя смотреть как на зародыш будущего пролетариата. Николай сократил срок военной службы и ещё больше уменьшил его введением системы безсрочного отпуска, что возвратило солдат к их прежней жизни, но уже без восстановления старой связи с общиной, семьёй, помещиком. Это опасный опыт; он кладёт в России впервые зародыш будущего пролетариата*.

Во всех больших городах ещё можно видеть характерную народную внешность, характерный костюм. И в немецких городах встречаются люди в деревенском платье, но уже как большая редкость. Городские жители повсюду изменили народный костюм, и в нём попадаются только жители соседних деревень и окрестностей, как, например, в Гамбурге фирляндцы, в Берлине крестьяне из Одербруха, в Лейпциге альтербуржцы и т. д. Но уже и в этих местах народный костюм начинает уступать модной одежде. В Москве всё население низшаго класса, то есть около $\frac{9}{10}$, носит народную одежду. Между ними можно встретить удивительные и характерные типы, причём определённые занятия выработали особые классы людей с их правами и обычаями. Из них особенно выдаётся класс дворников. Он занимает место немецкого привратника и хаускнехта. Двор-

* Одним из новейших распоряжений приказывается отставным солдатам вступать в общину казённых деревень, а деревни обязываются принимать их в число своих членов с равным участием в земле. Солдаты, однако, не пользуются этим, – они приписываются к какой-нибудь общине, но не делаются крестьянами.

ник лето и зиму живёт на дворе и в сенях, под воротами или на улице. Последнюю он должен держать в надлежащей чистоте, а если он этого не исполняет, то ему может быть плохо, потому что его приятель и кум, будочник, не любит шутить. Утром и вечером дворник, не зная устали, метёт тротуар или двор, которого он неограниченный повелитель и от которого получил своё название. Нанятый от домовладельца для присмотра за домом и для охранения его, он служит в то же время посредником между ним и его людьми, которыми он заведует. Кроме дел по хозяйству, на его ответственности все починки, надзор за трубами и пр., к нему же обращается полиция во всем, что касается хозяйских людей: нужно ли им вид на прожитие или паспорт засвидетельствовать в полиции, дело не обходится без него. Он молодец на все руки, без которого не могут обойтись ни хозяин, ни прислуга, ни полиция; для последней он служит правой рукой у хозяина. Места дворников занимают большую часть старыми отставными солдатами, хотя и каждый крестьянин охотно пошёл бы на них.

Ближайший родственник дворника – будочник. Как дворник сторожит двор, так будочник стережёт улицу. На углу каждой значительной улицы стоит дощатая будка, жилище будочника, нижней полицейской инстанции, которой вверен надзор за улицей. Он должен смотреть за порядком и чистотой на ней, наблюдать за всем, знать, кто в каждом доме живёт, чтобы от него можно было получить сведения обо всём и т. д. Обыкновенно будочник стоит величественно и в полной бездеятельности перед будкой, опираясь на свою могущественную алебарду и грея спину на солнце. Если проходящий спрашивает его, живёт ли на этой улице такой-то и в каком доме, он отвечает сначала лаконическим нет. Если прохожий продолжает приставать, то он просто указывает ему рукой в ближайшую улицу на тамошняго будочника. Если же прохожий опускает руку в карман или просто вертит в руке гривенник,

то ленивое лицо тотчас оживляется и прохожий удовлетворяется вполне; но тогда будочник ждёт реализации возбуждённой надежды и ласковым тоном просит у забывчиваго прохожаго на водку. Я должен привести тут различие между петербуржцами и москвичами в выпрашивании на водку. Что в России каждый просит и принимает на водку, это совершенно верно*: петербуржец, уже захваченный европейской культурой, жеманно и шёпотом просит на чай, москвич же честно просит на водку.

Но наиболее характерный тип во всех русских городах и особенно в Москве – это извозчик. Великоросс, можно сказать, родится извозчиком. Верховая езда не по его части; редко можно видеть простаго человека, за исключением казачков, верхом на лошади, но в таланте управления лошадьми он превосходит все остальные народы. Но цвет и венец русскаго возницы – это городской извозчик. На всём божем свете не найти более любезнаго, вежливаго, лукаваго и ловкаго малаго, как он; первую школу свою он проходит в качестве форейтора у какого-нибудь дворянина. Мальчуган 10–12-ти лет сидит верхом на передней лошади целый день, а иногда и большую часть ночи; он ест и пьёт, играет и спит на ней – одним словом, составляет со своей лошадью одно существо. Как часто приходилось мне видеть таких мальчуганов, сладко спящих на лошади, в 18–20° мороза. И как он отлично ездит, как крепко сидит на седле, как осторожно и как верно правит он парюю своих лошадей на полных рысях. В 17–18 лет он делается или настоящим кучером на козлах, или извозчиком, сперва в работниках у более богатаго, а затем, понакопивши деньжонок, обзаводится лошадью, дрожками и санями. С этого времени он начинает самостоятельную жизнь на узком передке дрожек или саней.

* Одна русская народная шутка рассказывает, что Бог, сотворивши землю, заселил её разными народами и щедро снабдил их всем, точно так же и русских, давши им много земли и всего в изобилии. Только он стал спрашивать каждый народ порознь, доволен ли он. Все отвечали, что довольны. Когда Бог спросил русскаго, то он снял шапку и с улыбкой попросил на водку.

Он довольствуется со своей лошадейю самым малым: сеном, овсом и хлебом, который он возит с собою в дрожках. В Москве и Петербурге, кроме денных извозчиков, есть ещё и ночные, которые ездят всю ночь от 10 часов вечера до 5 утра. Обыкновенно два извозчика, имеющие вместе трёх лошадей, вступают в ассоциацию и устраиваются так, что каждая лошадь на третий день отдыхает. В 5 часов утра ночной извозчик приезжает на постоянный двор, где денные извозчики только что встали, и пьют тогда все вместе чай, единственный тёплый напиток в целый день. Поэтому от 5 до 7-ми часов утра нельзя найти извозчика. Воспитанностью, терпеливостью и вежливостью городской извозчик превосходит все другие классы народа. Стоит хорошо одетому господину оглянуться на улице, как с полдюжины извозчиков подлетят к нему, самым вежливым образом предлагая свои услуги; между ними очень развито соревнование, но никогда они не ругают друг друга и не сердятся на избранного, никогда они не наедут, не разобьют. В Москве и Петербурге полиция образцовым образом наблюдает за ездой, но руководствуется при этом неумолимою строгостью; если кучер или извозчик задавит кого-нибудь до смерти или хотя поранит, сломает чужой экипаж, то тотчас же останавливается и в первом случае непременно отдаётся в солдаты, а в остальных подвергается телесному наказанию. Лошади же он лишается во всяком случае, — она берётся в полицию и сдаётся в пожарное депо.

Ещё один класс народа, и также совершенно особый, составляют плотники. Так как большая часть строений в России деревянные, то число и значение плотников тут совсем иное, чем где-либо. В деревне каждый мужик — плотник. Каждый умеет выстроить и поставить дом, так что городские плотники, и особенно московские, не более как лучшие из обыкновенных мужиков и никоим образом не составляют цеха, как в Германии; но, несмотря на то, ловкость их достойна удивления. В них особенно выражается

народный характер и те способности, которые и теперь уже отвели русскому народу почётное место в мировой истории, но которым, быть может, суждено поднять значение России ещё выше; эти способности заключаются в неограниченном повиновении, верном чувстве меры, практической способности приравнивания и, наконец, в таланте ничтожными орудиями и незначительными средствами уметь не только удовлетворить обыденным потребностям, но и выполнить что-нибудь большое, сделать солидную и прочную работу.

Плотники в Москве образуют полную и хорошо организованную артель с расчленениями и подразделениями, с общинным содержанием членов, с выборными главами, которым безусловно повинуются. Устройство этой артели образцовое и совершенно независимо от каких-либо распоряжений сверху, но вызвано снизу самим народом вследствие необходимости и согласно его симпатиям и любви к порядку.

Достойны удивления в этих людях или, скорее, во всём русском народе необыкновенная верность глаза, лёгкость, ловкость и быстрота соображения в пользовании всяким выгодным случаем.

Коренной русский плотник не имеет, собственно, никакого другого инструмента, кроме топора и долота. С топором за поясом переходит он всю страну из конца в конец, ищет работу и находит её. Просто невероятно, что он делает топором; все разнообразные инструменты наших учёных плотников совершенно ему неизвестны, и, несмотря на то, работа его нисколько не хуже, а часто и целесообразнее наших, во всяком случае более образованных, мастеровых. Часто не веришь, чтобы можно было неуклюжим топором и простым грубым долотом делать такие изящные украшения и резьбу, как встречаются на кораблях и русских домах.

Ликург запретил спартамцам употребление иных орудий, кроме топора и пилы, и приказал избегать всяких укра-

шений как извращения нравов. Русские плотники показали бы ему, что такими средствами нельзя задушить природной склонности человека к изящному и красивому. Человек выучивается пользоваться и несовершенными орудиями и, в конце концов, всё-таки достигает своей цели.

Русский плотник внутренней России презирает даже употребление пилы, которой, впрочем, московский плотник умеет хорошо пользоваться. На севере, где лес ещё в изобилии, если плотнику нужна доска, он рубит целое дерево и потом обчищает его топором с обеих сторон, пока не вытешет доску требуемой толщины.

Так как простой русский человек имеет пристрастие к переездам, так как ежегодно русские целыми миллионами искрещивают свою страну по всем направлениям в качестве пилигримов, возчиков, разносных торговцев, ремесленников, рабочих и пр.; так как при сильной любви и благоговении всех русских к Москве, совершенно естественно желание в каждом из них хоть раз в жизни побывать в ней, то в Москве лучше всего можно изучать народную физиономию, внешний вид и характер разных русских племён и жителей различных губерний.

Народные типы русских племён нельзя изучать на русском дворянстве. Дворянство отличается от простаго народа по своему происхождению в большинстве случаев, а по образованию всегда и потому совершенно отделяется от него. Позднее я буду подробнее говорить об этом. Наиболее чистая и несмешанная славянская кровь должна течь в жилах русского духовенства. Уже восемь веков духовенство составляет здесь наследственное сословие, которое в своей замкнутости довольно строго держалось и до сих пор держится исключительных супружеств в кругу своего сословия. Тонкий наблюдатель, быть может, был бы в состоянии изучить и признать старья пограничные линии древнейших исторических славянских племён в различных семьях русского духовенства, потому что последнее

вообще мало передвигалось и оставалось на тех же местах в течение нескольких столетий.

Большинство встречающихся на улицах Москвы составляют великороссы – совершенно развившееся племя с господствующими славянскими элементами, которые на севере и северо-востоке смешались с чудским, на востоке, юго-востоке и юге с татарским и монгольским, на юго-западе и западе с другими славянскими племенами, а именно с малороссами, белорусами и литовцами. Великорусское племя самое многочисленное не только из славянских, но и из всех европейских народов, говорящих одним языком; его считают в 34–36 миллионах человек и даже более.

Великороссы вообще народ крепкий, с сильною костью, средняго роста, широкоплечий, с тонкою талией и толстой, сильной шеей; затылок почти прямой, что указывает на сильную способность размножения, мышцы не выдаются резко, туловище круглое, но редко с толстым животом; руки и ноги хорошо сложенные, что даёт движениям ловкость и грацию. Лицо продолговатое, низкий, выдающийся вперёд лоб, густые волосы, большей частью белокурые или светло русые; я почти не видал плешивых мужиков: глаза небольшие, серые, голубые или светло-карие и лежат большей частью глубоко; небольшой прямой нос, красивый рот, с большими прямыми, белыми зубами, маленькия прилегающия к голове уши, густая и кудрявая борода; редко свежий цвет лица с румянцем на щеках, чаще смуглое лицо, живыя телодвижения, свободное держание тела, походка более лёгкая и красивая, чем у германских народов; выражение лица умное, лукавое, сдержанное, наблюдательное, подвижное, добродушное, но не открытое. На востоке и юго-востоке, где примешалась татарская и монгольская кровь, и именно у казаков, тёмные волоса и глаза, выдающиеся вперёд скулы, толстый и курносый нос, большой рот и вздёрнутыя губы. В общем, великороссы красивы, я видел стариков с седыми выющимися волосами и бородами, которые могли

бы послужить моделью для любого живописца, – и к этому красивая, свободная одежда, которую нельзя сравнить ни со скандинавской, ни с немецкой, ни с французской.

Не то можно сказать о женщинах, но, впрочем, во многих местностях их очень портит скверная одежда. Головной убор красив, но сарафан свой они подвязывают подмышками, выше груди. Ноги их обёрнуты в толстые тряпки, сверх которых надеты лапти или неуклюжие сапоги. Поэтому и нельзя ничего сказать об их сложении. В большинстве случаев роста она маленького и имеют склонность к толщине, которую, впрочем, любят их мужья, щеки она румянят, а зубы часто чернят. В Ярославской губернии я видел, впрочем, много очень хороших девушек и женщин.

Я никогда не видал руссаго мужика кривобокаго или горбатаго. И по собранным мною сведениям, эти недостатки встречаются очень редко. Зрение и слух у русских вообще остры и не притупляются даже в глубокой старости. Русские не только закалены в холоде, в жаре и в боли, которые они удивительно стойко выносят, но просто малочувствительны к ним, великоросс не имеет ни той способности к работе, ни той физической силы, которыми обладают немцы, но он далеко превосходит их в способности переносить жар и холод, голод и жажду, боль и усталость. Я говорил уже, что движения великоросса легки и грациозны, поэтому он любит танцы. Танцы женщин друг с дружкой или вместе с мужчинами слишком чинны и невеселы, но танцы одних мужчин, что особенно в обычае у казаков, замечательно мимичны, с живыми телодвижениями и скачками. У мужчин звучные и сильные голоса, они никогда не кричат. Женщины поют гораздо реже мужчин.

На юг от Москвы, в Курской губернии, живёт очень интересное племя с резкими отличиями от всех других племён; оно невысокого роста, голова почти четырёхугольная, более широкая, чем длинная, низкий широкий лоб, каштановые волосы и карие глаза, короткий прямой

нос и вследствие этого длинная верхняя губа. Может быть, это племя составляют потомки прежних разбойнических древлян. Ещё при Екатерине правительство было не раз вынуждаемо прекращать разбой по большим дорогам сжиганием и уничтожением лесов, на 3 версты по обеим сторонам дорог. И теперь ещё в этой местности существуют разбои. Многие из фамилии Воропановых в нескольких поколениях были сосланы в Сибирь за разбои. Помещики тут гораздо снисходительнее к своим крепостным, так как противодействие их слишком сильно; все крестьяне тут на оброке, а не на барщине. Это запальчивый, дерзкий, мстительный и злопамятный народ, не задумывающийся пустить красного петуха или выстрелить из-за куста. Это не мешает им быть трудолюбивыми и потому богатыми; они отличные садоводы и огородники.

После великороссов многочисленнейшее славянское племя составляют малороссы: их насчитывают более 6 миллионов, но их мало в Москве, и святыня их не Москва, а Киев. Я откладываю их характеристику до приезда в Киев.

Белорусы – слабейшее из всех русских племён, они имеют вид задержанного в своём развитии племени. Длинные, тонкие черты лица, с острым носом, длинной шеей, узкие грудь и таз, малоразвитые икры, белокурые (где поселившиеся татары не занесли чёрных волос) с серыми и голубыми глазами, со слабым деторождением: женщины слабы и маленьки, детей мало, но при всём том они имеют глубокую привязанность к детям и любят свою родину. Они очень набожны, послушливы и почтительны перед всякой властью, даже перед помещиками, которых они ненавидят как поляков и католиков. Костюм их состоит из серой войлочной шляпы без полей и серой свитки, овчинных полушубков они не носят. Зимой их можно видеть в узеньких одноконных санках, тихо и уныло везущих в Ригу пеньку и лён, с куском замёрзшей земли на коленях, на котором для отогревания рук теплится маленький огонёк от горящего

смоляя. Пища их состоит из гречневой каши, дурного хлеба и мёда, мяса им почти никогда не достаётся. Они все на разорительной барщине, которая тем тяжелее, что они сами по себе слабы к работе, к тому же водкою окончательно деморализованы и истощены. Помещики, при недостаточных путях сообщения, не могут выгодно сбывать свой хлеб и потому перекуривают его на вино. Шинки в деревнях арендуют евреи, которые по контрактам с помещиком обязываются брать с его завода определённое количество вина, а поэтому прибегают к всевозможным средствам соблазна для спаиванья народа. Часто бывает, что хлеб ещё не созрел на поле, а уже большая его часть принадлежит евреям.

Ближайшие соседи белорусов, которых, впрочем, не часто можно видеть в Москве, – это литовцы. В противоположность первым, литовцы – крепкий ширококостный народ; на восток от Вильны высокого роста, тонкие, широкоплечие и с узким тазом. У литовцев высокая, сверху широкая голова с сильным затылком. Они носят усы, закрученные книзу и внутрь, тогда как малороссияне носят их кверху. Литовец сладострастен; женщины их красивы и крепко сложены, большая часть из них имеют усики на верхней губе. Литовский народ фанатичен, запальчив, мстителен и много пьёт, что, однако, не обезсиливает его. Все они очень держатся друг дружки и не любят помещиков; при хорошей нравственности и честности вообще, между ними очень распространено воровство лошадей, почему соседи, курляндские латыши, ругают их *к о н о к р а д а м и*, а они латышей – *с в и н о к р а д а м и*.

ГЛАВА V

Отъезд из Москвы. — Скворешники. — Крестьянская одежда. — Троицкая Лавра, ея значение в истории. — Профессор Голубинский. Осмотр монастыря. — Колокольня. — Успенский собор, гробницы царей и князей. — Церковь Св. Троицы, замечательные образа. — Нерукотворенный образ Христа по восточным и западным легендам. — Учение о чистилище. — Св. София с тремя дочерями. — Ризница. — Где скопляются жемчуги? — Монашеская келья. — Русское монашество. — Трапеза. — Больница. Библиотека, старославянские музыкальные знаки, русския мигнатуры. — Школа для бедных. — Духовная академия. — Нищие. — Воронья республика. — Отъезд из Троицы. — Переславль. — Села с каменными и деревянными церквами. — Никитский монастырь. — Озеро Плещеево. Памятник Ивана. — Постройка деревень в Ярославской губернии. — Ростов и его ярмарка. — Деревни огородников

Рано утром 12 мая выехал я с компанией из Москвы. Была отличная весенняя погода, и позади нас блестели на красном горизонте золотые куполы старого города царей. Мы поехали по ярославской дороге; сначала шло шоссе, но как только Москва скрылась из глаз, шоссе перешло в обыкновенную песчаную дорогу. Уже было сухо, и мы быстро подвигались вперед; на сносной дороге русския лошади бегут хорошо. Первые деревни были бедны, дома малы и дурны, часто связаны одною крышею с амбаром. Подле большинства домов стоят высокие шесты с домиками наверху для скворцов; этот прелестный обычай, распространенный по всей Великороссии, покоится, вероятно, на каком-нибудь старинном народном поверии. Безпрестанно встречали мы по дороге маленькими кучками муштин и женщин, фабрич-

ных рабочих, ремесленников и богомольцев. У мужчин, по степеням довольства, можно заметить троякого рода одежды: зипун домашнего сераго сукна, затем коричневаго и, наконец, синий суконный кафтан, который всегда сопровождается сапогами, тогда как два первые – лаптями. У женщин белая суконная верхняя одежда, спускающаяся немного ниже колен. Почти все оне завязывают голову платком, которым закрывают и нижнюю часть лица, так что видны только глаза да нос. Конечно, это остаток татарских нравов. У татар, как и на Кавказе, считается неприличным, чтобы женщина показывала свой рот. Русския женщины завязывают себе рот таким образом только в пути.

В полдень прибыли мы в знаменитый монастырь Троицкой Лавры, отстоящий около 60 вёрст от Москвы.

Этот монастырь, знаменитый в истории России, основан в 1330 г. одним ростовским уроженцем, котораго русская Церковь канонизировала под именем св. Сергия Радонежскаго и который до сих пор пользуется наибольшим почитанием почти изо всех святых. Сперва он жил тут пустынною в глубокой глуши. Скоро к нему присоединились другие отшельники и вскоре затем составили монашескую общину, которой он был первым настоятелем. Быстро распространялась слава его святой жизни, и скоро стали прибегать к нему во всех затруднениях и стар, и мал, из далёких и близких мест. Когда татарский хан Мамай обрушился на Россию, великий князь Дмитрий Иванович обратился к св. Сергию за советом и молитвой; Сергей послал ему двух своих учеников и увещевал его мужественно противостать врагу и надеяться на помощь Божью. Тогда-то произошла Куликовская битва на Дону, ставшая зарёй будущаго освобождения России из-под монгольскаго ига и за которую великий князь Дмитрий получил прозвание Донскаго. Предание рассказывает, что во время Куликовской битвы Сергей, отделённый от ней семьястами вёрстами, был погружён в молитву со своими монахами, наконец, встал и возвестил

им, что битва кончена, что христиане победили, и даже назвал поимянно павших в сражении и отслужил со своею братиею панихиду по ним.

В начале XVII столетия Троицкий монастырь был средоточием народной борьбы против польского владычества. Он отдал своё огромное богатство*, собранное сыпавшимися к нему со всех сторон подавниями, на освобождение отечества. В 1609 г. монастырь в течение 16 месяцев был тщетно осаждаем поляками под предводительством Лисовскаго и гетмана Сапеги. Поляки действовали тогда не только силою оружия, но и блеском золота, подкупом и подговором, и всё напрасно. Монахи и гарнизон под предводительством князя Долгорукаго и боярина Голохвастова бодро защищались. После снятия осады монастырь послал свои драгоценные золотые и серебряные сосуды продать в Москве на удовлетворение войск. Когда после падения Шуйскаго сама Москва подпала под владычество поляков, в Троицкой Лавре прежде всех сформировался центр противодействия. Архимандрит Дионисий и послушник Авраамий Палицын собирали повсюду вооружённых людей и разсылали воззвания ко всем боярам торопиться на помощь «с в я т о й м а т у ш к е М о с к в е». Они склонили князя Трубецкаго дать сражение, которым он отбил большую часть Москвы и оттеснил поляков за Китай-город. Воззвания их в Казань и Нижний Новгород вызвали, наконец, общее возстание, которое под предводительством знаменитаго гражданина Минина и князя Пожарскаго освободило Россию от польскаго ига. Ещё раз в 1615 г. Троицкая Лавра была осаждаема польским принцем Владиславом, заявившим претензию на русский престол против Романовых. Но ни сила, ни хитрость не покорили ему монастыря; после кровопролитнаго отбоя штурма Владислав отступил

---

* При секуляризации и конфискации духовных имуществ при Екатерине II оказалось, что Троицкий монастырь владел 107 000 крестьян, что теперь составляло бы ценность около 25 млн. руб.

и затем в 1619 г. под стенами того же монастыря был заключён мир между Россией и Польшей, после которого перевес мало-помалу перешёл на сторону России.

Наконец, в Троицком же монастыре спаслись и нашли защиту от взбунтовавшихся стрельцов в 1685 г. цари Иван и Пётр. Пётр I в 1689 г. ещё раз обратился к тому же монастырю и отсюда сокрушил могущество своей властолюбивой сестры Софии. Пётр I брал с собою на все походы как святыню здесь находящийся деревянный образ св. Сергия. На нём написаны названия всех битв и штурмов, при которых он был*.

Русские считают почти за диво, что в 1812 г., ровно 200 лет после вторжения поляков, французы не дошли до Троицкой Лавры, хотя были очень близко от нея. Они верят, что ангел-хранитель России спас от них монастырь. Французы, по всей вероятности, не подозревали, какая огромная богатства сосредоточены в этом монастыре (ценность их доходит до нескольких сот миллионов рублей).

Монастырь лежит на возвышении, и ещё издали видны сияющие на солнце золотые куполы и колокольни (от 60–80). Мы въехали на возвышенную площадь, окружённую строениями, и подъехали к монастырской гостинице, дающей всем даровое помещение.

Я имел рекомендательное письмо к Фёдору Александровичу Голубинскому, профессору Троицкой духовной академии и одному из умнейших и образованнейших духовных лиц, виденных мною в России. Он получил не только классическое образование, но и основательно изучил французскую и немецкую литературу, он знал вполне немецкую философию и её последнее развитие; и я с удивлением слушал суждения русского попа о Шеллинге, Гегеле,

---

* Указанные сведения заимствованы частью из речи Московского митрополита Филарета, сказанной им 5 июля 1822 года в Троицкой Лавре. Она переведена на французский язык и издана 1841 г. в Петербурге под заглавием: *La vie de st. Serge, fondateur du couvent de Troitza*. Настоятель монастыря подарил мне один экземпляр.

о распадении философии последнего на две школы и т. д.: эти суждения произносились с мягкою скромностью, но указывали на самостоятельное изучение предмета. Он расспрашивал меня о жизни немецких учёных, о личностях Шлейермахера, Неандера, Гегеля, Шеллинга. Я спросил его мнение о Гегеле и его философии. Он отвечал, что Гегель очень много сделал в разъяснении и правильной обрисовке других философских систем, что диалектика его достойна удивления, но что его собственная система не удовлетворила ни его, ни других. На вопрос мой о Шеллинге он отвечал русской поговоркой: от одного берега отстал, да к другому не пристал. Он говорил по-немецки совершенно правильно, хотя медленно, так как имел мало упражнения в этом языке: а что он владел им вполне, он доказал переводом на немецкий язык катехизиса Филарета (напечатан в типографии Пратца. Петербург, 1840 года). Несмотря на свою учёность, он набожен и предан своей церкви: при осмотре Лавры я имел случай заметить, что он строго держится всех церемоний и обрядов церковных. Наружность его умная, красивая, выражение лица милое, скромное, детское, он с сердечною радостью вызвался сопровождать меня по Лавре.

Мы пошли с ним на монастырь. Как Кремль не состоит только из окружающих его дворцов и зданий, а целый город, так и Троица не есть только монастырь, а составляет небольшой город с царским дворцом, домом архимандрита, 9-ю церквями, больницей, большим торговым помещением и т. д., окружённый большой белой каменной стеной в 7 саж. вышины, с башнями, помещёнными на равных расстояниях.

Мы осмотрели сперва колокольню, построенную архитектором графом Растрелли, стоящую посреди площади и возвышающуюся на 250 фут. Она выстроена в напудренном стиле времён Людовика XV, но доведённом до крайности. Здание это некрасиво, но оно всё-таки лучше голых

и однообразных построек времени от 1790–1815 гг., которые преобладают в русских городах. Эта колокольня, вероятно, наибольшая из всех существующих, в ней 35 больших колоколов, и один нижний весит до 4500 пуд. Во время звона впечатление должно быть величественно. Успенский собор – красивейшая из всех мною виденных русских церквей. В нём гробницы многих исторических лиц, например, царя Бориса Годунова и его жены, князей Одоевского, Голицына, Трубецкого, Волынского, Салтыкова, Глинского, Воротынского, Шуйского, Пожарского, Скопина, Мещерского и др. Но наибольшим уважением пользуется маленькая низенькая церковь Св. Троицы, от которой и весь монастырь получил своё название и в которой стоят мощи св. Сергия, которых рака необыкновенно богато украшена золотом, серебром и драгоценными камнями; один серебряный балдахин весит около 40 пудов. В этом храме замечательны фрески и образа и между последними образ, сопровождавший Петра I во всех битвах, равно как и образ Нерукотворенного Спаса, о котором предания совершенно различны в восточной и западной Церкви. Предание западной Церкви рассказывает, что когда Христос томился страданиями на кресте, то одна сострадательная еврейка подошла к Нему и отёрла с Его лица пот и кровь, струившуюся из-под тернового венца. Когда потом разложили этот платок, то на нем оказалось совершенно схожее изображение Христа. Это изображение удержалось навсегда в Церкви как единственно верное и получило название: *Verum icon*, то есть верное изображение. Имени сострадательной еврейки предание не сохранило, её называли поэтому женщина с *Verum icon*, а отсюда со временем образовалось имя Вероника, которое впоследствии приписывали этой женщине. Предание восточной Церкви рассказывает иначе: один византийский царь (армяне говорят: один армянский царь), очень набожный человек, имел страстное желание хоть раз увидеть собственными глазами Христа; однажды ночью во сне предстал ему

Христос во всём величии преобразования и отёр своё лицо полотенцем, лежавшим на постели царя; изображение Его сохранилось на этом полотенце. С этого изображения часто снимали копии, и оно до сих пор удержалось в Церкви*.

В этих двух образах есть существенная разница. Образ Вероники рисует Христа в терновом венце, страдающего, печального, образ византийского царя представляет его во всём сияющем величии божества.

Другой образ, интересный по отношению к догматам обеих Церквей, есть *образ искушений*, он помещён в преддверии здешней церкви Св. Петра: умирающий или уже умерший окружён чертями; его освобождённую душу несут два ангела-хранителя к райским дверям. На этом пути, длящемся 40 дней, выступают воспоминания обо всех совершенных им в земной жизни грехах, и со всех сторон в различных видах видны искушения. Восточная Церковь не выработала так строго учение о чистилище, как западная, хотя в этом между ними и нет существенного противоречия**. На чем основано предание этого образа, я не узнал, так как катехизисы Петра Могилы и Филарета совершенно умалчивают об этом.

В Спасской церкви есть очень хороший, очень распространённый в России образ св. Софии с тремя дочерьми. Он имеет скрытое значение и изображает божественную мудрость с тремя родившимися из нея добродетелями: Верой, Надеждой и Любовью.

По осмотре церковью наш спутник представил нас архимандриту Антонию. Ему лет пятьдесят, он воспитывал-

* В латинской церкви есть также этот образ, но не на полотне, а в виде портрета, снятого с Христа, как гласит предание, Евангелистом Лукой.

** Обе Церкви равно признают для душ людей, «хотя умерших с верою, но ещё не могущих вкусить достойныя плоды покаяния», особое среднее состояние, равно как и то, что молитвы и заупокойныя службы живых доставляют душам умерших покой и облегчение. Все разногласия на Флорентийском соборе вышли в словах: греки не хотели признать очистительного огня и признали чистилище. (Сравни катехизис Филарета стр. 90.)

ся в доме князей Грузинских и был врачом. Он принял нас в хорошо меблированной комнате и был очень приветлив, но разговор был довольно затруднителен, так как он только изъяснялся по-русски. На мою просьбу осмотреть монастырския сокровища, он сам повёл нас в ризницу.

Эти сокровища неисчислимой ценности; они превосходят всё, что только можно видеть в остальной России, во всей Европе, не исключая даже Рима, Лоретто и пр.; тут можно изучать искусство русских в выделке разных тканей, шёлковых материй, в работе золотых вещей начиная с XIV века, несмотря на то, что тут много заграничных тканей и церковных сосудов*. Почти все цари и царицы, богатые князья и бояре до последнего времени приезжали поклониться Лавре и оставляли ей красивые и дорогие подарки. Наиболее ценные подарки Бориса Годунова и супруги его Марии, которые тут и похоронены, императрицы Анны, Елизаветы и в особенности Екатерины II, которая, как кажется, желала ими покаяться в присвоении казне церковных имуществ, что тогда особенно сурово было принято Троицкой Лаврой.

В больших стеклянных шкапах стоят церковные сосуды, чаши, купели, кадила, архиерейския митры и жезлы, из чистаго золота и украшенные драгоценными камнями, Евангелия и требники, в золотых переплётах, ризы, архиерейския облачения, напрестольныя пелены, плащаницы, украшенныя жемчугами**. Из древностей нам показывали

* Русские очень усовершенствовались тканью тяжелых шелковых, яркоцветных и златотканых материй и превосходят в этом искусстве всё, что только я до сих пор видел; нигде и не платят таких высоких цен за эти материи, как в России.

** Трудно сосчитать жемчуг на образах и утвари у Троицы, легче было бы мерить его четвериками. На образах Богородицы и святых обыкновенно писаны только лик и руки, самое же платье покрыто золотой ризой. Наиболее уважаемые образа вместо риз покрыты сплошь жемчугом и драгоценными камнями. Быть может, в одной Троицкой Лавре жемчугу больше, чем во всей остальной Европе. Уже давно жемчуг мало-помалу стекался со всех сторон в Россию, где он идёт частью в церкви, частью на украшение женских костюмов. Есть губернии, как, например, Нижегородская, в которых каждая крестьянка носит на шее, на головном уборе от 200 до 300, а иногда и до 1000 настоящих жемчужин.

охотничий костюм Ивана Грозного, власяницу и деревянный стакан св. Сергия, ризы, обшитые самой Екатериной II жемчугом и бриллиантами, горящую драгоценными камнями чашу. Как особенную замечательность показывают шлифованный агат с внутренним природным изображением монаха, молящегося перед крестом. Я видел там ещё собственноручное письмо к монастырю от Павла I, извещающее о рождении у него сына Николая.

По моей просьбе я был впущен в келью одного недавно постриженного монаха. Это высокая однооконная комната около 18-ти квадратных фут, с маленькою спальней, скромно мебелированная налом, полкой для книг, несколькими камышовыми стульями и столом. Общий вид не производит впечатления полного убиения плоти и бедности, как келья картезианского монаха или трапписта, — новейший комфорт отчасти проник сюда, эта келья скорей напоминает бенедиктинския или иезуитския кельи. Впрочем, русское монашество до сих пор ещё носит характер древних христианских времён, ещё заметен переход от отшельнической к общинной монастырской жизни. Каждый монах живёт отдельно и устраивает своё жилище по желанию своему и возможности, только церковное богослужение и трапеза общественны. Умерщвление плоти заключается в строгом держании постов; монахи никогда не едят говядины, в редкие дни дозволяют себе яйца и молоко, а в посты не употребляют и рыбы. Они питаются хлебом, кашей, овощами и грибами, все это с приправою постнаго масла и соли.

Вообще в России думают, что монашество там в большом упадке, что оно утратило свой прежний характер и нуждается в преобразовании. В женских монастырях поселился разврат, так что в последнее время, например в Москве, явилась необходимость в строгих настоятелях, чтоб возстановить хотя бы внешнюю дисциплину. В мужских монастырях следует различать два рода монахов. Одни

идут в монастырь из истинной набожности, чтобы вдали от света вести созерцательную жизнь; для других это только предлог к ленивой и бездеятельной жизни. Это ленивые, невежественные и часто распутные люди! Другой род монахов – это учёные. Дети священников и другие молодые люди получают в семинарии и в духовной академии довольно высокое теологическое образование, затем поступают в монахи, приписываются к какому-нибудь монастырю, но не живут в нём, а чаще определяются в канцелярию архиереев, архимандритов и служат последним для официальных и личных услуг. Эта служба совершенно аналогична службе военного адъютанта при генерале или чиновника по особым поручениям при министре. Из них-то выходят архиереи, архимандриты, игумны и пр. Это карьера, как и всякая служба в России. Некоторые, конечно, идут в это звание по внутреннему влечению, но большинство движется непомерным честолюбием, самолюбием, расчётом и тщеславием – этою язвою высших сословий России!

Монах, к которому нас привели, принял нас смиренно и скромно. Он был сыном генерала Кулебякина, сам в капитанском чине, 30 лет от роду и красавец собой*. Я не мог узнать, что заставило его бросить свет и постричься в монахи. По общему впечатлению, однако, можно было догадываться, что причиной тому была какая-нибудь романтическая история.

Затем мы осматривали непомерно огромную трапезу; она была устроена первоначально на 500–600 человек. Теперь же в ней обедает едва сотня монахов.

Далее мы осмотрели отлично устроенную больницу для бедных путешественников и богомольцев, где за больными ухаживают монахи. Я думаю, это первый и единственный опыт в России дать монахам полезную деятель-

---

* Осенью я встретился на Черноморском пароходе с его братом, состоявшем адъютантом при генерале Будберге, – очень горячим и умным спорщиком, но тем не менее весьма добрым и приятным человеком.

ность, я не знаю, почему давно уже не свяжут подобной деятельности с монашескою жизнью.

Мы посетили библиотеку, заключающую в себе до 6000 томов. Библиотекарем – светское лицо. Нам показали замечательное Пятикнижие на еврейском языке, из XII столетия, много других русских манускриптов теологического содержания, псалтырь, писанный русскими первоначальными знаками и символическими мигнатурами, очень красиво раскрашенный, как нас уверяли, великими князьями, два манускрипта духовного содержания, где над каждой строкой стояли какая-то странные, нигде мною не виданные музыкальные значки, крючки, чёрточки, точки и т. д. Мне говорили, что подобные знаки часто попадаются у раскольников, что они их списывают и по ним поют. В Германии, в знаменитом Корфейском аббатстве, находится древняя рукопись с музыкальными знаками, до сих пор ещё не разъяснёнными. Может быть, там такие же знаки, и старорусские ноты могут дать ключ к объяснению их*. Я никогда не видал корфейской рукописи.

При выходе из ограды монастыря нас встретила толпа мальчиков, шедших из училища, основанного 7 лет тому назад для бедных детей. Повсеместно в России видна потребность в начальных школах, народ стремится к образованию; тут никогда не употребляют никаких принуждений для наполнения школ детьми. Здешняя школа имеет от 80–100 учеников.

Духовная академия основана императрицей Елизаветой в 1749 г., в ней находится теперь до 100 молодых теологов и при них 15 профессоров, из которых три монаха, двое из белаго духовенства, остальные из светских. Устройство научной части в ней заимствовано от иезуитов; первое двухлетнее отделение называется философией, второе,

* Евангелие, на котором французские короли принимали присягу при коронации в Реймсе, написано такими буквами, которых никто не мог разобрать. Когда эту книгу показали Петру I, он тотчас признал в ней старославянский манускрипт.

тоже двухлетнее, обнимает собственно теологическая наука. Здание академии было некогда царским дворцом. Теперешняя академическая аудитория помещается в зале, в которой жил некогда Пётр I.

Как и при западноевропейских монастырях, тут очень велико скопление нищих. Несколько сотен их находят себе тут ежедневное пропитание.

На роскошных старых липах и берёзах монастырского двора поместилась могущественная республика ворон. Глубокая тишина охраняет их, тут никогда не раздаётся ружейного выстрела, и поэтому они храбры и даже дерзки, как нигде.

Мы покинули Троицу около 11-ти часов вечера и приехали на следующее утро в уездный город Владимирской губернии, Переславль-Залесский. Деревни, через которые мы проезжали утром, были выстроены дурно. Маленькие избытки с маленькими оконцами на улицу, иногда тремья, иногда одним, редко с какими-нибудь украшениями, с также размещёнными надворными постройками, как я до сих пор видел; кое-где попадает балочка под тремя окнами. В большинстве сёл стоят, однако, красивые новые каменные церкви, только в селе Новое видел я в первый раз старую деревянную церковь, какая прежде была везде в России. Эти церкви теперь постепенно заменяются каменными. Русские мужики считают за особенную почесть, если в их селе каменная церковь. Они считают понижением для себя переселение из села с каменной в село с деревянной церковью и даже неохотно вступают в брак с крестьянами и крестьянками – прихожанами деревянной церкви. Поэтому последние хлопчут изо всех сил строить у себя как можно скорее каменные церкви, чтобы поднять таким образом своё село в глазах своих соседей. Это указывает на распространённое во всех классах русского народа чиновничество. В настоящем случае для повышения в чине не требуется никакого разрешения свыше, а только

определённая сумма денег. Приходится заплатить за чин, если хочешь иметь каменную церковь. Обыкновенная деревенская церковь стоит 10, 20, 30 тысяч рублей серебром, но ничего нет легче достать эту сумму. Дюжина простых деревенских людей расходится во все стороны собирать на построение храма; они выставляют на всех дорогах кружки для сбора пожертвований; жизнь самим ходокам ничего не стоит, так как их везде принимают радушно, и в несколько лет собирается нужная сумма. Затем они испрашивают план и назначение архитектора (каждый план постройки утверждается в Петербурге), и таким образом является каменная церковь в новом стиле, и село повысилось целым рангом во мнении своих и соседних жителей. Ничего подобного нет в Западной Европе, частью потому, что там постепенно утрачивается религиозное чувство, побуждающее к добрым делам*, частью потому, что там преобладает слишком быстрая смена понятий и их слабая связь. У русских не так; русский народ не имеет никаких политических идей, но зато имеет два убеждения, которыми прочно проникнута вся страна сверху донизу: это глубокое чувство народного единства и живая преданность своей Церкви. Так как мышление руссаго человека основывается на этих двух чувствах, то он охотно и без оглядки готов жертвовать за них имуществом и кровью.

Чтобы понять лёгкость таких больших сборов денег на построение неизвестной деревенской церкви, да ещё между мужиками, не нужно забывать, что русский человек легко даёт, легко и берёт. Нигде собственность не находится в таком шатком положении и не подлежит таким частым колебаниям, как в России. Сегодня богат, завтра беден! Тут богатеют и разоряются почти одновременно, надувают

---

* Некогда Кёльнский архиепископ набросал исполинский план Кёльнского собора и при незначительных средствах смог вывести половину постройки; в наше время вся Германия решилась её окончить, но как быстро улетучилось благородное рвение! Приношения и пожертвования делаются всё скуднее. Если бы не взялись за это дело короли, собор остался бы недостроенным.

и попадаются впросак, воруют одной рукой и дарят другой. Простой русский человек не имеет большого пристрастия к собственности, он равнодушно теряет то, что только что нажил, в надежде нажиться завтра опять.

К тому же русский от природы добросердечен и благотворителен. Таким образом, торгаш, который только что, безо всякого угрызения совести обсчитал своего соседа на двугривенный, в следующую затем минуту жертвует целковый на построение храма.

Переславль издали имеет вид большого города вследствие большого количества церквей и колоколен, на самом же деле представляет пустынное место, и только церкви напоминают о его прежнем процветании. Тут несколько монастырей и между ними знаменитый монастырь св. Никиты, который так же как и св. Сергий был природным русским. Этот монастырь посещается богомольцами.

На Плещеевском озере, лежащем около города, Пётр I делал первые опыты постройки судов. Здесь сохраняется как святыня им выстроенный ботик. В память Петра на этом озере ежегодно совершается служба. Он же пустил в это озеро сельдей, которые, как говорят, хорошо прижились.

Неподалёку за городом мы видели каменный красивый памятник наполовину готического, наполовину русского стиля. Иван Грозный поставил его на том месте, где он получил известие о рождении своего сына.

Наконец мы въехали в Ярославскую губернию. Деревни имеют тут другой вид, оне богаче и красивее, некоторые дома похожи на помещичьи или городские. Избы не теснятся так друг к дружке на улицу, как в деревнях между Петербургом и Москвой, но разделены дворами; иногда, кроме главной улицы, попадаются переулки.

В некоторых деревнях избы выходят на улицу не лицевой стороной, а боком, фронтон же обращён на двор и украшен двумя символическими лошадиными головами, то же украшение распространено в северной Германии и

Скандинавии. Самыя избы очень напоминают крестьянские дома северной Германии.

Мы ехали всю ночь и при отвратительной дороге переломали свои экипажи. В 2 часа ночи на развете прибыли мы в Ростов и не останавливались в этом интересном городе. Ростов – один из древнейших русских городов, составлял некогда отдельное княжество одного из Рюриковых потомков, от которых произошли нынешние князья Ростовские.

Великим постом здесь бывает большая ярмарка, продолжающаяся три недели, на неё приезжает от 40 до 60 тыс. человек покупателей и продавцов, а оборот её простирается до 10 млн. рублей. Окрестные деревни на большом пространстве занимаются огородничеством, ростовские огородники славятся во всей стране; они или нанимают землю, как, например, под Москвой, Ригой и др., и с успехом торгуют овощами, или нанимаются в садовники.

Утром, при ярком солнце, проехали мы Семибратовщину – красивое село графа Чернышева с вновь отстроенной великолепной церковью по образцу петербургского Казанского собора, только без колоннады.

Затем проехали мы Поречье – деревню графа Панина; крестьяне тут специально занимаются разведением аптекарских трав и ведут ими обширную торговлю.

После полудня 14-го мая спустились мы с возвышенности перед Ярославлем, который очень красив, огибаемый с этой стороны, широко разлившейся рекой, впадающей перед самым городом в Волгу. С реки, во время переезда через неё на лодке, перед нами открылась очень живописная и оригинальная городская церковь, рисунок которой я непременно приложил бы к этой странице, если бы труд Блазиуса не представлял уже в большом количестве и выборе все типы русских церковных архитектур.

ГЛАВА VI

Ярославль. — Русская гостиница, караван-сарай и трактир, чай и самовар. — Губернатор, его супруга, религиозное благочестие русских. — Неслыханный осётр. — Поездка с председателем палаты государственных имуществ к г. Карновичу. — Мирская сходка по дороге. — Прибытие. — Описание имения Горы Пятницкой. — Внутренность одного крестьянского двора. — Оригинальный состав одной крестьянской семьи. — Ферма, учреждённая на новых основаниях. — Местечко Великое Село. — Русское крепостное право в его столкновении с новым временем. — Русское дворянство, изменение его нравов с 1812 года, чиновное дворянство. — Полотняная фабрикация в Великом Селе, особенный раздел земли. — Отношения между помещиками и крепостными, анекдоты. — Новые распоряжения графа Киселёва. — Недостаток в близком суде для незначительных проступков. — Русские портные. — Поземельный раздел в русских общинах. — Тягло на оброчном и барщинном положении. — Приращение русского населения. — Политическое и культурное значение русской общины. — Сравнение русского сельского хозяйства с немецким и последняго с английским и французским. — Пункты соприкосновения с новейшими теориями. — Сен-симонизм. — Сходства и противоположности с русским социальным устройством. — Земледелие под Ярославлем. — Отъезд от Карновича. — Деревенский поп. — Белильня полотен. — Поездка в Рыбинск. — Его торговое значение. — Бурлаки. — Возвращение в Ярославль. — Яковлевская фабрика

Так как я в первый раз останавливаюсь в гостинице во внутренней России, то мне хочется сделать несколько общих замечаний об них. Гостиниц в европейском смысле прежде не было вовсе в России. Там существовали только азиатские

караван-сарай, то есть большие, пустые, немеблированные дома, в которых можно было за небольшую плату найти кров для себя и животных, но ничего больше. Хозяина нет, постелей не существует, каждый должен сам доставать себе пищу; о приветливой встрече прибывшаго хозяином и прислугою нет и речи. Такие караван-сарай есть ещё и теперь на юге России, в Астрахани и на Кавказе. Кроме них повсеместно существуют трактиры, в которых нет помещения для приезжающих, но где можно получить хорошо приготовленные кушанья и чай, а в местностях, прилегающих к Чёрному морю, и кофе по-турецки. Когда, бывало, русским приходилось ездить по России, то они брали с собой всё, что им нужно, постели, провизию и пр. В России начали развиваться западные гостиницы со времени распространения в ней европейской цивилизации, но это развитие идёт очень медленно. Ещё и в Петербурге нет ни одной гостиницы, которую по отношению к комфорту можно было бы сравнить с гостиницами даже какого-нибудь маленького немецкого города на Рейне. Петербургские гостиницы Демута, Кулона по удобству и изяществу едва заняли бы в Германии место третьеклассных гостиниц, хотя по внешнему виду это настоящие дворцы. Постели и мебель в них скверная, бедная, *table d'hôte* нет совсем; если хочешь обедать дома, нужно особенно заказывать. Часто стол держит не сам хозяин, а сдаёт его постороннему кухмистеру; прислуги почти совсем нет. Да почти не стоит и труда заводить хорошие гостиницы, так как они имеют только значение для иностранцев. Русский купец до сих пор ещё охотнее останавливается на постоянных дворах вроде караван-сарая, важные господа возят с собой постели, а самые важные — даже поваров и пр. Приезжий устраивается в гостинице как у себя дома и покупает все, что ему нужно через своих людей. В Петербурге и Москве только немцы, французы и англичане открыли несколько порядочных гостиниц.

Вместо гостиниц есть в Петербурге и Москве особые помещения для приезжающих на месяц и более, они сда-

ются на определённое время с платою 25, 40 и 50 рублей серебром в месяц за помещение, состоящее из одной и двух комнат, стол, обед и чай утром и вечером, отопление, освещение и прислугу.

Теперь во всех губернских городах есть порядочные гостиницы. Где они содержатся русскими, а не немцами, они несут ещё на себе следы караван-сараяв. Остановившись перед такой гостиницей, вы не будете никем встречены, а хозяина и совсем не увидите. Входишь прямо в дом, отыскиваешь буфет, помещающийся большею частью в верхнем этаже, находишь буфетчика и спрашиваешь у него номер, номера эти меблированы очень скверно, вместо кровати стоит кожаная софа, на которой нужно постлать свою собственную постель. Нужно всегда торговаться, давать половину и т. д.; наконец, условившись, помещаешься в номере. В буфете продаётся вино, водка и закуски, а в прилегающих к нему комнатах можно получать и кушанья по порциям. Из кушаний всегда предлагаются котлеты и бифштекс (эти слова с 1815 года проникли даже глубоко в Азию), и всегда очень дурного качества и очень дурно приготовленные. Если спросишь настоящие русские кушанья, щи, пирог, то получаешь действительно вкусную, здоровую пищу. Белый хлеб скверный, но чёрный хорош и вкусен. Везде можно получить чай в пивных стаканах, большею частью с куском лимона, но без молока. Коренной, набожный русский пьёт его, особенно в посты, с мёдом, так как сахар рафинируется бычачьей кровью. Мне говорили, что есть один русский сахарный завод, на котором сахар рафинируется иначе, и этот постный сахар употребляется русскими даже и в посты*.

---

* Очень смешно видеть в ресторациях русских купцов, бородачей в синих кафтанах, сидящими совершенно прямо и неподвижно на лавочках вдоль стен и делающими только самые необходимые движения, насколько нужно, чтоб поднести стакан ко рту и потом поставить его на стол. Так сидят они тут по воскресеньям сподряд в течение 4–6 часов, не двигая ни одним членом, не произнося ни одного слова и глотая чай стакан за стаканом (они выпивают так по 24 стакана), причём пот ручьями льётся по их лицам.

Путешественник возит обыкновенно с собою погребец, содержащий в себе чайницу, сахарницу, 2 стакана, 2 тарелки, ложку, чернильницу и песочницу, место для бумаг; такой погребец стоит в Москве от 4 до 12 руб. сер. В гостинице такой путешественник требует себе только горячий самовар, за который платит 10–20 коп. сер. Самовар – это род медных продолговато-круглых сосудов, которые 50–60 лет тому назад были очень в моде в Германии. Русские возвысили их теперь до национальной посуды. Их можно найти не только на каждом постоялом дворе, но даже в каждом порядочном крестьянском доме, так как употребление чаю очень распространено в России даже между мужиками.

В русских гостиницах нет прислуживающих и убирающих комнаты девушек, все это исполняется мужчинами; эти последние одеты обыкновенно очень красиво: ловкие молодцы с длинными волосами, подвязанными через лоб чёрной ленточкой или ремешком, застегнутыми на лбу пряжкой, или пуговкой, или другим украшением, шея голая, рубашка сверх панталон, перевязанная на талии ремнём, без воротника и застёгнутая на плече двумя пуговицами. Отсюда такая одежда распространилась во всей Европе между детьми высших классов.

На почтовых станциях есть для проезжающих даровая меблированные комнаты, отопливаемые зимой; сюда вносят вещи, устраивают постель на диване, пьют чай и ночуют. На больших трактах, от Петербурга к Москве, Варшаве и др., почтовые станции устроены роскошно, внутри же России, конечно, хуже, но всё-таки там чище и лучше, чем в гостиницах.

В Ярославле мы остановились в обыкновенной русской гостинице и устроились в ней, как только можно было; и, пока А. отправился с визитами к губернатору и председателю палаты государственных имуществ, я пошёл шататься по городу. Это совершенно новый город, и не будь типичных русских церквей на больших площа-

дах, можно было бы подумать, что находишься не в России. Город раскинулся живописно на правом, горном берегу Волги. У большей части рек России, текущих на юг и на юго-восток, правый, западный берег горный, левый же луговой, низкий и часто болотистый. С левого берега реки особенно красив Ярославль со своими двумястами куполами, колокольнями и расположенными вдоль реки роскошными домами; по обширности он не уступит Гамбургу, но жителей в нем не более 25 000. Таковы все русские города, внешняя границы их обозначены, и они ждут только внутренняго наполнения. Ни один народ не имеет в настоящую минуту такого быстрого поступательнаго движения вперед, такого напряжения сил, как Россия.

Гостиный двор в Ярославле оживлён; движение, крик и шум напоминают Москву. Я заметил в движущихся тут массах народа более тёмный цвет волос и что сзади у них волоса острижены короче; сложения они крепкаго, лица оживлённыя и красивыя. Ярославския женщины считаются самыми красивыми во всей России.

В тот же день сделали мы визит губернатору и г. Гану, председателю палаты государственных имуществ и помещику здешней губернии; с ними отправились мы за город в довольно хорошенький парк, летнее гулянье горожан, и на конце котораго стоит сумасшедший дом. На следующее утро губернатор, генерал Бярятинский, отдал мне визит и пригласил меня обедать. С ним и его супругой, княгиней Абамелек, и одной армянкой (красавицей чисто восточнаго типа) отправились мы осматривать церкви, а позднее заехали к одному богатому русскому купцу, который очень добивался чести показать нам какое-то необыкновенное произведение искусства. Но это оказалось не что иное, как хороший венский орган с часами, игравший множество увертюр, маршей и симфоний и стоивший не менее 30 тыс. рублей ассигнациями. Так как в России нет в городах ни постоянной, ни кочующей музыки, а между

тем, при посредстве фортепиан, все познакомились с новейшею музыкой и полюбили ее, то во внутренней России органы заменяют оркестры.

Иностранцу кажется странным в знатных и образованных русских строгое подчинение их церковным обрядам. Я заметил это ещё в Москве: молодой князь Т., изысканный московский лев, водивший меня по кремлевским церквам, почти в каждой церкви становился на колени перед какой-нибудь святыней, клал земные поклоны и скромно прикладывался к мощам или к образу. В Ярославле я видел то же. М-ме Бяратинская и сопровождавшая ее другая дама при входе в каждую церковь подходили к образу Богородицы, без малейшаго опасения за свой туалет становились на колени, клали земной поклон и, перекрестясь, прикладывались к образу.

А это были дамы высшего аристократического общества. Г-жа Бяратинская была придворною дамою, составляла украшение высшего петербургского света, была отлично хорошо образована, знала вполне французскую и немецкую литературы, и ещё незадолго перед тем, гуляя со мной на берегу Волги, она так умно и живо говорила о высокой поэзии Гётевских песен и прочла наизусть его Р ы б а к а. Даже в наиболее строгих католических странах, в Бельгии, Баварии, Риме, Мюнстере и других, не встречается таких открытых заявлений религиозной покорности, разве как крайне редкое исключение между женщинами, между мужчинами никогда. Образованные классы в этом отношении совсем отделились от народа. Даже при действительной набожности они считают такое выражение ея неприличным, и если не решаются говорить об этом, то всё ж таки стыдятся его. Не так в России! Здесь есть тоже свободные мыслители, даже атеисты, и притом не в меньшем количестве, чем в Западной Европе, но и они, по крайней мере при народе, в деревнях, безусловно и почти произвольно подчиняются всем церковным

обрядам. В этом отношении нет разницы между высшими и низшими классами в России – везде господствует единая Церковь и единый национальный культ. И притом в самой Церкви нет ни малейшей разницы между знатным и бедным. В протестантской церкви у каждого своё определённое место, абонированный стул, некоторые строят себе в церквах маленькия комнатки с дверью и окном, знатнейшие помещаются ближе к алтарю или кафедре, остальные по рангу ближе или дальше. Все государственныя, сословныя, чиновныя различия – все это целиком вносится в церковь. В католических церквах, особенно в соборах, это гораздо менее развито, но всё-таки и там верхния сословия стоят особо и боятся смешаться с простым народом (в Северной Германии местами уже переняли протестантский обычай абонированных стульев). В России полнейшее равенство, как это должно быть в христианской Церкви! Тут нет низших, нет высших! Нищий, крепостной мужик, не задумываясь, становится рядом или впереди богатаго и помещика, которые не обращают на это никакого внимания и не продираются непременно вперёд. Об абонированных стульях, конечно, нет и речи; да в русских церквах и совсем нет ни стульев, ни даже скамеечек для коленопреклонений. Все стоят. Только для женщин в некоторых церквах можно найти стул.

У меня было рекомендательное письмо из Москвы к одному помещику, живущему недалеко от Ярославля; я отправил к нему письмо и получил приглашение посетить его в деревне.

Утром 16-го пошли мы посмотреть к Волге пойманнаго 8 дней тому назад неслыханной величины осетра и содержимаго теперь в садке из кольев и досок. И действительно, только Волга может приютить в себе такое чудовище! Осетр был длиной от $3\frac{1}{2}$ – $4\frac{1}{2}$ арш. и, быть может, столько же в обхвате. Никто никогда не видал тут такого огромнаго осетра.

Затем я познакомился с устройством канцелярии письмоводства и вообще порядка занятий палаты государственных имуществ и нашёл всё очень схожим с немецким, и именно прусским устройством; только отчётные и учётные ведомости гораздо сложнее и подробнее. Канцелярское письмоводство разрослось в России ещё значительнее, чем в Пруссии; в существенном же, в образованности чиновников, в их основательности, прилежании и честности, Россия далеко отстала от Пруссии.

Около 6 часов вечера я поехал вместе с г. Ганом в Гору Пятницкую, именье вышешпоименованного помещика Карновича. Дорога шла хорошо возделанными полями, хотя временами мы проезжали низкия и запущенныя места, которыя или не способны к обработке, или не окупили бы ея. В одной деревне мы остановились для перемены лошадей. Деревня эта, несколько времени тому назад сгоревшая и теперь очень красиво отстроившаяся, была вся в сборе, и г. Ган, чтобы показать мне, как ведутся дела в русской общине, велел собрать сход, тем более что у него было и дело до схода. На улице окружили нас мужики; голова, старосты и «седыя головы» выступили вперёд, и начались довольно оживлённые толки, из которых я ничего не понял, потому что не понимаю по-русски, но содержание которых мне передали. Разговор касался некоторых обстоятельств общины и небольших размолвок между некоторыми членами ея, которые, впрочем, все скоро были разрешены председателем палаты после предварительных кратких переговоров головы со стариками. Всё прошло в полном порядке; как только начинали говорить голова, староста или старики, то между молодыми членами воцарялось молчание и внимание. Не было ни крика, ни шума, никто не перебивал другого, царствовала величайшая взаимная вежливость. Поведение их относительно председателя палаты свидетельствовало равно в пользу его и их; крестьяне были доверчивы, приветливы, уступчивы,

но отнюдь не низкопоклонны и льстивы. Один из них со слезами и стонами просил председателя об освобождении его сына от рекрутства. Г. Ган сказал, что на основании закона он должен отказать ему в просьбе, но дружески и любовно утешал несчастного отца.

Мы направились затем в сопровождении головы, старост и стариков в волостной приказ, где волостной писарь передал г. Гану различные бумаги, из которых я, конечно, ничего не понял. Можно, однако, указать, что грамотность начинает проникать в отдалённые закоулки России.

На мои расспросы я получил следующие сведения об этой деревне. В ней 23 двора и 82 мужские души, она составляла прежде собственность князя Козловского, но крестьяне выкупились на волю, заплативши князю за землю, находящееся на ней имущество и свою личную свободу 50 тыс. ассигнациями, 30 тыс. наличными, остальное в течение 7-ми лет*. Теперь на них лежат только подушные и мирские сборы. Тут нет дележа земли по душам, как во всей остальной России, они разделили землю по сумме, принятой каждым из членов на себя для выкупа. Но этот делёж так непривычен и неудобен для крестьян, что они порешили после следующей ревизии разделить остающийся денежный долг на личный долг каждого, а землю разделить подушно.

Уже солнце садилось, когда мы поехали дальше. Один из крестьян попросил позволение поместиться сзади нашей коляски и ехать с нами, он начал скоро оживлённый разговор с председателем, разговор которого я не понял, но председатель уверял меня, что крестьянин этот так ло-

---

* Удивительная это вещь – русское крепостное право! По закону, князю Козловскому принадлежала не только вся земля и мужики с их семьями, но и всё их имущество, а следовательно и те 50 тыс. рублей, которые они ему заплатили; почему же, однако, он не взял прямо себе эти деньги и не оставил крестьян в той же крепостной зависимости? Никакой закон не помешал бы ему в этом. Но обычай запрещает поступать таким образом, а обычай сильнее всяких законов!

гично говорил и так правильно судил о поземельном разделе, что слова его стоило бы напечатать. Во всех классах русского населения, у образованных и необразованных, один и тот же язык, здесь нет *patois*, а поэтому образование может легко распространяться: простому крестьянину книжный язык совершенно понятен.

Так как мы прибыли к Карновичу около полуночи, то скоро легли спать. На следующее утро мы отправились осматривать его хозяйство. Хозяйство его отнюдь не старорусское, неподвижно заключённое в старья формы, но и не западноевропейское, ведённое на основании рациональной науки, а скорее улучшенное русское хозяйство с применением западных изобретений и с приспособлением к местным условиям. Г. Карнович основательно образованный человек, изъездил Германию, Францию и Англию, изучая везде сельское хозяйство, и полный патриотизма вернулся в своё отечество проверить и применить к практике всё, чему он научился, и стать учителем и примером в своей стране. Он не женат (я думаю, вдовец), не имеет семьи и живёт постоянно в деревне со своей старой, также одинокой тёткой. Он делал много опытов в своём хозяйстве, некоторые удались, другие нет; ему пришлось много и долго бороться против упрямства и невежества крестьян, против слепой привязанности их к старине, против ненависти ко всяким нововведениям, но он все это поборол и довёл своё имение до такого положения, лучше которого я не видал во всей России, да и подобных которому, наверно, немного. Все новое и рациональное в его хозяйстве для меня было не ново, но мне было интересно видеть его в России.

Имение Гора Пятницкая находится в довольно плодородной, приятной, несколько холмистой местности (хотя вообще в Ярославской губернии бедная земля), лежащей под одним градусом широты с Лифляндией. Преобладающая почва песчаная, с остатками гранита, но с достаточной примесью чернозёма. Местность богата водой и обильно

снабжена ручьями, прудами, озёрами и болотами; леса состоят из хвойных деревьев, лип, берёз и проч.

Усадьба лежит на возвышении в конце небольшого села; она состоит из хозяйственных построек, размещённых в виде четырёхугольника перед господским домом, сзади которого раскинулся красивый, но несколько запущенный сад. Общий вид ничем не отличается от лифляндских и прусских усадеб. Господский дом, как и все русские дома, бревенчатый, но, что уже составляет редкость, в два этажа, из которых верхний занят владельцем.

По осмотре усадьбы мы спустились с горы к полям, где помещались овин, овчарня и проч. Хозяин повёл нас посмотреть его новый опыт зимняго хранения картофеля. Прошлой осенью он велел ссыпать картофель на сухом возвышенном месте в большие кучи, длиною в 3 саж., шириною в $1\frac{1}{2}$ саж. и вышиною в 2 арш., и закрыть эти кучи слоем соломы в четверть аршина толщиной и поверх ея толстым слоем земли в $\frac{3}{4}$ арш. Картофель перестоял зиму, и в нашем присутствии (17/29 мая) куча была разрыта. Хотя земля на куче местами оставалась ещё замёрзшею, но картофель сохранился совершенно хорошо, в чём мы окончательно убедились за обедом. Неподалеку, в риге, построенной на манер лифляндских риг, на каменном фундаменте и с каменными столбами, мы видели оригинальную молотильную машину, очень распространённую в Симбирской губернии. Так как молотить было нечего, то мы не могли убедиться на опыте в ея целесообразности. На поле рабочие плугом подымали землю под озимь под наблюдением одного старика, бодро управлявшего первым плугом. У него была чрезвычайно красивая голова с длинными седыми волосами и бородой. Я подшутил над ним, сказавши ему, что он очень ещё бодр для своих 60 лет, но ему было целых 80, и он имел ещё 5–6-летнего сына.

Отсюда мы отправились в ближайшую маленькую деревню и осматривали крестьянския усадьбы. Построй-

ки тут размещены так же, как я описывал выше; фронто́н дома обращён на улицу, и рядом с домом узкий длинный двор с одними воротами. Изба, которую мы осматривали подробно, имела вход с улицы, что составляет исключение. Входная дверь была на левой стороне, а направо маленькая дверь вела в нижнее пространство дома, где помещался мелкий скот. К самому жилью ведёт небольшая лестница. В избе не было никакой мебели, кроме скамьи вокруг стен, образа в углу против двери с зажжённой перед ним лампадкой и нескольких полок на стенах для посуды. Прялка и ткацкий станок указывали на распространённое в этой местности льняное производство. Огромная кирпичная печь занимала треть всей комнаты; зимой эта печь служит постелью. Около нея маленькая лесенка ведёт в подполье, служащее кладовой, а по ночам и приютом мелкого скота, птицы и свиней; зимой тут же доят коров. По другую сторону входной лестницы помещались маленькие чуланчики с крошечными оконцами для хранения разных вещей; тут стояло несколько сундуков, по одному на каждого члена семьи, для помещения в них платья; летом в этих чуланчиках спят. Кушанье готовится в той же единственной печи, так что она топится и летом. Непосредственно к дому прилегает хлев, вход в которой есть также из дому. Он помещается под двумя крышами, так что дом с хлевом имеют три крыши, расположенные так, что каждая последующая несколько ниже предыдущей. В хлеву стоят лошади и рогатый скот, не отгороженные стеной, почему зимой им холодно, но они привыкли к тому.

Позади хлева в линию с ним находится сарай для телег и земледельческих орудий. Тут же амбар для соли и муки, и потому у двери большой висячий замок. На расстоянии нескольких шагов, всё в ту же линию, стоит погреб для капусты, овощей и др. Далее небольшой огород под капустой, на конце его овин, за ним площадка, на которой ставят хлебные скирды и сушат сено, и в заключение этого

ряда построек стоит всегда баня. Все это делает каждый двор очень длинным и узким, тогда как в Германии дворы круглые или четырёхугольные.

Судя по тому, что животные помещаются под жильём или рядом с ним, по низкой и жаркой комнате, можно было предполагать, что в самой избе грязь и вонь. Однако воздух в ней был лучше, чем я полагал, чему, конечно, способствовали постоянный огонь в печи и открытые окна. К тому же, по крайней мере в этой избе, приятно было видеть, в какой чистоте и опрятности она содержалась. Г. Карнович говорил мне, что здешние крестьяне живут чище и лучше, чем в городах.

Мы застали их, прилежно работающими за прялкой и ткацким станком. С нами они были любезны, естественны и незастенчивы; они охотно и толково отвечали на всё, о чём я спрашивал.

Состав семьи, тут жившей, в высшей степени оригинален: глава ея – старик, вдовый в течение более 20-ти лет и бездетный; старуха, дальняя родственница его, также вдова; 14-летняя дочь ея, необыкновенно красивая девушка. Муж другой ея, умершей, дочери женился второй раз и вместе с женой своей и пятью детьми исполнял главные работы по хозяйству. Таким образом, вся семья почти не была связана кровным родством; между ними, однако, по словам Карновича, царствовали полное согласие и любовь. Такие отношения здесь вовсе не редкость. Русский человек не может жить без крепкой семейной связи; если у него нет семьи, он выдумывает её себе. Нет у него в живых отца, он приискивает себе на стороне и оказывает ему ту же любовь и уважение, как бы родному. Точно так же бездетные усыновляют себе чужих детей. Спрашивается, почему этот старик не женился, чтобы дать, по крайней мере, внешнюю связь всей семье? Обычай этой местности не допускает, чтобы вдовец или вдова вступали во вторичный брак после 15-летнего вдовства. Но мушина нуждается в

таком случае, более чем когда-либо, в женской заботливости, и, таким образом, совершенно естественно образуются вышеуказанные отношения.

Г. Карнович сделал опыт (как меня уверяли в Москве, первый опыт в России) изменения крепостных отношений на отношения арендаторов. Вне этой деревни, в версте от нея, он устроил ферму, дом и хозяйственные постройки, прирезал к ферме $12\frac{1}{2}$ десятин пахотной земли, значительные луга и выгоны и поселил там одно крестьянское семейство. Постройка и расположение дома были сделаны по образцу английских ферм. На ферме заведено плодопеременное хозяйство на совершенно рациональных основаниях, приспособленное к климату, почве и местным условиям. Земледельческие и хозяйственные орудия безупречны. Прежде сдачи этой фермы в аренду, он воспитывал при своей усадьбе ту семью, для которой назначалась ферма, и сам практически обучил её всему. Он заключил с ней арендный контракт, или (так как, после выхода указа 2-го апреля 1842 г., такие контракты не имели более законной силы) скорей закладную, в которой все отношения были ясно определены*. Так как эта аренда существует уже целый ряд годов и жатвы на ферме улучшаются с каждым годом, то этот опыт должно считать вполне удавшимся.

Я высказал моё мнение, что ферма эта так далеко расходится со всеми русскими привычками и обычаями по отношению к устройству хозяйства, обработки земли и самого жилища, что она не может вызвать подражателей и последователей; что пример этот мог бы послужить образцом и действительно иметь значительное влияние на окрестных крестьян, если б эта ферма допускала тот образ жизни и те привычки, с которыми освоился народ; что сам Карнович потому достиг таких хороших результатов в

* Я получил копию и перевод с этого интереснаго документа; но не мог его найти, как ни старательно разыскивал его между моими бумагами.

своём имении, что принял в расчёт эти данные. Г. Карнович был, однако, другаго мнения.

Он говорил, что он принял имение уже давно устроенным и заведённым, что мог только мало-помалу вводить в него усовершенствования и нововведения, что ему приходилось постепенно приучать людей, воспитанных на рутине, к ненавистным им нововведениям, что поэтому он мог только улучшить своё хозяйство, но не изменить его совершенно. Он говорил, что его маленькая ферма находится в иных условиях, что она создана вся вновь на рациональных научных основаниях, что люди, которым он её сдал, совершенно воспитаны и приготовлены к этому хозяйству; но что это всё-таки русские люди и что если бы поставить их в условия, мало отличные от их прежней жизни, с незначительными только изменениями против нея, то пример соседей, воспоминания детства, народные обычаи скоро втянули бы их в прежнюю колею и заставили бы бросить все нововведения и улучшения; что, поставленные теперь в условия совершенно новые и не допускающие старых влияний, они более застрахованы от возвращения к рутине. Он говорил, что хозяйство на ферме поставлено так прочно и так прибыльно и так не похоже на крестьянское хозяйство, что постройка и даже расположение комнат в доме так изменили самый образ жизни фермеров, что теперь совершенно невозможен для них переход к прежней жизни. Он говорил, что хотя трудно приучить руссаго мужика к совершенно для него новому хозяйству, но что его собственное хозяйство составляет для этой цели хорошую школу, образуя как бы переход от стараго к новому; что при этом русский от природы понятлив и имеет очень развитую способность подражания, что, наконец, русский отлично понимает, что для него выгодно; что если он найдет выгодным новое хозяйство на ферме, то он легко переймет его; что все это говорит в пользу его фермы, что она не какое-нибудь экзотическое растение и принесёт со временем плоды.

После продолжительного осмотра имения и длинных разговоров мы с удовольствием сели обедать. Непосредственно перед обедом был подан черный кофе и сладкая водка; по русскому обычаю, быть может заимствованному от шведов, перед самым обедом стоя пьют водку и едят что-нибудь пикантное, возбуждающее аппетит, как сыр, икру, селедку и проч., и затем уже садятся за стол*. Наш обед был западноевропейский, как и вообще во всех богатых русских домах; но тут не отсутствовали и национальные кушанья и напитки: пироги, квас и в заключение всего наливки. Кроме тетки, с нами обедал деревенский поп, ежедневный посетитель и ближайший друг нашего хозяина.

После обеда (17-го мая) отправились мы за 3—4 вёрсты в местечко Великое Село, имеющее 1500 душ, или 3000 жителей обоего пола**. Село это принадлежит 7 сёстрам, из которых две уже умерли. Оне не жили тут, не имели тут никакого хозяйства, и поэтому крестьяне были на оброке. Оброк платился не с тягла, а огулом со всего общества, причём были приняты в расчёт число душ, величина и качество пахотной земли, лугов, леса, равно и существующая в этом селе промышленность (здесь обширное льняное производство). К определению высоты оброка служили три фактора: 1) возможная арендная плата за землю, 2) число душ, которым она сдаётся, и 3) особые придаточные условия, лежащие в самих крестьянах, их внутренни качества, которые дают им возможность заниматься определённою отраслью промышленности.

Западноевропейская культура и промышленность влияли во многих местностях России на совершенное изменение первоначального характера и формы крепостного

* Этот обычай из Швеции перешёл в Лифляндию и в некогда принадлежащую Швеции Померанию, где он существует ещё и теперь и совершенно резко определяет границу шведского господства.

** В журнале Министерства внутренних дел за 1839 года № 6, стр. 739 есть указание, по которому в этом селе считается 2700 душ, или 5400 ж. об. пола, а земли всего только 700 десятин.

права. Первоначально в России была только многочисленная крепостная дворня (военнопленные и их потомки), или, скорее, рабы. Мужики же были свободными арендаторами, которые каждый Юрьев день (23 апреля) заканчивали срок своей аренды и могли перейти в другое место. Каждый удельный князь запрещал переход своих подданных из пределов своих владений, и, таким образом, образовались во всей стране границы этих переходов.

Но с прекращением удельного периода и с объединением всей страны в одно государство эти границы пали сами собой и открылась возможность беспрепятственных переходов из конца в конец. Русский народ изстари любит передвижение; в нём очень развита любовь к отечеству, но нет привязанности к месту своего рождения; он обрабатывает землю из нужды, а не с любовью, как немец; он боится тяжёлой и особенно продолжительной работы. Эти беспрепятственные переходы из одной местности в другую вызывали большие беспорядки и неурядицу. Местности, где обработка земли была тяжела или дурно вознаграждалась, совершенно безлюдели; в местностях же, где земля требовала меньшего труда, где заработок был легче, при реках, в городах, народ скоплялся огромными массами. Поэтому Борис Годунов издал указ 21 ноября 1601 г., которым он уничтожил право переходов и прикреплял весь народ к тем местностям, на которых их застал прошлый Юрьев день*. С этого времени мужик подпал под полицейский надзор землевладельцев, но и тогда он все ещё не был крепостным; последнее начало постепенно вводиться только со времени Петра I почти случайно, и можно даже

---

* Ещё и теперь русские народные песни называют Юрьев день несчастным днём, днём утраченной свободы! Упомянутый указ отнимал, впрочем, у народа только свободу передвижения, оставляя за ним личную свободу. Народные песни нигде не оплакивают потерю личной свободы чрез постепенное введение крепостного права. Народ всегда смотрел на утрату личной свободы как на маловажное бедствие. Народ негодует на прикрепление к земле, но не на принудительную работу на помещика (?).

с достоверностью утверждать, что в некоторых местах оно началось ещё раньше.

Пока Россия была только земледельческой страной, крепостное право не было особенно тяжело для крестьян, то есть в Великороссии, где барщины в старину совсем почти не было, где помещики отдавали за известную плату всю свою землю в неограниченное пользование крестьянской общины, что и теперь ещё часто встречается между помещичьими деревнями, а в казённых всегда (сколько мне известно, казна не имеет ни одной деревни во всей Великороссии на барщине). Высота аренды определялась сама собой, помещик мог только назначать соразмерную плату; если б он захотел получить больше и прижать крестьян, то крестьяне обеднели бы, их скот и хозяйственный инвентарь ухудшились бы, уменьшились или бы совсем исчезли, урожаи пошли бы хуже, и таким образом явилась бы сама собой невозможность уплачивать оброк. С другой стороны, государство строго настаивало на том, чтобы помещик сам ему вносил подати, лежащая на крестьянах, а временами принуждало его и продовольствовать крестьян, когда у них не было хлеба. Таким образом, интересы самих помещиков вынуждали их к некоторой снисходительности к крестьянам и к поддержке их хозяйства. Помещик должен был оставить за крестьянами некоторый имущественный инвентарь, иначе он не мог быть уверен в правильном получении оброка. К тому же он не жил между ними в деревне, а в городе, так как у него самого не было никакого хозяйства в деревне. А потому ему невозможно было контролировать средства своих крестьян, он не мог, как говорится, смотреть им в рот и должен был довольствоваться наложением аренды на целую крестьянскую общину, определяя её числом душ; это должно было ещё более развивать и без того уже сильный общинный дух в русском народе. Такая русская община очень походила на хорошо организованную сво-

бодную республику, которая покупала свою независимость определённой платой господину.

Теперь эти отношения изменились и угрожают ещё более полным изменением, а именно по причине, как уже было сказано, распространяющейся в России западноевропейской цивилизации и промышленности, развития фабрик и роскоши. Пётр I и его ближайшие преемники открыли искусственные фабрики, вызвали иностранных фабрикантов, дали им капиталы или субсидии, дали им земли под фабрики и прикрепили к фабрикам крестьян, местами целыми деревнями, на правах крепостных, так что крестьяне эти должны были или работать на фабрике, или платить ей оброк, а фабриканты должны были со своей стороны заботиться о помещении, одевании и прокормлении их*. Это впервые дало русскому помещику мысль, что так как *вся работа* его крестьян принадлежит ему, то он может, следовательно, обратить мужиков и на *всякую работу*, которая ему только выгодна. До сих пор господин держал крестьян как полевых работников или употреблял их для личных услуг, как дворню. Когда же фабричное производство, вызванное правительством, принялось в России и начало разрастаться, когда правительство стало принуждать дворянство к повсеместному открытию фабрик, что особенно часто повторялось за последние 25 лет, помещики обратили своих крепостных в фабричных рабочих на тех же основаниях, как это было заведено на казённых фабриках, и сначала, конечно, незанятых ничем дворовых, а так как эти оказались плохими работниками, то крестьян, излишних в деревне, и наконец, в местностях, где дурной грунт земли приносит мало дохода, уменьшали и даже совсем бросали запашку, переводя всех крестьян с поля на фабрики. Но скоро пришли к сознанию, что русский человек плохой работник, пока

---

* Такая фабрики, с приписанными к ним крепостными людьми, есть ещё в России до сих пор, и дальше я опишу одну такую в Ярославле. Она много вредят открывающимся на новых основаниях фабрикам.

он работает на барщине, и что он делается хорошим рабочим, когда получает за свой труд вознаграждение. Тогда стали давать разрешение крестьянам отыскивать себе работу, где они могут и хотят, и за это разрешение обязывали его определённым оброком*.

Такие отношения теперь наиболее распространены. Они выработались совершенно естественно и последовательно, и нельзя сказать, чтоб простой народ вообще жаловался на них, они более соответствуют национальному духу русского. Было уже сказано, что русские не кладут своей любви в земледелие, но теперь они могут его бросить или оставить на жён, детей и стариков, сами же идти в торговцы (что они всего чаще и делают), в купцы, в ремесленники, в извозчики (непомерно развившаяся торговля, естественно, распространила этот промысел), фабричные рабочие, торговать, работать на самих себя, оплачивая это право определённой цифрой денег помещику. Что до русского дворянства, то ему, во всяком случае, такие отношения удобны и приятны.

Когда после 1812 года среднее дворянство познакомилось с западной Европой (богатое, придворное дворянство знало её давно), с её роскошью и комфортом, оно не могло уже удовлетворяться своей домашнею жизнью, оно начало презирать обычай старины и стремилось перенести европейскую жизнь в своё отечество. Это стоило очень дорого: а так как дворянство сыздавна было уже склонно к роскоши, то вошло теперь в непомерные долги.

---

* Мне давно казалось ошибкой со стороны русского правительства, что оно в последние 25 лет старалось так сильно возбудить фабричную деятельность в России, не установивши предварительно более нормальных отношений крестьян к господам, не определивши их точным и положительным законом, что совершенно возможно (и как это было сделано в Германии), или не позаботившись о более справедливых отношениях крепостных к фабрике, по крайней мере, на будущее время. С каждым днём такое определение отношений становится необходимее и неизбежнее, но теперь сделать это гораздо труднее, чем было прежде, и чем далее откладывать, тем будет ещё труднее.

Дворянския имения пошли в продажу и попали в руки выскочек, составивших себе состояние спекуляциями или воровством на службе. Положение крепостных крестьян стало через это ещё хуже, так как новые господа смотрели на них уже исключительно как на средство, как на машины для добывания денег.

При посредстве чинов всё больше и больше выскочек выслуживалось в дворяне. В России все больше и больше стал распространяться тот внешний лоск, то полуобразование, которое слишком ничтожно, чтобы двигать вперёд цивилизацию, однако совершенно достаточно, чтоб исказить всё честное и национальное в человеке и породить недовольство народной жизнью и ненависть к ней. Каждый, получивший такое полуобразование, вступал в государственную службу и выслуживался дворянства, если не имел его прежде, а так как чиновная иерархия составляла тогда уже действительное могущество и так как не было другой деятельности, кроме службы, которая открывала бы путь к славе и могуществу, то и все старое дворянство встало в ряды чиновников и не избежало развращающего влияния их на себя. Таким образом, русское дворянство оторвалось от простаго народа всем различием своего чуждаго народу образования, чуждых ему мировоззрений, обычаев и платья и сохранило с ним только связь общей религии и общего языка.

Пока русское дворянство было немногочисленно, пока оно составляло со своими крепостными людьми один народ, мало отличаясь от него нравами и образованием, пока крестьяне занимались исключительно земледелием и деревенския общины, это могущественное начало истинной свободы, не были раздроблены и разбиты по мелочам, крепостное право не составляло противоестественнаго, разрушающаго и несправедливаго учреждения, скорее оно было необходимо для государственнаго развития России. В настоящее время оно стало неестественным

и скоро станет невозможным удержать эти отношения в их настоящем положении и тем более сохранить их на будущее время. Все умные русские люди сознают это очень хорошо, но важнейший вопрос дня состоит в том, чтобы разрешить эти отношения, не вызвавши социальной революции. Современное крепостное право в России есть вывороченный наизнанку сен-симонизм. Как известно, сен-симонизм требует, чтобы каждому человеку дано было участие в общем мировом богатстве соответственно его потребностям и способностям, как бы уплачивая ему проценты на капитал его личной стоимости. То же самое мы видим в русском крепостном праве. Господин буквально оценивает своего мужика; он говорит ему: «ты имеешь такой-то возраст, такая-то свойства, такое-то здоровье, столько-то сил, такая-то способности, такое-то образование; следовательно, ты составляешь такую-то ценность». Но сен-симонизм говорит дальше: «так как ты представляешь такую-то ценность, то тебе приходится столько-то из земных благ». А русский помещик говорит своему крепостному: «так как ты представляешь такую-то ценность, то ты должен столько-то вырабатывать и столько-то приносить мне, как процент на заключающийся в тебе, но мне принадлежащий капитал».

После этого небольшого отступления я возвращаюсь к селу Великое. Село это имеет базар, несколько хороших, в новом вкусе, домов, всем расположением своим напоминает маленький город, а это все указывает на благосостояние жителей. Здесь довольно значительное льняное производство. Жители не прядут сами, но покупают готовую пряжу. Плата за ткань тонкаго полотна $18\frac{1}{2}$ коп. сер. за аршин, и даже женщина, если искусно ткёт, легко зарабатывает в день 30—45 коп. сер. Какой высокий подённый заработок и в каком отношении к ценности земледельческих продуктов, когда в хорошие годы цена четверти ржи не превышает обыкновенно 5-ти рублей ассигнациями!

Как же может тут процветать земледелие, как можно требовать, чтобы народ занимался им прилежно, когда оно так дурно оплачивает его труд и когда всякий другой промысел даёт много больше? Здесь женщина зарабатывает столько, что на дневной заработок может купить почти три четверика ржи; в Билефельде, в Вестфалии женщина самое большое вырабатывает в день 50 к. асс., на которых может купить не больше 2-х гарнцев ржи! В селе хорошая школа, в которой учит поп.

Я узнал тут следующее об общинном устройстве и разделе земли: часть жителей приобрела порядочный капитал чрез тканье полотен и имеет значительный торговый оборот; другая часть занимается земледелием и несколько человек ремеслами. Господа взяли в расчёт промышленные занятия некоторой части крестьян и обложили всё село большим оброком, чем какой может вынести земледельческая деревня. Если б они потребовали, как обыкновенно делается, одинаковой платы с каждой души или тягла, то богатым пришлось бы платить относительно гораздо меньше, а бедные были бы очень стеснены. Так как помещики не жили тут, то они не могли определить порознь имущество каждого и вследствие этого назначили со всей общины круглую цифру оброка, предоставив самой общине сделать раздел этой суммы между своими членами.

Община поступила в этом случае чрезвычайно оригинально: всю сумму оброка она положила на землю, но не разделила последнюю равномерно между своими членами, а принудила богатых взять земли больше, чем сколько им нужно и чем сколько бы пришлось на их долю при равном дележе; чрез такой раздел богатым пришлось вносить больше, чем, что могла дать земля. Те, которые вовсе не пашут земли, не могут, таким образом, пользоваться землёй и сдают её землепашцам в аренду за ничтожную плату, которая далеко не покрывает лежащего на ней оброка или оставляют ее впусе. Могущество русской общины и подчинение

ей всех ее членов выступают здесь повсюду, и мы будем ещё иметь много случаев к ознакомлению с ее свойствами.

Ежегодно здесь бывает значительная лошадиная ярмарка, но во всем селе не более 50-ти лошадей.

В Селе Великом живут поселяне, но они не занимаются хлебопашеством; они ткут полотна, но не сеют лена; здесь бывает лошадиная ярмарка, а у крестьян нет лошадей.

На возвратном пути мы шли пешком садами и полями, причем г. Карнович рассказал мне несколько интересных вещей об отношениях между помещиками и крепостными. Вообще русский человек необыкновенно добродушен, и если только помещик честен и справедлив к нему, то он относится к помещику сердечно и доверчиво.

Так в этой местности жил несколько лет тому назад умерший старый холостяк, помещик Архаков, который пользовался большим уважением не только между своими крестьянами, но и во всей окрестности, и был так всеми любим, как редко можно встретить. Он жил в маленьком домике, рядом со своими крестьянами, для которых был, в полном смысле слова, благодетелем и отцом. Он был беден, делился всем со своими крестьянами и, несмотря на то, перед смертью владел втрое большим количеством крестьян, чем было у него вначале. Когда какой-нибудь помещик в окрестности продавал деревню, то крестьяне последней приходили обыкновенно к Архакову и просили его купить их. Когда он возражал им, что у него нет денег, то они говорили ему: «Если, батюшка, у тебя нет денег, так у нас есть, — мы дадим их тебе, ты нас и купи». Всякий мужик приносил ему свои деньги на сохранение. Он творил суд в целой окрестности и разрешал все споры.

Куда мы ни приходили, я везде видел и слышал, что наш хозяин точно так же любим и уважаем всеми, хотя из скромности он не выставял этого на вид. Да и всякий, взглянувший в его мягкие, добрые глаза, получал убеждение, что сердце его бьётся самой чистой любовью к челове-

честву! При его тонкой наблюдательности и многолетней жизни в кругу низшаго класса народа, каждое его замечание было очень метко; я очень сожалею, что не записывал каждый вечер всего слышаннаго от него, и потому многое из того, что он говорил, изгладилось в моей памяти, а между тем не раз приходилось мне впоследствии слышать вещи, о которых я тогда только вспоминал, что слышал их уже от г. Карновича. Я хочу, однако, сообщить некоторыя его замечания без внутренней связи между собой.

Так, между прочим, он говорил о характере русских крестьян: всякий, имеющий с мужиком дело, должен всего более остерегаться неопределенности, как в разговоре, так и в деле. Русский человек стоит всегда за определённое решение, в особенности в спорах между собой. Благоприятно это решение или неблагоприятно ему, хорошо или дурно, умно или глупо – он остаётся им доволен. При неопределённости, неясности приказаания он не покоряется ему, и тогда с ним трудно ладить. Решение – т а к п р и к а з а н о – действует на него как волшебство, на которое он никогда не возстаёт.

Если всякой власти приятно такое строгое повиновение, то тем более она должна заботиться о том, чтобы быть патриархальною. Народ должен в каждом распоряжении видеть распоряжение отца; приказание должно идти из отеческой заботливости, а повиновение из детской любви; тогда не беда, если иной раз приказание выйдет некстати, глупо или даже несправедливо: сыновнее почтение запрещает взвешивать распоряжения отца. Чиновники же портят народ; они гасят в нём чувство справедливости; их распоряжения всегда носят характер произвола маленьких деспотов, низкаго корыстолюбия или гордаго превознесения себя; нигде отеческой заботливости или хотя бы строгой и несокрушимой отеческой воли. Поэтому и народ повинуется теперь как раб, а не как дитя. Министр государственных имуществ, граф Киселёв, возымел благород-

ную мысль возбудить вновь и укрепить в русском народе чувство чести и справедливости. Он заметил, что русская община есть оселок развития чувства собственного достоинства и правильной свободы. Он хотел поднять русскую общину, по возможности устроить в ней независимое самоуправление и таким образом избавить её от деспотизма и корыстолюбия чиновников, исправников и проч. Крестьяне должны придти к осознанию необходимости неограниченного повиновения ими самими избранному начальству, как голове, старосте и проч., равно как и к сознанию того, что эти выборные люди могут оказать им защиту от притеснений у министра и даже у царя. Сначала в местностях, где введён был этот новый порядок, крестьяне жаловались, так как их прямые налоги несколько чрез это возвысились; но когда они убедились на опыте, что притеснения исправников прекратились или значительно уменьшились, они были очень довольны. И все больше распространяется между ними убеждение (а это всего важнее), что они могут найти помощь и защиту от несправедливости. Жалобы часто доходят до министра, даже передаются ему лично, и каждый раз за ним следует быстрое и основательное исследование дела и очень строгое взыскание с виновных.

По мнению Карновича, большой недостаток составляет отсутствие малых судов и слишком медленное судопроизводство, особенно чувствительное для несложных дел крестьян между собою. Когда приходится из-за незначительного дела тащиться по скверной дороге за 40–50 вёрст, чтобы лично подать жалобу в суд (адвокатов тут нет), то охотнее бросают дело и ищут удовлетворения себе в самоуправстве или какими другими путями. По мнению Карновича, ощущается недостаток в мировых судьях, на манер французских, и нетрудно было бы найти везде подходящих к тому людей, но только не следует вводить их в длинную цепь чиновников; пусть должность мирового судьи будет почётным постом. Покойный Архаков показал своей жиз-

нию, как велика эта потребность и какие средства к ея удовлетворению. В той же местности живёт г. Полозов, приобретший такое же доверие крестьян, как и Архаков; ему также приходилось быть посредником по просьбе крестьян в разных спорах, и таких честных людей немало.

Карнович говорил также, что величайшее бедствие этой местности России состоит в том, что земледелие тут плохо оплачивается, что поэтому никто не затрачивает денег на улучшение инвентаря, на лучшую обработку земли и вообще на хозяйство, так как оно даёт малый процент. Всякий, имеющий капитал или наличные деньги, прикупает ещё земли, но никто не хочет улучшать своё прежнее хозяйство. По продажам имений можно видеть, что цена на поземельную собственность постоянно возрастает, но что это зависит не от улучшения земли, а от количества покупателей. Правда, доходы с имений несколько увеличиваются, но только потому, что некоторые вещи, не имевшие прежде сбыта, получили теперь при возрастающей промышленности некоторую ценность*.

В одной избе мы видели портнаго, шившаго кафтаны, и слышали, что в этой губернии есть целыя деревни портных. Они ходят по деревням работать в определённое время, большею частию зимой. Придёт такой портной в деревню и переходит из избы в избу, пока не оденет всю деревню в новое платье, и затем отправляется дальше в следующую деревню. Их кормят и поят и платят поштучно, а не подённо. За шитьё сераго зипуна они берут 15–20 коп. сер., за синий кафтан – 2, 3 и 4 руб. асс.

Почти везде встречали мы в избах самовары. Но крестьяне не везде пьют китайский чай, а чаще русский. Целыя деревни занимаются приготовлением этого чая.

Редкий мужик тут не носит ситцевой рубахи.

---

* Самые резкие примеры возрастания в цене поземельной собственности представляет южный берег Крыма. За последние 60 лет земля там возросла в цене в 50 раз. Но нужно сказать, что южный берег Крыма из пустыни превратился в цветущий сад.

Мы собрали следующие сведения о разделе земли в русских общинах: принцип таков, что всё население одной общины составляет единицу, которой принадлежит вся земля, поля, луга, выгоны, леса, озёра и т. д. Всякая мужская душа имеет право на равное участие во всех пользованиях данной землёю. Это участие по самому принципу постоянно меняется, так как всякий вновь родившийся в общине мальчик получает равное право на участие, равно как участие всякого умершаго члена уничтожается с его смертью. Леса и выгоны, право охоты и рыбные ловли не делятся, но каждый получает равное участие в их пользовании или в доходах с них. Поля же и луга, действительно, делятся по числу мужских душ и соответственно доброкачественности земли. Равномерный раздел, естественно, очень затруднителен. Пашня состоит из хороших, средних и дурных клочков, — одни лежат близко, другие далеко, для одного удобно, для другого нет. Как же всё это выравнить? Конечно, это очень трудно, но русские легко побеждают эту трудность: в каждой общине есть опытные землемеры, научившиеся своему делу по преданию и исполняющие его справедливо и к всеобщему удовольствию. Сначала дача разделяется на полосы, смотря по отдалённости или близости, по качеству земли и по степени её удобренности, так что каждая полоса бывает совершенно однородна другим полосам во всех отношениях. Потом каждая из этих полос разделяется на столько участков, сколько находится в общине членов-участников, и участки разбираются ими по жребию*. Таков общий порядок; но в каждой области, а часто и в каждой общине, установились местные обычаи, которыми он видоизменяется. Очень интересно было бы собрать все эти особен-

---

* При разделе земли и метании жеребья присутствует обыкновенно вся община с женщинами и детьми, но всегда в величайшей тишине и порядке. Никогда при этом не выходит споров, но всегда делёж оканчивается с полною справедливостью. Если найдут, что чей-нибудь участок несколько меньше или хуже других, то ему прибавляется земли, сколько найдут нужным из запасных земель.

ности*. Например, в Ярославской губернии существуют во многих общинах особенные, чрезвычайно чтимые мерки. Длина этих мерок соответствует достоинству и качеству различных почв, так что, например, для самой лучшей земли – мерка самая короткая; для земли несколько похуже – и мерка несколько подлиннее, и наконец, для самой худшей земли – и мерка самая длинная. Поэтому в этих общинах все участки различной величины, но именно тем самым они уравниваются в своей ценности.

Мы имели здесь в виду свободную русскую общину, которой дача принадлежит в собственность. Таких свободных общин действительно много существует в России. Сюда относятся, например, все казацкие общины. Но в принципе не производит никакой разницы то обстоятельство, принадлежит ли дача в собственность общине, или она отдана общине только во владение, как у государственных крестьян, или даже только в пользование, как у крепостных крестьян.

Принцип равного деления по душам – первобытный славянский принцип: он происходит из древнейшего принципа славянского права – принципа о нераздельном общем владении всем родом. Такой делёж земель находится, быть может, у всех славянских народов и теперь, может быть, находится в Сербии, Кроации, Славонии и пр., где не повсюду происходит даже годовичное разделение земель, а в иных местах обработка земли производится вообще всею общиной под управлением старшин, и только уже жатва поровну делится между членами общины.

Принцип раздела земли по душам в России сохранился даже у крепостных крестьян, находящихся на оброчном положении, которое прежде было единственно употребительным.

---

* Министр государственных имуществ, г. Киселёв, приказал в различных местностях Воронежской губернии сделать обмер и оценку общинных участков учёным землемерам и таксаторам, и сравнение показало, что размежевание и оценка, произведённые деревенскими межевщиками, разнятся от оценки, совершённой научным образом, только на 3 и 4 процента, – и кто знает ещё, на чьей стороне точность!

Но у барщинных крестьян мы находим видоизменение принципа. Перевод крестьян с оброка на барщину делался прежде, да и теперь делается, когда крестьяне не могут более платить оброка, следующим образом: помещик отрезывает для себя от всей земли часть, большею частию $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ пахотной земли. В пользовании у крестьян остаётся тогда $\frac{3}{4}$ или $\frac{2}{3}$ на их существование, и за это они должны на свой счёт помещичью землю унавозить, запахать, заборонить, засеять (семена идут от помещика), убрать хлеб и свезти его на продажу. При этой простейшей форме помещик не имеет никакого хозяйственного инвентаря, ни людей, ни даже надсмотрщика (деревенский староста обыкновенно исполняет эту обязанность), ни усадьбы, и разве только овин или ригу. В этом случае крестьяне не платят оброка, а оплачивают его барщинной обработкой этой $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ земли. Для отклонения злоупотреблений правительство постановило, раз навсегда, что барщинная работа ни в каком случае не должна превышать трёх дней в неделю.

Такое барщинное положение оказывает своё влияние и на раздел земли в общине. При оброчном положении, как мы сказали, каждая мужская душа получает равный участок земли (за малолетних детей получает отец), но зато каждая мужская душа берёт на себя и равную часть в оброке. Когда же введена в деревне барщина, то, конечно, дети и старики, не могущие работать, не несут барщинной повинности, потому не могут иметь они и притязания на участки земли, раздаваемой крестьянам взамен барщинной работы. Потому в селах, имеющих барщину, явился другой принцип дележа земель, именно: земля делится не по душам, а по тяглам.

Понятие тягла не вполне определённо, по крайней мере, оно не передаётся переводом одним словом на немецкий язык. Нельзя сказать, чтобы тягло составляло семейную чету, равно как и целое семейство – оно стоит посередине. Например, если крестьянин имеет престарелого отца, одного взрослого сына и нескольких малолетних детей, то такая семья составляет одно тягло; она не-

сёт барщинную повинность на одно тягло и получает один участок земли. Если сын женится, то, хотя бы он остался жить в одной избе с отцом, он составит отдельное тягло как в барщинной работе, так и в участии на землю.

Женитьба, таким образом, всегда образует новое тягло. Троякаго рода интересы вынуждают молодых людей жениться. Во-первых, помещику обыкновенно выгодно иметь как можно больше тягл. Если у помещика обрабатывается немного земли, то лишния тягла ему не нужны и даже обременительны, потому что, при слишком мелком дроблении участков крестьянской земли, крестьянам не с чего было бы жить и, следовательно, ему пришлось бы прикупить земли или доставить им другия средства к существованию. Но этот случай бывает теперь редко, так как, при распространившейся промышленности, он может таких лишних рабочих поместить на какую-нибудь фабрику или выдать им паспорта и отпустить на оброк.

Во-вторых, интересы общины могут лежать в увеличении тягол. Если у нея земли больше, чем сколько с выгодною могут обрабатывать своими средствами ея члены, то всякое прибавление рабочей силы, всякое увеличение тягл составляет чистый выигрыш для остальных, так как вся барщинная повинность распределяется на большее число членов.

Наконец, в-третьих, сами отцы семейства большею частию очень заинтересованы в женитьбе своих сыновей и в образовании новаго тягла. По русскому обычаю, пока жив глава семейства, женившиеся сыновья его не ведут отдельнаго хозяйства, а живут с ним вместе в одном доме*. Поэтому

---

* Нигде многочисленность семьи не считается таким Божиим благословением, как у мужиков в России. Сыновья прибавляют семье новый участок земли, а дочери составляют такой искомый товар, что не только за ними не дают никакого приданого, а ещё часто вносят за них деньги. В низших сословиях Западной Европы большое число детей составляет величайшее отягощение, у русских же мужиков дети составляют условие богатства. Отсюда такое быстрое увеличение народонаселения в России, которое было бы ещё больше, если бы дети не умирали в огромном количестве в первые годы жизни вследствие небрежности в пище, надзоре и уходе. Русския семьи необыкновенно плодovitы; десять, двенадцать человек детей не составляют исключения, но едва треть их доживает до совершеннолетнего возраста.

ему очень выгодна женитьба сына; он приобретает через неё новый участок земли, и если на его долю ложится больше барщинной работы, то это окупается вполне приобретением новой работницы в жене своего сына. Поэтому невестка, как бы она ни была бедна, лишь бы имела здоровыя руки, составляет истинную благодать для семьи. (Ещё один лишний благоприятный момент к вышеприведённым, обуславливающий высокое положение женщины в России.)

Совпадение этих интересов необыкновенно благоприятствуют женитьбе, поэтому же между крестьянами в России почти не бывает холостяков. Такое стремление к ранней женитьбе дало повод в последнее время к очень сильным злоупотреблениям. Юноши женятся так рано, что Вихельгаус, как он рассказывает в своём описании Москвы, видел многих сильных 24-летних женщин, которые нянчились на руках своих 6-летних мужей*. Правительство, как я слышал, определило в последнее время срок женитьбы для мужчин 18-летним возрастом, после чего это злоупотребление, кажется, исчезло.

Указанные здесь отношения составляют основания русского общинного устройства, одного из замечательнейших и интереснейших государственных учреждений, какия только существуют в мире. Оно, несомненно, представляет неизмеримыя выгоды для внутреннего общественного состояния. В русской общине есть органическая связь, в ней лежит столь крепкая общественная сила и порядок, как нигде в других странах. Община доставляет России ту неизмеримую выгоду, что в этой стране до сих пор нет пролетариата, и он не может образоваться, пока существует такое общинное устройство. Человек может

---

* От таких ранних браков, в которых мальчиков-детей женят на взрослых девушках, развились и вошли в обычай скандальныя отношения. Свёкр вступает обыкновенно в связь с своей невесткой, а так как эти отношения переходят из поколения в поколение, то нельзя считать их за кровосмешение. Когда ребёнок-муж вырастет, жена его уже состареется, и он не живёт с ней, но, подобно своему предшественнику, вступает в связь с женою своего 6-летнего сына.

обеднеть, может лично промотать всё своё имущество – это не повредит его детям: они всё-таки удерживают или вновь получают свой участок по общинному праву, потому что на участок этот имеют они право не как наследники своего отца, а как члены своей общины; дети не наследуют в русской общине нищеты отца.

Но с другой стороны, в основании этого общинного устройства, в ежегодном дележе земли, не лежит условий успехов сельского хозяйства или, по крайней мере, эти успехи очень затрудняются таким порядком дела. Хлебопашество и все отрасли сельского хозяйства, быть может, подвергнутся когда-нибудь опасности остановиться на низкой ступени своего развития. Останется ли такое устройство, когда умственное образование сделает значительные успехи между русскими поселянами? Кто может решить это? Опытные и образованные сельские хозяева, как, например, г. Карнович, отзываются об этом порядке невыгодно и думают, что земледелие не может идти вперёд, когда такой принцип применяется во всей своей строгости. Но в том и дело, что уже давно этот принцип не применяется во всей своей строгой последовательности. Он нигде не покинут, но он подлежит естественным, удобным и выгодным видоизменениям. Русские поселяне в своей массе не имеют ни малейшего недостатка в здравом, практическом понимании того, что относится к действительным интересам. В них этого качества, может быть, больше, нежели в других народах, они давно увидели, какая невыгоды и неудобства приносит строгое доведение системы равного дележа до крайних последствий. Когда я спрашивал г. Карновича, действительно ли где-нибудь земля ежегодно вновь переделывается между членами общины, то он решительнейшим образом отвечал на это отрицательно, и его ответ подтверждаем был многими другими людьми и во многих других местах, где я предлагал этот вопрос. В различных частях России встре-

чаются многообразныя видоизменения общаго обычая. В здешних местностях и, вероятно, в целой Ярославской губернии поступают следующим образом.

Как известно, в определённые сроки производятся народныя переписи для распределения подушной подати и рекрутской повинности. Эти переписи называются ревизиями, и со времён Петра I, стало быть в течение 130 лет, было их восемь. Относительно этих сроков принято за правило, что в год ревизии *должен* быть производим в общинах новый передел земли. Если б это не было предписано, то поселяне, по крайней мере, в здешних местах даже и в ревизионный год не стали бы предпринимать новаго передела, потому что, как неудобен для них этот передел, сколь невыгодным он для них кажется, обнаруживается уже из прозвания, которое они дают ему, именно, они называют его «чёрный передел», то есть чёрный, злой делёж (*die schwarze, böse Theilung**). При последней ревизии в здешней местности поступали следующим образом и, конечно, подобным же образом поступали в значительной части России.

Прежде всего, общинная дача размеривается и разценивается по качествам почвы деревенскими межевщиками, и каждая полоса делится на известное число участков. В государственных имениях количество этих участков рассчитывается приблизительно по числу ревизских душ, а в удельных и крепостных имениях по числу тягол; но на случай приращения в населении нарезывается несколько лишних участков, которые и составляют резерв для общины. Слишком неправильныя фигуры, образуемыя дорогами,

* Н. Г. Чернышевский в статье об этой книге Гакстгаузена («Современник», 1851 г. Книга VII), приводя это место, делает следующую сноску:

«Гакстгаузен введён в ошибку относительно смысла слова чёрный в этом выражении; оно, очевидно, имеет то же значение, как в выражениях: чёрная земля, чёрные люди, чёрная сотня, то есть тягловая или податная, в противоположность белой, т. е. освобождённой от тягла или оброка, податей и барщины. Итак, чёрный передел значит просто передел податных земель или передел земли между людьми податнаго сословия». (Прим. перев.)

рвами, берегами и пр., трудно измеримыя, обрезаются так, чтобы выделялись из них участки правильной формы, и остающиеся, таким образом, за границей участков полосы, концы и углы также причисляются к резервным землям и служат для уравнивания между участками, если который-нибудь окажется менееценнее других. Эти углы и концы называются *з а п о л о с к и*. После того каждому выдаётся участок, доставшийся ему по жребью, а резервныя земли община отдаёт в наём или как-нибудь иначе пользуется ими. Когда теперь впоследствии времени родится мальчик или образуется новое тягло, то из резервных земель выделяется и даётся ему новый участок. Когда кто умирает, то его участок присоединяется к резервным землям. Но вообще, сколько возможно, соблюдается то, чтобы, например, участок, принадлежавший умершему отцу, вновь был отдан его сыну, так, чтобы существующия земледельческия хозяйства сколь возможно менее нарушались в своём существовании. В последнем обстоятельстве заключается причина и того, почему семьи охотно остаются без раздела в хозяйстве. Когда умирает отец, то часто старший брат заступает его место как глава семьи, пользуясь совершенно всей его властью, и хозяйство остаётся неразделённым.

Из этого видно, что делёж земель на практике вовсе не так пагубен для успехов сельскаго хозяйства, как можно бы полагать, судя по его принципу. На это можно сказать, что когда человек не есть собственник земли или, по крайней мере, не имеет твёрдой обеспеченности, что будет пользоваться ею в продолжение многих лет до определённого срока, то он не будет предпринимать никаких улучшений, не будет влагать в землю капиталов, чтобы сообщить ей высшую обработку, – но мы уже показали, что каждый член общины достаточно обеспечен в том, чтоб сохранить владение своим участком, по крайней мере, от одной ревизии до другой, то есть на период от 10–15 лет. Кроме того, надобно сказать, что до сих пор вообще в России очень мало

могут применяться западноевропейския средства и потребности относительно приложения капиталов к земле и улучшений сельскаго хозяйства. Например, в Западной Европе и в Германии сама по себе земля составляет не более как $\frac{2}{3}$ ценности всего хозяйства, а остальная треть ценности состоит в скоте, орудиях, произведённых работах на улучшение почвы. Потому в Западной Европе, если я не уверен, что удержу землю, по крайней мере, на известное число лет и по окончании их не получу вознаграждения за работы, улучшившия почву, то я могу потерять одну треть моего состояния; именно, при перемене я совершенно потерял бы удобрение и засев, мой скот подвергся бы неудобствам от перемены, а мои орудия могли бы стать отчасти ненужными для меня. Если, например, в Германии я покупаю 1 июня поместье в 500 моргенов пахотной земли при 100 моргенах лугов и десяти моргенах сада, то покупная цена распределится по статьям ценности поместья следующим образом:

1) Голая пахотная земля	20 000	талеров.
2) Луга	9 000	”
3) Сад	1 000	”
4) Удобрение, обработка и посев	3 000	”
5) Работы для улучшения лугов	500	”
6) Деревья и работы для улучшения сада	500	”
7) Скот и земледельческия орудия	6 000	”
8) Хозяйственныя постройки	6 000	”
	<hr/>	
	46 000	талеров.

Теперь, если статьи 1, 2 и 3, имеющие вместе ценность 30 000 талеров, даются мне только на время и могут быть ежеминутно переданы другому, то при этой передаче я рискую совершенно потерять статьи 4, 5 и 6, имеющие ценность 4 000 талеров, а по статьям 7 и 8 понести убыток, размер котораго не могу вперёд определить.

Такия соображения не могут быть приложены к России. В средней полосе России, в области чернозёма, плодородие так велико, что земля не удобряется, пашется только один раз, да и то слегка, потому удобрение и работа запашки вовсе не входят в расчёт; да и цена семян окажется незначительна, когда мы вспомним, что четверик ржи в дешёвые годы продаётся по 20 коп. сер. Искусственных садов и лугов нигде нет. Овцеводство между крестьянами встречается очень редко; скотоводство незначительно, лошади дешёвые. Если мы подумаем, что в Ярославской губернии обыкновенная цена хорошей крестьянской лошади 50–60 руб. асс., то легко нам сообразить, как ничтожен капитал, затрачиваемый на обработку земли. Изба русскому крестьянину почти ничего не стоит. Бревна на постройку получает он даром из общественного леса и сам строит себе жилище из этих брёвен, так что расходы его наличными деньгами на постройку дома не доходят и до 5 руб. Итак, если в Германии при оценке поземельного участка принимается в расчёт кроме самой земли значительный капитал, образуемый хозяйственным инвентарём и искусственными улучшениями почвы, то в большей части России такой расчёт почти неприменим к делу, оттого для России постоянство в пользовании землёю далеко не имеет того значения, как для остальной Европы.

Вообще в большей части России земля имеет незначительную ценность; она только почва для человеческого труда; потому ещё несколько лет тому назад все купчия крепости, дарственные записи и завещания говорили только о душах. Продавали, делили и т. п. в селе NN столько-то и столько-то душ крестьян. Земля была только прибавкою к людям.

Будет ли увеличиваться ценность земли, иначе сказать, будет ли идти вперёд земледелие, достигнет ли оно цветущаго состояния – это вопрос будущего для России; но я боюсь, что в ближайшем будущем вопрос этот поста-

вится невыгодным образом. Я уже указывал, что в России земледелие и фабричная промышленность находятся в ненормальном отношении, земледелие не будет никогда процветать, пока чистый доход от него будет так незначителен, как в настоящее время. А чистый доход от земледелия будет незначителен до той поры, пока не будет возвращена в естественные границы искусственно порождённая фабричная промышленность или пока народонаселение не возрастет настолько, что окажется излишек рабочих рук. В остальной Европе фабриками заняты только те рабочие силы, которые уже не могут быть обращены на земледелие по излишеству рук для этого занятия. В России, напротив, обращаются на земледелие только те рабочие силы, которые излишни для фабричной и ремесленной промышленности или отвергнуты ею как негодные.

Потому русское равномерное разделение земли между членами общины, по нашему мнению, совершенно соответствует настоящему общему социальному положению страны, а также и настоящей степени развития хлебопашества в России. И надо прибавить, что оно не включает в себе ничего противного успехам сельского хозяйства. Пусть только не вводят никаких насильственных мер в годы новых ревизий в применении к делу этого принципа; крестьяне сами лучше всех знают, что для них полезно: они сами собою ввели уже в этот принцип понадобившиеся видоизменения и впоследствии сами введут другие видоизменения, какия им понадобятся*. Если в чем, то именно в этом деле надо остерегаться слишком усердного вмешательства.

* Я видел в Саратовской губернии немецких колонистов (далее я буду о них говорить больше). Они принесли с собой в Россию принцип передачи поземельной собственности по праву наследства, сообразно обычаям и законам на их прежней родине. Правительство не только дозволило соблюдение этого принципа, но даже поместило его в статут о колониях и сделало его обязательным в них. Впоследствии времени они долго просили перемены этого пункта в статуте, пока им не дано было, наконец, позволение принять систему деления земли, употребительную у русских крестьян, — до такой степени русский способ показался им выгоден для сохранения их благосостояния.

Относительно владения землёю в Европе владычествуяют одновременно в разных странах три принципа. Они резко развились в трёх державах, а в других государствах существуют в различных степенях видоизменения и взаимного смешения.

В Англии владычествуяет такой принцип: земля должна быть делима как можно менее и земледелию должно быть посвящено только то количество рук, какое совершенно необходимо; только тогда земледелие может сильно двигаться вперёд и держаться в цветущем состоянии. Потому вся эта страна возделывается большими, хотя не чрезмерно большими, хозяйствами. В них та выгода, что всем занятым при них рукам они дают работу в продолжение круглаго года, и оттого нет потери в рабочем капитале человеческих сил. Только в больших хозяйствах могут с удобством и с выгодою вводиться и поддерживаться улучшения.

Результат этой системы таков, что, говоря пропорционально, нигде не доведено земледелие до такой высокой степени совершенства, как в Англии; нигде нет пропорционально такого обширного скотоводства, нигде, следовательно, не производится столько навоза и не могут быть возводимы поля до такой высокой обработки, как в Англии. Зато не составляют между английским населением и десятой части те люди, которые имели бы, не говорим уже свою землю, хотя бы своё жилище. Итак, девять десятых частей населения в Англии стали пролетариями, хотя между последними могут встречаться очень богатые люди, даже миллионеры. Кто станет отрицать опасности, которыми грозит такое отношение общественному положению Англии?

Представительницей второго принципа служит Франция. Он развился и установился в ней вследствие первой революции. Основное правило здесь таково: земледелие есть свободный промысел, потому все земли должны быть доступны раздроблению; каждый может свободно покидать и продавать землю, другими словами: земля должна быть то-

варом, она должна, как разменная монета, переходить из рук в руки. Вследствие этого земля разбилась на безчисленные мелкие хозяйства. Считая в Англии около 400 000 земледельческих хозяйств, во Франции, пропорционально географической величине, должно бы быть около 1 400 000 таких хозяйств. Но в 1831 г. их было не менее 10 404 121, то есть в 26 раз более против Англии. Относительно результатов такой системы, приведу я анекдот, рассказываемый английским путешественником Артуром Юнгом. Встретился ему во Франции на дороге поселянин, который нёс четырех кур, и на вопрос, куда он идет, отвечал, что идет в город, лежащий за четыре лье (16 вёрст), чтобы продать своих кур. Юнг спрашивает далее, сколько он надеется получить за них? *Ответ:* Хорошо, если бы 24 су. *Вопрос:* А сколько платы получаете вы в день, если наймётесь на работу? *Ответ:* 24 су. *Вопрос:* Зачем же не остались вы лучше в своей деревне, где получили бы те же 24 су, и сохранили бы у себя своих кур, стоящих 24 су, и могли бы сами съесть этих кур? *Ответ:* Конечно, я получаю 24 су в день, когда найду работу, но я не нахожу ея; в нашем селе у каждого свой дом, свой сад, свой кусок земли: работы эти занимают у нас едва три месяца в году; другия дела у нас незначительны, и потому нанимать работников никому не нужно. Этот анекдот даёт нам понятие о состоянии Франции. Земледелие, раздробленное на слишком мелкие хозяйства, не представляет достаточных занятий на целый год, и потому значительная часть рабочих сил остаётся без употребления. Слишком мелочное раздробление хозяйств не даёт также средств для значительных и прочных улучшений; огородничество и садоводство может ещё при этом существовать, но земледелие – никогда; скота мало, следовательно, мало и удобрения, служащего основанием всех успехов в земледелии. Поэтому Артур Юнг очень справедливо замечает: во Франции хорошая почва возделывается превосходно, посредственная – мало, а дурная вообще не возделывается; потому, хотя Франция вообще имеет

лучшую почву, чем Англия, но никак не может равняться с ней по развитию земледелия. В Англии более половины обрабатываемой земли даёт кормовой сбор для содержания скота, а во Франции только одна десятая часть; ясно, как должно быть велико значение для обработки земли такое количество рогатого скота. Поэтому мясо составляет половину всей пищи, съедаемой людьми в Англии, тогда как во Франции она составит едва $\frac{1}{4}$ часть. По министерскому отчету 1812, во Франции на каждого сельского жителя приходилось в год 19 фунтов мяса, в Англии же считается на человека 220 фунтов мяса в год.

По совершенству земледелия Англия стоит гораздо выше Франции, но Франция имеет гораздо меньше пролетариев. При этом и пролетарии французские гораздо энергичнее и способнее английских. В Англии слишком резко разграничение между собственником и не собственником; последний не имеет никаких прав и никакой надежды когда-либо приобрести собственность, пока существует законный порядок. В подобных обстоятельствах люди легко успокаиваются: за недостижимым гоняются редко! Во Франции совершенно открыт и свободен путь к приобретению собственности силою личных качеств, энергии, отваги и счастья; поэтому все стремятся на этот путь и поэтому же там заметно постоянное колебание во всех отношениях. В Англии нищета и богатство стоят одно подле другого, хотя и грозно, но спокойно; во Франции же они в открытой войне.

Германия занимает средину между Англией и Францией. В ней нет ни системы совершенной неподвижности и неделимости поземельной собственности, как в Англии, ни совершенной свободы в переходе из рук в руки и неограниченной делимости всего количества земель, как во Франции. Большие поместья в Германии почти все нераздробимы, отчасти по закону, отчасти по обычаю. Состояние мелкой поземельной собственности в различных об-

ластях различно. В некоторых областях мелкия владения также безгранично продаются и дробятся, как во Франции; в иных они дробятся только между членами общины; в других – часть земель может быть дробима, а часть, при так называемых нераздельных крестьянских дворах, не подлежит разделу; а, наконец, в некоторых, впрочем немногих, областях вся поземельная собственность состоит из нераздробимых владений. Древние обычаи, различие законов в различных германских государствах, различие почвы, различие в обрабатывании ея, естественные и постепенно развивающиеся интересы породили это разнообразие, и в целом оно должно быть названо состоянием, благоприятным для страны. Сельское хозяйство не стоит во всей Германии на столь равномерно высокой степени, как в Англии, но всё-таки гораздо выше, нежели во Франции. Пролетарии находятся только в городах, а в сёлах их немного.

Представительницею третьяго принципа служит Россия. Франция провозгласила принцип делимости земли. Россия идёт гораздо далее: она постоянно делит землю. Франция провозгласила принцип неограниченной конкуренции, она хочет считать землю товаром, который может быть приобретаем каждым лицом за деньги. Россия каждому из своих детей даёт право пользования, даёт участие в пользовании землей и притом в каждой общине всем детям ея совершенно равное участие. Во Франции земля просто частная собственность отдельного лица. В России земля – собственность нации и общины, служащей повторением нации в малом размере; отдельное лицо имеет только право на пользование ею подобно всем другим лицам. Что при такой системе недостижима столь высокая степень обработки почвы как в Англии или даже Германии, с тем надо согласиться. Но, напротив, та степень, которой достигла Франция, может быть, по нашему мнению, достижима для России, если будут выполнены некоторые другие условия общественных отношений и если

будут устранены некоторые препятствия успехам земледелия, как мы говорили об этом выше*.

Мы получили следующие сведения о земледелии в этих местах Ярославской губернии.

Крестьяне ведут трёхпольное хозяйство. На паровое поле вывозится навоз с конца июня до начала августа, и он часто остаётся незапаханным от 4-х до 6-ти недель. После заправки и бороньбы поля сеется озимая рожь, которая ещё раз запахивается легкой сохой и заборанивается. Крестьяне не пахут ярового поля с осени, и осенняя заправка начинает только вводиться в некоторых помещичьих хозяйствах с улучшенной культурой. В половине мая оканчивается яровой посев.

Между полевыми рабочими царствует величайший почти военный порядок. В один и тот же день, в один час все вместе выходят пахать, боронить и т. д., в один и тот же час возвращаются все домой. На это нет никаких предписаний свыше, никаких распоряжений старосты, дело делается само собой. Русское стремление к общинной деятельности, могущество общинного порядка на всем обнаруживает своё действие.

В Селе Великом, богатые жители которого занимаются производством полотен и только бедные занимаются земледелием, хлебопашество дурно; там пахут землю только один раз, непосредственно после уваживания или перед самым посевом, чтобы как можно долее пользоваться выгоном по пару, равно как и по причине краткости лета и дурных лошадей.

---

* Затем у Гакстаузена следуют длинные препирательства с сен-симонистами на целых 18 страницах; препирательства эти не представляют никакого интереса. До какой степени они серьёзны и научны, видно из того, что Гакстаузен буквально считает так называемый сен-симонизм учением дьявола и, говоря, что в этом учении есть много хороших и честных сторон, прибавляет, что чорт хитёр и всегда принимает на себя красивую личину, чтобы тем вернее губить человечество. Я счёл за лучшее опустить в русском издании это рассуждение. (Прим. перев.)

Тут жалуются все на недостаток лугов, в особенности хороших лугов; они или слишком сухи, или болотисты и кислы. Здесь никто не приступал ещё к улучшению и орошению лугов, хотя местность не представляет к тому никаких трудностей. Если б несколько землевладельцев вместе с государственными деревнями устроили бы сообща орошение лугов, это было бы одним из тех немногих улучшений, которые бы дало здесь значительный доход. Необходимы для этаго наличныя издержки незначительны, а польза большая и продолжительная, так как скотоводство тотчас поднялось бы, а через это улучшилось бы и земледелие. Относительно, сено здесь дорого, дороже других сельских продуктов, так в этом году пуд сена стоил до 12 коп. сер., а в дорогие года доходит до 35 коп. сер.

Скотоводство, естественно, тут очень слабо, рогатый скот мелок и дурён, овец немного, крестьянския лошади малы, но у помещиков и зажиточных крестьян лошади крупнее, сильнее и лучше и они стоят от 50–65 руб. сер. Мы видели у Карновича пару отличных жеребцов домашняго воспитания. Часто крестьяне покупают весной необходимых ими для работы лошадей и по недостатку зимняго корма продают их осенью после уборки хлебов. В это время скупают лошадей ямщики, у которых работы всего больше зимой. Так связаны тут повсюду различныя отрасли промышленности, и тем сглаживаются недостатки различных хозяйств.

В этих местностях значительное производство льна и конопли. Однако в последнее время льноводство так развилось в Вологодской губернии, что здесь цены на лён значительно упали, почти на треть.

Пять лет тому назад поселяне тут вовсе не разводили картофеля, они считали это за грех, однако теперь повсеместно начали привыкать к нему; в дворянских имениях сажается картофель уже как корм для скота.

О рациональном лесном хозяйстве нигде ещё нет и речи*. Леса помещиков, живущих в деревнях, ещё сколько-нибудь берегутся; в оброчных же имениях леса отданы в свободное пользование крестьян; тут они ужасно опустошаются, так что начинают уже чувствовать недостаток в них. То же самое и в государственных имениях, и Министерство государственных имуществ делает теперь опыты введения охранения лесов.

10-е Мая. Рано утром пошли мы с нашим милым хозяином к деревенскому священнику, пригласившему нас на кофе. Впоследствии мне часто приходилось посещать деревенских попов. Жилища их очень дурны и грязны, часто грязнее крестьянских, жёны и дети поповския своею грязью и неряшеством производят особенно неприятное впечатление. Но здесь было иначе. Комнаты милы и удобны, почти голландская чистота, чисто вымытый пол, хорошие окна, старомодная, но хорошо сохранённая европейская мебель, гладко выструганные бревенчатые стены без обоев и штукатурки, что придавало всему теплый, жилой вид. На стене висели портреты его отца, бывшего священником в том же селе, и матери, в среднем возрасте и потом уже стариками. В углу, как водится, висел образ Богородицы с горящею перед ним лампадкой; у стены стояла маленькая библиотека, где между проповедями и книгами духовного содержания было несколько французских сочинений и русский перевод «Мессиады» Клопштока. Умное, тонкое лицо священника, с распущенными вьющимися волосами, производило приятное впечатление, он был одет в лиловую шелковую рясу наподобие костюма учёного бенедиктинца. Он был образован более обыкновенного, он знал, например, хорошо по-французски, но совсем особенным образом. Он выучился этому языку по грамматике и лексикону так, как изучают мёртвые языки, мог читать книги про себя,

---

* В России существовали до сих пор две системы лесного хозяйства: и л и в с ё позволять, и л и н и ч е г о не позволять.

легко и правильно переводил. Если же ему другой читает из той же книги или заговорит с ним по-французски – он не понимает ни слова, так как и я почти ничего не мог понять, когда он стал мне строить французския фразы. Имя его Николай Иванович Розов, он давно уже священником в этом селе, около 20 лет вдовеет и любим и уважаем во всей окрестности, как отец. Есть что-то трогательное в этом скромном, совершенно безпритязательном, благодатном существовании и в тихом довольстве им! Прекрасный мир покоился над этим бедным домиком и над добрым служителем алтаря, жившем в нем!

Возвращаясь, мы встретили толпу детей, направлявшихся к дому нашего хозяина. На вопрос мой г. Карнович отвечал мне, что он устроил в своём доме школу для детей своих дворовых и крестьян; однако из скромности он не говорил нам об этом, пока мы сами не узнали перед самым уже отъездом. Священник и выученный им один слепой крестьянин учили в этой школе чтению, письму и счёту около 20-ти мальчиков и девочек от 7–13-летнего возраста. Мой спутник, г. С., сделал им маленький экзамен, и дети прочли его довольно неразборчивую рукопись. На стене висели географическия карты. Г. Карнович сказал мне, что он повесил карты для того, чтобы дети сами собой, заинтересовавшись ими, начали бы спрашивать об их значении. С некоторыми детьми это действительно было, они заинтересовывались картой: тогда он рассказывал им, и если оказывались у мальчика способности к занятиям, то г. Карнович давал им и большее образование. Как это умно и остроумно!

При отъезде наш хозяин провожал нас до другаго своего имения, Талицы; он устроил тут большую белильную полотно. В ней белилось в прежние годы до 70 000 арш. полотна. Мы нашли там партию столоваго полотна, присланную из Москвы, затем тонкое полотно из Великаго Села и, между прочим, один кусок ещё небелёнаго очень тонкаго

полотна, которое стоит тут 1 руб. 15 коп. сер. за аршин и которое мало уступит в ровности, крепости, тонине и глянце хорошему голландскому полотну. Вообще полотно, доставляемое отдельными поселянами, крепче, чем из Великого Села, где ткуются полотна из скупной пряжи. Белильной заведывали два немца из Билефельда в Вестфалии; от них я получил некоторые сведения. Время работы тут почти на два месяца короче, нежели в Билефельде; вода хороша, солнечного света достаточно; полотно, однако, не выбеливается так хорошо, как немецкое, потому что последнее лучше ткётся. Самое беленье обходится здесь дороже – главным образом по причине высокой заработной платы. Самую большую плату получают те, которые мылят полотно, так как и работа их всех труднее и требует большого напряжения сил. Здоровый парень вымыливает до 70 арш. полотна в день и получает по $2\frac{1}{2}$ коп. асс. за аршин, следовательно, от 40–45 коп. сер. в день. Молоко, напротив, тут дешевле, чем в Вестфалии; ведро стоит здесь 5 коп. сер., в Вестфалии же 9 коп. сер.; но вестфальское молоко лучше здешнего и относится к здешнему, как 10 к 8. Здесь мы простились с г. Карновичем, которому мы столь благодарны за его наставления, и около полудня возвратились в Ярославль.

Мы решились на следующий день посетить торговый город на Волге Рыбинск, куда нас сопровождал председатель палаты государственных имуществ.

Мы выехали рано утром 19-го мая и около 10-ти часов прибыли в город Романов-Борисоглебск. Здесь знаменитая община кузнецов. Все почти жители кузнецы, и работают даже паровые котлы. Поэтому расположенная на другом берегу деревня Борисоглебск составляет богатую общину кожевников. Мы осмотрели в городе фабрику, работающую войлок из лошадиного волоса. Рабочие на ней крепостные люди, платящие оброку 17 руб. сер. и зарабатывающие здесь, смотря по работе, от 20–45 коп. сер. в день. На следующей станции Маневской, чтобы собрать,

по возможности, больше сведений о земельных отношениях, я расспросил о существующем разделе земли в тамошней общине. Мне сказали, что земля переделивается вновь после ревизии. В случае смерти члена общины или ухода его, что на Волге встречается нередко, участок присоединяется к общине и сдаётся ею в аренду, пока он не понадобится для надела нового члена или для выравнивания других участков. Если после смерти отца братья пожелают разделиться, что здесь считается вообще за несчастье, то изба по оценке остаётся за старшим сыном и все наследственное имущество делится таким образом, что все братья получают поровну, сестрам выдаётся по четырнадцатой части на каждую, а вдове – седьмая часть.

Когда нам случалось останавливаться в деревнях, нас окружало всегда множество нищих. В помещичьих деревнях это бывает редко и только украдкой, так как русское дворянство считает для себя унижительным нищенство своих крепостных и потому запрещает его. В государственных же деревнях это свободный промысел, как и все другие промысла в России. Есть целые деревни и довольно зажиточные, которые промышляют нищенством. У каждого поселянина такой деревни есть нищенский костюм; весной по одному или по несколько человек из семьи они вместе отправляются на промысел, распределяют между собой местности, кому куда идти, собираются в определённых пунктах для различных переговоров и т. д. Осенью возвращаются они назад и живут зиму на собранные подаяния.

Рыбинск отстоит на 81 версту от Ярославля и составляет главный узел русской внутренней торговли. Все произведения и товары, идущие с Волги и её притоков в Петербург, перегружаются здесь на мелкие суда и отправляются далее по системам каналов. Эти товары приходят в Рыбинск в 1400–1800 больших судах, перегружаются здесь в 6000 меньших судов и так идут до Петербурга. Общая ценность этих товаров простирается от 40 до 50 миллионов рублей.

Когда ещё не было трёх систем каналов, связывающих Волгу с Петербургом, Рыбинск был незначительной слободой, жители которой платили оброк рыбой в натуре или деньгами за нее. Затем он был преобразован в город, оброк уничтожен, и теперь жители его вносят в казну обыкновенные подушные подати и, кроме того, от 50 до 60 тысяч руб. сер. в год на городские нужды. В настоящее время здесь до 600 купцов трёх гильдий. Кроме того, мелочная торговля ведётся мещанами и разночинцами, которые обыкновенно торгуют под фирмою какого-нибудь купца, платящего гильдию. Чтобы записаться в гильдию, не требуется ничего, кроме объявления своего капитала и внесения известных пошлин; первая гильдия платит 2500 руб. сер. в год, вторая – 550 руб. сер., третья – 200 руб. сер. Права каждой гильдии различны. Только купцы первой гильдии могут вести заграничную торговлю и заключать контракты без ограничения суммы; вторая гильдия может заключать контракты на сумму не свыше 50 000 руб. сер. и т. д.

Мы познакомились на следующий день с одним миллионером, купцом Тюменевым; он носил бороду, пробор посредине головы, одет был в длинный синий кафтан, но дом его был устроен с некоторою европейскою роскошью, и его недавно женившийся сын явился в современном изящном платье, гладко выбритый, с хохлом и в воротничках и был, конечно, наполовину менее красив, нежели старик! Последний написал небольшую книгу о Рыбинске и его торговле, наполненную неверными статистическими цифрами, но всё-таки заключающую интересные сведения, и подарил мне экземпляр ея. Мы пошли с ним во вновь отстроенный биржевой зал, но нашли его почти пустым. По поводу этого старик сообщил нам, что простые русские купцы не могут привыкнуть к этому новому учреждению, что с их тихим, молчаливым, наблюдательным характером и с их привычкою к шёпоту не гармонирует беготня, суетня, крик и шум биржи. Они привыкли вести переговоры о делах в тракти-

ре, за чаем, и кончать их там «с уха на ухо, шито и крыто». Самая большая дела и теперь делаются не на бирже. Мы взошли в большой трактир рядом с биржей; действительно, все богатые биржевые купцы сидели неподвижно вдоль стен, как идола, чинно, молча, все в поту, пили чай и только изредка шёпотом менялись словами с соседями. Несмотря на то, что тут сидело более 100 человек, шума было меньше, чем при десяти посетителях в полпивной немецкого городка. Неизбежная в каждом русском трактире машина наигрывала что-то, и можно было подумать, что добрые бородачи шептались так тихо, чтобы не лишиться себя наслаждения музыкой. В дни оживленной жизни и торговли в этом трактире выпивается в день 50 фунтов чаю.

Оттуда пошли мы осматривать различные суда, употребительные на Волге. Было ещё начало лета, а потому и судов не могло быть много на реке, которая здесь шире Эльбы под Магдебургом, и всё-таки мы увидели целый лес мачт. Среди лета тут столько бывает судов, что можно с судна на судно, по доскам, переходить с одного берега на другой. В особенности чистотой и изящностью постройки отличаются Белозерские суда, другие замечательны оригинальною наподобие арабесков и очень красивою резьбою, украшающею наружные стены; украшения эти делает в свободные часы сам судовщик топором и разве иногда употребляет при этом простой карманный нож или маленькое долото. Других инструментов они не знают и никогда не употребляют. У великороссов заметна сильная склонность к украшениям, которые они вносят всюду с собой; это указывает на большую способность к цивилизации. На судах мы видели везде Библии, сборники легенд и молитвенники, все на старославянском языке; один судовщик подарил мне такую книгу с писаными молитвами. Мне говорили, что это все раскольники и что они читают и понимают книги только старославянские и совсем не могут читать русских печатных книг. Нам пришлось слы-

шать пение волжской песни, голос был чистый, мягкий, не крикливый, мелодия бемольная, жалобная и грустная. На противоположном берегу Волги стояло множество строений, магазинов и амбаров для склада товаров. Они построены из бревен в столбах; крыши и внутренние перегородки рогожные. Множество плотников было занято работой. Один молодой плотник вырубил в нашем присутствии топором шестиугольную дыру в полфута ширины и глубины. Он не нарисовал её прежде и рубил с глазомера. Когда он кончил, мы вымеряли дыру; все стороны были совершенно равны и углы верны. Это была совершенно правильная математическая фигура, которой бы никто из нас не мог нарисовать мелом от руки, без помощи линейки и наугольника. Другой плотник несколько раз пробовал сделать то же, и, когда мы над ним посмеялись, он иронически отвечал: «Казённые бруски всегда скверны».

В трактире, где мы обедали, висел на стене инструмент вроде гитары; у него от 27–36 струн; но не нашлось никого, умеющего на нём играть.

В Рыбинске считается около 6000 постоянных жителей, но летом число их достигает до 130 000 человек, безпрестанно прибывающих и отъезжающих по своим делам, женщин же не более 2500. Какое странное и трудно понятное для европейца отношение! Большинство этой наплывной массы состоит из рабочих и привлекается сюда судостроением и промыслами. Между ними особенно интересен класс бурлаков. Они формально образовали из себя артели, имеют выборного представителя, старосту, хозяина, и все в высшей степени крепкий народ. Большая часть их из губерний, прилегающих к Волге и даже из Рязанской. Бурлак получает за путину от Самары до Рыбинска, что по прямой дороге составило бы не более 1000 вёрст, но с кривизнами реки превышает 1500 вёрст, 20 руб. сер. За путину от Нижнего до Рыбинска, около 700 вёрст, – 15 руб. сер. Время пути подвержено многим случайностям и от Нижнего до Рыбин-

ска колеблется между двумя и шестью неделями. При счастии бурлак в целое лето может сделать три путины, и тогда у него останется от 15 до 20 руб. сер. Если же ему приходится бороться с противными ветрами, тогда он делает в лето две такая путины и съедает почти всё, что выработает. При каждой расшиве есть несколько хозяйских лодок, на которых бурлаки сплывают до Нижнего в три дня.

Можно себе представить, как быстро и сильно дорожают съестные припасы при таком огромном наплыве народа в такой небольшой город. Мне рассказывали, что часто купцы, судовладельцы, хлебные торговцы всеми средствами прижимают и обманывают рабочих, дают деньги вперёд, вычитая огромные проценты. Некоторые высказывали уже потребность здесь в таких учреждениях, из которых рабочие могли бы получать рожь и муку по определённым ценам и которые регулировали бы плату за работу людей и лошадей согласно базарным ценам на муку и овёс. Русская полиция способна удерживать порядок, отвращать и открывать преступления, но до сих пор, разве за исключением больших городов, нигде не прилагает к своему управлению отеческой заботливости.

Мы гуляли до позднего вечера; тут есть красивые места для гулянья, а набережная на Волге роскошно выложена отличным гранитом с чугунной решёткой. В северной России много гранита и железа.

Мы встретили многих лоцманов и слышали, что они все родом из соседней деревни на Волге, Коприно, где, как везде в России, целая община состоит из лоцманов.

Около 9-ти часов вечера выехали мы из Рыбинска и на следующее утро прибыли в Ярославль. Дорогой я заметил, что в этой местности земля обрабатывается лучше, чем я до сих пор видел; в некоторых местах поля были огорожены. Это объясняется, впрочем, близостью большой реки. Деревни по этой дороге маленькие, избы и дворы помещены свободно и не теснятся друг к дружке.

Мы провели этот день, 21 мая, как и большую часть следующих дней, в обществе губернатора и председателя палаты государственных имуществ; мы посетили ещё несколько фабрик, в том числе одну старинную, устроенную по принципам Петра I, и другую, совсем новую. Первая — это Яковлевская полотняная фабрика. Она помещается вне города, и проезд к ней через деревню, принадлежащую к той же фабрике; за деревней лежит обширная пустая площадь, на конце которой ворота на фабричный двор. Фабрика эта со своими длинными правильными каменными постройками с маленькими окнами, с великолепной церковью, построенною по европейскому образцу, имеет вид немецкаго монастыря Бенедиктинскаго аббатства. Фабрика, однако, имела вид полного упадка. Рабочия помещения были грязны и темны, машины старья и вышедшия из употребления; распорядитель, рабочие и работницы имели вид беспорядочный, ленивый и смущённый. Она была основана при Петре I в 1720 г. купцом Затрапезновым. Правительство приписало к этой фабрике по тогдашним государственным соображениям 1200 человек крестьян под условием, чтобы фабрика употребляла их единственно на производство и обработку льна и заботилась бы об их пропитании. Фабрика расцвела и всё увеличивала свои обороты, в особенности с 1768 г., когда её купил Яковлев. Он прикупил ещё крестьян, находилось даже много охотников, которые в одну из ревизий сами пожелали приписаться к фабрике. Это был блестящий её период. В то время льняныя мануфактурныя изделия процветали, фабрика имела невероятный сбыт, более чем на 2 миллиона руб. сер. в год, и давала сто процентов барыша. Одни заказы казны почти ежегодно давали более 200 тысяч руб. сер. Это высокое процветание фабрики объясняется выгодным помещением её около значительнаго города на Волге и обладанием большим количеством человеческих сил (фабрике принадлежало под конец до 3000 душ). Для

этих рабочих была выстроена возле фабрики деревня, где крестьяне имели дома и огороды, но земли им не было дано; после прибывшим крестьянам отводилась земля для усадеб и выдавались на постройку деньги, которых они должны были возратить назад вычетом 25% из их жалованья. Рабочие получали провиант от фабрики, именно: на взрослого мужчину или женщину 1½ пуда муки, на ребёнка 1 пуд муки, на грудного младенца 30 коп. сер. деньгами в месяц. Они должны были работать на фабрике, когда им прикажут, и получали за это вознаграждение: мужчина от 100–120 руб., женщина 50 руб., дети до 20 руб. Плата эта рассчитана по количеству приходящейся работы на аршин. Фабрика мало-помалу пришла в упадок. Главные причины этого заключаются в новых успехах обработки и в улучшении машин, в постепенно возрастающей конкуренции, в непомерном распространении хлопчатобумажных фабрик, подавивших все полотняные фабрики в России; к этому присоединилось увеличение заработной платы, почему рабочие стали уходить на другие фабрики, где плата больше. По наследству фабрика перешла к 33 собственникам, и так как по закону она не может быть разделена, то, естественно, при такой администрации не может быть ни энергии, ни свежей деятельности. Заказы казны прекратились. Несмотря на то, что в сороковом году оборот доходил до 600 тысяч руб., фабрика уже 10 лет работает в дефицит. Теперь вновь был сделан опыт реорганизации ее. Казна взяла назад приписанных крестьян, которые уже становились бременем для фабрики, и выплатила ей за это 35 тысяч руб. сер. Деревни отошли к Ярославлю и стали его предместьем, но город очень тяготеет этим подарком, так как крестьяне эти совершенно разорены. Фабрика владеет только прикупленными крестьянами, но и тех перевела на оброк по 8 руб. сер. с тягла; когда потребуются, они обязаны работать на фабрике за обыкновенную плату; если нет работы, они могут искать её в другом месте.

Вся система работ организована на этой фабрике более, чем на новейших русских фабриках. Фабрика не доставляет более рабочим провизию и дрова, но заработная плата возвысилась от 20–30 процентов. Вместо прежних 1300–1500 ткацких станков на фабрике теперь находится только 200 и, кроме того, 300 роздано крестьянам. За работу платится поштучно. Женщина, ткущая полотно для рубашек, получает 6 коп. за аршин, а так как она легко соткёт в день 11–12 арш., то вырабатывает в день от 60 до 80 коп. асс. Муштина, ткущий скатерти, получает 1 руб. 10 коп. за аршин и может выработать 2 рубля в день. Мы спрашивали одного рабочего, ткущего салфетки, сколько он вырабатывает; он отвечал, что получает 34 коп. за аршин и может соткать от 4–5 арш., следовательно, вырабатывает 40–50 коп. сер. в день. Пусть сравнят эту заработную плату с тем, что вырабатывает ткач в Силезии, и пусть сравнят также цены на предметы первой необходимости, например ржи; здесь четверик ржи стоит около 20 коп. сер., а в Силезии около 75 коп. сер. Я думаю, нет страны, где бы заработная плата относительно стоимости предметов первой необходимости была так высока, как в России.

В льняные изделия тут также стали примешивать бумагу.

Фабрика имеет лавки в Ярославле, Нижнем Новгороде и Москве. Кроме церкви, при ней есть школа для детей, больница для больных и беспомощных рабочих и аптека.

Затем мы посетили совершенно новую фабрику русского промышленника Оловянишникова в самом Ярославле. На большом дворе растянулось много строений; впереди под навесом висело огромное количество церковных и других колоколов и внизу большой колокол с отличным звоном в 202 пуд. весом. Все эти колокола вылиты на этой фабрике, они продаются по 12 руб. сер. за пуд всякой величины. Затем на том же дворе была фабрика, приготовлявшая белила, далее ситцевая фабрика и, наконец, шёлковая.

Последнюю мы рассмотрели внимательнее; тут были красивые материи из итальянского и армянского шёлка, ценою от 75 коп. до 3 руб. сер. за аршин. Фабрика приготовляет очень красивые национальные шёлковые материи, полосатые, ярких цветов, которые предпочтительно носят казачки; материи этой сбывается ежегодно до 30 тыс. арш. по 2 руб. 40 коп. асс. ($68\frac{1}{2}$ коп. сер.) за аршин. На фабрике работает до 20 ткацких станков. Высота заработной платы одинакова с другими фабриками. Рабочие зарабатывают в день от 35–60 коп. сер. Этой лёгкой материи мужчина успевает ткать в день от 6–7 арш., получая по 20 коп. асс. за аршин, тонкой плотной материи он успевает сработать от $1\frac{1}{2}$ – $2\frac{1}{8}$ арш., получая по 1 руб. асс. за аршин.

Я хочу поместить тут несколько замечаний о Ярославской губернии вообще по собранным мною достоверным данным. Я назову следующие источники:

1) О промышленности в некоторых уездах Ярославской губернии Генриха Ланна. 1841 г. (отличный труд). Не напечатано.

2) Монографические сведения об отдельных деревнях Ярославской губернии, сообщённые мне по моей просьбе Ярославской палатой государственных имуществ.

3) О крестьянских промыслах и ярмарках Ярославской губернии.

4) Отчёт в Министерство внутренних дел по Ярославской губернии.

5) Монография города Ярославля, напечатанная в журнале Министерства внутренних дел за 1843 год.

ГЛАВА VII

Общая разсуждения о Ярославской губернии. — Промышленность и земледелие в ней. — Большия поместья и крестьянския хозяйства. — Народныя фабричныя ассоциациии или ремесленныя артели и новейшия фабрики, их польза и вред. — Возможная народная организация их. — Статистическия сведения о пяти уездах и разсуждения по поводу их. — Хозяйство города Ярославля

Ярославская губерния принадлежит к коренному зерну той части монархии, которая заселена великороссами. Почва, особенно в северной и северо-западной части губернии, мало плодородна, климат суровый, но сухой и здоровый, положение по обеим сторонам Волги и многих других рек выгодно, народ признается за красивейший и способнейший между великороссами.

Ярославская губерния представляет изо всей русской монархии самую интересную местность для исследования и изучения быта русскаго народа, что составляет цель моего труда. Как уже сказано, тут живёт коренной народ с ясно выразившимся характером; ему приходится бороться с неблагоприятными условиями климата и почвы, к тому же большая часть его уже с древних времён занята промыслами и ремёслами и, наконец, в последнее время брошена в водоворот вызванной во всей России фабричной деятельности.

У диких народов земледелие есть первая ступень, с которой начинается цивилизация. Вначале оно удовлетворяет простейшим потребностям народов, но с увеличением населения и возрастанием культуры развиваются другия потребности, смотря по местности, времени и цивилизации каждаго народа отдельно.

История ещё не выяснила, были ли такие народы, которые развили у себя ремёсла и промысла, минуя земледелие. Кажется, было нечто подобное у финикийцев в их колониях, равно как и в некоторых греческих городах. Но кто знает, может быть, и они пережили неизвестную нам доисторическую эпоху, в которую совершился переход от земледелия к промышленности? Изю всех больших народов, занявших значительные территории, не было ни одного, который бы не пережил земледельческого периода.

Но мы часто видим, что народы или части народа, которые были первоначально исключительно земледельческими, на известной ступени культуры становились промышленными. К этому часто приводят неплодородие почвы, возрастание населения и недостаток в почве, годной для обработки.

Так именно случилось с частью России, и именно с частью Ярославской губернии. Уже в средние века тут была обширная промышленность и значительная торговля, с одной стороны через Новгород и Псков с ганзейцами, с другой стороны – с Азией. После того как Пётр I открыл для непосредственной русской торговли Балтийское море, после того как новые колоссальные системы каналов связали внутреннюю Россию с Петербургом и Балтийским морем, Ярославская губерния стала средоточием и узлом всей русской промышленности и торговли. Конечно, такое направление народной жизни вызвано было дурнокачественностью и недостатком земли, но этому направлению способствовали также природные наклонности и свойства русского народа.

Почва этой губернии мало плодородна, урожай считают вообще сам-третей. Конечно, естественное плодородие могло бы быть совершенно исправлено увеличением удобрения, введением улучшений и обращением усиленного труда на обработку земли, но ничего такого здесь не делается. Пример нескольких помещиков, подобных г. Карновичу, находит мало подражателей между помещиками, а между поселянами почти вовсе не находит. При-

чина тому, как мы уже говорили, очевидна. Промышленность и торговля дают здесь достаточное вознаграждение, а земледелие не приносит достаточных процентов на капиталы, затраченные для его улучшений.

Впрочем, вообще нельзя судить о здешних отношениях по тому масштабу, к которому мы привыкли в землях, лежащих далее на юг и на запад, во Франции, Англии и средней Германии.

В здешних северных местностях земледелие требует гораздо больше человеческих и животных рабочих сил и потому приносит менее чистаго дохода, нежели в странах Западной Европы. Важнейшая часть земледелия – запашка и уборка хлебнаго поля – в Западной Европе распределяется на период времени, гораздо более значительный, следовательно, обходится значительно дешевле, нежели здесь. Эти работы, например около Орлеана, около Майнца, при Дунае, распределяются на семь месяцев, между тем как здесь по причине краткости лета должны быть исполнены в четыре месяца. Итак, то, что я могу там сделать на поле равной величины и равнаго плодородия, работою четырёх человек и четырёх лошадей, на то мне нужно здесь семь человек и семь лошадей. Если б я имел около Майнца поместье в 1000 моргенов запашки и лугов, то для обработки его мне понадобилось бы 4 пары лошадей, 8 работников и 6 работниц, кроме того, понадобилось бы ещё принанять временных рабочих на 1500 дней. Наём и содержание всех этих людей и лошадей стоили бы мне около 3500 талеров. Поместье приносило бы мне валоваго дохода около 8500 талеров, и за вычетом расходов оставалось бы мне чистаго дохода около 5000 талеров. Но если бы поместье такой же величины и с землёй такога же качества лежало на севере от Волги, то, предполагая даже равенство в ценности сельскохозяйственных продуктов и во всех других условиях, уже только по причине климата понадобилось бы мне для обработки этого поместья 7 пар лошадей, 14 работников, 10 работниц и 2100 дней работы

временных наёмщиков, и потому чистый доход простирался бы вместо 5000 талеров только до 2600 талеров. Конечно, если бы на зиму, когда нет полевых работ, мне удавалось бы освободиться от рабочего скота и дорогих человеческих сил, то издержки могли бы уравниваться*. Расходы одни и те же, содержать ли 4 пары лошадей в течение семи месяцев или 7 пар лошадей в течение 4 месяцев. Потому если б можно было продавать рабочий скот и отпускать работников близ Майнца на 5 месяцев, а близ Ярославля на 8 месяцев, то доход в обеих местностях был бы одинаков. Но это очень трудно и для одного какого-нибудь хозяина, а для сельскохозяйственных отношений целой страны решительно невозможно. А при этой невозможности условия майнцагского поместья несравненно выгоднее, нежели ярославского поместья. На одном и том же пространстве земли майнцское поместье в течение зимы должно прокормить только $\frac{4}{7}$ того количества работников и скота, какое должно прокормить ярославское поместье: майнцское поместье должно кормить их только 5 месяцев, а ярославское 8; но кроме того, майнцское поместье может во время зимы занять их несравненно большим количеством разных полезных для хозяйства и, следовательно, в результате доходных работ, нежели ярославское. Зима около Майнца не так сурова, не так постоянна, чтобы покрывать землю непроницаемым и замёрзлым слоем и снегом. Прокармливаемых работников и скот можно употреблять на всяческие работы: они будут возить навоз, мергель, известь на поля для удобрения, не считая того, что привозят дрова и лес на целый год и отвозят на рынок продукты. В те дни, когда земля не мёрзнет, они будут заниматься различными полевыми работами: проводить каналы, орошать луга. Женщины в свободные часы мнут и прядут лён и т. п. Словом сказать, все 5 зимних месяцев люди и скот

* Крестьяне так и делают: по уборке хлебов они продают лошадей и весной покупают себе новых. Так как у ямщиков увеличивается работа зимой, то они осенью покупают лошадей от крестьян.

будут заняты сельскохозяйственными работами. Окажется, что разве только 2 лошади и 1 работник могли бы быть отпущены из хозяйства. Но и того не окажется нужным. В стране очень населённой для них всегда найдётся работа в извозе или другом, так что, строго говоря, хозяйство поместья, находящегося около Майнца, зимою не терпит никакой потери от недостатка занятий; совершенно иначе оказывается это отношение для ярославского поместья: тут на целую зиму не находится никакого сельскохозяйственного занятия, кроме езды за дровами и отвоза продуктов на рынок, а эти работы можно бы исполнить все одною парой лошадей и одним работником. Зима или, по крайней мере, всё нерабочее время продолжается целых 8 месяцев, а я кормлю на целые $\frac{3}{7}$ (почти вдвое) больше рабочих и скота. Если мы примем ещё в расчёт сравнительно низкия цены сельскохозяйственных продуктов, отдалённость рынков, малую населённость страны и потому высоту наёмной платы, наконец, то, что французския и немецкия лошади гораздо сильнее и переносливее в работе, а также, что русских работников нельзя сравнить с немецкими, то очевидно будет, что всеми этими невыгодными условиями будет поглощена наибольшая часть даже и того чистаго дохода, который вычислен выше. А притом мы ещё принимали, что ярославское поместье имеет столь же плодоносную землю, как майнцския равнины, но майнцския равнины роят хлеб сам-шест и сам-сем, а ярославская земля даёт едва сам-три.

Из этого воображаемаго расчёта очень ясно можно видеть, что если бы кому-нибудь предлагали под Ярославлем поместье под тем условием, чтобы он завёл там хозяйство в таком же виде и по тому же порядку, как в Западной Европе, с тем же хозяйственным инвентарём, то он должен был бы, поблагодарив за такое предложение, решительно отказаться от него: он не получил бы от такого хозяйства не только никакой выгоды, никакого чистаго дохода, но и оставался бы каждый год в значительном убытке.

Таким образом, становится очевидным, что большие поместья в этих местностях не могут рассчитывать на выгоды от земледелия. Но его нельзя и бросить, так как оно составляет насущную необходимость.

В земледелие входят два элемента. Оно – долг, обязанность, наложенная на человека Богом: «Ты должен в поте лица своего обрабатывать землю». Земледелие нельзя бросить, даже если бы оно и не давало денежной выгоды, потому что в общем, рассматривая хозяйство целой страны, оно одно только даёт средства к существованию людей и животных. Второй элемент, лежащий в земледелии, заключается в промышленном характере хлебопашества, и этот элемент развивается только мало-помалу, при успехах культуры; и в этом отношении земледелие должно подлежать учёту; если земледелие даёт убыток, то должен быть поставлен вопрос: как оно должно быть ведено?

Так как этот вопрос теперь поставлен, то я выскажу своё мнение о земледелии в этих местностях России. Большие сельские хозяйства могут тут существовать только при двух условиях: во-первых, при даровой барщине, то есть такое хозяйство, при котором не приходится содержать работников, работниц и рабочий скот; или, во-вторых, если заведено хозяйство с оплачиваемой рабочей человеческой и животной силой, то необходимо связать земледелие с таким фабричным производством, которое бы могло дать выгодное занятие в свободное от полевой работы время как работникам, так и скоту.

Я считаю совершенно необходимым существование в этих местностях довольно значительного, хотя не чрезмерного, числа больших хозяйств. Без них нечего и думать об успехах в земледелии, что в России гораздо нужнее, чем обыкновенно думают. Затем Россия нуждается в сельском дворянстве и в городской буржуазии; но дворяне тогда только с удовольствием и н е о б х о д и м о будут жить в деревнях, когда заведут в них свои собственные хозяйства. До сих

пор дворянство по преимуществу служит и живёт в городах, оно стало городским дворянством, как итальянское, и держит своих крестьян на оброке. Как скоро существование таких больших хозяйств признать необходимым условием успехов земледелия, а, следовательно, и благоденствия народа, то отсюда последует, что у н и ч т о ж е н и е крепостного права т е п е р ь было бы несвоевременно* ; но законодательство может дать крепостному праву более правильные отношения со строгим определением размера барщины и с обузданием личного произвола, как это имел в виду указ 2 сентября 1842 г. Второй род вышеуказанных хозяйств – большие имения с рациональным западноевропейским хозяйством и притом в связи с фабричною промышленностью – принесли бы этим местностям большую пользу, но только этот род хозяйства не может стать народным. Устройство, введение и развитие такого хозяйства требует высокого образования, ума, неутомимой деятельности, энергического характера, а свойства эти в одном человеке встречаются, конечно, как редкое исключение. Правительство должно всеми мерами поддерживать и охранять такие хозяйства, если они где образуются, так как только такие образцовые хозяйства могут распространить более разумное земледелие. Опыт показывает повсюду, что первые основатели таких хозяйств становились жертвами добрых желаний и разорились. Г. Карнович человек простой с незатейливыми потребностями, он принялся за дело осторожно и не разорится, но я всё-таки не думаю, чтоб затраченные им капиталы на улучшение имения давали ему хорошую прибыль.

---

* Крепостное право и его уничтожение или изменение должно бы быть в России вопросом местным, а не делом всего государства; но в России нет округов с особенной, отличной от других, государственной жизнью, как в маленьких германских княжествах, из которых каждое живёт своей самостоятельной жизнью. Границы прежних удельных княжеств в России совершенно исчезли, а потому нечего и думать о законодательствах отдельных провинций, в чём, однако, по вопросу земельных отношений настаивает насущная потребность. Россия – государство общинное, в противность Германии, государству корпоративному, цеховому.

Что касается сельского хозяйства крестьян в этой губернии, то оно ограничивается только необходимостью.

Их хозяйство вполне подчиняется неблагоприятным условиям почвы и климата. Почва скупо оплачивает труд, продукты приходится возить на отдалённый рынок, и они притом стоят дёшево. Крестьянский рабочий скот слаб, а русский рабочий не настолько любит земледелие, чтоб употреблять на него продолжительные и тяжелые усилия. Что ж после этого удивительного, что русский крестьянин этих местностей занимается земледелием не с расчётом на получение прибыли, а чтоб собрать хлеб, нужный для пропитанья семьи, и корм для скота, да и едва ли достижима тут прибыль. В интересах крестьянина лежит не *наибольшее*, а *наименьшее* приложение человеческого и животного труда к земледелию: поселянин обрабатывает возможно большую площадь самыми первобытными и по возможности лёгкими приёмами и поэтому собирает ничтожное количество зёрен. Если бы он улучшил меньшую площадь земли, привёл бы её в настоящий порядок и заботливо обработал бы, то он собрал бы лучшую жатву; но если взять в расчёт низкую цену продуктов, а труд, положенный на улучшение поля, перевести на деньги, то окажется, что такая обработка слишком дорога и безвыгодна.

Есть местности в Европе и, конечно, в России, где поселянин не может считать во что-нибудь свой труд, прилагаемый к земледелию, потому что он не может употребить его на что-нибудь другое, а, следовательно, оценить его. В этом случае ему нечего говорить об убытках от земледелия, хотя бы пришлось употребить вдвое больше труда на него, так как даже самое ничтожное вознаграждение всё-таки вознаграждение и лучше, чем ничего. Это именно случай того французского поселянина, о котором рассказывает Артур Юнг. Но в Ярославской губернии это не так; тут работа крестьянина имеет высокую оценку, и причиной тому процветающая в губернии промышленность.

Мы говорили выше, что все земледельческие работы в этих местностях должны быть произведены в 4 месяца; следовательно, все рабочие руки имеют полевых занятий на 4 месяца в году, остальные 8 месяцев руки эти не нужны для земледелия. Что же было последствием этого уже с давних времён?

Следствием этого положения явилось замечательное развитие промыслов и ремёсел, и притом с такою же силою в деревнях, как и в городах.

Положение местности благоприятствовало этому как нельзя более, и, как уже сказано, здесь процветала промышленность ещё в средние века; но она необыкновенно развивалась здесь особенно с того времени, как Петербург стал главным центром всей русской торговли. По плану Петра I главная гавань Балтийского моря, Петербург, была связана тремя удивительными системами каналов с главнейшей рекой всего царства, Волгой, и её притоками. Волга и каналы начали доставлять товары в Рыбинск, где они должны были перегружаться в другие суда, и от этого сам Рыбинск, прежде незначительная слобода, стал первым в России складочным местом товаров. Он дал точку опоры для промышленности всей Ярославской губернии.

Прежде всего, поселяне, не занятые земледелием 8 месяцев в году, стали в эти месяцы обрабатывать сырые продукты своей местности и доставлять фабрикаты на рынок.

Побуждение к промышленности вытекает из народного характера жителей Ярославской губернии и их способностей. Здешний крестьянин подвижен, деятелен, боек, изобретателен, переимчив, любит ремёсла и склонен к торговле*. Вторым важным условием должно быть названо крепостное состояние. Большая часть крепостных с дав-

---

* Что главная побудительная причина к промышленности лежит в природе самого народа, доказывается тем обстоятельством, что финские племена, черемисы и чуваша, живущие при тех же условиях между русских поселен и имея пред собою ежедневный пример, всё-таки остаются без промыслов. А надо ещё сказать, что между ними нет крепостных, что они все свободны.

них пор была не на барщинном, а на оброчном положении; это лежало в интересах помещиков: дворянству, ведущему праздную городскую жизнь, получение определённого оброка удобнее и приятнее. Это положение было значительным стимулом к возбуждению промышленности.

Земледелие могло только дать пропитание, но не приносило выгоды; а денег нужно достать на уплату оброка. Сырые продукты стоят в низкой цене, все фабрикаты ценятся высоко (обстоятельство, имеющее и теперь место во всей России; это высказывалось не раз и это всё-таки необходимо повторять). Таким образом, начали, прежде всего, перерабатываться местные сырые продукты, всевозможные фабрикаты лесные: экипажи, колёса, столярные изделия, деревянные башмаки и лапти, рогожи, дёготь, лодки, суда и проч.; изо льна и конопли стали готовить пряжи, полотна, канаты, бечёвки, парусину и проч.; из звериных шкур – сёдла, ремни, кожи, сапоги и проч.

Эти промысла развивались не только с целью удовлетворения местных потребностей; а произведения, как уже сказано, изготовлялись в массах, как на фабриках, и вывозились для продажи на ярмарки.

Это способствовало развитию (неоднократно уже упомянутого мною) народного стремления к ассоциации, вытекающей из природы и организации русской общины.

В других странах определённому ремеслу посвящает себя только тот, кто почувствует в себе способности и расположение к нему. В России вообще признаётся, что каждый имеет способности и расположение к каждому ремеслу, и в этом много правды: невероятно, до какой степени каждый почти без исключения русский способен ко всем техническим производствам. Русский человек, пустившийся на далёкия заработки, перепробует обыкновенно всевозможные ремёсла, пока не остановится на каком-нибудь одном, обещающем большую прибыль, но он способен к каждому из них.

Таким образом, ремёсла развивались здесь большею частью целыми общинами, так что, например, все поселяне одной деревни стали башмачниками, поселяне другой – кузнецами, третьей – кожевниками и т. д. Это представляет большая выгоды. Так как русские привыкли жить большими семьями, часто в два взрослых поколения, то у них само собой ввелось разделение труда, столь необходимое во всяком фабричном промысле. Члены общины постоянно помогают друг другу капиталом и трудом, делают закупки сообща, равно как и продают обыкновенно вместе. Ремесленные общины отсылают свои товары в города и на ярмарки и имеют везде свои лавки. Они не образуют замкнутых цехов, как немецкие ремесленные цехи, но совершенно свободны. Каждый член общины свободен заняться общинным ремеслом и бросить его, может выбрать другое, но это случается, однако, редко, так как не может обещать выгоды. Если б кто-нибудь действительно захотел заняться иным ремеслом, то он переходит в другую общину, занимающуюся тем ремеслом. Тут не существует ни цеховых и никаких других стеснений; это свободные фабричные ассоциации, напоминающие фабрики, о которых мечтают сен-симонисты.

Такая организация производства даёт большая выгоды общине; и Ярославская губерния, несмотря на дурной климат и бедную почву, пользуется значительным благосостоянием. Если спросить: составляет ли это условие залог успеха в земледелии, или заметен ли успех в отдельных ремёслах и промыслах, то ответ должен быть не совсем в пользу ремесленных общин. Произведения большей частью посредственные, не прочны и остаются обыкновенно на той же ступени несовершенства. Насколько общинное производство выгодно в денежном отношении самой общине, настолько же страдают от него интересы потребителей.

Но по отношению к хозяйству всего государства ремесленные общины представляют неизмеримая выгоды. Рабочия силы, не занятая хлебопашеством, получают це-

лесообразное приложение, не нанося существенного вреда земледелию, и нам кажется, что правительство должно бы было употребить всё своё влияние на охранение и поддержание такого приложения народных сил и стараться о возможном улучшении производств. Но правительство не только не заботилось об этом, но вместо того ввело в стране западноевропейския фабрики и поощряло открытие их.

Теперь существует много таких фабрик, как-то: шёлковые, хлопчатобумажныя и т. д., из которых некоторыя работают с успехом. Тут не место говорить о целой системе. Мнения, распространённые об этом в Европе, в большинстве случаев неверны и несправедливы, потому что русское государство не похоже на другия страны и о нём нельзя судить с европейской точки зрения. Разве неизвестны, например, такая положения государственной экономии: что самыя выгодныя фабрики те, которыя перерабатывают сырые продукты страны для потребления своего же народа, и что правительство должно всеми мерами вызывать их, охранять и поддерживать; что могут быть терпимы и охраняемы фабрики, перерабатывающия чужие сырые продукты для потребления своего народа, но что такая фабрики правительство ни под каким видом не должно вызывать; что, наконец, фабрики, перерабатывающия чужие сырые продукты для потребления чужих народов, опасны, что они вызывают большия скопления рабочих и что при внутренних волнениях и внешних войнах они могут подвергнуть опасности самое существование государства? В России, напротив, мы видим, что хлопчатобумажныя фабрики, которыя должны быть отнесены ко второй и частью к третьей категории, оказались полезнейшими и выгоднейшими и заняли первое место. Ситец вошёл уже и будет входить всё более в народное употребление. Путешественники XVII в. свидетельствуют об этом, а в настоящее время распространение между крестьянами ситцевых рубашек огромно и возрастает с каждым днём. Каждый молодой парень гордится своей разноцветной полосатой рубашкой, ситцевая рубашка, сверх

панталон и подпоясанная кушаком, составляет теперь народный воскресный костюм. Поэтому правительство вынуждено поддерживать и ещё более вызывать хлопчатобумажные фабрики, удовлетворяющие народной потребности.

Не против системы вызывания и поддержки фабричной промышленности в России хочу я высказаться, но только против формы. Вместо того чтоб улучшить крестьянское производство и озаботиться о внутреннем усовершенствовании и большем распространении народных фабричных ассоциаций, правительство вводило западные европейские фабрики с характером торговой спекуляции и поощряло дворянство открывать фабрики по заграничному образцу.

Почему было бы невозможно, при послушании и покорности всех русских крестьян, основать хлопчатобумажные фабрики, например, в государственных деревнях? Понадобилось бы выписать руководителей из Англии и Германии, но они были нужны и без этого, и фабрики, открытые дворянами, выписывали иностранных управляющих; может быть, и теперь ещё большинство фабрик ведётся ими. Возведение зданий для машин и самая машины должны быть, конечно, на счёт казны, а на покрытие процентов она могла бы установить цену на пряжу, затем раздать крестьянам сперва ткацкие станки, выучить их работать на них под руководством учителей и впоследствии представить ведение всей операции самим фабричным общинам. Конечно, сначала потребовались бы различные указания, руководство и принуждение, но при большой уступчивости и технических способностях русских, производства эти могли бы скоро приняться и амальгамироваться со старыми русскими артелями. Талантливость и способность русского народа ко всякой технике доказывается очень хорошо тем, что большая часть новейших фабрик основаны и ведены русскими крестьянами, не умеющими ни писать, ни читать и обязанными своим техническим образованием исключительно самим себе. Таковы некоторые из

самых крупных, самых практических и самых богатых русских фабрикантов, как, например, ситцевый фабрикант Гучков в Москве и табачный фабрикант Жуков в Петербурге.

На это возражают: система и форма западноевропейских фабрик явилась результатом длинного ряда опытов и попыток, она есть результат высокой культуры и высшей цивилизации; почему же нам не воспользоваться плодами этой цивилизации, почему нам не заимствовать её от наших соседей, тем более что на это не нужно большого труда; русский народ одарён многими способностями и в особенности способностью усваивать различные технические производства. Разве не обязанность правительства перенимать всё хорошее отовсюду, где можно, и вводить его у себя? Разве каждый народ не учится у других?

В этом разсуждении есть один пункт, на который я должен возразить: народ не может пересадить к себе и усвоить чужую истинную цивилизацию. Цивилизация есть результат долгаго в н у т р е н н я г о развития народа, а не извне приобретённое знание этого результата. Западные народы проходили в течение целых столетий эту длинную школу развития, они имели пред своими глазами культуру древняго мира и, развиваясь исторически, мало-помалу поднялись до ея высоты, а не переняли её механически. Уже много столетий владеем мы сочинениями классической древности, все поколения прожили свои ученические годы под их руководством, но только теперь начинаем мы их действительно понимать и ими пользоваться. Допустим, что Россия находится в более благоприятных обстоятельствах, чем запад, что ея развитие должно идти и пойдёт быстрее. Русские народы учатся не у мёртвых учителей, как это выпало на долю Запада, а у живых, с которыми в течение нескольких столетий они имеют непосредственные, оживлённые торговые сношения. Пример, живые сношения, обмен идей действуют безконечно быстрее, чем мёртвое прошедшее, чем мёртвые учителя; но при всём том, чтоб усвоить истинную цивилизацию, народ

должен прожить прежде ученические годы, их он не может перешагнуть, действительная цивилизация должна пройти через внутреннее *н а р о д н о е* развитие.

Цивилизация состоит из двух элементов: одного общечеловеческого и другого национального. Первый есть цвет высшего развития, дарованного европейскому населению христианством, которое воспользовалось цивилизацией древняго мира, проникло её и слилось с ней; поэтому оно и составляет общее благо всех европейских народов; другой элемент есть подготовка к этому развитию, национальное развитие и воспитание народов, которое у каждого народа различно и непременно должно быть таковым.

Россия обладает первым элементом. Россия приняла христианство, это основание всякой новейшей культуры, а высшие классы русского общества уже более столетия учатся у западных народов. В этом отношении мне кажется, что развитие в России перваго высшего элемента цивилизации окончено. Высший класс России имеет то же образование, ту же степень развития, те же нравы, те же мирозозерцания, как и образованные классы других народов, и поэтому самому образованный русский человек настолько же перестал быть русским, насколько высокообразованный англичанин перестал быть англичанином и немец – немцем. Цивилизация на этой ступени получает космополитический характер.

Достигла ли Россия, однако, этой высоты цивилизации в течение *о д н о г о* поколения? Когда Пётр I пересаживал в России европейские нравы и европейския знания, удалось ли ему пересадить их и видеть *с а м о м у* результат этой пересадки? Он мог брить бороды и надевать на русских французские камзолы, но сделались ли от этого русские цивилизованными людьми? Только теперь, через четыре поколения, с детства обучаемых и воспитываемых иностранцами, после открытия колоссальных воспитательных заведений, в которых каждый русский дворянин мог получать лучшее европейское воспитание и образование, после

того как в России мало-помалу развилась собственная народная литература для высших классов, – только теперь, спустя 130 лет, можно признать, что высшие классы России прошли школу цивилизации.

Но для воспитания собственно народа в России до сих пор ничего не сделано. Пётр I и его преемники мечтали, что нужно сперва воспитать высшие классы и что они уже потом сами сделаются учителями и воспитателями народа, однако ещё за 20 лет тому назад не было сделано ни одного значительного шага для народного образования.

И, как мне кажется, к великому счастью России!

Если бы стали распространять в народе светское образование, обучать его наукам, и вводить механическую науку, не основанную на религии и народных нравах, какими путами было бы связано правительство! Русский народ может получить нравственно-религиозное и национальное образование только при посредстве своей Церкви и духовенства, только оно может успешно вести образование народа. Однако до последнего времени духовенство не только не было призываемо к образованию народа, но было даже отстраняемо. Только теперь в семинариях стали готовить народных преподавателей.

Русский народ отделён от высших классов России целою пропастью, которая далеко ещё не выполнена и не скоро ещё выполнится, а потому какая действительная, реальная польза может быть от пересадки в страну цветов западноевропейской цивилизации, как, например, фабричной промышленности? Хотят ли механически обучить народ разным техническим производствам? Или, может быть, думают поднять образование народа, развивши в нём вкус и любовь к роскоши и европейским модам?

И к чему в России фабрики модных и роскошных изделий, на кого они работают? На высшие ли классы, получившие действительно европейское образование, или только на тех, которые присвоили себе внешний лоск западной куль-

туры? О, нет! Они не покупают и не употребляют произведений русской фабрикации!

Что-то таинственное лежит в роскоши и моде нового времени. Какое значение слова вкус по отношению к роскоши и моде? Как это случилось, что Париж, Лондон и частью Вена тиранически предписывают моду всей Европе? Как это случилось, что изящнейший народ, италианцы, что Рим и Флоренция, что центр всей интеллигенции, Берлин, не имеют ни малейшаго влияния на моду? Какая-то таинственная атмосфера витает над центрами моды, где она одна и царствует. Только фабрики, стоящая в живой связи с этими центрами, могут изготовлять произведения, удостоивающиеся признания прихотливой моды. Русския фабрики не находятся в таком положении, оне существуют вне атмосферы моды, а потому не могут р у к о в о д и т ь модою, а только п о д р а ж а т ь ей. Поэтому русския фабричныя произведения никогда не в состоянии удовлетворить потребностям высшаго русскаго общества, которое покупает только парижские и лондонские предметы моды и роскоши.

Если русския фабрики не могут удовлетворять потребностям высшаго общества, то не имеют ли оне своим назначением дать внешний вид современной цивилизации среднему классу, этому обезьяньему хвосту, горящемуся полуобразованием и наружным лоском? Разве есть какая нужда в том, чтобы русския купчихи, невежественныя и дикія внутри, имели бы по внешности вид почти цивилизованных дам? Разве было бы не лучше, если б они сохранили национальную одежду, а с нею вместе и простоту, и поэзию народных нравов? Или нужно, чтобы семьи мелких чиновников щеголяли друг перед дружкой внешним блеском и страстно домогались бы роскоши и моды, или необходимо беднаго чиновника, на ничтожном жалованьи, вводить в ещё больший соблазн и почти принуждать к тому, чтобы он притеснял просителей, мучил их, обманывал и обкрадывал, с чем он и без того уже освоился?

В заключение этого разсуждения я должен упомянуть, что Россия не нуждалась во введении и обширном распространении фабрик по новейшему европейскому образцу, конечно за некоторыми исключениями, и что эти фабрики имели неблагоприятное влияние на нравственность средних и высших классов.

Если бы вместо введения этих фабрик подняли и поддержали уже существовавшие народные фабричные ассоциации, улучшили бы производство в них новыми машинами, то, конечно, важнейшие отрасли фабричности, как производство льняных, шерстяных, хлопчатобумажных и шёлковых тканей, не дали бы изящных произведений моды (которые всё-таки никогда не достигнут полного совершенства и изящества в рисунках), но приготавливали бы произведения, годные для большинства населения.

Я показал уже выше, что установившееся в России фабричное устройство имеет огромное влияние на общественные отношения низших сословий народа, именно на крепостное право, и, может быть, впоследствии покажу это подробнее.

Новейшее фабричное устройство составляет уже совершившийся факт в России, оно проникло глубоко в общественные отношения. Если введение его относится уже к прошедшему, то и теперь ещё можно изменить несколько организации фабрик, сделавши их национальными, превративши их частью в народные фабричные ассоциации.

Фабрики, открытые Петром I, из которых одну, Яковлевскую, я описал выше, имели правильное значение. Пётр хотел основывать фабрики на крепостных отношениях. Фабрикант мог пользоваться рабочей силой приписанных к фабрике поселян, но в то же время он принимал на себя обязанность кормить, одевать и содержать крестьян. Он не мог прогнать поселян, сделавшихся по болезни, старости или почему другому негодными к работе, но должен был содержать их до самой их смерти.

Пока существует крепостное право, не следовало бы выпускать из виду этого обстоятельства. В настоящее время на

большинстве фабрик работают не крепостные, но нанимаются работники по добровольному соглашению, и притом за высокую плату. Если бы обязать фабрикантов организовать из своих рабочих русския общины, заботиться о хорошем содержании их, устроить для них общественные магазины, открыть школы, больницы и т. п., если б запретить фабрикантам прогонять рабочих, помимо причин, которые должны быть строго определены законом, и именно запретить рассчитывать рабочих по случаю слабости или старости их и т. д., то этим можно было бы избежать многих горьких последствий, и именно деморализации фабричных рабочих. Можно по праву требовать от фабрикантов выполнения этих условий, после того как охранительныя пошлины дают им такие огромные барыши. Существующия фабрики могли бы без труда быть вынуждены на принятие этих требований под страхом лишиться охранительнаго тарифа, а фабрикам, вновь открывающимся, это могло бы быть прямо поставлено условием их существования.

Что такое дело выполнимо на практике, можно видеть из того, что многие фабриканты сами пришли к этому сознанию и вводят его у себя. Впоследствии я опишу некоторыя московския фабрики, и именно фабрику Прохорова, где открыты уже школа, больница и пр.

Большия фабрики могли бы принять на себя это бремя, маленьким было бы тяжело, и, может быть, оне совсем не вынесли бы и мало-помалу закрылись бы. Но общее благо не пострадало бы от этого. Большая фабрика, как и богатые помещики в России, не теснят своих людей; народ главным образом эксплуатируется мелкими фабрикантами и небогатыми помещиками!

Я теперь приведу ещё некоторыя доказательства главных выводов из вышеупомянутых собранных мною данных.

Я имею отлично составленныя статистическия и торговыя сведения о 5 уездах Ярославской губернии; об остальных 5 уездах сведения мои очень неполны.

Вообще нужно иметь в виду, что Ярославская губерния разделяется на две части, существенно отличающиеся друг от друга: в одной части развиты всевозможные ремёсла, а земледелие почти заброшено или ведётся только для необходимого пропитания; в другой же преобладает земледелие, а ремесла развиты в гораздо слабейшей степени, чем в первой, и притом с целью вспомогательной для земледелия. Первая часть состоит из 5 западных, северо-западных и северных уездов. Они лежат далеко от больших городов, проезжих и купеческих дорог, но при водяном пути и вблизи необозримых лесов северо-восточной России, которые обуславливают множество ремёсел и судоходство.

Пять остальных уездов (с южной частью Ярославского) лежат ближе к Москве, столь много потребляющей, – вдоль большой дороги между Москвой, Ярославлем и Костромой, недалеко от Владимира, и, следовательно, поблизости Московско-Нижегородского тракта. В них незначительные леса, и они мало связаны с могущественною Волгой, тиранически придающей свой характер всем местностям, по которым она протекает, и управляющей волей, ремёслами, потребностями и нуждами населения, потому что более трети жителей приволжских уездов получают от нея свою работу, – они могут быть названы крепостными Волги. Но сила ея не признается в этих 5 уездах; здесь, поэтому процветает земледелие, значительное льноводство, хорошее садоводство, скотоводство, преимущественно с целью откармливания на убой и, наконец, птицеводство.

Я приведу сперва некоторыя статистическия данныя* от 1841 года о вышеупомянутых 5 уездах Ярославской губернии: Пошехонском, Мологском, Рыбинском, Мышкинском и Угличском.

* Сведения эти довольно достоверны. Они собраны не полицией для представления высшему начальству (такия сведения обыкновенно совершенно неверны), но г. Ланн, который делал здесь топографическия съёмки для генерального штаба и работал с большим знанием дела, собрал эти данныя на самом месте. К сожалению, у меня есть только его работа о 5 названных уездах, и я не знаю, существует ли его же исследование о других 5 уездах.

Название уездов	Отношения земли					Отношения построек					Отношения жителей					
	Пахотная земля десятины	Луга десятины	Лес		Неудобная усадебная земля десятины	С церковью	Число деревень	Число поместий и дер.	В городах	Дома и дворы	Число государственных крестьян	Число почтовых, фабричных уделных крестьян и принадлежателей Демидовскому лицу	Число крепостных крестьян	Число свободных крестьян		
			Строеной дровяной	Кустарник и часть дровяной											Без церкви	Большая поместья и целыя деревни
Пошехон	138 908	2 171	134 773	183 238	19 415	1	32	927	49	220	420	12 697	8 500	49	29 855	1634
Молога	89 101	18 290	138 100 ^{1/2}	164 406	21 515 ^{1/2}	1	6	639	51	52	699	9 489	8 756	5	30 708	102
Рыбинск	77 785	11 232	78 243	52 056	16 155	1	21	879	33	77	624	11 232	7 063	109	21 000	2728
Мышкин	117 144	12 560	3 387	71 861	10 334	1	14	678	46	128	150	10 476	8 089	-	31 600	31
Углич	98 598 ^{1/2}	14 340 ^{1/2}	32 163 ^{1/2}	139 052	15 642 ^{1/2}	1	25	837	53	81	1158	11 472	14 698	2920	24 353	25
	521 536 ^{1/2}	84 593 ^{1/2}	386 667	610 613	83 062	5	98	3960	232	558	3051	55 366	47 106	3083	137 516	4520

Всё пространство этих 5 уездов обнимает 1 686 471 десятина или 331 кв. милю, с населением в 193 570 человек муж. пола или круглым числом 390 000 человек обоего пола. На квадратную милю приходится 1145 человек, впрочем, различно по уездам, а именно: в Пошехонском уезде 99 кв. миль, а на милю приходится 815 жителей, в Мологском – 85 миль, а на милю – 941 житель, в Рыбинском – $46\frac{1}{5}$ миль, а на милю – 1350 жителей, в Мышкинском – $42\frac{3}{4}$ мили, а на милю – 1882 жителя, в Угличском – $58\frac{4}{5}$ миль, а на милю – 1452 жителя.

Почти двадцатая часть площади земли не приносит никакой пользы. А так как половина лесов сведена и вместо леса остались только кустарник и выгоны, то можно признать, что $\frac{1}{3}$ всей площади не обрабатывается и совершенно бесполезна. Пашня и луга составляют несколько больше $\frac{1}{3}$ всей земли. Площадь лугов относится к площади пахотной земли, как $1:6\frac{4}{13}$. Лес, который более чем наполовину сведён, занимает $\frac{5}{8}$ всего пространства. Но эти отношения различны в каждом уезде. В Пошехонском неудобной земли приходится $\frac{2}{5}$ всей площади. Пашня и луга занимают $\frac{1}{3}$; луга относятся к пашне, как $1:4\frac{13}{14}$, лес составляет $\frac{5}{8}$ частей.

В Мологском уезде неудобной земли $\frac{3}{8}$, пашни и лугов $\frac{1}{4}$; луга относятся к пашне, как $1:4\frac{80}{91}$; леса занимают $\frac{3}{4}$ всей площади.

В Рыбинском $\frac{3}{11}$ неудобной земли, $\frac{3}{8}$ пахотной и лугов, отношение лугов к пашне, как $1:6\frac{13}{14}$, лес обнимает $\frac{7}{15}$ всей земли.

В Мышкинском $\frac{4}{11}$ неудобной, $\frac{4}{7}$ пахоты и лугов; отношение лугового пространства к пахотному, как $1:9\frac{51}{157}$. Пространство лесов не выше $\frac{4}{11}$, а хорошаго леса только $\frac{1}{61}$ всей земли, так что здесь значительный недостаток в дровах.

В Угличском половина земли неудобна, $\frac{1}{3}$ пахотной и луговой; луга относятся к пашне, как $1:6\frac{76}{90}$, лес занимает $\frac{11}{19}$, хороший лес менее $\frac{1}{9}$ всего пространства.

В России не существует противоположностей между городом и деревней. Екатерина II основывала города только

по имени, а собственно городом делалась деревня, в которой поселялась государственная власть. Но ремёсла скоплялись всё-таки в таких городах, и большая часть таких номинальных городов превратилась в действительные города. Там и сям деревня, по благоприятному положению или по внешнему побуждению, превращается в город и ждёт, чтобы правительство даровало ему и права городов. В Ярославской губернии в таком положении находится Великое Село.

В то время как в Пруссии на 5077 кв. миль приходится 972 города, следовательно, 1 город на 5 миль, в этих 5 уездах при 330 кв. милях только 5 городов, следовательно, 1 город на 66 миль. Тогда как в Пруссии $\frac{2}{7}$ всего населения живёт в городах, в этих 5 уездах городских жителей только $\frac{1}{20}$ всего населения*.

В этих 5 уездах 4058 деревень, следовательно, 12 деревень на 1 кв. милю. Деревни должны быть малы, так как по среднему выводу на деревню приходится 13 дворов с 91 человеком жителей. Средним же числом на каждую деревню приходится 420 десятин. На каждую мужскую душу приходится $2\frac{3}{4}$ десятины пахотной земли, $\frac{4}{9}$ дес. лугов, 2 десятины хорошаго леса и $3\frac{1}{7}$ дурнаго леса.

По уездам выходят следующие отношения:

Название уездов	На квадратную милю приходится деревень	Среднее число домов в деревне	На каждую деревню приходится средним числом земли десятин
Пошехонский	9	13	83
Мологский	8	16	124
Рыбинский	21	11	63
Мышкинский	16	15	114
Угличский	15	13	99

* Если же при этом взять в расчёт ещё и то, что большая часть городского населения состоит из крепостных людей и поселян, то будет понятно, как мало число собственно горожан и как ничтожен зародыш буржуазии как отдельнаго сословия в России.

На каждую деревню приходится средним числом десятин	На мужскую душу приходится средним числом земли			
	Пашни	Лугов	Хорошаго леса	Дурнаго леса
	десятин			
525	$3\frac{9}{20}$	$\frac{3}{4}$	$3\frac{3}{5}$	$4\frac{3}{5}$
668	$2\frac{1}{4}$	$\frac{1}{2}$	$3\frac{9}{20}$	$4\frac{1}{8}$
235	$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{3}$	$2\frac{1}{2}$	$\frac{3}{5}$
311	3	$\frac{3}{10}$	$\frac{1}{11}$	$1\frac{4}{5}$
348	$2\frac{1}{3}$	$\frac{1}{3}$	$\frac{4}{5}$	$3\frac{1}{2}$

Отсюда видно, что земледелие в этой местности не может прокормить людей. Это легко доказать. В Угличском уезде приходится на мужскую душу около $2\frac{1}{3}$ дес. пахотной земли; считая урожай в $2\frac{1}{2}$ зерна (что здесь приходится средним числом), выходит следующий расчёт:

около $\frac{3}{4}$ десятины засеяно ржи, собрано за вычетом семян	$9\frac{1}{2}$ четвериков.
около $\frac{3}{8}$ десятины засеяно ячменём; за исключением семян, собрано	$4\frac{3}{4}$ ”

Итого	$14\frac{1}{4}$ четвериков.

Овёс, посеянный на $\frac{3}{8}$ десятины, идёт на прокормление скота. $9\frac{1}{2}$ четвериков ржи дадут 387 фунтов хлеба; $4\frac{3}{4}$ четверика ячменя дадут 169 фунтов хлеба; все вместе составят 556 фунтов хлеба.

Главная пища русского народа состоит из хлеба; картофель в большей части мест ещё неизвестен, из овощей только капуста в большом распространении. Мясо, молоко, масло потребляются очень мало. В русской армии выдаётся на каждого солдата $2\frac{1}{2}$ фунта хлеба в день и, кроме того, каша. Здоровый русский поселянин не может обойтись без

3-х фунтов хлеба в день; во время сильной работы он съедает 5 фунтов хлеба, а в Белоруссии едят по 7 фунтов хлеба в день. Если присоединить сюда же женщин, стариков, детей, то придётся на каждого жителя кругом 1½ фунта хлеба в день. Следовательно, на одного мужчину и на одну женщину выйдет средним числом в год 1 094 фунта хлеба. А поэтому в Угличском уезде на каждую пару людей недостает 538 фунтов хлеба, а на всё население уезда не хватает 22 855 000 фунтов хлеба. Дефицит этот покрывается покупкою привозного хлеба, а это может быть сделано только при помощи побочных ремёсел и заработков.

Слабое плодородие почвы, лёгкость доставки по Волге из плодородных губерний нужного количества хлеба, нерасположение русских к трудной земледельческой работе, лёгкая возможность заработка при очень развитой промышленности были причинами отклонения народа от хлебопашества. Не только множество земли, теперь заброшенной, могло бы быть обращено при прилежном труде в доброкачественную почву, но и обрабатываемая земля готовится дурно, неэнергично, слабыми силами и недостаточным удобрением. Каково отношение рабочих рук, занимающихся земледелием, ко всему населению, указывают следующие цифры:

Занимаются хлебопашеством:

В уезде

Мологском	при 39 927	душах населения,	самое	большое	14 500	чел.
Рыбинском	” 31 126	”	”	”	12 500	”
Мышкинском	” 39 965	”	”	”	13 800	”
Угличском	” 42 371	”	”	”	15 700	”

И большая часть людей, обрабатывающих здесь землю, принадлежит не к местным жителям уездов, но посторонние нанятые работники из других губерний. В западной половине Угличского уезда, например, из 9000 человек, пашущих

землю, только 5500* местных крестьян (именно хозяева), а 2500 наняты в работники из соседней Тверской губернии.

Я не могу не воспользоваться этим случаем, чтобы не указать, как отношения общественной жизни в целом везде, и особенно в России, уравнивают друг друга.

В северных губерниях, Олонецкой, Вологодской и Архангельской, население довольно густо вдоль рек, тогда как вдали от рек населения почти совсем нет. Это густое население, естественно, не может иметь больших пространств земли для обработки, по крайней мере, не может употреблять на эту обработку столько труда, сколько нужно. Самая выгодная система хозяйства здесь есть л я д н а я с и с т е м а; она заключается в том, что сжигают лес на известном пространстве и сеют по нём хлеб; эта система требует малого труда и даёт обильную жатву. Леса же представляют самый выгодный источник промыслов и дают много работы. Тут рубят и приготавливают лес для постройки судов, делают бревна, доски, гонят смолу, дёготь, скипидар, и всё это сплавляют по рекам в Архангельск и т. д. Все эти работы занимают население на большую часть зимы и короткое время весны, нужное для сплава, и затем летом ему мало работы. Земледелие не требует много труда, а население, как сказано, здесь густо. Поэтому люди весной большими толпами отправляются в южные местности и нанимаются там в работники на полевые работы. В Ярославскую губернию, обильную промыслами, эти северные рабочие уже с давних пор приходят помогать жителям, а после введения новейших фабрик наплыв их сделался больше.

Так как местные жители Ярославской губернии зарабатывают больше промыслами и на фабриках, чем что могут получить от земледелия, то они нанимают чужих работников на 4 летних месяца за 60–80 руб. асс., тогда как сами получают за это время, помимо содержания, от 90–110 руб. асс. Такое уравнивание условий социальной жизни со-

---

* Вероятно, 6500.

вершено естественно и выгодно, но при распространении новой фабричной деятельности уравнивание это получило характер раздражающий и неестественный. Пока чужие работники составляли только помощь в хозяйстве, такое отношение было выгодно, но теперь эти работники сделались хозяевами, потому что действительные хозяева на целый год уходят работать на фабрику, оставляя свой дом на зиму на руки женщин и детей, а весной приходит вологодский работник и хозяйничает всё лето по своему усмотрению. Это разрушает совершенно семейную жизнь и подрывает нравственность.

Прежде в московских фабриках рабочие не удерживались на время обработки земли, сенокоса и уборки хлеба, они покидали фабрики и спешили домой помогать в работе своим. Но современные фабрики не могут таким образом существовать, и я сам слышал от фабрикантов, что они были вынуждены понизить плату за 7 зимних месяцев и значительно возвысить её, часто удваивать, за 5 летних месяцев, чтобы удержать у себя рабочих круглый год, чтобы рабочие не уходили домой.

Отношение лугов к пахотной земле само по себе здесь неблагоприятно. В большей части северной Германии отношение это в больших поместьях обыкновенно, как 1 к 5 или 6, у крестьян же редко как 1: 9. Так как в этих 5 уездах средним числом луга относятся к пахотной земле, как 1: $6\frac{4}{13}$, то земледелие могло бы существовать. Но луга очень истощены и дают мало и дурного сена, а служат больше для выгона. Поэтому наибольшую выгоду от земледелия в этих местностях можно ждать только от улучшения лугов.

Приведённые статистические сведения показывают, до какой степени истреблены леса. В Мышкинском уезде леса почти исчезли, а в Угличском их уже недостаёт на местные потребности жителей.

Я сообщу ещё несколько сведений о промышленности этого края, начавшейся с древняго времени и всё более

и более развивающейся, и в заключение приведу список существующих здесь теперь современных фабрик, как это мне было передано.

Прежняя промышленность распространена по всей губернии довольно равномерно. Отдалённость от рек делает некоторое, но незначительное различие. Однако 5 упомянутых уездов имеют некоторые другия отрасли промышленности или те же, но в большем размере, нежели остальные уезды. Эти пять уездов занимают такую местность, чрез которую должны приходить к северу и северо-западу товары, собирающиеся в Рыбинске с востока и юга. Поэтому население этих уездов занимается перегрузкою товаров, лоцманством, тянет лошаадьми суда, строит баржи и лодки. Они валят и сплавляют строевой лес и дрова. В одном Мологском уезде занимаются этими промыслами до 7500 душ. На реке Мологе более 1000 человек заняты стройкою судов или лодок, которых они продают в Рыбинске на 100 000 руб. асс. В том же уезде более 1500 человек рубят и вывозят на берег дрова зимой, а весной сплавляют их в Ярославль, Рыбинск и далее. Около 5000 лоцманов и собственников лямочных лошадей. Они тянут суда до Твери также по р. Мологе до Сомина и по Шексне до Крохина. Из числа этих хозяев до 500 человек оставляют у себя лошадей и на зиму и развозят на них товары по всей стране, а по последнему снегу возвращаются на родину*. 2000 человек выделывают железные гвозди на постройки и для земледельческих орудий, ценностью на 60 000 руб. асс. Рыболовство занимает весной в полуию воду 500 человек, а летом от 80–100 человек: этим они выручают 8000 руб. асс.

* Крестьяне деревни Калитинской и крепостные гг. Глебова, Власьева, Свинына, Бибикова и Воейкова летом ходят лоцманами, грузчиками и тянут суда лошаадьми. Они не распродают на зиму лошадей и возят муку в Петербург, там покупают разных товаров и везут их продавать в Казань. В Казани они нагружают воза мылом, поташем и пр. и везут это в Рыбинск. Провозная плата очень мала, из Рыбинска до Петербурга 1 руб. 50 коп. асс. с пуда, а назад из Петербурга в Рыбинск 80 коп. асс. с пуда. Весь заработок и барыш заключается в зимнем прикорме лошадей. Летом они получают за каждую путину от Рыбинска до Твери и назад от 150–180 руб. асс.

В Пошехонском уезде очень много гонится смолы, дёгтю и скипидару; много также собирается дубовой коры для 70 кожевенных заводов; кожевенное производство даёт работу многим семьям. Люди живут тут в очень бедных лачужках и не употребляют других орудий, кроме квашни и бочки. Они работают все сами и не имеют нанятых рабочих. Кож сбывается отсюда в Рыбинск на сумму 25 000 руб. асс. Рубка и сплав леса даёт этому уезду до 40 000 руб. асс. Изготовление глиняной и деревянной посуды даёт до 4000 руб. асс. барыша. Льняной пряжи продаётся на 10 000 рублей.

В Мышкинском и Угличском уездах мало леса, а потому нет и лесных промыслов. Но, несмотря на то, крестьяне графа Мусина-Пушкина и г. Афросимова строят суда в лесных местностях на Волге и Сутке и продают их в Рыбинске или Твери. Все жители деревни Рудинской – горчешники. Около 2000 человек заняты изготовлением канатов, сбрили для крестьянских лошадей, колёс, телег, дуг и пр., другие делают валенки. Поселяне Угличского уезда продали в 1835 г. в Рыбинске и Москве до 3 млн. арш. полотна.

Крестьяне графа Мамонова, крестьяне деревни Арвино в Рыбинском уезде, затем поселяне г. Чернявского и соседних деревень шьют простонародное платье и распродают его на ярмарках. В Пошехонском уезде есть целая деревня портных, которые, впрочем, ходят только на работу.

Жители деревни Спасской на Волге и окрестных деревень приготавливают сальные свечи и валяют поярковые шляпы.

Крестьяне г. Свинына летом лоцманят, зимой делают домашнюю посуду из голубой глины; крестьяне г. Власьева летом тоже лоцманят, зимой выют канаты.

Крестьяне князя Юсупова и г-жи Кожинной делают всевозможные горшки.

Жители дер. Никольской преимущественно куют топоры, а кузнецы дер. Льговской делают только подковы и куют лошадей.

Жители деревни Чесма (отпущенные на волю графиней Орловой), дер. Александрово-Пустинской, государственной деревни Кермской и крестьяне генерала Хомутова – все торговцы. Чесменские крестьяне значительные торговцы зерновым хлебом и мукой и известны даже на Петербургской бирже.

Крестьяне г. Бахметево – плотники и строители судов.

В Ростовском уезде процветает садоводство и птицеводство. Близ г. Ростова лежит озеро Неро, вдоль берегов которого широкая полоса чернозёма; деревни, расположенные на этой полосе, занимаются садоводством в обширном размере; между другими особенно выдаётся дер. Поречье огромным разведением цикория; разсчитывают, что тут собирается до 40 000 пуд. цикория, который они продают более чем на 200 000 руб. сер. В Поречье 1400 домов, из которых более половины каменных, в современном стиле. Вся деревня имеет вид красиваго и богатаго города с широкими, мощёными улицами. Она принадлежит графине Паниной. Кроме цикория, тут производят также под именем московскаго сахарнаго гороха известные во всём свете сахарные стручки. Поселяне этой и соседних деревень известны во всей России за лучших садовников. Они нанимаются часто в господския усадьбы как искусные садовники и получают жалованья за лето от 200–300 руб. сер. На зиму они возвращаются домой.

Возле этой деревни лежит другая, жители которой разводят в большом количестве картофель и приготавливают из него искусственное, но очень хорошее саго. Многие жители города Петровска занимаются тем же. В 17 верстах от Ростова по дороге к Ярославлю находится деревня Семибратовщина. Почти все жители этой деревни занимаются птицеводством и откармливают каплунов. Они продают ежегодно более 30 000 каплунов, не считая уток, гусей, индеек и проч. По санному пути они отправляют замороженных каплунов в Москву и даже Петербург. Из хвостовых

перьев они приготавливают отличные султаны для военных. Льноводством занимаются более 20 000 человек, а пряхей – около 100 000 человек в губернии.

Но самый большой источник богатства этой губернии заключается бесспорно в выходе большого числа жителей на заработки в другия губернии.

Передвижение населения внутри губернии, имеющей почти величину королевства Ганноверскаго, имеет большое значение, но нет достоверных сведений о количестве и объёме этого передвижения: конечно, переход на недалёкия расстояния от места жительства, например на 50, 75, 100 вёрст, не так отчуждает жителей от их родины, как удаление, например, за 500, 700 вёрст. В первом случае работники бывают дома от 4–6 раз в году, во втором – много если раз, большая же часть несколько лет кряду не бывает дома.

В политическом отношении передвижение жителей из одной местности в другую по всей России есть могучее средство для укрепления внутренней связи в народе, для поддержания и возбуждения национального чувства и любви к отечеству. Потому каждый русский чувствует себя совершенно дома в своём собственном отечестве в Архангельске, как в Одессе, в Казани, как в Киеве.

Но это имеет и свои невыгодныя стороны. Это передвижение ослабляет и разрушает любовь к семье и к своей родине и, кроме того, отымает от земледелия нужныя для него руки. Замечено, и это можно принять за постоянное правило в России, что человек, по какой бы то ни было причине бросивший земледелие, никогда не возвращается к нему более. В особенности резко это видно на отставных солдатах, которые, не имея обыкновенно никаких средств, идут в сторожа, разнощики, в лакеи и т. д., но никогда не возвращаются к своему прежнему состоянию земледельцев. Совершенно обратно бывает в земледельческом народе, как в немецком. Немецкие солдаты по окончании срока своей службы делаются опять крестьянами-земледельцами,

и даже если молодой парень из крестьян поступит в кучера или другое подобное звание и прослужит в нём 10–20 лет, то он всё-таки ищет случая жениться на крестьянке и возвратиться в своё сословие.

Если вообще в России чувство к родине исчезает в любви к отечеству, то в некоторых местностях заметна ещё большая привязанность к месту своей родины. Крестьяне, ставшие богатыми купцами, живя в отдалённых городах, строят для себя дома на отцовском месте, удерживают за собой участие в общине, сдают свои участки за ничтожную плату или уступают пользование ими даром своим родственникам или бедным и несут двойные подати, как купец в городе и как крестьянин в своей общине. В 1841 г. один купец, уроженец одной из здешних деревень, возвратился из Нью-Йорка в Северной Америке. Двадцать лет прожил он за границей, женился на англичанке, но сохранил за собой своё участие в общине и дом, в котором родился. Крестьяне его родной деревни приняли с невообразимую радостью богатаго, знатнаго купца и ещё с большим восторгом его жену.

В Западной Европе есть также обычай у поселян оставлять на время родину и уходить в другия области, большею частью для какого-нибудь определённого ремесла; так, андалузцы идут в Мадрид и делаются там водоносами; овернцы и савояры – в Париж, из Вестфалии идут в Голландию на уборку хлебов; итальянцы продают гипсовые фигуры, альпийское население торгует мышеловками и гребнями, бродящие медники – из Карпат; гессенския девушки торгуют щётками и мётлами. Но все они занимаются в таких случаях какими-нибудь исключительными ремёслами, не свойственными другим областям. Притом же и число таких людей невелико. Но чтобы занимающиеся самыми обыкновенными повсюду обычными промыслами, как, например, плотники, каменщики, портные, толпами отправлялись странствовать, – этого не случается в Западной Европе. Правда, цеховое устройство ремёсел требует от подмасте-

рьев передвижения с одного места на другое в течение нескольких лет, но это делается только в интересах ремесленного образования, а не приобретения средств.

Странствующий русский промышленник даже вовсе не ограничивается одним каким-нибудь промыслом: он знает все промыслы, по крайней мере, много промыслов, пробует тот, другой, третий и останавливается на том, которое обещает ему более удачи. В Западной Европе встречаются также отдельные беспокойные умы, которым надоедает родина и правильная однообразная жизнь; они, как говорится, пускаются бродить по свету, отыскивать своего счастья. Но там такие люди составляют редкия исключения, между тем как в здешних областях России они составляют общее правило. Более чем $\frac{1}{8}$ часть населения Ярославской губернии странствует в погоне за счастьем по всем дорогам государства. Число этих людей, странствующих внутри той же губернии, как уже сказано, не может быть верно определено, но число людей, переходящих границу губернии, может быть проверено числом выданных паспортов. Несколько лет тому назад таких людей считалось в Ярославской губернии от 120–130 тысяч; многие из них, конечно, возвращаются через несколько месяцев или через год побывать на родине*; но многие остаются на чужой стороне по несколько лет и даже на всю жизнь, хотя и продолжают числиться в своих общинах. К последнему классу принадлежат, наверное, более 50 тыс. человек в Ярославской губернии. Как на образец непомерно многочисленного передвижения я могу указать на Юхотскую вотчину графа Шереметева. В общине считается 9500 мужских душ, но из них только 2600 душ живёт на месте, все остальные промышляют по

---

* В последнее время дозволено уходящим с места на несколько месяцев брать не годовой паспорт, а трёхмесячный (при этом ещё дают один месяц льготный). Поэтому помещики приобретают в большом количестве паспортную бумагу и выдают паспорта по мере надобности; по выходе всей бумаги они покупают новую. При этом порядке невозможно более контролировать число людей, вышедших в течение года из данной местности.

паспортам в Москве, Петербурге и др. Эти странствующие люди, когда занимаются известным ремеслом, например плотничеством или каменной работой, собираясь в больших городах, образуют ремесленные артели. Способнейшие из них становятся подрядчиками по своему ремеслу. Если, например, в Петербурге мне нужно построить дом, хотя бы целый дворец, то я ишу себе подрядчика, показываю ему свои планы, торгуюсь с ним и, наконец, сдаю ему всю постройку за известную сумму. Потом подрядчик идёт к своим товарищам, объясняет им всё дело и уговаривается с ними об участии в выгодах. Потом он отправляется один, если подряд не слишком велик, или с несколькими товарищами на родину и ищет там нужных ему денег, потому что часть договорной платы получает он от владельца дома только по исполнении части работ, а иногда получает и всю плату по окончании уже всей работы. Его земляки на родине, также участвующие в выгодах его предприятия, замечательно скоро собирают для него деньги. Все это делается на слово и в подобных случаях не слышать или, по крайней мере, очень редко слышно об обманах*. Подобные подрядчики есть и в Западной Европе; но там подрядчики – люди из высшего или, по крайней мере, из богатого сословия, и, *nota bene*, в Западной Европе подрядчик исключительно сам пользуется выгодой от предприятия, а работникам своим даёт только подённую или поштучную плату. Напротив того, в России подрядчики – необразованные простолюдины, едва умеющие читать и писать, но одарённые техническим талантом, и все выгоды от предприятия принадлежат не одному подрядчику, а он честно делится ими со своими товарищами, членами его артели. Вот действительный образчик практической народной жизни, о возможном водворении которой мечтают сен-симонисты.

---

* Русских упрекают вообще за недобросовестность в торговых и промышленных делах, но надо сказать, что есть известные дела и случаи, в которых они никогда не обманывают и соблюдают честность самым строжайшим образом.

Большое число странствующих людей занимается торговлей вразнос (русские имеют замечательную способность к мелочной торговле). Может быть, ещё большая часть промышленности извозом; извозчики эти переезжают неумоимо с севера на юг, с востока на запад и чувствуют себя везде одинаково хорошо. Некогда их множество приезжало на Лейпцигскую ярмарку. Значительная часть, особенно из окрестностей Ростова, – огородники, их называют также зеленщиками. Они нанимают на лето землю под Ригой, Петербургом, Москвой, старательно обрабатывают её и выводят всевозможные овощи; они вообще трудолюбивые и ловкие люди. Из имения графа Мамонова и соседних деревень отправляется большое число хлебопёков в Москву и Петербург. Жители этой местности славятся также как кучера и извозчики. Особенно известны в Москве под именем ярославцев государственные крестьяне деревни Сидорово; они хорошо работают двери, оконные рамы и также хорошие плотники. Немало ярославцев служит половыми в городских трактирах.

В Ярославской губернии бывает много ярмарок. Так как в России нельзя найти в каждом небольшом местечке всевозможных ремесленников, как в Германии, но, как уже выше сказано, ремесла тут организовались целыми общинами по деревням, то каждый может приобрести всё, что ему нужно, только на ярмарках; поэтому-то ярмарки в России имеют совсем иное и гораздо большее значение, чем в Западной Европе.

Из сообщённых мне ведомостей видно, в Ярославской губернии бывает в году 37 больших ярмарок, на которые в 1842 г. было вывезено товаров на 6 млн. руб. сер. и продано из них две трети. На одной Ростовской ярмарке, которая, впрочем, принадлежит к большим русским ярмаркам, в 1842 г. было товаров на 4 930 000 руб. сер. и продано на сумму 3 686 000 руб. сер. Вторая большая ярмарка в Петровске, где в 1842 г. было товаров на 465 000 руб. сер. и

продано на 156 000 руб. сер., затем ярмарки Борисовская, Афанасьевская, Благовещенская, Борисоглебская и др. имеют от 40–70 тыс. руб. сер. оборота, остальные продают на сумму 10 000 руб. сер. и менее.

Официальные ведомости дают следующие сведения о фабриках Ярославской губернии, по европейскому образцу:

В 1839 г. было 105 фабрик с 7970 рабочими*; в 1842 г. – 158 фабрик, а именно:

Число фабрик	РОДЫ ПРОИЗВОДСТВА	Ценность произведений, изготовляемых в годичный срок. руб. сер:
1	Шёлковая фабрика	300 000
9	Полотняных фабрик	287 000
7	Хлопчатобумажных прядилен	174 000
4	Ситцевых фабрик	58 000
1	Миткалевая	32 000
1	Цикорная фабрика	1 000
1	Маслобойня	3 000
6	Солодовых заводов	6 000
7	Фабрик, изготовляющих белила	102 000
3	Купоросных заводов	7 000
2	Укусных заведений	4 000
1	Фабрика, приготавливающая краски	1 000
26	Кожевенных заводов	355 000
1	Лесопильня	2 000
3	Бумажных фабрик	238 000
2	Колоколильни	64 000
4	Фабрик, делающих медную посуду	15 000
1	Кирпичных заводов	11 000
4	Известковых заводов	14 000

* Число рабочих на фабриках показывается неверно в официальных ведомостях; их гораздо больше в действительности. Фабриканты имеют свои выгоды по возможности показывать меньшее число рабочих.

5	Фабрик восковых свечей	16 000
34	— сальных свеч	304 000
6	Пивоваренных заводов	40 000
2	Табачных фабрик	43 000
6	Круподёрок	6 000
1	Суконная фабрика	47 000
3	Винокуренных заводов	300 000
158		2 430 000

Хозяйство города Ярославля

Я прибавлю ещё некоторые данные о хозяйстве города Ярославля, которые могут дать понятие преимущественно о городском устройстве в России.

Екатерина II издала положение о городах, которое по отношению к устройству и управлению скопировано с немецкаго. Ярославль принадлежит к древнейшим русским городам, а потому тут можно наблюдать слитие старорусской формы с новою.

Собственно город Ярославль лежит в углу, образуемом впадением реки Которосли в Волгу, и, кроме того, имеет пять предместий, лежащих на правом берегу Которосли и одно предместье на левом берегу Волги. Город занимает 697 десятин (вероятно, больше), а вся земля, принадлежащая городу, заключает в себе 2 607 $\frac{1}{2}$ десятин, следовательно, почти половину квадратной мили.

Городская земля состоит из следующих частей:

Выгона для скота	1 100 десятин
Сенного покосу	292 »
Лесу	154 »
Под реками, прудами и т. п.	247 »
Болот, песчаных бугров, под дорогами и проч.	117 »
	1 910 десятин

Жителей в городе 31 923 человека, из них 17 272 мужских и 14 651 женских душ. По населённости Ярославль занимает 14-е место в числе русских городов.

Составные части населения следующие:

	Мужчин	Женщин	ВСЕГО
1) Духовенства	359	488	847
2) Дворянства и чиновничества	1 211	1 195	2 406
3) Купечества			
а) местного	535	550	1 085
б) иногородного	3	5	8
4) Мещан			
а) местных	5 821	7 397	13 218
б) иногородных	167	270	437
5) Иностранцев, не принявших русского подданства	24	12	36
6) Солдат и кантонистов	5 054	1 002	6 056
” безсрочно-отпускных	168	111	279
7) Крестьян			
а) государственных	385	330	715
б) почтового ведомства	286	312	598
в) удельных	88	27	115
г) крепостных			
*) занимающихся ремеслом в городе	770	240	1 010
*) в качестве прислуги при господах	984	967	1 951
*) приписанных к фабрикам	1 417	1 745	3 162
	17 272	14 651	31 923

Из этого количества числа под номерами 1, 3, 4 и 5 довольно постоянны, остальные же номера подвержены

значительным колебаниям. Замечательно отношение женского населения к мужскому. У духовенства это отношение как 4: 3; никто, впрочем, так не бережёт и не лелеет своих жён, как русские попы, потому что они не могут жениться во второй раз! У дворян и купцов отношение это обыкновенно и соразмерно, но у мещан женщин значительно больше, число их относится к числу мужчин, как 19: 15, – причина этого мне совершенно неизвестна. Что в военном сословии женщин значительно менее, именно 1 на 5 мужчин, это совершенно понятно. Так же естественно и меньшее количество женщин в крестьянском сословии, так как большая часть крепостных не живёт постоянно в городе и жёны их остаются в деревнях. У фабричных же крестьян, постоянно живущих в городе, число женщин превышает число мужчин.

Если из общей цифры населения вычесть его непостоянную часть, а именно военное сословие, часть дворянства и почти половину крестьян, то в круглых цифрах получится следующий состав населения:

Духовенства	800 человек.
Дворян и чиновников	2 000 ”
Купцов	100 ”
Мещан	13 600 ”
Крестьян	4 000 ”

Собственно городское население
будет состоять из 21 500 человек.

Духовенство составляет $\frac{1}{40}$ всего населения и почти $\frac{1}{27}$ постоянного населения города. Такого большого процента духовенства нет в городах Западной Европы. В деревнях же духовенство составляет самую малую часть населения.

Дворяне и чиновники составляют $\frac{1}{10}$ часть постоянного населения – также замечательно много*. Русское дворянство гораздо больше городское дворянство, нежели сельское; поэтому-то в городах живёт гораздо больше крепостных крестьян, нежели государственных: на 1400 государственных крестьян в городе приходится 3000 крепостных и более 3000 человек, принадлежащих фабрикам.

В целой губернии особенно выдаётся огромное количество крепостных крестьян сравнительно с государственными: во всей стране число крепостных относится ко всем остальным крестьянам как 6: 5, а в Ярославской губернии – как 8:3.

Ярославль имеет 90 улиц и переулков и разделён на три полицейския части и 12 кварталов.

Городская земля имеет следующее употребление: на 1100 десятинах выгона пасутся 439 голов рогатого скота, принадлежащих городским жителям и три стада по триста голов в каждом, принадлежащих жителям предместьев. Пастухи городского стада нанимаются думою; они получают по рублю серебром с каждой коровы от самого владельца и за это должны держать нужное количество быков и платить в город 40 руб. серебром. Стадо пасётся с 1 апреля до первого снега.

Жители предместьев нанимают пастухов от себя. На каждую скотину считают $1\frac{1}{2}$ десятины выгона**.

Луга числом 7 сдаются в аренду от города по 4 руб. сер. за десятину и приносят 1150 руб. сер. доходу. По уборке сена луга поступают под пастьбу скота.

Порядок этих отношений совершенно немецкаго характера, если только отсюда нельзя заключить, что при

* На зиму приезжает в Ярославль ещё множество дворян из соседних губерний.

** Это показывает, как дурны выгоны, какую ничтожную пищу доставляют они скоту. Точно так же ничтожная плата за аренду лугов указывает на их плохое качество, так как сено в Ярославле не дешёво. Как уже сказано, самая настоятельная потребность для успехов земледелия в этих местностях заключается в улучшении лугов.

земледелии одинаковыя отношения вызывают и одинаковыя порядки у всех народов.

Небольшая роща почти вся истреблена и не даёт городу никакого дохода. В город доставляются дрова водою из-под Нижняго Новгорода.

Рыболовство в обеих реках сдаётся городом в аренду.

Число домов в городе следующее:

Казённых	6 каменных — деревянных, всего			6
Церковных и монастырских	13	—	11	24
Городских	31	—	9	40
Частных	382	—	2 289	2 671
	432	—	2 309	741

Из частных домов принадлежат:

	Каменных	Деревянных	Всего
Духовенству	2	34	36
Дворянам и чиновникам	43	79	122
их жёнам	20	82	102
Купцам	130	58	188
их жёнам	33	13	46
Мещанам	94	1 000	1 094
их жёнам	43	264	307
Ремесленникам	—	2	2
Крестьянам почтового ведомства	1	94	95
Крестьянам	5	18	23
Фабричным крестьянам	—	595	595
Солдатским жёнам	2	50	52
Иностранцам	1	—	1
	374	2 289	2 663

Отсюда видно, что тут преизобилуют русские бревенчатые дома. В дворянских и чиновничьих домах деревянные относятся к каменным как 8:3. Купеческие дома больше каменные, новые, построенные не далее 30 лет назад. После 1812 г. во всех губернских городах новыя площади и улицы застроились домами в новом стиле; дома эти большею частью купеческие, а верхние этажи их отдаются внаймы приезжающим из деревень дворянам. На каждый каменный мещанский дом приходится 10 деревянных.

Ж е н щ и н а м принадлежат из дворянских и чиновничьих домов $\frac{5}{11}$, из купеческих от $\frac{1}{5} - \frac{1}{4}$, из мещанских от $\frac{1}{4} - \frac{1}{3}$, что указывает на довольно высокое положение женщин в России.

Стоимость всех частных домов простирается до 1 620 000 руб. сер.; эту цифру руководствовались для определения доходности домов при наложении сборов в доход города. С этой оценки домовладельцы платят в доход города $1\frac{1}{2}$ процента; кроме того, они платят от $\frac{1}{2}$ коп. до 16 коп. асс. с каждой квадратной сажени городской земли, находящейся под их домами, дворами и садами. Сколько мне известно, это единственная форма поземельной повинности в России, так как все прямые налоги в ней лежат на душах, а не на земле.

Из городских домов 8 заняты правительственными местами, 6 назначены под военный постой. 4 дома, 6 кузниц, 412 лавок сдаются внаймы. Гостиный двор в 1835 г. сгорел. Купцы отстроили его на свой счёт и имеют право им пользоваться, сдавать внаймы и т. д. до 1843 года, а с этого времени он поступает в собственность города.

В городе 60 церквей, следовательно, одна церковь почти на 500 жителей. Русские набожнее и больше нуждаются в церквах, чем жители Берлина, где приходится 1 церковь на 5000 человек. Тут 13 ремесленных производств:

	Масте- ров	Рабочих	Уче- ников
1) Живописцы и иконописцы	39	24	9
2) Золот. и сереб. дел мастер. и часовщ.	43	31	12
3) Медники	27	43	15
4) Столяры, каретники и проч.	61	36	29
5) Кузнецы и слесари	34	29	2
6) Ременщики	43	85	11
7) Печники и кирпичники	34	39	3
8) Делающие восковыя и сальныя свечи	22	14	8
9) Портные и красильщики	64	103	44
10) Сапожники и перчаточники	86	74	36
11) Шапочники и скорняки	44	31	2
12) Пекаря	43	100	9
13) Квасники	16	24	—
	556	663	180

Для такого города как Ярославль это число ремесленников невелико. Но нужно помнить, что введённое Екатериною II цеховое устройство совершенно чуждо русскому характеру и не привилось к народу. В России все произведения ремёсел приготавливаются на продажу в деревнях, как я описывал выше. Со времени уничтожения цехового устройства в Германии во всех больших немецких городах выходит то же самое: магазины готовых платьев подрывают портных. Так начало и вершина цивилизации подают друг другу руки.

Для поднятия ремёсел избавили от всяких пошлин всех цеховых ремесленников.

Фабрик насчитывают 69 в городе и 17 за городом. Стоимость их произведений, вырабатываемых в год, не превышает 504 839 руб. сер. Товары эти продаются в Ростовской

и Нижегородской ярмарках. Фабрики платят в город только поземельные деньги и процентные со стоимости построек.

Здесь считается 14 гостиниц и 36 постоянных дворов. Коренные русские останавливаются только в последних. Эти заведения обложены значительной пошлиной в пользу города. Во всех них находится 24 буфетчика, 163 человека прислуги для подавания еды, 63 человека прислуги, убирающей комнаты, и т. д. Признаком проникшей сюда европейской цивилизации служат 3 кондитерские, 8 винных погребов, 5 модных магазинов и 7 цирюлен.

В городе 864 каменные лавки и 120 деревянных. Кроме того, в гостинном дворе большие склады товаров, которые идут отсюда в северо-западную Россию.

104 запряжённых дрожек стоят на углах улиц к услугам публики.

Три раза в неделю бывают базары, на которые сходятся иногда до 5000 человек народа.

Купцов 1 гильдии – 3, второй – 17, третьей – 132, с них собирается в пользу города $\frac{1}{4}\%$ с торгового капитала, объявленного ими в 500 000 руб. сер. (конечно, много меньше действительного), и кроме того, 25% с пошлин, платимых ими в казну. Здесь большая торговля. Ярославль получает зерновой хлеб, муку и железо с юга и востока и снабжает ими север и запад. Вино и колониальные товары он получает из Петербурга и отправляет на Восток и даже в Западную Сибирь. В Ярославле перекрещиваются сухопутные тракты с водяными путями. Весь оборот здешней торговли простирается до 4 000 000 руб. сер.

В Ярославле два духовных училища с 1112 воспитанниками и 5 светских с 1575 учениками и 24 ученицами. В 1805 г. Демидов построил здесь и отлично снабдил лицей. Город поставил на площади памятник Демидову.

Здесь 12 богоугодных заведений, дом для душевнобольных, больница, приют и т. д.; во всех них даётся приют

или помощь 2000 человекам. Расход на них простирается до 32 725 руб. сер. в год.

Военный постоя обходится городу дорого. Прежде войска квартировали частью в городских, частью в частных домах. Но в 1838 г. даровое квартирование в частных домах было уничтожено и город должен был платить за наём квартир у частных лиц. Для покрытия этой наёмной платы был введён налог, именно налог с домовладельцев за освобождение от постоя, а с не имеющих недвижимой собственности в городе – 25% с пошлин, платимых ими в казну. С того времени 4 офицера, 1 военный поп и 3245 солдат помещаются в городских зданиях, а для 2 генералов, 16 штаб-офицеров, 127 обер-офицеров и 1764 солдат город нанимает квартиры. Кроме того, по среднему выводу из пяти лет, каждый год проходят через город 5520 солдат. Стоимость этого расхода и других беспорядочных поборов на войска простирается до 25 400 руб. сер. В 1839 г. решено было выстроить казармы, город сделал для этого заём в 61 400 руб. сер.

Г о р о д с к о е у п р а в л е н и е . Пользующихся тут по закону правом голоса в городском собрании – 240 купцов и 1500 мещан и ремесленников. Но этим правом пользуются на деле не все: редко сходится более $\frac{1}{3}$ купцов и $\frac{1}{15}$ мещан. Обладатели недвижимой собственности из другого сословия, числом около 200 человек, никогда не являются в собрание, несмотря на то что им дано это право с 1875 года.

Жители, не имеющие голоса, относятся к жителям, имеющим право голоса, в купеческом сословии как 6:1, в мещанском – как 20:1. В уездных городах пропорция эта иная, именно как 3:1 и как 6:1.

Купечество избирает из среды себя 31 депутата, мещанство – 75 депутатов, которые и несут различныя обязанности по управлению городским хозяйством. Кроме того, при городском управлении находится 39 чиновников на высших и 238 на низших должностях; и те и другие получают жалованье, вся цифра котораго простирается до 13 500 руб. сер.

Штат этот следующий:

	Депутаты от купцов и мещан без жалованья	Нанятые чиновники и нижние служители		Сумма жалованья	
		Чиновники	Нижние служители	Рубли серебром	К.
А. Общее управление городом					
Дума	7	5	14	1 714	80
Городской магистрат	6	7	11	1 350	10
Сиротский суд при магистрате	2*	1	6	635	40
Словесный суд при магистрате	2	1	1	160	10
Городское депутатское собрание	7	—	—	—	—
В. Полицейское управление					
Городское полицейское управление	2	6	писаря по мере надобн.	2 018	—
Управление трёх частей	—	17	92	1 767	10
Полицейская команда	—	—	108	2 353	67
Пожарная команда	—	1		2 991	76
Словесные суды при частях	6	—	3	82	71
Квартирная комиссия	4	1	3	485	60
	36	39	238	13 559	24

С. Управление отдельными цехами и делами мещанства.

Старшины от купечества 2 выборных депутата.

Старшины от мещанства
с помощниками 7 ” ”

* Кроме выборных заседателей, городской голова постоянным председателем суда.

От ремесленного сословия:

ремесленный голова	1	”	”
ремесленные старшины	13	”	”
заседатели	26	”	”

D. В общем управлении участвуют:

Заседателями гражданского суда	2	выборных	депутата
” уголовного суда	2	”	”
Для ревизии городских сумм	2	”	”
В торговой депутации	2	”	”
Ценовщиками недвижимого имущества	4	”	”
Комиссарами для надзора за городским имуществом	4	”	”
Церковными старостами	3	”	”

В этом штате особенно бросается в глаза ничтожное жалование чиновников.

Полицеймейстер г. Ярославля получает жалованья 343 руб. 20 коп. сер., частный пристав – 171 руб. 60 коп., квартальный – от 71 руб. 70 коп. сер. и до 85 руб. 71 коп., причём они имеют даровую квартиру, отопление и освещение. Секретарь суда получает 200 руб. сер. (в словесном суде 103 руб. сер.). Писаря получают от 45 до 90 руб. сер., сторожа и разсылные – от 28 до 43 руб.; унтер-офицеры полицейской и пожарной команд получают, кроме провианта и амуниции, – 4 руб. 31 коп. в год, а простые солдаты – 2 руб. 66 коп. сер. в год! Как же можно требовать честности, неподкупности и исполнительности, например, от ярославского полицеймейстера, получающего жалованья 343 руб. 20 коп. и обязанного носить дорогой мундир, не могущаго обойтись без экипажа, живущаго в местности, где все, кроме предметов первой необходимости, непомерно дорого? Легко доказать, что он проживает вдесятеро более своего содержания. Если у него нет своих

средств, если в нём не воспитаны самые прочные основы чести и нравственности, каковы должны быть самая естественная неизбежная последствия такого ничтожного содержания?

Для доказательства, что бумажное делопроизводство в России не менее обширно, чем в Германии, и даже ещё обильнее, я приведу следующую ведомость:

	в течение года		
	Число дел	число бумаг	
		Входящих	Исходящих
В Думе	148	1 877	2 934
В Городском магистрате	111	1 737	2 796
В Сиротском суде	153	614	1 225
В Словесном суде при магистрате	48	127	198
В Городской полиции:			
а) в общем управлении	290	8 028	16 816
б) в отдельных частях	234	8 349	11 099
	984	20 732	35 064

Оттого-то бумажные фабрики и процветают в Ярославской губернии!

В заключение представляю приходную и расходную ведомость города Ярославля.

НАЗВАНИЕ СТАТЕЙ ПРИХОДА	Рубли серебром	Коп.
Отделение I		
Доход с городских имуществ, с полей, садов, лугов, выгонов (не отдаваемых в пользование жителей), с лавок, складов и проч.	20 740	—
Отделение II		
Доход с домовладельцев	16 000	36

Отделение III Сбор с постоянных жителей за вписку в городския книги	1 514	28
Отделение IV Сбор с ремёсел, с трактиров, гостиниц, рестораций, винных погребов, магазинов, лавок, бань, извозчиков легковых и ломовых и пр.	30 714	17
Отделение V Сборы с мест увеселений публики	114	28
Отделение VI Доход от аукционов, векселей, закладных, контрактов и пр.	3 828	57
Отделение VII Побочный налог на откуп и на поземельную собственность для вспомошествования городу, на содержание тюрем	1 802	22
Отделение VIII Случайный доход от лотерей, от конфискаций имущества, от имущества без наследников и штрафных денег. Кроме того, получается ежегодно дохода с городских земель, находящихся в аренде и состоящих под особым надзором	Не было 19 162	 —
Итого всего прихода	93 875	88

НАЗВАНИЕ СТАТЕЙ РАСХОДА	Рубли серебром	Коп.
Отделение I На богоугодныя заведения	1 285	71
Отделение II На содержание площадей и улиц, жалование полиции, содержание канцелярии, думы, магистрата, сиротскаго суда	39 636	27

Отделение III		
На помещение для думы, магистрата и строительной комиссии. На поддержку шелководства	1 582	14
Отделение IV		
На отопление и освещение полиции, 4 городских домов, тюрьмы, казарм, освещение улиц, иллюминации города в праздники	10 804	58
Отделение V		
Ремонт городских строений, содержание Александровского сада и пр.	8 275	—
Отделение VI		
На непредвиденные расходы и мелкия издержки	1 968	57
Итого всего расхода	63 552	27

Весь излишек в доходах идёт на содержание войск.

ГЛАВА VIII

Отъезд в Вологду. — Самоварные фабрики в Данилове. — Вологда, ея городское устройство, прежнее и современное значение. — Филигранные работы. — Поездка в деревню Кубинскую. — Деревенское устройство. — Образцовая ферма удельных крестьян. — Отъезд из Вологды. — Принцип первобытной русской колонизации на Севере. — Область лесов. — Ямщик и его лошади. — Русская народная песня. — Тотьма. — Китайская архитектура. — Маляр Вагенов. — Статистическая данная. — Земледелие и скотоводство. — Школы. — Дорога до Устюга. — Внешний вид и внутреннее содержание города. — Северная ночь. — Поездка водой к Троице. — Посещение старосты в Пестове. — Одежда. — Троицын день в Троицком монастыре. — Св. Иван и Св. Стефан. — Зыряне

Вечером 22 мая выехали мы из Ярославля. С другого берега Волги взглянули мы в последний раз на красивый Ярославль. Скоро дорога пошла тёмным сосновым лесом, и тихая езда по глубокому песку скоро усыпила нас всех. Мы проснулись только на следующее утро недалеко от уездного города Данилова. Данилов более других русских городов похож на европейский город. Жители большею частью медники и работают преимущественно самовары, которые проникли вглубь Азии. Многие жители для этого производства соединились вместе и составили нечто вроде фабрик; мы посетили некоторые из них.

Мы проехали несколько государственных деревень, своей внешностью говорящих о значительном довольстве их жителей. Часто две избы, рядом стоящая и покрытая отдельными крышами, внутри соединены между собой и составляют как бы одну избу. В одной половине ея, с

тремя большими окнами, поселяне живут летом, другая, зимнее помещение, имеет три таких маленьких окна, в которых едва можно просунуть голову. Большая входная дверь обыкновенно скруглена наверху в виде свода, как в крестьянских домах Нижней Саксонии и Вестфалии. Над воротами лежит поперечное бревно в виде виселицы. Обыкновенно над этим бревном две доски образуют маленькую крышу; тот считается между русскими крестьянами плохим хозяином, кто не делает крышки над своими воротами*. Местами попадаются совершенно городские дома, но непременно с деревянными колоннами и балконами по русскому обычаю.

Мы проехали несколько хороших деревень, из которых особенно выдавались деревни с почтовыми станциями, Левинская и Телячий Гам, и далее особенно богатое село Пречистинское гг. Скульскаго и Кирова. Около полуночи приехали мы в уездный город Грязовец, где нас принял и напоил чаем один богатый купец в своём европейском доме. В отличное утро 24 мая въехали мы в Вологду.

Гостиница была необыкновенно грязна и отвратительна, и мы приняли гостеприимное приглашение одного купца остановиться у него.

Делая необходимые визиты губернатору, председателю палаты государственных имуществ, городскому голове и др., мы имели случай видеть внешность самого города. Город очень растянут – от одного до другого конца более часу ходьбы; улицы большею частью широкия, немощёныя, обстроенныя деревянными домами и длинными заборами. Только кругом главной площади и на прилегающих к ней улицах стоят каменные дома в новом стиле, с обычными и неизменными колоннами и балконами. Город очень пуст; по своей величине он мог бы вместить 100 000 жителей, а в нём живёт едва 14 500 человек. Как все старые русские города, Вологда изобилует церквями с безчислен-

* Об этом упоминает ещё и араб Ибн Фосцлан в своём описании России.

ными куполами и колокольнями. Тут приходится одна церковь на 260 жителей.

Городу принадлежат, по сведениям, данным мне городским головою, около 600 десятин земли, которая служат выгоном. Доход города, около 20 000 руб. сер., получается с тех же источников, как и в Ярославле: сборы с гостиниц, лавок, ремесленных производств, затем поземельные и процентные сборы с домовладельцев, определяемые особой городской комиссией, причём взимается 1% с оценочной стоимости на городские нужды, и кроме того, 1% за освобождение от постоя и ½% на мощение улиц – хотя ещё едва только начинают мостить улицы. Последний сбор назначен на десятилетний срок. Эти сборы были бы непомерно велики, если бы оценка домов производилась правильно. До сих пор город не имеет долгов, но если он не сделает займа теперь, то придётся возвысить процентный сбор на расходы по квартированию войск, так как теперь гарнизон состоит из 1300 солдат вместо обыкновенного комплекта в 600 человек. Тут есть городская больница на 260 кроватей. В 1786 г. общество купцов основало тут банк с капиталом в 1 800 000 руб. асс. Капитал этот теперь удвоился, и банк выдаёт ежегодно городу на вспомоществование бедным 2% со своего оборота, что составляет от 12–15 тыс. руб. асс. Это пособие получают обедневшие купцы и ремесленники; собственно приюта для бедных тут нет. Теперь учреждается приют для сирот.

Я привожу подобныя сведения, собственно, для сравнения их с западноевропейскими учреждениями.

Вологда – древний русский город, он существовал ещё в XII столетии. Он принадлежал Новгородской республике и был главным пунктом торговли Новгорода с внутренней Азией. В XVI столетии тут развились довольно значительныя торговыя сношения с Англией, и в Вологде жило тогда много англичан. В то время как Россия не имела ещё гавани в Балтийском море, главная ея торговля с

Европой шла через Архангельск и Белое море, и в Вологде был главный склад товаров. Иван IV имел пристрастие к Вологде, он хотел в неё перенести столицу для ближайшей связи с Востоком. В 1569 г. он велел вырыть в городе три канала; вынутая из них земля образует до сих пор ещё Татарский бугор, называемый так потому, что тут были похоронены пленные татары. При нём же начали обносить город каменной стеной, которая так и осталась недоконченной. Ещё и теперь через Вологду пролегает торговый тракт в Китай, хотя по этому пути сообщение значительно сократилось против прежнего. До сих пор ещё богатый тиковый фабрикант Никифоров отсылает ежегодно в Кяхту по 100 000 арш. тикю, так как китайцы очень любят тик.

Мы обедали у гражданского губернатора; за обедом присутствовали двое ссыльных поляков, и по этому случаю я узнал, что Вологда до завоевания Сибири была ссыльным городом и что до сих пор она ещё служит местом ссылки таких преступников, которых не хотят совершенно лишать удобств современной жизни, но желают оставить под строгим присмотром.

После обеда мы поехали к одному русскому купцу осмотреть выставку различных серебряных плетений. Эти филигранные работы, с полным совершенством исполняемые только в Италии (я думаю, в Генуе), странным образом распространены в этой местности России с незапамятных времён. Впрочем, это искусство известно тут только немногим крестьянским семьям и с отдалённых времён передаётся как наследство от поколения к поколению.

По существующему здесь преданию, некоторые из их предков, отправившиеся по торговым делам в Китай, были там взяты в плен и отправлены в Японию, где они и выучились этому искусству и потом, освободившись, вернулись на родину и принесли его с собой.

Мы решили на следующий день сделать набег на деревни. Майор Тизенгаузен, знавший хорошо местность,

вызвался нас сопровождать. Целью нашего путешествия была деревня Кубинская, лежащая в 27 верстах от Вологды на Кубинском озере; мне указывал ещё в Москве барон Александр Мейендорф на эту деревню как особенно интересную для моих исследований.

Местность между Вологдой и Кубинским озером очень густо заселена, с каждого пригорка видно несколько маленьких деревень, большею частью в 6–10 изб. Деревни и огороды обнесены изгородью с воротами вроде шлагбаумов. Мы были очень радушно приняты в Кубинске; богатый, красивый, молодой поселянин пригласил нас в свой чистый большой дом. Мы вошли в большую светлую комнату, стены которой были оклеены обоями, а чисто вымытый пол усыпан еловыми иглами. Мебель, посуда и украшения комнаты составляли какую-то странную смесь прадедовской русской простоты и произведений новейшей промышленности. В углу комнаты висел старинный образ с горевшей перед ним лампадкой, по стенам стояли простыя крепкия лавки и, кроме того, 6 тростниковых стульев. К одной стороне тяжёлый русский простой стол и там же другой стол в новом вкусе, покрытый ковром, и на нём новая чайная посуда и фарфоровыя чашки. Такую же странную смесь представляли различныя картины, висевшия на стенах; среди нескольких писанных русских образов и раскрашенных литографий из сказок и легенд с объясняющим текстом в стихах и прозе, тут были гравированные портреты императоров Александра и Николая и между ними портрет Наполеона*. Нашего хозяина звали

---

* Во всей северной России я встречал во всех мещанских домах и почти в каждой избе зажиточнаго крестьянина портрет Наполеона. В лавках больших городов среди различных картин русской работы, изображающих места из разных сказок и легенд или карикатуры, является всегда Наполеон в тысяче видах. Нет ни одного имени, ни одного историческаго лица более известнаго и более популярнаго между великорусскими крестьянами как Наполеон. Если во время войны с Россией ненависть к нему одушевляла все сердца, то после ссылки он стал предметом насмешки и иронии, а теперь героем преданий, сказочным мистическим героем; всякий след

Ревокат Васильевич Иконников. Он несколько раз подолгу живал в Петербурге, торговал там, знал немножко по-немецки, так что мы могли понимать друг друга. После отличного русского национального завтрака, состоявшего из чаю, рыбы, пирогов и пр., по моей просьбе вышла к нам жена хозяина – русская красавица (то есть толстая и красная) в полном народном костюме: платье и душегрейка были из хорошей белой шёлковой материи, вышитой золотом. Одна душегрейка стоила 500 руб. сер.

Я пошёл с нашим хозяином побродить по деревне. Повсюду хорошие большие дома; мы входили в некоторые из них, везде тот же порядок и чистота, те же признаки благосостояния, та же радушная приветливость. В одном доме мы нашли трёх женатых братьев с большими семьями, но все они неограниченно повиновались старшему брату как главе семейства.

В селе три церкви, из которых я осмотрел две: одну летнюю и одну зимнюю, тёплую; в одной из них я видел на иконостасе очень красивую резьбу рококо и отличную копию с «Тайной Вечери» Леонардо да Винчи.

Когда мы подходили к дому нашего хозяина, то поселяне с полдеревни собрались на улице и дружески приветствовали нас, но в комнате мы нашли только старосту и стариков, которые нам тотчас же объяснили, что они готовы дать мне все сведения, которых я пожелаю иметь.

Село Кубинское принадлежало прежде князю Салтыкову, по наследству от него досталось Орловым, которые

ненависти к нему исчез. Я нашёл ещё в Москве некоторые карикатуры и песенки того времени, в которых Наполеон изображён танцующим с разными народами. Объясняющая карикатуру песнь рассказывает, что Наполеон очень искусно и с большим успехом танцевал сначала французский танец, потом немецкий, потом польский, на английском танце он уже несколько захромал. Тогда Кутузов сказал ему: «Мы не умеем танцевать по-иностранному, приходи поплясать со мной по-казацки». В заключение Куленкорский (Coulincourt) сказал: «Старик Кутузов пляшет хорошо! Тут ничего не поделаешь, нам придётся плясать по-цыгански». (Цыгане пляшут, ударяя руками по пяткам и подошвам.)

продали его г-же Ярославлевой. В селе 155 дворов и почти 800 жителей. Селу принадлежат 400 десятин пахотной земли и до 200 десятин покосу; леса нет совсем, и дрова жители должны покупать; кубическая сажень сосновых дров стоит от 6 до 10 руб. асс. Каждый дом расходует ежегодно дров примерно на 50 руб. асс. Почва хорошая и родит хорошо. По берегам Кубинского озера кругом лежит кольцо очень плодородной иловатой земли, и большая часть полей села находится в этом кольце. Тут обрабатывают землю хорошо и с большим старанием, но я был очень удивлён, увидевши здесь рядом с русской сохой бельгийский плуг. Его ввёл в этой местности Пётр I. Просто невероятно, с каким тонким знанием дела и с каким остроумием Пётр I вводил в каждом месте те именно улучшения земледелия, которые соответствовали условиям данной местности. Он имел одинаковые способности как к самым крупным, так и к самым мелким делам. На каждом шагу наталкиваешься в России на воспоминания о нём, но его преемники не сумели помочь способному русскому народу каким-нибудь реальным улучшением его хозяйства, да и не заботились об этом, только теперь начинают об этом думать. Екатерина II почти ничего не сделала в этом отношении: всё, что она делала, было подражанием иноземным народам и носило характер одной внешности. Она впервые внесла вредное направление во все управление, именно с её времени привыкли при каждом новом учреждении ставить вопрос: что скажет об этом Европа? А не опрашивают себя, действительно ли народно такое-то учреждение, соразмерно ли, полезно ли и необходимо ли оно для России?

В Кубинске озимый хлеб родится сам-шест, а яровой сам-четверт: хлеб здесь жнут, траву косят.

При каждом доме есть довольно большой огород, который уже непременно остаётся при доме, тогда как поля, по крайней мере, по принципу разделены по душам, хотя в действительности по возможности избегается новый передел.

В окружности женщины работают очень много, Здесь же, собственно, мало, за исключением, впрочем, времени жатвы. Жители не могут справиться своими силами с массой работы, скапливающейся в короткое лето, и нанимают рабочих из северных местностей; работник получает за летние месяцы 60 руб. асс., кроме харчей. Подённый работник с лошадью получает во время посева $2\frac{1}{2}$ руб. асс., во время уборки сена 2 руб. асс., без лошади от 1 до $2\frac{1}{2}$ руб. асс., женщина получает в день за жнитво от 70 до 80 коп. асс.

Зимой жители занимаются торговлей и транспортировкой купеческих товаров. В большую воду весной и осенью они также торгуют, отправляясь с товарами через озеро, связанное с судоходными реками Сухоной, Шексной и Двиной. Из произведений собственного хозяйства они везут хлеб, овощи, кожу, сало, рыбу (из Кубинского озера); овощи продают большею частию в Вологде, а остальное доставляют на Волгу или в Петербург, откуда везут обратный товар или для собственной торговли, или из провозной платы. Одно огородничество даёт средним числом чистаго дохода каждому дому до 80 руб. асс. Потому вообще в этом селе жители зажиточны и даже богаты, так что состояние в 40–50 тыс. руб. асс. не составляет редкости.

Село это имело всегда добрых помещиков, которые не назначали оброка отдельно на каждое лицо, а определяли общую годовичную плату со всей общины. От 1798 по 1813 год община платила по 4000 руб. асс. в год, с 1813 года по настоящее время она платит по 7000 руб. асс. в год. В настоящее время помещица хочет увеличить взнос ещё на 2000 руб., и они ещё переговариваются об этой цифре. Это указывает некоторым образом на возрастающее благосостояние здешних крестьян. Казённые подати и мирские сборы на содержание волости и пожарных труб простираются до 5 руб. асс. с души. В случае пожара помещики не дают никаких пособий, но делают соразмерную скидку с оброка. Государственные крестьяне полу-

чают в таких случаях на каждую семью по 100 руб. асс. и казённый лес на постройку, за что взимается страховая премия 12 коп. асс. с души (это всё в тех же пяти рублях). В запасный магазин вносится с души четверик ржи и два гарнца овса; кроме того, собирается ежегодно по 10 коп. асс. с души на образование капитала для вспоможения в случае голода. Во главе всей общины, состоящей кроме Кубинска ещё из нескольких маленьких деревень и считающей в себе 800 душ, поставлен со стороны помещицы староста, получающий 500 руб. асс. жалованья. Община выбирает ежегодно 5 посредников и 12 старшин, которые подчинены старосте и вместе с ним творят общинный суд, и для писмоводства нанимается писарь с жалованьем в 200 руб. асс. Суд разбирает все спорные дела между поселянами о границах земли, о наследстве и пр., налагает, в случае нужды, опеку и улаживает несогласия между вдовами, вторично вышедшими замуж, и детьми от первого брака. Если вдова признает своего второго мужа главою дома, то муж усыновляет её детей от первого брака*. Этот суд налагает наказания до 24 ударов розгой; уголовные дела, конечно, ему не подлежат.

Вследствие старинной царской привилегии село имеет 2 ярмарки в году без взимания торговых пошлин; кроме того, каждый четверг тут базар.

При церквах состоит 1 священник, 1 диакон и 3 церковнослужителя. Священник назначается архиереем. Духовенству отведена церковная земля в количестве 33 десятин пашни и лугов; половиной этой земли пользуется священник, четвертью – диакон, а последняя четверть идёт на трёх церковнослужителей. Деньги духовенство

---

* Вотчимы любят детей своей жены от первого брака так же, как и своих детей, никогда не притесняют и не обманывают их. В народных песнях вотчим совсем не упоминается, но злая мачеха играет в них видную роль. Если по смерти вотчима остаётся старший сын от первого брака его жены, то он делается главою семьи и заботится о маленьких братьях и сёстрах, как о своих детях.

получает только от добровольных приношений за различные духовные требы, заупокойные обедни, молебны, славословия, исполнение некоторых таинств, причём за крестины платят обыкновенно от 15–25 коп. сер., за венчанье, смотря по достатку, от 1 до 5 руб. сер., за похороны – от 50 коп. до 1 руб. сер. (Эта плата, которую мы называем в Западной Европе *jura stolae*, не определена во всей России и ведёт к очень многим и трудно отстранимым злоупотреблениям.) Все эти сборы составляют в год сумму от 200–300 руб. сер. Обработка 33 десятин земли обходится духовенству около 60 руб. сер.; священнику поселяне часто работают за одно угощение (точно так же в случае пожара в деревне соседи-члены той же общины помогают в работе погорелым за одно только угощение, так что погорелый поселянин обыкновенно не истрчивает ни одного рубля наличными деньгами за работу).

По просьбе крестьян одно из духовных лиц открыло школу. Крестьяне платят ему определённую плату за выучку ребёнка чтению, письму и счёту*.

Я собрал сведения об обычном ежедневном образе жизни поселяев. Они встают с восходом солнца, завтракают остатками от вчерашнего ужина и идут на работу; в 10 часов они обедают: тут они едят молоко с хлебом, овсяную кашу, а в постные дни ту же кашу с рыбой (сушь), каша заменяется часто грибами, жареными в постном масле. Обыкновенно раз в неделю бывает говядина или телятина (работники городские едят говядину каждый день). Свинины почти никогда не употребляют. После обеда и вечером едят то же, что и за обедом, так что кушанье

* Почти по всех избах этой губернии, где я только был, я видел книги, большею частью духовного содержания. Несколько раз мне случалось, открывая книгу, видеть в ней писанные страницы, которыми заменяли утраченные печатные, – какая любовь и заботливость выказывается в этом! В России есть местности, где грамотность считается за дьявольское искусство, которого следует избегать. Но эта губерния не принадлежит, по-видимому, к этим местностям, напротив, тут можно заметить сильное стремление к образованию.

готовится, собственно, раз в день, а затем оно только разогревается. В 9 часов вечера ложатся спать. Порядок жизни богатых тот же, только в обед обыкновенно подаются щи с говядиной или рыбой, затем каша, часто бывает пирог, в 4 часа после обеда они пьют чай в стаканах, без молока, с хлебом, причём кусок тёмного сахара во рту служит на три стакана чаю. Вечером и на другой день утром они едят разогретые остатки от обеда. В последнее время тут начинает распространяться картофель.

Я получил следующие данные о платье здешних поселян по его стоимости.

Мужское платье. Продажная цена зелёного домашнего сукна на кафтан 20 коп. сер. за аршин, шириною в 8 вершков. Портной получает 30 коп. сер. за шитьё кафтана, кроме харчей. Толстое полотно на штаны стоит 2–3 коп. сер. аршин (ширина тоже 8 вершков); несколько лучшее полотно на рубашки стоит 4–7 коп. сер. за аршин. Сапоги стоят 1 руб. сер., а получше – 2 руб. сер. В работе употребляются лапти, и то только там, где они стоят 3–4 коп. сер. Лапти тут делаются из бересты и ивовой коры, а не из липовой, как в средней России. Шляпа из бараньего войлока стоит 45 коп. сер. Праздничная одежда: кафтан из синяго сукна стоит 12 руб. сер. и служит на 10–15 лет, суконные штаны $3\frac{1}{2}$ –4 руб. сер. Очень распространённые кафтаны из синей нанки стоят 3– $3\frac{1}{2}$ руб. сер. и служат 2 года. Красный шерстяной шарф на живот стоит от 45–60 коп. сер., самый лучший шарф стоит $1\frac{1}{2}$ руб. сер.

Одежда женщин. Женщины сами прядут и ткут себе холст на ежедневную одежду. Праздничную одежду здесь называют немецким платьем*. К нему относят-

* Одежда эта и самый покрой до такой степени неотличимы от одежды немецких крестьянок, что здешних баб можно принять за немок. Каким образом проник немецкий костюм в такую глушь России и привился в маленькой изолированной местности? Это тем более странно, что здешние русские строго хранят старые обычаи и нравы!

ся: шёлковый платок для повязки головы, стоящий 1 руб. сер., шерстяной или бумажный шейный платок, стоящий от 3 до 7 руб. сер., бумажное платье в 2–3 руб. сер., шерстяное платье в 4–6 руб. сер., шёлковое в 12–15 руб. сер., душегрейка, вышитая золотом и обшита мехом, как мы видели выше, стоит 500 руб. сер. Пара башмаков стоит 35 коп. сер., чулки обыкновенно домашней работы.

Из всех этих цен видно, что в России очень дорого всё то, к чему прилагается человеческий труд. Всё платье зажиточного крестьянина этой местности стоит 23 руб. сер., а крестьянки – 26 руб. сер., а полный богатый костюм обходится более 600 руб. сер. То же самое платье из тех же материалов не стоило бы и половины в Германии.

Ещё раз хорошо поевши, мы распрощались с этими гостеприимными людьми. Вместо принятия нашей благодарности за радушный приём, они ещё чувствительно благодарили нас за честь, оказанную им нашим посещением, а староста и хозяин дома обняли и поцеловали меня самым нежным образом, высказавши желание, чтоб я не рассказывал ничего худого об них за границей.

На возвратном пути в Вологду я остановился в государственной деревне Семёновской и разспросил о тамошнем устройстве крестьян, чтобы сравнить условия этой деревни с Кубинской и заметить отличия.

В деревне 19 дворов и почти 130 жителей. Тогда как в Кубинске приходится на мужскую душу две десятины пахоты и лугов, здесь приходится 7 дес. на душу; маленькая роща доставляет, по крайней мере, топливо, строевой лес покупают. Подати обыкновенные, не превышающие 15 руб. асс. с души. Эта деревня составляет вместе с соседним селом Прилуцкое-Коровницкое одну общину, то есть обе деревни имеют одно общее поле, причём только по взаимному соглашению наблюдается, чтоб каждому крестьянину доставался участок, прилегающий к его деревне; вся же волость состоит из 14 деревень. Как малы

эти деревни, видно из того, что во всех них числится 258 дворов и 857 душ, следовательно, около 1730 жителей.

Все крестьяне деревни Семёновской каменотёсы. Весной они отправляются в разные места на работу, во время жатвы возвращаются домой и затем опять ищут работы до зимы. По санному пути перевозят купеческие товары, ведя при этом и свою торговлю. Более способные идут в Москву и Петербург и остаются там на всё лето; таких считается из всех 14 деревень только 80 человек; количество их может быть контролировано, так как они должны брать паспорта. Остальные же, работавшие в Вологде и окрестностях, не нуждаются в паспортах. Отправлявшиеся на всё лето нанимают вместо себя рабочих, которым платят сверх содержания 40 руб. асс. В Вологде каменотёсы зарабатывают, кроме расходов на своё содержание, от 100–130 руб. асс., уходящие же в Петербург или Москву приносят обыкновенно домой 70–80 руб. асс. Тридцать хозяев в деревне не имеют собственных лошадей, а на летние работы нанимают за 17 руб. асс. лошадей у зажиточных крестьян, которые для зимнего извоза держат большее количество лошадей, чем какое им нужно на полевые работы. Порядочные зажиточные хозяева имеют здесь по 2 лошади, до 5 голов рогатого скота, 10–20 овец, редко свиней. Лошади после работы пасутся свободно на выгоне и не получают никакого иного корма. Весь скот ходит свободно без пастухов, почему все поля обведены изгородью. Вообще тут далеко нет того богатства, как в Кубинске.

Женщины в этой и других деревнях работают очень хорошо; я видел нескольких женщин, которые занимаются зимой писанием церковных образов.

По возвращении в Вологду я поехал перед вечером в недавно открытую образцовую ферму удельных крестьян, отстоящую от города на полчаса. Министр Перовский основал в Петербурге земледельческую школу, чрезвычайно умно и осмотрительно устроенную. В ней крестьянские

мальчики обучаются теоретически и ещё более практически выгодному и улучшенному ведению сельского хозяйства, приноровленного к местным условиям их родины. В продолжение своего обучения мальчики скопляют полный инвентарь своего будущего хозяйства, сами выращивают лошадей и коров, которых по окончании обучения берут к себе. Их учат изготовлять все орудия, нужные в полевом и домашнем хозяйстве, и их точно так же они берут себе. Ежегодно двое получают затем на их родине довольно большой клочок пахотной земли, луга, выгон, сад и лес; эти два хозяйства сначала соединены в одно и впоследствии уже делятся на два. Они сами строят себе тут хозяйственные постройки по предварительно утверждённому плану и получают на обзаведение 1000 руб.

Я поехал осмотреть одно такое хозяйство, должествующее служить образцом для поселян Вологодской губернии. Оно существует ещё немного лет, а потому нельзя ещё составить верного заключения о его успешности и о влиянии его на окрестность. Хозяйство это, как уже сказано, находится в нескольких верстах от Вологды, совершенно отдельно, но недалеко от небольшой деревни. Почва торфяная, необработанная, но хорошая; вся земля окопана глубоким рвом, и употребительный здесь шлагбаум, только более порядочный и красивый, охраняет поле от скота. От него к усадьбе идёт прямая дорога, окопанная канавами с обеих сторон. По левую сторону дороги поле было уже совсем хорошо обработано, на правой же стороне земля покрыта кустарником, местами срубленным и сложенным в кучи для сожжения. Один из двух хозяев пахал землю плугом, причём мальчик вёл лошадь; земля обрабатывалась очень лёгким плугом, но не сплошь, а оставляя между бороздами промежутки по пол-аршина; эти промежутки впоследствии должны быть подняты тяжёлым плугом. В доме нас принял старший хозяин; он прибыл полугодом раньше, выстроил и устроил дом. Дом построен согласно предписанию и це-

лесообразно, наподобие вестфальских крестьянских домов. Ещё дом не был окончен, как прибыл сюда второй хозяин со скотом и всеми орудиями, которые они приобрели вдвоём во время своего обучения в Петербурге. В доме все порядочно и чисто, несмотря на то, что тут находилась ещё женщина с грудным ребёнком. В жилой комнате была полка с книгами, Библией, собранием проповедей и несколькими хорошими сельскохозяйственными сочинениями, большей частью переведёнными с немецкого. В другой комнате находился полный столярный набор, и соседний крестьянин, руководимый в работе хозяином, стругал доски, чего русские той местности совсем не умеют делать. В саду цветочные клумбы и беседка; тут же находилась усовершенствованная русская баня. Для удобрения приготавливался компост, перемешиваемый слоями дёрна. По всему было видно, что сельскохозяйственное образование проникло в плоть и кровь обоих хозяев, при этом нужно знать, что им едва был передан общий план устройства и что выполнение его было совершенно предоставлено на их произвол. Все это свидетельствует об уме и верном взгляде на дело. Вся земля занимает 126 десятин, но пока ещё только $4\frac{1}{2}$ десятины вполне обработаны. Почва хороша, но глиниста, в мокрое время обращается в грязь, а в сухое – в пыль. Они решились вести шестипольное хозяйство. Ферма существует ещё не более двух лет, но уже заметно некоторое влияние её на соседние деревни, в которых по примеру фермы значительно распространяется разведение картофеля.

Посетивши следующим утром знаменитый монастырь за городом, мы осматривали гимназию, при которой губернское дворянство открыло пансион для 200 воспитанников. Семьдесят из них платят ежегодно незначительную сумму в 135 руб. сер., остальные содержатся бесплатно. Мы были также в деревне Дубровской, жители которой занимаются обучением певчих птиц и торговлей ими. Вся деревня состоит из 11 семей, но каждая семья получает от этой тор-

говли около 30 руб. сер. на круг. Каждая птица продаётся на месте по 60 коп. сер., а в других местах по 70 и 85 коп.

Проезжая мимо полей нескольких маленьких деревушек, заметил я, чего никогда не видал на полях больших деревень, что после каждых пяти или восьми полос идёт не вспаханная полоса шириною около $\frac{3}{4}$ арш. (как это встречается повсюду в средней Германии), служащая разделом между маленькими загонами. Когда я спросил о том, то услышал, что в этих очень маленьких деревнях не существует ежегодный или временный раздел полей по русскому обычаю, но что поле раз навсегда разделено и предоставлено каждому дому. И вот между этими-то вечными участками и проходят раздельные полосы. Это почти единственное встреченное мною исключение из обычного в русском народе дележа полей, и, вероятно, оно основано на каких-нибудь непреодолимых причинах.

26 мая выехали мы из Вологды по направлению к Великому Устюгу. Первые 30 вёрст, до реки Сухоны, местность носит тот же характер, что и в окрестности Вологды, именно отличной и заботливой культуры. Деревни, церкви, дома, поля и люди – все смотрят богато и весело. За Сухоней же начинаются леса, идущие далее на неизмеримыя пространства. На всей линии до Великаго Устюга тянутся неизмеримые леса по обеим берегам Сухоны, подходя к самой реке, но местами, где только доброкачественный грунт и берег не слишком крут, по обеим сторонам реки разместились деревни, иногда по 4–6 деревень рядом. Лес, насколько нужно, вырублен от берегов и земля распахана. Весь север России обрабатывает землю подобным образом. Некогда этот лес занимал пространство, большее Испании, Франции и Германии вместе. В отдалённой древности в южной России поселились в необозримых безлесных степях п а с т у ш е с к и е народы (кочевья скифския племена), а в неизмеримых лесах северной России о х о т н и ч ь и народы (кочевья чудския (финския) племена). Между ними

на южном склоне Валдайской возвышенности жили тоже с древнейших времён с л а в я н с к и я племена, которые, становясь многочисленнее и пользуясь благоприятными условиями климата, сложились в сильный русский народ, образовали из себя государство и стали колонизироваться по всем направлениям к югу и северу. Едва ли кто будет утверждать, что русские о т т е с н и л и финския племена на север России. Русские никогда не кочевали, они всегда колонизировались, они приходили в качестве ремесленников, огородников, земледельцев, рыболовов, шли вдоль всех рек и устраивались на них. Они не гнали охотничьи племена, жившие внутри страны, вдали от рек; русские, по своей натуре и по своим склонностям, никогда не протеснялись в глубь страны. Они не были враждебны охотничьим племенам, напротив, последним было даже приятно, что вдоль рек устраивались постоянные колонии, в которых можно было обменивать продукты охоты на другие товары. Так финския охотничьи племена жили мирно и дружно рядом с русскими пришельцами и живут так и до сих пор, хотя первые значительно уменьшились теперь в числе. Несколько значительное охотничье финское племя зырян живёт и до сих пор безо всяких стеснений от русских. Другие же охотничьи племена мало-помалу вымерли, подобно тому как теперь вымирают американския охотничьи племена, многие приняли христианство, стали оседлыми и постепенно слились со своими русскими соседями.

Всякий исследователь характеров национальностей, здесь живущих, придёт непременно к убеждению, что жители вдоль северных русских рек не русифицированные финския племена и не чистые славяне, а славяне со значительною примесью финской крови. Должно думать, что это смешение крови было очень полезно, так как здешние северные русские представляют собою неспорченное племя и, по моему мнению, лучшее и здоровейшее из всех русских племён.

Сначала мы ехали правым берегом Сухоны, потом переехали реку, и дорога пошла левым берегом, то параллельно реки, то удаляясь от неё. Местами мы проезжали лесные пространства с непомерно высокими елями и берёзами, местами местность открывалась и дорога пролегала через ряд 4–6 маленьких деревушек, скучившихся вдоль реки. Деревни обыкновенно состояли из 6–8 изб, большие из них не растягивались в однообразную прямую линию русских деревень, а были неправильно и красиво расположены.

Что за отличный народ русские ямщики, как они ловки и неутомимы, как обходительны, веселы и простодушны! Ямщик как ртуть, вечно в движении – на козлах, возле повозки, под лошадьми и всем ловок и грациозен. Русская крестьянская упряжь очень дурна, каждая четверть часа что-нибудь да оборвётся в ней. Ямщик быстро соскакивает с козел, бежит к лошадям, там что-нибудь привяжет, здесь подтянет и уже опять на козлах и погоняет во весь опор. Он всегда разговаривает со своими лошадьми. Дорога шла через пригорки; в гору он гнал лошадей вскачь и при этом кричал, молил, ругался, свистал и хлопал бичом, как будто за ним гналась тысяча чертей. Маленькие русские лошади бегут вообще хорошо, но в гору вытягивают дурно, так что если б не пускать их вскачь, то они совсем бы не въехали; они не в силах ввозить в гору медленно, но настойчиво, как немецкие крестьянские лошади; как только они почувствуют тяжесть, они останавливаются, и тогда, конечно, целые полчаса их не сдвинешь с места. Два лёгкие тарантаса наши были запряжены восемью лошадьми, и нам не раз случилось перед незначительной горкой впрягать все восемь лошадей сперва в один тарантас, потом в другой. Как ни погоняет ямщик с криком и гамом своих лошадей, как ни грозно машет он кнутом по воздуху, но он никогда не ударит лошадей, он слишком любит их и скорее готов выслушать брань или получить даже себе тумака, чем ударить лошадь; и иногда действительно не обходится без тумаков. При мне

был кондуктор из Петербурга, которому было поручено доставать лошадей, расчитываться на станциях и т. п. Он умел внушить в станционных смотрителях уважение к себе и вообще исполнял своё дело так, что я не имел, подобно другим проезжающим, повода жаловаться на беспорядки и притеснения. Кондуктор этот был сильный и хитрый малоросс; обыкновенно он был весел, добродушен и даже нежен с сидящими с ним рядом ямщиками; они болтали между собой и часто хохотали, но, когда лошади бежали тихо, он бил ямщика, заставляя его хлестнуть лошадей. И это всегда ему удавалось, но в этих северных местностях все его толчки ни к чему не служили, он мог колотить ямщика, сколько ему угодно, а тот всё-таки не бил лошадей; наконец он вырвал из рук ямщика кнут и сам стал погонять лошадей, чем ямщик очень обиделся и стал жаловаться. Пинки и побои сыпались на ямщиков без злобы и ненависти, а были исключительно мерою вызова повинования и точно так же равнодушно принимались и ямщиками. Непосредственно после побоев они шутили между собой, смеялись и были веселы, как прежде, а при прощании обнимались и нежно целовались. Я просил перевести мне некоторые разговоры ямщика с лошадьми, все они очень нежного характера, так, например, речь к кобыле: «Матушка любезная, не оставь меня только на этот разок, а уже я тебе дам после свежей травки и золотого овсеца», к жеребцу: «Не осрались, братец, поддержи свою честь, что скажет свет, если ты оплошаешь» и т. д. с бесконечными вариациями и нежными уменьшительными. Русский язык богаче всех других языков уменьшительными именами, и никто так охотно не употребляет их, как русский народ. Когда ямщик хочет попросить у кондуктора огня для трубки, он скажет: «Дай-ка, братец, трутик или огонька для трубочки». Насколько северный русский весел, жив и свеж, настолько печален и грустен его напев. Народные песни монотонны, всегда бемольны, с жалобной и растянутой последней нотой. Плач ли это на суровость

климата, на безцветное серое северное небо и на скупую мать-природу? Причина этого может лежать только в противоположности между его духом, исполненным радости и веселья, и печальной, неприветливой природой, потому что здесь социальное положение народа хорошо, он свободен, ничем не связан, никем не притесняем и зажиточен. Грусть и печаль сделались характерными тонами самого голосового органа русского народа: русский человек даже сердится, бранится, кричит на лошадей всегда мягким, кротким голосом, никогда не слышно у него резкаго, гневнаго крика, как у германских и романских народов; напротив, здесь всегда слышится отголосок тихой грусти.

В полночь приехали мы в Тотьму на Сухоне, и так как там не было порядочной гостиницы, то вологодский губернатор ещё раньше рекомендовал нам остановиться у одного купца, что мы и сделали. На следующее утро я осмотрел город с полицеймейстером. Тотьма – старый город и по его величине, по количеству церквей, и по запустелым улицам (я видел, как паслись коровы на большой площади в центре города), можно судить, что он некогда процветал и имел большое значение. Тотьма был значительным торговым пунктом, когда главная торговля Новгородской республики с Азией и Китаем шла через Вологду. Ещё тут и теперь есть некоторые купцы, продолжающие торговлю с Китаем и бывавшие в Кяхте. Тут есть также церковь, архитектура которой очень напоминает китайскую архитектуру; она выстроена подобно другим церквям богатыми купцами в первой половине прошлаго столетия и чрезвычайно богато украшена. Мне показывали некоторые образа, писанные Вагеновым*, который, родившись в Тотьме, учился в Петербурге, пользовался большой известностью на своей родине

---

* Не немецкаго ли происхождения этот Вагенов и не происходит ли его фамилия от немецкаго слова Wagen? Русские имеют особенную способность переделывать на свой лад иностранныя фамилии. Я встретил в Литве одного моего соотечественника по фамилии Беккер; русские, мало-помалу ломая и изменяя его фамилию, стали наконец звать его Бикерским.

и, чтобы оставить по себе вечную память, написал несколько образов в церковь. Замечателен был цвет лица на образе Богородицы. Известно, что греческая Церковь всегда придаёт ей смуглый цвет, почему на Западе её и зовут Чёрной Марией; Вагенов не хотел отступить от церковного обычая, но вместо смуглого цвета у него вышла Богородица серо-железного или синеватого цвета, так что это придаёт ей вид, как будто она страдает синюхой, но тем не менее этот образ производит необыкновенно хорошее впечатление.

Я был рекомендован местному окружному начальнику государственных имуществ, очень сведущему человеку, и при его содействии я собрал о здешнем сельском хозяйстве и населении следующие данные, которые я привожу параллельно с подобными же данными Вологодского уезда.

По генеральному межеванию 1783 г. в Вологодском и Тотемском уездах считается:

Название уезда	СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ЗЕМЛИ				СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ НАСЕЛЕНИЯ по 7-й ревизии				
	Пахотной земли	Лугов	Лесу	Неудобной земли	Государственных крестьян	Удельных крестьян	Свободных крестьян	Приписанных к фабрикам крестьян	Крепостных крестьян
Вологод.	в десятинах				мужских душ				
	122 552	39 333	336 637	18 228	7 759	439	213	294	26 485
Тотемск.	85 652	32 821	1 730 481	163 698	21 159	7881	—	—	818

Из этой ведомости видно следующее:

В Вологодском уезде 93 кв. мили и 72 850 жителей обоего пола, следовательно, на каждую милю приходится 784 человека; в Тотемском уезде 176 кв. миль и 67 904 жителя, следовательно, на квадратную милю приходится 170 человек. Тотемский уезд, как и вся местность к северу от Вологды, состоит почти из сплошного леса, в котором только по берегам рек расположено несколько деревень. Если же сравнить только обрабатываемую землю этих двух уездов, то окажется, что Тотемский уезд населён гуще Вологодского; именно, разработанная земля в Вологодском уезде занимает 29 кв. миль, а в Тотемском – $21\frac{1}{3}$, а, следовательно, на каждую квадратную милю приходится в первом 2572 человека, а во втором 2994; в первом уезде обработана $\frac{1}{3}$ всей земли, а во втором – едва $\frac{1}{12}$.

Общественное положение жителей замечательно различно в обоих уездах: в Вологодском уезде крепостные крестьяне* составляют более $\frac{3}{4}$ всего населения, а в Тотемском едва – $\frac{1}{16}$.

Здесь не бывает, как в Вологодском уезде, чтобы несколько деревень имели общее поле, но случается, что несколько деревень пасут свои стада на общих выгонах и в общих лесах, но не имеют общаго выгона по пару, напротив, поля и луга каждой деревни огорожены. Большею частью несколько деревень владеют лесом сообща, скот обыкновенно ходит свободно по пастбищу и по лесу без пастухов. Земля обрабатывается хорошо, средняя почва родит 3 и более зёрен. Прежде было в большом употреблении сжигание крупнаго леса под пашню, это делают ещё и теперь, хотя это строго запрещено. Почва здесь так

---

* Тут следует заметить, что хотя в приведённой таблице свободные крестьяне отделены от государственных, но тем не менее последние настолько же свободны, и разница между теми и другими в том, что первые несут только подушные, а вторые, кроме того, оброк. Что до земли, то свободные крестьяне владеют ею на праве собственности, а земля государственных крестьян числится за государством.

расположена к произрастанию кустарника и леса, что ими покрывается обыкновенно каждое поле, если на два года только останется без обработки. Не запрещено сжигать под пашню те участки леса, на которых заметны ещё следы прежней пахоты, и такое хозяйство очень распространено. Хлеб, посеянный на таких участках, родится чрезвычайно хорошо, часто даёт 8 и 10 зёрен, в особенности роскошно на таких местах растёт лён. На мои расспросы, в какое время какие производятся полевые работы, я узнал, что время для работ, по случаю поздних весенних и ранних осенних морозов, не может быть с такою точностью определено, как в южных местностях, но что в обыкновенные года порядок таков: обработка ярового поля оканчивается к Николину дню (9 мая), и с этого времени начинается посев (в нынешнем году посев начался с 15 мая); к 15 августа поспевают хлеб, и жатва оканчивается к 9 сентября. В этих местностях сеют озимую рожь, ячмень, овёс и немного яровой пшеницы; последняя, как и лён, сеется обыкновенно на новях. Отдельному лицу не разрешается распахать новь в большем размере, как от $1/2$ до $1 1/2$ десятин. Скотоводство в этих местностях значительно, даже недостаточный крестьянин держит одну-две лошади, двух коров, двух овец (летом прибавляются к ним телята и ягнята). Овцы здесь особенно плодовиты, оне приносят обыкновенно от 3—4 ягнят. Свиноводство незначительно. Здешняя порода рогатого скота есть смесь холмогорскаго (голландскаго, перенесённаго в Россию Петром I) с обыкновенной русской, порода крупная, на коротких ногах. Мясо битаго зимой скота отправляется свежим замороженным в Архангельск, а летом солониной. Молочное хозяйство значительно, масло зимой отправляется в Петербург за 900 вёрст. Лён в большом количестве продаётся сырьём, обрабатывается же столько, сколько нужно для домашняго употребления. Льняное семя идёт также на продажу и местами бьётся на масло. Здесь гонят

смолу и дёготь, но далеко не в таком количестве, как в Устюжском уезде. Остальные отрасли промышленности незначительны. Народ здесь менее промышленный, нежели в соседнем Вологодском уезде, и в особенности сравнительно с приволжскими жителями, но зато он умереннее в требованиях, менее испорчен, более привязан к семье и патриархальнее. Женщины работают относительно более мужчин, девушки же помогают только в домашних работах, в полевых же совсем не принимают участия.

Стремление к умственному образованию здесь гораздо сильнее, чем в других местностях. Часто крестьяне отдают своих сыновей на зиму к священнику и платят ему за выучку от 25–30 руб. сер., несмотря на то что здешние крестьяне далеко не так богаты, как, например, ярославские. Поэтому грамотных крестьян здесь более чем где-либо*.

Министр государственных имуществ недавно велел открыть по школе в каждом из трёх округов Тотемского уезда, и обучение в них должно быть под надзором духовенства.

В этих школах будут преподаваться следующие предметы: чтение, письмо, закон Божий, библейская история и счисление на счётах**. Каждому учителю назначено вознаграждение от 200–350 руб. сер. Министр просил содействия митрополита в указании сведущих священников.

Мы были приняты в Тотье очень радушно. Выехавши из неё около полудня, мы переехали на правый берег Сухоны и ехали этим берегом вплоть до Устюга. Характер

---

* Между раскольниками, которых очень много в северной России, грамотность особенно распространена, но грамотность старославянская, а не теперешняя русская. Перепискою духовных книг у них заняты постоянно монашенки их монастырей, конечно скрываемых от правительства; монашенки же продают эти книги своим единоверцам. Я часто находил у раскольников, вообще отличающихся чистотою нравов, строгостью, любовью к порядку и чистоте, отдельные листы с молитвами, очень красиво написанными, и некоторые из них получил в подарок.

** Русские счёты, по всей вероятности, заимствованы от китайцев.

местности и пути тот же, что по дороге до Тотьмы. Повсюду густой лес, совершенно скрывающий реку, и кое-где по берегам реки небольшие селенья из 4–6 деревушек.

Деревни красивы и свидетельствуют о благосостоянии жителей, а иногда попадаются чрезвычайно красивые дома особенной постройки.

Я нигде не видал в северной России скворешников, которые стоят пред домом почти каждого зажиточного крестьянина в губерниях Московской, Владимирской и Ярославской.

Я видел во всех деревнях очень простую, лёгкую и удобную соху.

На третьей станции мы остановились ненадолго; был жаркий день, может быть, 22° тепла, и, несмотря на то, комната избы, в которую мы вошли, была сильно натоплена; и это повторялось во всех избах, где мы были, а мы были во многих. Везде на стенах висели крашенные литографии, представлявшие сцены из различных легенд, народных сказок и шуток. К моему величайшему удивлению, нам принесли льду, так что мы могли себе приготовить холодное питьё. Что были везде самовары, это, разумеется, само собой, но везде были также фаянсовые чашки, тарелки и другая посуда.

Только что я срисовал особенно хорошенький дом и пошёл к таранасу, чтобы ехать дальше, нам попалась на встречу старая старушонка. Мой спутник сказал ей: прощай, матушка! Она отвечала: прощай, голубчик! Как вежливо и как мило! Можно ли услышать где в Германии от крестьянской старухи такое ласковое слово?

После шестой станции начались красивые места, высокий берег реки перерезывался местами лощинами, что образовало очень красивые неровности.

Колёса наших таранасов смазывались тут вместо дёгтя м е д в е ж ь и м салом.

Большая дорога от Вологды до Устюга идёт всё время около самой реки. Если бы дорогу провели через леса в разстоянии 20–25 вёрст от реки, то она послужила бы средством расширения земледелия. По ней выстроились бы новыя деревни, подобно деревням, разместившимся с отдалённой древности вдоль реки. Новыя большия дороги составляют во всей России могучее средство расширения земледелия.

Остановившись в одной деревне близ самой Сухоны, мы увидали самыя примитивныя лодки, именно лодки, выдолбленные из цельнаго дерева.

Я часто слышал в моём детстве о русской слюде и видал её в минералогических кабинетах, но в первый раз удалось мне её видеть, вставленную в окна вместо стёкол, в здешних крестьянских избах.

В полдень 28 мая мы достигли Великаго Устюга, лежащаго на противоположном берегу Сухоны. Был отличный солнечный день, и вид города чрезвычайно красив. Сухона здесь много шире, чем Рейн при Кёльне, а город с несколькими сотнями колоколен и золочёными куполами широко раскинулся вдоль по берегу.

Конечно, внутри города это впечатление терялось. Вдоль реки стоял ряд красивых домов в несколько этажей с колоннами и балконами, но назади тянулись широкия немощёныя улицы с одноэтажными деревянными домами и дощатыми заборами около огородов и дворов. Огромныя площади, на которых паслась скотина, но множество церквей, и некоторыя из них великолепны. В городе два собора, от 60–70 церквей и два монастыря, и это на 8000 жителей. Одна церковь приходится на 150 человек.

О нашем приезде было сообщено ранее, и мы получили приглашение от очень богатаго купца первой гильдии, Ильи Яковлевича Грибанова (состояние его считают в 9 млн. рублей), который принял нас очень радушно

и отвёл нам верхний, хорошо меблированный этаж своего красиваго дома.

У нас случилась поломка в тарантасе, и мы отправили его починить к седельнику, который тотчас был готов приняться за работу, но лучший его работник был совершенно пьян и храпел в углу двора. После того как тщетно пытались его разбудить толчками и кликаньем, седельник совершенно хладнокровно взял ведро воды и вылил его на голову спящего, что отлично подействовало, так как рабочий моментально очнулся, отрезвел и весело пошёл на работу.

Я встретил тут своего соотечественника, здешняго уезднаго врача, доктора Лангенбека из Ганновера. Он очень обрадовался нам и сопровождал нас всюду в этот и следующие дни.

Мы осмотрели некоторыя церкви. Около церкви св. Прокофия лежит огромный камень, обнесённый решёткою; предание гласит, что он упал с неба. Св. Прокофий, гамбургский уроженец, пришёл в Новгород, оттуда в Устюг, где и погребён в этой церкви. Однажды неслась на город страшная буря, которая, по молитве святого, остановилась перед городом и разразилась страшным каменным дождём; только один камень, лежащий перед этой церковью, упал в городе – в вечное воспоминание об этом событии (это был кусок гранита). Перед городом целое поле покрыто такими камнями (легенда приписывает их мнимому каменному дождю). В другой церкви нам показывали некоторые образа, писанные ещё живущим устюжским уроженцем, Васильем Оленевым, отцом тепершняго городского головы.

Г. Лангенбек свёл нас к одной старухе, делавшей вместе со своей внучкой золотыя и серебряныя цепочки чрезвычайно хорошей и тонкой работы: я видел здесь, между прочим, цепочки, известныя в торговле под именем в е н е ц и а н с к и х. Это искусство известно с незапамятных времён нескольким крестьянским семьям, которыя передают его из рода в род; как оно зашло сюда – никто не мог мне

разказать. Несколько других крестьянских семей занимаются ещё более тонкой работой – изготовлением маленьких стальных замочков. Доктор Лангенбек подарил мне пару таких замочков, величиною вполовину пшеничного зерна, а они запираются и отпираются ключом. Такой замочек стоит 1 руб. сер. Говорят, что у императрицы есть шейная цепочка, составленная из таких запертых замочков.

На следующее утро, в Троицын день, 30 мая, мы поехали в знаменитый Троицкий монастырь, отстоящий на час пути от города. Остаток дня я провёл дома, мне нужно было много писать, и я просидел до двух часов. Тут я видел в первый раз серую ночь, когда вечерняя и утренняя заря сливаются вместе; было так светло, что я мог в комнате без огня читать и писать.

На севере солнце при закате и восходе кажется видимым на горизонте очень долго; когда оно достигает края горизонта, оно остаётся ещё видимым целые полчаса. В Германии солнце остаётся видимым после заката около пяти минут, а в южных странах ещё менее. Поэтому здесь вечерняя заря длится дольше, а утренняя начинается раньше, чем у нас.

30 мая, около 7 часов утра, мы поехали на лодке вниз по Сухоне к Троицкому монастырю. Было отличное утро. До 400 куполов и колоколен блестели на солнце, бесчисленные колокола возвещали о празднике, и самый воздух, при тихом журчаньи реки, был наполнен этими звуками.

Русские ничего так не любят, как колокольный звон, но здесь звонят не приведением в движение самага колокола, а ударяя по нём языком*, за привязанную к нему верёвку или просто рукой.

* Для этого рода звона существует в северной Германии провинциальное выражение *baiegn*. В первой половине прошлого столетия Курфюрст Клеменс Август Кёльнский, родившийся в Баварии, занёс в Германию баварский обычай (по-немецки Бавария называется *Baieren*) при известных праздниках звонить, ударяя по колоколу языком или молотом. С этого времени эта манера звонить называется в северной Германии *baiegn*. Я был очень удивлён, увидавши, что по всей России распространён этот же обычай. Эти два рода звона дают совершенно различную гармонию звуков.

Мы пристали к правому берегу Сухоны, около маленькой деревни Пестово; нас встретил староста деревни, Семён Тимофеевич Щукин, и самым гостеприимным образом пригласил к себе. В одну минуту на стол явился отличный завтрак, состоявший из пирогов, жареной телятины, рыбы, сладкого пирога, в а ф е л ь, чаю и порядочной мадеры.

Дом, всё устройство, мебель и посуда совершенно такие же, как и у других поселян; наш хозяин был богат, но ни он, ни жена его, ни дети не удалялись от обычаев своих соседей. Только старшая дочь воспитывалась в городе, была невестой городского купца и явилась в модном и безвкусном платье.

Мужское одеянье состоит из армяка* сераго домашнего сукна; армяк стоит от 4–5 руб. сер. и служит 10 лет; некоторые носят коричневые верблюжьи армяки, привозимые из Сибири, – те стоят 3 руб. сер. за штуку; праздничный синий кафтан, подпоясанный шерстяным шарфом, стоит 7 руб. сер. Штаны и рубашка домашнего полотна (ситцевых рубашек я тут не видал); самое лучшее полотенно на крестьянские рубашки покупают по 20 коп. аршин. Пара сапог стоит 1 руб. 50 – 1 руб. 80 коп. сер., их носят богатые, и то только по праздникам, пара башмаков стоит 45 коп. сер. Женский головной убор вышивается золотом и серебром. При самом парадном костюме голову покрывают фатой, спускающейся до ног; такая фата из тяжёлой шёлковой ткани, вышитая золотыми и серебряными цветами и арабесками à la рококо, стоит 100 руб. сер.

После завтрака мы пошли назад к лодке; наш хозяин провожал нас с открытой головой, а при прощании поце-

* Вероятно, это слово татарское, а может быть, и изменённое немецкое слово die Jaske, die Mannsjaske. Множество разных вещей напоминают тут немецкое, и в особенности голландское происхождение, например, за завтраком нам дали в а ф л и – любимое кушанье голландцев. Я попросил показать вафельную доску, то была хорошо известная голландская форма. Наконец, женский костюм очень напоминал костюм североголландских крестьянок. Это может быть объяснено давнишней архангельской торговлей с голландцами и пристрастием к последним Петра I.

ловал у меня руку (что не в обычае в других местностях России), убедительно прося нас посетить его ещё раз. Мы поплыли дальше вниз по реке к Троицкому монастырю, стоящему на мысу, образуемом слиянием Сухоны с Югом; от этого места дальше река уже называется Двиной.

Монастырь помещается на высоком берегу, возвышающемся на 100–150 футов над рекой. В старину тут был город Гледин, откуда и до сих пор монастырь иногда называют Глединским. Положение монастыря очень красиво.

Со всех сторон подымались в гору к монастырю толпы народа, с зелёными ветками в руках*. Может быть, более 1000 женщин в шитых золотом головных уборах придавали всей картине такой блестящий вид, подобного которому я никогда не видал.

После обедни нас пригласил к себе на завтрак архимандрит, и мы должны были употребить нечеловеческие усилия, чтобы съесть второй завтрак и не обидеть своим отказом радушного монаха. Собственно монастырь почти уничтожен, и в нём жил только архимандрит и то количество монахов, которое было необходимо для отправления церковной службы. Остальные монахи были переведены в Архангельск, а монастырский капитал – в женский монастырь Одессы.

Архимандрит водил показывать нам хижину св. Ивана, хранимую как святыню, и вырытый им самим колодезь, около которого на цепи висел железный ковш. Затем он рассказал нам предание о св. Стефане, зырянском апостоле: будто он запретил зырянам употребление в пищу мяса, которое они очень любили, и когда они ослушались его приказания, то он наказал их всех слепотой; с того времени и до сих пор зыряне очень страдают глазами. На-

* В римско-католической Церкви эти ветки (пальмовая ветвь) освещают на Пасхе (от этого Светлое воскресенье называется пальмовым воскресеньем, Palmsonntag), а в Троицын день в церквах стоят со свечами. Я не знаю, что означают в греческой Церкви эти ветки в Троицын день. В некоторых местах, впрочем, допускается освящение ветвей и в Светлое воскресенье.

конец, он проводил нас до лодки и, дружески благодаря за посещение, распрощался с нами.

Лодочники рассказали нам на возвратном пути, что много из здешнего народа нанимается в рабочие на суда, идущие отсюда в Архангельск, по 20 руб. асс. в месяц.

Наш любезный хозяин собрал у себя после обеда нескольких зырян, которых всегда много в Устюге. Они были все малы ростом, но сильны, с светлыми волосами и глазами. Я не имел времени и случая познакомиться с этим интересным охотничьим народом из непосредственного изучения его жизни и потому должен ограничиться теми сведениями, которые я собрал от приглашённых моим хозяином зырян и от других устюжских жителей. А какая между тем интересная данная можно было бы отыскать в народе, у которого самая распространённая поговорка: «умереть за правду!» – в народе, который никогда ничего не запирает и вообще не употребляет никаких замков, потому что обман и воровство ему совершенно неизвестны, и, наконец, в народе, который не имеет в своём языке ни слова, ни оборота для перевода слова – прощание!

Зыряне хотя оседлый народ, но не имеют определённых полей для земледелия: они жгут лес, где попало, и на удобренных золою лесных полосах сеют хлеб для собственного употребления. Но скотоводство у них большое: имеющий 10 коров считается за бедного, а у некоторых их до 30, 40 и даже 50 голов скота. Реки их родины очень извилисты и потому около них отличные луга. Кроме рогатого скота*, они держат овец, свиней очень редко; свиней вообще в этих северных местностях разводят редко и почти только для щетины. Но главное занятие зырян составляет охота, и они отличные охотники; у них хорошия собаки, из породы борзых, и с ними они живут и умирают.

---

* Скот их мелкий, тёмной масти и без рогов.

Вечером 1 июня наш обязательный хозяин* проводил нас до перевоза, и мы выехали из Устюга по дороге к Никольску. Дорога была однообразна: она проходила через первобытный лес, который по левую сторону от нас шёл на тысячи вёрст и соединялся с сибирскими лесами. Нашими ближайшими соседями по обе стороны дороги были медведи и волки. Местами попадались полосы выжженного леса; большая часть их обрабатывалась по нескольку лет кряду после выжига. Было несколько страшно проезжать в полусвете северной ночи мимо этих мест с чёрной землёй и с высокими голыми деревьями без сучьев и верхушек. Изредка попадалась нам маленькая деревушка; впрочем, мы проехали две большие деревни, жители которых обрабатывают землю на праве полоничества; об этом хозяйстве я помещу отдельную главу.

Раз мы встретили цыганский табор с большим обозом. Старшие цыгане были записаны купцами третьей гильдии и везли товары из Сибири в Устюг, Архангельск, Вологду

* Уже сказано, что нас поместили на квартиру к этому богатому купцу, следовательно, он стал нашим хозяином не по своему желанию, и несмотря на то, он принял нас, как будто мы были его старинными лучшими друзьями, приехавшими навестить его вследствие его усиленной просьбы. Для нас был очищен целый верхний этаж отличного дома. Каждый день нас угощали изящным обедом и ужином. При прощаньи наш хозяин чувствительно благодарил нас за посещение, просил навестить его ещё и т. д.; но самое замечательное то, что его люди не хотели принять от нас денежной благодарности за их услуги, и ещё, напротив, наш хозяин секретно от нас дал прислуге, ехавшей с нами, по 10 руб. сер. на человека. В Германии нет такого обычая. Если имеешь нескольких знакомых или рекомендательных письма в Гамбурге, Франкфурте, Вене, то можно, наверное, рассчитывать в течение четверти года получать ежедневные приглашения на обед и на вечер к разным лицам. Это, конечно, обычай очень похвальный, но только это радушие обходится слишком дорого гостю, — так дорого, что жизнь в гостинице стоила бы ему гораздо дешевле; потому что, по германскому обычаю, после каждого обеда гость должен дать прислуге хозяина на водку от 60 коп. сер. до 2 руб. сер. Есть такие гостеприимные дома, в которых прислуга служит без жалованья, довольствуясь этими сборами. В северной России мы могли бы также не платить жалованья нашей прислуге, и она довольствовалась бы деньгами, получаемыми ею на водку от нашего хозяина, у которого мы жили.

и пр. Жизнь и судьба цыган в России имеет в себе что-то таинственное; ближайшее и серьёзное изучение их могло бы разъяснить историю и жизнь этого странного народа.

В деревне Вороной должны мы были остановиться на несколько часов для починки экипажа. Нас попросил к себе богач из тамошних жителей, Григорий Квашнин; он был человек умный и охотно давал нам подробные ответы на наши вопросы. В даче этой деревни часть земли принадлежала общине или, вернее сказать, государству, и по русскому обычаю она делится по числу душ в семье между членами общины. Другая, гораздо большая часть земли, лежащая, впрочем, разбросанными участками между общинной землёй, была издавна в наследственной собственности, то есть принадлежала первоначально дворянам и горожанам соседних городов, и хозяева раздавали её жителям деревни на правах половничества. Дед нашего хозяина обрабатывал большую часть этой земли как половник и тем разбогател; он переехал в Устюг, записался там в купцы и приобрёл тем право владеть наследственной землёй. Воспользовавшись этим правом, он в 1811 г. купил ту землю, которую обрабатывал как половник, и после него она перешла по наследству к его детям, а от них к внучатам. Наш хозяин имел в своей собственности восьмую часть всей этой земли и, кроме того, арендовал ещё некоторые участки. Теперь он мог бы выйти из своей общины и был бы тогда, как говорится у нас в Западной Европе, независимым, самостоятельным владельцем. Но в России каждый, кто не дворянин или, лучше сказать, не чиновник и не духовный, должен принадлежать к какой-нибудь общине, иначе он не имеет прочного положения в обществе. Потому наш хозяин остался членом своей общины, деля для того даже немаловажные жертвования. Почему так – мы не могли понять, а он не хотел объясниться; но довольно того, что он взял на себя платёж оброка за восемь душ и, стало быть, имел бы право требо-

вать от общины восемь подушных участков, но от них он отказался и обрабатывал только наследственную землю. У него большое хозяйство. Обрабатываемая им земля равняется третьей части всей общинной земли. У него 8 наёмных работников, из которых 4 остаются на целый год, а другие четверо – только на 5 летних месяцев; годовые работники получают, кроме пищи, 75 руб. асс. и одежду, а летние, кроме пищи и одежды, 50 руб. асс.; вместо одежды им выдаётся 25 руб. асс. Затем он держит ещё 5 работниц и платит каждой из них, кроме пищи, 35 руб. асс.* Едят в день три раза щи, в мясоед с говядиной, в постные дни с рыбой, и род свёклы варёной в квасу, странным образом называемом голландским.

Наш хозяин держит 8 лошадей, 25 коров, 15 овец, 8 свиней, 30 кур. В этой части России я ни разу не видал уток и гусей.

За исключением пара, $\frac{2}{5}$ остального поля было засеяно озимую рожью, а $\frac{3}{5}$ – яровым хлебом. Под озимь земля пашется два и три раза, а под ярь – один раз. В огороде был лук, свекла, бобы, морковь, горох, брюква и картофель.

Такое хозяйство было мне очень интересно, потому что в нем встретился мне первый пример хлебопашества в России, производимаго наёмными работниками. При этом хозяин не был какой-нибудь агроном, а просто умный мужик. Надобно ещё сказать, что с таким порядком в хозяйстве был он не одиноким исключением, а, напротив, существовало в тех местах много хозяйств, устроенных

---

* Эти цены немногим выше, чем у нас в Вестфалии, где главный работник получает, кроме пищи, 24 талера (22 руб. 32 коп. сер.) и имеет право посеять и собрать в свою пользу шеффель льну (около $2\frac{1}{8}$ четвериков), что можно ценить в 6 талеров (5 руб. 58 коп.); а остальные работники получают 18 талеров и полшеффеля льну; это составит на первого работника 30 талеров, а на остальных по 21 талеру. Здесь же, в северной России, все работники получают ровно по 31 талеру 10 зильбергрошей (100 руб. асс.). Работница получает в Вестфалии 8–12 талеров, а в северной России 11 талеров. Впрочем, это только в северной России, в отдалении от фабричных мест такая низкая цена, во всей остальной России цены на труд значительно выше.

на том же основании, как у него, и вообще они, как меня уверяли, находились в таком же цветущем положении, как и хозяйство, нами осмотренное.

Впрочем, собственно говоря, нашего хозяина нельзя назвать простым мужиком, а скорее торговцем, так как он торгует хлебом и другими товарами и теперь уже имеет состояние в 100 тыс. руб. Он ходит в синем кафтане и берет бороду, да и всё гостеприимство его относительно нас ограничилось чаем со скверным пирогом и стаканом пива, тогда как крестьянин из деревни Пестово под Устюгом угостил нас блистательно и с трогательною любезностью.

Меня особенное поражала в русских поселянах та откровенность и даже готовность, с которой они посвящают во внутреннейшие отношения своего хозяйства совершенно для них посторонних людей, как, например, моих спутников, которых они видели первый раз в жизни, и особенно меня, иностранца, ничего не понимающего по-русски и разговаривающего с ними через переводчика. Они, очевидно, с особою радостью старались разъяснить всё иностранцу, интересующемуся их бытом. Но такую откровенность и готовность я встретил только в великороссах; в малороссах ея было уже меньше, а в инородцах, татарах, жителях Кавказа и др., часто случалось видеть даже обратное.

В Никольском уезде, который мы проезжали во всю длину, господствует обычай, о котором я не слыхал нигде в других местах и на котором основывается род поземельной собственности или, по крайней мере, наследственное пользование землёй. Общинам государственных крестьян уступлены в пользование большие леса, которые по своей обширности далеко превышают их надобность в строевом материале и в топливе. Теперь, если какой-нибудь поселянин вздумает поселиться в этих пустынных лесах, он просит на то позволение у общины. Она никогда не отказывает ему в таком разрешении. Но, конечно, заселение производится не там, где нужно бы сжечь для того строевой или

вообще хороший лес, а на таких местах, где лес или уже вырублен, или мелок. Выжегши себе участок для поселения, крестьянин получает право на наследственное пользование этим участком, и община всегда уважает это право. Правительство долго смотрело на это как на злоупотребление и старалось уничтожить, но в последнее время оно было вынуждено дать более точные правила таким поселениям.

Мы пробывали в городе Никольске только ночь у исправника и собрали от него следующие сведения об уезде.

Никольский уезд обнимает 549 кв. миль с 83 тыс. жителей обоего пола, следовательно, на кв. милю приходится 150 человек. Но изо всего пространства около 523 кв. миль под лесами и неудобной землёй. Под пашней 100 800 десятин, под лугами 34 725 десятин, а всего около 26 кв. миль. Считая только эту землю, на квадратную милю приходится 3192 человека. Едва $\frac{1}{21}$ всей земли уезда обрабатывается, остальные $\frac{20}{21}$ под лесами и неудобной землёй.

Большинство населения состоит из государственных крестьян, их считают 39 900 мужских душ. Только в южной части уезда, на границе Костромской губернии, есть несколько помещиков с 1140 крепостными.

Так как в уездах Тотемском, Устюжском и Никольском очень мало дворян, то им и не предоставлено право выбора на местные должности исправников и др., а чиновники на эти должности назначаются от короны.

В эти дикие местности так редко заезжают посторонние, что наше появление было как бы праздником для всех. Если мы на минуту останавливались в какой-нибудь деревне, что случалось часто, так как экипажи наши безпрепятственно ломались, то вся деревня, мужики, бабы, девушки и дети, окружали экипаж, толпились около двери и на лестнице дома, но всегда мужчины врозь с женщинами; когда нам случалось менять лошадей, то несколько раз крестьяне целой деревни впрягали в наши тарантасы всех своих лошадей, никто не хотел отстать. Раз нам впрягли в два таранта-

са 28 лошадей и почти на каждую лошадь село по мужику; мы так скакали, что у нас волосы встали дыбом от страха.

Неподалеку от одной деревни увидели мы массу людей, занятую разрушением загородки. Мы слышали, что это делалось по мирскому приговору. Один член общины возымел дерзость огородить свой выгон. Община пригласила его к ответу; он не явился и скрылся из страха телесного наказания. Тогда община, прежде всего, определила разобрать незаконную изгородь. «Мир положил», – объяснил нам ямщик. Везде в России выступает деспотическая власть общины, всякий склоняется перед ней.

С приближением к Костромской губернии начала появляться в лесах липа, а с нею вместе и деревенский промысел рогожами.

Часто проезжали мы также мимо дегтярных печей. В земле были вырыты глубокие ямы, и в них вмазаны горшки, над горшками кучею лежала береста, на ней дрова, затем слой земли и потом опять дрова. Верхний слой дров сжигается и сгорает, второй слой дров, лежащий под землёй, превращается в уголь, а из бересты выступает дёготь. Из хвойного леса тут гонят много смолы и скипидара.

В этих северных местностях мы ни разу не видали нищих, но они появились тотчас, как только мы въехали в Костромскую губернию; так как эта губерния промышленная, то должно думать, что нищенство в ней составляет хорошо организованный промысел.

На станции Дьяково не было лошадей. Мы подъехали к помещицкому дому, против станции, и обладатель его предложил нам выпить чаю. Фамилия помещика Петерсон, он родом англичанин, но совершенно обрусевший. Дом его представлял тип всех русских помещицких домов: деревянный, из наложенных друг на друга брёвен, одноэтажный, с фасада широкая лестница, ведущая на широкое крыльцо с колоннами. Внутри дома стены выструганы, но не оклеены обоями и не выкрашены. В две-

рях вместо замков были деревянные защёлки. Мебель представляла смесь величайшей простоты и современной изящности. Простые липовые или еловые столы, неполированные, простые тесовые стулья, и рядом с ними модное канапе, обтянутое кожей, хорошие английские настенные часы, серебряные подсвечники, на стенах порядочные гравюры и портрет самого хозяина, писанный масляными красками с талантом и технической обработкой. Он показал нам челюсть допотопного животного, вероятно мамонта, найденную в песке около реки. Тут была половина челюсти, около $1\frac{1}{2}$ арш. длиной и с одним зубом 5-ти вершк. длины и 2 вершк. ширины.

На следующей станции наш кондуктор поколотил довольно порядочно ямщика за то, что он скверно вёз; мы привыкли видеть, что подобныя сцены оканчивались ничем, но этот ямщик разсердился и быстро повернул с улицы прямо на двор к помещику. Поднялась суматоха; ямщик был крепостным этого помещика, и помещик горячо вступился за своего крестьянина, хотел арестовать кондуктора и проч. Мы умилостивили ямщика, давши ему на водку, и поехали дальше.

Крепостные крестьяне имеют бóльшую защиту от притеснений и злоупотреблений чиновников, чем государственные. Впрочем, новыми распоряжениями министерства государственных имуществ положение государственных крестьян несколько улучшилось; они начинают убеждаться, что могут найти защиту в своих чиновниках и даже в министре. Нам рассказывали по этому поводу анекдот, за верность которого мы, конечно, не можем ручаться. Не так давно костромской губернатор проезжал по делам службы одну государственную деревню и хотел переменить лошадей; крестьяне не дали лошадей, несмотря на то что он предлагал прогоны. Он сказал им: «Я ведь ваш губернатор, и вы должны мне дать лошадей». Они отвечали ему: «Мы тебя не знаем, у нас только один начальник,

Александр Павлович, председатель нашей палаты; мы исполняем только его приказания».

Северные русские крестьяне не любят и не знают русской азбуки и свои просьбы к начальству или к помещику пишут старославянскими буквами. Пётр I составил новую азбуку, но в основание ее легла старославянская; эта новая азбука была введена в русское письмо и печать Петром и его преемниками. Но простой народ, несмотря на 130 лет существования этой азбуки, все ещё не привык к ней. Впрочем, до сих пор ещё нет народных школ, в которых бы учили по новой азбуке; старославянская же азбука переходит в народе от одного к другому.

Как только мы въехали в Костромскую губернию, так опять перед крестьянскими домами пошли скворешники.

4 июня после полудня мы остановились в богатой деревне Балашир Угори. Я срисовал себе дом *vis-à-vis* с нашей станцией и хорошо осмотрел его внутри. Несколько построек, плотно прилегающих друг к другу, и притом так, что одна ниже другой; каждый дом имеет свою крышу; в одном доме летнее, в другом зимнее помещение. В зимнем доме первый этаж отведён для скота, а во втором на улицу выходит жилая комната, а позади чуланы. В нижнем этаже летнего дома также помещается скот, а в верхнем – амбар и горница. По бокам фронтона идут резные украшения с особенным узором на нижних концах. Половые и буфетчики в гостиницах носят через плечо длинные и узкие полотенца; полуаршинные концы этих полотенец вышиты арабесками. Резьба на фронтонах украшениях изб совершенно одинакового рисунка с шитьём на полотенцах. Впрочем, в каждой порядочной крестьянской избе такое полотенце висит на стене, и арабески на них большей частью вышиты красными нитками. Обыкновенно в каждой избе высоко прибит к стене медный или жестяной умывальник с краном и большой лоханкой под ним. В России никогда не моют рук в тазу, наполненном водой, а обыкновенно или кто-нибудь

льёт воду на руки, или сами моются, подымая кран в умывальнике и заставляя таким образом течь на руки воду. Крестьяне строго держатся этого обычая*.

Мы случайно встретились тут в избе с исправником, ехавшим по делам службы. Я нашёл на карнизе комнаты несколько книг и спросил исправника, как тут крестьяне выучиваются грамоте. Он отвечал, что в этой местности нет школ, кроме уездного училища, но что сколько-нибудь зажиточные крестьяне отдают своих сыновей для обучения грамоте священникам и дьяконам; плата за выучку от 2–3 руб. сер. Сын хозяина дома, где мы остановились, выучился у кантониста сначала читать, за что отец его заплатил 12 руб. асс., и потом писать ещё за другие 12 руб. асс. В деревне 11 дворов и 45 мужских душ, из которых 5 умеют читать, а 3 читать и писать.

5 июня около полудня прибыли мы в город Юрьевец на Волге и тем закончили наше путешествие по северной России.

---

* Быть может, в погружении рук в воду они видят сходство с обрядом крещения восточной Церкви и избегают такого способа умывания рук из своего рода священной стыдливости.

ГЛАВА IX

Некоторые общия сведения о Вологодской губернии, в особенности по отношению к государственному хозяйству и экономии*

Вологодская губерния лежит между 58 и 64 градусом широты и между 56 и 77 градусом долготы. Самое большое протяжение ея идёт от северо-востока к юго-западу и равняется почти 2000 вёрст. Точнаго измерения всей губернии не существует, но по примерному исчислению она занимает от 6 до 7 тыс. кв. миль, следовательно, много больше Пруссии и в 12 раз больше королевства Бельгии, но жителей в Бельгии в 5 или 6 раз более чем в Вологодской губернии; в Бельгии считается на квадратную милю 7600 человек, а здесь 114 человек. Здесь на каждого жителя приходится столько же земли, сколько в Бельгии приходится на 65 человек. Однако на таком обширном пространстве господствует в этом отношении величайшее разнообразие: в одних местах население скучено очень густо, другия, напротив, совершенно пустынно.

В 1838 г. население всей губернии состояло из следующих частей**:

---

* Материалами для этой главы служило главным образом напечатанное донесение министру государственных имуществ советника вологодской палаты государственных имуществ, г. Лоде.

** См. сочинение Кёппена: Составная части населения России в 1838 году. Спб. 1843 г.; и его же: О русских городах, и особенно о их населении. Кёппен – лучший статистик России, он употребил невероятный труд на проверку статистических данных, присылаемых различными местными властями в министерства. Когда он положительно утверждает верность какой-нибудь цифры, я думаю, на него можно положиться.

Духовных	5 555	мужчин
Потомственных дворян	1 003	”
Личных дворян	739	”
Купцов, мещан и разночинцев	10 976	”
Вольных землепашцев	3 090	”
Государственных крестьян	201 273	”
Крестьян-половников	3 299	”
Крестьян при Леденской солеварне	239	”
Удельных крестьян	31 412	”
Крепостных крестьян	92 559	”
Дворовых	2 717	”
		<hr/>
		352 862 мужчин

Женщин нужно считать на 10% больше, так что в круглой цифре население можно считать в 741 000 человек.

Из них в 13 городах считается 40 780 человек, а остальные 700 220 чел. в 11 169 деревнях. Следовательно, в городах живёт $\frac{1}{18}$ всего населения, а собственно городских жителей ещё наполовину меньше. Купцы и мещане составляют $\frac{1}{43}$, дворяне $\frac{1}{213}$, духовенство $\frac{1}{67}$, крестьяне $\frac{56}{59}$ всего населения губернии; из числа крестьян $\frac{2}{7}$ крепостных, остальные $\frac{5}{7}$ лично свободны.

Я помещаю здесь ещё ведомость, полученную мною иным путём; не ручаюсь за достоверность цифр этой ведомости, но всё-таки она может нам дать общий материал для соображений.

Как уже сказано, губерния слишком велика, чтобы в различных её местностях не было большего различия во всех этих отношениях.

Всю Вологодскую губернию можно разделить по климату и зависящему от него развитию земледелия на три главные части, конечно не имеющие резких границ, но всё же в общем представляющие значительные отличия, а именно: 1) южная полоса, состоящая из уездов Грязовецкого,

Название уездов	По межеванию 1782 года						По 7-й ревизии						
	Число городов	Число городов- сских жителей	Число деревень	Пахот- ной земли десятин	Лугов десятин	Лесов десятин	Неу- добной земли десятин	Государствен- ных крестьян	Удельных крестьян	Вольных хлебопашцев	Крепостных крестьян	Общее чис- ло мужских	Общее чис- ло женских
Вологодский	1	14 500	1 798	122 552	39 333	336 637	18 228	7 759	439	213	26 779	35 190	37 600
Грязовецкий	1	1 800	2 443	91 746	27 698	360 112	24 660	36 844	22	395	20 625	57 886	63 100
Кадниковский	1	900	1 228	101 999	44 237	765 462	68 334	5 216	380	112	31 732	37 440	40 403
Вельский	2	1 340	1 178	72 478	37 829	2 383 955	67 202	11 571	11 796	80	8 900	32 374	36 105
Тотемский	1	2 800	1 383	85 652	32 821	1 730 481	163 698	21 159	7 881	—	818	30 010	34 195
Никольский	1	1 000	762	109 825	34 725	2 807 003	100 131	33 607	977	—	—	34 109	37 937
В.-Устюжский	1	8 000	941	76 370	33 617	1 784 331	38 613	29 641	516	—	77	30 234	34 240
Сольвычегодский	2	1 700	1 902	58 347	65 301	3 514 580	61 611	22 062	5 035	—	44	27 189	31 170
Яренский	1	1 000	206	141 915	27 243	5 452 431	58 431	10 479	—	—	—	10 479	12 342
Усть-Сысольский	1	2 000	319	22 826	43 510	13 777 570	90 210	16 563	—	—	—	16 563	18 178
Итого:	12	35 040	12 160	833 710	386 314	32 912 562	691 118	194 901	27 046	800	88 975	311 474	345 270

Вологодского, Кадниковского, южной части Вельского и небольшой части Тотемского; 2) средняя полоса, состоящая из большей части Вельского и Тотемского уездов и из уездов Никольского и Устюжского; 3) северная полоса из Сольвычегодского, Усть-Сысольского и Яренского уездов.

1) Первая полоса занимает около 2 580 000 десятин, или 465 кв. миль. По внешнему виду она походит на соседние губернии, Новгородскую и Ярославскую. В общем, вся эта местность связана водяными путями с Волгой и носит характер средней полосы России. Южная часть ее граничит с Ярославской губернией, а северная – больше с Новгородской. Количественное отношение пахотной, луговой, лесной и неудобной земли ко всей ее площади здесь почти то же, что в уездах Ярославской губернии, лежащих на левом берегу Волги.

В Вологодском и Грязовецком уездах пахотная земля составляет почти $\frac{2}{9}$, луга около $\frac{1}{15}$, леса $\frac{7}{10}$, неудобная земля $\frac{1}{24}$ всей площади; в Кадниковском и южных частях Вельского и Тотемского уездов пахотной земли только $\frac{1}{10}$, лугов $\frac{1}{22}$, лесов же более $\frac{15}{19}$, а неудобной $\frac{1}{14}$ всего пространства земли.

Сравнительно с другими местностями России население в этой полосе ещё довольно густо. Во всей этой части приходится на одну квадратную милю около 700 человек, а порознь в Грязовецком уезде на одну кв. милю 1330 человек, в Вологодском – 802, в Кадниковском – 443 человека. Если считать только пахотную землю и луга, то на каждую милю обработанной земли приходится более 3500 человек, на каждого человека $1\frac{3}{5}$ десятин, в Грязовецком же уезде – едва 1 десятина. Наибольшее число крепостных этой губернии сосредоточено главным образом в этой части ее; они стоят почти в том же отношении к остальному населению, как и в Ярославской губернии, именно число крепостных относится здесь к числу государственных и удельных крестьян как 20:13.

Что касается сельского хозяйства в этой полосе, то, прежде всего, нужно обратить внимание на помещичьи имения. Здесь значительное число дворянских поместий, и притом не оброчных, а барщинных. Многие из помещиков пробовали заменить трёхпольное хозяйство четырёхпольным, именно первый год – удобренный пар, второй – озимый хлеб, третий – яровой, четвёртый – клевер. Но опыты эти были неудачны почти везде, частью по недостатку образования и опытности самих хозяев, частью по неблагоприятным климатическим условиям.

Некоторые помещики завели у себя молочное хозяйство, выписали швейцарцев и устроили сыроварни. Один помещик получает до 20 000 руб. асс. дохода от продажи сыра. Швейцарцы сумели до сих пор сохранить секрет сыроварения.

Сравнительно, земледелие тут в хорошем состоянии; в некоторых хозяйствах озимый хлеб даёт пять, шесть и семь зёрен, а яровой – до пяти зёрен. Что хлеба в этой местности в избытке, видно из того, что в Кадниковском уезде три винокурни выкуривают до 150 000 вёдер из местной ржи; одна винокурня г. Вольскаго работает 75 000 вёдер.

Яровой посев оканчивается к 21 июню, сено косится между 29 июня и 20 июля. В северной лесной части этой полосы находится много лугов в лесах. Крестьяне всё время покоса живут в лесах, что составляет причину частых лесных пожаров. Сено большею частью остаётся на месте в стогах и перевозится уже по санному пути.

Во время сенокоса запахивается также навоз под озимый хлеб и затем паровое поле ещё два раза пашется и боронится. К 8-му августа заканчивается посев. Под яровой хлеб следовало бы поднимать землю с осени, но этого не делается. Так как тут необыкновенно быстро растут сорные травы, то было бы полезнее чаще пахать землю.

Тут сеют озимую рожь (особенно вазу), ячмень, овёс, немного яровой пшеницы, которая хорошо родится, но даёт серую муку; озимая пшеница не родится. Весь хлеб

сушится в овинах; огородничество ведётся очень дурно, разводят капусту, хрен, немного гороху, моркови, свеклы, а картофелю совсем мало.

Из земледельческих орудий здесь в употреблении русская соха, существующая, может быть, со времён Рюрика, правда, простая, но неудобная. В западной части употребляется косуля, как говорят перешедшая сюда из Ростова, — орудие очень практическое, но слишком мало распространённое в России. Она занимает среднее место между сохой и плугом. Бороны деревянные о 30 зубьях, местами в помещичьих имениях попадаются бороны с железными зубьями. Хлеб жнут серпами. В общем земледельческие орудия недурны, а потому и обработка полей порядочная.

Скотоводство незначительно. Рогатый скот несколько крупнее и посильнее ярославского, но не молочнее его. Коровы на длинных ногах, с узкою грудью, узким тазом и плоскими рёбрами: в некоторых местах делали опыты скрещиванья здешней породы с холмогорской. Зимой отправляют в Петербург мороженое мясо и масло; особенно в городе Грязовце большой склад масла. Пуд его продаётся от 15 до 19 руб. асс. — цена относительно высокая.

В Кадниковском уезде в некоторых поместьях есть небольшие конные заводы, но больше для хозяйственных потребностей, чем для продажи. Расширению заводов препятствует недостаток в сухих и хороших лугах. На двух ярмарках, Грязовецкой и Камской, лошади продаются от 200 до 500 руб. асс.

Были опыты разведения тонкорунных овец, именно в имении князя Горчакова. Опыты эти не удались по недостатку надлежащего содержания овец и ухода за ними. Количество обыкновенных местных овец значительно, так как крестьяне носят суконную одежду. Здешние овцы довольно известной романовской породы, но против овец Романовского уезда несколько меньше, шерсть их короче и не так густа.

Из птиц держат только кур; яйца отправляются в Петербург на особенно здесь строящихся судах.

В юго-западной части есть небольшое пчеловодство, но вообще тут мало цветов в лесах и на лугах.

Различные отрасли промышленности тут те же, что и в Ярославской губернии, но только в меньших размерах: ремесла ведутся повсюду тут теми же деревенскими артелями, как и там.

Все жители Сесменской волости (несколько деревень по Сесме) занимаются постройкой судов* и гонят их на продажу в Рыбинск. Суда строят 16 саж. длины и 4 саж. ширины, мелкосидящая, так как только такая суда проходят по каналам. Все жители волости Богтинской – известные плотники. Деревня Прилуки, в 4 верстах от Вологды, вся состоит из печников и каменщиков. Все мужчины и женщины волости Кокошинской, равно как и из многих деревень Ростилдовской, Опохинской и Липовской волостей в Грязовецком уезде, работают пряжу. Лён не разводится в этой местности, а доставляется сюда из Ярославской губернии, где он хорошо растёт на тощей земле, слабо удобряемой и негодной под рожь; большею частью разводится несколько лет подряд на одном поле. Многие, в особенности молодые, работники идут в качестве каменщиков, печников, плотников, сгонщиков судов – в Петербург, Москву, Ярославль, Рыбинск и т. д. и при счастья и способностях делаются подрядчиками, причём односельцы и соседи ссужают их деньгами, необходимыми для выполнения подрядных работ, и отдают им даже свои дома для поручительства или залога (на круг дом принимается в поручительство в 43 руб. сер.).

---

* После реформы в управлении государственными имуществами, постройка судов стала менее прибыльна для государственных крестьян, так как леса охраняются и крестьяне не могут пользоваться ими произвольно и бесплатно. Но крепостным крестьянам и их помещикам постройка судов обходится дешевле, а потому они с большой выгодой могут этим заниматься.

То же самое можно сказать и обо всех лесных промыслах. Давно пора было принять меры против опустошения лесов.

Государственные крестьяне получают теперь паспорта для ухода на заработки в другия губернии от волостнаго головы, и это, конечно, составляет для них облегчение, потому что прежде им выдавались паспорта в уездных городах, от которых инья деревни лежат за 200–300 вёрст.

2) Вторая полоса, состоящая из большей части Вольскаго и Тотемскаго уездов и из уездов Никольскаго и Устюжскаго, занимает почти 8 987 000 десятин, или 1610 кв. миль. Характер этой полосы резко отличается от предыдущей: она вся покрыта лесом и только узкия полосы вдоль рек обработаны и заселены.

Пахотная земля составляет $\frac{1}{30}$, луга $\frac{1}{67}$, а лес и нетронутая земля $\frac{20}{21}$ всей площади.

Всех жителей в этой полосе 169 000 человек, а на квадратную милю приходится 110 человек; обработанной земли считается около 82 кв. миль, а на каждую кв. милю ея приходится 2074 жителей. На человека приходится $2\frac{23}{24}$ десятины пашни и лугов.

Крепостных крестьян во всей этой полосе не более 1200 душ, и все они живут в южной части Никольскаго и Тотемскаго уездов; число их относится к числу всего населения как 1:66.

В этой полосе нет больших помещичьих имений, все хозяйства тут крестьянския. Само собой разумеется, что тут нечего и говорить о серьёзных опытах и рациональных улучшениях земледелия. Однако почва, климат и интересы жителей вызвали некоторыя особенности в хозяйстве, что всегда заслуживает внимания.

Постройка и расположение крестьянских изб не отличается существенно от изб первой полосы. Вместо соломы крыши кроются большей частию драницею, что указывает на изобилие лесов и недостаток в соломе. В старых деревнях избы стоят очень тесно вдоль улиц; в деревнях же, строившихся вновь после последних пожаров, земская

полиция не позволяла ставить дома один подле другого, и они разделены большими промежутками.

Под озимь земля пашется три раза. Яровое поле удобряется и вспахивается с осени. Часть этого поля засеваётся ячменём в начале зимы; весной, по сходе снега, ячмень прорастает (?). Как озимый хлеб, сеется только рожь, пшеницу сеют яровую, и то в небольшом количестве.

Сжигание леса под пашню, вероятно, первоначально было заимствовано от финских племён. Они научили этому хозяйству германцев и славян, теснивших их или селившихся между ними. Все финские народы вывозят из леса только главный ствол дерева, а ветви и корни всегда сжигают.

Самый обжиг производится тут двояким образом. Когда рубят и сжигают крупный лес, то это называется пацеки. Конечно, от такого обжига земля удабривается чрезвычайно сильно золой и делается необыкновенно плодородной. На ней сеется тогда хлеб года два сряду. Урожай бывает огромный – первый год часто в 50 и более зёрен. Через несколько лет молодые отпрыски леса так густо покрывают всю пашню, что сеять больше на ней нельзя. Тогда этот лес оставляют расти от 8–12 лет, затем рубят его, сжигают и засевают льном; конечно, в этот раз золы будет уж не такая масса, как в первый. Этот второй род выжига называется пальвики. Лён сеется один год, и затем земля опять запускается на 8–12 лет под лес и т. д.

Это хозяйство очень сходно с так называемым лядным хозяйством, распространённым в Вейстервальде, Нассау и преимущественно в средней Германии, только последнее ведётся, конечно, правильнее.

Разведение лена очень значительно по берегам рек, особенно Сухоны. Лён сеется только на пальвиках и не вводится в севооборот: на десятину высеивается 8–10 четвериков. Семена получают из Риги или Петербурга, пуд обходится в 3–3½ руб. сер. Каждые 3–4 года меняют семена. Лён полют. Хорошо родившийся и хорошо пригото-

ленный лён стоит от 14–18 руб. асс. за пуд, а лён, идущий в Петербург и Архангельск, продаётся там по 12¹/₂–13 руб., на месте же стоит 9–10 руб. асс.

Естественные луга дурны, разведение обыкновенных кормовых трав, клевера, люцерны, эспарсета и т. д. тут неизвестно; но тем страннее то, что здесь начали сеять тимофееву траву ещё гораздо прежде, чем в Западной Европе. Она называется тут «палашник» и высевается вместе с рожью на пацехах. Смотря по качеству почвы, трава эта даёт укусы в течение 3, 7 и 9 лет кряду.

Стога ставятся не конической формы, а продолговатыми кучами, в виде крыш. Траву косят простой косой с короткой неуклюжей рукояткой (горбуша), что очень неудобно и утомительно. Но по причине неровности почвы тут нельзя употреблять других орудий. Работа идёт медленно и нехорошо.

В особенности распространено в этих местностях разведение хмеля; в некоторых деревнях добывают его по несколько тысяч пудов в год. Хмель употребляется в той же губернии на винокурнях, преимущественно на пивоварнях, которые здесь распространены значительно, в противоположность с остальной Россией. Поздние утренники отымают несколько аромата у цветов хмеля; впрочем, здесь употребляют не только цветы, но и листья, и частью даже стебель, отчего пиво выходит особенно крепко и черезчур наркотично. Хмель разводится в огородах. В огородах сажают ещё только капусту и репу (последняя часто выводится и на полях). Под Устюгом на Двине начали с успехом разводить огурцы: пока ещё случаются ночные морозы, растения покрывают навозом или рогожей. Картофель также начинает распространяться: в 1841 г. помещик Волков засеял им для примера одну десятину, урожай был хорош и вызвал многих подражателей.

Земледельческие орудия тут те же, что и в первой полосе, только у косули вместо ножа два зуба, что приближает её ещё больше к сохе.

Скотоводство вообще слабо вследствие недостатка в пище, особенно в длинные зимы; скот начинает линять только в июне.

Промышленность и здесь носит тот же национальный характер, как и в предыдущей полосе, с тою только разницей, что тут она менее распространена; эти северные жители более склонны к созерцанию и довольствуются меньшим. Некоторые деревни по Сухоне, Югу и Двине занимаются постройкой судов*, это занятие у них до известной степени наследственно. Несколько деревень по близости Устюга заняты столярничаньем, употребляя на свою работу только хвойный лес. Другия состоят из каменщиков, печников, пильщиков. Большие леса обуславливают обширную охоту на медведей, волков, рысей, лисиц и белок; но при постепенном истреблении лесов количество зверей значительно уменьшается.

3) Третья полоса, состоящая из уездов Сольвычегодского, Усть-Сысольского и Яренского, занимает 24 230 455 десятин, или 4363 кв. мили, пространство это почти равняется Англии и Шотландии или Германии, за исключением Австрии и Пруссии.

Вся эта огромная полоса покрыта сплошным лесом, внутри котораго живут некоторые финския охотничьи племена, и только вдоль рек встречаются немногия русския селения.

В Великобритании, почти равной пространством этой части Вологодской губернии, живёт 18 млн. человек, в Гер-

---

* Иностранца очень поражает, когда он видит, что суда, пришедшия с товаром в Петербург, Ригу и проч., разбиваются на дрова, – а между тем это и естественно, и выгодно. Судно ценится по сумме труда, положеннаго на его постройку; самый материал – лес – в тех местах, где строятся суда, почти ничего не стоит. Стоимость работы оплачивается доставкой товаров в Петербург, Ригу и проч. Таким образом, доставивши товар, судно уже себя окупило и затем не представляет никакой ценности; на вторичную путину оно уже не годится. Здесь только оно приобретает ценность с л е с н а г о м а т е р и а л а . Этот лес годен только на дрова, так как для постройки он слишком изрезан. Так повсюду уравниваются отношения.

мании более 15 млн., или от 3500–4000 человек на квадратной мили. Здесь же население состоит из 115 927 человека (1834 г.), следовательно, на квадратную милю приходится 27 человек. Обработанной земли 232 142 десятины, или почти 42 кв. мили; на милю такой земли приходится 2760 человек и на каждого человека по 2 десятины.

Жители этой полосы свободные люди, крепостных нет совсем: почти половину населения составляет замечательное племя зырян.

Зыряне принадлежат к чудскому или финскому племени: их язык, по уверению г. Зонни, родом финна, очень похож на теперешнее финское наречие. Большинство из них говорят также по-русски, и все они принадлежат к русской Церкви, хотя их религиозные представления должны быть очень скудны и сбивчивы. Они в высшей степени честны и добросовестны, но мстительны и притом пьяницы. Когда хозяин и все его домашние уходят из дому, то он ставит метлу поперёк незапертой двери; этого довольно, чтоб никто не осмелился переступить порога его дома*. Если зырянин взойдёт в чужой дом в отсутствии хозяина и найдёт что-нибудь поесть, то он съест, но непременно положит на стол или деньги, или звериную шкуру. Все они неутомимые охотники; с ружьём, топором, ножом и небольшим запасом чёрного хлеба блуждают они целые месяцы по лесам в сопровождении своих умных собак. Собаки эти серые с чёрными ногами, острыми ушами, длинным хвостом и очень похожи на волка. Зыряне повсюду в лесу кладут разные значки на деревьях и носят с собой в кармане небольшой компас; это им служит средством определения местности. Осенняя охота начинается в сентябре, и они возвращаются с нею домой только к Рождеству. Вторая охота начинается после половины января и длится до 25 марта. Добыча складывается на сани 5-аршинной длины, везомая двумя собаками. Зыряне так хорошо стреляют, что бьют белок

* Замечательно, что такой же обычай у вестфальских крестьян.

всегда в нос, чтоб не попортить шкурку. Всё своё оружие они имеют при себе: ременный пояс, за ним топор и нож, через плечо пороховница и толстая свинцовая проволока, от которой они зубами откусывают кусок и заряжают им ружьё. Прежде их очень грабили купцы, покупавшие у них звериные шкурки и продававшие им свинец и порох, но теперь, благодаря новой реформе государственных имуществ и заботливости высших чиновников, положение их несколько улучшилось.

Обыкновенные звериные шкуры недороги, но если кому посчастливится убить соболя, которые теперь попадают редко, то одной такой шкуркой покрываются годовые подати.

В зырянах сильно развита любовь к родине. Многие из них ищут счастья в Петербурге, где их охотно берут за честность и понятливость в торговые приказчики, надсмотрщики, камердинеры и проч., но, пробывши на чужбине даже 10, 15 и 20 лет, они всё-таки под конец своей жизни возвращаются на родину.

Зыряне живут в Сольвычегодском и Усть-Сысольском уездах. Дома их малы, некрасивы, грязны, печи без труб, овины без полов, а часто и без печей для просушки хлеба. Дома русских крестьян, живущих вдоль рек, такие же, как и в других уездах этой губернии.

Земля обрабатывается уже не косулей, а простой сохой, употребительной во всей Белоруссии и Литве вплоть до прусской границы, с тою только разницей, что в здешних сохах левая железка загнута несколько кверху. Борона состоит из связанных еловых ветвей; русские косы тут совершенно неизвестны, вместо них употребляются неудобные горбуши. Телеги попадают очень редко, они заменены дрогами, что, конечно, затрудняет работы.

Поля удобряются не под озимый хлеб, а под яровой, и навоз вывозится осенью или зимой. Ржи и овса сеется мало, а больше ячмень, так как он требует меньшего вре-

мени для созревания, от 10–12 недель. В конце июля рожь должна быть уже засеяна.

Жатвы в этих северных местностях не обильны, но очень равномерны, отчего тут никогда не бывает голода.

Огородничества почти не существует, немного хмеля поблизости домов, репа и хрен в небольшом количестве. В некоторых местах в последнее время делались опыты разведения картофеля, пропагандистами его явились гарнизонные солдаты.

Скотоводство в приречных деревнях обширно, о чем можно уже заключить из перевеса лугового пространства над пахотной землёй. Луга в этой местности относятся к пашне как 7:5, именно луга занимают $24\frac{1}{2}$ кв. миль, а пахотная земля – $17\frac{2}{7}$ кв. миль. Местами попадаетея даже обработка лугов, их орошение. Разведение рогатого скота составляет здесь существеннейшую отрасль промышленности. Скот хороший, но безрогий, даёт много молока, но больше употребляется на откармливанье. Годовалый или двухлетний бык помещается в тёмный маленький хлев, куда ему носят даже воду; откармливают их сеном и только под конец дают немного хлебных зёрен. Большая часть скота продаётся в Устюге некоему Бранту, который бьёт его и солониной отправляет в Архангельск.

Овцеводство незначительно, свиней почти совсем не держат.

Лошадей разводят только для местных потребностей, породы они мелкой, но сильны и горячи, видом походят на знаменитых вяземских и вятских лошадей. Лошади зырян сильны и быстры на бегу.

ГЛАВА X

О половничестве* или о положении поселян, обрабатывающих землю из половины сбора, в Никольском, Устюжском и Сольвычегодском уездах

К моему крайнему удивлению, я нашёл на севере России тот род крестьянского хозяйства, который мне был хорошо известен в южной Европе и который я до сих пор считал неприменимым на севере. Известно, что почти во всей Италии и южной Франции, а прежде и по Рейну от устья его до Кёльна (где, впрочем, теперь это хозяйство заменено арендным), большая часть земли, иногда вся дача деревни, иногда только часть ея, принадлежит городским жителям, дома же составляют частную собственность поселян. Или бывает и так, что городским жителям принадлежат целые дворы со всеми постройками и прирезанными к ним участками земли (мызное хозяйство, а на Рейне половинное хозяйство), такая мыза сдаются обыкновенно поселянам из половины всей жатвы и укоса. В различных местностях встречаются различные оттенки этих условий. Где сдаётся одна только земля, там обыкновенно владелец ея получает половину зерна, но уже не получает никакого корма для скота, или он берёт себе только половину оzyma хлеба, а солону всю предоставляет арендатору. Если сдаётся полная мыза, то все постройки на ней должны быть произведены владельцем, а ремонт их на счёт арендатора; хозяйственный инвентарь, скот и орудия в одних местах принадлежат наёмщику, а в других хозяин предоставля-

* Слово половник происходит от половина и, следовательно, имеет почти то же значение, что и провинциальное выражение в западной Германии Halbbauer, то есть крестьянин, арендующий землю из половины сбора.

ет арендатору свой инвентарь (так называемый железный инвентарь). Владелец обыкновенно даёт от себя семена для посева, равно как берёт на себя и плату поземельных пошлин. Вся солома остаётся всегда арендатору. Смотри по качеству земли и различию в других условиях, участие владельца определяется или половиною озимаго зерна, или половиной всего зерна, или половиной зерна и сена.

По общему правилу подобная аренда земли из части урожая может существовать только в южных странах, и только там плодородная почва, благоприятный климат, лёгкость обработки и быстрота оборота делают возможным такую высокую наёмную плату, как половина валового сбора жатвы. В средней полосе, между Немецким и Балтийским морями и Дунаем, принято сыздавна, что владелец земли получает только $\frac{1}{3}$ сбора. Этого последняго правила придерживается всякое барщинное хозяйство. Владелец отдаёт здесь $\frac{2}{3}$ обработанной земли в пользование крестьян, за что последние должны обработать его $\frac{1}{3}$, совсем убрать с нея хлеб, и весь сбор с этой трети принадлежит уже землевладельцу.

В средней Европе это барщинное хозяйство почти не существует теперь, и оно прекратилось по двум причинам: с одной стороны, с развитием наук рациональные хозяева пришли к убеждению, что при таком порядке невозможны никакия улучшения в хозяйстве, что тут тратится даром много бесполезной работы и т. д.; а с другой, новыя идеи коснулись барщиннаго хозяйства и раскрыли в нём начала далеко не гуманныя. Где барщинный порядок был уничтожен не революционным путём, как во Франции, там он мало-помалу выходил из употребления путём законоположений и теперь заменился почти везде денежной платой.

В России барщинное хозяйство ещё существует, именно в Курляндии: несмотря на уничтожение крепостнаго права, самое господствующее хозяйство там – барщинное. Обыкновенно землевладелец отдаёт здесь внаймы кре-

стьянам $\frac{2}{3}$ земли, и вместо денег крестьяне обязываются на свой счёт и своим трудом обработать ему остальную треть и убрать с нея хлеб.

Во всей России существует тот же принцип, но в северных частях ея суровый климат делает невозможным такую высокую плату за землю, то есть обработку $\frac{1}{3}$ земли землевладельца за $\frac{2}{3}$, которая он отдаёт крестьянам. Здесь часто крестьянам отдаётся $\frac{3}{4}$ всей земли, а владелец получает валовой сбор только с $\frac{1}{4}$. Далее к югу России на необыкновенно плодородном чернозёме плата за землю естественно подымается до половины валового сбора хлеба, что в результате равняется мызному или половинному хозяйству в Италии.

Но я никак не ожидал найти то же хозяйство на далёком севере, между 59 и 64 градусами широты, а между тем оно существует тут и притом очень распространено.

В этой полосе, как и вообще во всей северной России, нет крепостных крестьян. Дворяне, живущие тут, принадлежат большею частию к городскому чиновничеству – словию, живущему тут временно, а не постоянно. В городах, например в Устюге, есть, конечно, несколько дворянских семей, живущих тут с давняго времени, но тем не менее они не владеют крепостными людьми.

Однако многие горожане имеют свои земли, поля и луга и даже деревни, но не могут владеть крепостными людьми, а должны сдавать землю крестьянам на праве полновладения, то есть из половины или другой доли жатвы, следовательно, получают аренду натурою наподобие мызных хозяйств в Италии и южной Франции.

Тут встречаются два различных рода таких хозяйств. Или земли горожан лежат по соседству с какой-нибудь деревней государственных имуществ, иногда луга и поля их лежат между крестьянскими (мы видели и описали выше такой случай), или же они находятся совсем отдельно в одном куске и далеко от государственных деревень.

В первом случае земля сдаётся в аренду крестьянам ближайшей деревни из половины сбора хлеба, причём посевное семя даёт от себя землевладелец и солому предоставляет крестьянам. Я не узнал с достоверностью о разделе сена. В некоторых местах, где было мало лугов, всё сено шло крестьянам; но я слышал, что в местах с обширными лугами владельцы их получали часть сена натурою или деньгами за него.

Во втором случае будет вполне развитое мызное хозяйство. На земле, принадлежащей горожанину, выстроена деревня, и вся дача правильно разделена между жителями. Избы принадлежат или крестьянам-половникам, выстроившим их на свой счёт, или владельцу земли, если он дал лесу на их постройку. Весь домашний и хозяйственный инвентарь принадлежит крестьянам. Вся дача разделена на равные участки (сохи) таким образом, что каждый участок имеет по равной доле в каждом из трёх полей. Такая соха заключает в себе земли на 2 четверти посева в поле, следовательно, примерно состоит из 6 десятин. Каждая семья, смотря по количеству в ней работников и по величине инвентаря, берёт от $\frac{1}{2}$ до 1 и даже 2-х сох. Семя на посев даёт землевладелец и в виде платы за землю получает половину всего сбора (в случае, если земля дурна и мало лугов, то половину сбора семян, без соломы и сена), но в неурожайные года должен помогать крестьянам или содержать их совсем на свой счёт. Контракты заключаются на сроки от 6 до 20 лет. Обе стороны свободны по окончании срока контракта и если сторона, не желающая возобновления его, известила другую за год до его окончания. Форма договора в высшей степени проста. Обе стороны являются в уездный суд и вносят свои условия в заготовленные книги половников: господин N отдал на праве половничества деревню А и принадлежащую к ней землю крестьянам М, М, М на 6, 10 или 20 лет. По окончании срока договора крестьяне берут с собой домашний и хозяйственный инвен-

тарь, продают избу и надворные строения или свозят их, если они принадлежат им. Если же лес на постройку дан землевладельцем, то он выплачивает им за работу и оставляет все строения себе. Если который-нибудь из крестьян-половников уходит один, то прочие крестьяне той же деревни обязаны перевести на новое место жительства всё его имущество и избу, если она ему принадлежит.

Число крестьян-половников простиралось, по последней ревизии в трёх уездах – Устюжском, Сольвычегодском и Никольском, до 3920 мужских душ. О соразмерности и выгоды этих отношений я слышал различные мнения в различных уездах. Мне говорили, что в Устюжском уезде отношения эти в высшей степени выгодны для обеих сторон, и потому условия заключаются там на продолжительные сроки (последнее обстоятельство выгодно во всех экономических отношениях как для обеих заинтересованных сторон, так и для всего общества). Отношения эти крепки признанием взаимных прав. Отсутствие этого условия в отношениях между крестьянами и господами в остальной России есть причина величайшего общественного зла. Землевладелец, как и половник, хорошо знают свои обязанности, и выполнение их составляет обоюдную выгоду; крестьянин всегда находит в землевладельце защиту против произвола и притеснений со стороны, хозяин платит за него казённые повинности и помогает ему в неурожайные годы. Если возникнет недовольство между землевладельцем и крестьянами, они никоим образом не связаны друг с другом неразрывно. Достаточно окончания контрактного срока или обоюдного согласия, и все отношения их прекращены. Но в действительности этого почти никогда не бывает, и те же отношения переходят из поколения в поколение. Крестьянин неохотно покидает место, ставшее его родиной, землевладелец неохотно расстаётся с честными и трудолюбивыми рабочими, тем более что эти отношения

чрезвычайно для него выгодны. С первого взгляда трудно понять, как может крестьянин поддерживать своё существование при такой необыкновенно высокой для северных стран плате за землю. Очевидно, что половины сбора, приходящейся на его долю, едва достаточно для прокормления его семьи и скота. Но климат, условия русского сельского хозяйства и характер русского народа разъясняют это достаточно. От 7–8 месяцев в году крестьяне свободны от земледельческих работ, а русские склонны и способны ко всем ремёслам. Половник смотрит на своё хозяйство как на место жительства, на родину и прочный пункт, дающий ему обеспеченность и возможность для всякой другой деятельности. Четыре месяца земледельческих работ доставляют ему только пропитание, не давая никакого остатка и, собственно, выгоды. Но остальные 8 месяцев он может употребить на удовлетворение остальных домашних потребностей и, прежде всего, на то, чтобы заработать денег. В это время половники занимаются различными промыслами, как и прочие русские крестьяне, спекулируют, торгуют, охотятся и продают меха, пускаются в различные предприятия, извозничают! Вот почему почти все половники живут достаточно, а некоторые и богато. Они значительно богаче государственных крестьян, несмотря на то, что казённые подати и оброк последних гораздо ниже стоимости половины жатвы. И внешние признаки богатства и благосостояния выражены у половников больше, чем у государственных крестьян; им не нужно прятать своего достатка и прикидываться бедными, как это делают государственные крестьяне во избежание прижимок и незаконных требований со стороны чиновников, по крайней мере, так было недавно до последней реформы в управлении государственными имуществами.

Обеспеченность положения оказала влияние на нравственную сторону половников: они основательнее и честнее в работе, вообще нравы их просты и честны. Не было

примера тяжб между ними и землевладельцами, равно и друг с другом.

Говорят, что в Никольском уезде отношения эти менее благоприятны. Многие крестьяне здесь боятся вступать в них, и не потому, чтоб это было им невыгодно, напротив, они признают выгоду этих отношений, но боятся вместе с ними потерять свою свободу. Они думают, что запись их имён при заключении условия может повести к отдаче их в кабалу личную, а, может быть, и наследственную, и боятся перевода их в крепостную зависимость, с условиями которой они знакомы, так как в южной части уезда есть крепостные. Я не мог узнать, послужило ли поводом к этому слуху действительное желание некоторых землевладельцев обратить половников в крепостных, но достоверно, что это пустой слух, потому что отношения половников очень ясно определены законом.

Однако следствием распространившегося слуха было значительное уменьшение количества крестьян-половников в уезде. Прежде их считалось тут более 1000 мужских душ, теперь осталось едва 300. Поэтому землевладельцы вынуждены обрабатывать теперь свою землю наймом или сдавать её в аренду в года.

Так как вследствие этого бывшие крестьяне-половники пожелали перейти в государственные деревни, то министерство нашло нужным облегчить им этот переход. Государственным деревням разрешено принимать их к себе, а в случае нежелания их половники имеют право поселиться среди леса, и тогда государственные крестьяне обязаны им помочь в этом, а именно прорубить просеки и проложить дорогу. Но так как это представляет большие трудности для обеих сторон, то половники поселяются обыкновенно в государственных деревнях и довольствуются небольшим участком земли.

История возникновения и развития отношений на праве половничества ещё очень темна, и я не мог её до-

статочно себе разъяснить. Я мог собрать некоторыя данныя, хотя далеко неполныя. В Устюге я достал от г. Ракова небольшое рукописное историческое исследование, заключающее в себе некоторыя интересныя данныя; в Петербурге, в министерстве государственных имуществ, я нашёл разсуждение об отношениях половников; мне был сообщён ещё французский перевод одной главы из книги Успенскаго «О русских древностях». Но, как уже сказано, полных сведений я собрать не мог, да и мало надежды на возможность их собрания, так как древние документы и данныя о праве половничества сгорели во время огромнаго пожара в Устюге в 1710 г., причём были спасены только весьма немногие из них, и то самые древние.

Успенский в своём сочинении приводит, что право половничества упоминается ещё в документах начала XI столетия. В законах, данных Ярославом Владимировичем новгородцам, упоминаются два рода пользования землёй. Богатые люди, наследовавшие земельную собственность, или владевшие землёй по праву перваго захвата, или получившие её в дар от князей, обрабатывают её вольными людьми из половины жатвы. Они были названы п о л о в н и к а м и . Другие вольные люди, не захотевшие вступить с землевладельцами в такая условия, ушли в леса, часть их сожгли и на выжженных местах начали сеять. Они были названы о г н и щ а н а м и *. Этот последний род обработки земли, естественно, имеет в себе мало постоянства, так как на сожжённом лесе можно сеять две жатвы и затем нужно жечь новый лес.

Мы находим теперь в северной России один подле другаго оба рода обработки земли, русско-славянский и древний чудский.

---

* Слово о г н и щ а н е происходит от огонь. Ещё до сих пор не разъяснено этимологами, означает ли это слово человека, сжигающего лес под посев, или человека, имеющаго собственный дом, свой очаг.

Таким образом, отношения половников составляют остаток древнейшего русского земледелия, когда большинство землевладельцев отдавали свою землю вольным людям из какой-нибудь части всего сбора с земли – как на севере, или из барщины – как в средней и южной России, или из участия только в зерне, или, быть может, даже и прямо за деньги (из оброка*). Прекращение перехода при Борисе Годунове и запись за господами при ревизии во время Петра I **чрезвычайно изменили первоначальные отношения людей** и были причинами развития новых.

Законодатели видели в праве половничества очень благоприятные условия для культуры земли в этих местностях (может быть, в противоположность хозяйству, основанному на сожжении лесов), и поэтому когда князья жаловали земли, то ставили условием обработку их на праве половничества. Грамоты царя Ивана Васильевича 1552 г., спасённые во время устюжского пожара, свидетельствуют об этом совершенно определительно.

Другая, ещё сохранившаяся привилегия, данная царём Алексеем Михайловичем от 8 июня 1652 г., говорит, что каждый, купивший землю или имевший её в залоге в Устюжском уезде, располагает по произволу полями и лугами и имеет право заключать контракты с чернослободскими** (на праве половничества).

Привилегия 31 марта 1699 г. даёт право купцам, торгующим с Архангельском и Сибирью, и всем, состоящим при таможене и винном откупе, не могущим поэтому самим обрабатывать землю, заключать контракты с черносошными крестьянами из половины сбора. Пётр I, проезжая через эти местности в 1690 г., заметил, что по наружному виду деревни половников богаче и лучше, нежели государствен-

---

* Оброк происходит от слова *обрекать*.

** Словом *чёрный* назывался прежде человек из простого народа, крестьянин, а потому *чернослободский* означает крестьянин из слободы. *Черносошник* означает крестьянина-пахаря.

ных. Он назначил комиссию под председательством генерала Лихарева для исследования отношений половников.

Убедившись в целесообразности и спасительности этого учреждения, Пётр I по представлению и просьбе устюжских посадских дал упомянутую привилегию 1699 г. им и всем посадским* той местности и приказал руководствоваться старым правом.

Впоследствии он награждал многих купцов землёй в этой местности, а также и некоторых дворян, потомки которых теперь перешли в купеческое сословие, например, Твезов, Чебышев, Плотников и др. Всем им было предоставлено право эти дарственные земли – продавать, покупать, менять, но под непременною условием отдачи их крестьянам на праве половников.

Основываясь на исследованиях комиссии, указ 25 октября 1723 г. предписывал выработать правильное узаконение для крестьян-половников главным образом с целью аккуратного сбора государственных повинностей в случаях перехода этих крестьян с места на место. Во время бывшей тогда народной переписи ревизорами было предписано изготовить проекты для такого узаконения. И действительно, ревизоры губерний Архангельской и Казанской и Сибири** представили свои проекты Сенату, издавшему узаконение 11 января и 22 февраля 1725 г.; узаконение это утверждало свободный переход крестьян-половников, так как они вольные люди, а не крепостные, но землевладельцы, от которых они уходили и к которым они приходили, должны были давать о том извещение, обязывались к уплате податей и т. п. Удалявшихся тайно никто не имеет права принимать к себе под страхом строгого взыскания и т. д.

---

* Посад значит поселение, следовательно, посадские поселенцы, колонисты.

** Это указывает, что, по крайней мере, в то время эти отношения были известны и существовали также в других губерниях. Я не могу сказать, существуют ли они там и теперь. В министерстве я не мог получить об этом никаких сведений.

Указом 8 марта 1753 г. эти права были ещё раз подтверждены, а при назначенном тогда генеральном обмежевании всей страны земли половников были причислены к частной собственности и государственные повинности были переложены на землю*, и затем межевые планы и книги получили формальное утверждение сначала Сенатом, а впоследствии и царским указом 1789 года.

Вологодский губернатор Коникин в 1788 г. ещё раз собрал все документы и акты и отослал их в Сенат, который опять подтвердил все эти права 27 июня 1800 г. и потом в 1805 году.

Сенатское постановление от 31 марта 1783 г. разрешало государственным крестьянам, вовсе не имеющим земли или не могущим платить оброка за неё, вследствие их заявления и просьбы вступать с землевладельцами в отношения половников.

Наконец, в последнее время министр внутренних дел издал 1 декабря 1827 г. постановление следующего содержания: 1) главным основанием отношения служит обязательство крестьянина-половика отдавать землевладельцу половину всего сбора, но предоставляется решить обоюдным согласием отдачу эту натурою или деньгами; 2) половники имеют свои земледельческие орудия и скот. Земледелец выдаёт лес на постройку и ремонтировку строений, но работа должна падать на половников; 3) как вольные люди половники имеют право уйти по окончании срока контракта и должны только уведомить о том землевладельца за год вперёд; 4) если половники уходят в государственные деревни, то они записываются в государственные крестьяне; 5) при отходе половников постройки их остаются землевладельцу, если последний дал материал для них. Избы, выстроенные без пособия землевладель-

---

* Это заимствовано мною из исторического исследования г. Ракова. Действительно ли это налог на землю? Как государственный налог он нигде не существует в остальной России.

ца, остаются собственностью половников, которые могут в таком случае продать их или перевезти; 6) половники могут законтрактовываться на срок от 6–20 лет. По окончании этого периода контракты могут быть возобновлены; 7) если землевладелец хочет как-нибудь иначе распорядиться своей землёй, то он должен уведомить о том половников за год до истечения срока контракта; 8) в первый год семена для посева выдаёт крестьянам землевладелец; 9) он не имеет права требовать от крестьян-половников никаких услуг и работ, не стоящих в непосредственной связи с обработкой предоставленной им земли; 10) контракт теряет свою силу со смерти крестьянина-половника, вдова его и несовершеннолетние дети не наследуют контракта. Но если они пожелают, то землевладелец должен вносить за них государственные повинности и имеет за то право отпустить их по паспорту на оброк.

ГЛАВА XI

Юрьевец. — Сведения о Костромской губернии. — Кологривский уезд; его хозяйственные отношения. Отношения крестьян. — Судостроение. — Ветлужский уезд. — Дегтярный промысел и участие в нём землевладельцев. — Мочальное производство. — Отъезд из Юрьевца. — Удельная деревня Дьяконская. — Народная школа. — Ремесленное училище. — Сельское хозяйство. — Внешний вид и украшения здешних изб. — Приезд в Нижний Новгород

Юрьевец, подобно всем приволжским городам, расположен очень красиво на высоком горном берегу и, благодаря колокольням и куполам, имеет вид большого города, хотя на самом деле не больше среднего уездного города.

Утром 5 июня мы переехали через широкую Волгу и, как обыкновенно в уездных городах, были помещены к одному купцу. Так как в экипаже нашем случилась поломка, то я имел время привести в порядок все сведения, собранные мною о Костромской губернии утром и в предшествовавший день при проезде некоторых уездов той же губернии, и пополнить эти сведения новыми, полученными от здешних чиновников.

Характер большей части уездов Костромской губернии, в сущности, тот же, что и Ярославской губернии. В общем, всё сказанное мною о последней может быть отнесено и к первой.

Я собрал следующие статистические и другие данные от исправника Кологривского уезда, самого северного в Костромской губернии.

Уезд разделяется на два административные стана:

Коло- грив- ский уезд	мужескаго пола										
	Число сёл	Число деревень	Число дворов во всех дерев- нях и сёлах	Число живущих в уезде дворян	Число ду- ховных	Число купцов	Число мещан	Число госу- дарственных крестьян	Число крепост- ных крестьян	Число вольных хлебопашцев	
1 стан	18	501	5 018	22	271	5	208	3 152	13 187	74	
2 стан	17	301	2 752	21	185	1	10	195	10 628	42	
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	35	802	7 770	43	456	6	218	3 347	23 815	116	

3347 государственных крестьян живут в 5 сёлах и 84 деревнях, 1055 дворами.

23815 крепостных людей живут 6693 дворами в 30 сёлах и 716 деревнях.

Число крепостных в этом уезде очень велико; оно относится к числу всех остальных крестьян в уезде как 7:1.

Как видно из таблицы, в этом уезде почти нет дворян, поэтому почти все крепостные крестьяне состоят на оброке, равняющемся в среднем выводе 20 руб. сер. на тягло; но при таком большом оброке в пользование крестьян предоставлены не только поля и луга, но и лес, не исключая строеваго. Поэтому тут очень распространён лесной промысел, в особенности же постройка судов, которая сплавляются вниз по Унже и Волге до Нижняго Новгорода и там продаются. Тут строятся суда больших размеров: 32 саж. длины и 8—10 саж. ширины. Над постройкой такого судна работают целую зиму 10 семейств. Прежде такое судно продавалось в Нижнем за 1500 руб. асс., но в последние годы цена спала до 800 руб. асс. С того времени прежнее благосостояние здешних крестьян значительно ухудшилось, тем более что в последние годы были дурные урожаи. Земледелие здесь и без того слабо, потому что все

рабочия силы обращены на лесные промыслы, к которым должна быть отнесена выгонка дёгтя. Так как целыя деревни совсем не занимаются земледелием, то хлеб привозится сюда из соседних уездов Вологодской и Вятской губерний. Из 1-го стана Кологривскаго уезда ежегодно уходят большия партии рабочих в отдалённые местности. Эта часть уезда очень населена, она заключает в себе почти $\frac{6}{10}$ всего населения этого стана; между тем земли и леса в ней очень мало, не более $\frac{1}{10}$ всей территории уезда. Больше $\frac{1}{2}$ Солтановской волости, состоящей из 700 государственных крестьян и 900 крепостных, принадлежащих разным владельцам, состоит из портных, шерстобитов и всего больше из ветеринаров; все они каждый год на несколько месяцев уходят отсюда. Большая часть ветеринаров отправляется в отдалённые части Сибири. Из 2-го стана, состоящего из огромных лесов, никто не уходит; только судостроители сплавляют свои леса на продажу в Нижний.

В этом уезде очень много мелкопоместных дворян; самое большое дворянское поместье тут не превышает 700 душ. Многия деревни принадлежат нескольким помещикам, так в одной деревне Михайлово 11 владельцев. Так как земля в таких деревнях не отмежёвана на каждого владельца и не определена в натуре, а просто каждый владелец имеет участие в этой земле, частью приходящейся на его долю, например $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{11}$ и т. д., то между крестьянами часто возникают споры, которые, естественно, не могут быть разрешаемы владельцами, заинтересованными в них (конечно, споры в деревне, принадлежащей одному владельцу, разрешаются им самим). Споры эти разрешаются земскою полицией (исправником), суду которой подлежат также и другия личныя ссоры и взыскания до 20 руб. асс. с тех же крестьян.

Я заметил и сам потребность крестьян к образованию, и исправник подтвердил мне это, сообщив, что достаточные крестьяне отдают своих детей, большей частью на зиму,

священникам и дьячкам для обучения чтению, письму и счетоводству и платят за зиму от 10 до 20 руб. асс.

Характер всех отношений Ветлужского уезда приближается к характеру Вятской губернии. Вышеупомянутый помещик Петерсон, у которого мы пробыли часа два, дал нам интересные сведения о двух важнейших отраслях лесной промышленности, процветающих в этом уезде: о выгонке дёгтя и о мочальном промысле.

Мы узнали следующее о гонке дёгтя. Так как в этом уезде живёт мало помещиков, то большая часть крепостных состоит на оброке, и им предоставлена в пользование вся помещичья земля вместе с лесами. Однако крестьяне г. Петерсона были на барщине; но не многие из них были заняты сельскохозяйственными работами на небольшом клочке господской земли, большая же часть выполняла свою барщину на гонке дёгтя. Некоторым своим крестьянам он дал разрешение гнать дёготь в его обширных лесах из половины выработанного ими дёгтя; при этом он дозволяет им работать совершенно свободно во всём лесу.

Существует несколько различных способов изготовления дёгтя.

1) **П а р о в о й д ё г о т ь.** Лес сжигается в особо устроенных печах, и по охлаждении дыма в осадке получается дёготь. Это самый выгодный способ. Он даёт из кубической сажени бересты 40 пуд. дёгтя, и притом этот дёготь самый лучший и дорогой, он продаётся по 1 руб. сер. за пуд. Но этот способ ещё встречается редко, потому что устройство печей стоит довольно денег.

2) **Я м н ы й д ё г о т ь.** Этот способ выгонки самый обыкновенный, потому что крестьянин может повсюду употреблять его без особых предварительных приготовлений. Дёготь этот гонят зимой. Береста облупливается с берёзы, а самая берёза и ветви сжигаются летом под посев, земля под сожжённым таким образом лесом распахивается два года, давая часто урожаи в сам-двадцать. Дёготь гонится в земля-

ных ямах. При этом из кубической сажени бересты выходит до 35 пуд. дёгтя, и он ценится по 85 коп. сер. за пуд. Этот способ самый распространённый и описан уже выше.

3) Горшечный дёготь. Об этом способе у меня недостаточно сведений. При нём выходит из кубической сажени бересты 30 пуд. скверного дёгтя, ценою по 55–60 коп. сер.

4) Ножевой дёготь. Этот способ обыкновенно употребляется в Сибири. От 10 до 18 саж. бересты сваливается в одну кучу на плотной сухой земле, куча укрывается землёй и зажигается. Дёготь сбегает по желобкам, сделанным в земле и ведущим к ямам. Этот дёготь самый хороший, но его выходит всего до 6 пуд. из кубической сажени бересты.

О мочальном промысле мы собрали следующие данные. Известно, что из липоваго лыка приготавливаются повсюду распространённые рогожи, из которых делают кули, смотря по большей или меньшей их тонине, для хлебных зёрен и муки, равно как и рогожи для парусов, для покрышки товаров и т. д. Кроме того, из мочала приготавливают также канаты и различных родов верёвки.

Липа не растёт в Западной Европе в лесах. Она почти только служит украшением садов, церковных домов и кладбищ. Впервые она является в лесах на правом берегу Вислы, сначала отдельными деревьями, как, например, в Пруссии, и затем уже в Литве образуют целые леса: собственно, в России она опять появляется реже, но далее к Уралу, начиная с Костромской губернии, в Вятской, Пермской etc., растут огромные липовые леса.

Повсюду липовые леса лежат на чернозёме; на песчаном грунте липа здесь вовсе не растёт. Липа размножается посредством самообсеменения и ещё больше – корневыми отпрысками, причём часто от одного корня идут до десяти побегов. Так как 15-летнее дерево годно уже на рогожи, в этом возрасте даёт даже лучшее лыко и потому срубается, то липовые леса представляют неистощимый источник богатств для этих местностей.

Наружная кора очень слабо связана с деревом весной, во время весеннего восхождения соков. Если во второй половине мая или в начале июня сделать разрез верхней твёрдой коры сверху вниз, то восходящий сок отделит её от дерева, и в начале июля кора сама отскакивает. Если же сделать разрез позднее, то кора не отскочит: она плотнее срастается с лежащим над нею лыком, и отделение её много труднее.

Поэтому в начале мая народ отправляется в леса, строит себе там хижины и принимается за работу. На деревьях, толщиной в 4 и более дюйма, разрезают кору вдоль дерева до самого верха, затем срубают дерево, снимают отделившуюся кору, а с дерева сдирают луб. Луб с главного ствола лучше, а с ветвей хуже; последний называется мочалом. Луб и мочало как можно скорее по снятии их с дерева кладут в проточную воду, а где её нет, в яму, наполненную водой, и тяжестями придавливают их так, чтобы они были покрыты водой; тут от них отстаёт пропитывающая их клейковатая масса, остатки наружной коры и проч. В октябре вынимается из воды, вешается на жерди и сушится и по первому санному пути привозится домой. Из мочалы делают рогожи и кули. Рогожи по тонине, плотности и величине делятся на 1) циновки $3\frac{1}{2}$ арш. длины, 2 арш. ширины и 6–10 фунт. весом, 2) парусовки (на шитьё парусов) 4 арш. длины, 2 арш. ширины и 6 фунт. весом, 3) парные, $3\frac{1}{2}$ арш. длины, $1\frac{3}{4}$ арш. ширины, 8 фунт. весом, 4) таевки, или покрышечные рогожи, 3 арш. длиной, $1\frac{3}{4}$ арш. ширины, и 5–6 фунт. весом 5) карточные, $2\frac{1}{2}$ арш. длины и ширины, 5 фунт. весом.

Кули бывают а) мучные, $1\frac{3}{4}$ арш. длины, $3\frac{1}{4}$ ширины и 15–18 фунт. весом, б) солевые, той же величины, по 8–10 фунт. весом, и в) овсяные, $3\frac{1}{2}$ арш. длины, $1\frac{3}{4}$ арш. ширины и 5–8 фунт. весом.

Мочальные произведения скапливаются для продажи в определённых местах различных губерний: в Царё-

вококшайске, Козьмодемьянске и Чебоксарах Казанской губернии, в нескольких местах Уржумского уезда Вятской губерний. Оттуда они идут уже во внутрь страны и к морским гаваням для отправки за границу.

Рогожа-парусовка изготовляется всего больше в восточных уездах Костромской губернии. Таких рогож выделяется от 500 000 до 800 000 и даже до миллиона штук. Цена на них в течение десятилетия от 1824—1835 гг. колебалась от 4 до 9 руб. сер. за сотню.

Крестьяне Ветлужского уезда продавали свои рогожи и дёготь исключительно в Устюг одной торговой компании, продававшей в свою очередь весь этот товар богатому торговому дому Брандта в Архангельске, который уже и отправлял их за границу. Устюжская компания стала злоупотреблять своим положением и так сбила цены на парусовку, что крестьянам почти ничего или совсем ничего не оставалось за работу. Некто г. Васильевский, закупавший рогожи для Устюжской компании, поссорился с ней, разъяснил всё дело г. Брандту и передал ему, что тысяча рогож, за которую он платил устюжской компании по 36 руб. сер., обходилась последней в 14 руб. сер. С этого времени г. Брандт стал закупать рогожу непосредственно через своих агентов. Тогда устюжская компания разстроилась, каждый стал торговать сам от себя, и, благодаря новой конкуренции, цена возросла на благо крестьян до 38 руб. сер. за тысячу.

Рано 6 июня мы выехали из Юрьевца. Дорога к Нижнему Новгороду идёт правым берегом Волги и обсажена с обеих сторон двойным рядом берёз.

Около 8 часов мы прибыли на станцию Дьяконскую, маленькое удельное село с 9 дворами. Село это с частью соседних деревень составляет удельную волость, волостной голова живёт в этом селе. Он, повсюду сопровождая нас, показывал нам все их учреждения. Сперва мы посети-

ли школу, в которой преподавал сельский поп. Крестьянские дети читали очень бойко и большею частью красиво писали. Они хорошо сделали некоторые лёгкие выкладки на счётах, которые я им задавал. Кроме того, они обучались закону Божию в связи с библейской историей. В этой школе дети учились ежедневно по три часа, а поп получал за это 500 руб. асс. из удельного министерства. Потом мы осмотрели учреждённое тем же министерством ремесленное училище. Здесь обучаются от 12–18 мальчиков, выбранные из лучших семей местного удельного округа, разным ремёслам по их собственному выбору: столярному, кузнечному, кожевенному, шапочному и деланию валеных сапог; 3 года их содержат тут даром, а потом два года платят им сверх содержания жалование до 15 руб. сер. в год. Мы видели очень хорошо сделанную мебель, разные железные изделия, шапочную лавку, продажа этих товаров идёт на пополнение училищной кассы, но на содержание училища отпускается помимо этого довольно значительная сумма.

Затем мы осмотрели две церкви, одну деревянную древнерусского стиля, выстроенную в 1717 г. и служащую теперь летнею церковью, и другую зимнюю большую в современном стиле, выстроенную в 1797 г. всем приходом, состоящим из 65 деревень. При церквях три священника, два дьякона и шесть дьячков и пономарей; духовенству отведено 38 десятин земли. Священники обрабатывают своё поле наймом, и каждый из них платит за годовую обработку 30 р. асс. Летним подёнщикам они платят по 30 коп. сер.

Это маленькое село состоит из 9 дворов и стольких же семей, с 24 мужскими душами, или всех жителей до 50 человек. Всей земли при селе 59 дес. пашни, 11 дес. сенокосу и 2 дес. выгону. Хозяйство у них трёхпольное, леса нет совсем, так что жители должны покупать даже дрова, кубическая сажень которых стоит 1 руб. сер. Здесь разводят рожь, яровую пшеницу, ячмень, овёс, лён, картофель,

капусту, горох. Рожь даёт около $3\frac{1}{2}$ зёрен, яровой хлеб – $4\frac{1}{2}$ зёрен. При каждом доме есть небольшой огород, не вступающий в передел общинной земли, которая переделывается тут после каждой ревизии; в случае же значительной прибыли или убыли числа душ и раньше. Они это дело улаживают промежду себя; а если бы вышло несогласие, чего, впрочем, не бывало ещё на людской памяти, то спор перешёл бы на решение головы.

При селе находится общественный магазин, в который каждый хозяин должен вносить определённое небольшое количество зерна. Кроме того, $\frac{1}{19}$ часть поля не поступает в раздел и обрабатывается всеми членами общины безденежно под наблюдением старосты, семена на отсев этой земли выдаются из магазина. Каждый хозяин должен вывести на эту землю по 7 возов навозу, каждый воз в 15 пудов.

Стадо всего села состоит из 8 лошадей, 17 голов рогатого скота и 36 овец. Из птиц я видел только кур.

Часть жителей ходит бурлачить на Волгу, для чего берёт паспорта с платою 15 коп. сер. в месяц.

Мы видели на избах всех деревень, через которые проезжали, очень красивые резные украшения; особенно изящны были фронтоны украшения на второй станции от Юрьевца, Лукурках. Несмотря, однако, на эти украшения, самые избы тут далеко не так велики и просторны, как в северной части Вологодской губернии, и жильё не помещается так высоко, на $1\frac{1}{2}$ саж. от земли, как в Устюжском уезде.

Поздно вечером, уже в темноте, переехали мы Оку в Нижнем Новгороде и поместились в довольно порядочной гостинице на верхнем базаре.

ГЛАВА XII

Нижний Новгород. — Губернатор. — Дворец. — Гулянье, народные увеселенья, народные песни. — Русская народная одежда в противоположность немецкой. — Изобилие жемчугов. — Провинциальный театр. — Суеверие. Поездка в Арзамас. — Посещение женского монастыря. — Дисциплина в нём, возникновение и история монастыря, монастырския правила, отличия от других русских монастырей, указанные для внутренней реформы монастырского устройства. — Школа живописи в Арзамасе. — Фабрики. — Деревня Висена, сапожная ассоциация в ней, деревенския порядки и распределение податей. — Гусиные бои. — Возвращение в Нижний. — Осмотр тюрьмы. — Благодеяния преступникам. — Бурлаки

Утро 7-го июня прошло в визитах. Я познакомился с полицеймейстером города, графом Стенбоком, который сам во всё время моего пребывания в этом замечательном городе показывал мне всё, интересное и достойное осмотра. Затем мы сделали визит губернатору Бутурлину и обедали у него. Он долгое время состоял адъютантом при императоре Александре и сопровождал его в походах в Германию и Францию. Это был человек умный, хорошо образованный, мягкий, честный, с изящными манерами. Потомок древней фамилии, члены которой часто играли роль в истории России, он сохранил ещё некоторые оттенки древняго боярства.

В старых больших русских городах, древних княжеских резиденциях, непременно есть кремль — укреплённый замок на горе; такие кремли в Новгороде, Владимире, Казани. Такое же укрепление, обнесённое высокой каменной

стеной, находится и в Нижнем Новгороде на горе, у подошвы которой Ока впадает в Волгу. В кремле помещается новый царский дворец, из окон которого роскошный вид на обе реки, на город и несколько деревень, лежащих вдоль рек. Эта красивая картина окаймляется бесконечными лесами на горизонте. Таков характер всех русских видов; на первом плане красивые, часто живописные, даже идиллические картины, задний же план всегда безпределен, ровен, пустынен; культура здесь размещена оазисами.

После обеда я поехал с графом Стенбоком на гулянье. Оно занимает большую поляну, без деревца и кустарника, к юго-западу от города на берегу Оки, возвышающемся на 200 футов. При хорошей погоде здесь собирается раз в неделю народ после обеда и веселится тут до вечера. Гулянье это представляло красивую картину и как будто нарочно было придумано для изучения одежды, характера, нравов и обычаев народа.

Рядами стояли палатки с разными лакомствами и напитками. В разных местах пеклись русские пироги на огнях, разложенных в небольших ямах. Эти и другия снадобья разносили по всему гулянью молодые парни на лотках на голове. Повсюду стояли или лежали люди тесными и неподвижными группами, но всегда мужчины и женщины порознь. Каждая группа как бы представляла собою замкнутую общину в силу основнаго принципа русскаго народнаго характера, как бы органическую ассоциацию, и тут всегда выбирающую из себя предводителя, голову, старосту или хозяина. Только смазливия горничныя да люди средних и высших классов, пришедшие сюда из любопытства и не принимающие участия в празднике, снуют из стороны в сторону, гуляя. Простой русский человек никогда не гуляет. Многия мужския группы пели песни, в женских я никогда не слышал песен. Запевало затягивал один, монотонно, жалобно, хор отвечал ему или повторял последния слова. В одном месте стоял круг солдат, посред-

дине запевало с тамбурином; голоса были хорошо подобраны, песни пелись хором, правильно и выполнялись с большой отчётливостью. Комические песни сопровождаются целыми представлениями. Запевало заговаривает в своей песне с окружающими; кто отвечает ему, кто возражает, он корчит гримасы, скачет, жестикулирует очень оживлённо и с большим мимическим искусством. Я замечал то же самое только у итальянцев, но если итальянский фигляр бывает часто неподражаем в некоторых родах отдельно, то редко выходит у них ловко выполненное представление из нескольких лиц.

Толкаясь по гулянью и осматривая группы и встречных, я обратил внимание на народную одежду. Замечательно, как мало в этом отношении разнообразия в России. Мужская одежда, с небольшими различиями в шапках, у всех великороссов одинакова; но и женская одежда, во всяком случае более разнообразная, состоит из одинаковых частей и носит один и тот же характер во всей Великороссии. В Германии каждая местность, часто несколько деревень, имеют особую одежду (или скорее имели её, но она исчезает под влиянием новейшей цивилизации). Существует более двенадцати главных различий по древним племенам – фризов, низовых и горных вестфальцев, нижнесаксонцев, гессен-тюрингенцев, франков, швабов, баварцев, альпийского племени и др. Но и в этих областях народная одежда далеко не одинакова, она сохраняет общий характер, но допускает и безконечное разнообразие в форме, цвете и украшениях. Таким образом, в Германии насчитывают несколько сот различных народных костюмов. Во всей Великороссии, несмотря на то, что она в шесть раз больше Германии, народ носит один и тот же костюм, может быть, с несколькими дюжинами незначительных отличий. Но в Германии вместе с тем такое множество различных наречий, что жители отдалённых мест, например жители Боденского озера, восточные фризы и голландцы, не понимают

друг друга; тогда как во всей России о д и н язык, и притом один и тот же для образованного класса и простаго народа, мало того даже почти одно и то же наречие с совершенно ничтожными различиями в отдельных словах и ударениях. Таким образом, во всех отношениях Велikorоссия представляет собой самый однородный народ в Европе. Поэтому в России слабо развита провинциальная и индивидуальная жизнь, мало разнообразия и свежей поэзии в жизни, зато все условия, выгодныя для образования сильной и энергической политической власти.

Какая масса жемчугов и драгоценных камней скопилась и всё продолжает скапливаться в России! У всех женщин, которых я тут видел, даже у самых бедных рыбачек, было на шее, по крайней мере, 3–4 нитки настоящего жемчугу; у более достаточных бывает по 10–12 ниток и даже головные уборы, вышитые жемчугом наподобие диадемы. На здешния купеческия свадьбы купчихи приезжают совершенно унизанныя жемчугом и драгоценными камнями: костюм, стоящий 100 000 руб. асс., считается у них нипочём.

Я услышал, что в городе есть театр и что вечером в нём будет дана пьеса из русской народной жизни. Мне было любопытно познакомиться с театральными представлениями внутри России, и я поехал в театр с графом Стенбоком. Самое здание, его устройство, ложи, партер и т. д. обыкновенны, но приличны и хороши. Давалась русская опера «Аскольдова могила», соч. Верстовскаго. Насколько я мог понять, содержание оперы довольно запутанно. Замышляется революция против великаго князя с целью возвести на его престол удельнаго ярославскаго князя, который, однако, отклоняет от себя всякое участие в заговоре, потому что влюблён в дочь беднаго рыбака и совершенно счастлив этой любовью. Но возлюбленную его похищает и увозит какой-то боярин. Любимый княжеский прислужник выслеживает, где спрятана девушка, и при-

думывает план его освобождения. Он переодевается в костюм странствующего песенника и собирает всю деревню перед замком боярина. Он поёт самые лучшие народные песни и сказки и, между прочим, выпевает им интересную историю одного похищения, вызывающую в высшей степени внимание слушателей. Во время этого пения стража, охраняющая боярский дом и похищенную девушку, понемногу приближается к кучке людей, окруживших певца, и до такой степени заслушивается его, что князь успевает освободить свою возлюбленную и скрыться с ней. Боярин приходит в ярость и отправляется к ведьме узнать от нея, где девушка. Следует сцена заклинаний ведьмы. Пьеса оканчивается, как и следует, общим благополучием.

Многие места музыки заимствованы, особенно из Фрейшюца, Сомнамбулы и др., но все песни написаны на русские мотивы и притом очень хорошо. Актёры играли недурно, некоторые, в том числе и песенник, хорошо. Девушка пела отлично, тенор и бас очень хороши. Мимика и жестикация песенника (дурака, шута, во все вмешивающейся комической личности) вполне народны, и, конечно, это было самое интересное во всей пьесе, так как с о в е р ш е н н о т а к о г о ж е т и п а, конечно, нет у других народов и в их театрах, потому что у каждого народа свои особенные комические характеры.

Мне сделалось как-то странно, неловко, когда я, сидя в театре, услышал, что все эти актёры, певицы, певцы – к р е п о с т н ы е!

Примадонна, очень любимая публикой певица, которой бесконечно аплодировали, – крепостная, дочь рыбака. Актёры, представляющие царей, князей, героев и т. д. и потому неизбежно имеющие известное литературное образование, – также крепостные! Каким бесконечно противоположными чувства должны они испытывать! С этого свободнейшего из всех искусств они несут оброк своим помещикам, как самые обыкновенные ремесленники. Впро-

чем, даже публичные женщины в Петербурге и Москве, к позору своих помещиков, платят им оброк!

Уже давно один богатый помещик выстроил у себя в деревне театр, обучил своих крепостных игре и музыке, так что мог разыгрывать на нём целыя драматическия представления и оперы. Впоследствии он переехал в Нижний и выстроил тут театр, в который приглашал только друзей и знакомых. Мало-помалу он разорился от мотовства, стал брать входныя деньги и, наконец, сделался простым директором своей крепостной труппы. Мы видели почти такой же пример на графе Гане. После его смерти другой занял его место, и мне говорили, что теперь во главе этого предприятия стоит также разорившийся помещик.

Несмотря на то, что для провинциальнаго театра играли вообще очень хорошо и что давалась любимая опера, театр был почти пуст; кроме нас, занявших 8 мест, в ложах и партере было человек 20, да в задних рядах человек 10. Публики всегда так же мало, видно любовь к театру ещё не проникла в русский народ. Предприниматель совсем не мог бы существовать, если бы не выручал от 24 до 30 тыс. руб. сер. во время ярмарки, в течение одного месяца. В ярмарку театр ежедневно полон. Тогда играют в особом большом театре на ярмарочной площади, так как городской театр слишком мал и притом очень отдалён.

Что, собственно, русский народ не принимает участия в этом развлечении, видно, между прочим, из огромных цен на места, едва только уступающих ценам лондонских театров. Плата за отдельное место:

в ложе	3 руб. 50 коп. сер.
в партере	1 " " "
" ложе бенуара	" 60 " "
" " 2-го ряда	" 40 " "
" амфитеатре	" 25 " "
" раю	" 15 " "

В остальное время года спектакли идут только ради упражнения актёров, они едва окупают освещение и музыку.

На следующее утро я сделал несколько визитов. В доме одного немца, котораго я посетил, незадолго перед тем случилось небольшое воровство. Мне рассказывали, как в таких случаях разыскивают вора и как он был найден в данном случае. Послали горничную за одной древней старухой, слывущей за колдунью. Когда её привели, то собрали в одну комнату всю прислугу и объявили ей, что если украл кто-нибудь из них, то пусть лучше признается, и тогда он отделается небольшим наказанием; в случае же заперательства старуха узнает виновного. Ещё старуха не приступила к своему колдовству, как укравший повинился сам и просил прощения. Колдовство старухи состоит в следующем: она делает столько шариков из хлеба, сколько людей подлежит ей испытанию, ставит перед собой сосуд с водой, а людей всех размещает полукругом. Затем она берёт один шарик, пристально смотрит на первого человека и говорит ему: «Иван Иванов, если ты виновен, то шарик этот так же упадёт на дно, как душа твоя провалится в преисподнюю». Шарик невинного должен плавать, а виновного тонуть. Ни один простой русский человек никогда не допустит до того, чтобы шарик его бросили в воду. А потому до сих пор не испытана верность этого колдовства! Шутки в сторону, я думаю, что это средство чрезвычайно практично, по крайней мере, оно психологически верно.

Я решил съездить из Нижняго во внутрь губернии, именно в город Арзамас. Губернатор был так любезен, что дал мне в проводники и переводчики своего адъютанта, умнаго и образованнаго человека, отлично знавшаго по-немецки. Мы выехали 8 июня под вечер и на следующее утро были в Арзамасе, за 110 вёрст от Нижняго; в Арзамасе нас гостеприимно принял в своём доме тамошний полицеймейстер, родом грузин, но женатый на немке из Лифляндии и потому бегло говоривший по-немецки.

Арзамас довольно значительный уездный город. Я получил от моего хозяина следующие статистические данные о нём: в городе считается жителей мужского пола 4390 и женского 4602, а всего 8990 человек; 79 каменных и 1399 деревянных домов; 34 церкви и 2 часовни. Следовательно, приходится одна церковь на 265 человек и на каждые 44 дома. Кроме того, тут 2 мужских монастыря, один с 80, другой с 30 монахами, и два женских с 500 и 150 монахинями. Если приложить к числу монашествующих число светских духовных с их семьями, то всего духовенства будет от 1400–1500 человек, или седьмая часть всего населения города. Какой католический город Италии или Испании, даже в прежнее время, можно в этом отношении сравнить с Арзамасом! Городской земли 4362 десятины, большею частью леса и выгоны, и 262 десятины сенокосу, дающего около 3000 пуд. сена. В городе 34 фабрики, из них 19 больших кожевенных. Тут вырабатывается хорошая юфта.

Наконец, я отправился с моим хозяином в лежащий под городом женский Алексеевский монастырь, пользующийся большой славой и в устройстве которого есть некоторые отличия от остальных русских монастырей.

Мы шли вдоль высокой каменной стены и достигли больших ворот, ведущих на монастырский двор. Весь монастырь так разбросан, что имеет вид городка. Длина окружной стены 300 саж., а внутри ея 56 каменных и 25 деревянных зданий, между ними 3 церкви, одна летняя, одна зимняя и одна при больнице; больница, магазины, всевозможные скотные дворы, амбары, хлебопекарня, пивоварня, прачешная, мельница и пр.

Нас встретила в воротах монастыря настоятельница, женщина 72 лет, но красивая и достойная. Она дочь сержанта гвардии и около 70 лет уже в этом монастыре. Прежняя настоятельница, также дочь сержанта, взяла её к себе двухлетнюю девочкой-сиротою, воспитала её тут, и с того времени последняя ни разу не покидала монастыря.

Так как она не знала ни по-немецки, ни по-французски, то к нам скоро присоединилась вторая настоятельница, г. Пакудина, тётка одного дворянина, с которым я познакомился в Нижнем, приличная женщина, бегло говорившая по-французски.

Мы проходили мимо церкви длинными, тёмными и не совсем чистыми коридорами, где нам предложили в виде приветствия хлеба и квасу. Мы осмотрели церковь. Летняя, холодная церковь построена в обыкновенном русском стиле, зимняя же, тёплая, находится в трёхэтажном здании. В нижнем этаже магазины и пекарня, в которой старья и слабые женщины пекут хлеб (работа лёгкая, и потому они могут её исполнять), но общия и большие пекарни находятся особо; во втором этаже устроены разные хозяйственные помещения, большая кухня для части сестёр (так как всех сестёр более 500, то, естественно, одной кухни для них недостаточно); наконец, в третьем этаже — отапливаемая церковь или, скорее, большая зала для молитвы, так как она не имеет обыкновенной высоты церкви. Хотя церкви строены каменщиками и плотниками, но все работы по внутреннему устройству их, алтари, резьба, позолота, писание образов и т. д. исполнены сообща самими монахинями. Всё носит на себе характер величайшей заботливости, чистоты и благопристойности. Все новыя золочения исполняются одной англичанкой, мисс Варвар, бывшей прежде в гувернантках, затем перешедшей в православную веру и поступившей в монастырь. Мне указывали на неё и ещё на одну немку, которая, впрочем, не хотела ответить на мой вопрос, предложенный ей на немецком языке. По правилам монастыря, в нём не допускается разговор на другом языке, кроме русского, только вторая настоятельница сделала исключение мне, иностранцу, решившись говорить со мной по-французски.

В 11 часов мы взошли в трапезу, как раз в то время, когда большая часть сестёр хотела садиться к обеду. Образ

жизни тут строгий, монашенки никогда не едят мяса, стол их состоит из хлеба, овощей и мучной пищи на постном масле, по средам и пятницам один раз в сутки, в остальные дни два раза; по праздникам и воскресеньям разрешается рыба.

Оне встают в 3¹/₂ часа, от 4–6 молятся в церкви, затем отправляются на работу, от 8–10 часов вечера опять на молитве в церкви.

Эти монашенки чрезвычайно трудолюбивы. Так как в монастырь поступают девушки, вдовы и замужняя женщины (жены мужей, пропавших без вести или ушедших на войну; в случае возвращения мужей жены их обыкновенно выходят из монастыря) всех сословий и различного образования, с различными способностями и знаниями, то настоятельница, сообразуясь с этими данными, группирует их в небольшие артели по 5–10 человек, которые поступают под начало одной старшей, назначаемой настоятельницей, и живут вместе в одной келье*. Старшая монахиня следит за нравственностью, поведением, прилежанием, порядком и чистотой; распределяет работы и занятия между ними, останавливает и запрещает бесполезные разговоры и всякие споры. Без ее позволения монашенки не смеют оставить келью.

Каждая артель имеет своё определённое занятие. Эти занятия и работы распадаются на 3 главные категории: изящные работы, фабричные и ремесленные работы и занятия по хозяйству. Часть артелей занимается иконописью, резьбой, позолотой, вышиваньем тканей золотом и серебром, частью для церкви, частью для собственного употребления, а всего больше на продажу. Эти золотые и серебряные вышиванья известны во всей России, и монастырь получает заказы из Константинополя, Иерусалима, даже из Кяхты, так как китайцы очень любят эти шитые

---

* И тут выступает русский народный характер, везде и всегда образующий и организующий общину, артель под началом старшего, и даже в женском монастыре.

ткани. Монастырь получает от этих работ до 10 000 руб. сер. годового дохода. Вторая категория артелей ткёт чёрное сукно, полотна, большей частью для собственной потребности, причём другия артели шьют из них платья, рубашки и проч. Одне прядут, другия вышивают, третьи приготавливают и выделывают кизи, шьют башмаки и т. д. Все эти фабричныя и ремесленныя произведения точно так же идут на продажу. Третья категория артелей занимается хозяйственными работами, садоводством, уходом за скотом, работами на кухне и погребе, молотьём муки, печеньем хлеба и пивоварением. Во время работ, требующих спокойнаго сиденья на месте, в каждой артели одна из послушниц читает собрание проповедей, жития святых и другия назидательныя книги.

Тут не делается никакого различия по происхождению и состоянию. Вступая в монастырь, послушница должна предъявить настоятельнице своё метрическое свидетельство и другия бумаги, необходимое разрешение от своих, общины, господина и т. п. Однако содержание этих бумаг известно только настоятельнице, а для всех остальных оно держится в секрете; послушница получает новое имя, и ея прошедшее не существует более.

Для каждой послушницы назначается период испытания, по крайней мере, в месяц, но часто больше, в полгода, год, смотря по обстоятельствам. Ещё не было случая, чтоб незамужняя монахиня, пробывши в монастыре год, вернулась в свет. (Конечно, случалось не раз, что жены пропавших без вести мужей уходили из монастыря, когда мужья возвращались домой и требовали их к себе.) К этому нужно прибавить, что ни одна из них не связана никаким обязательством, препятствующим возвращению ея к светской жизни.

Во всё время испытания послушница может ко всему присматриваться, знакомиться со всеми условиями жизни, испытывать себя сама и быть испытываемой другими.

По окончании этого срока послушница получает аттестат от настоятельницы, является к архиерею, который окончательно утверждает её в звании монахини. Платья разрешается носить только полотняные и шерстяные и отнюдь не шёлковые. Виновная в нарушении правил монастыря и ослушании подвергается в первый раз увещанию, а если оно не подействует, то прямо увольняется.

Костюм состоит из длинного чёрного платья, подпоясанного под грудью. Девушки носят на голове высокие острые шапки, у женщин чёрный узкий чепец вроде повязки платком.

Мне рассказывали об одной монашенке, находящейся в состоянии, подобном сомнамбулизму. Она начинает беспокоиться каждый раз, как посторонний входит в монастырь. Если она при этом запоёт, то это верный знак, что этот посторонний скоро умрёт; если же не поёт, а, напротив, скоро успокоится, то он может рассчитывать на более продолжительную жизнь.

Настоятельница ввела нас в свою собственную комнату, убранную совершенно по-монашески: налой, множество образов и портреты умерших настоятельниц монастыря; однако (так глубоко проникла европейская мода в России, даже в женский монастырь!) комната была оклеена обоями и меблирована сафой, мягкими креслами и другою новейшею мебелью. Такого убранства почти никогда не бывает в католических монастырях. При прощаньи я получил в подарок два красивых образа монастырской работы, на которых головы, руки и ноги были писаны красками, а платье, деревья, дома, цветы очень красиво вырезаны из золотой бумаги и отделаны блёстками. Кроме того, я получил некоторые писанные исторические данные о монастыре, из которых я сделаю тотчас извлечения.

Там, где устроилась нынешняя духовная братия, давно уже, ещё во времена Михаила Фёдоровича, существовал женский монастырь; о нём упоминается в бумагах 1643 года

под именем Алексеевского монастыря. Екатерина II закрыла его и приказала перевести монашенок в Николаевский монастырь, однако пять из них не захотели оставить своего места, и так как в Николаевском было тесно, то им разрешено было остаться здесь. Мало-помалу к ним присоединились и другие, так что скоро их стало 38 человек. В 1777 г. они просили разрешения у владимирского архиерея Иеронима, которому был тогда духовно подчинён Арзамас, жить в пустых монастырских домах при Алексеевской церкви, добывая хлеб своими трудами; Иероним разрешил и дал им некоторыя правила устройства жизни.

Эта небольшая община не имела, однако, действительной организации, а потому члены ея обратились к одному отшельнику, слывшему за человека святой жизни, Сенаксарскому Феодору из рода Ушаковых. Он-то дал им род статута, которым они руководятся до сих пор. Правительство терпело их, но формально оне были приписаны к Николаевскому монастырю.

Около 1813 г. число их очень возросло. Они образовали примерную общину, и слава их строгой и деятельной жизни стала распространяться повсюду. Тогда-то духовное начальство обратило внимание на общину, и так как тогда умерла настоятельница их, дочь бригадира Протасова, то нижегородский архиерей Моисей, к епархии котораго был отнесён Арзамас, формально предоставил им право выбора, вследствие уже котораго оне выбрали начальницу, торжественно утверждённую консисторией.

Первая настоятельница, Авдотья Ивановна, вдова сержанта гвардии, была введена в монастырь около 1767 г. отшельником Фёдором. Она сложила с себя это звание через 18 лет, в 1785 г., вследствие старости и болезненности.

Вторая была Марья Петровна Протасова, дворянка Костромской губернии. Она также введена Фёдором, избрана сёстрами и прослужила общине 28 лет до своей смерти в 1813 году.

Третья – Матрёна Емельяновна, вдова дьякона, выбрана в 1813 г., утверждена архиереем Моисеем, но через 10 недель умерла горячкой.

Четвертая была Ольга Васильевна, дочь богатого костромского купца Стриголева. Она выбрана в 1813 г., утверждена архиереем, по случаю болезни в 1822 г. отправилась на поклонение в Киев и там умерла.

Пятая – теперешняя настоятельница, Марфа Павловна Пирожникова, дочь сержанта гвардии, и, как было уже сказано, живёт в монастыре с двухлетнего возраста. Она избрана в 1822 г. и утверждена архиереем 12 сентября того же года.

Я получил также копию с правила, или статута, данного монастырю отшельником Фёдором. Правила эти в высшей степени просты и занимают места меньше листа. Вот их содержание:

- 1) Безусловное повиновение перед начальницей.
- 2) Всё принадлежит общине; всякая личная собственность воспрещена.
- 3) Запрещаются всякия увеселения и празднования, роскошь, украшение келий (за исключением украшения образов) и ношение шёлковых и других платьев, кроме шерстяных и полотняных.
- 4) Сестра не должна ничего делать и работать на себя. Все работы и труды каждой должны быть посвящены общине.
- 5) Предписаны определённые молитвы, от 4 до 6 часов утра, к Спасителю, Богородице, святым, затем дневная молитва, обычные поклоны и чтение катихизиса. Вечерняя молитвы, от 8 до 9 часов по воскресеньям и праздникам раньше, и, кроме того, служба и пенье в церкви, обедни и т. д. Только больные и несущия безотлагательныя работы, как печение хлеба, освобождены от этого.
- 6) В двух кельях день и ночь постоянно читаются молитвы: в одной заздравныя за царя, царскую фамилию,

синод, архиерея и благодетелей общины, в другой заупокойный, об успокоении душ умерших царей и их семейств, высшего духовенства, под управлением которых стояла община, настоятельниц, благодетелей и т. п.

7) Настоятельница должна строго наблюдать за правильным распределением времени сестёр; к обыкновенным занятиям, обеду и ужину призывает звонок. Для старых и больных есть особая столовая в больнице.

8) Сёстры должны жить в общих кельях; занятия и ремёсла распределяются настоятельницей.

9) Без позволения настоятельницы ни одна из сестёр не может выйти из ограды монастыря хотя бы на минуту. Для исполнения дел вне-монастырских настоятельница выбирает сама ту или другую сестру.

10) Ни один мужчина, даже родственник, не имеет права входа в кельи сестёр, за исключением кельи настоятельницы, приёмной и рабочих комнат. Родственники видятся с сёстрами в приёмной, с разрешения настоятельницы и в присутствии старой и набожной монахини.

Я привёл подробное и обстоятельное описание этой монастырской общины, хотя, по-видимому, она и не представляет особого интереса. Община эта важна тем, что она указывает на прогрессивное движение русской Церкви.

Монашество отвечает глубокой потребности христианства и лежит в основе всего человечества, так как оно развилось и у магометан, и у поклонников ламы, и у индейцев и др. Физический и нравственный организм большого числа людей ведёт их к созерцанию, к погружению в себя, к отрицанию плоти, к стремлению к духовному, к исканию божества. Христианская Церковь уже с древнейших времён отвечала на эту человеческую потребность устройством особых учреждений внутри самой себя и дарованием им нужной организации. Древнее пустынночество преобразилось в строго организованное, созерцающее монашество. Человек, преимущественно на юге и востоке, склонен к со-

зерцательной жизни, а потому и монашество пустило более глубокие корни на востоке. На западе, у европейских народов, более деятельных, чем созерцательных, скоро развился другой род монашества, с тем же основным началом, с тем же пожертвованием себя Богу и отвращением от всего земного; но это монашество имело своей целью не погружение в глубину созерцания и не ведение фантастичной жизни, отрезанной от мира сего, а, напротив, жизнь деятельную христианской любовью, пожертвованием собой для блага людей. Так образовались ордена ухода за больными и беспомощными, ордена миссионеров, учителей.

Россия приняла восточную ветвь католической Церкви, распространившую в ней созерцательное монашество, только оно одно и было ей известно. Однако русские – европейцы жители севера и поэтому менее восточных народов склонны к созерцанию. К тому же, с XVI столетия началось сближение России с остальной Европой, которое окончательно утвердилось с Петра и открыло доступ к ней европейской цивилизации.

Это не осталось без влияния на русскую Церковь, несмотря на то, что она по возможности старалась избежать этого влияния; но, в конце концов, отстранение его всё-таки невозможно, и влияние европейской, особенно германской теологии, несомненно уже и теперь.

Фанатизм, глубокое погружение в себя, полнейшее отрицание всего земного, египетская, отшельническая жизнь в пустыне не лежит в характере русского народа. Поэтому созерцательная монашеская жизнь не достигла высокого развития в России. Однако мужские монастыри имели и имеют ещё некоторый смысл в ней. В древнейшие времена они были средоточием распространения христианства и его цивилизации, хранителями старого образования и воспитателями новых начал; они по преимуществу удержали русский народ в христианстве во время монгольского ига. Из них постоянно выходили все архиереи.

Нужно сказать, что сравнительно со светским духовенством вообще монахи вели более нравственную жизнь и были более образованы. Но только отдельные личности, как исключение, предавались созерцательной жизни, этому основному началу восточного монашества. Даже тот высокий патриотизм, которым так прославились в России некоторые монастыри, как, например, описанная выше Троицкая Лавра, указывает на то, что русские монахи искони скорей составляли борющуюся, чем созерцательную Церковь.

О женских монастырях нельзя сказать и этого. Отдельные монахини могли быть очень нравственны, добродетельны и набожны, но, в общем, им ничем не обязана ни светская, ни церковная история России.

Я нигде не слышал, чтобы русские монахи и монахини отдавались роскоши: было ли это прежде — я не знаю. После того как Екатерина II в 1764 г. отняла монастырские имущества, монахи и монахини ведут такую скучную жизнь, что о роскоши не может быть и речи; они и совсем не могли бы существовать без некоторых побочных источников, именно монахам жертвуют набожные люди и каждый вновь вступающий, а монахини добывают средства некоторыми ремёслами и сбором милостыни. К сожалению и к очевидному соблазну, на всех улицах можно видеть монахинь, собирающих милостыню.

Конфискация монастырских имуществ вызвала мало шума в России, никакого ропота, никакого недовольства со стороны народа не было заметно: это верный признак, что монахи, по крайней мере во время конфискации, не пользовались большой любовью и симпатией народа.

В России со времени Петра I высшая государственная власть соединена в одном лице с высшей церковною властью, а потому до сих пор тут все церковные реформы идут от светской власти. Уже Пётр I хотел реформировать монашество, он хотел превратить мужские монастыри в больницы, а монахов в сердобольных братьев; он посылал

на их попечение инвалидов, раненых и изувеченных солдат. Но дело это не продолжалось в последующия царствования, и мало-помалу монастыри опять пришли в прежнее состояние. Но и до сих пор при некоторых монастырях есть больницы, как мы это видели в Троицкой Лавре. Но вообще монахи не считают своим назначением уход за больными и попечение о них. Этому могло бы помочь изменение правил монастырской жизни, но до сих пор об этом ещё и не думают.

То же самое можно сказать о школах, которыя существуют при некоторых монастырях, как, например, в Троицкой Лавре. Чтобы монахи действительно считали своим призванием обучение детей, а не смотрели бы на него как на развлечение в свободные часы, нужно образовать монашеский орден учителей.

Выше, при описании Троицкаго монастыря, мы говорили, что в России образовался особый род монахов, именно небольшое число таких, которые посвящают себя научным занятиям, затем они практически знакомятся со всем порядком и ходом дел в канцеляриях архиереев, готовятся на высшия места церковной иерархии, а потом добиваются этих мест со всем честолюбием и всякими путями. Для достижения этой цели они носят монашеское платье, приписываются к какому-нибудь монастырю, но не живут в нём, а состоят при архиерее как адъютанты, занимаясь в его канцелярии. Таким путём могут образоваться способные деловые люди, но отнюдь не искренние монахи.

Точно так же до сих пор ничего не сделано к улучшению женских монастырей. В последнее время в некоторых епархиях монашенок стали держать строже, что было совершенно необходимо, потому что, говорят, в них очень развилась безнравственность и распущенность. При одном монастыре в Казани я встретил воспитательное заведение для дочерей светскаго духовенства. Идея отличная, но выполнение ея было дурно.

Правительство, или, скорее, покойная императрица, хотела образовать из монашенок род общества сестёр милосердия. В заведение принимаются вдовы, они получают церковное посвящение и живут по особым правилам (я был в Москве в таком вдовьем доме). Она известна за хороших сиделок, но все это не составляет нового церковного учреждения, нового направления монашества. Вдовый дом устроен слишком по-светски – это скорее богоугодное заведение, приют для вдов бедных чиновников.

Все эти попытки к реформированию монашества, имевшие целью освежить монастырскую жизнь и внести в неё более деятельности, вышли от светской власти, хотя и с согласия архиереев, и частью вводились даже последними. Арзамасская община, описанная мною выше, составляет признак оживления внутри самой Церкви и с этой стороны достойна внимания и интересна, хотя как отдельное учреждение она не имеет большого значения. Община эта образовалась сама собой, без вызова сверху и без руководства и помощи правительства, а по разумению и потребностям набожных душ. Старый закрытый монастырь дал только пристанище и послужил поводом к образованию общины, но члены этой общины не совсем монахини, или, по крайней мере, они не руководствуются правилами, существующими в других русских монастырях. Самое существенное различие состоит в следующем: собственно монашенки сохранили ещё отчасти в своей жизни первоначальный отшельнический характер; между монашенками одного монастыря мало связи, каждая живёт отдельно или вдвоём; часто она сама себя прокармливает, имеет своё отдельное имущество, повиновение начальнице слабо, между ними не развито строгое затворничество; деятельность и работа не составляют назначения, а имеют только смысл приобретения дохода.

В Арзамасской общине повиновение настоятельнице есть условие *sine qua non*; оно безусловно и выполняется

строжайшим образом. Тут господствует совершенно общинный характер, как в жизни, так и в работе. Частная собственность строго воспрещается, существует строгое затворничество. Работа и деятельность составляют цель и призвание. Тут не дают никаких обетов при вступлении в монастырь, и всякий член каждую минуту может из него выбыть, хотя почти не было этому примера, не считая женщин, которых впоследствии вытребовали мужа.

Арзамасская монастырская община, состоящая более чем из 500 женщин, существует около 70 лет без основного фонда, без официального признания ея, без определённой и верной законной охраны. Обо всем этом она различно и часто просила правительство, но до сих пор напрасно. И царь, и синод, и архиерей, и губернатор были к монахиням благосклонны, милостиво и любезно разговаривали с ними, но тем не менее учреждению этому не дана определённая законная форма, а существующие в России монастырские законы и правила не подходят к этой общине, и для нея нужно было бы особое постановление; а постановление это встречает сомнение и препятствия. Им объявили, что оне могут быть признаны за обыкновенных монахинь, но оне этого не хотят, так как это значило бы уничтожить именно всю особенность их жизни и потерять всё то в этой жизни, что отличает её от общемонашеской. Правительство должно было бы радоваться на проявление таких живых начал в Церкви и на стремление их к развитию, но страна так велика, так обширна, что единичные явления теряются из виду, что живые зародыши в малом размере не получают большего значения. Кроме Арзамасской общины, в той же губернии есть ещё три такие же, только меньшие общины – знак того, что этот порядок пользуется значительным сочувствием народа и отвечает определённой потребности. Кроме Нижегородской губернии, таких общин нигде нет больше во всей России.

После монастыря мы осмотрели некоторыя городския церкви. Собор был заложен в 1812 г. и окончен в 1841 г.; он 75 арш. в ширину и длину и построен купечеством по образцу Исаакиевского собора. Архитектором был г. Коринский, и собор обошёлся в 800 000 руб. сер. – это указывает на богатство здешняго купечества. Образа писаны здешними живописцами, иконостас в русском церковном стиле, а остальные – копии западноевропейских образов. Фрески копированы с Рубенса и очень хорошо. Я посетил самого живописца; его звали Осипом Семёновичем Серебряковым; он крепостной человек г. Безобразова. Два сына его были также живописцами, и один из них учился в Петербурге в Академии художеств. По всей вероятности, он привёз с собою западноевропейския картины, послужившия оригиналами для образов в собор, потому что старик был простым мужиком, умевшим только писать святых в древнерусском стиле; но самый рисунок был у него правилен, краски яркие, выражение интересное тем, что у него всегда выходила смесь церковных типов с типами русских народных лиц.

Я купил один образ, около $\frac{3}{4}$ арш. высоты и $\frac{1}{2}$ арш. ширины, изображающий группу из 6 русских святых, сделанный довольно хорошо и писанный мелкими кистями, за ничтожную цену – 25 руб. асс. Старик платил с своими сыновьями оброк помещику 100 руб. сер. в год.

Старший сын нарисовал портрет одной необыкновенно красивой крестьянской девушки (виденной мною в тот же день) в народной одежде и продал первый экземпляр одному англичанину за 100 гиней, второй экземпляр я видел здесь.

Я осмотрел ещё перед обедом кожевенную фабрику Попова-Щетинина. Пуд кожи в шести шкурах стоит тут на месте 48 руб. асс.; лучшая кожи идут из Казанской и Симбирской губерний. Кожи из Подольской и Волынской губерний очень толсты и годны только на подошвы. Здесь

приготавливаемая кожа отправляется главным образом в Австрию и Италию через Волгу, Петербург и Псков. Хороший работник зарабатывает в год от 160–170 руб. сер.

После обеда поехали мы в расположенную под самым городом деревню Висену, принадлежащую князю Салтыкову и известную во всей России своим обширным производством сапог и башмаков и торговлею ими.

Управляющий именем Алексей Сергеевич Торхов, занимающий это место уже 12 лет, принял нас отлично и любезно показывал и объяснял всё сам. Прежде всего, нас повели в церковь – порядок, постоянно соблюдаемый во всей внутренней России. Она построена одним из предков настоящего владельца в итальянском вкусе. Князь Салтыков, бывший посланником при многих дворах, собрал несколько хороших образов и завещал их церкви. Из них нам показывали очень хорошо написанный каким-то французом образ молящейся Богородицы, чрезвычайно похожей лицом на знаменитую Лавалльер. Это должно быть отнесено к числу любопытных странностей в истории искусства: портрет Лавалльер в русской сельской церкви! Но русский народ не молится на этот западноевропейский образ, а обращается со своей молитвой к старинному русскому образу Богородицы, копии Казанской Божией Матери, усеянному поэтому жемчугом и драгоценными камнями.

Село богато отстроено, и в нём много новейших каменных домов, которые могли бы быть названы дворцами, если б не колонны и балкончики. По последней ревизии в этом селе считается 1820 душ; в нём около 700 дворов. Пахотного поля относительно мало, едва 500 десятин, но селу принадлежит до 5000 десятин лугов и выгонов, которые, однако, равно как и лес, лежат очень далеко, именно по другую сторону города.

Уже было сказано, что большинство жителей составляют ассоциацию башмачников и сапожников. Кроме того, тут 6 клеевых заводов, 2 фабрики восковых свечей, 8 боль-

ших фабрик, работающих войлоки и валеные сапоги из ко-
ровьяго и лошадиного волоса; впрочем, последним произ-
водством заняты многие двory как побочным ремеслом. Но
тут главнейшее производство сапог и башмаков. На Ниже-
городскую ярмарку отправляется этих последних товаров
ежегодно на сумму 50 000 руб. асс. да, кроме того, расхо-
дится в окрестности и по маленьким соседним ярмаркам на
10, 20 тыс. руб. асс. Около 500 человек постоянно в отлучке
по паспортам; они работают в Саратове, Астрахани, Ураль-
ске и даже далеко в Сибири. Некоторые уходят на 10, 15 лет,
другие совсем поселяются в чужих городах (их особенно
много в Саратове и Астрахани) и никогда уже не возвраща-
ются на родину. Но они всё-таки остаются приписанными к
той же общине, платят ей свои подати и сохраняют за собой
свой дом, сад и участок земли по праву членов общины; но,
не пользуясь всем этим сами, сдают их в аренду или предо-
ставляют кому-нибудь иным образом.

Двести человек ежегодно уходят на Нижегородскую
ярмарку на 2 месяца, частью для заработка, а частью для
продажи товаров общины.

Между жителями господствует большая неравно-
мерность в отношении к богатству. Прежде тут были ещё
большые богачи, чем теперь, так тут было два крестьяни-
на, из которых каждый имел по 500 тыс. руб. асс. Но и
теперь ещё тут до 15 домов, ведущих торговлю на сумму
от 20–50 тыс. рублей.

Князь обложил жителей определённой общей цифрой
оброка, предоставив им самим сделать распределение ея
между собой. Управляющий сказал нам, что князь получа-
ет с этой деревни 18, 20 тыс. руб. сер., но я имею повод подо-
зреть, что он сказал нам неправду. Относительно образа
распределения оброка узнал я следующее. Каждые 100 душ
выбирают одного старшину, следовательно, на всю дерев-
ню приходится 18 старшин, которые разделили всех членов
общины на группы по их имуществу и сообразно этому раз-

ложили на них оброк, разделивши его по русскому обычаю на число душ; так что, например, один богатый платит за 30 душ, каждый из свечных заводчиков платит за 20 душ, и вследствие этого некоторые бедные платят за $\frac{1}{2}$ души*.

Земледелие тут ничтожно и стоит на низкой степени. Богатые обрабатывают столько земли, сколько им нужно для дома; бедные занимаются огородничеством, оплачивающим порядочно работу. Собственно пахари засевают столько земли, сколько они могут; никто им в этом не мешает, но обрабатывают они очень легко, едва один раз пахнут землю очень лёгкой сохой, впрочем, земля родит очень хорошо. Но всякая другая работа и ремесло вознаграждают лучше. Подёнщик на земледельческие работы стоит 50 коп. сер. в день, а четверть ржи стоила при мне немного более рубля серебром! Можно ли после этого удивляться, что земледелие в России не улучшается, а идёт назад?

Я получил следующие небольшие сведения о здешнем производстве сапог и башмаков. Тут есть семейства, в которых три брата при помощи женщин и детей изготовляют 40 пар больших сапог в одну неделю. Пару больших болотных сапог продают за 2 руб. 30 коп. сер., пару зимних башмаков – за 70 коп. сер. Обыкновенные сапоги делаются из лошадиной кожи и стоят недорого; сделанные же на заказ получше стоят дороже. Валеные сапоги продают 40 коп. асс. за пару.

Управляющий Тархов свёл нас в дом к одному крестьянину, именно к фабриканту восковых свечей; снаружи дома, конечно, был балкон на колоннах, а внутри не было недостатка в диванах и стульях с волосяными по-

* Интересно и любопытно, что в России все расчёты как в отношении общегосударственном, так и в частных операциях делаются по душам. В остальной Европе считают по числу голов, по числу мужчин и женщин, по числу людей, короче, по числу живых тел. Но в России, где процветает механическая сторона государства, где существует крепостное право, считают совершенно уместным образом по душам, причём магометански принимается, что душа есть только у мужчины, а не у женщины! Таким образом выходит, что бездушная дворянка может владеть многими душами!

душками, в столах, обоях и оконных гардинах, а прежде всего, в машине. Но вся эта новейшая роскошь была только для внешнего вида; сам хозяин, простой русский крестьянин с длинной бородой, ходил в синем кафтане, жена его, простая матушка, – в крестьянской одежде с душегрейкой, обшитой мехом, все дети также в местной одежде. К тому же они жили не в отделанной части дома, а в прилегающей к ней чёрной избе, мало отличающейся от обыкновенной крестьянской избы. Нас приняли очень радушно и угощали чаем, пирогами, всевозможными мясами и шампанским, а когда я выразил желание послушать народное пение и посмотреть праздничную одежду, то в какие-нибудь четверть часа составилась в соседней комнате мужской хор, певший необыкновенно хорошо. Крестьяне пели народные песни с очень резкими переходами и переливами. Между прочим, они отлично хорошо пропели одну песнь фугой в пять голосов; и слова ея, насколько они мне были переведены, имели поэтический смысл, то была баллада, оканчивающаяся дико и грустно. Затем взошла молодая девушка в праздничной одежде, та самая, портрет которой мы видели у живописца в Арзамасе. Она была поистине очаровательна с выражением юности, миловидной свежести, это была Ева в раю до грехопадения. Ея кротость и невинность выражались не только в лице, но и в речах, и в ответах. Разспросивши её о разных частях ея костюма, похваливши некоторые из них и подивившись им, я сказал ей, что она одна из прекраснейших созданий Божьих, каких я только видел; она отвечала: «Я ведь из бедных крестьянок, ещё не отпущенных на волю!» Какой грустный ответ на мои льстивые слова! И в самом деле, что такое красота без свободы?

Мой спутник, адъютант, подарил ей маленькое колечко. Она сильно покраснела и сказала: «Я бедная девушка и ничем не могу тебя отдарить, но я помолюсь за тебя Божьей Матери».

По возвращении в город я сделал маленькую прогулку с моим любезным хозяином, причём из разговора оказалось, что мы были с ним военные товарищи во время похода 1813 и 1814 годов и что мы должны были тогда видеться, так как одновременно находились при главной квартире Чернышева. С того времени прошло 30 лет, судьба бросила нас на расстояние 3500 вёрст друг от друга, и всё-таки мы встретились и провели вместе целый день и, конечно, уже больше никогда не увидимся.

Я видел на улицах в Арзамасе породу гусей необыкновенной величины, почти с лебедя. Я слышал, что они очень задорны и воинственны и что их приучают к жестоким боям, во время которых идут разнообразные пари, как в Англии при петушиных боях.

Вечером я выехал из Арзамаса вместе с адъютантом и к 7 часам следующего утра подъезжал к Нижнему Новгороду. За полчаса до города я заметил влево в 200 шагах от дороги раскинутые палатки. На мой вопрос я узнал, что это лагерь стоящего тут летом полка. Я вышел из экипажа, чтобы хоть раз посмотреть на русское войско в его будничном виде. Я часто видел русския войска на парадах или предуведомленные о посещении их иностранцем. Но и здесь я нашёл образцовый порядок, и так как солдаты приготавливались завтракать, то я мог убедиться, что, по крайней мере, здесь их кормят хорошо и изобильно.

Сначала мы ходили одни по рядам между палаток, но мало-помалу к нам присоединились несколько офицеров. Мы вышли на место, назначенное для гимнастики, и, к моему удивлению, я нашёл тут те же гимнастическия упражнения, которыя постоянно употребляются в Германии и мне хорошо известны.

В Нижнем Новгороде, переодевшись, я поехал с моим спутником к графу Стенбоку и просил его содействия для осмотра здешней тюрьмы. Он и начальник тюрьмы г. Похотин вызвались проводить нас. Тюрьма состоит из об-

ширных каменных домов с несколькими дворами, обнесёнными кругом высокой каменной стеной. Тюрьма была не очень наполнена, потому что накануне отправился большой транспорт ссыльных в Сибирь. В здешней тюрьме содержатся преступники двух категорий. В России существуют два главных сборных пункта для ссыльных в Сибирь: здесь и в Казани. Приговорённые к ссылке собираются здесь, и когда их накопится значительное число, от 100–200 человек, то их отправляют под конвоем. Обыкновенно это случается каждую неделю раз. Кроме того, эта же тюрьма служит для предварительных арестов по уголовным и полицейским преступлениям. Самые постройки не имеют в себе ничего ужасающего: казематы высоки, с достаточным светом и с печами для зимнего отопления. Здание возведено ещё во время Екатерины II и очень дурно приспособлено к острогу. Тут мало маленьких комнат и множество больших подвалов, в которых содержатся по 10, 20 и 25 преступников вместе, с подбором до известной степени по роду преступления: так, например, в одном сидели вместе убийцы и поджигатели, в другом воры и т. д. Даже приговорённые к отправке в Сибирь не отделены строго от людей, находящихся под следствием. Всякия сношения и переговоры друг с другом совершенно свободны; уговорам и условиям никто не препятствует и никто не контролирует их. Конечно, это должно безконечно затруднять правильное и справедливое ведение уголовных процессов. Но, впрочем, тут не приходится иметь дело с утончёнными негодьями Западной Европы, часто знающими лучше судей законы, их тонкости и двусмысленности.

В каждом заключении, где сидит более трёх-четырёх арестантов, один из них назначается старостой, и достойно удивления, как он умеет держать остальных в порядке и как все его слушаются! Так в России в каждом общественном учреждении выступает этот живой принцип общины.

Два несостоятельных должника и два дворянина помещались в двух комнатах, им были доставлены на их счёт несколько лучших мебель и постели. Пища же для всех была одинакова: два раза в день щи или каша, затем говядина или рыба и по 2¹/₂ фунта хлеба на человека, всё в достаточном количестве и хорошо, как я мог лично убедиться.

Мне называли сидящих тут по родам преступления: убийц (довольно много), поджигателей (больше женщин), дезертиров и крупных и мелких воров. В числе сильных преступников была одна крестьянка, пробовавшая отравить своего мужа. Говорите после этого, что в Россию ещё не проникла цивилизация! Одна детоубийца разрешилась от бремени в тюрьме! В этих случаях закон предписывает отсрочку исполнения приговора на полтора года, чтоб дать ей выкормить ребёнка. Мы посетили также больницу, представляющую по внешности образцовый порядок. Постели хорошие, комнаты светлые, очень чистые и хорошо проветриваемы. Между больными женщинами была одна очень красивая, которая из любви к другому пыталась умертвить своего мужа; это ей не удалось, и она в тюрьме перерезала себе горло, но рана была не смертельна.

Мы видели тут ещё женщину с четырьмя детьми от 3 до 9 лет, которая хотела воспользоваться разрешением сопровождать своего мужа, ссылаемого в Сибирь. Она заболела и лежала в больнице.

Перед тюрьмой стояла телега со всевозможными распакованными уже съестными припасами, присланными арестантам из деревни с крестьянской свадьбы. Кроме того, пред дверями стояла женщина с большим мешком, наполненным белым хлебом и мясом, – всё в пользу заключённых. Ни о ком так не заботится и никем так не интересуется русский народ, как заключёнными в тюрьмы. Милостыни и подавания стекаются к ним во всякое время и при всяком случае. Не проходит свадьбы, крестин, никакого праздника, чтобы участвовавшие в них не помогли по своим силам

сидящим в тюрьмах. Все снадобья, доставляемые в здешнюю тюрьму, не могут быть съеданы арестантами, и часть их продаётся, а на вырученные деньги покупается платье для ссылаемых в Сибирь. Изо всех этих подаваний и милостынь отнюдь ничего не утаивается мелкими чиновниками и прислугой – присвоить себе что-нибудь, назначенное для арестанта, считается величайшим грехом! И народная благотворительность тотчас прекратилась бы, как скоро народ убедился бы, что его жертвования не доходят до арестованных. Да и для меня тот факт, виденный мною самим, что народ отдаёт перед дверями тюрьмы обильные приношения в пользу заключённых, составляет лучшее доказательство, что приношения эти доходят до арестантов. Этот факт убедил меня в кротком обращении с арестованными гораздо больше, чем всё, что мне об этом говорили и приводили, так как не подлежит сомнению стремление показать иностранцу всё с лучшей стороны.

Так как тарантас мой поломался и нескоро мог быть починен, то я решил ехать в Казань водой по Волге и в Казани, отечестве тарантасов, купить себе новый. С этой целью я пошёл с моим спутником на берег Волги, чтобы сторговаться с лодочником. Нас тотчас окружила целая толпа их, с криком предлагавшая свои услуги. Но как скоро мы заговорили с одним из них и стали с ним торговаться, то все замолчали и молча следили за нашими переговорами, не вмешиваясь в них. Мы не сторговались с этим первым и перервали наши переговоры. Тотчас же наступил прежний крик и шумное предложение услуг каждым, а как скоро мы выбрали опять одного и начали с ним говорить, опять наступила прежняя тишина. Русский народ замечательно вежлив!

Обступившая нас толпа состояла большею частью из бурлаков, исполняющих всевозможные работы на волжских судах. Это интересный класс людей, имеющий, как уже сказано было ранее, очень оригинальное устрой-

ство. Я слышал здесь, что большинство бурлаков состоит из крепостных, редко из государственных крестьян. Различие налогов, лежащих на государственных и крепостных людях, оказывает очень значительное действие на выбором ими занятий. Корона, при наложении оброка на государственных крестьян, не берёт в расчёт разницу их благосостояния, их духовных и физических сил и способностей и обкладывает всех одинаковым оброком. Она не берёт в соображение ремесла, производимаго крестьянами, и не налагает платы на него. И в этом отношении государственные крестьяне совершенно свободны, они могут заниматься промыслами, какими хотят, их никто не принуждает, никто не указывает им на определённое ремесло. Поэтому они выбирают себе такие ремёсла, которые при наименьшем труде дают наибольший заработок, следовательно, только лёгкия работы; они избегают тяжёлых и утомительных ремёсел. Частные владельцы, напротив, определяя величину оброка, соображаются со способностями и силами людей, с их имуществом и возможностями, Они принуждают своих людей к определённым промыслам, которые по местным условиям, по силам и способностям людей могут дать наибольший заработок. Здоровых и сильных крестьян помещик принуждает к тяжёлым и продолжительным работам, а слабым назначает более лёгкую работу; тогда как сильнейшие государственные крестьяне занимаются разноскою калачей и других товаров, у крепостных эту работу несут слабейшие. Правительство накладывает оброк на человека, и притом на всех людей одинаковый, помещик же назначает оброк на способности людей и на промысел, а потому этот оброк и неодинаков.

Корона назначает оброк с д у ш и, а помещик — с тя г л а. Это составляет существенное различие! Очень немногие крестьяне пошли бы по своей охоте на трудную и утомительную бурлацкую работу, поэтому так мало бурлаков из государственных крестьян. Помещик же приказывает

прямо лишним людям своей деревни идти в бурлаки, или косвенно накладывая на них большой оброк. Если бы не было этого принуждения и высокого оброка, то никто из крестьян не пошёл бы в бурлаки, или они назначали бы за эту работу огромные цены, – и важнейший и необходимый промысел для внутренней России, судоходство по Волге, должно было бы прекратиться, а с ним вместе иззякла бы и всякая промышленность. А это породило бы такие новые условия и такие новые отношения, которых даже невозможно предвидеть!

Бурлаки на большой лодке, наконец нанятой нами для поездки в Казань, были крепостные князя Гагарина, из деревни в 30 верстах от Арзамаса. В их деревне 480 душ, а земли очень мало: приходится полторы десятины пашни и лугу на душу. Лес совершенно сведён, так что крестьяне покупают даже дрова на отопление, на избу выходит от 10 до 15 руб. асс. в год. Так как земля их не прокармливает, то они вынуждены искать заработка на стороне. Поэтому большая часть здоровых мужчин уходит из деревни весной и возвращается домой к зиме. Около 150 человек бурлачат летом на Волге и, помимо харчей и расходов, вырабатывают до 30 руб. сер. в лето. Полевое и домашнее хозяйство ведут бабы, старики и дети, а у кого малая семья, тот нанимает за себя работника, платя ему 45 руб. асс. за лето. Оброк помещику – 50 руб. асс. с тягла. В этом случае, как и в безконечном количестве других, видно, что оброк лежит не на земле, которую помещик даёт крестьянину, но на его рабочей силе и его промысле. Вместо того чтобы самому кормить своих людей, одевать и заботиться о них, помещик даёт им столько земли, сколько необходимо на жилище и пропитание.

ГЛАВА XIII

Нижний Новгород. — Посещение единоверческой церкви. — Русское сектантство. — Древнейшие секты: самосожигатели, скопцы, хлысты, безсловесники, субботники. — Раскольничьи секты времён патриарха Никона. — Староверы; их характер и значение. — Религиозные споры в Кремле на Св. неделе. — Три подразделения староверов: единоверцы, часовенные, поморяне. — Их учения, учреждения и богослужения. — Большая староверческая больница в Москве. — Секты времён Петра I. — Молокане, их учение и связь с учением квакеров. — Духоборцы, их учение. — Моё посещение их на Молочной. — Капустин, их Христос. — Духоборческая деревня Терпение

Возвращаясь с Волги, мы проходили мимо отпертой единоверческой церкви, в которой только что должны были крестить ребёнка, и вошли в неё. По окончании крестин мы познакомились с попом, который после моих разспросов об их церковном устройстве вызвался придти ко мне в тот же день и обстоятельно разъяснить мне всё меня интересующее. Действительно, тотчас после обеда он пришёл ко мне с другим единоверческим попом. Они охотно отвечали на все мои вопросы, но как! Ответы их были сдержанны, кратки, двусмысленны, не прямы, так что я даже не мог добраться, были ли они результатом скрытности или глубокого невежества; вероятно, и того и другого! Но всё-таки я добился от них некоторых сведений, которые облегчили мне путь к дальнейшим разспросам.

Вообще, русское сектантство ещё совершенно не изучено: о нём ничего нельзя узнать ни от православного духовенства, ни от чиновников, частью потому, что они не сме-

ют говорить, частью потому, что они и в самом деле ничего о нём не знают, так как все русские сектанты вынуждены, насколько возможно, скрывать свои учения.

Так как нельзя узнать и правильно оценить жизни и быта народа, его общественных и политических учреждений, не выяснив себе его религии, то я во время моего путешествия повсюду собирал данные о русских сектах. Я не могу утверждать, чтобы я вполне исчерпал этот предмет, но всё же, в конце концов, я знаю о нём больше, нежели все иностранцы и даже нежели большинство русских, не исключая и чиновников.

Я имел случай в некоторых местностях, которых я не хочу назвать, сблизиться с членами наиболее гонимых сект, познакомиться с их религиею и даже присутствовать при их тайных богослужениях.

Я сделаю здесь краткий обзор русского сектантства, оставляя более подробное и основательное его изложение до другого раза.

Россия приняла христианство в IX столетии, присоединившись к восточной Церкви, то есть к константинопольскому патриархату.

Тогда время гностических ересей уже миновало, но на востоке гностические идеи и воззрения ещё удержались; крестовые походы перенесли их на Запад, где они до сих пор распространены, даже у магометан.

Внутренняя история русской церкви ещё достаточно темна; и если я высказываю мнение, что гностические идеи проникли в Россию в средние века, то я не могу подтвердить этого никаким доказательством. Я могу только указать, что в некоторых русских сектах существуют несомненные следы гностических воззрений, хотя я не в состоянии различить, откуда они пришли в Россию – непосредственно ли с Востока в средние века или с Запада в конце VII столетия, что, однако, мне кажется невероятным.

Русский народ не склонен к философским тонкостям, как созерцательные восточные народы; поэтому в новей-

ших русских сектах нельзя ожидать вполне выработанных религиозных систем, за исключением секты духоборцев. В большинстве случаев в них стоят отдельные, не связанные друг с другом идеи, которые именно поэтому действуют на массу как частное помешательство и доводят их до самага яраго фанатизма.

Прежде всего, мы познакомились с сектою людей, жертвующих своею плотию вполне или частию (морельщики).

Учение первых из них ещё совершенно неизвестно, только от времени до времени и почти ежегодно, и притом во всех губерниях, преимущественно же на севере, пронесётся весть об ужасном факте, доказывающем их существование и дальнейшее распространение, – и потом повторится в Сибири, в Саратовской губернии и т. д. С особенным торжеством и церемониями вырывают эти сектанты большую, глубокую яму и обкладывают её кругом соломой, дровами и другими горючими материалами. Небольшая община этих фанатиков, в 20, 30, 50 и до 100 человек, размещается посреди ямы; с дикими песнями зажигают они со всех сторон горючий материал и со стоическим хладнокровием сжигают сами себя. Или они сходятся в избу, предварительно обложенную снаружи соломой, которую и зажигают. Соседи собираются посмотреть на них, но никто не препятствует им, потому что они «святые» и подвергают себя «к р е щ е н и ю о г н ё м». Полиция и власти узнают об этом событии уже много спустя после его окончания и потому не могут помешать ему*. Неизвестна идея, лежащая в основании

---

* Прежние путешественники – Паллас, Гмелин, Георги, Лопухин и др. – точно так же передают эти факты. Мне рассказывали, что несколько лет тому назад в имени господина Гурьева, на левом берегу Волги, небольшая кучка этих сектантов решилась умертвить себя. После известных приготовлений они привели своё ужасное решение в исполнение. Уже умерло 36 человек, как в одной молодой женщине проснулась любовь к жизни, и она бежала в соседнюю деревню. Тогда отправились на место действия и нашли 47 человек уже мёртвыми и только двух живых. Этим двух наказали кнутом, а они при каждом ударе радостно восклицали, что достигли желаннаго мученичества.

этого обряда, только отдельное выражение креще н и е о г н ё м заставляет подозревать несколько тёмное, таинственное и фанатическое учение. Однако это должна быть отдельная секта со своим учением и системою, потому что факт крещения повторяется уже более столетия почти ежегодно при совершенно одинаковых условиях в различных местах, далеко отдалённых друг от друга!

Вторые составляют секту уродующих себя с к о п ц о в (евнухи). Не совсем ясно, основывают ли они своё учение, подобно Оригену, на каких-нибудь местах Св. Писания, так как они считают Евангелие и Библию искажёнными и подложными и верят, что только в их руках было истинное Евангелие, которое замуравлено в куполе Андреевской церкви на Васильевском острове в Петербурге Петром III; они признают его главой своей секты и Христом, явившимся в новом виде. Фанатическое увечье скопцов не стоит, по-видимому, ни в какой внутренней связи с их теологическою системою* (если о последней только может быть речь, потому что у них есть только, кажется, отдельные отрывочные идеи). По их учению, вначале был Бог-Отец, один, нераздельный, Он сотворил мир, который проявляет себя различно, как сын, в образе Христа, котораго они признают не Богом, а ч е л о в е к о м, исполненным благодати и говорившим по внушению Бога. Как святой дух Бог обитает всегда и ежедневно в своих истинных детях, скопцах**.

* Histoire des sects religieuses par M. Gregoire. Paris. 1814. Tome II, p. 306: Le celebre chirurgien Desfault assurait que dans quelques cantons de la ci-devant Champagne, des femmes pratiquaient sur des enfans une semi-castration par des motifs superstitieux. Il n'est idee, si folle, qu'elle ne trouve accès dans quelques lêtes! В России эта операция совершается также в большинстве случаев старыми женщинами.

** Как видно, главныя учения немецких рациональных теологов и философов развились не совсем одиночно на новой протестантской почве; грубые, невежественные, полусумасшедшие фанатики сами собой пришли к тому же, без всякаго знакомства с немецкими теологами. Служит ли это обстоятельство к прославлению или к порицанию этого учения, мы охотно предоставляем судить борющимся партиям.

Христос никогда не умирал, он постоянно блуждает по земле, безполый, в различных образах, в настоящее время в образе Петра III, который вовсе не погиб, как рассказывается в истории (вместо него похоронен похожий на него солдат), но бежал в Иркутск, и с того времени спасения нужно ждать с Востока! Он скоро придёт и зазвонит в московском Кремле в большой колокол Успенского собора, чтобы истинные дети его (скопцы) услышали этот звон во всех частях света и собрались бы к нему. Тогда начнётся вечное царство скопцов во всём величии света*.

Они не верят в воскресение мёртвых и не празднуют воскресные дни. У них особаго рода мистическое

---

* Станным кажется, почему русская секта, да ещё скопческая, ставит своим родоначальником и Христом – русского императора, Петра III! Скопческая секта обратила на себя внимание правительства в начале царствования Екатерины II, именно в 1772 г. был послан полковник Волков в Орловскую губернию для исследования слухов о возникшей там «нового рода некоторой ереси». Главным пропагандистом этой некоторой ереси в Орловской, Тульской и Тамбовской губерниях было весьма загадочное лицо, называвшее себя на официальных показаниях различно: то Семёном Селивановым, то Кондратием Селивановым, то Андреем Селивановым, уроженцем села Столбова, Орловской губернии Дмитровского уезда, хотя впоследствии дознано, что никакого Селиванова в селе Столбове не было. Он был схвачен в Туле в 1775 г., приговорён к наказанию кнутом в селе Сосновке (Тамбовской губ.), на месте произведённых им оскоплений, и сослан в Сибирь в Нерчинск, но почему-то оставлен в Иркутске, где жил на свободе и, «ходя по городу с блюдом, собирал на церковное строение». Там только, уже после окончания Пугачёвского дела, когда имя Петра III было модным и группировало вокруг себя недовольных, Селиванов принял на себя это имя. Павел I, вскоре по вступлении на престол, вызвал Селиванова из Иркутска, виделся с ним лично и посадил его в Петербурге же в сумасшедший дом, в секретный номер. По восшествии на престол Александра I в 1801 году Селиванов был переведен в богадельню при Смольном монастыре, а из нея через 4 месяца взят был одним скопцом на поруки и до 1820 года жил уже на свободе в Петербурге, распространяя своё учение и продолжая величать себя Искупителем, Христом и Петром III. Но в 1820 году Селиванов был выслан из Петербурга в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь, где уже столетним стариком умер 19 февраля 1832 года и погребён в монастыре в саду близ Николаевской церкви. Но смерть его скопцы отрицают, утверждая, что искупитель их и поныне жив и скрывается в окрестностях Иркутска. (Прим. перев.)

причащение, состоящее в хлебе, который получает таинственную силу после опущения в могилу одного из их святых*; в первый день Пасхи, единственный у них праздник в году, каждый скопец съедает кусочек этого хлеба. Большею частью они собираются в ночь с субботы на воскресенье и совершают различные странные и таинственные церемонии.

Скопцы называют свою секту корабликом**. На религиозных сходках они поют речитативом и в унисон некоторые молитвы, из которых я привожу тут одну. Когда они пели, я не понимал слов, но их резкие голоса, сильная страстность, дикое одушевление произвели на меня неизгладимое, хотя и тяжёлое впечатление.

Молитва скопцов:

Держитесь вместе, корабельщики!
Не дайте кораблю погибнуть в бурю!
Святой дух у нас!
Не бойтесь волнений и бурь!
Наш отец и Христос у нас!

---

* Святой этот скопческий предтеча Христа-Селиванова, Александр Иванович Шилов, происхождение которого с достоверностью, впрочем, также неизвестно. Он заключён был в Шлиссельбургскую крепость за распространение учения своей секты и был прощён в день своей смерти, 6 января 1799 года. Тело его погребено на Преображенской горе, близ Шлиссельбурга, где скопцы воздвигли ему церковь, до 1844 года охранявшуюся четырьмя скопцами; а на могиле его поставлен богатый памятник с отверстием насквозь плиты в могилу. Через это отверстие они опускают хлеб в виде крендельков, называемых ими баранками, которые после такого освящения употребляются скопцами для причастия. Тело Шилова скопцы считают нетленным. (Прим. перев.)

** Считают, что секта скопцов произошла от хлыстовской. Хлысты называют каждую общину своих членов в отдельной местности – кораблём. Селиванов дал своей общине название Царского Корабля, которого он был кормчим. (Прим. перев.)

Его мать Акулина Ивановна* у нас!
Он придёт! Он явится!
Он зазвонит в большой Успенский колокол!
Он созовёт всех верующих!
Он поставит мачты, которые не упадут!
Он натянет парус, который не разорвётся!
Он устроит руль, который будет править верно!
Он у нас! Он с нами!
Он бросит якорь в верном месте!
Мы причалили! Мы причалили!
Святой дух с нами!
Святой дух у нас!
Святой дух в нас!

Члены этой секты имеют таинственные знаки, посредством которых они узнают друг друга. Один из этих знаков состоит в том, что они кладут красный платок на правое колено и ударяют по нём рукой. У всех у них есть портрет Петра III; он всегда нарисован с открытой головой, небольшой чёрной бородой, в синем кафтане, обшитом сверху до низу чёрным мехом; на правом колене у него также красный платок и на нём правая рука.

Скопцы очень распространены. Большая часть ювелиров и менял в Петербурге, Москве, Риге, Одессе и т. д.

---

* Скопческая богородица, Акулина Ивановна, была в семидесятих годах прошлого столетия наставницею и руководительницею целого корабля в 1000 человек «божьих людей» в Орловской губернии. Она была одна из первых, признавших в Селиванове бога, и потому возведена в сан богородицы. Уже после признания Селиванова Петром III выдумана была скопцами басня, что Акулина Ивановна есть не кто иная, как императрица Елизавета Петровна, которая родила сына Петра в Голштинии, а по возвращении в Россию, будучи предъизбрана к житию святому и сподвижничеству, царствовала только два года или и вовсе не царствовала, но, оставив вместо себя на престоле одну из своих наперсниц, очень похожую на неё, сама удалилась в Орловскую губернию, где жила под именем Акулины Ивановны у одного скопца и похоронена в его саду. Тело её также сохранилось нетленным. (Прим. перев.)

принадлежит к этой секте. Они очень ревностно обращают других в своё учение и производят операцию над своими учениками. Всего больше находят они последователей между солдатами, которым платят большие суммы, часто по нескольку тысяч рублей. Всякий, привлёкший двенадцать последователей, удостоивается звания а п о с т о л а, которого значения я, однако, не мог узнать. В некоторых губерниях, например в Орловской, целые селения общества принадлежат к этой секте. С первого взгляда, однако, никоим образом не признаешь их за скопцов: зажиточные хозяйства, женщины, дети и т. д. Сектанты здесь действительно женятся и подвергают себя операции только после того, как у них родится сын. Большинство же детей обязаны своим рождением соседним мужчинам и парням. Но это не составляет разницы! Скопцы живут в полном согласии со своими жёнами и заботятся об их детях как бы о своих собственных.

По официальным сведениям, скопцов считается от 2 до 3 тыс. человек, которые находятся под присмотром полиции, но в действительности их больше, чем вдесятеро против этой цифры. Так как они обладают большими богатствами, то полиция обыкновенно ловко разыскивает скопческие деньги, но не самих скопцов.

Хлыстовская* секта стоит близко к учению скопцов, так как последние считают хлыстов своими братьями и предшественниками. Хлыстовщина считается безвредною сектою и не преследуется; поэтому от хлыстов можно было бы легче узнать их философское и теологическое учение, однако никто ещё до сих пор не про-

---

* Название хлыстовщина есть переделка слова христовщина. Существует также мнение, что хлыстовщина происходит от слова холостой. Христовщиной же эта секта называется потому, что наставник каждой общины, каждого корабля, называется у них христом, богом, а наставница — богородицей. Такова была богородица Акулина Ивановна в корабле «божьих людей». (Прим. перев.)

следил этого странного, психологически замечательного заблуждения человеческого ума*.

Ничего определённого не известно об учении хлыстов. На своих собраниях, в комнатах, в которых не должно быть ни одного образа, они прыгают и скачут кругами один за другим и бичуют себя. Посредине стоит сосуд с водой; через известные промежутки времени они мочат ею свои головы или пьют её из руки, пока, наконец, не упадут от утомления**.

* Уже более столетия по всей России разсеяны иностранцы, в особенности немцы, и притом более или менее образованные: врачи, аптекаря, губернёры, профессора, пасторы и т. п. По несколько человек их есть в каждом городе, и, однако, не нашлось никого, кто бы основательно изучил природу, точку зрения, теологию и учение русских сект. Этот упрёк главным образом касается лютеранских пасторов. Но эти господа, если и преследуют какое-нибудь научное направление, отдаются совсем германским теологическим спорам и принимают участие в них, отстаивая рационализм или пиэтизм; но на такое явление, как развитие сект русской Церкви, которая, очевидно, в ближайшем будущем будет играть значительную роль в мировой истории, они смотрят с самодовольным высокомерием.

** Один день в году мужчины после безумного скаканья ложатся около полуночи на скамьи, стоящая вокруг комнаты, а женщины падают под скамейки. Внезапно гасятся все свечи и начинается оргия, называемая ими с в а л ь н ы м г р е х о м. В Москве у меня был писарь немец, разорившийся аптекарь, который долгое время находился на винокурне близ Ростова и там имел случай ближе познакомиться с некоторыми хлыстами, так что присутствовал даже на их собраниях. Рассказы его почти невероятны, но тем не менее в три месяца, которые он у меня пробыл, я никогда не замечал, что он лжёт. Он утверждал, что скопцы и хлысты стоят в ближайшей связи между собою и дополняют одни других. Хлысты никоим образом не безвредные люди, как я о них упомянул выше, напротив, это ужасная секта. На собраниях, которых он посещал, не происходило ничего ужасного, но однажды он был приглашён на сходку, которая бывает раз в году у хлыстов вместе с скопцами. Они поставили ему условием, чтобы после этого посещения он перешёл в их секту, на что он не согласился. Тогда они рассказали ему как человеку, наполовину принадлежащему к их секте, всё, что делается на этом собрании. Справедливость их рассказа достаточно подтвердилась, когда в 1840 г. московская полиция накрыла одним ранним утром такое собрание во время их богослужения в одном большом доме близ Сухаревой башни; отчёт полиции об этом происшествии и протоколы показаний арестованных, которые он сам читал и частью переписывал, были совершенно согласны с тем, что он знал по собственному опыту.

В показаниях говорилось, что скопцы и хлысты составляют одну и ту же секту с одинаковым учением: обе они основаны Адамом, или Христом, и они

хранят их сокровеннейшие наставления. Во времена Алексея Михайловича жила в Новгородской губернии великая пророчица Марфа-посадница, жена однодворца; она собрала все их учения и переписала их в особия книги, которые были спрятаны и впоследствии не отысканы. Сыскная полиция не пошла дальше в разъяснении учения и представила только отрывочные разобъённые данные, например, что скопцы не празднуют воскресенья и собираются для богослужения от 12 до 4-х часов в ночь со вторника на среду и с четверга на пятницу. Хлысты ненавидят собак и думают, что в них сидит чорт; кошек, напротив, любят. Чёрные тараканы – ангелы хранители, и убивать их грех. Несмотря на то, что хлысты признают Христа основателем своей секты, новые члены, присутствующие в первый раз при главном богослужении, должны предварительно наругаться над Христом и плевать на образ Его. Они не признают брака, хотя имеют сношения с женщинами; однако, чтоб обмануть церковную полицию, они венчаются у православных попов. Все дети принадлежат секте и в известный возраст торжественно посвящаются в неё. Венчаются и потом живут семьями для виду преимущественно скопцы. Часто хлысты переходят в скопческую секту как в высшую. Нужно заметить, что если жена скопца после смерти своего мужа выйдет замуж за человека, не принадлежащего к секте, и он, узнавши от своей жены о скопческой религии, будет надсмехаться над ней, то он скоро пропадает безследно. Ночью на пасхе скопцы и хлысты собираются вместе на большое богослужение в честь божьей матери. Пятнадцатилетняя девушка, которую склоняют к тому соблазнительными обещаниями, кладётся связанная в ванну с тёплой водой. Входят старухи, делают ей глубокий разрез на левой груди, отрезают грудь и необыкновенно быстро останавливают кровотечение. Во время операции девушке даётся в руки мистическое изображение святого духа, чтоб она погрузилась размышлением в него. Вырезанная грудь, разрезанная на маленькие кусочки, кладётся на блюдо и каждый из присутствующих членов съедает по кусочку; затем девушку вынимают из ванны и сажает на стоящий вблизи престол, а все члены дико пляшут вокруг нея, припевая:

Поплясахом,
 Попрыгахом
 На Сионскую гору?*)

Пляска идёт всё дичее и бешеннее, наконец внезапно гасятся все свечи и наступает страшная оргия. Мой писарь знал нескольких таких девушек, чтимых впоследствии как святых, и говорил мне, что эти девушки в 20 лет имели вид 50–60-летних старух; обыкновенно оне умирают до 30 лет. Одна, впрочем, вышла замуж и имела двух детей.

*) У Гакстаузена песнь эта написана так:

po plasachom	Auf zum Tanzen!
po gorachom	Auf zum Springen!
na Sionskaja goru	Nach Sions Bergen!

У некоторых часто делаются судороги – в это время на них сходит святой дух и они начинают пророчествовать.

Некоторые из хлыстов и скопцов для убиения своей плоти носят постоянно на голом теле старинные вериги или рубашку из лошадиных волос. Я видел у одного хлыста маленький металлический крест на груди и такой же образок с изображением, для меня непонятным, на спине; я слышал, что многие их носят. И крест, и образ висят на кожаных ремешках и надеваются через голову, но они связываются один с другим двумя маленькими цепочками, проходящими под мышками и продетыми через кожу.

Решительно ничего не известно об учении и даже о внешних обрядах секты *б е з с л о в е с н ы х*. Всякий, вступающий в эту секту, принимает на себя обязательство немоты, и с этой минуты ничто уже не в состоянии заставить его произнести слово. Правительство тщетно хлопотало разузнать об этой секте. Некоторые чиновники доходили в своей ревности до того, что подвергали бедных сектантов различным пыткам, но и это не привело ни к чему. Пестель, известный генерал-губернатор Сибири при Екатерине II, пытал их самыми жестокими пытками: он заставлял щекотать им подошвы, капать горячий сургуч на живот – сектанты не произнесли ни одного слова.

К этим мученическим сектам должны быть, по видимому, отнесены ещё некоторые, основывающиеся на отдельных мистических учениях и воззрениях. Такова секта *П р о с л а в л е н н а г о С п а с и т е л я*. Мы привели выше при описании Троицкой Лавры предание об образе Нерукотворенного Спаса. По преданию латинской Церкви, это изображение *с т р а д а ю щ е г о Х р и с т а*, отпечатлевшееся на платке Вероники, а по преданию восточной Церкви, образ этот – изображение *п р о с л а в л е н н а г о С п а с и т е л я* при вознесении Его на небо. Этот последний образ и есть средоточие культа названной секты; все остальные образа изгнаны, и посвящённые не признают никакого другого по-

клонения. В часы молитвы все мысли их должны быть сосредоточены и погружены в созерцание этого таинственного образа, и они впадают при этом в состояние глубокого восторга и небесного блаженства. Вот всё, что я мог узнать об этой секте. Я слышал ещё название нескольких сект этого рода, но ничего не мог допытаться об их учениях*.

Совсем особенную секту составляют с у б б о т н и к и (почитатели шабаша, субботы). По Карамзину, секта эта возникла в Новгороде в 1470 г.; родоначальником её был киевский еврей Захарий, привлёкший на свою сторону нескольких попов и убедивший их, что единственное божественное происхождение имеет только закон Моисея. Сектанты подвергались большому преследованиям, из которых одно, в 1503 г., выступило против них с огнём и мечом, но, несмотря на то, учение их продолжало распространяться, и ещё в последнее время число их значительно возросло в Сибири. Они не знают еврейского языка и не учатся ему, но руководствуются славянскими переводами Ветхаго Завета. Они надеются на земного Мессию, но, подобно саддукеям, не признают воскресенья, прибегают часто к каббалистическим приёмам и потому в тайне играют роль прорицателей и колдунов**.

Другой ряд сект возник из раскола XVII столетия.

По свидетельству знатоков, например Грисбаха, перевод Св. Писания на старославянский язык, сделанный святыми Кириллом и Мефодием, очень хорош. Этот перевод перешёл в Россию при введении в ней христианства вместе с церковными книгами восточной Церкви. В то время начала развиваться в монастырях культура и образование. Об этом

* Дмитрий Ростовский написал в начале XVIII столетия книгу о русских сектах, но так как она написана на русском языке, то недоступна для меня; он приводит в ней до 200 различных сект, большею частью уже исчезнувших, но взамен их явилось с того времени много новых.

** Существует рукопись XVI столетия, написанная одним монахом против этой секты; рукопись эта указывает, что в то время в русских монастырях ревностно изучались Аристотель и схоластическая философия.

свидетельствуют также религиозные рукописи до конца XIII столетия. Они написаны хорошо и совершенно правильно. Однако при владычестве монголов вся образованность пала. Духовенство перестало понимать церковный язык, и в церковные рукописи вкралось много ошибок. Почти в каждом удельном княжестве образовались особые обряды и церемонии. В священных книгах попадались места, совершенно бессмысленные или представлявшие значительные отклонения от первоначального текста. Наконец, когда великое княжество Московское объединило русское государство, и в особенности когда основание патриаршества крепче связало все церковные учреждения, все ошибки и злоупотребления выступили ярче. Патриархи, понуждаемые царями, принялись с большею ревностью за исправление ошибок, за восстановление первоначального текста священных книг. Однако патриархи и их школы не были сильны в Св. Писании; даже Филарет Романов вследствие своего незнания не исправил некоторых ошибок, которые, очевидно, произошли от искажения, и признал их верными. Впервые учёный патриарх Никон сделал основательное исправление. Он послал учёных монахов на Афонскую гору для сличения древнейших рукописей и после продолжительных подготовительных работ восстановил, наконец, первоначальный текст священных книг, а в 1659 г. приказал ввести повсюду новые книги и вывести из употребления прежние*.

Вскоре Никон встретил энергическое противодействие. Многие попы и возбуждённые ими массы народа стали распространять, что Никон ввёл в церковные книги «новшества», что он склоняется к полякам, к римскому католицизму. Другие говорили, что Лютер также утверждал, что он восстанавливает первобытное христианство, а между тем изменил религию, уничтожил обедни и пять таинств.

* Книги богослужбные были отпечатаны, и с этого времени запрещено употребление писанных. У староверов до сих пор рукописные книги; все же печатные они предают проклятию. Их книги переписываются постоянно в их женских монастырях.

Так как восточная Церковь не признает над собой высшей независимой главы, непогрешимый авторитет которой мог бы решить спор, то вскоре оказалось, что соединение обеих партий стало невозможно, и раскол становился всё больше. Масса народа не может оправдывать никаких, даже самых незначительных, изменений в главнейших обрядах. Восточная церковь в существе своём опирается на предания. Всё в ней, даже самое ничтожное украшение в постройке церкви, унаследовано от отцов, и никто из современников не имеет права что-нибудь изменить тут; напротив, на каждом лежит обязанность передать следующему поколению всё, что касается религии, в неискажённом виде. Иерархия восточной Церкви не руководит и не истолковывает ни догматической, ни обрядовой части, но только исправляет богослужение*.

* Часто приходится слышать в Европе и в очень небольшой части русского общества мнение, что в России государство совершенно поработило Церковь и лишило её внутреннего развития. Русская Церковь как католическая не может существовать без центральной высшей власти. Римско-католическая церковь имеет этот центр в папе, и это даёт ей независимое положение и возвышает её над всеми национальностями, так что она может проливать равномерно свет и справедливость на все народы и государства. Россия не имеет этого преимущества. По отношению к России подобное место занимал прежде константинопольский патриарх; но и он был недостаточно самостоятелен, и в России нередко смотрели на него с некоторым недоверием. Он был слишком зависим от греческого императора, чтоб остаться вне подозрения в политических интригах. Впоследствии, после подчинения турецкому господству, положение его стало так низко, что его нельзя было признавать за главу Церкви. Тогда Москва основала своё патриаршество. Но тут оно было вызвано государством, а не внутренней необходимостью самой Церкви, и потому не могло пустить глубоких корней ни в Церкви, ни в народе. Но такое чисто национальное патриаршество неминуемо пришло бы впоследствии к величайшей нетерпимости и преследованью и к односторонней замкнутости Церкви, народа, а затем и государства. Пётр I понял это и заменил патриарха коллегиальным синодом, подчинив себе и государству внешнее положение и иерархию Церкви, не касаясь её догматики. Непредубеждённый человек поймёт, какая неисчислимая выгода давало это России по отношению ко всему её внутреннему развитию. С этого времени правительство было всегда посредником между Церковью и народом. Стоя во главе 100 национальностей, с разнообразнейшими религиями и культами, оно уже с давняго времени внесло терпимость в свои отношения к ним, — это огромное благо для всей страны. Во всём этом русская Церковь ничего не потеряла; напротив, её ожидает несомненное и неудержимое развитие изнутри себя.

В сущности, поправки Никона были совершенно верны, и остальные восточные патриархи одобрили их; но народ не принял бы их, если бы не перешло на сторону Никона правительство, которое было заинтересовано более чем сам патриархат в полной однородности богослужения. Это указывает, какие слабые корни имело в народе патриаршество; этим одним может быть объяснена та лёгкость, с которой впоследствии Пётр I отменил его, сливши в своём лице главенство государства и Церкви. В России светская власть была всегда сильнее власти духовенства.

Раскол, начавшийся при Никоне, получил только при Петре I свой определённый характер; он не ограничился одним отпадением от господствующей Церкви, но получил и политическое значение.

Я долго разговаривал с одним раскольником, получившим некоторое образование и обладавшим более чем обыкновенною проницательностью ума; он относился ко мне с большим доверием, потому что меня свёл с ним один мой приятель-немец, которому он очень предан. Он дал мне замечательное объяснение: «Не Никон разорвал нас совершенно с остальными нашими русскими братьями, но Пётр I своим западничеством направлением; приказание брить бороды было только внешним выражением этого направления».

В другом месте я видел выражение глубочайшей ненависти к Петру I. Мне показывали на стенах портреты раскольников, которые замучены и убиты им. Одна раскольничья секта называет его прямо антихристом: с ним началось царство антихриста, время, в которое не стало более истинных архиереев и священников; с ним началась ночь перед пришествием Спасителя, и нет более надобности ни в каких таинствах, кроме причащения, которое может совершать каждый верующий отец семейства. Разве не стоит в Библии, что антихрист изменит времена, и разве Пётр I не перевёл нового года с 1 сентября на 1 янва-

ря? Разве он не уничтожил летосчисление от сотворения мира и не перенял от латинского еретика летосчисления от Рождества Христова? Разве не писано в книгах, что антихрист будет требовать денег и податей с мёртвых, и разве Пётр I не сделал этого введением ревизии? Воистину, это поношение Бога – брать подати с души (безсмертного дыхания Божья), а не с земли!

Уже Пётр I прекратил преследование собственно староверов (их совершенно несправедливо называют еретиками). Когда открылось, что они сильно были замешаны в стрелецком бунте, он обложил их двойною податью, но впоследствии это было отменено. Начиная с Екатерины II господствующая Церковь пыталась усыновить их. Правительство Александра и Николая очень хлопотало кроткими мерами соединить их с Церковью. Им постоянно делались уступки в главном: все различия в их богослужении и обрядах отнюдь не назывались еретическими; им торжественно было объявлено разрешение сохранить свои обряды; им дали название единоверцев; от них требовали только одного, – чтобы священники их посвящались православными архиереями, причём самое посвящение должно быть совершаемо по их старым обрядам, и правительство обещалось им не вмешиваться в воспитание и образование их духовенства.

Тем не менее успех был незначителен. Только немногие деревни были этими мерами присоединены к православию, но и те держатся, по возможности, в отдалении от него. Прихожане с недоверием смотрят на единоверческих попов и опасаются пагубного на них влияния архиереев. Большинство староверов обходится беглыми попами, то есть попами государственной Церкви, отрешёнными от должности вследствие преступлений или перешедшими к ним за деньги, часто очень большими. В прежние времена на севере, в лесах, были староверческие монастыри, в которых жили архиереи, рукоположенные по их обрядам, од-

нако монастыри эти были открыты и уничтожены, жители выселены, а архиереи перемёрли. Некоторое время богослужения староверов отправлялись ещё священниками, посвящёнными этими архиереями, а теперь, как уже сказано, они обходятся беглыми попами.

Староверы имеют большое нравственное влияние на Россию и на правительство. При каждом новом законе в вопросах Церкви, внутренней политики, при предположениях каких-либо улучшений или изменений – всегда ставится втайне вопрос: что скажут на это староверы?

Староверы представляют собой кристаллизацию древнерусских начал, принцип неподвижности или, скорей, окаменевшаго прошедшаго. Они составляют тот регулятор, по которому можно определять ту границу, дальше которой не могут достигать изменения жизни в данную минуту.

Кто хочет изучать характерныя черты великороссов, тот должен изучать их у староверов. И это вовсе не так трудно для иностранца, как обыкновенно думают. Коренной русский по природе своей обходителен, разговорчив, доверчив, в особенности с иностранцем; этим он существенно отличается от германских народов, от немцев, англичан, голландцев, которые обыкновенно сдержанны, неразговорчивы и даже недоверчивы к иностранцу. Русский в этом отношении больше похож на француза. Притом ему кажется невероятным, чтоб иностранец интересовался им, его состоянием, народными нравами и обычаями. Хотя я не знал русскаго языка и объяснялся с крестьянами через переводчика, они не только отвечали мне откровенно и прямо об их отношениях к семье, помещику и общине, но и охотно, без страха показывали мне своё домашнее устройство, обработку земли, жёны и дочери одевались в праздничные костюмы, пели народныя песни, рассказывали свои сказки и т. д. Короче, если б я имел свободное время и знал бы русский язык, я бы мог собрать тут такие материалы и данные, каких нельзя собрать ни у какого народа.

Староверы вообще имеют более простые нравы: они трезвее, положительнее прочих русских поселян. Можно положительно сказать, что чем ближе стоят русские крестьяне к староверам по нравам, одежде, привычкам, тем они лучше. Как скоро русский поселянин получает лоск полуобразования, сбривает бороду, меняет костюм, строит дом в новом вкусе и т. д., ему перестают верить и он делается обыкновенно негодяем.

Староверы в большинстве случаев получают некоторое образование и в этом далеко оставляют за собой остальных русских. Большинство их умеют читать и писать, хотя по старославянской грамоте (новую русскую азбуку они считают еретической)*. Все они очень хорошо знают Библию и даже почти наизусть. Они изощряют свой ум в теологических тонкостях. Я могу привести здесь несколько примеров, свидетельствующих о диалектических способностях этих крестьян.

Я сказал вышеупомянутому староверу: я нахожу очень справедливым и хорошим, что они крепко держатся отцовских правил и не бреют бород – это придаёт мужественный и красивый вид, и я бы, конечно, не сбрил и сам бороды, если бы это не противоречило обычаям моей страны, хотя я не считаю этого за грех, при всём том мне хотелось бы узнать его взгляд на это.

Он отвечал: ты христианин?

Я. Конечно.

Он. Веришь ты, что Христос – сын Божий и что мы должны исполнять всё, что Им приказано?

---

* В женских староверческих монастырях, из которых некоторые существуют и теперь в северных лесах, монашенки заняты перепиской церковных и религиозных книг. И почти все эти книги написаны хорошо и красиво. В этих монастырях господствует сильный разврат. Мне рассказывали, что в одном монастыре при озере в Олонецкой губернии монахи и монашенки живут вместе совершенно открыто. Родящихся детей они часто бросают в озеро. От времени до времени наезжает к ним исправник и объявляет, что хочет осмотреть озеро, – тогда возникает великий ропот, собираются кучи денег и дарятся исправнику.

Я. Во всяком случае.

Он. Веришь ты, что Библия и четыре Евангелия – слово Божие и что мы обязаны исполнять и держаться того, что нам приказал Христос?

Я. Верю и признаю.

Он. Разве не говорит Христос: Я пришёл не уничтожить Закон, но пополнить его. Закон, о котором он говорит, разве не Закон Моисеев? Разве Христос не ссылается часто сам на Закон и не приказывает следовать ему?

Я не мог не согласиться с этими и многими подобными вопросами.

Он. Разве не ясен тот смысл в Новом Завете, что всё то в Моисеевом законе, что прямо не отвергнуто Христом, сохраняет свою обязательную силу для христиан?

Я. Я думаю, что это так.

Он. Безспорно, что 10 заповедей относятся к тому закону, который для нас обязателен. А в 19-й главе 3-ей книги Моисея, где изложены 10 заповедей, стоит: «Вы не должны ни стричь волос на голове в кружок, ни брить ваши бороды».

Я ничего не мог на это возразить и был побит с моей латынью.

Он. И так мы имеем за себя библейскую заповедь, но мы имеем за себя и предание Церкви. Наши отцы и прадеды всегда носили бороды, и с того времени, как существует христианская Русь, из рода в род передавался этот закон. Все образа, почитаемые Церковью, и с которых мы должны брать пример, постоянно изображают Спасителя и святых с бородами.

Я был совершенно разбит и уверил умнаго старове-
ра, что, вернувшись на родину, я распространю там его
сильные доводы в пользу небритья бород и надеюсь иметь
успех в этом, тем более что молодое поколение, м о л о -
д а я Е в р о п а, не исключая и высших классов, уже не-
сколько лет отпускает бороды как можно длиннее и, может

быть, без собственного ведома, обратилась уже в старове-
ров. Может быть, отсюда пристрастие к бороде заставляло
подозревать в них всевозможные тайны, на которые пра-
вительства смотрели неблагоклонно, и потому принимали
их бороды за главное доказательство и за внешний при-
знак тех затаённых дум.

Второй разговор я записал в Москве почти буквально
со слов одного из участников. Разговор этот со всеми об-
стоятельствами, сопровождавшими его, отлично характе-
ризует нравы русского народа.

С давняго времени завёлся в Москве оригинальный
обычай: каждое утро на Святой неделе большие массы
народа собираются в Кремле на площади перед знамени-
тым Успенским собором для религиозных разговоров. Тут
сходится собственно простой народ; ни духовенство, ни
чиновники, ни дворяне не принимают участия в спорах.
Полиция смотрит сквозь пальцы на эти собрания, и на них
не бывает полицейских. Да они тут и совершенно беспо-
лезны, так как на диспутах господствует величайшее спо-
койствие и порядок и никогда не выходит ссор. Народ сам
строго соблюдает порядок и останавливает даже всякое
слишком громкое слово.

По одну сторону собираются приверженцы ортодок-
сальной Церкви, напротив них становятся раскольники
всех сект, в особенности старове-ры различных оттенков.
Образуются несколько групп; в каждой из них есть не-
сколько бойцов, защищающих или опровергающих какое-
нибудь религиозное положение. Споры ведутся с величай-
шей вежливостью и спокойствием. Желаящий возражать
скидывает шапку, низко кланяется своему противнику и про-
сит у него позволения возразить на его положения или от-
ветить на его вопрос. Никто не перебивает другаго. Разго-
воры ведутся при этом с большою логикою и диалектикой.
Если кто спасует в споре, то тотчас кто-нибудь из сзади
стоящих выступает к нему на помощь или берёт на себя

продолжение спора. Если кто разгорячится, начнёт кричать или даже скажет: «Это неправда», то его сторонники увещевают его и говорят: «Пошло на *да* и *нет!*» Если он не успокаивается, его немедленно оттаскивают назад.

Высшие или образованные сословия мало интересовались этим народным обычаем. Однако в последнее десятилетие в России, как и в остальной Европе, распространилось стремление к изучению народной жизни. Однажды пяти молодым людям из высшего общества пришло на мысль принять участие в этих оригинальных диспутах – то были способнейшие и даровитейшие люди Москвы, и между ними известный поэт Х., необыкновенно хорошо и просто говоривший.

Все пятеро оделись в народный костюм и отправились в Кремль на Святой 1841 года с тем, чтобы посмотреть на диспуты, а если случится, то и принять в них участие. Они нашли уже большую толпу народа и продрались в середину, чтоб быть ближе к спорящим.

Господин Х. вмешался первый в разговор. К нему относились с пренебрежением, может быть потому, что он непрошенный вмешался в спор; но когда защитник ортодоксальной Церкви запутался и господин Х. ответил за него очень ловко, все со вниманием обратились к нему и мало-помалу уступили ему и его товарищам ведение спора.

Со стороны сектантов выступил также один из главных бойцов; то был старовер поморской или безпоповщинской секты, красивая, умная голова, с роскошной длинной седою бородой.

Разговор принял такой оборот, что раскольник, высказал следующее положение:

Раскольник. Внешняя Церковь не существует. Христос учил, что Церковь – его ученики, а когда их начали преследовать, так они бежали в горы и леса; могла ли бы это сделать каменная церковь?

Господин Х. Брат, ты неправильно приводишь текст Св. Писания. Там не сказано: вы (ученики) – церкви, а Церковь. Апостол говорит: кто не слушает Церкви, кто не повинуется Церкви и т. д. Следовательно, Церковью называется собрание верующих со служителями алтаря и в Божьих храмах.

Раскольник (перескакивая на другой предмет). Но таинство причащения; как можно раздавать и принимать причастие, когда написано: грешник обретает в причастии вечную смерть? Разве есть безгрешный человек? Он между исповедью и причастием уже опять нагрешит. Есть только одно мгновение, в которое человек не грешит, это мгновение смерти! Но тогда ангел хранитель незримо даёт ему причастие.

Господин Х. Как же, брат? Христос ведь сам утвердил таинство причащения. Он говорит: едите, пейте, это тело Моё, кровь Моя. Христос говорит также: Я Бог живых! Ты же хочешь из него сделать бога мёртвых. Он же установил архиереев и священников, чтоб они раздавали причастие.

Раскольник. Что ты толкуешь об архиереях? Эти люди грешники, как и мы! Сними с них облачение, они ничем не будут отличаться от нас.

Господин Х. Ты прав, они люди! Но царь также человек, однако ты ему повинуешься. Но ты повинуешься не ему, а власти его. То же самое и с архиереями и священниками: через них говорит Церковь.

Раскольник. Ты мне всё говоришь о Церкви, а где она в несчастьи и страдании? Когда я на необитаемом острове или в стране язычников, так я вне Церкви? Я её не признаю.

Господин Х. Ты не признаёшь Церковь, брат, но она тебя признаёт! Она ежедневно за обедней молится за тебя. Поэтому ты в ней, как бы ты ни был отдалён от нея телесно.

Раскольник (после некоторого молчания, переходя к другой теме). Ну, а с крестом как? Есть только один крест,

да и тот вы складываете не так, как Христос. Посмотри на все древние образа Спасителя: Он соединяет большой палец, мизинец и безымянный, а остальные пальцы подымает для благословения. Вы же, когда делаете крест,* соединяете первые три пальца.

Господин Х. Крест, которым благословляет нас Христос, есть крест благословляющий, и мы не смеем складывать его. Поэтому архиереи, священники, благословляя народ во имя Христа, благословляют этим крестом, потому что тогда через них благословляет рука Христова. Но мы все грешные люди и не можем сами себя благословлять. Мы крестимся тремя пальцами и таким образом просим Св. Троицу благословить нас. Поэтому наши архиереи священники такие же бедные, грешные люди, как и все мы, когда крестят себя, то употребляют тот же крест, что и мы.

Раскольник. (Очевидно, был в затруднении отвечать на это; поэтому он стал делать личные нападки против своих противников за то, что они лучше одеты, чем остальные, тут стоящие русские, а главное за то, что они не носят бороды; причём он мог убедиться в симпатии к нему всех русских бородачей). Отчего многие из вас бреют бороду? Это грех. Вы искажаете образ и подобие Бо-

---

* Я не могу не привести тут разговора, который был у одного моего приятеля католика с старовером. Мой приятель спросил его, знает ли он, что в древния времена все христиане, а следовательно и предшественники староверов, признавали римского папу главою всего христианства? Тот отвечал, что он слышал об этом и слышал также, что был один папа по имени Формоза, который впервые ввёл крестное знамение тремя первыми перстами; тогда православные отделились от него и с того времени не хотели признавать этого папу главою Церкви, а считали его еретиком. После смерти этого Формозу выкопали из могилы и отрубили ему пальцы. Как странно сохраняются и распространяются предания! Барониус рассказывает, что, действительно, в IX столетии папа Степан VI велел своего предшественника папу Формозу выкопать из могилы и отрубить ему голову. Были ли отрублены ему при этом и пальцы, Барониус не говорит, но это очень возможно.

жье, вы уничтожаете то, чему Бог велел расти. Христос носил бороду, святые также, а мы должны им подражать.

Господин Х. Носить бороду хорошо, я хвалю это. Но брить её тоже не грешно. Разве у Бога есть тело, разве твоё тело – образ и подобие его? Нет, твой дух, твоя душа! Разве это не так?

Раскольник. Да, но Христос?

Господин Х. Имел ли Христос бороду, когда был ребёнком? Ты должен быть подобен Христу, но в каком его возрасте? В возрасте ли ребёнка, когда он учил в храме, или в возрасте мужа, когда он пострадал за нас? И как ты можешь претендовать на телесное сходство с Христом? Ну, а матерь Божия и все святые девы и женщины, и наконец, все женщины, разве не сотворены по образу и подобию Божью? А у них нет бороды.

Раскольник. Но мы должны по возможности приближаться к святым мужам, а они все были с бородами.

Господин Х. У святого Георгия не было бороды, и ты это можешь видеть на его изображениях.

Раскольник. Он был военный и, конечно, должен был подчиняться приказанию своего начальника.

Господин Х. Св. Лаврентий был также без бороды.

Раскольник. Нет, с бородой.

Господин Х. Нет, без бороды.

Раскольник. Нет, с бородой.

– Ну, это уж не спор; пошла на *да* и *нет*; тут уже должны книги разсудить. Но всё-таки ты говорил хорошо и толково. Кончим.

Господин Х. Прощайте, но послушайте вы все ещё одно: когда распяли Христа, то разорвали одежду Его и разделили между собой, – было ли это справедливо?

Раскольник. Нет.

Господин Х. Но вы, братья, вы, староверы, вы делаете каждый день то же самое! Вы делаете больше! Церковь не одежда Христа, а Его Тело, Его Невеста, а вы разрываете её.

Господин X. и его спутники распрощались со всеми и удалились, но целая толпа защитников православия последовала за ними на большую кремлёвскую площадь; один из толпы вышел вперёд и сказал господину X: «Ты так хорошо говорил! Приходи сюда почаще, как можешь, и помоги нам, а теперь похристосуйся со всеми нами».

Некоторые отвели в сторону одного спутника господина X. и спросили его: «Брат, скажи нам, кто это такой, что он так необыкновенно хорошо говорит?» Тот отвечал: «Он дворянин, и мы все дворяне». Тогда они удивлённо воскликнули: «Как, дворянин, и знает все это?»

Великоросс одарён живым и весёлым темпераментом, он непостоянен и легкомыслен. Но самый свежий и отважный из всех великороссов – это казак. Малоросс, напротив, разсудителен, любит фантазировать, склонен к меланхолии, тих и медлен во всех своих движениях. По-видимому, нужно было бы думать, что староверчество, самая строгая, разсудительная секта, особенно распространена между малороссами. Совершенно наоборот, между ними нет никаких следов этой секты. Староверы, живущие между малороссиянами, например в некоторых деревнях между Киевом и Черниговым, все великороссы; они не могут привлечь к себе ни одного малоросса, тогда как между великороссами сектантство распространяется всё больше. Всего же больше оно распространяется между бодрыми и отважными казаками.

Главные пункты русскаго сектантства – в Сибири, на Урале, в северных губерниях, в Саратовской губернии и между всеми казаками.

Долгое время средоточием раскола был Большой Иргиз, в Саратовской губернии; там было 4 больших староверческих монастыря, которые пополнялись так на-

зываемыми, беглыми, то есть дезертирами, бежавшими преступниками из Сибири и разстриженными попами и монахами. В 1838 г. туда было послано войско, монастыри закрыли, а все взятые сосланы в Сибирь.

Староверчество распространено только между крестьянами и теми купцами и фабрикантами, которые вышли из крестьянского сословия. Между ними совсем нет дворян, как нет ни учёных, ни теологов. Их учения передаются только по преданию. В их женских монастырях переписываются церковные книги, но я не знаю, вышла ли у них за целое столетие хоть одна новая книга*.

Русская ортодоксальная Церковь до сих пор не могла победить староверов; она может достигнуть этого только путём популяризации богословских знаний и большею заботой духовенства о его духовной пастве. Харьковский архиерей Иннокентий, отличный проповедник, присоединил к православию несколько тысяч староверов.

Но чего не могла сделать Церковь, того достигает постепенно распространяющаяся цивилизация. Староверы в больших городах, в Москве, Петербурге, Риге, сделавшись купцами и разбогатевши, остаются верными своему учению только в первом поколении; следующие поколения бреют бороды, скидают кафтаны и надевают фрак, а с переменою старых нравов и костюма падает курс и на религиозные воззрения. Но нельзя утверждать, чтобы с этой переменой приобреталась большая нравственность и истинное образование.

У староверов можно изучать первобытный взгляд русских на другие народы. Русские знают собственно три нации. Себя и родственные им народы сербов, поляков, богемцев и т. д., они называют славянами (от *слово*,

---

* Я слышал только об одной книге, написанной староверами при Екатерине II в защиту их учения и направленной против тогдашнего нижегородского архиерея; книга была напечатана.

то есть говорящие, понимающие друг друга). Все западные народы они называют немцами (немыми); так, есть немцы германские, немцы английские и т. д. Все южные народы они называют басурманами (мусульмане). Западные народы они не считают даже христианами; крещение их не истинно, потому что совершается без погружения. Такое мнение в России было всеобщим до Петра I. Большая часть староверов не признаёт даже правильным крещение ортодоксальной Церкви и перекрещивается вновь.

Следующий анекдот может дать понятие о старинных воззрениях русских. Один сектант, нарушивший клятву, был сдан в солдаты. Когда ему пришлось принимать присягу, он отказался.

– «Отчего ты не хочешь присягать?»

– «Моя религия запрещает мне это; но если б она и позволяла мне, то я всё-таки не стану присягать тому, кого вы называете императором; я только присягну настоящему белому царю. У нас есть книги и картины с его настоящим изображением: у него корона на голове, скипетр и земной шар в руках и он одет в длинную золотую парчу; а у этого шляпа, мундир, шпага на боку, как у всех солдат, которых я видел; он похож на нашего, а всё-таки не настоящий царь».

Впоследствии для староверов присяга была отменена.

Различают 3 главные секты, развившаяся одна из другой, из которых последняя опять дробится в безчисленное количество мелких отдельных сект.

1) Единоверцы или благословенные. Первое название дало им правительство и русская Церковь, а вторым они называют сами себя. Нет никакого существенного различия в учении этой секты и православной Церкви. Вся разница заключается в некоторых церемониях и обрядах. Староверы крестятся, складывая

большой палец, мизинец и безымянный, а православные – большой палец, указательный и средний. Староверы считают грехом бритьё бороды, и русский православный народ в глубине души своей тоже. Староверы утверждают, что слово Иисус должно быть выговариваемо в два слога (Исус). При крестных ходах они обходят церковь с правой стороны; патриарх Никон велел обходить с левой. Они все носят чётки и молятся по ним, тогда как в православной Церкви это делают только монахи. Староверы поют на Пасхе аллилуйю два раза, православные – три. Староверы считают грехом курение табаку, по тексту: «Не то грех, что входит в рот, а что выходит из него». Кофе и чай также грех. Картофель – плод дьявольский. Они несколько не сомневаются, что плод, которым змий соблазнил Еву и погубил Адама, был картофель и т. д. Трудно поверить, чтобы на таких мелочах держался раскол. Но XVII век был временем мелочных религиозных споров и раздоров. Это поветрие пронеслось надо всей Европой, и казуистическая распри иезуитов с протестантскими теологами служат тому лучшим доказательством.

В России религиозные споры велись тогда решительно всеми попами и публикой совершенно открыто на улицах, даже на площадях в Москве. Тогда же возгорелся богословский спор между школами киевской и московской. Киевская богословская школа считалась тогда, да считается и теперь, более учёной (если только теперь она не уступает в этом петербургской). Спор касался таинства евхаристии: совершается ли претворение вина и хлеба в Кровь и Тело за обедней в тот момент, когда священник произносит слова: «Сие есть тело моё» и т. д., или тогда, когда он поднимает чашу. Киевская школа и вместе с нею малороссияне, белорусские и литовские архиереи стояли согласно с мнением римской Церкви за первое положение. Второе положение разделялось московской школой и па-

триархом Никоном согласно с Константинополем. Тогда начал Никон свои поправки в церковных книгах. Поэтому ничего нет мудрёного, что в это время споров и дебатов образовалась оппозиция против него и что старoverы примкнули к ней. Киевская школа и западные архиереи встали сначала ревностно против Никона, почему им, а вскоре затем и старoverам, стали приписывать симпатии к католицизму, то есть бросали в них те же обвинения, в которых старoverы укоряли Никона. Позднее Пётр I велел отрубить голову Сильвестру Медведеву, которого старoverы считают за своего и который находился под значительным влиянием Симеона Полоцкого и римско-католического направления. Симеон Полоцкий был первый в России, начавший проповедовать в церкви. Патриарх запретил ему это, но царь заступился за него.

2) Вторая раскольничья секта – с т а р о о б р я д ц ы. Они во всём совершенно согласны с предыдущей сектой, но обвиняют её в сближении с православной русской Церковью. Их попы не посвящаются русскими архиереями, а они довольствуются беглыми попами, разстригами или перебежчиками, которые, прежде чем стать старообрядческими попами, должны поклясться в полном расторжении с православной Церковью; на этот случай у них сложена особая молитва. Они называют этот акт и с п р а в л е н н и е м. Секта многочисленна.

3) Третью главную секту составляют п о м о р я н е или б е з п о п о в щ и н ц ы. Эта секта, не имеющая попов и не нуждающаяся в них, распадается на безчисленное количество мелких сект, называющихся по имени своих предводителей, – Филипповцами, Феодосеевцами, Аввакумовцами и т. д.; в своём антагонизме православию они стоят в определённой и тесной связи между собой и с двумя предыдущими сектами. Ничего нет невероятного, что с ними связаны и некоторые из вышепомянутых

древних сект, которые я считаю частью остатком гностических учений.

Первоначально секты эти принадлежали ко второму отделу и стали самостоятельными только потому, что, несмотря на всё старание, не могли добыть беглых попов или сомневались в действительности благословений этих попов, которые хотя отпали от православия и перешли к ним, но все же были некогда посвящены еретическими архиереями.

Лишённые, по их мнению, истинных попов и совершаемых ими таинств, они образовали две различные богословские системы. Одни считают себя верующими, выброшенными на необитаемый остров, и так как они не могут получать таинства, то, чтобы принять в них духовное участие, им остаётся одно средство – полнейшее предание себя воле Божией, молитва и благочестие. Они крепко надеются, что со временем остальные русские обратятся к ним, проклянут нововведения Никона и возстанут истинную Церковь, введя у себя новых священников и архиереев, посвящённых другой восточной Церковью, сохранившей истинное православие.

Другие думают, что с Никоном и с постепенным помрачением истинного священства, настало царство антихриста. Поэтому истинным христианам приходится скитаться, как заблудшим овцам, и ожидать пришествия Спасителя. Один из них говорил мне так:

«Мир имел четыре эпохи: весну или утро, от Адама до построения храма Соломонова; лето или полдень, от построения храма до Христа; осень или вечер, от Христа до Никона или антихриста; теперь зима или ночь, пока не явится Спаситель и не разрушит царство антихриста. Поэтому мы живём, по возможности, по заповеди Христа и указанию церкви; мы верим во все семь таинств, но нам не нужно из них ни одного, кроме крещения, потому что стало невозможно получить их чистыми».

Эти два главные отдела распадаются ещё, как уже сказано, на множество подразделений*, отличающихся друг от друга мелочами, отдельными обрядами, второстепенными церемониями и манерой чтения церковных книг. Может быть, эти подразделения возникли из различных отступлений в обрядах в разных удельных княжествах до Никона. Я имел случай довольно близко познакомиться с двумя такими сектами, с Филипповской и Федосеевской.

С Филипповской сектой я познакомился ещё в 1837 г. в восточной Пруссии, куда около 1825 года переселилось из Польши от 400–500 этих сектаторов. Я могу сообщить следующее об их учении и образе жизни: у Филипповцев, как уже было сказано, нет попов, но церковную службу отправляют у них старики. Отец приготовляет к этому одного из своих сыновей с самого детства. Ребёнок никогда не ест мяса и только один раз в день ест тёплую пищу; он не должен употреблять горячительных напитков и остаётся холостым на всю жизнь. Когда ему минет определённый возраст, сосед-старик вводит его в новую общину, оба на коленах читают известные молитвы; затем старик обнимает его, и этим посвящение оканчивается. При этой церемонии старик отнюдь не должен накладывать крестного знамения на новобранца, – это имело бы характер посвя-

---

* В одной такой, немногочисленной, секте введено общественное владение всею собственностью. У них также нет нерасторгаемых браков на всю жизнь, но они договариваются на сожительство на определённый срок. Так как наследство не существует, то дети принадлежат не родителям, а общине. Наши сен-симонисты, коммунисты и др. сделали бы умно, если б поступили в практическую школу к этим людям. В Орловской губернии одна русская помещица владеет деревней, которой поселяне принадлежат к этой секте. Барыня старалась обратить крестьян, но одна крестьянка вступила с ней в спор и, зная наизусть от слова до слова весь Новый Завет, так забила барыню, что та не знала, что отвечать; при всем том эта баба не умела ни читать, ни писать. Помещица поручила своему управляющему сделать дальнейшие попытки к обращению отступников; тот отвечал, что это было бы противно материальным интересам помещицы, что в настоящее время очень трудолюбивые работники и хорошие хозяева не пьют, не воруют и не обманывают, и сомнительно, чтобы они остались теми же, если будут обращены.

щения, которого они не терпят. Все старики равны между собой, никакой иерархической градации не существует. Они носят длинное чёрное суконное одеяние, вроде монашеского платья, и чёрную шапку с красной обшивкой, живут только подаением. В случае дурного поведения, которое должно быть предварительно разследовано стариками соседних деревень, община изгоняет виновного старика. Их обязанность заключается в чтении, пении псалмов и молитв при богослужении.

Старики совершают крещение по общему обряду. Причащение и миропомазание Филипповцы признают наравне с православной Церковью, но не совершают и не принимают этих таинств за отсутствием попов. Три раза в год они исповедуют свои грехи перед каким-нибудь образом, в присутствии старика, который накладывает какую-нибудь епитимию и потом говорит: «Да отпустятся тебе грехи твои». Брак совершается таким образом, что жених и невеста произносят своё желание на брак в присутствии трёх свидетелей, но без участия старика. Брак расторгается в трёх случаях: в случае неверности какой-нибудь стороны, падучей болезни и при попытке одного из супругов убить другого, но и тогда развод ограничивается тем, что супруги спят и едят врозь. Из священных книг у них только книги богослужебные, переведённые св. Кириллом; особенно почитается ими одна книга Кирилла Иерусалимского. Кормчая книга составляет всё их законодательство.

Их исповедание веры почти не отличается от церковного. Они верят в Бога Отца, сотворившего землю. *Когда земля прочно соединилась с небом*, Бог послал на землю сына своего Иисуса Христа, рождённого от Божьей Матери для спасения человеков. Святой Дух исходит от Отца. Они почитают Богородицу и других святых, верят в их посредничество между Богом и людьми и даже приписывают таинственную божественную силу их образам; верят в чорта

и его ухищрение, признают загробную жизнь и возмездие в ней за земную; но загробная жизнь начинается не тотчас после смерти, а настанет только в день страшного суда. До тех же пор души находятся *в безразличном состоянии*. На страшный суд *злые явятся с телами, а добрые без тел*. Добрые будут наслаждаться *в раю отличными благоуханиями*, злые же будут мучимы в аду вонючим огнём.

Каждый должен иметь определённое число образов и ежедневно прочитывать перед ними три раза молитвы, особенно «Отче наш». Посты те же, что в греческой Церкви: каждую среду – день предания Христа, каждую пятницу – день Его распятия, затем 7 недель перед Пасхой, две недели перед днём Петра и Павла, две первые недели августа, 6 недель перед Рождеством. Водка и пиво строго воспрещаются, виноградное вино разрешается только в том случае, когда оно приготовлено одноверцами (староверами всех толков). Присяга между ними воспрещена, однако Филипповцы, поселившиеся в Польше, а оттуда распространившиеся и в Пруссии, приняли особый род присяги. Они складывают большой, безымянный пальцы и мизинец на правой руке (знак Троицы), выпрямляют указательный и передний пальцы (знак двух природ во Христе), подходят ко кресту и говорят: «ей-ей, ей-правда».

Я могу сообщить следующие данные об их гражданском устройстве. У них нет фамилий; они называют себя только именем, данным при крещении. Нет у них гражданских писаных законов. В общем, они подчиняются законам той страны, где живут. В общинной и семейной жизни они руководятся старинными обычаями и порядками. Споры разбираются стариком при помощи некоторых домохозяев. Имущество принадлежит обоим супругам нераздельно, но муж распоряжается один. По смерти одного другой владеет всем имуществом. Незаконные дети имеют право на имущество их матери. Пятно родителей не переходит на детей, но падшая женщина должна

иметь внешнее отличие: она должна выпустить 2 косички волос на грудь, тогда как у замужней женщины висит одна коса на спине.

Понятия о различных правах наследства, о совершеннолетию, об опеке им совершенно чужды. По смерти родителей, все их имущество берут сыновья, но обыкновенно не делят его, а пользуются им все вместе под распоряжением старшего брата. Часто и следующее поколение ещё не делится. При разделе все братья получают поровну. Если нет сыновей, наследуют дочери; нет и дочерей, имущество переходит к восходящей линии; нет и ея – к боковой линии. Если совсем нет родственников, имущество переходит в общину. Земля у Филипповцев, как и у всех русских, не входит в наследство, а принадлежит общине, и даётся всем членам общины (мужчинам) для равномерного пользования.

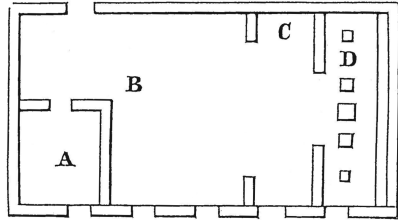
Я не знаю, существуют ли те же порядки у Филипповцев, живущих в России, или они образовались только у тех из них, которые давно поселились в Польше. Так как браки их не признаны в России, то естественно, что там дети не могут наследовать имущества родителей, а потому они ещё при жизни выдают различные акты, дарственные записи, переводят имущество на чужое имя и т. д.

С Федосеевской сектой я познакомился в России. При посредстве вышепомянутого моего приятеля, который, в качестве врача, находился в дружеских отношениях со многими Федосеевцами, я был приглашён в одно воскресенье к ним на богослужение. Мы подъехали ко двору и были встречены в воротах стариками, которые повели нас большим двором к обширному одноэтажному зданию, которое по своей внешности ничем не отличалось от обыкновенного жилаго помещичьяго или купеческаго дома. Мы прошли несколько комнат, наполненных сектантами, которые серьёзно и низко поклонились нам, и вступили в залу, имевшую вид церкви; в ней ещё никого не было, а по-

тому я имел время осмотреть всё её устройство и обо всём рассказать. Устройство её было следующее:

А) Пространство, обгороженное тѣсом на высоту около 2-х аршин, для оглашенных.

В) Зал для молитвы общины, без скамеек, так как все во время богослужения стоят.

С) Место для старейшин и певчих.

Д) Пространство перед иконостасом, где лица, отправляющие богослужение, стоят перед пятью налоями, на которых лежат церковные книги, а на среднем стоит ещё распятие.

В русских церквях за иконостасом помещается алтарь, посредине которого стоит престол; в алтарь ведут трое дверей в иконостасе. Тут не было ни престола, ни алтаря, но в иконостасе было сделано трое дверей, которые были заперты. Посреди иконостаса был образ благословляющего Спасителя, налево рядом образ Смоленской Божьей Матери (с Младенцем на левой руке), рядом с ней св. Дмитрий Прилуцкий; вправо от Христа – Николай Чудотворец, а рядом с ним ещё образ какого-то святого. Над ними множество других образов. На самом верху иконостаса, в отдельной нише, образ Нерукотворенного Спаса.

Для нас поставили скамью рядом с окошком перед иконостасом, так что оттуда мы могли всё очень хорошо видеть.

Мало-помалу все места занимались народом, но одними мужчинами, так как мы пришли сперва в мужскую молельню (потом мы видели и совершенно отдельную от этой женскую молельню и богослужение в ней). Богослужение началось тем, что один из причетников подошёл к правому налою и начал монотонное чтение длинной молитвы, под конец которой повторил 40 раз «Господи, по-

милуй». После этого старейший из общины, с роскошными седыми и длинными волосами и бородой, подошёл к среднему налою, сделал несколько поклонов перед иконостасом и произнёс несколько слов, на которые отвечали попеременно два хора певчих, стоящие один по правую, другой по левую сторону. Напев их монотонный, простой, в унисон. После этого стоявший перед левым налоем прочёл Евангелие на тот день, другой перед правым налоем прочел «Верую» и в заключение хорами были пропеты словословия Христу и Богородице.

Глубокая тишина, благоговение и серьёзная строгость царствовали надо всеми. Мы прошли несколько комнат, вышли на другой двор и вступили в такую же женскую молельню. Расположение залы было совершенно одинаково с предыдущей, только в иконостасе вместо св. Дмитрия был образ Иоанна Крестителя, а в верхней нише – образ Саваофа, благословляющего обеими руками.

Богослужение в женской церкви в существенном было то же, но кроме нас, иностранцев, тут находился только один мужчина, который читал Евангелие.

Вся остальная служба отправлялась женщинами или скорей старыми девами, особенно чтимыми у староверов. Староверы между уральскими казаками зовут старых дев Христовыми невестами. Такое отношение к бедным старым девам более благородно и более рыцарски, чем в Западной Европе, где название старой девы употребляется как брань.

Мелодии молитв имеют большое сходство с хоровым пением в римско-католических соборах.

Голова, лоб и даже нижняя часть лица покрыты у всех женщин, почти как у магометанок, длинным белым платком, широко распущенным на спине.

После богослужения старейшины пригласили нас в порядочно меблированную комнату, и, как бы для дополнения контраста между старорусской и современной европейской жизнью, угощали нас шампанским и апельсинами.

В Москве я познакомился с благотворительными учреждениями безпоповщинской секты. При посредстве одного учёного я получил рекомендательное письмо к Федосеевскому старшине, к которому доступ вообще нелёгок. 5 декабря 1843 года двое приятелей довели меня к нему на санях. Было ясное, солнечное, не морозное утро.

Мы приехали в отдалённую часть обширной Москвы, два раза проезжали обширными пустыми полями, и наконец, прибыли в предместье, которое своими постройками ничем не отличается от русской деревни: те же деревянные одноэтажные дома, при каждом доме обширный двор, огороженный тесовым забором и с воротами на улицу. Тут с нами вышел курьёз. Мы более часу не могли разыскать того господина, к которому я имел рекомендательное письмо. Ни прохожие, ни даже полицейские не знали имени этого важного и богатого человека. Когда мой русский приятель показал адрес письма одному встречному и объяснил, кого нам нужно, то он очень охотно проводил нас к его красивому дому, не имевшему ни малейшего признака потаённости и стоявшему, как и все остальные дома. Хозяин, прочитавши письмо, принял нас самым дружеским и радушным образом. Прежде всего, он повёл нас в домовую молельню, которая, по его словам, есть у каждого сектанта и находится всегда рядом со спальней. Молельня служит иногда и жилой комнатой, но одна стена её покрыта сверху донизу образами наподобие иконостасов русской церкви. В этот иконостас вставляются только самые старинные образа, писанные по золотому фону, или копии с них, сделанные сектантскими иконописцами. Уже и православные русские, строго держащиеся обрядов церкви, неохотно смотрят на новые образа в своих церквях, писанные в светском или западном стиле. Все же староверы считают такие образа греховными и даже еретическими. Старинные образа писаны не по фантазии живописцев, — они скорей действительные портреты святых или явленные и чудот-

ворные образа. Есть литографированный лист с изображением всех Богородиц, чтимых их религией. Таких Богородиц 77, каждая имеет своё название и каждая считается чудотворной явленной иконой. Так есть Божия Мать Казанская, Смоленская, Владимирская и т. д., но между ними есть Божья Мать Германская и Римская. Первая из них есть чудотворная икона Зальцбургская, а вторая приписывается Евангелисту Луке.

Все образа в иконостасе нашего хозяина были очень древни. На задней стороне некоторых из них были написаны имена их прежних владельцев с припискою: «Господи, помилуй», если образ Спасителя, или: «Моли за нас!» – если это образ какого-нибудь святого. Между именами часто встречалась знаменитая фамилия Строгоновых. На остальных стенах висело несколько портретов отличившихся и пострадавших сектантов. Между ними портрет князя Мещерскаго и трёх его внуков или сыновей, которые во времена Петра I считались принадлежавшими к этой секте.

После завтрака наш хозяин повёл нас в их больницы, которыя, впрочем, известны полиции под именем староверческого кладбища*. На обширной площади помещались два огромные четырёхугольника, построенные наподобие крепости. Высокия каменные стены с башнями и большими воротами сводом, а изнутри виднеются куполы нескольких церквей. Всё вместе имело величественный вид. Архитектура отдельных частей интересна и очень оригинальна; мне особенно понравился роскошный портал из песчаника с барельефами над воротами, ведущими к женской больнице, который, очевидно, принадлежит к древнейшим постройкам Москвы и, может быть, составлял некогда часть царскаго дворца. Внутри четырёхугольника стоит множество прилегающих друг к другу построек – приюты для бедных, старых и больных, амбары, кухни и др. Посредине стоят две роскошныя церкви с множеством куполов и такого же

* Преображенскаго.

устройства, как описанная мною выше Филипповская молельня, то есть с иконостасом, но без алтаря.

Прежде всего, мы пришли в контору с целой канцелярией, которая действительно необходима, так как в таком четырёхугольнике живёт, может быть, более 1000 человек. В больших комнатах жилых домов помещается большею частью от 50 до 60 мужчин. По столько же помещается в спальнях, где, впрочем, у каждого своя постель с тюфяком, набитым соломой, подушкой и байковым одеялом. Залы соединяются открытыми проходами, в стенах которых устроены отдельные небольшие комнатки для тяжёлых больных. Из последней залы такой же проход с комнатками направо и налево ведёт в большую молельню, устроенную совершенно так же, как описанная выше.

Кроме двух отдельных церквей, в обоих четырёхугольниках не менее 6 или 8 таких молелен.

Больные и слабые старики, не имеющие никаких средств, содержатся тут на общественный счёт; более сильные должны что-нибудь работать за своё содержание. Каждый обязан 10 часов в день находиться при богослужении в молельне, от чего освобождаются только те, которые должны работать для своего прокормления. Богослужение в том роде, как оно описано мною, длится день и ночь, и лица, отправляющие его, меняются каждые два часа. В женском четырёхугольнике обязанность эта, конечно, лежит на женщинах. В этих учреждениях призывается до 200 мужчин и от 700 до 800 женщин. Детей я совсем не видал. Все принадлежат к секте. Бедные, не принадлежащие к секте, получают пищу, но не могут оставаться на ночь.

Может быть, учреждения эти несовершенно и недостаточно приспособлены и в подробностях не могут быть сравниваемы с хорошими европейскими больницами; но подумайте только, что эти всё-таки обширные заведения задуманы и выполнены людьми, которые по образованию стоят ниже немецких крестьян, — людьми, которые не только не

получили вспоможения от правительства, но даже не пользовались его указаниями, и наконец, людьми, не имевшими никаких сношений с образованным классом своего или чужаго народа. Они повсюду встречали препятствия и собственными силами всё-таки основали учреждение, превосходящее по размерам и богатству большую часть подобных частных заведений. И кто же эти люди? Русские мужики без попов, без дворян, без цивилизации и науки, исполненные суеверий и предрасудков против всяких нововведений!*

Эта столь давно существующая замкнутая и крепкая организация невежественных масс, без последовательной системы, без теологии, без дворянства, без духовенства, представляет что-то необычайно странное! Она может быть только объяснена непомерно сильно развитым стремлением в великорусском народе к общинному устройству, не имеющему себе подобнаго у других народов!

Третий ряд русских сект возник при Петре I, явным образом под влиянием западных религиозных воззрений; воззрения эти примешались к остаткам древних русских сект и образовали, таким образом, новые учения.

По всей вероятности, этих сект и подразделений их очень много, но их можно разделить на две главные группы – секту *м о л о к а н* и секту *д у х о б о р ц е в*.

Эти секты не только не составляют замкнутой церкви, но и не образуют даже теснаго товарищества. Но в их учениях гораздо больше философской и теологической системы, нежели в какой-либо другой русской секте. Но системы эти так неточны и неопределённые, так легко растяжимы, что можно указать на множество важных отдельных положений и мнений, существующих в одной общине и отвергаемых со-

* В последнее время членами этой секты было несколько богатых купцов и фабрикантов, но всё-таки не ими основано это заведение; и притом, как уже сказано, в большинстве случаев разбогатевшие сектаторы, как скоро несколько образуются и переймут европейские нравы, оставляют секту.

седней; из этого может произойти то, что один человек будет отрицать существование у них такого положения, которое другой выставляет за один из их религиозных догматов.

Если у староверов мы видели самое строгое и боязливое сохранение традиционных обрядов и консервативных религиозных элементов, то у молокан и духоборцев мы встречаемся, напротив, с началами реформаторскими, разрушающими главнейшие принципы Церкви. Первые зиждуются на внешних обрядах и церемониях, последние же совершенно отрицают их.

Вдумываясь в направление и будущность этих новых сект, можно придти к заключению, что восточной Церкви предстоит внутренний переворот. Эти духовные секты учат: «Христианство должно было, для скорейшего распространения новых идей между чувственными язычниками, принять, по возможности, чувственные формы богослужения и утвердить внешнюю Церковь. Но в восточной Церкви эти внешние, обрядовые формы вошли внутрь, стали сущностью самой религии и закаменели. В настоящее время язычество давно уже исчезло и забыто, а Церковь по-прежнему не разъясняет, как бы ей следовало, внутренний смысл и истинный дух христианства. Мы ищем истинного духа Христова учения, а Церковь не может удовлетворить этой нашей потребности. Поэтому мы должны отойти от нея, отказаться от всякого чувственного богослужения и, напротив, отыскивать истинный, нравственный смысл в учении Христа и распространять его».

Отсюда ясно, что если восточная Церковь теперь или в скором времени не выйдет из своей обрядности, не будет развивать свою теологию, то она не вынесет столкновения с духовным и философским направлением нового времени, уже выражающимся в этих сектах, и получит глубокие раны. По всей вероятности, та же участь постигнет со временем православную Церковь и в самой Греции, как скоро там распространится новейшая цивилизация. Американ-

ские миссионеры деятельно работают там теперь. Конечно, в России она имеет ещё большую внешнюю опору в народе, сливаясь с ним в национальном чувстве, тут она почти отказалась от претензии быть вселенской Церковью, чтобы только стать Церковью народною с одним национальным культом. Но какая нация в силах устоять против незаметного, но непрерывного распространения миазмы новейшей цивилизации и философских направлений, с непомерною быстротой передающихся от одного народа к другому!*

Римско-католическая Церковь была в подобном положении в XVI столетии, но она имела самостоятельную (схоластическую) философию, последовательно развитую теологию и новыя, сильныя и деятельныя учреждения, именно монашество, – и всё это дало ей силу: вследствие этого, несмотря на отпадение от нея четвертой части, она уцелела и вышла победоносно из борьбы с разлагающей эпохой. Но римская Церковь во всех своих духовных стремлениях и во всякой внутренней борьбе имела свой якорь в *centrum unitatis*, чего нет до сих пор в восточной церкви. Поэтому нечего удивляться, что в России правительство, по возможности, преследует сектанство, которое сверх того, как мы уже видели и как увидим ниже, дошло в некоторых сектах до ужасного изуверства.

Время возникновения и развития этих сект в России совершенно темно. В начале XVIII столетия встречаются следы отдельных разрозненных учений**, но развитых теологических систем ещё нет.

* Для всякаго православнаго читателя очевидна неверность этого воззрения. (Прим. изд.)

** Простой стрелец, Прокоп Лункин, учил, что Церковь отступила от истиннаго духа христіанства и что он призван возстановить его. Он был приговорён к смерти в 1710 г. Ещё ранее, в 1684 г., некто Кульман, пришедший в Россию из Силезии, проповедывал учение Якова Бёма; он был сожжён. В начале XVIII столетия врач, Дмитрий Тверитинов, распространял между стрельцами кальвинистскія учения, отбрасывавшія некоторые внешнія обряды, но ничего ещё не говорившіе о внутреннем откровении. Эти учения разсматривались на последнем церковном соборе, бывшем в России в 1714 г., и опровергнуты. Но идеи этих учений остались и могли послужить к возникновению вышепомянутых сект.

В 1734 г. в Москве производился розыск об одной секте, члены которой верили в непосредственное внутреннее откровение; таинства крещения, причащения и брака признавали только в духовном смысле; сильными скаканьем и прыганьем призывали Св. Духа, обитавшего в их членах; впадали при этом часто в конвульсии и в состояние экстаза, прорицали и т. д. Я думаю, что эти люди принадлежали к одной из вышеописанных сект, но, во всяком случае, их несистематичные учения приготовили почву, на которой молокане и духоборцы построили, при помощи западноевропейских идей, свои теологические системы. Молокане должны были возникнуть раньше. Духоборцы же или непосредственно вышли из молокан, или, по крайней мере, их учение оживилось и возбудилось под влиянием молокан. Тем не менее между ними не существует ни малейшей связи, – напротив, если они живут по соседству, то постоянно враждуют между собой.

Если староверы в России имеют значительное политическое влияние, то пока нельзя ещё того же сказать об этих сектах. Но я сказал уже, что на них оказывает своё духовное влияние современная миазма.

Я много собрал матерьялов об этих сектах и воспользуюсь ими в моем сочинении о состоянии и положении русской Церкви, равно о русском сектантстве. Здесь же я удовольствуюсь некоторыми общими указаниями и тем, что я сам видел и наблюдал. Кроме моих личных наблюдений и того, что мне рассказывал один немецкий меннонит Иоган Корнис в Таврической губернии (один из интереснейших людей, каких я только знал в России и который много лет прожил в ближайшем соседстве с самыми главными молоканскими и духоборческими колониями), я руководствовался ещё несколькими уложениями их веры, составленными самими сектантами; часть их составляет собственность г. Корниса, а часть напечатана в основательном исследовании и описании секты духоборцев киевска-

го профессора Ореста Новицкаго (в богословском журнале *Опыты*, Киев, 1832 г., ч. II); один мой приятель подарил мне в рукописи немецкий перевод этой статьи. Все взятое мной из рукописных источников внесено в эту книгу почти слово в слово и отмечено вносными знаками*.

До сих пор в этих сектах никто не участвует из образованных классов, никто из русскаго духовенства никогда к ним не переходил, между ними нет ни одного дворянина, ни одного чиновника. Они состоят из простых русских крестьян. Один из нескольких сотен этих сектантов умеет читать, один на несколько тысяч умеет писать. У них нет, за исключением, может быть, двух сочинений, чрезвычайно редких, никаких книг, излагающих их учение**; все держится преданием. Даже вышепомянутое изложение их веры составлено ими не для собственного употребления, но для оправдания себя перед правительством или для людей, дружески к ним расположенных, как г. Корнис. Тем замечательнее обнаруживающиеся у них тонкость ума и глубина фантазии, это может свидетельствовать о богатстве умственных даров, которые ещё скрыты до времени в простом русском народе.

Молоканская секта немногочисленна. Ея теологическая система не вполне ещё развита и незамкнута; сами сектанты ещё не вполне согласны друг с другом в своём учении, и очень часто молокане переходят к духоборцам, которые хотя тоже не совершенно согласны между собой, но большею частью доводят последовательно своё учение до крайних выводов.

Впервые появились молокане около половины XVIII столетия в Тамбовской губернии. Народ прозвал их *молоканами*, потому что они в посты едят молоко. Сами же себя они

* Есть ещё сочинение на латинском языке *Commentar de Duchaborcis* Teoph. Eduad Lenz. Дерпт. 1829 г.; но этого сочинения я не мог достать до сих пор.

** В последнее время они очень раскупали вышеприведенную книжку Ореста Новицкаго, содержащую наиболее обстоятельное изложение их учения. Случалось, что за один экземпляр ея платили 500 руб. сер.

называют *истинными Христианами*. Вскоре затем они же были открыты в Харьковской губернии. После семилетней войны жил тут в селе Охоче один иностранец, по преданию, пленный прусский унтер-офицер, который выучился русскому языку и не захотел вернуться на родину. Станным образом он заслужил доверие и расположение к себе людей. Он был их другом, советником, помощником во всякой нужде, судьёй во всех раздорах; скоро он сделался и их религиозным учителем. По-видимому, он нашёл уже готовую почву; там, где он поселился, существовала до него уже секта. Иначе русское духовенство не предоставило бы ему такой свободы действия. У него не было своего дома, и он не жил даже на каком-нибудь одном определённом месте, а переходил от одного соседа к другому, собирая всех вокруг себя по вечерам и читая им Библию; так он жил до самой своей смерти. Трудно решить, был ли он квакер, как некоторые думают, потому что не сохранилось даже его имени. Но более последовательное и систематическое развитие секты явным образом идёт от него.

Я посетил в Таврической губернии, в Мелитопольском уезде, три деревни, заселённые молоканами, между колониями меннонитов и ногайскими татарами. Деревни называются Ново-Васильевская, Астраханка и Ново-Спасская; в них жило до 3000 молокан обоёго пола. То были красивыя деревни, жители зажиточны, и я слышал о них как о честных и трезвых людях, хотя хитрых и скрытных. Земледелие и скотоводство у них процветает.

От одного из них я получил им самим составленное изложение их вероисповедания.

Существенное содержание его следующее. Они верят в Св. Писание как в слово Божие и в единого Бога в трёх лицах. «Этот триединый Бог ни от кого не произошёл, но сам собою существует; он причина всего мира, он вечен, непостижим и невидимый Дух. Бог обитает в светлом мире, он всё знает, всё видит и всем управляет;

всё наполнено им. Далее мы верим, что этот триединый Бог одним своим словом создал из ничего небо и землю, равно и всех безплотных духов, а также и видимый мир со всеми тварями».

Всё, созданное Богом, первоначально было хорошо и совершенно, грехопадение одной части духов вследствие гордости. Сотворение Адама по образу и подобию Божию, но только его души, а не тела. «Безсмертная душа Адама была одарена небесным разумом, чистотой и способностью яснаго познания Бога; Адам не знал ничего дурного, он пользовался святой свободой, которая приближала его к Богу». Грехопадение, утрата образа Божия, изгнание из рая на проклятую землю. Милосердие Божие, обещание Спасителя от женскаго семени, который «раздавит главу змия и возвратит человеку утраченный им образ Божий».

Спаситель – едиnorodный Сын Божий, зачатый от Св. Духа, рождённый Девой Марией, богочеловек. «Спасение падшаго человечества и истинность своего учения Он запечатлел своими страданиями и крестною смертью». Воскреснув в третий день, в течение сорока дней являясь своим ученикам, Он по вознесении на небо ниспослал на Апостолов Св. Дух, «исходящий от Отца», и затем основал и утвердил Свою Святую Церковь, которая есть собрание истинно верующих». Конец света, второе пришествие Христа, последний суд. К этому приложены 10 заповедей. После первой и второй заповеди, запрещающих признание других божеств, сказано: «Поэтому мы не имеем в наших домах никаких образов, сделанных человеческими руками и долженствующих представлять Божество; мы не признаём никакого спасения в образах и потому не молимся им». Третья заповедь объясняет им, что присяга греховна. По четвертой заповеди они празднуют воскресенье как день воскресения Христова, а не как день отдохновения Бога от сотворения мира; всякое воскресенье и праздники они

молятся, поют хвалебные молитвы и читают Св. Писание. По пятой заповеди, о почитании родителей, они считают себя обязанными повиноваться царю и всякому начальству. При шестой заповеди они говорят: убийства бывают двоякого рода: убийство тела оружием, ядом и т. д. (убийства на войне и для защиты престола, царя и отечества не считаются грехом) и убийство духовное, когда кто-нибудь отклоняет другого от истины обольщающими словами или примером склоняет к греху, ведущему к вечной гибели. Мы считаем также убийством, если кто обидит другого, преследует или ненавидит, по словам Иоанна: «всякий, ненавидящий брата своего, есть убийца человек».

При седьмой заповеди: брачная неверность, развод и плотския вожделения, «даже пристрастие к этому миру и его быстро проходящим радостям, – есть духовный блуд», а потому нужно избегать пьянства, кутежей, дурной компании. По поводу восьмой заповеди говорится, что воровством считается всякое насилие, лукавство, обман. При девятой заповеди к ложному свидетельству отнесены – брань, насмешка, лесть и ложь. Десятая заповедь учит обуздыванию и подавлению всех страстей.

«В заключение мы признаем и верим, что 10 заповедей Божиих заключают в себе два главных пункта, именно любовь к Богу и любовь к ближнему. Первые 4 заключают правила любви к Богу, вторые 6 – любви к ближнему. Мы верим, что тот, кто выполняет эти 10 заповедей, будет спасён. Верим также и в то, что после Адамова грехопадения ни один человек не может своими собственными усилиями выполнить все эти заповеди. Мы верим, что для того, чтобы делать добрые дела и не отступать от заповедей Божиих, человек должен уверовать, прежде всего, в Иисуса Христа, едиnorodного Сына Божия, воплотившагося и пришедшаго в мир для нашего спасения и т. д. Эту веру, необходимую для нашего спасения, эту истинную веру мы можем только почерпнуть в Слове Божием; мы верим, что

слово Божие возбуждает в нас веру и делает способными к принятию благодати».

До сих пор это вероисповедание совершенно кафолическое и отличается только некоторыми выражениями и оборотами речи. Нравственная сторона учения строга, учение о вере ортодоксально. Но, переходя к изложению таинств, мы встречаемся со спиритуалистическими воззрениями, развившимися на Западе в протестантизм.

Мы приводим буквально:

«1) Т а и н с т в о к р е щ е н и я .

«Хотя мы знаем, что Христос принял крещение от Иоанна, во Иордане, и что Апостолы крестили других водой, именно Филиппа Обрезанного, но под крещением мы всё-таки разумеем не земную воду, которая только очищает тело, а не душу, но духовную живую воду, состоящую в безпрекословной вере в Троицаго Бога и в преданности Его святым словам, согласно учению Христа: кто уверует в Меня, с тела того потекут ручьи живой воды. Иоанн Креститель сказал: человек ничего не может сам взять, всё даётся ему небом; а Павел: Христос послал меня не крестить, а проповедывать. Поэтому мы понимаем таинство крещения за духовное очищение нашей души от грехов верою и умерщвлением в себе ветхаго человека с его делами и новым одеянием при помощи праведной безпорочной жизни. Хотя мы обмываем обыкновенною водой новорожденного ребёнка, чтобы отмыть нечистоты на его теле, но мы не принимаем этого за крещение. Мы даём имя ребенку по календарю».

Подобным же образом относятся они и к остальным шести таинствам. Они не принимают *внешняго миропомазания* в твёрдом убеждении, что, по учению Христа, они получают свыше *духовное помазание*. Причащение есть празднество в воспоминание Христа, и слова Евангелия означают духовный хлеб жизни. «Ни единым хлебом сыт будет человек, но и словом Божиим». А потому они не при-

нимают земного хлеба и вина. О таинстве покаяния они говорят: «Мы придерживаемся Павла: исповедайте один другому свои грехи и молитесь друг за друга; больше этого ничего не нужно».

О посвящении в священники они говорят: Глава и начальник Церкви – один Христос, признавший нас всех равными. «Но по указанию апостольскому, мы выбираем из своей среды здравомыслящих людей, ведущих богобоязненную жизнь и нравственно почитаемых нами; эти старцы читают нам слово Божие и заботятся о других наших потребностях, и мы по наставлению ап. Петра повинемся им».

Таинство брака совершается общиной при обоюдном согласии любящихся; при этом поются общия молитвы, и такой брак не расторгаем. О таинстве елеосвящения сказано: «Мы не признаём таинства елеосвящения, хотя и знаем, что Апостолы совершением этого таинства изцеляли многих больных. Под этим таинством мы понимаем глубокую и горячую молитву верных за больных, почему и из нашей среды некоторые постоянно ходят за больными и молятся за них».

Изо всего этого видно, что в эти взгляды проникли западноевропейские спиритуалистические воззрения на таинства; мы встречаем тут даже целые протестантские выражения: «Умерщвление в себе ветхаго человека с его делами и новое одеяние себя и т. д.», которые отнюдь не сами выросли на русской почве. С другой стороны видно, что всё спиритуалистическое здание возведено на фундаменте восточно-кафолической Церкви. Здесь те же семь старых таинств, тогда как квакеры, возникшие уже из основавшегося протестантизма, признают только два духовно понимаемых таинства.

Они держат посты перед Рождеством, перед Пасхой, иногда и среди недели, как кто чувствует себя расположенным и насколько может выдержать; но зато если они

постятся, то это уже настоящий пост, а не простое воздержание от мясной пищи, как это обыкновенно бывает в русской Церкви.

В заключение они высказывают своё понятие о Церкви, которое, по словам Христа, есть собрание истинно верующих: «Где соберутся двое или трое во имя Моё, там и Я посреди их». Они не одобряют внешнюю каменную или деревянную церковь: «Соломон построил храм, но Всевышний не обитает в церкви, сделанной человеческими руками». О молитве сказано: «Мы чтим Небеснаго Отца, нашего вечнаго Бога, и молимся Ему от всего сердца и преклоняем колена, как в своё время Христос молился на коленах». Они совершенно умалчивают о молитве за других и за умерших, равно как и об обращении к святым. Заключение всего до такой степени напоминает старопротестантский оборот речи, что кажется переводом с немецкаго. «Кроме откровения мы руководствуемся Словом Божиим и внутренней верой. Мы не считаем себя безгрешными или святыми и молим о нашем спасении со страхом и трепетом, в надежде достигнуть его только верою в Иисуса Христа, Единороднаго Сына Божия, и выполнением Его заповедей; наших собственных сил для этого недостаточно, но мы почерпаем их только в живой вере в нашего Заступника и Спасителя Иисуса Христа».

Довольно странно! Я нашёл у этих молокан перевод сочинения Юнга-Штиллинга и слышал, что они особенно интересуются теми местами, где говорится о тысячелетнем царстве мира на земле, и что они относят к себе всё сказанное там об избранных, которые будут царствовать вместе с Христом. Кажется, в связи с этим появился между ними в 1833 г. известный Терентий Беляев; он считал себя избранным пророком, проповедывал молоканам покаяние и возвестил им, что через два с половиной года наступит заря тысячелетняго царствия. Он запретил им всякую работу, даже самую необходимую, а приказывал только петь и

молиться. На вопрос, кто он такой, он отвечал, что он пророк Илья, предтеча Христа, и что его товарищ, Енох, так же проповедует покаяние в западных странах. Он назначил день, в который вознесётся на небо в присутствии всех. День вознесения Терентия наступил; к этому дню собралось несколько тысяч молокан из разных местностей России. Терентий явился на повозке и приказал всем преклонить колена и молиться; когда же, по окончании молитвы, он распростёр руки и бросился в пространство, то полетел вниз на окружающую его толпу и раздавил женщину. Тогда поднялось сильное волнение: отрезвевшие молокане ругали его обманщиком, наконец, связали и отправили в земский суд. До сего времени он стойко утверждал, что он действительно пророк Илья; цепи, которыми он был скован, доказывали это лучше всего. Посидевши известное время в тюрьме, он совершенно забыл, что он Илья, но о тысячетлетнем царствии продолжал проповедывать и после своего освобождения, до самой смерти. Он оставил большое число последователей, собиравшихся часто вместе на несколько суток и проводивших их в молитвах и пении. При этом нередко некоторые из них посещались св. духом, топали ногами, тяжело дышали, падали в конвульсиях и прорицали. Они ввели у себя общность имущества, но через несколько лет, с разрешения правительства, перебрались в Грузию, где, в виду Ноевской радуги на величественном Арарате, они встретились с вюртембергскими лютеранами, также ожидающими тысячетлетия царствия.

Молокан, живущих на Молочной, упрекают, будто они по 4-й книге Моисея, гл. 36, ст. 6, считают свои три деревни неприкосновенным убежищем и скрывают у себя бежавших преступников. У них открывали фальшивых монетчиков, изготовителей фальшивых паспортов, белых монахов и т. д.; поэтому теперь полиция навещает их часто.

Вообще молокане живут мирно и спокойно, но временами и у них пробуждается фанатизм. Так, незадолго

перед моим приездом в Саратовскую губернию один молоканин во время религиозной процессии в Николаевском уезде вскочил в ряды процессии, вырвал из рук образ, бросил его на землю, топтал ногами и т. п. Однако народ, после первого ужаса, скоро пришёл в себя и отколотил его без дальнейших разсуждений.

Теперь даже у самих молокан утратилось таинственное предание об удивительных походах одного западного героя. Но когда Наполеон пошёл на Россию, то они думали, что это упоминаемый в старых псалмах лев из долины Иосафата, который призван низвергнуть ложного царя и возвратить трон «белому царю». Молокане Тамбовской губернии выбрали из себя депутатов, которые, одевшись во всё белое, должны были встретить Наполеона и приветствовать его. Эти депутаты пришли в 1812 г. на юг через Малороссию и Польшу и достигли Вислы, где и были схвачены. Один из них бежал и благополучно возвратился к своим, об остальных никто никогда больше не слышал.

Если в учении молокан нельзя не признать христианской секты, то о духоборцах, по крайней мере в их крайностях, этого сказать нельзя.

Время возникновения секты духоборцев ещё темнее*, нежели начало молоканства; однако, кажется, что они моложе молокан и даже произошли от них, и притом совершенно самостоятельно в разных местностях, с различными учениями, связанными только общим характером, и что только в силу этого последнего обстоятельства им дают общее название.

Название духоборцев дано им екатеринославским архиереем Амвросием, изучавшим их учение в 1785 г. Слово духоборец имеет два значения: 1) борющийся против духа, против света и 2) борющийся за дух, за свет. В пер-

* Сами духоборцы ничего не знают о начале и истории своей секты. Они просто утверждают, что ведут своё происхождение от трёх отроков, ввергнутых Навуходоносором в печь огненную за то, что они не хотели молиться идолам. До сих пор у них не найдено письменных данных, хроник и т. д.

вом смысле назвал их архиерей, во втором они называют сами себя и с того времени охотно приняли это название. Русский народ зовёт их фармазонами (*franc-maçon* – свободные каменщики)*. Прежде их называли в разных местах щельниками, также иконоборцами.

Кажется, впервые духоборцы были открыты в Екатеринославской губернии, но вскоре затем они явились почти повсеместно: в Финляндии, на острове Эзеле, в Московской, Калужской, Курской, Воронежской, Харьковской, Тамбовской, Саратовской губерниях, между донскими казаками, в кавказских землях, в Иркутске, в Сибири, даже в Камчатке. В высшей степени замечательно, что между этими сектантами находится некоторое число мордвинов, финского племени. Они разошлись со своими одноплеменниками и переправились на р. Молочную к духоборцам (см. г. Кёппена: «О некоторых сельских учреждениях между Нижним Днпром и Азовским морем». С.-Петербург, 1845 г., стр. 56).

Что касается их учения, то основательное изложение его повело бы меня слишком далеко. У них целая психологическая и мистическо-философская система, полная величественных воззрений и составленная с большой внутренней последовательностью; поэтому я удовольствуюсь тут приведением некоторых указаний.

Когда в 1701 г. екатеринославский губернатор Каховский производил следствие над духоборцами, то они, излагая ему своё вероисповедание, приложили к нему следующее письменное и прекрасное по своей простоте объяснение: «Мы плохо знаем грамоте – писаря дороги, а нам, сидящим в остроге, и нелегко найти их; оттого наше

---

* Замечательно, что это было время, когда в Европе фигурировали иллюминаты. Каким тёмным инстинктом назвал народ этих духоборцев (и иллюминатов) свободными каменщиками! Книга св. Мартина: «Des erreurs et de la vérité», признаваемая французскими франмасонами за классическую, развивает главное учение о падении души до сотворения настоящего мира почти одинаково с духоборцами. Кто постигнет таинственные связи и отношения в человеческом роде?

изложение так дурно. Поэтому мы просим тебя, государь, не пенять на нас, мало сведущих в писании, за беспорядочность мыслей, неточность и недостаточность выразительности, неловкость речи и незрелость слов; и если мы облекли вечную истину в грубые слова и она через это изменила свой божественный образ, то мы просим не поставить этого в вину самой истине, так как она прекрасна во все века». Мы увидим дальше, основательна ли эта просьба – не обращать внимания на простоту и недостаточность их речи. Мне кажется, что эти простые мужички безконечно выше господина губернатора и умом, и речью, потому что его донесение довольно безсвязно и безцветно.

О Божестве духоборцы выражаются следующим образом: «Бог един, но един в Троице. Сущность этого триединства непостижима; Отец есть свет, Сын – жизнь, Св. Дух – мир; в человеке же Отец выразился памятью, Сын – разумом, Св. Дух – волею». Следовательно, духоборцы не признают трёх отдельных лиц Божества, но считают Троицу трояким проявлением одного существа*.

«Человеческая душа есть образ Божий и небесное подобие; этот образ в нас не что иное, как память (способность познавания?), разум и воля. Душа существовала до сотворения видимаго мира (сотворена она, или от века исходила от Бога? Духоборцы, которых я спрашивал об этом, не могли мне ответить) и пала ещё до сотворения мира, вместе со многими другими духами**. Поэтому грехопадение Адама и Евы, описанное в Св. Писании, не должно быть понимаемо в обыкновенном смысле; напротив, это место Св. Писания представляет аллегория, которой изображено: во-первых, отпадение человеческой

* Как дошли до этих глубоких философских идей и до этого философского языка простые безграмотные русские мужики? Не просвечивает ли тут влияние гностиков? Подобное же воззрение было у сабельян, а в позднейшие времена у абрагамистов.

** Всё это учение совершенно гностическое. Сатурнин и Базилид учили ему во II столетии; Ориген также склоняется к нему.

души от высокой чистоты духовного мира ещё до её появления на земле; во-вторых, падение, повторённое Адамом в начале существования земли; в-третьих, духовное и телесное падение, повторяемое со времени Адама всеми нами, во всех поколениях и которое будет постоянно повторяться до разрушения мира. Первоначально душа пала вследствие того, что отвернулась от созерцания Бога и любви к Нему, и начала созерцать и любить себя; вторичное падение произошло от высокомерия. Когда в наказание душа была заключена в телесную оболочку, то она в образе Адама пала во второй раз вследствие соблазна змия, то есть вследствие злой, испорченной воли плоти. В настоящее время это падение совершается во всех нас соблазнами того же змия, получившаго к нам доступ через Адама, вкушением плода от запретного дерева, то есть высокомерием, славолубием духа и изнеженностью тела. Следствием первого падения, ещё в духовном мире, была утрата божественного образа и заключение ее в плоть. Память человека ослабла, и он забыл, чем был прежде; разум его помутился, и воля испортилась. Таким образом, Адам явился на землю со слабым воспоминанием о своём прежнем бытии без светлого разума и без справедливой воли. Грехи, совершённые им на земле, не переходят на потомство, но каждый грешит сам по себе и несёт ответственность за себя. Хотя корень греха находится не в грехопадении Адама, а в воле каждого отдельного человека, тем не менее никто из людей не свободен от падения и греха, потому что каждый рождающийся в этом мире пал уже прежде и принёс с собою наклонность к новому падению*. После падения души в царстве духов, Бог сотворил для нея другой мир и по справедливости своей низверг

---

* Всё это учение о до-мировом грехопадении человеческой души, полное глубокой последовательности у духоборцев, есть или самобытное философское воззрение, – и в таком случае совершенно непонятно, как могли прийти к нему простые крестьяне, – или в основании его лежат древняя западная гностическая учения, непонятным образом перешедшие к ним.

ее в этот мир из мира духовной чистоты, как в тюрьму в наказание за грех; и теперь наша душа, перенесённая в эту тюрьму, погребена в этом мире. С другой стороны, ей дана эта жизнь как средство очиститься, чтоб она, облечённая в плоть, могла, руководствуясь своим разумом и волей, склониться к добру или злу и сообразно тому получить прощение за свой прежний грех или подпасть под вечное наказание. Когда в этом мире сформируется для нас плоть, то с высоты изливается на неё дух наш и таким образом рождается человек. Наше тело есть сосуд для души, в котором она утратила воспоминание и сознание того, чем она была до облечения себя в плоть; это вода в кипящем котле этого мира – этого Божьяго мира, в котором наш дух должен очиститься до чистоты вечнаго духа, ещё лучшаго, чем прежний; это херувим с огненным мечом, заграждающий нам путь к древу жизни, к Богу, к погружению в его божество; и тут на каждом человеке выполняется божественное предопределение: только не простирай руки и не дотрагивайся до древа жизни, а питайся и живи вечно.»

Так как Бог предвидел от века падение человека во плоти, и знал, что человек не будет в состоянии одними своими силами оправиться, то вечная Любовь решила спуститься на землю, принять образ человека и своими страданиями удовлетворить вечную справедливость.

«Иисус Христос – сын Бога и сам Бог. Но нужно заметить, что по Ветхому Завету, он не что иное, как небесная мудрость Отца Вседержителя, которая сначала воплощалась в природе всего мира, а потом облеклась в буквы и письмена Слова. Христос есть божественное Слово, которое говорит нам и книгою природы, и Св. Писанием; он сила, которая посредством солнца давно освещает все творения и все живыя твари, всем двигает, всё живит и не изменяется в числе, весе и мере; Он – Сила Божия, действовавшая в наших предках и теперь действующая в

нас. Если же рассматривать Христа в новозаветном смысле, то Он есть не что иное, как *воплотившийся дух высшей мудрости, богопознания и истины, дух любви, воплотившийся дух невыразимой святой радости, отрады, мира, довольства* каждого биения сердца, дух целомудрия, трезвости, умеренности».

Можно видеть, как последовательно представление духоборцев о божественности Христа их понятию о Троиединстве. Выражения фигурны, неопределённые, темны. Духоборцы, писавшие это изложение веры, были арестованы, стояли перед своим страшным судьёй, не хотели выражаться очень ясно, но всё-таки проницательный человек легко поймёт, что они не считают Христа лицом Св. Троицы, но рассматривают Его как известную божественную силу, обнаруживающуюся в природе и в людях. В этом смысле все верующие могут быть сынами Божиими, так как они получают от Бога дух мудрости и святости или, как выражаются духоборцы в другом месте: «совершенствуя свои добродетели, они могут обрести в духе печать вечных детей Божиих, подобно воплотившемуся Христу»; или духоборцы 1791 года не хотели ясно выражаться, или со временем самая последовательность их учения стала строже. Духоборцы, жившие на Молочной и которых я сам мог узнать ближе, прямо говорили г. Корнису: «Христос был сын Божий, но в том же смысле, как и мы, можем быть названы сынами Божиими; наши старики, – уверяли духоборцы, – знают ещё больше, нежели знал Христос, порасспроси-ка их*».

Христос был также *человеком*, потому что Он, подобно нам, родился во плоти. Однако, по извещению Гавриила, он зачинается в каждом из нас, и также от духа,

* Было бы очень интересно сравнить воззрения и учения этой русской секты с одной стороны с нашими древними философами, Яковом Бемом и др., а с другой – с молодыми гегельянами – Штрауссом, Фейербахом, Бауером и т. д. Какая противоположность! Какое сходство! Пошлые рационалисты весят не тяжелее мякины против этих русских идиотов.

как и в Марии, он рождается в духе каждого верующего, удаляется в пустыню, именно в плоть верующего, искушается в каждом человеке дьяволом в виде хлеба, роскоши и честолюбия. Если он укрепится в нас, то говорит словами учения; если он преследуется, то он страдает и терпит до смерти на кресте; если его положат в плотской гроб, он в третий день воскреснет, с божественным величием в душе того, который протраждает до десятого часа; он проживёт в тех душах 40 дней, возбудит в их сердцах все роды любви и при вознесении на небо возьмёт их с собою и положит их на алтарь славы как самую святую, истинную и любезную жертву».

Духоборцы и не отрицают прямо исторического Христа, Его воплощения, хотя признают Его существование в виде таинственного зарождения и жизни в человеческом духе. О чудесах Христа они говорят: «Мы верим, что Он творил чудеса; мы сами, вследствие наших грехов, были мертвы, слепы и немые, и Он вновь оживил нас. Но внешних телесных чудес мы не признаем».

Соответственно признания рождения и жизни Христа внутри нас духоборцы требуют веры в этого внутреннего Христа. Вера в исторического Христа не необходима для спасения.

Само собой разумеется, что Христос живёт деятельно только в истинных духоборцах, которые одни только познали Его истинно, во всех же остальных людях Он находится в усыплении или даже умерщвлён.

С этого пункта учение духоборцев, по отношению к их практической жизни, распадается на два направления: одни придают наибольшее значение очищению от грехопадения, покаянию, другие – вере во внутреннего Христа. Первое направление мрачное, мистико-аскетическое, второе – светлое, основывающееся на мире и покое внутреннего Божества.

Нравственное учение первых очень строго. Так как страсти составляют существенную причину злого начала в человеке и так как этот мир есть место наказания, темница за первое грехопадение души, а тело есть котёл души, то следует избегать всех мирских радостей, всех наслаждений плоти. Все страсти должны быть подавляемы; даже те внешния проявления их, очищенные от всего преступного, которые могут иметь только похвальное и полезное значение для общества. Так, например, ими строго запрещается всякое стремление к славе и почести, потому что корень этого стремления лежит в высокомерии – причине первого падения. Требуется полное презрение ко всем нравственным наслаждениям, «даже чистыя наслаждения природой, цветами, пением птиц, как бы ни было прекрасно и невинно удовольствие, возбуждаемое ими в нас, не должны привлекать к себе и занимать нашего духа, иначе он прельщается ими и, воспламенённый, остаётся связанным долгу в своей темнице, не будучи в состоянии подняться».

Но вторая ветвь духовборцев, считающая себя выше по развитию, никаким образом не предаётся этому строгому и мрачному кодексу нравственности. Она не оспаривает истину этого кодекса, но говорит, что он годен для тех, которые не возвысились и пока они не возвысились до величия внутренней веры. «Если вера в нас воистину жива, то мы приняли в себя Христа; он пробуждается в нас, и мы делаемся сами Христом, мы делаемся Богом, и тогда грех для нас невозможен; всё, что мы тогда делаем, хорошо, потому что в нас поступает так сам Бог; хотя бы даже поступок наш имел внешний вид порока, но он всё-таки хороший поступок, как скоро мы его делаем. Напротив, всё, что делают другие, не верующие или иначе верующие, – греховно, хотя бы действия их имели внешний вид добра».

Об общественных отношениях духоборцы высказываются так: «Все внешние отличия людей ничего не значат, но, в сущности, все люди похожи друг на дружку и равны, потому что души всех их пали и все они подвержены искушению. Нет ни господ, ни рабов. Можно пользоваться услугой другого, но и предлагающий свои услуги не раб нам, а брат, и мы равны с ним». Духоборцы вносят то же понятие всеобщего равенства в семью, в домашний быт, в жизнь народа, в государство. Но, конечно, они выражаются об этом очень осторожно.

Понятие церкви строится у них так же последовательно, на общине духоборцев.

Они признают, что Св. Писание дано самим Богом, но оно исполнено таинственного смысла, понятного и открытого только духоборцам. Всё Св. Писание написано картинками и символами. История Каина есть картина гибели потомков Адама, преследующих невидимую церковь, или Авеля; вавилонское смешение языков есть распадение церквей; потопление Фараона есть картина будущей гибели сатаны со всеми его силами в красном море огня, через которое избранные духоборцы перейдут неповреждённые. Точно так же и в Новом Завете, например: «Превращение Христом воды в вино на свадьбе в Кане Галилейской означает, что Христос при таинственном бракосочетании с нашей душой превратит в нашем сердце воду слёз покаяния в райское духовное вино, в ангельский нектар, в напиток радости и блаженства».

«Таким образом, ясно, — говорят они дальше, — что при разъяснении Св. Писания нельзя руководствоваться суждениями собственного разума, а тем менее общепринятым толкованием внешней Церкви; правилом и масштабом для разъяснения внешних слов Писания должно служить внутреннее прояснение, излияние духа на сердце человека, а, следовательно, это внутреннее прояснение

или это внутреннее слово по своему достоинству выше даже самого Св. Писания, потому что последнее не есть непосредственное излияние духа, а уже последовательное действие этого излияния».

Само собой разумеется, что они не признают внешних таинств. Своим же внутренним таинствам они придают ещё более мистическое и символическое значение, чем молokane. По сведениям 1791 года, таинство брака почитается ими ещё очень строго, хотя обряд венчания и отброшен как несущественный. Духоборцы на реке Молочной выражались об этом таинстве очень легкомысленно: «Основанием для вступления в брак служит согласие любовников, основанием продолжения брачной жизни служит любовь, которая, по существу своему, божественной природы; точно так же по согласию супругов или с прекращением любви брак должен быть расторгнут*. Если прекращается любовь, то исчезает и божественное основание брака, и продолжение одной плотской связи было бы грехом».

Конечно, они не признают ни посвящения в духовный сан, ни отдельного духовенства. «Каждый истинно прояснённый может и должен молить сам за себя Бога». Объяснение духоборцев 1791 г. оканчивается знаменательными в этом отношении стихами**.

«Что ж я такое, наконец? Я должен быть храмом для прославления Бога, зданием, священником и жертвой вместе. Наше сердце – престол, наша воля – жертва, наш дух – священник, совершающий таинство».

Само собой разумеется, что духоборцы не имеют и не могут иметь церквей, равно и общественных богослуже-

---

* Подобное же учение, только с менее блестящей логикой, развивает профессор в Бреславле, перешедший к так называемым новым католикам. Следовательно, этому учению может быть предоставлена слава дерзости, но никак не слава новизны.

** Я перечитал о наших сектах почти всё, что издано о них в России и за границей, и не мог найти этих стихов в оригинале, так что приходится русские стихи переводить с немецкого на русскую прозу. (Прим. перев.)

ний, потому что каждый из них в некотором роде сам бог и стоит совершенно изолированно от остальных; по принципу, в их собраниях могут быть допускаемы взаимные обучения, но не общественные молитвы. Но природное стремление людей к общественности сильнее принципов. А потому в действительности у них существуют и общественные богослужения. Там и сям у них есть молельни, в которых, однако, ничего нет – никакого украшения, ни образа, ни даже распятия или какого-нибудь другого символа. Посредине комнаты стоит стол, на нём хлеб и соль. Духоборцы Тамбовской губернии собираются в определённые дни* в такой комнате; мужчины становятся по одну, женщины по другую сторону стола рядами и сперва поют церковным напевом славословие, составленное из отдельных отрывков, преимущественно из пророков. (Все их гимны, псалмы, молитвы взяты из Библии, но всегда составлены ими из разных отдельных отрывков; никогда не употребляют они, например, целый псалом Давида.) После пения второй по порядку мужчина подходит к первому и старшему, оба отвешивают по два низких поклона друг другу, целуются и делают по третьему поклону. Затем третий мужчина кланяется двум первым и целует их, потом точно так же четвёртый и так далее до последнего. Затем женщины повторяют ту же церемонию между собой. Этот обряд означает признание ими божественной Троицы, равно и того, что эта Троица в каждом из них (точно таким же образом они здороваются при свиданиях и произносят при этом следующие слова: «Аз есмь Господь Бог твой, да не будут тебе бози инии, разве Мене!»). Когда я был у духоборцев на р. Молочной, то у них уже не было больше молельни, но они исполняли это под открытым небом, причём мужчины и женщины составляли два отдельных

* Они не празднуют ни субботы, ни воскресенья, ни другие праздники, но у них есть своё таинственное деление времени и свои определённые праздники, о которых, однако, нет ровно никаких сведений. По-видимому, они стоят в связи с мистериями, изложенными ниже.

круга. На этих собраниях они приветствовали друг друга таким образом, что мужчина и женщина брались за правые руки, три раза кланялись друг дружке, три раза целовались, причём произносили какая-то непонятная слова. Они и в этом случае делают три поклона и трижды целуются в воспоминание Троицы, а пожатие рук означает «связь любви, добраго приветствия, познания, мудрости, признание скрытаго Бога».

Но кроме этих явных собраний и этих общих церемоний, у них есть ещё и секретные. Почти верно, и существуют определённые указания на то, что у них есть тайные обряды, и, по имеющимся данным, мистерии эти связаны со страшными церемониями и оргиями, но ещё решительно ничего не известно о самом содержании этих мистерий. Даже и те духоборцы на Молочной, которые в последнее время перешли в православие, хранят боязливое молчание о них, хотя всё их поведение на допросах и даже некоторые отрывочные выражения ясно указывают на то, что что-то есть. Все духоборцы или большая часть их, конечно, знают эти обряды, но немногие из них посвящены или принимают участие в них.

Я не могу решить, относятся ли следующие сведения, содержащиеся в собранных мною документах, к этим тёмным мистериям.

Некоторые приятели духоборцев, допущенные последними в качестве зрителей в их собрание, бывшее в Новгороде в 1800 г., заметили, что тогдашний дьячок из Софийскаго собора, Иван Иванов, тайный приверженец духоборцев, читал им Евангелие. По прочтении одной главы все начали петь, причём постоянно хлопали руками по правому колену*. Затем следовало опять чтение, пение и так четыре раза. Потом они кланялись друг другу, просили прощения один у другаго, и наконец, каждый выпил по два глотка из чаши,

---

* О хлопаньи руками по правому колену сравни сказанное о том же при описании секты скопцов.

которую зрители не могли признать. Когда они спросили о ней дьячка, он дал им уклончивый ответ.

У некоторых духоборцев замечено, что в определённые дни они ставят на возвышение вроде престола красиваго юношу, одетаго во все белое, и молятся ему на коленях; юноша представляет символ обитающего в каждом из них Бога*.

У духоборцев есть две писанья книги; одна из них носит заглавие: *Ключ к уразумению или к таинственному*, другая есть род руководства к их учениям. Однако до сих пор не удалось достать их ни правительству, ни даже друзьям духоборцев; они берегут их в величайшей тайне, и даже г. Корнису, котораго они чтут как своего благодетеля, не удалось взглянуть на эти книги, несмотря на все просьбы и даже на предложение значительных сумм. Г. Корнис мог только достать от них один псалом и несколько молитв, которья я тут и помещаю.

Псалом

Кто иной, как Иоанн, новый Моисей, родился от нетленной девы по слову Божию. Бог сказал нам много мудраго; тело должно быть распято, а человек спасён, говорит новый Моисей о спасении человечества, но для вечнаго спасения нужно, чтобы сын Божий Иисус Христос стал человеком и чтобы мы верили и признавали, что Господь наш Иисус Христос есть сын Божий и человек. Господь говорит человеческими

Толкование одного духоборца

Кто такой духоборец, как не тот, котораго представляли Иоанн, Моисей и Христос? Что сказано о воплощении Христа, то исполнилось в духоборце. Божество обитает во плоти, которая есть слово Божие, — им говорит Бог и высказывает великую мудрость. Люди терзают здесь плоть, но внутренняя сущность во время превращения при

* Рыцари-французы во время революции ставили на престол вместо мальчи-ка молоденькую красивую девушку как богиню разума и молились ей. Духоборцы молятся юноше, представляя его себе Христом, божественным разумом! Ничего нет новаго под солнцем и всё суета, говорит проповедник.

устаи: Слушайте, теперь есть царство; взгляните на восток, где гора Сион, идите туда и взгляните на неё! Из середины горы текут ручьи и смывают нечистоты сыновей израильских жён. Небеса на горе Сионе покрыты благодетелями. О, дети в белом церковном облачении, в церковном облачении, украшенном огненными звёздами! Эти небеса возвещают славу Божию, и по всей земле расходится от нея сияние, и до конца мира достигает ея голос. Когда наступит конец этого мира, тогда небеса отверзнутся, будет гром и молния, люди ужаснутся и всё царство придёт в движение. Тогда соберутся все языки в одной стране, где царство белаго царя, там явится престол Новаго Давида. В доме Давида будет великий ужас, когда в него сойдет с неба Господь в образе Архангела с Божьей трубой и возсядет на престол Новаго Давида, чтобы судить живых и мёртвых; тогда Архангел Михаил затрубит в большую трубу, он начнёт борьбу с древним змием, змий низвергнется, Авель искоренит его живым словом, низвергнет сатану с престола и разрушит его трон, и господство его распадётся; тогда скажет Господь: Аминь, аминь! живите на своём небе! Господь будет царствовать в своих небесах от века и до века.

смерти перейдёт в лучшее тело и тем спасётся, потому что нужно, чтоб эта высокая сущность, чтобы этот сын Божий Иисус Христос был во плоти и стал бы человеком, так как Бог говорит человеческими устами. Под царством востока и горой Сионом подразумевается в духовном смысле общество духоборцев; середина горы означает Богочеловека, одарённого величайшею мудростью и силой; от него идёт источник блаженства для тех верующих, которые покрыты добрыми делами и роскошно украшены блестящей белизной. Эти добрые дела распространяют между мирскими людьми славу, но придёт конец и добрые дела выступят тогда со страшной силой за людей. Глава духоборцев сделается единственным чтимым царём, вокруг его соберутся все; впрочем, до того времени духоборцам предстоит скорбь и нужда, но они будут управлять миром, борьба будет сильна, но они победят и достигнут престола высшей славы.

Молитвы, читаемые в собраниях

I.

К кому я пойду от тебя, Господи, к кому я бегу от Твоего лица? Обращусь ли к небу, Ты там. Возьму крылья утренней зари, и опущусь на дно моря, и там рука Твоя наставит меня, и десница Твоя удержит меня. Куда я пойду, куда я обращусь, вечная жизнь, как ни к Тебе, моему Творцу? Куда я бегу, у кого я найду утешение, радость, убежище и покой для моей души? К кому я пойду от Тебя, Господи, Боже мой, когда Ты – Слово вечной жизни, которая во мне? Ты источник жизни, податель всех благ. Моя душа жаждет Тебя, моё сердце жаждет Тебя, Бог моей жизни! Утоли нас святым своим именем, Ты, сладчайший Господи Иисусе. Моя душа, моё сердце изранены, нет для меня ничего приятнее во всей моей жизни, как Твой святейший дух. Твои слова будут слаще мёда для моего нёба и рта, Твоё оправдание, Господи, будет мне дороже золота и драгоценных камней и много слаще сотоваго меда.

II.

К кому мне звать, кого любить, кроме Тебя, Господи, Боже мой, так как Ты моя жизнь. Ты моё спасение, моя честь и слава. Ты моё богатство, Ты моё вечное сокровище, Ты моя надежда и ожидание, Ты моя радость, мой вечный покой. Могу ли я любить что-нибудь суетное, неизвестное, превратное, испорченное, лживое более чем Тебя, мою истинную жизнь? Ты моя жизнь, моё блаженство, на Тебя одного полагаю я мою надежду, всё моё упование, все мои желания, все мои мольбы; к Тебе, Господи, обращаюсь я от всего сердца и от всей души, молю Тебя всеми силами, из глубины моего сердца, да изольётся моё сердце в Тебя одного, да буду я в Тебе и да будешь Ты во мне. Я познаю в себе единого истинного Бога, посланного Тобой Иисуса Христа, и взываю к нему; в Твоём свете мы усматриваем свет милости Твоего св. Духа.

По-видимому, духоборцы не имеют и не имели прежде общаго главы. Отдельныя общины часто не согласны друг с другом, но повсюду из среды их временами выходят предводители, скоро приобретающие безусловную власть в окрестности и встречающие полное повиновение.

Такой предводитель был Сильван Колесников во второй половине XVIII в. в деревне Никольской Екатеринославской губернии; духоборцы, бывшие под следствием 1791 г., долго спустя после его смерти ещё говорили о нём с большим уважением, считали его своим учителем и основателем их общины в Екатеринославской губернии. По их словам, он умел читать и писать – талант неслыханный между тогдашними русскими крестьянами. Он обладал природным умом, убедительною речью, вёл строгую жизнь, был зажиточен и очень добродетелен; его дом скоро сделался средоточием для целой окрестности. Там он преподавал своё учение, особенно по воскресеньям и праздникам, свёл почти со всеми сношения и считался их общим главою. После его смерти учительская обязанность и влияние на других перешли к его сыновьям Кириллу и Петру, которые сохранили их за собой до своей смерти.

Из известных предводителей всего интереснее И. Капустин, о котором я собрал много сведений от меннонитов на Молочной, бывших его ближайшими соседями.

О происхождении, имени и прежней жизни И. Капустина ничего не известно. По одному сказанию, он был крепостным* и за какое-то преступление отдан в солдаты. Гвардейский унтер-офицер в отпуску, он отправился в Тамбовскую губернию и присоединился к распространённым там молоканам. Знал ли он прежде учение духоборцев, или мало-помалу он развил его самостоятельно – довольно того,

* Это было бы исключением из правила, так как замечено, что секта духоборцев распространяется только между свободными людьми, государственными крестьянами, казаками и т. п., и никогда между крепостными.

что он стал распространять это учение между молоканами, в чём ему помогал его зять Уклин. Это причинило распадение между молоканами, а так как в то же время большая часть духоборцев Тамбовской губернии переселилась на Молочную воду (в Мелитопольском уезде Таврической губернии), то он со своими приверженцами последовал за ними и поселился там.

В 1801 г. с разрешения императора Александра 30 семейств из вышеназванной деревни Никольской Екатеринославской губернии поселились на Молочной; так как эта маленькая колония, не стесняемая никем, скоро расцвела, то духоборцы из всех губерний России потянулись туда и поселились там с разрешения правительства.

Капустин, при своей красивой наружности, при больших природных способностях, уме и даре слова, скоро приобрёл господство над всеми; все добровольно подчинились ему, и он господствовал над ними как царь, или скорее как пророк. Распространяя общее учение духоборцев, он умел объяснять его в свою выгоду. Он особенно развивал верование в переселение душ, существовавшее, впрочем, у них и до него. Он учил также, что Христос родится вновь в *каждом* верующем, что Бог проникает в *каждаго*, потому что когда слово стало плотью, то и каждое божеское действие на земле облеклось на вечное время плотью, то есть стало человеком; однако каждая человеческая душа, по крайней мере пока существует сотворенный мир, составляет особый индивидуум. Бог выбрал самого совершенного и самого чистаго из людей, какие только были, и поселился в личность Иисуса Христа, и таким образом душа Иисуса стала совершеннейшею и чистейшею из всех человеческих душ. После того как Бог явился уже раз людям в образе Иисуса, Он пребывает всегда в человеческом роде и живёт и обнаруживает себя в каждом верующем. Но куда же девалась индивидуальная душа Иисуса? По закону переселения душ, она неизбежно должна была поселиться в другое челове-

ское тело. Иисус сам сказал: «Я останусь с вами до конца дней!» Таким образом, душа Иисуса, предпочтённая самим Богом всем остальным человеческим душам, из поколения в поколение переходит постоянно в новое тело, и в силу ея высоких способностей, и по особому и необходимому повелению Божью, она постоянно удерживает сознание обо всех прежних состояниях, пережитых ею. Поэтому человек, в котором она обитает, знает, что в нём душа Иисусова. В первые века после Христа убеждение это было так распространено между верующими, что каждый тотчас признавал новаго Иисуса, и каждый новый Иисус руководил христианством, был главою его и разрешал все религиозные споры. Каждого новаго Христа называли папой. Однако скоро ложные папы овладели престолом Иисуса. Истинный Иисус удержал при себе только небольшую горсть верных и истинно верующих, как Он предрёк это ещё в Новом Завете: «Много званых, мало избранных». Эти истинно верующие суть духоборцы, а поэтому между ними постоянно находится Иисус, и душа его обитает в одном из них. «Так Сильван Колесников в Никольской, котораго ещё хорошо знали многие старики между вас, был истинный Иисус. Теперь же, как верно то, что надо мною небо, а под моими ногами земля, так верно и то, что я истинный Иисус Христос, ваш Господь, а потому падите на колена и молитесь мне!»

Все пали на колена и молились ему*.

Духоборцы поселились на Молочной воде в 9 деревнях, которым дали особия названия: *Терпение* (Здесь по-

---

* Для сравнения я приведу, что в XVI в. некто Давид Йоргис из анабаптистов точно так же выдавал себя за Христа, за новаго Давида, за Мессию, все пророчества Ветхаго Завета объяснял в свою пользу и действительно приобрёл некоторых приверженцев. Он умер в Базеле. Иисус сам предсказал, что будут являться ложные пророки и выдавать себя за Христа. Матф. XXIV, 23. Нечего удивляться тому, что это случилось, но можно удивляться тому, что они нашли последователей. Люди, верующие в божественность Христа и Его учение, верующие в Св. Писание, перенесли свою веру на обманщиков, которых сам Христос называл таковыми. Какая удивительная спутанность в уме человека!

селится Капустин и отсюда управлял всеми остальными), *Богдановка*, *Тройчатка* (Троицкая?), *Ново-Спаская* и др. В 1833 г. там жило до 4000 духоборцев.

Капустин ввёл между ними полную общность имущества. По его распоряжению поля обрабатывались общиной, жатва делилась самим Капустиным между всеми, открыты были магазины на случай голодных годов; развились всевозможные отрасли промышленности, приготавливали хорошие ремни, красивые шапки и т. д.; колония, видимо, расцвела.

Около 1814 года Капустин попал под суд за привлечение других к своей вере, посажен в острог, но скоро был освобождён на поруки. Его последующая судьба темна. Скоро стало известным, что он умер и погребён. Начальство хотело в этом удостовериться, вскрыло могилу и нашло там мужчину с длинной рыжей бородой, тогда как Капустин брюнет и всегда брил бороду. Лица нельзя было разобрать. Жена Капустина жила уже некоторое время на острове, при устье р. Молочной, в 7 верстах от деревни Терпение, недалеко от Азовского моря. Скоро многие зажиточные духоборцы начали брать паспорта в Луган под предлогом закупки лошадей. У начальства возбудилось подозрение, оно стало допытываться об этом от жены Капустина и разузнавать в окрестности, но ничего не открыло. Только уже много позднее и после того, как Капустин в самом деле умер, в 1820 г. молодой Корнис открыл не-вдалеке от прежнего жилья Капустина пещеру, в которой он провел последние годы своей жизни. Я также видел эту пещеру. Очень узкий вход, вероятно прежде замыкавшийся дверью, ведёт от берега зигзагообразным коридором в комнату, где стояла постель и печка. Свет проникал в неё через деревянную трубу, выходящую наружу и скрытую кустарником.

После смерти Капустина Христос перешёл в сына его. Он уверил своих последователей, что душа Христа

имеет власть соединиться с любым человеческим телом, которое она выберет, и что она поселится в теле его сына. Сына этого звали Иларионом Калмыковым. Чтобы избавиться его от рекрутчины, Капустин отправил свою беременную жену к ея отцу Калмыкову, чтобы она там родила, и впоследствии выдал её снова замуж за ея ребёнка, признанного за незаконно рождённого и названного Иларионом Калмыковым. Илариону было около 15 лет, когда умер его отец. Чтобы по возможности скорее иметь от него потомство, духоборцы, когда ему минуло 16 лет, подкладывали к нему одну за другой 6 молодых девушек. Но сын не унаследовал духа отца: он предался пьянству, порядок распался между духоборцами, общность имущества нарушилась. Он умер в ссылке в Ахалцыхе на Кавказе в 1841 г. и оставил после себя двух малолетних мальчиков; духоборцы надеются, что в одном из них на тридцатом году жизни явит себя Христос.

При распадении общего порядка выказался деспотизм предводителей и старшин. У Капустина был совет из 30 старшин, из которых 12 считались апостолами. После его смерти при его слабом сыне они управляли всем. Но когда слишком многие были посвящены в таинственные мистерии, то начались подозрения, недоверия, наговоры; опасались открытия. Тогда совет старшин признал себя полновластным инквизиционным трибуналом. Выражение «кто отречётся от своего Бога, да погибнет от меча» получило произвольное толкование. Дом заседания суда назывался *рай и мука*; место казни было на острове при устье Молочной. Уже за одно подозрение в измене или в переходе к православию люди наказывались пыткой и смертью. В продолжение двух лет пропало, большей частью безследно, до 400 человек. Последнее разследование со стороны правительства дало ужасные результаты; найдено несколько заживо похороненных, многие были изуродованы. Следствие, начавшееся в 1833 г., окончило свои занятия в 1839 г.

Тогда государь приказал всех духоборцев с Молочной переселить на Кавказ, разделить их там и иметь над ними строгий полицейский надзор. Остаться разрешалось только тем, которые пожелают перейти в православие. Это повеление было сообщено им генерал-губернатором графом Воронцовым. Я привожу здесь это сообщение.

От генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии.
Жителям деревни Ефрановка,
называемым духоборцами.

У в е д о м л е н и е .

Всякия действия, которыя оскорбляют нашу православную Церковь или нарушают общественное спокойствие, воспрещены нашими государственными законами, и нарушение этих законов наказывается строго. Эти законы исходят от власти, установленной Богом, следовательно, имеют божественное происхождение, а потому все и каждый обязан им повиноваться и буквально их исполнять; так что тот, кто возстаёт против власти, тем самым противится повелению Бога.

Вы, духоборцы, отпали от тех догматов, которым следует в течение многих столетий православная Церковь, и ложным толкованием и превратным пониманием слова Божия развивши у себя превратное учение, вы уничтожили мир Церкви, а своими незаконными действиями нарушили общественный порядок. Как противники власти и ея приказаний, вы давно уже заслужили справедливую кару и наказание.

Однако в Бозе почивший император Александр, желая обратить вас посредством кротости, терпения и любви, не только в своём великодушии забыл все ваши вины и отменил следуемые вам наказания, но и повелел собрать всех вас, прежде разсеянных и тайно живших во мраке, в одну общину и сверх того предоставить в ваше пользование зна-

чительное пространство земли, – и за все оказанные им милости и благодеяния он требовал от вас одного: чтобы вы жили в мире и спокойствии и не нарушали государственных законов. Какие же плоды принесла эта отеческая забота о вас! Едва вы поселились на отведённой вам земле, как во имя вашей веры и по приказанию ваших лжеучителей начали убивать людей, жестоко обращаться с ними, скрывать у себя беглых солдат, утаивать преступления, совершенные вашими братьями, и повсюду оказывать неповиновение и презрение к власти. Многие из ваших единоверцев знали о таких действиях, нарушающих все человеческие и божеские законы, и не только не предали виновных в руки правительства, но старались скрыть их; многие из ваших братьев ещё и теперь под арестом и ожидают справедливого наказания за свои злодеяния.

Теперь все ваши преступления открыты, и кровь, тайно и явно пролитая, взывает к отмщению. Вы сами лишили себя милости помазанника Божия, охранявшей и защищавшей вас до сих пор, потому что нарушили то условие, под которым она была вам обещана. Ваши поступки, вытекающие из вашей веры, разрушительной для общественного спокойствия, истожили долготерпение правительства, которое, наконец, убедилось, что во имя общественного порядка ваше присутствие здесь не может быть долее терпимо и что вы должны быть удалены в такие местности, в которых вы были бы лишены возможности вредить вашим ближним. Наконец ваше действие привлекло на себя высочайшее внимание Государя Императора, – выслушайте теперь его волю:

Его Императорское Величество высочайше повелеть соизволил: всех тех, которые останутся в своей вере, переселить на Кавказ. При этом Государь Император дарует вам следующие милости:

1) Взамен земли, предоставленной вам здесь от короны, вам будет отведена другая земля в Ахалцыхском уезде

Грузино-Эмеретинской губернии. При этом вам объявляется, что те из вас, которые переселятся на Кавказ, не будут освобождены от рекрутчины.

2) Предоставляется переселенцам своё движимое имущество продать или взять с собой.

3) За недвижимыя имущества, как-то: дома, сады, будет выдано вознаграждение по определению их ценности особой комиссией.

4) Земля, составляющая собственность переселенцев, может быть продана или уступлена правительству за определённую цену, но с условием, что если эта земля не будет продана или уступлена правительству ко времени переселения, назначенному в половине мая сего 1841 г., то всё-таки переселенцы, собственники той земли, не могут оставаться на своём теперешнем месте жительства дальше упомянутого срока.

Вместе с тем Его И. В. высочайше соизволил передать вам, что те из вас, которые, познавши своё заблуждение, обратятся к истинной вере и перейдут в лоно православной Церкви, нашей общей матери, и последуют ея учению, основанному на словах Спасителя и апостолов, могут остаться на их теперешнем месте жительства и сохранить за собою свои земли, равно и пользование землями, предоставленными вам от короны, и что все такие из вас будут пользоваться всегда особым покровительством и милостью.

Известивши вас о воле нашего всемилостивейшаго Государя, я отсылаю вас к вашему гражданскому губернатору, действительному статскому советнику Муромцеву и коллежскому советнику Ключареву. Я советую и прошу вас зрело обсудить всё вышеизложенное и передать мне ответ о вашем решении.

Одесса 26 января 1841 г.

Подписано: Генерал-губернатор
Новороссии и Бессарабии,
Граф Воронцов.

Вследствие этого в том же 1841 г. наиболее ревностные духоборцы, в числе 800 человек, были переселены на Кавказ, и между ними Иларион Калмыков с семьёй. В 1842 г. переселились ещё 800 человек, а в 1843 г. 900 человек. Часть перешла в православие, чтобы остаться на месте, многие возвращаются теперь из своего нового отечества, где им очень тяжело живётся, и принимают православие. Но более чем вероятно, что переход этот совершенно внешний. Если бы правительство открыло у них училища, послало бы к ним умных, набожных и деятельных священников, то невежественная толпа могла бы честно отказаться от своей веры, а иначе из них образуются только лицемеры.

Прежде чем я приступлю к описанию моего посещения духоборцев, я хочу рассказать один анекдот, переданный мне И. Корнисом. В 1817 г. в России были два квакера, Аллан из Англии и Дригет из Пенсильвании. В то время было распространено воззрение, что у духоборцев те же религиозныя основания, что и у квакеров. Император Александр, которому эти квакеры были представлены, сам предложил им познакомиться с учением духоборцев. Они отправились на Молочную. Тогдашний директор колонии меннонитов статский советник Контениус сам свёз их к духоборцам и устроил род религиознаго диспута между квакерами и некоторыми умными духоборцами (Капустин тогда уже умер или скрывался). Конечно, разговор вёлся через переводчика и длился половину дня. Со стороны духоборцев выступил известный Гришка, ловкий и бойкий малый. Духоборцы говорили уклончиво, двусмысленно, они мастерски умеют вести такой разговор; англичане держались стойко, и наконец, духоборцам нельзя было больше отлынивать. И когда они на категорично поставленный им вопрос: «Верите вы во Христа, едиnorodнаго Сына Божия, второе лицо Св. Троицы?» отвечали: «Мы верим, что Христос был хороший человек и ничего больше», – то Аллан закрыл себе глаза рукой и вскричал: «Мрак!» Тотчас после этого оба англичанина уехали.

Я воспользовался моим пребыванием у меннонитов на Молочной, чтобы лично познакомиться с духоборцами под руководством меннонита г. Корниса.

26 июля ст. ст. (7 августа) 1843 года мы поехали в духоборческую деревню Богдановку и были радушно приняты одним из более уважаемых жителей ея, которых хорошо знал г. Корнис. Вскоре собралась половина деревни в доме нашего хозяина и вокруг дома. Внешний вид деревни, расположение двора и дома, народная одежда не представляли существенного отличия от соседних русских деревень. Только общий вид производил впечатление большого довольства, порядка и чистоты; а когда я проходил деревней и видел детей и потом посмотрел на собравшихся поселян в доме и на дворе нашего хозяина, то мне бросились в глаза красивыя формы, как мужчин, так и женщин, и выраженные здоровья и силы*.

Внутренность дома, в который я вошёл, совершенно такая же, как и в других русских домах той местности, только, конечно, в углу комнаты не было образа, который непременно висит в избе каждого русского крестьянина-несектанта. Разговор скоро перешёл на религиозные предметы и, несмотря на то, что для меня, как говорившаго при помощи переводчика, должна была утратиться связь и тонкости речи, я всё-таки не мог довольно надивиться ловкости, лёгкости выражений и лукавству обоих духоборцев, говоривших со мной, — одного седобородаго и другаго сильного тридцатилетняго мужчины. Всякий раз, как разговор касался высших и опасных учений их секты, они начинали

---

* Очень понятно! Духоборцы без дальнейших разсуждений убивают каждого уродливаго или слабаго ребёнка. Они говорят: «Душа, подобие Божие, должна обитать в достойном, благородном, сильном теле. Если она попадёт в слабое и уродливое тело, то мы обязаны освободить её из этой жалкой темницы; тогда она по закону переселения душ ищет себе другое — лучшее тело. Это не убийство, потому что ребёнок ещё не человек, у него нет сознания! Другое дело, если взрослый уже с полным сознанием делается почему-либо уродом, — умерщвление его будет убийством». Как последовательно это учение, но какая ужасная последовательность!

говорить двусмысленности и забрасывали меня такими высокопарными и фантастическими выражениями, которые сделали бы честь самому заклтому софисту, одарённому диалектическими способностями. Я не мог в их присутствии записывать разговора в мою записную книжку, чтобы не возбудить в них недоверия и страха к себе. Таким образом, я могу говорить здесь только об общем впечатлении. Это было необыкновенно странное смешение самых высоких мыслей с самым грубым и грязным приложением их к практической жизни. Я тут видел ясно, как легко самый духовный мистицизм может переходить в атеизм. Самообожествление этих людей очень близко к полному отрицанию идеи положительного божества. Вопросы добра и зла, добродетели и порока разрешаются в понятии *я* и *не-я*; д у х о б о р е ц б о г и не может быть порочен, всякий н е д у х о б о р е ц существенно злой человек. Всякий поступок его, даже, видимо, добрый, есть грех*.

После продолжительной беседы мы зашли ещё в несколько домов, чтобы взглянуть на домашнюю семейную жизнь. Корнис обратил моё внимание на свободу отношений между родителями и детьми, что и должно быть так по принципам их учения. Акт рождения не должен вызывать никаких взаимных отношений. Душа, подобие Божие, не знает ни земного отца, ни земной матери, тело же происходит из материи и есть дитя земли; связь ребёнка с утробой матери, носившей его некоторое время, не теснее связи растительного семени с растением, от которого я его отрываю. Душа решительно равнодушна к тому, в какую темницу, то

---

* Не сделается ли со временем это положение пунктом расхождения, с которого большинство духоборцев, не находя более удовлетворения в своём учении, соединятся опять с Церковью? Я считаю это, во всяком случае, возможным, но невероятным без разумного и кроткого обучения. Это было бы хорошей и гуманной задачей для русского правительства, если бы оно открыло хорошие школы и послало бы к духоборцам хороших священников. Россия должна бы взглянуть на это дело очень серьёзно; она не воображает, какая опасности грозят ей с этой стороны.

есть тело, она заключена. Есть только один отец* – все божество в его совокупности, которое в свою очередь живёт в каждом отдельном человеке, и одна мать – всеобщая материя, природа, земля. Поэтому духоборцы никогда не называют своих родителей отцом и матерью, а стариком и старухой. Точно так же отцы и матери не называют детей *своими*, а *нашими* (нашей общины). Мужья зовут своих жён сёстрами.

Естественные симпатии, природные склонности всегда сильнее принципов и теоретических выводов! Я слышал и видел в семьях духоборцев проявления нежной любви к детям, равно как и почтительной любви детей к родителям, что вообще часто встречается у русских. Только духоборцы в большинстве случаев неохотно выказывают эти чувства.

Я спросил их: почему они не подчиняются внешним обрядам *русской Церкви и постановлениям государства*, так как по их принципам совершенно безразлично – исполнять или нет внешние обряды и распоряжения, тем более что они считают их совершенно ничтожными. Они отвечали мне: в старину Сильван Колесников так же учил этому и советовал подчиняться религиозным постановлениям той страны, где случится быть: так в Польше – римско-католическим обрядам, в России – православным, в Турции или Персии – магометанским. Они говорили, что их единоверцы жили в Персии и выдавали себя там за магометан**, но Капустин запретил им это, чтоб исполнение внешнего богослужения не могло поселить в них соблазна и не прельстило бы их к отпадению от своей веры.

Несмотря на их презрение ко всему земному, они относятся враждебно и корыстолюбиво к недухоборцам.

* Так как они охотно подтверждают свои слова библейскими текстами, то и по этому поводу они приводят следующее место: «Вы все братья и никого не должны называть на земле отцом, потому что у вас один отец на небесах».

** Известно, что у цыган те же правила. У турок они подвергают себя обрезыванию, у христиан крещению, в католических странах они выдают себя за католиков, в протестантских за протестантов.

Когда молокане из Тамбовской губернии точно так же должны были поселиться на Молочной, они возстали руками и ногами против поселения в соседстве с ними их духовных полубратьев; и в самом деле, их следовало бы поселить между меннонитами и татарами.

Ногайские татары, как кочевой народ, завладели одни всею степью. Татары Будзацкой орды поселились невдалеке от Молочной. Духоборцы распространились все далее, и им захотелось прекрасных пастбищ своих соседей. Они силою оттеснили бедных татар, и когда последние в 1814 г. пожаловались начальству, то сметливые и богатые духоборцы сумели наглыми заверениями, клеветой, фальшивою клятвой, а может быть и подкупом, довести дело это до того, что земля была им обещана. Бедные татары, стеснённые пастбищами, должны были, в количестве 600 человек, удалиться и перекочевали далеко к Дунаю.

28 июля я поехал с Корнисом в деревню Терпение, которая так долго была местопребыванием Капустина и центром управления духоборцами.

Для степной местности деревня Терпение занимает очень красивое местоположение. Через долину протекает быстро журчащий ручеек. Долину окаймляют довольно крутые берега, покрытые кустарником и деревьями. Между ними и речкой лежит деревня. Эта обыкновенная русская деревня производит, однако, впечатление полного запустения, потому что почти все дворы пусты, большинство жителей выселено в 1814 г. Только некоторые семьи подчинились чуждым законам, официально приняли православие и таким образом остались тут. Мы направились ко двору Капустина. Двор его лежал в небольшом и возвышенном ущелье между гор, несколько в сторону от деревни, против ее середины. Внизу близ улицы, ведущей ко двору, находится колодезь; пройдя от него с сотню шагов, мы увидели на левой стороне от 4 до 6 рядом стоящих маленьких деревянных хижин или келий, с одной дверью и одним окном в

каждой. Мы вошли через ворота во двор, огороженный дощатым забором; налево опять стояло несколько подобных же хижин, направо – так называемый малый дом Капустина. Затем мы пришли во второй двор, в котором направо помещался большой дом Капустина; налево, посредине двора, стояли три таинственных каменных идола около $2\frac{1}{2}$ аршин высоты, и которые в отдалённой древности неизвестными народами были повсюду разставлены на высоких холмах необозримой степи. Обширный двор замыкался маленькими кельями вышеописанного рода; некогда в них жили апостолы и 30 старшин, посвященных в мистерии. Всё устройство имеет сходство со староверческими монастырями, где так же для каждого монаха отдельно выстроена келья. В сопровождении одного духоборца, перешедшего в православие, мы вступили в дом Капустина. Он был совершенно пуст и заброшен, двери и окна раскрыты, ветер свистал во всех углах. Дом состоял из двух этажей; небольшая галерея сбоку вела наверх. На эту галерею Капустин выходил в определённые дни к народу, собиравшемуся внизу на дворе. Тогда все падали на колени и молились ему. Иногда он садился в одной из зал верхнего этажа, в одну дверь входили мужчины, в другую женщины целой процессией, целовали его руки и принимали благословение. Тут же помещался тот страшный суд, называвший себя *p a i m y k a*. Каждое местечко, каждая комната, каждое отделение, огороженное досками, должно было иметь особое значение, особое название; но наш спутник на расспросы Корниса сначала давал уклончивые ответы, а потом отделялся глубоким молчанием. Внизу была большая тёмная зала без окон. Тут должно было быть место, где праздновались мистерии и где Капустин со своими приближёнными предавались ужасным оргиям.

Было отличное утро; но, несмотря на то, вся картина, в молчаливой пустынности, заброшенности, с тремя каменными идолами на дворе в виде привидений с мрач-

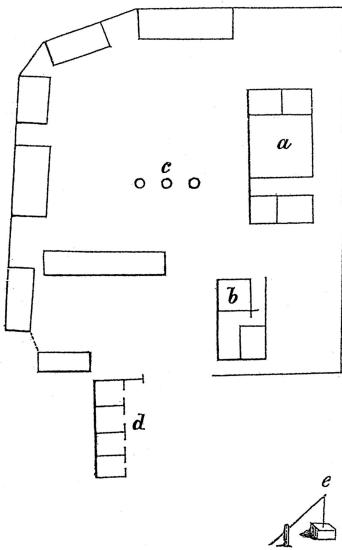
ными и страшными воспоминаниями, произвела на меня очень тяжёлое впечатление!

Очевидно, этот Капустин, по своей природе и положению, чрезвычайно походит на Иоанна Лейденского, анабаптистского короля в Мюнстере. И религиозные положения анабаптистов в их основании, хотя и не в развитии, имеют несомненное сходство с духоборческими.

В высшей степени замечательно, что этим, по нашим современным воззрениям, необразованным русским крестьянам удалось образовать

полное теократическое государство в 4000 человек, утопию Платона с христианско-гностическим религиозным основанием, и удерживать его в течение стольких лет!

Двор Капустина в дер. Терпение:

- а) Большой дом Капустина.
- б) Малый дом Капустина.
- с) Три бабы.
- д) Дом с 4 кельями.
- е) Колодезь.

Остальные дома служили частью кладовыми и хле-

вами, частью помещениями для приверженцев и приближённых Капустина.

Я видел Нижний Новгород не в блестящий его период, то есть не во время его знаменитой ярмарки; нынешнюю ярмарку посетил мой спутник доктор Козегартен. Поэтому я помещаю здесь описание его путешествия из Москвы в Нижний Новгород и пребывания его там.

ГЛАВА XIV

Нижегородская ярмарка в 1843 г. — Поездка на ярмарку из Москвы. — Великорусские деревни. — Положение города и ярмарки. — Макарьев. — Внешний вид ярмарки. — Значительнейшие предметы торговли. — Каменные ряды. — Рестораны и другие увеселения. — Подземные галереи. — Вспомогательные отрасли торговли. — Барки. — Казацкая стража. — К характеристике великороссов. — Значение и важность ярмарки

В конце июля 1843 года я выехал из Москвы в Нижний на знаменитую ярмарку. Она начинается во второй половине июля (25-го числа) и длится до конца августа (25-го числа), а иногда продолжается даже и в сентябре. Известно, что она составляет главный пункт для обмена товаров между Азией и Европой или, по крайней мере, на всём пространстве между Каспийским морем и Ледовитым океаном; кроме того, эта ярмарка играет роль промежуточного пункта для товаров, идущих из Кяхты (главным образом чая) и отсюда уже распространяющихся по всей России, равно как и для товаров, отправляемых русскими купцами в Китай в обмен на чай, из которых важнейшие — суконные и бумажные товары (именно плис) и меха.

Я выехал из Москвы в одном из удобных дилижансов, содержимых частными лицами; во время ярмарки дилижансы постоянно ездят между Москвой и Нижним. Дилижанс разделён на несколько совершенно отдельных помещений, со столиком и зеркалом на двух пассажиров. Немецкие купцы мало посещают ярмарку, а потому со мной ехали исключительно русские купцы, из которых мой сосед был в Англии и потому по-английски тянул ма-

деру и по-русски закусывал её сырым огурцом (то и другое он вёз с собой).

На протяжении 440 вёрст мы проехали только один город, именно промышленный Владимир, в котором мы хорошо пообедали. Помимо этого, все станции были в деревнях и помещались в простых избах, а пища ограничивалась в большинстве случаев одним чаем, хорошим кяхтинским чаем, который всё более становится любимым напитком русских, а мои спутники наслаждались им очень часто. Чай со всеми принадлежностями можно найти везде, но большинство проезжающих в России возят с собой все съестные припасы (что часто бывает необходимо) и чай с сахаром, а на станциях или в гостиницах спрашивают только самовар с горячей водой и приборы, за что обыкновенно платят гривенник; но часто и приборы возят с собой в погребцах, которые всегда можно купить в Москве. И это полезно, потому что во многих гостиницах дерут огромные цены. В этом отношении, как и во многих других, русские похожи на итальянцев: они также торгуются, а дешёвую еду можно только встретить, как исключение, у крестьян.

Вид местности по всей дороге один и тот же, как и вообще в северной части собственно Великороссии, от которой резко отличается южная часть или чернозёмная полоса роскошною растительностью, урожайностью хлебов и отсутствием лесов. Повсюду ровная или слегка холмистая поверхность; поля, сменяющиеся лесом (за исключением хвойного, тут мало крупного леса); широкия проезжая дороги, редко шоссированныя, а ещё реже х о р о ш о шоссированныя, великорусския деревни, то прямыми улицами, то тесно сгученными мрачными деревянными избами, часто с украшениями, но безо всяких деревьев, и окружённые только дворами и небольшими огородами, – вот главные черты этой местности*. При приближении же к Нижнему

---

* То обстоятельство, что великороссы редко садят деревья и именно фруктовые, приписывают обыкновенно непрочности собственности крестьян.

необыкновенный вид представляют ещё издали высокие берега Оки и Волги, сливающиеся под самым городом. Верхняя часть города лежит на 350 фут над поверхностью воды. Вскоре показываются белые стены кремля с башнями на крутой возвышенности выдающегося угла над самым местом впадения Оки в Волгу и мачтовый лес судов на обеих реках. По эту сторону города обе реки и воды, находящиеся с ними в связи, образуют мыс, на котором расположена ярмарка. Достигши последней, мы ехали мимо больших каменных рядов лавок, над входом в которые вывешены два флага, что означает открытие ярмарки. Далее по левую руку пошёл ряд деревянных лавок, затем мы выехали на улицу с лавками по обеим сторонам, где движение людей и экипажей особенно сильно; повернувши направо, мы въехали на мост через Оку, соединяющий ярмарку с Нижним базаром. Тут мы оставили дилижанс и на дрожках приехали на Верхний базар, представлявший своей тишиной резкую противоположность с шумною жизнью внизу. Даже и здесь, на дальнем Востоке Европейской России, есть немецкая лютеранская община, которой члены, конечно, большею частью уроженцы остзейских провинций; пастор дружески принял меня, что мне было особенно важно при совершенно чуждой мне обстановке.

Ежедневно ходил я с Верхнего базара на ярмарку. С дороги, через кремль, представляется отличный вид на обширную зелёную равнину, омываемую Волгой, на ярмарку и Нижний базар. С нея же можно видеть лежащий на возвышенности дворец и губернаторский сад, располо-

---

Но хотя по теории передел земель мог бы совершаться часто, на практике он совершается редко, и в особенности огород остаётся всегда при том же доме. Гораздо скорей это может быть приписано нередко указанной склонности характера русского народа. Русский человек не заботится об отдалённом будущем, он слишком живёт настоящей минутой, чтобы предпринять что-нибудь имеющее нескорый результат. Если он, как замечает известный путешественник Коль (Kohl), не может дожидаться пока, поспеет плод, то тем менее хватит у него терпения ухаживать долгое время за молодым деревом до того возраста, когда оно начнёт приносить плод.

женный на склоне, равно как и памятник освободителям России от поляков, Минину и Пожарскому (высокий обелиск в 75 фут из финляндского гранита).

Нижегородскую ярмарку называют иногда Макарьевской, потому что прежде она находилась при Макарьевском монастыре, около 80 вёрст восточнее Нижнего. Кажется, только те учреждения получают прочность в России, которые связаны с религиозным элементом, так, например, многочисленны ярмарки, как заметил уже Шторх, бывают всегда в церковные праздники, в праздники тех святых, в честь которых построена церковь или монастырь. Так возникла ярмарка при Макарьевском монастыре, после того как в 1524 г. царь Иван Васильевич запретил русским купцам ездить в Казань; в 1544 г. монастырь был разрушен татарами, а по восстановлении его в 1624 г. стекавшиеся богомольцы оживили опять торговлю, а монахи со своей стороны употребляли все усилия, чтобы поднять значение ярмарки. В 1816 г. Макарьевская ярмарка сторела, а на следующий год она была перенесена в Нижний Новгород, где условия местности представляли много выгод. Считают, что на этой ярмарке бывает до 200 тысяч человек (один писатель насчитывает даже 600 тысяч). При мне число людей, бывших на ярмарке не во весь период ея, а одновременно, не превышало 20 тысяч человек: правильное же исчисление всего количества людей, ежедневно прибывающих и отбывающих на таком большом пространстве, очень затруднительно.

Большая улица, составляющая продолжение моста через Оку, с прилегающими к ней улицами представляет огромный рынок мелочной торговли. Тут по преимуществу толпятся массы народа, в особенности крестьян. Тут выставлены для приманки покупателей платья и разные вещи для домашнего обихода. Некоторые лавки особенно привлекают к себе внимание проходящих баб выставкою красных шелковых душегреек, обшитых мехом или сере-

бряною бахромой, как носят богатые крестьянки. Другия лавки привлекают к себе крестьян выставкою пояровых шляп, по русскому обыкновению круглых с узенькими полями, может быть уже очень поношенных, но заново вычерненных. Парню, примеривающему на себя шляпу, подаётся зеркало, в которое он самодовольно смотрится. На одном месте стоят под открытым небом татары и продают наваленные возле них на самой земле полушубки, самую необходимую вещь для всякаго русского мужика. Несмотря на жгучее солнце, часто продавец надевает на себя полушубок и делает в нём различныя движения, чтобы показать его во всем совершенстве и красоте желющим купить. Само собой разумеется, что между выставленными произведениями русской промышленности одно из значительнейших мест занимают металлические изделия тульской и павловской фабрикации, как-то: самовары, подсвечники, замки, ножи и т. д. Грубаго холста расходится между крестьянами много тысяч аршин. Деревянная посуда, ложки и церковные колокола вырабатываются в самом Нижнем и его окрестностях; кожа преимущественно идёт из Казани. Но особенно останавливает внимание проходящего целый ряд лавок с деревянными ярко выкрашенными и окованными белою и черною жестью сундуками и дорожными погребцами, которые, как мне сказали, делаются в деревнях. Такой сундук, почти $1\frac{3}{4}$ арш. длины и более полуаршина ширины, продаётся за 2 руб. сер.; на ярмарку было доставлено таких сундуков на 20 000 руб. сер., и все они распроданы. В другом ряду продаются внутренния вина, именно донское (судак и другие сорта обыкновенно называются полушампанским) и кавказское, идущее из Кизляра. К числу же русских произведений должно быть отнесено мыло.

Предметы оптовой торговли лежали большими массами близ берега Оки под открытым небом и крышами, как отечественные товары: кожи, поташ, идущие большею

частью из Оренбурга и Казани, колёса из Вятки и других мест, рогожи из костромских липовых лесов; наконец железо и медь помещались на отмели Оки. Железный ряд тянется на 1000 шагов. Здесь можно видеть железо в различных формах, как оно выходит из первых рук на Урале и в других местах России, богатых железом: полосное, шинное, листовое и т. д.; равно и сталь и чугун в виде котлов, горшков, печей, дверец и т. п.

В этом 1843 г. на ярмарке было до 3 500 000 пудов железа и 150 000 пудов чугуна. Отсюда железо расходуется по всей России. Между купцами, прибывшими на ярмарку с этим товаром, был один прежде крепостной человек графа Шереметева, а теперь купец с состоянием от 4 до 5 млн. рублей. Тут же находится и склад меди, которой было до 48 000 пуд., большею частью с Демидовских заводов в окрестности Петербурга. Я слышал мимоходом о только что совершённой продаже меди на 1 200 000 руб. асс. Из иностранных товаров отметим мы прежде других огромные склады чаю на берегу Волги. В этом году на ярмарку было привезено 30 000 цибиков чаю* кроме 900 ящиков кирпичного чаю, много меньше прежних лет, так как оставалась ещё значительная часть его непроданного от прошлого года. Из других товаров обращает на себя особенное внимание хлопок, доставляемый сюда из Бухары через Астрахань (?), из Хивы, а частью и из Индии, равно как и жёлтая пальма в дощечках для столярной работы.

Та часть ярмарки, о которой шла до сих пор речь, может быть названа в н е ш н е ю. В ней заключалось в нынешнем году 2 333 деревянные лавки, служившие частью для склада товаров, а частью для других целей, из которых некоторые будут упомянуты впоследствии. Перечисление всех товаров, находящихся тут, было бы слишком

* Цибики обшито кожей (не знаю какого животного), в которой, как я слышал, чай доставляется в Кяхту. Не может ли это служить объяснением лучшего качества чая, доставляемого сухопутно? Я не знаю, сам ли по себе кантонский чай хуже кяхтинского, или он портится от морской транспортировки?

утомительно. А потому мы перейдем лучше к той части ярмарки, которая, по своему положению, должна быть названа в н у т р е н н е ю. Это каменное здание в виде параллелограмма, содержащее в 60 отделениях 2 521 каменную лавку; все это выстроено на искусственной насыпи и утверждено на сваях, а с трёх сторон обведено каналом. В переднем конце внутренней части ярмарки стоит так называемый главный дом, в котором помещаются губернатор, ярмарочный голова, полиция, почта и контора коммерческого банка; в другом конце – красивая православная церковь, по обеим сторонам ряды лавок, а внутри образуется большая четырёхугольная площадь. Через канал перекинуты 4 моста. Здесь главным образом находятся мануфактурные и другие ценные товары, а именно: сукна, русские и иностранные бумажные и шёлковые ткани, персидские шёлковые товары, сибирские, астраханские, бухарские и др. меха и пр. Один ряд лавок по своей архитектуре называется Китайским, но китайцев тут нет, так как ни один китаец не может оставить своего отечества. В этих лавках торгуют частью русские чайные торговцы, частью купцы и фабриканты различных национальностей из Петербурга и других русских городов; встречаются и немцы в качестве мебельщиков, часовщиков и т. п. Во всем каменном базаре мало толкотни; сравнительно с другими частями ярмарка тут довольно тиха. Купцы в различных национальных одеждах (кроме русских и европейских костюмов здесь встречаются также костюмы татарские, армянские, редко персидские и ещё реже турецкие) сидят большею частью спокойно перед своими лавками, и только немногие из них заняты разговорами с покупателями. Но тут совершаются оптовые продажи; дела в несколько тысяч и сотен тысяч рублей оканчиваются в 2–3 слова.

За каналом, близ православной церкви, стоит с одной стороны армянская церковь, а с другой – татарская мечеть. Они удовлетворяют духовной потребности большого чис-

ла ярмарочных посетителей. Телесные потребности могут также найти тут удовлетворение. Нижегородские аптекаря имеют аптеки и на ярмарке, главным образом потому, что им много дела по выполнении сибирских заказов на аптекарские товары. Конечно, тут нет недостатка в кабаках и трактирах. Проходящий мимо харчевни для простаго народа снаружи видит приготавлиаемыя кушанья из рыбы, грибов, огурцов, картофеля и проч. Но в различных местах ярмарки есть и хорошие трактиры, в которых русская кухня на постном масле не совсем понутру иностранцу, а порционные карты пишутся так неразборчиво, что, несмотря на многия немецкия названия кушаний, чрезвычайно затрудняют иностранца; но множество вежливых половых в тонких белых рубашках очень охотно исполняют все желания гостей, и после обеда вы можете даже, если желаете, получить закуренную уже трубку на длинном чубуке. Русские обычаи господствуют тут во всей силе; тут нет недостатка в висящих на цепочках рукомойниках при входе*.

Для одевания есть лавки портных, где встречаются немецкие мастера и мастеровые. На ярмарке можно получить и обыкновенныя удовольствия. Тут есть не только балаганы, качели, шарманки, но и порядочный русский театр в хорошем, но, если я не ошибаюсь, деревянном здании. Отличная концертная и бальная зала; при мне там давался только один концерт знаменитым петербургским виолончелистом Шубертом, но публики было мало. Есть несколько лавок с литографиями и с картинами, но без притязания на искусство. Был один дагерротипист, предлагавший свои услуги (не знаю, с успехом ли). Я слышал, что на ярмарку приезжает большое число публичных женщин, но я, кажется, встречал их немного. Нет недостатка и в необходимых для руссаго человека банях; отхожая места для чистоты помешаются

* Сколько я припоминаю, я видел такие рукомойники в каждой русской избе, и если я не ошибаюсь, они описаны раньше вместе ещё с русскими паровыми банями Шторхом, который приводил их в опровержение деланнаго русским обвинения в нечистоте.

в двух подземных галереях, которые не только очищаются воздухом, но и омываются ежедневно водой, проведённой в них из канала. Канал соединён с Волгой и Окой.

Официально признанных маклеров совсем нет, а дела делаются через комиссионеров и посредников, снискавших доверие купцов как частные лица. Один из таких наиболее известных посредников – армянин; кроме того, есть нотариусы, свидетельствующие векселя, предъявляемые к дисконту в коммерческий банк, как это обыкновенно делается в оптовой торговле при продаже на срок*. Нотариусы имеют на ярмарке свои лавки. Товары доставляются не только водою, но большею частью сухопутно, поэтому в стороне от ярмарки тянутся длинные ряды подвод и лошадей. Есть и малороссийския телеги, запряжённые волами. Обе реки, конечно, очень оживлены. Близ ярмарки оне покрыты судами различных форм. Множество рабочих занято нагрузкой и разгрузкою товаров. Некоторые предметы, как, например, сало, продаются прямо с судов. Существуют описания различных судов, особенно плавающих на Волге. Нос и корма некоторых из них отличаются пёстрыми украшениями. Иногда на палубах стоят избушки или беседки. Попадаютя и простыя, совершенно плоския, очень длинные и широкия лодки без палубы. Я видел также и пароход, совершающий правильные рейсы в Астрахань.

Несмотря на большия скопления народа на ярмарке, тут мало беспорядка. Особаго ярмарочнаго суда не существует. Незначительные споры разрешаются по общим русским законам словесным судом, находящимся при полиции. Внешний порядок на ярмарке держится стражей из казаков, которые так же хорошо исполняют свою обязанность, как и прежде бывшая стража из калмыков. Несмотря на то, что я в течение двух недель ежедневно посещал

---

* Векселя выдаются обыкновенно на Ирбитскую ярмарку (на полгода) или на будущую Нижегородскую ярмарку (на год) и, в случае скрепления их нотариусами, дисконтируются банком.

ярмарку, я только один раз заметил деятельное вмешательство казаков, но и этот случай был незначителен; сколько я помню, казак один раз ударил кого-то нагайкой. Я не раз видел примеры мягкости и доброты характера великорусского народа. Я видел, как нищим подавали милостыню люди совершенно бедные и, может быть, отстоящие по своей бедности на одну только ступень от положения нищего. Я имел также случай заметить, что простой русский народ вежлив до унижения не только в отношениях к высшим, но и между собой. Я видел, как один мужик валялся в ногах перед двумя или тремя господами, которые по виду не принадлежали к высшему сословию (может быть, это были мелкие торговцы), и делал вид, что целует им ноги, вероятно, прося за что-нибудь прощения (я недостаточно был силён в русском языке, чтобы понять их разговор). Один из последних, к которому, по-видимому, преимущественно относилась просьба крестьянина, говорил с ним спокойно, кажется, простил его и, наконец, удалился, вежливо снявши шапку тому же мужику, который продолжал лежать перед ним на земле!

Значение ярмарки определяется общею ценностью всех привозимых на ярмарку товаров. За последние 10 лет, до 1842 года, эта ценность колебалась между 40 и 50 миллионами рублей серебром.

ГЛАВА XV

Отъезд из Нижняго. — Второе посещение лагерь. — Кантонисты. — «Машина» на Волге. — Козьмодемьянск. — Черемисская деревня. — Черемисский двор. — Черемисы. — Одежда. — Жилище. — Народная жизнь. — Народный характер. — Религиозные обряды и миросозерцания. — Отъезд. — Встреча с партией ссылаемых в Сибирь. — Колонизация Сибири. — Развращение ея золотыми приисками. — Чуваши. — Их характеристика. — Их религия и суеверие. — Приезд в Казань

Вечером 12 июня сели мы в лодку вблизи Печорского монастыря. Перед тем мы посетили полк карабинеров, состоящий из кантонистов и расположенный лагерем верстах в трёх от Нижняго.

Все солдатские дети принадлежат в России короне; их воспитывают, кормят, одевают на казённый счёт, и все годные из них делаются солдатами. Из них образуется наследственное солдатское сословие. Они воспитываются в особых заведениях, вроде кадетских корпусов, и с раняго детства обучаются разным телесным упражнениям, фехтованию, маршировке, гимнастике, равно как чтению, письму, счёту, рисованию и т. п. Дети с выдающимися способностями получают и большее образование. Из них формируются особые полки, в которых 10–12-летние мальчишки составляют особия отделения. Полк, который мы посетили, состоял именно из таких кантонистов. Майор, командовавший батальоном полка, был тоже из кантонистов и благодаря своим способностям вышел в офицеры. Естественно, что люди, упражняющиеся в военной практике с семилетняго возраста, должны прибрести к ней большой

навык и ловкость; и в самом деле, они превосходят в этом отношении решительно всё, что я до сих пор видел. После того как мы обошли ряды палаток, кантонисты образовали из себя группы певцов. Они встали кругом, а посреди них запевало, который при драматических или комических песнях играл роль гримасника, шута и актера.

Они пели народные песни, но выполняли их чрезвычайно точно. Большею частью начинал один голос, потом присоединялись другие. Один голос сильно и резко держал один тон, только редко впадая в другой, где непременно требовала этого мелодия, и извивался, как змея, между волнами остальных тонов песни.

Между прочим, они пропели песнь, написанную генералом Лбовым в честь Бородинской битвы и вполне сохранившую характер русской народной мелодии. Среди песни военный начальник, ходивший с нами, просил нас взглянуть на часы и дал знак к тревоге. Хор смолк моментально, все бросились в палатки за оружием, и, пока мы шли к плацу, некоторые, уже совсем готовые, обогнали нас. В 1½ минуты все были на месте, а в 2 минуты весь полк был окончательно сформирован. Все маневры, марши, церемониальные и беглым шагом, были выполнены с замечательной точностью. Как-то странно было видеть такое быстрое превращение разбросанной толпы людей в стройный полк,двигающийся равномерно и быстро, как одно тело.

Ночь, проведенная нами на лодке, была ясна и светла, но всё-таки мы чувствовали себя очень скверно. Комары надоедали нам до такой степени, что нечего было и думать о сне. Против этих безчисленных кровожадных эскадронов нет никаких средств.

Следующие двое суток мы провели на Волге. Всё время правый берег возвышался от 50 до 150 фут; левый берег совершенно плоский, с необозримыми лугами и болотами, замыкавшимися лесом на горизонте. В верхнем глиняном слое отвеснаго праваго берега Волги находят-

ся бесчисленное количество маленьких, часто глубоко идущих дыр – жилища и гнёзда ласточек. В длинных скалах южного Кавказа и Крыма видно точно так же бесчисленное количество выдолбленных дыр, ведущих в пещеры, – жилища доисторических народов. Человеческие троглодиты, по-видимому, переняли у ласточек способ устройства своих жилищ.

Волга очень оживлена. Безпрестанно встречали мы «машины» – так называются на Волге суда, ведущая по реке гружёные барки, – неуклюжие, тяжеловесные предшественники будущих пароходов. Это судно с одним колесом, приводимым в движение лошадиной силой вместо пара. Якорь на толстом канате отвозится на лодке далеко вперёд и бросается на дно, а судно, натягивая канат, приближается к якорю. Канат навёртывается на колесо, помещающееся на верхней части машины, а колесо приводится в движение лошадьми, число которых иногда достигает 60 на одном судне. Когда судно приближается к якорю, то на лодке высылаются другой якорь вперёд и выбрасывается на дно; таким образом, медленно подвигается дело; часто такая машина ведёт 5–6 сильно нагруженных барок вверх по Волге.

Ветер дул нам постоянно противный, лодка была слишком мало нагружена, рулевой неумелый, оборонительная война с миллионами комаров без малейшей надежды на победу – всё это совершенно истощило наше терпение, и после полудня 15 июня мы высадились в уездном городе Козьмодемьянске.

За 20–30 лет на Волге было ещё очень беспокойно. Разбои, убийства и кражи были обыкновенны на ней. Теперь совершенно спокойно. Полиция, которая при всём различии народностей и языка, при огромных расстояниях, умела ввести полную безопасность во всей России, должна быть очень хорошо устроена, но для меня это устройство осталось загадочным.

В Козьмодемьянске мы нашли радушный приём уездного начальника государственных имуществ г. Фененко, человека живаго темперамента и национального склада ума. В этой местности начинаются жилища черемисов, финского племени.

Г. Фененко изучал их внутреннее устройство, национальнныя особенности и нравы, собрал народныя песни, сказания и сказки, что, конечно, очень важно для ближайшаго знакомства с ними. Финское, или, как русские его называют, чудское племя населяло некогда всю Северную Европу и часть Северной Азии; оно жило, вероятно, далеко в Германии, в Польше и в России вплоть до начала степей. Германские и славянские народы мало-помалу оттесняли его к северу, и многия отдельные ветви этого племени уже исчезли; остальные, как собственно финны, эсты и зыряне, близки к совершенному слитию с другими народами, именно с русским; это слитие совершается само собой, безо всякаго содействия правительства, просто как естественный ход истории, подобно тому как то же совершается в Америке с индейскими племенами.

Тем более важно для науки всё сохранившееся от этого племени, пока оно не исчезло совсем. Жена статскаго советника доктора Фукса в Казани старательно и с любовью долгое время изучала нравы и обычаи интересных племён черемисов и чувашей. Муж ея издал на русском языке в 1840 г. ея письма. Указания на эту книгу и извлечения из нея находятся в архиве Эрмана 1841 г., во второй тетради (Берлин, типография Реймера). Г. Фененко намеревается также издать свои наблюдения и изследования.

Всё, что я передам тут о черемисах и чувашах, взято частью из моих собственных наблюдений, частью же заимствовано из изустных сообщений г. Фененко и из вышеназванной книги.

В тот же день мы поехали с г. Фененко в черемисскую деревню Куликалово, за 20 вёрст от Козьмодемьянска.

Черемисы придают всей местности совсем иной вид, особый характер. Тут живут и русские, но только по берегам Волги и впадающих в неё маленьких речек. Черемисские деревни лежат все внутри страны в маленьких долинах между холмами. Русские деревни всегда вытягиваются в прямые линии, а избы черемисов, напротив, лежат неправильными группами; прямых улиц в деревнях совсем нет. В русской деревне обыкновенно нет ни одного дерева, ни одного куста, так что вид такой деревни из серых домов и крыш, на совершенно голом месте, окружённом хвойным лесом, производит однообразное и грустное впечатление.

В черемисской же деревне непременно посажены деревья, липы, берёзы, дубы, цветущия фруктовые деревья, так что серые крыши домов выглядят между зеленью и глазу не надоедает скучное однообразие прямых линий и улиц.

Мы остановились в большой избе зажиточнаго черемиса, котораго звали Родионов Юрий* и который принял нас очень радушно. Так как был отличный вечер и обещал хорошую ночь, то мы решились ночевать на большом дворе под двумя роскошными липами; притащили туда соломы, разложили наши матрацы, подушки и пальто, и скоро весело закипел между нами самовар, который везде можно найти в России.

Я прилагаю рисунок, представляющий расположение черемисскаго двора, нами осмотреннаго.

Описание двора.

I. Жилой дом.

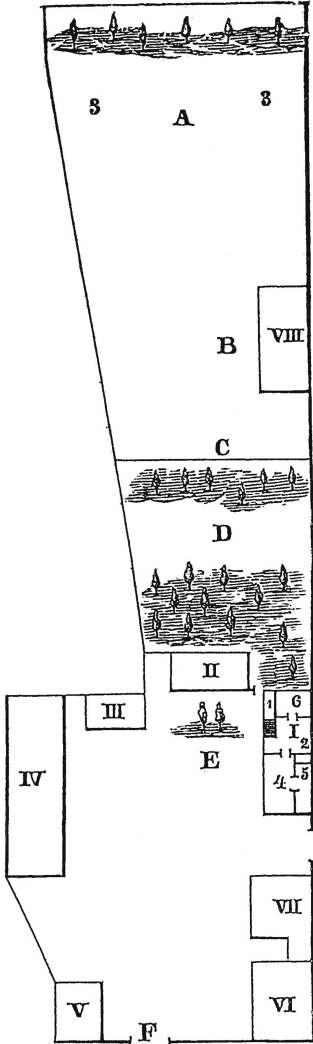
II. Сарай для экипажей и орудий – к а р а т н и к (русское слово).

III. Хлебный магазин – к л е т ь (латышское слово).

* Здешние черемисы – христиане и поэтому имеют христианския имена. Но они считают только имя при крещении, а фамилий у них вовсе нет. Известно, что русские присоединяют к имени, данному при крещении, имя отца; черемисы делают то же, только ставят отчество впереди; таким образом, по русскому обыкновению нашего хозяина следовало бы звать Юрием Родионовым.

IV. Хлев – с а р а й (русское слово); первоначально у черемисов хлев состоял просто из загородки без крыши; такой хлев называется л е в и ч.

V. Летнее жильё – к у д а , с печью посередине.

VI и VII. Прежде жилия изба, теперь же служит для сбережения различных домашних вещей.

VIII. Вновь отстроенное жильё для женившегося сына – д о м (русское слово, взятое из латышского).

A. Луг.

B. Огород – с а у т (русское слово).

C. Хмельник.

D. Фруктовый сад и пчельник.

E. Две высокия липы, называемыя п и с т и.

F. Дверь на улицу.

Вся местность заботливо огорожена.

Расположение жилой избы: (Нижнее пространство служит исключительно для помещения разных вещей).

1. Лестница, ведущая в жильё; сзади нея открытая галерея, служащая летом для спанья.
2. Кухня. 3. Печь с колпаком.
4. Жилая комната – п ё р т. 5. Чулан – с у л а н. 6. Гостинная.

Печь называется по-черемисски к а м а к а, печной кол-

пак – к а м а к е м г е, камин – к а м а к а л и п к е, открытая печь в летней избе называется т о л о т т у м в е р.

Этот план указывает на значительную культуру, а у бедных и простых черемисов весь двор проще. Влияние русских нравов и учреждений доказывается, между прочим, русскими словами: каретник, сарай, клеть, и на черемисском языке нет слов, соответственных им.

Двор был наполнен домашними птицами, что у русских встречается очень редко. Петух по-черемисски ц ы п п, по-латышски ц а л е; однако когда латыш кормит птиц, то также кликает их: цып, цып. На дворе всегда находится одна или две липы.

В изгороди и между фруктовыми деревьями было несколько черемух, называемых л а н г и ц к о и составляющих предмет суеверного почитания.

В сенях возле лестницы висел глиняный сосуд для умыванья, а рядом на столе кружка, и тот и другая чрезвычайно красивой, почти античной формы; по золотистому фону кругом кружки шла выпуклая гирлянда красивых цветов, голубых и красных.

Первоначально национальный дом заключал в себя только одну большую комнату – п ё р т. Летний дом с печкою посередине и теперь такой же. Но благосостояние, которое было очевидно, внесло уже роскошь и подражание иноземцам.

Также встречается у черемисов резьба на окнах и под крышей, но форма и характер этих украшений иные, чем у русских.

Входная дверь во всех черемисских домах вследствие неизвестных суеверных мотивов непременно обращена на восток. То же самое встречается у чувашей и татар.

Мы видели тут особый род свиней с длинною щетиной*. Все лето они бегают совершенно свободно и безо

* Георги говорит, что идолопоклоннические черемисы презирают свиней и потому не держат их.

всякого призора в лесах; осенью их ловят, сколько успеют поймать, и делят их поровну между всеми домохозяевами, так что, собственно говоря, тут не существует частной собственности по отношению к этим животным.

В саду мы видели вишни, яблоки, малину, клубнику, из овощей – капусту, репу, бобы и горох. Уже три года как по распоряжению начальства сажают картофель. Хлебное хозяйство трёхпольное, в озимом поле рожь, а в яровом треть ячменя и яровой пшеницы и две трети овса, возделывается несколько и льну. В общем, обработка хороша, полосы довольно широки и отделены друг от друга дерновой межей, чего я нигде не видал у русских.

Перед деревней вырыты ямы, в которые воткнуто множество жердей в виде конуса; на них кладётся хлеб, а в ямах разводят огонь; этим жаром и дымом высушивается хлеб – это называется т а м ь я м а. Неподалеку же находится крепко выбитое открытое место для гумна, называемого г е в и с т е.

Луга хороши и обильны сеном, почему и сено дёшево, от 5 до 7 коп. за пуд. Хмель разводится много, так как главный напиток черемисов – пиво. Пчёлы дают хороший мёд. Черемисы средняго роста, но стройны и сильны, лицо широкое, большею частью курносое, волосы и борода чёрные, блестящие, рот большой, глаза большею частью совсем чёрные, в особенности у детей – роскошного восточного блеска. Каштановые волосы редки, белокурых я не видал ни у одного черемиса*. Женщины малы и некрасивы, а безобразный костюм ещё более увеличивает их безобразие. Хотя большая часть финских племён белокуры или рыжи,

---

* Когда эти строки были написаны, я раскрыл описания некоторых прежних путешественников, сообщавших наблюдения об этих племенах, как-то: Палласа, Георги, Фалка, Лепёхина, Рычкова и др. Они частями списывали один у другого, и все описывают черемисов блондинами с маленькими бородами. Я могу только сказать, что видел сам. Я не знаю, может быть, белокуры другие черемисы, живущие на левом берегу Волги и которых преимущественно посещали прежние путешественники.

черемисы совершенно черноволосы и никогда не смешиваются с другими народами. Браков с русскими и татарами почти не бывает, с чувашами крайне редко.

Одежда мужчин сильно русифицирована, а женская состоит из белаго суконнаго кафтана, обшитаго черной тесёмкой. Оне сами валяют сукно и обрабатывают его, так что кафтан обходится им от 1 р. 70 к. до 2 руб. сер. за штуку. Затем рубашка из своего холста (т о г о р а), за который при покупке нужно было бы заплатить по 20 коп. асс. за аршин, холстинные панталоны (я л а ш) и лапти (е д а л). И мужчины и женщины обёртывают ноги отвратительными толстыми суконными чёрными онучами (ч т и р). По праздникам они носят сапоги (к е м) и короткий кафтан до колена (к а п т а л). Женщины носят на шее украшения из стеклянных бус, монет или яркий бант (ш и в о ш). Многие женщины носят род кольца с печатью. Я купил у одного черемиса медное кольцо, полученное им в подарок от его невесты. По-видимому, оно очень старо, и, по всей вероятности, есть талисман с неизвестным погребенным значением.

Никогда женщина не должна показывать голых ног — это принесло бы ей несмыаемый стыд. У девушек висят сзади головы две косички волос, женщины обвязывают свои головы платком (ш е р д а н), так как считается неприличным, чтобы кто-нибудь из мужчин, особенно свёкор, видел волоса на голове замужней женщины. Нам показывали особенный высокий праздничный головной убор, украшенный всевозможными бахромой, кораллами и монетами, убор этот называется ш у р к.

Название черемисов дано им русскими, сами себя они называют с издревле м е р и, м а р и (мужи). Жена никогда не зовёт своего мужа по имени, а всегда М а р и, а муж жену В а т а (то есть жена). Прежде они были кочевым народом, ещё Герберштейн называет их разбойническим кочевым народом. Они долго и упорно отстаивали свою независимость против русских и всего сильнее защища-

лись во время покорения Казани. Теперь они все оседлы и хорошо обрабатывают землю, по крайней мере, те, которых я сам видел.

Семейные отношения у них не так сердечны и патриархальны, как у русских. Положение женщин носит ещё восточный характер. Мужчина покупает себе жену за условную сумму, называемую о л о н (у татар – к а л ы м), достигающую иногда 100 руб. сер. Как бы в вознаграждение мужа, жена получает из дому известное число рубашек и позднее получает от отца в подарок, или как наследство, часть его движимаго имущества. Взрослые сыновья женятся как можно раньше и тотчас образуют отдельное хозяйство. Если отец не распорядится сам своим имуществом, то после смерти его дом отходит к младшему сыну*. По отношению к пользованию полями и лугами они ввели у себя русское общинное хозяйство. Поэтому каждый юноша, женившийся и устроившийся своим домом, требует себе земли не от своего отца, а от общины. В деревнях, в которых я был, вся земля обрабатывается общиною. На земледельческие работы выходит вся деревня, стар и мал, мужчины и женщины, и работают день и ночь, пока не будет кончена вся работа, например, посев, сенокос, жатва; из этого никто не исключается и никто не имеет права остаться дома. Затем собранный хлеб и сено делятся на поле равномерно между всеми домохозяевами, – следовательно, тут нет раздела полей.

Черемисы живут небольшими деревнями в 10, 20, 30 дворов, редко более; такая деревня называется а с б а р или о к о л о ч. Обыкновенно несколько деревень образуют общину с общими полями. По-видимому, такое образование общины основывается на древних делениях народа и связано даже с религиозными идеями. Такая община называется

---

* Г-жа Фукс утверждает, что она никогда не слыхала ничего подобного; но нам рассказывал это г. Фененко, и все черемисы, которых мы об этом спрашивали, подтвердили это.

к е р е м е т ь, но и древнее место для жертвоприношений со священными деревьями называется также к е р е м е т ь. Деревня, в которой мы ночевали, составляет с двумя соседними такую общину, носящую имя К у л и к а л о в а. Во всех трёх деревнях было 63 двора и 163 мужские души. Конечно, каждая деревня, кроме того, имеет своё название, но по суеверному обычаю черемисы скрывают эти названия, и русским чиновникам редко удаётся узнать их.

Но г. Фененко любим ими и потому знал название нашей деревни: Е м а н е й в е (Iemaneive).

По уверению г. Фененко, черемисы имеют полное и очень разумно организованное народное устройство с большой внутренней силой и прочностью. Правительство терпит это устройство частью потому, что черемисы стоят за спокойствие и порядок, частью потому, что оно не знает их жизни, так как черемисы очень скрывают её от чиновников, частью, наконец, потому, что черемисы, действуя всегда дружно и заодно, представляют пассивный, но непреодолимый отпор.

Большая часть черемисов приняли православие, но немного усвоили себе из христианства и до сих пор наполовину язычники. Некогда они управлялись своими собственными князьями, и Рычков приводит, что тёмные предания об этом ещё сохранились у них; но г. Фененко уверял меня, что у них и теперь есть общий глава, существование которого, однако, держится в глубочайшей тайне. Каждая деревня имеет своего старшину, называемого к а ш т а н, — это обыкновенно самый умный, самый богатый и наиболее уважаемый черемис. Несколько волостей стоят опять под каштаном высшего порядка, и так далее по иерархической градации дело доходит до народного Каштана, который, кажется, живёт в Вятской губернии.

Каждый каштан назначает себе преемника, но всегда такого, которого общественное мнение и народный голос признают за способнейшего. Каштаны обязаны оказывать

всевозможную помощь людям, им подчинённым, советом, деньгами, наставлением, а главным образом гаданьем, очень распространённым между черемисами. Каштаны пользуются большим весом и значением, так как вся торговля продуктами земли и произведениями труда находится в руках каштанов, которым черемисы отдают все продукты, даже самую малость, за исключением только необходимого для жизни. Поэтому у черемисов вся торговля имеет характер оптовой торговли, которая, во всяком случае, выгоднее мелочной, каждым порознь, потому что отдельный человек часто вынужден сбыть свой товар подешевле, тогда как каштаны, тесно связанные друг с другом и находящиеся под началом одного общего главы, выжидают более выгодных цен и даже сами могут устанавливать эти цены. По продаже товаров каштаны рассчитываются с каждым отдельно, удерживая себе пятую часть из вырученных денег на издержки за труд и следующая с них казённые подати.

Все каштаны обыкновенно богаты, несмотря на то, что часть своего барыша они должны отдавать каштану высшего порядка.

По уверению г. Фененко, который находится в ежедневных отношениях с черемисами и поэтому может быть компетентным судьёй, черемисы медленны, небойки и поэтому малоспособны к ремёслам, своенравны и капризны, но, во всяком случае, честны*. Самое большое и почти единственное преступление, встречаемое между ними, – воровство: и народные главы наказывают за него самым строгим образом, никогда не доводя до русского

---

* Георги в 1774 г. называл их своенравными, упрямыми, без живости и сообразительности русских, но, во всяком случае, не злыми и не ворами. Эрдман (книга которого «Материалы для ознакомления с внутренней Россией» 1822 г. вообще хороший труд) утверждает напротив, что они расторопны, но трусливы, упрямы, капризны и лживы. Последнее, кажется, совершенно неверно. Я, конечно, могу только судить по внешнему впечатлению, но все те, которых я видел, показались мне откровенными и доверчивыми.

суда. Вора, котораго они всегда сумеют открыть, сдают в солдаты или доводят до полного разорения, каштаны не принимают от него продуктов, никто не помогает ему и не защищает его, или он исчезает, и притом так, что русским властям ни разу ещё не удалось открыть какие-нибудь следы пропавшего. Последняя участь постигает особенно крупных преступников, неверных каштанов, конокрадов и хлебокрадов, но эти случаи крайне редки.

Нигде ничего не запирается, и на дворе, на котором мы были и где постоянно собиралось много народу, каждый беспрепятственно входил во все здания, и хозяин и его домашние не обращали на это никакого внимания.

Г-жа Фукс говорит: «они очень настойчивы во вражде и склонны к разсчитанной мести. Случалось, что они вешались на дворе своего врага, чтобы навлечь на него наибольшее несчастье, по мнению черемиса, то есть подвергнуть его русскому суду».

Дома черемисов содержатся чисто. Они строго держатся старых нравов отцов и возстают против всяких нововведений. Горе тому, кто захотел бы надеть другой костюм, а не белый, или обертывать свои ноги не чёрными онучами, или выкрасил бы свой дом! При следующем наборе его отдали бы в солдаты.

Г. Фененко утверждает, что у черемисов есть своя азбука, державшаяся прежде в секрете, и что есть несколько книг, напечатанных ими в Казани; но мы не могли там найти ни одной из них. Очень немногие черемисы знают по-русски и упорно возстают против обучения их русской грамоте. Родители одного мальчика, котораго г. Фененко взял к себе (вследствие приказа министра, чтобы писаря в общине были из крестьян), предлагали ему 100 рублей, чтобы он оставил мальчика дома и не учил бы его.

Г-жа Фукс замечает, что молодые супруги спят обыкновенно первое время в амбаре, потому что по народной примете это приносит счастье и богатство.

Во всё время цветения хлеба в течение трёх недель черемисы считают за грех работать. Они могут в это время только полоть сорные травы. Под конец этого времени у них бывает большой праздник, на который они все, даже и принявшие христианство, идут в лес к месту жертвоприношений и там приносят в жертву коров, овец и домашних птиц. Всё это должно быть предварительно *куплено*, причём считается большим грехом *торговаться**.

* Георги описывает этот праздник в своей книге. Я сам слышал ещё несколько подробностей об нём, а г-жа Фукс рассказывает об нём очень обстоятельно. Она говорит, что это самый большой праздник языческих черемисов, посвященный их высшему божеству, называемому Ю м, Ю м а, Ю м о н, Б а й р а н или Ш у р е м. Праздник этот бывает на Иванов день и, кажется, схож с таким же празднованием Иванова дня, распространённым на всем скандинавском и германском севере и даже во всей остальной Европе, а в горах Германии в некоторых местах и до сих пор сохранился обычай раскладывать огонь в эту ночь. На поляне среди леса стоит одинокое, высокое, священное дерево – в большинства случаев дуб – это и есть место для жертвоприношений (кереметь); оно огорожено и имеет три входа: с запада, юга и востока. Там-то и собираются все, кроме женщин. Они остаются три дня вместе, и в это время никто не курит и не нюхает табаку, не употребляют ни вина, ни пива и только пьют мёд, который и готовится тут же, на месте жертвоприношений. Они безпрестанно моются. Все складываются на покупку жертвенных животных. Главный жрец (м у ш а н или к о р т) зажигает 7 огней в ряд от северо-запада к юго-востоку и разстилает перед каждым огнём по платку, на который ставятся жертвенные пироги и напитки. Северо-западный огонь посвящён Ю м е, следующий за ним Ю м о н А в а (божьей матери) и т. д. Служитель огня Юма, старший жрец, поднимает высоко перед огнём тарелку с хлебом и кубок с мёдом и начинает молиться. Всё общество стоит сзади с открытыми головами, обратившись лицом к огню, и, безпрестанно кланяясь, восклицает: аминь. (Amen? Что это, п о д р а ж а н и е обедне или к а р и к а т у р а на неё?) Затем животных, назначенных к жертве, подводят к огню и льют им на спину воду. Если животное задрожит, то оно годно для жертвы. Опыт может повторяться не более 7 раз, и если животное и тогда не содрогнётся, то оно считается отвергнутым богом. Каждое жертвенное животное ставится перед особым огнём, так бык – перед огнём Юмы, корова – перед огнём Юмон Авы и т. д. Затем животных убивают, причем каждый жрец старается, чтобы кровь его животного лилась в огонь, или он собирает кровь отдельно и затем выливает её в огонь. Мясо кладётся в котлы и варится на 7 огнях. Затем главный жрец идёт к священному дереву и прилепляет к его ветке зажжённую свечу. Все следуют его примеру, и скоро всё дерево иллюминировано. Все становятся на колена, часто кланяются до земли и громко произносят молитву, состоящую из 18 прошений, которые описаны г-жей Фукс:

Они совсем не держат постов православной Церкви, так строго соблюдаемых русскими. Они только постятся в тот день, когда после новой жатвы испечён первый хлеб из новой муки. Очевидно, это ещё языческий обычай, потому что у языческих черемисов, живущих на левом берегу Волги, в этот же день все жители деревни собираются в доме старшины или каштана, туда же приходит колдун или жрец общины и определяет каждому, которому богу кто должен молиться – кто богу-отцу, кто его матери, кто божьим детям и т. д. Затем дверь, обращённая на восток, открывается, и все, обратившись к ней, молятся. Тогда карт даёт из своей руки каждому молящемуся хлебнуть пива из

- 1) Кто принёс богу жертву, пошли тому, господи, здоровье и исцеление.
- 2) Пошли детям, которые родятся на свет, в изобилии денег, хлеба, пчёл и скота.
- 3) Пусть пчёлы роятся в новый год и дают в изобилии мёд.
- 4) Благослови нашу охоту на птиц и животных.
- 5) Пошли нам изобилие золота и серебра.
- 6) Дай нам, о боже, взять тройную цену за наши продукты.
- 7) Допусти нас овладеть всеми сокровищами земли и всего мира. (наивно!)
- 8) Дай нам средства вносить государственные подати.
- 9) Когда придёт весна, то выпусти три рода наших скотин на три дороги и защити их от глубокой грязи, от медведей, волков и воров.
- 10) Пошли плодородие нашим коровам.
- 11) Помоги разжиреть нашим тощим коровам.
- 12) Дай нам одной рукой продать корову, а другой принять деньги (прославленная честность кажется тут несколько сомнительной).
- 13) Пошли нам, боже, верного друга.
- 14) Когда нам случится уехать вдаль, то охрани нас от дурных людей, от тяжких болезней, дураков, дурных судей и злых языков.
- 15) Благослови нас счастьем и разумом, как хмелевая чашка наполнена семенами.
- 16) Дай нам прожить так же ясно, как ясно горит свеча, и пошли нам здоровье.
- 17) Как воск выкладывается равномерно в соте, так пошли нам всем счастье и долгую жизнь.
- 18) Даруй исполнение наших просьб.

После этой молитвы жрец кладёт в чашу голову, сердце, легкое и печень своего животного, приносит его в жертву своему божеству с молитвою перед огнем, – затем они едят и начинают опять молиться. Так продолжается три дня и три ночи без сна. Чего не смогут съесть, то они бросают в постоянно поддерживаемый огонь, равно как и кости и внутренности животных.

кружки, разрезает хлеб на маленькие кусочки, и каждый съедает по кусочку. Наконец все – сыновья, женщины и дети – подходят к старикам, кланяются им до земли и говорят: «Мы просим бога, чтобы он дал вам долгую жизнь и допустил бы вас опять помолиться на следующий год, в новый хлеб». Остаток дня проводится в веселии и танцах. Всё это имеет вид карикатуры на причащение.

Мифология языческих черемисов, по-видимому, мало обработана, по крайней мере, до сих пор она мало известна. У них есть высшее божество, Юма или Когу-Юма, его жена, она же и мать его, Юмон Ава; они не поминают бога, без того чтобы не назвать и мать его. Кроме того, они признают особенного сына божьяго и много других, подчинённых им богов, которых они называют детьми и божьими. Все боги составляют божью семью, юман шукце. Особенным почитанием пользуется бог хлеба, теркул. Пятница есть день отдыха, что, конечно, перешло к ним от магометанских казанских татар, которым они некогда были подвластны*.

Добрым богам соответствуют злые боги, во главе которых стоит шайтан (сатана), но котораго коренное черемисское название Йо (Io)**. Он живёт на западе и особенно опасен в полдень.

Черемисы верят в загробную жизнь, но представляют её себе прямым продолжением земной жизни, хотя также с идеею вознаграждения, то есть кто был на земле добр или зол, тот, соответственно этому, и на том свете будет счастлив или несчастлив. Злые люди делаются после смерти злыми духами, приходят на землю и мучают живых людей. Поэтому черемисы, как и соседи их, чу-

* У белоруссов и малороссов пятница считается несчастным, тяжёлым днём.

** Слово шайтан (сатана), кажется, распространено магометанами у всех финских и сибирских народов и стало однозначуще с местными представлениями злых божеств, так что вытеснило почти совершенно местныя наименования их. Так, во времена Георги черемисы звали своего злого бога Йо, а г-жа Фукс уже не слыхала другого имени, как шайтан.

ваши, делают для покойников, которых они считали за злых людей, очень крепкие гроба, обивают их железом и вколачивают им гвозди в подошвы и через сердце. Это напоминает очень распространённую у славянских народов веру в вампиров. Покойника опускают в могилу (в ю - н а м) головою к западу и с ним вместе кладут всевозможную посуду. Они ставят на могилу зажжённые восковые свечи, с плачем и воплем едят пирог, от которого каждый должен положить на могилу по три откуса с приговором: «это для тебя». Затем они советуют покойнику лежать спокойно и не ссориться с соседями, прося его не приходить к живым и не беспокоить их. По каждому покойнике празднуются три раза поминки – на третий, седьмой и сороковой день после смерти. Кроме того, однажды в год вечером каждая община (кереметь) совершает поминки по всем умершим (о м с е р а й к) своей общины.

Язык черемисов есть финское наречие, но сильно перемешанное татарскими и несколько русскими словами. Мои спутники, знавшие немного по-эстонски, могли хорошо понимать черемисов. Имена числительные: четыре, пять, шесть, семь – были одни и те же:

<i>бог</i> ,	по эстонски	<i>юмал</i> ,	по черемиски	<i>юма</i> *.
<i>вода</i>	”	<i>ветт</i>	”	<i>витт</i> .
<i>огонь</i>	”	<i>тульте</i>	”	<i>тольте</i> .
<i>идти</i>	”	<i>тулле</i>	”	<i>толе (tolai)</i> .

Мы проехали утром ещё несколько черемисских деревень. Местность представляет высокую равнину со многими долинами, в которых весело лежат черемисския

* У древних бармов на Белом море, так часто поминаемых в скандинавских сагах, высшее божество называлось также Ю м а л а. В некоторых местах Померании Иванов огонь в Иванову ночь называется Ю л. Вообще же в германской мифологии Юл составляет противоположность празднику Иванова дня, именно праздник кратчайшего дня, зимнего поворота солнца, тогда как Иванов день есть длиннейший день, время летнего поворота солнца. Смотри мифологию Гримма.

деревни. Роскошные дубовые леса чередуются с распашанными полями. Мы выехали опять на большую казанскую и сибирскую дорогу. Около нея растёт искусственно разведённый при Екатерине II дубовый лес, который, однако, не выдерживает сравнения с соседним дубовым лесом, выросшим естественно, без человеческой помощи. Между прочим, близ дороги стоял дуб, высокий, прямой, как ель, и у которого ветви начинались только на высоте 12 саж. от земли; под ним находится маленький каменный памятник в воспоминание того, что император Павел отдыхал однажды под этим деревом целый час. В низине мы перешли через речку; при ней стояла уже русская деревня вместо черемисской.

После полудня мы достигли первых чувашских деревень, граничащих тут с черемисскими, и остановились на станции Старой, возле чувашской деревни. Тут привал для преступников, ссылаемых в Сибирь, и так пришлось, что тотчас после нашего приезда прибыла партия, оставшаяся тут ночевать. Так как этапное начальство не было предведомлено о нашем прибытии, и мы приехали нечаянно, так что никто не знал о нас, то мы могли видеть и собрать верные данные о содержании преступников в пути. Этапные дома находятся внутри хорошо огороженных дворов. В них помещаются большие залы, которые были хорошо вычищены, а окна и двери стояли открытыми. Вдоль стен были нары с тонким слоем свежей соломы для спанья преступникам. В кухне большие котлы со щами и кашей, недурно приготовленными.

Преступники были скованы по двое вместе цепью за руки или за ноги; каждый нёс мешок со своими вещами; женщины не были скованы, и многия из них шли свободно, сопровождая своих мужей. На нескольких телегах везли больных и старых, равно как и провизию. В партии 136 человек было 2 разжалованных штаб-офицера. Их поставили всех в ряд, сделали им перекличку, после того они располо-

жились на дворе группами и всё ожило. Почти нельзя было заметить, чтобы это были осужденные преступники. Русский человек по природе своей безпечен и скоро мирится с неотвратимым. До Казани путь преступников ещё сносен. Ежедневные переходы в 15–25 вёрст не чрезмерно утомительны; станционные дома хороши. Они ни в чём не терпят недостатка, потому что, как уже сказано, помощь русского народа этим преступникам неистошима. Везде, где только они проходят, их встречают утешения и милостыня; на местах привала их всегда поджидает толпа женщин и даже целыя повозки со съестными припасами и одеждой. То же видели мы и на этом привале. Мы слышали по этому поводу, что насколько великодушен русский народ к преступникам, не различая, откуда они и какой нации, настолько же черемисы и чуваша равнодушны к ним и никогда не подают милостыни. Хорошо, если они подадут кусок хлеба своим товарищам, находящимся между ссылаемыми.

Мы слышали, что в прежния времена ежегодно проходило через Казань до 60 000 человек ссыльных, теперь, может быть, не более 10 000. На место назначения доходила прежде едва треть, а остальные умирали дорогой; впоследствии смертность уменьшилась до половины, а теперь умирает от 15 до 25 процентов. До границы Сибири утомление не так велико, потому что народ доставляет преступникам всякую помощь и облегчение. Но в безлюдных сибирских странах благодеяния народа невозможны, присмотр за этапными домами и контроль над ними также затруднительны, от скучивания большого числа людей развиваются заразительныя болезни, и к этому присоединяется суровый климат; путешествие длится три четверти года и всегда захватывает часть сибирской зимы. Несмотря на всю добрую волю правительства, бедствия и смертность не могут быть предотвращены при этих условиях. Следует устроить в Западной Сибири особые пункты поселения, где бы преступники могли спокойно проводить первую зиму, и тогда всё

путешествие до места назначения совершалось бы в два года вместо одного. Места ссылки очень различны. Самые тяжкие преступники ссылаются в рудники за Нерчинск в Иркутской губернии, за 6400 вёрст от Москвы.

Участь преступников прежде была там ужасна. Говорят, что их запирали в шахты, и они уже никогда не видали божьяго света. Позднее стали их выпускать на свет через каждые три недели. Но нынешний император Николай значительно облегчил их судьбу. Теперь они должны работать 6 дней в неделю по 8 часов, а остальное время проводят в домах, нередко со своими семьями.

Участь сосланных на поселение в сибирские города не так дурна, – там они получают пособие от своих родственников. В сибирских городах вообще господствует много роскоши, и нигде не пьют столько шампанского, как там.

На поселение ссылают большею частью в местности Южной Сибири*, и все, бывшие там, описывают эти страны как рай. Говорят, что вся Южная Сибирь сказочно красива, земля безконечно плодородна, климат удивительный, зимы с очень лёгкими морозами, но при всегда ясном небе, здоровы, как нигде; нигде нет так много и таких здоровых стариков, как там.

Тамошние крестьяне, потомки ссыльных, живут вообще зажиточно, а некоторые даже очень богато. В два года прилежного труда и правильной жизни можно достигнуть более или менее прочного благосостояния. Вообще внешнее положение этих ссыльных с самого начала в высшей степени благоприятно. Как скоро они прибыли в Сибирь, их прежняя жизнь не преследует их как тень, их гражданская и политическая жизнь совершенно кончена, преступление их забыто, никто не может их попрекнуть им, никто не смеет назвать их даже преступниками в обыкновенных разговорах, и даже в официальных бу-

---

* Особенно счастливы те, которые попадут в Омскую губернию; там вызревают все южные плоды: виноград, абрикосы, персики и проч.

магах они именуются «н е с ч а с т н ы м и ». Они вполне свободные люди; крепостное право законом воспрещено в Сибири. Самоуправление общин господствует там в самом широком смысле; нигде народ не терпит менее здешняго со стороны жадных и безчестных чиновников, потому что последних здесь чрезвычайно мало.

В Сибири ещё господствуют старые простые патриархальные нравы; в этом отношении она поистине представляет старую Россию в лучшем смысле этого слова; там чрезвычайно развито гостеприимство и готовность помочь другому.

Все не ссыльные путешественники и наблюдатели согласны в этом; однако в последние годы народная нравственность в Сибири сильно пострадала, и эта деморализация обязана удивительному богатству золотых россыпей.

Древняя сказания о северо-восточных странах, где грифы стерегут необозримые груды золота, вовсе не сказка. Восточный склон всего Уральскаго хребта до Камчатки образует долину речнаго песку, и если взять горсть этого песку, то в руке окажется более или менее золота. Но есть места непомерно богатяя золотом. В 1843 году, по официальным данным, добыто 1300 пуд. золота; но можно принять, что в действительности, наверное, добыто 1900 пуд., то есть вдвое более против количества золота, добываемаго теперь ежегодно во всём мире. И притом всё золото, находямое до сих пор, вынесено на поверхность водой; но должна же быть где-нибудь и золотая руда, от которой вода отмывала золотой песок. Или старые грифы ещё сторожко берегут её для будущих, более счастливых и более отважных поколений, чем наше? В последние годы безчисленное количество авантюристов блуждает по Сибири и ищет золота, но они не могут найти ни людей для работы, ни провизии для прокормления их. Поэтому на богатых россыпях рабочия силы и средства к жизни обходятся непомерно дорого, и при этом, вследствие суровости климата, работы продолжаются

всего только 3 месяца. Иногда рабочая плата достигает до 15 руб. сер. за день. Поэтому и поселенцы, вместо того чтобы заниматься земледелием, сохраняющим чистоту нравов, бросились на золотые прииски, и теперь там быстро распространяется порча нравов.

До сих пор розыски золота составляют здесь почти свободный промысел*. Каждый может получить свидетельство на право промывки золота, но он должен всё добытое им золото представить правительству, которое выплачивает ему за него наличными деньгами, за вычетом от 10 до 25 процентов.

Теперь невозможно предвидеть, как отразится в будущем ожидаемое открытие золотых богатств на денежный рынок всего мира, и особенно России. Но скоро настанет политическая необходимость, чтобы правительство взяло всё это дело в свои руки и установило бы над ним строгий контроль.

Возвращаясь к сибирским поселенцам, я полагаю, что положение их вообще довольно хорошо, как скоро они прибыли на место. Вся жестокость наказания заключается в разставании с родиной, полном разрыве семейных и других связей и в безконечной муке и опасности длинного пути.

Мы осмотрели чувашскую деревню. Вид ее очень похож на черемисскую, точно так же дома расположены отдельными небольшими группами, а не по прямой линии.

По новейшим исследованиям, чувашии** принадлежат к совершенно другой народной семье, нежели черемисы. Последние финского племени, а чувашии турецко-татарского происхождения. На это указывает их внешность, наружность и более всего язык. Но, несмотря на это, в отношении образа жизни, нравов, одежды, характера и религии они

* В Петербурге образовалась компания для золотых приисков; акции в 5000 руб. сер. дают теперь более 50% барыша.

** Чувашии есть имя собственное, которым они сами себя зовут; но русские называют их В и н е с с, татары – Т о т а р, мордвины – В ь ё т к е, черемисы – К у р к м а р и (горные люди).

примыкают не к соседним и одноплеменным казанским татарам, под владычеством которых некогда находились, но гораздо больше к совершенно чужим для них черемисам и при всём том не смешиваются с последними посредством браков. Это неразъяснённая историческая загадка.

Чувашский двор, осмотренный нами и схожий со всеми остальными, которые мы видели, в общем, имеет то же устройство, что и у черемисов; множество отдельных домиков стояло вокруг просторного двора. Тут были скотный двор (утвиди), погреб (нуигрепп), холодная комната или летний дом (лази). Вся разница с черемисским двором заключается в том, что у чувашей жилой дом стоит отдельно посреди двора и притом имеет другой вид и другое расположение. Нижняя часть дома и здесь назначена для хранения разных вещей, но крытое крыльцо приделано не с боковой стороны дома, а со стороны фронтона, и нет сеней около лестницы; самая же изба состоит из двух отделений – кухни и жилой комнаты. Наружная дверь обращена всегда на восток. Дом, так же как у русских и черемисов, бревенчатый, но внутри не так чисто, как у последних. Возле двери стоит простая кухонная печь, а вдоль стен лавки. На стене висел гравированный портрет Николая.

Как мало-помалу проникает современная цивилизация всюду, даже к полудиким народам! На столе стоял прекрасный национальный глиняный кувшин с водой, почти античной формы.

Чуваши мягки, услужливы и послушливы; они меньше ростом и хуже сложены, чем черемисы, с широкими, бледными лицами, тёмно-кариими узкими глазами, жидкими чёрными волосами и такою же бородкой. Прежде они гладко стригли волосы на голове, теперь это редко случается. Одежда мужчин и женщин та же, что у черемисов. Господствующий цвет также белый; будничное платье из белаго холста, ярко вышитаго по краям, а праздничное – из светло-сераго сукна, обшитоое чёрным. Женщины заплетают

ют волосы в две длинные косы, причём заботливо укрывают их платком, девушки же не закрывают волос. Я видел одну женщину с оригинальным украшением: позади ушей прикреплены были к голове кожаным ремнём жестяные кольца, вложенные одно в другое, в два дюйма в диаметре каждое; такое украшение называется сурпан.

Из земледельческих орудий я видел у черемисов обыкновенную русскую соху, но такую лёгкую, что она подымает землю меньше, чем на 2 вершка. На левом берегу Волги, в Вятской губернии, употребляется косуля. У чувашей я видел такую же соху, но слышал, что чувашаи, живущие погранично с татарами, пашут колёсным плугом (сабин), употребительным у последних.

Я видел по дороге в лесах большие табуны лошадей и слышал, что обыкновенно 2, 3 и 4 общины соединяются для пастьбы их, особенно в то время, когда нет лошадиной работы. Мне случилось видеть обширные пространства земли, на которых стояли отдельные большие дубы, а под ними земля была обработана и хлеб рос роскошно. Дубы принадлежат общине, а земля отдана отдельным членам ея. У черемисов и чувашей укоренилась идея, что община есть единственная обладательница всей земли. Она отдаётся в пользование членам ея, и обыкновенно сыну даётся тот участок, который обрабатывал его отец. Но у них деление земли не так точно уравнивает участки, как у русских, каждый получает большею частью по одному или по два куса земли во всех трёх полях, поэтому отдельные полосы у них шире, нежели у русских; точно так же я видел тут повсюду широкия межи, отделяющие отдельные полосы, как в средней Германии, что указывает на то, что однажды сделанный раздел земли не меняется более. Но раздел земли, сделанный раз навсегда, может быть верен количественно, но не качественно, и поэтому часто бывают жалобы на такой раздел. Начальство хотело ввести у них русский передел, а когда чувашаи проговорились, что вся земля принадлежит казне, а

не общинам, то чиновники прямо приказали ввести русский передел земли. Когда к тому же, несколько лет назад, им приказано было разводить картофель для предотвращения голода от неурожаев, так часто возвращающихся в России, то настроение народа в этих местностях стало очень неспокойно. Чиновники приступили к делу очень неосторожно: они приказали, чтобы каждые 100 душ садили картофель на $\frac{1}{4}$ десятины для запасного магазина; на следующий год они определили уже вместо четверти полдесятины земли. Когда, наконец, на третий год чиновники назначили под картофель третью четверть десятины, то чувашаи подумали, что у них понемногу хотят оттягать всю землю. К этому присоединилось предубеждение против картофеля, который магометанские татары* и русские староверы считают греховным плодом; упрямых черемисов и чувашей ни разу не могли уговорить попробовать поесть картофель. Наконец, распространился слух, что их хотят приписать к удельным крестьянам. Так возникло небольшое возмущение, которое, однако, стоило жизни 38 человекам. Оно скоро было подавлено, и теперь уже с ними обходятся осторожнее.

У чувашей также несколько маленьких деревень составляют общину. Такая маленькая деревенька называется околотки. Они лежат, как и черемиския, при ручьях и возвышенностях и всегда окружены маленькою рощей красивых деревьев. Община, в которой я был, состоит из 34 дворов и 98 мужских душ. Здесь я также не мог узнать названий отдельных деревень; они заботливо скрывают их.

Главная пища чувашей состоит из хлеба, преимущественно ячменного, который они месят на сыворотке и который потому очень скоро черствеет, и из кислаго молока. Из мяса они предпочитают всякому другому мясо животных, убитых ими на охоте, даже мясо хищных зверей, как

* Татары повсюду сами вызвались вносить деньги для отвращения голода на случай неурожая, если их только освободят от разводки картофеля. Но доброе проникает наконец повсюду; когда я был в этих местностях, то многие уже начинали с аппетитом есть картофель.

лисиц, куниц и др.; язычники никогда не едят свиного мяса. Из рыбы они особенно любят бешенку, очень обильно водящуюся в Волге и которую русские не едят*. Они варят мёд и хорошую брагу. Перед обедом чуваша-язычники (а часто и христиане) говорят: торе, бар тира, то есть торе, дай хлеба! а после обеда: торе сирлак, то есть торе, не покинь меня!

Их богатство заключается в хлебе, который, будучи высушен описанным способом, может сохраняться без порчи от 30 до 40 лет, затем в пчёлах и скоте. У каждого чуваша есть большой птичный двор, и продажа яиц составляет значительную отрасль торговли. Целые миллионы их отправляются ежегодно Волгою и системами в Петербург.

Чуваши также покупают себе жён. Плата за жену называется у них, как и у татар, калым; она состоит из денег от 10 до 80 руб. сер., ведра пива, и пуда мёда. Обыкновенно, они берут себе жён из другой деревни, поэтому-то они говорили г-же Фукс: «Мы считаем за стыд выбирать своим сыновьям жён, а дочерям мужей, из той же деревни, так как все могут думать, что они были в связи до брака; грешно, очень грешно жениться на девушке, которую видишь каждый день, и такой брак никогда не приносит счастья. Как же можно жениться, не выезжая из окраин своих полей?» Родители жениха решают свадьбу, не спрашивая желаний сына, и притом стараются женить его на такой девушке, которой бы он никогда до тех пор не видал. Когда невеста, покрытая покрывалом, входит в дом жениха и садится за стол в своём новом доме, отец жениха впервые снимает с нея покрывало и говорит сыну: «Взгляни на свет! Желая вам счастья

---

* Прежде действительно бешенка считалась русскими вредною для еды рыбой, на что указывает её название, данное ей потому, что во время метания икры она от сладострастного ощущения выпрыгивает из воды. Академик Бэр во время своего путешествия на Каспийское море указал астраханским рыбакам, что бешенка есть селёдка, и что, посолённая, она может идти в продажу. После того, действительно, бешенка, употреблявшаяся прежде только на выварку из нея рыбьяго жира, солится и продаётся в огромном количестве и известна в торговле под именем русской селёдки. (Прим. перев.)

и в хлебе, и в детях». Невеста не должна идти пешком в дом жениха – её или привозят, или приносят.

Первый визит молодой жены должен быть к колдуну или жрецу (у черемисов он зовётся карт, а у чувашей йомза). Она становится перед ним на колена, а он подаёт ей чашу пива с брошенной в неё монетой; она делает три глотка, берет монету себе и бережно хранит её у себя. Затем она делает несколько визитов, а женщины и девушки, у которых она была, сопровождают её, пока их не наберётся 7 женщин и 6 девушек; с ними возвращается она к йомзе и с 7 женщинами становится на колена, а шесть девушек стоят сзади их и только кланяются. Йомза кладёт руку на голову молодой и говорит: «Да даст тебе Тора долгую жизнь; да пошлёт тебе Тора детей и даст дожить тебе до внучат! Тора да защитит тебя, да повинуется тебе невестка, как ты должна повиноваться теще. Живи покойно и мирно, люби и бойся твоего мужа».

Я часто думал о том, каким образом могли возникнуть у почти диких народов такие обычаи и церемонии, полные значения, осмысленные, богатые последствиями и часто благородные? Обычаи эти древни, но мы должны признать, что и на той ступени цивилизации, на которой стоят теперь эти народы, а не то, что несколько столетий назад, они неспособны, в них слишком мало гения и духа изобретательности для того, чтобы даже теперь придумать такие обряды и ввести их в употребление. Откуда же они взялись? Обладели ли эти народы в неизвестных, доисторических времена большими умственными способностями и стояли ли они на высшей ступени цивилизации, чем теперь?

Чуваши, как и черемисы, очень боятся возвращения мертвых. При погребении они кладут на могилу всевозможные яства и платья и притом молят покойников: «Мы будем праздновать поминки по вас, мы ничего не лишим вас, мы молим за вас Тору, но будьте и вы покойны, не ссорьтесь там внизу между собою и не беспокойте нас, не

приходите к нам. Вот вам пища, питьё и платье, вставайте ночью и наедайтесь досыта. Вот вам тут и платок, чтобы обтереть рот».

Когда г-жа Фукс, рассказывающая это, возвращалась с могилы, то она видела в кустах русских нищих, ожидающих только ночи, чтобы воспользоваться кушаньем и платьем покойника. Но русские крестьяне считают это постыдным и предосудительным и ругают таких людей «могильными ворами».

Покойников хоронят головой на запад. На старинных кладбищах, напротив, ноги обращены к югу, а головы к северу. На третий и седьмой день они празднуют поминки. Но раз в году бывает в каждой семье большой праздник, в воспоминание всех умерших. Тут зажигается столько особенным образом приготовленных свечей, сколько в семье считается покойников; старший сын берёт кусочек хлеба и бросает его в чашку, говоря: «Отец, мы поминаем тебя, вот тебе хлеб и различныя кушанья, всё пред тобой, только не безпокой нас и не приходи к нам». То же повторяется каждому покойнику. По окончании этой молитвы хлеб выносится и даётся дворовым собакам перед дверями дома, чтобы и они помянули покойников. Чужия же собаки старательно отгоняются.

В 1743 г. чувашы были освобождены от податей; с того времени несколько тысяч их приняло христианство, по крайней мере крестилось. Но рядом с небольшой дозой христианства, ими усвоенного, главным образом они руководятся прежними языческими порядками и воззрениями. Они празднуют христианские праздники по языческим обрядам.

Они приняли христианское крестное знамение, но почти никогда не крестятся, только при начале и конце пляски, причём они с полным благоговением кладут крест.

У языческих чувашей та же мифология и те же религиозные обряды, что и у языческих черемисов. Вся разница только в названии богов, черемисский Юма называется

у чувашей Тора; жена его зовётся Тор амиш; она изображает собой солнце и мать солнца. Затем следует сын божий и много других богов, но всегда, называя бога, прибавляют к нему наименование его матери. По Георги, они признают и обожествлённых людей, которых называют Иризин. Кереметь есть божество и также место жертвоприношения, как и у черемисов; впрочем, чувашаи иногда называют его и Ирзан. Место это находится в лесу, близ источника, на пригорке или под ним, и представляет огороженный четырёхугольник. В него три входа – с востока, севера и запада. В восточный вход вводятся жертвенные животные, в северный вносится посуда, а в западный входит община.

Описанный выше черемисский праздник летнего солнечного поворота (Юмон Баирон) празднуют также и чувашаи. Самой высшей жертвой считается белая лошадь. Во всех торжествах главную роль играют йомзис (карт у черемисов), которые в одно и то же время жрецы, колдуны и врачи; они непременно должны быть в священном числе четырёх. Женщины не могут присутствовать при жертвах. Пятница признается святым и нерабочим днём. Весной, перед началом полевых работ, каждый хозяин приносит в жертву, через жреца на керемети, перед семью огнями, пирог и чашку молока.

Если случится какое-нибудь несчастье, то они приносят в жертву шайтану жеребёнка, которого они жестоко мучают и сжигают живым. Из полусожжённого жеребёнка они вырезают печень, которую употребляют как лекарство от многих болезней.

Жрецы колдуют на так называемых кукушкиных слёзках, на воске, на соли и хлебе, на деньгах в воде.

В каждом доме в углу комнаты стоит домашняя святыня, йерих. Она состоит из связанных в пучок пятнадцати веток шиповника, срезанных осенью; каждая ветка около 2-х аршин длиною. Никто не должен прикасаться к

святыне, пока ея не выбросят осенью после опадения зелени в текучую воду и не заменят новой*.

У них существует род клятвы или присяги. Присягающий должен под страшными проклятиями и заклинаниями съесть кушанье из мучных клёцок (сампа).

Георги утверждает, что у чувашей нет народного исчисления времени, но они знают деление года на зиму и лето и на 12 месяцев. Год начинается в ноябре с жертвенного месяца (Чукойх), когда богам приносится первая жертва из новой жатвы. Неделя начинается со дня покоя, с пятницы.

У чувашей есть народные песни. Но они утверждают, что они не могут петь иначе, как под непосредственным впечатлением предмета, возбуждающего их желание петь: следовательно, лесные песни в лесу, речные песни на реке и т. д. Только влюблённые поют любовные песни.

Г-жа Фукс рассказывает замечательный факт, что русские крестьяне одной деревни, принадлежавшей ей брату и окружённой чувашскими деревнями, почти совершенно изменили свой народный характер, нравы и обычаи. Они все переняли от чувашей и даже говорили больше по-чувашски, чем по-русски. Но вообще справедливо следующее замечание русского «Журнала министерства внутренних дел» за октябрь 1838 года: «Описание теперешнего состояния вотяков, мордвинов, черемисов и др. представляет последний документ для истории, потому что физиономия их начинает стираться, повсюду русский народ поглощает финский элемент».

Все черемисы свободны, чувашаи же за исключением 2705 человека (1838 год). Ни у того, ни у другого народа нет никаких следов национального дворянства.

---

* У вотяков, живущих частью в Казанской, частью в Оренбургской и Вятской губерниях и также принадлежащих к финскому племени, встречается подобный же обычай; только там вместо шиповника употребляют сосновые ветки. Святыня эта называется у них модор. Вотякская мифология в сущности та же, что черемисская и чувашская. Высшее божество их называется Юмар, злой дух живёт также в воде. У них такие же места для жертвоприношений и называются также кереметь и т. д.

Относительно распространения и численности этих народов я могу представить следующие данные из книги наиболее достоверного статистика Кёппена: «Общее население России в 1838 году. Петербург, 1843».

Черемисы

В Костромской губернии 1691 мужчина и 1666 женщин.

В Нижегородской губернии 2060 мужчин и 2270 женщин.

В Вятской губернии 34 788 мужчин и 38 721 женщин.

В Пермской губернии 2275 мужчин, ? женщин.

В Казанской губернии 34 476 мужчин, ? женщин; из них 1334 некрещёных.

В Оренбургской губернии 1005 мужчин, ? женщин.

Таким образом, остаётся из прежде многочисленного и далеко на запад распространённого народа всего 70 295 человек м. п., или всего населения в круглой цифре 155 000 человек.

Чуваши

В Казанской губернии 12 935 м. п., ? ж. п.; из них 1895 некрещёных.

В Симбирской губернии 40 490 м. п. и 50 015 ж. п.; из них 1275 мужчин и 1430 женщин крепостных.

В Саратовской губернии 3272 м. п. и 3580 ж. п.

В Оренбургской губернии 28 725 м. п., ? ж. п.

В Вятской губернии 9 м. п. и 8 ж. п.

Таким образом, всего 91 331 м. п., или в круглой цифре 183 000 человек.

Оба эти народа живут в деревнях и никогда в городах; они ненавидят их, тогда как татары охотно поселяются в предместьях и отдельных кварталах русских городов. Оба народа, как утверждают, были кочевыми и стали теперь земледельческими.

После того как мы проехали ещё несколько чувашских деревень, пред нами открылась местность, в 30–40 верстах

от Казани, с совершенно новым характером. До сих пор мы проезжали холмистую местность, перерезаемую равнинами, теперь мы въехали в настоящую горную страну: длинные хребты гор с отдельными возвышенностями, превышающими 500–600 фут, и между ними широкия и узкия долины. Тут начались опять большия русския деревни с дурно крытыми соломенными крышами. На полях там и сям работали группы женщин. Наконец мы достигли Волги, которая здесь делает колено и меняет своё течение из западо-восточнаго в северо-южное. Быстро спустились мы под гору и остановились на берегу величественной реки.

Нет ничего отвратительнее русских речных переправ. Лошадей отпрягают, с невероятным усилием втаскивают экипаж на паром и ставят его поперек. Та же утомительная работа и на другой стороне реки. На всех реках мы видели тот же неудобный способ перевоза, только раз случилось нам переезжать через Дон на пароме, употребительном во всей остальной Европе, да и тот был сделан немецкими колонистами.

Около полудни, 17 июня, достигли мы реки Казанки и увидели роскошно раскинувшийся перед нами старый татарский город. Употребивши ещё час на скучную переправу и езду по отвратительной болотистой дороге, мы прибыли в Казань, где остановились в одной немецкой гостинице.

ГЛАВА XVI

Казань. — Пожар 1842 года. — Статский советник Фукс. — Переселение гадов с востока на запад. — Университет. — Русская Швейцария. — Профессор Ковалевский. — Сведения о Китае. — Казанское дворянство. — Посещение татарского богослужения. — Посещение дома двух татарских купцов. — Домашнее устройство, одежда, телесное развитие, умственные способности, характер и образ жизни татар. — Их народная поэзия. — Русские крестины. — Образа святых. — Богатство русского языка в уменьшительных словах. — Способность татар к цивилизации. — Их политическое значение, если бы они были христианами. — Наказание кнутом детоубийцы. — Уничтожение кнута. — Произведения земли, климат, земледельческие орудия и полевое хозяйство в Казанской губернии. — Казанский женский монастырь. — Воспитательное заведение для поповских дочерей. — Возможность реформы женских монастырей с целью превращения их в воспитательные заведения. — Татарская деревня Епан-Ашино. — Татарский двор и его устройство. — Деревенское устройство. — Положение муллы. — Положение женщин

Большая часть Казани находилась ещё в развалинах. Огромный прошлогодний пожар истребил этот город в одно время с пожаром в Гамбурге. Пожарные депо в России вообще хороши, а в Москве и Петербурге и очень. Петербург, со своими каменными домами и широкими улицами, меньше терпит от пожаров, чем какой-либо другой город. В Казани из 4500 домов было не более 500 каменных, а остальные деревянные. Мостовые тут только на некоторых улицах, на остальных же, по обычаю русских городов, тянутся по обеим сторонам деревянные тротуары из еловых

досок, поднятые на $\frac{1}{4}$ арш. от земли. Огонь быстро обхватил эти тротуары, пронёсся по всем улицам и одновременно зажёг город в нескольких местах.

Уже более года прошло после пожара, а город только теперь медленно начинает подниматься из пепла. На случай таких больших несчастий в городах внутренней России не хватает денег, о чем можно судить по высоте процента; нельзя достать денег меньше как за 8 и 12 процентов. Тотчас после пожара Царь назначил несколько миллионов для безпроцентной выдачи на определенное число лет тем, кто пожелает вновь строиться. Мне рассказывали, что этой помощью могли воспользоваться очень немногие, потому что она была обставлена такими формальностями, поручительствами и т. п., что самое получение денег обращалось в иллюзию.

В немногих странах так развиты формализм и бюрократия, как в России, и притом тут они не явились результатом утончённой культуры и не вызваны какой-нибудь необходимостью. Вообще, нравы в России дики, но здоровы и крепки; а поэтому все общественные отношения просты и незапутанны. Но несчастная страсть к подражанию перенесла сюда западноевропейский формализм и чрезвычайно затруднила все торговые отношения.

Мы сделали нужные визиты губернатору, председателю палаты государственных имуществ, управляющему удельной конторой, полицеймейстеру и др., осмотрели город, его окрестности, и вечером я отправился к статскому советнику Фуксу, которому был рекомендован. Он прирейнский уроженец, но уже много лет живёт в России. Бывший профессор Казанского университета, врач, хороший натуралист, он отдался теперь совершенно своей науке и собрал отличный естественно-исторический кабинет, — при этом оригинальный ум, прямодушие, тонкая наблюдательность и в высокой степени гостеприимство. Большую часть

моего пребывания в Казани я проводил в его обществе и бесконечно благодарен ему за его наставления.

Жена его – та самая дама, которая написала вышеприведённую интересную книгу о черемисах. Она знала, при особенно благоприятных обстоятельствах, многих русских раскольников различных сект и долгое время жила между ними. Она написала также книгу о раскольниках, но, конечно, цензура не пропустит её.

Г. Фукс рассказывал нам некоторые естественно исторические курьёзы, именно о переселениях и постепенном распространении некоторых гадов. Так он говорит, что тараканы, составляющие бесконечное бедствие русских домов, вышли из Китая и постепенно распространились до Волги. Около 1755 г. они появились на Дону у казаков, которые только что вернулись с Семилетней войны, и, думая, что они сами принесли этих новых и неудобных гостей из Германии, назвали их пруссаками. С того времени пруссаки заходили все дальше на запад и мало-помалу распространились по всей России. Теперь они достигли уже прежней польской границы, и нам остаётся ожидать, что в какия-нибудь 30 лет они пожалуют и к нам в Германию. Точно так же Фукс ещё помнил, что в 1807 г. внезапно явились на левом берегу Волги несметная масса больших крыс, которые в какия-нибудь 4 года совершенно истребили всех туземных казанских крыс и мышей, но сами причинили людям ещё большие бедствия, так как кошки не могут с ними совладать. Они также двигаются на запад и уже достигли Нижнего Новгорода. Они встречаются в Персии и, по-видимому, пришли сюда с берегов Каспийского моря. Эти крысы грязно-желтого цвета с чёрной тесёмкой вдоль спины и почти в полтора раза больше обыкновенных крыс. В 1819 или 1820 г. также внезапно распространились в Казани, вероятно, привезённые из Астрахани на апельсинных деревьях очень маленькие муравьи особаго

рода (названные Эверсманном и Фуксом *Formica fatalis*), которые также составляют немалое бедствие.

Мы посетили университет*. Он стоит на одиноком возвышении, и важнейшие его части, как библиотека, кабинеты, обсерватория и проч., спасены от пожара. Библиотека важна только в одном отношении: отдельная зала наполнена китайскими, монгольскими, тибетскими рукописями, большею частью в ещё не распакованных массивных сундуках. Ни одна библиотека в мире не владеет таким богатством азиатских рукописей, но тут почти никто ими не пользуется, и до сих пор даже нет полного каталога им. Естественно-исторические коллекции составлены очень умно, с преимущественным обращением внимания на Россию, Сибирь и северный Китай, и естественно-исторические редкости собраны с удивительною полнотой. Чучелы и аппараты очень хороши.

Вечер мы провели на даче у губернатора. Дача эта находится в так называемой Русской Швейцарии. Возвышенности, тянущиеся на северо-восток от города, к реке Казанке, образуют глубокие мысы, покрытые лесом, что придаёт этой местности живописный вид. Я познакомился в этот вечер с профессором Ковалевским, жившим долго в Китае**, и с ботаником Бунге. Первый очень охотно отвечал на мои расспросы об обработке земли, об общинном устройстве и т. д., и я могу поделиться с читателями некоторыми сведениями. Так как он не изучал специально народную жизнь китайцев, то рассказы его имеют только общее значение; он передавал мне свои собственные не-

* При первом открытии университета могли только найти профессоронемцев. В 1810 г. было 14 немцев и один русский, в 1815 г. немцев оставалось уже 8 человек. И теперь ещё некоторые из профессоров немцы, большинство же русские, есть и поляки.

** При втором посещении университета он показал нам в одной из зал привезённые им китайские замечательности: различные платья, украшения, домашняя утварь. Между прочими тут был восковой слепок с ноги 14-летней китайской девушки, ноги сбинтованной и сжатой по всем правилам. Все пальцы были подвязаны книзу, длина ноги равнялась $1\frac{1}{2}$ вершка.

посредственные воззрения, к тому же они могут касаться только тех местностей, которые он видел.

Путешественники взяли обыкновенный путь на Иркутск и Кяхту и ехали в Пекин через Монголию. Начиная от Иркутска дорога постоянно и очень значительно подымается в гору до Жёлтого камня, 300 вёрст за Кяхту, и оттуда опять начинает постепенно спускаться. Жёлтый камень вместе с другими горами образуют ровную стену, и притом так, что собственно внутренняя Монголия лежит как бы в огромном бассейне, котораго грунт представляет ясные следы прежняго морского дна. Климат Монголии так суров, что наши путешественники ехали в октябре в двух шубах, а через месяц в Пекине было жарко в разстёгнутом сюртуке.

Китайския местности, через которыя проезжали наши путешественники, чрезвычайно густо застроены деревнями, и притом не прямыми улицами, на манер русских, а неправильными смешанными группами, совершенно как черемисския деревни. Одиночных дворов нигде нет, по крайней мере, путешественники ни разу не видали ни одного отдельно лежащаго двора. По всему длинному пути царствовала совершенная однородность в постройке домов, в домашней утвари, земледельческих орудиях и пр. Все дома каменные, так как деревья там очень мало, в воротах сделан большой каменный порог, в котором вырезаны две колеи для проезда колес, – непреложное свидетельство равности размеров всех экипажей. Земли так мало приходится на каждого человека, что в некоторых местах жители целых деревень ради экономии в земле вырывают для своего жилья пещеры в соседних горах. Китайцы разводят преимущественно следующие хлеба: яровую пшеницу, ячмень, рис и ещё одно растение, не известное в других местах, называемое ими го-у-лан. Последнее имеет вид высокаго двухаршиннаго куста с широкими листьями и одним колосом с зёрнами, похожими на просо. Эти зёрна дают хорошую муку, листья составляют любимую овощ, а стебли – корм для скота. Ки-

тайцы почти исключительно держат мелкий скот: овец, свиней, птиц. Лошади и рогатый скот крайне редки, вероятно, по случаю дороговизны корма, тем более что по недостатку земли, очень мало ее может быть отведено под пастбище. Притом рогатый скот считается священным и его никогда не бьют. Поэтому мясо в Китае непомерно дорого, и мясо всех животных, как собак, кошек, крыс и др., без дальнейших соображений идёт в пищу. Мясо овец, свиней и даже вышеназванных животных продаётся очень маленькими дозами по огромным ценам. Дрова также продаются на вес. Коровьяго молока совсем нет, а местами есть верблюжье и собачье молоко. При недостатке рабочего скота почти повсеместно плуг возят сами люди. Везде очень нуждаются в навозе, поэтому там в ходу орошение полей, и системы орошения хорошо устраиваются и хорошо содержатся.

Об устройстве деревенской общины профессор Ковалевский не мог мне дать никаких сведений. Все китайские города очень велики и населены, с длинными и широкими улицами и одноэтажными домами. Организация полиции так совершенна, как ни в одном европейском государстве. Каждый город разделён на несколько полицейских кварталов под управлением отдельных чиновников и их помощников. Во главе стоит род министра полиции, одна из высших государственных должностей, в настоящее время родственник императора. Каждый городской квартал отделён от других высокой каменной стеной с воротами, запираемыми на ночь и ни под каким видом не отпираемыми до начала дня. Впрочем, в Китае полиция берёт взятки так же, как и у нас.

Император есть глава всех трёх господствующих в Китае религий, ламаизма или буддизма, шамаизма и доан-зи, то есть учеников разума, которые, как утверждают, составили себе религиозную школу из философии Конфуция. У шаманов есть храмы, но никакой духовной иерархии, никаких жрецов. Ламаизм же имеет полную иерар-

хическую организацию; религиозные службы правильно совершаются, но мало посещаются. Китаец очень суеверен, но не набожен. В определённые большие праздники совершаются торжественные богослужения, и на них приносятся даже определённые жертвы – в Пекине императору, а в провинциях губернаторам.

Профессор Ковалевский находил особенно хороший приём в Китае у тамошних католиков, религия которых начинает очень распространяться в северном Китае; в самом Пекине считается до 40 000 католиков.

На вечере у губернатора было несколько местных дворян с семьями. Не многие из них носят в своих жилах древнюю русскую кровь – большая часть их потомки татарских мурз. На это ясно указывали их физиономии, волосы и глаза, но костюм и обращение их подчинялись совершенно новейшей цивилизации. На этой границе Азии даже внешнее образование совершенно европейское: во всех семьях говорят больше по-французски, чем по-русски. За 30–40 лет было ещё иначе. Тогда казанское дворянство имело понятие только о четырёх печатных книгах: святцы, лежавшие почти постоянно под образами, «Московские Ведомости» (очень распространённые), приходившая в Казань в виде месячных тетрадей, «Московский календарь» и «Снотолкователь» Мартына Задеки.

Теперь же в Казани открыта русская книжная лавка с дрянными немецкими и французскими романами в русском переводе.

В пятницу, 19 июня, нам захотелось посмотреть татарское богослужение. Полицейский чиновник, татарин и даже магометанин, но в форме и без бороды, доставил нам эту возможность. Мечеть помещалась в простой большой, но низенькой комнате. В ней стоял налой и род маленькой кафедры, в середине залы висела небольшая люстра, не было ни стульев, ни скамеек. В передней стояли в ряд татарские башмаки, так как правоверные входят в мечеть

босыми ногами*. Мы пришли несколько поздно, причетник пропел уже начальные слова: «Склонитесь, верующие, так как это закон», мулла кончил уже свою обыкновенную пятничную проповедь, и уже началась общая молитва присутствующих. Закон воспрещает верующим повёртываться во время молитвы и чем бы то ни было развлекаться, так что наш приход не возбудил никакого внимания. Конечно, мы могли только наблюдать внешность моления. Она заключалась в частых поклонах в землю, причём сначала обе руки поднимают на высоту головы, ладонями вверх, так что большие пальцы прикасаются к нижней части уха. Затем молящийся становится на оба колена и садится по-восточному обычаю на свои ноги; потом он опускается на руки и касается лбом пола. При этом многие шевелили губами, как будто произнося известную молитву: «бог велик» и т. д.** Все были с покрытыми головами, но не у всех были чалмы. Имевшие чалмы развязывали во время молитвы концы ея и забрасывали их на спину. Моленье в описанном роде продолжалось более четверти часа, в продолжение которых некоторые положили 26 земных поклонов. Во время моленья царствовала глубочайшая тишина, каждый был вполне погружён в себя, никто ничем не развлекался. Это молчаливое собрание людей, с глубоким благоговением, покаянием и надеждою возносящихся к Богу и чувствующих между собою связь единства веры, производит поистине возвышенное впечатление на всякаго безпристрастного зрителя. По окончании моленья мулла дал знак непонятным для меня словом. Все тотчас сели на ноги вышеописанным образом, каждый очень старательно закрыл своё лицо обеими

---

* Смотри об этом: «Матерьялы для ознакомления с внутренней Россией», Д-ра Иоганна Фридра. Эрдмана, Дерпт. 1822 г. стр. 85; — это одна из лучших книг о России.

** По-арабски молитва эта читается так: *La illah he il allah, Mehemet irasul ullah*. Она всегда читается по-арабски всеми магометанами, даже турками, персами и татарами, незнающими по-арабски.

ми руками и затем раскрыл перед собою руки в виде раскрытой книги, как будто читая в них. Мулла начал громко читать, или скорее петь из Корана. Мелодия была очень оригинальна, несложная, в нескольких нотах, нос, небо, горло – всё было пущено в ход, чтобы вызвать наиболее странные и удивительные тоны*. Пение это продолжалось недолго, какая-нибудь десять минут, затем правоверные помолились ещё несколько времени, потом каждый завязывал свою чалму и выходил из мечети, но не все зараз, а по мере окончания каждым своей молитвы.

Отсюда поехали мы с нашим полицейским татаринном к двум зажиточным татарским купцам-братьям, живущим в одном доме. Я выразил желание посмотреть на их национальное домашнее хозяйство, но оно не существует более, по крайней мере, в Казани: и татар уже коснулась европейская цивилизация. Комнаты, в которые нас ввели, были меблированы совершенно по-европейски: софа вместо дивана, стулья, столы, красивый китайский фарфор в шкапах за стеклом, два зеркала на стенах – всё с тем же вкусом, который царствовал у нас 20–30 лет тому назад. На столе у стены стояла красивая персидская фарфоровая ваза, чрезвычайно оригинальной формы. В одном из шкапов за стеклом была каменная чаша с изречением из Корана. Один из членов семьи, совершивший путешествие в Мекку, привёз её оттуда, и она хранится как святыня. Перед окнами стояли в горшках цветущия апельсинныя, фиговые деревья, пальмы и другие цветы. На стене висела персидская шашка и кинжал в ножнах из кожи, которую умеют только готовить бухарцы. На столе лежали татарский календарь, Коран на арабском языке, другой в татарском переводе и несколько молитвенников. Часть пола была покрыта тёмным очень красивым персидским

* В напевах староверов, армян и евреев слышатся такие же тоны. На всем востоке в религиозном пении преимущественно употребительны носовые и горловые тоны, которые так отвратительны для европейского уха. Некоторые ордена, напр. кармелиты, переняли этот обычай с востока.

ковром, против двери на белой стене написан большими чёрными буквами стих из Корана. Двери обиты зелёным сафьяном, и по нём выложены всевозможные фигуры красными сафьянными ремешками, прибитыми медными гвоздиками.

Нам позволили взойти на минуту в смежную спальную комнату. Вдоль всей оконной стены стояла скамья в два с половиной аршина шириной – она служит общей кроватью для всей семьи. Подушки, покрывала, матрацы были навалены в углу, почти до потолка. Татары любят спать мягко и, как северные германцы, покрываются периной. Мы не могли ближе ознакомиться с внутренним устройством дома, так как в остальных комнатах были женщины, которых не дозволяется видеть.

Женщины, любопытныя как все дочери Евы, несколько раз прошмыгивали в покрывалах перед открытыми дверями, но не подходили ближе.

Одежда* здешних зажиточных татар состоит из круглой красивой, часто вышитой золотом ермолки (коллабуш), плотно облегающей выбритую маковку, из широких белых бумажных шаровар (слап), которые они носят в цветные сафьянные сапоги без подошв, а на сапоги надевают башмаки или обыкновенныя кожаняя калоши; последния редко снимают даже в комнате, так что сафьянные сапоги заменяют им чулки. Рубашки (кулманк) в большинстве случаев полотняныя с открытым воротом. Сверху надевается застёгивающийся спереди архалук, большею частью из полосатой шёлковой материи до колена и подпоясанный кушаком; сверх архалука надевается ещё длинный и широкий халат, большею частию светлый, редко чёрный, как у польских жидов. Таков костюм богатых татарских купцов. Крестьяне, извозчики и ремесленники носят сверх безобразной ермолки остроконечныя белыя поярковыя шляпы без полей; а вместо халата длинную рубашку, вышитую

---

* Сравни книгу Эрдмана, стр. 98.

яркими цветами кругом шеи и на рукавах (как у черемис); затем синие холстинные панталоны и онучи с валеными сапогами. Только в торжественных случаях надевается чалма, то есть сверх ермолки надевается остроконечная высокая поярковая шляпа, которая обёртывается тонкой белой шерстяной или бумажной шалью, так что самый конец шляпы остаётся виден. В мечети мы только видели одну зелёную чалму.

Татары принадлежат к самым гостеприимным народам России, и купцы, к которым мы пришли, приняли нас необыкновенно радушно. Прислуги в доме не было, и нам прислуживали лично сами хозяева и сын одного из них. Около половины двенадцатого нам предложили завтрак, который состоял преимущественно из свежих и сухих фруктов: апельсинов, кедровых орехов, сушёных абрикосов, винных ягод, кишмишу, различных пастил, желе и пр. Затем подали хороший чай с ломтиком лимона в стакане, и в заключение роскошная дыня. К этому не давалось ни хлеба, ни печенья – таков, вероятно, национальный обычай.

Мы не отказывались ни от какой еды и питья, что было очень приятно нашим хозяевам, и они выразили это, протянувши нам по татарскому обычаю обе руки и пожимая наши.

Татары живут большею частью вместе и занимают в Казани отдельный квартал. Прежде господствующий народ, они оттеснены теперь в предместье, тогда как самый город занят русскими. Татары занимаются больше торговлей, чем ремёслами; между ними есть купцы всех гильдий и даже почётные граждане.

Казанские татары по телесному развитию и умственным способностям принадлежат к благородным народам. Это народ смешанный. После разорения Кыпчакского царства Тимуром в конце XIV столетия одно племя турецко-татарских народов, кочевавших в южной Сибири, поселилось в этой древней стране булгаров. Ещё в XIII столетии

монголы при Батые разрушили Булгарское царство и основали Кыпчакское. Древнее булгарское вместе с новым монгольским населением совершенно исчезло в татарском. Татары сохранили ещё следы монгольского типа. Герберштейн называет их полумонголами*.

Я также часто встречал между ними глаза с длинным разрезом, и лежащие не на прямой линии, но в остальных чертах лица ничего не было монгольского. Лицо овальное, глаза чёрные и живые, нос несколько изогнутый, рот тонкий, зубы хорошие, цвет лица белый с румянцем, как у кавказских народов. Они средняго роста, стройно сложены, редко толсты. Все их движения ловки, красивы, часто благородны. Женщины малы и всегда нарумянены.

Татары обладают большими умственными способностями, но ислам допускает их развитие только до известной степени.

У них хороши школы, почти все умеют читать, писать и считать на русских счётах, у них есть даже некоторая литература**, а Коран изучают ревностно. У них есть и несколько высших школ, в которых преподают арабский и персидский языки. Муллы их получают своё образование большею частью в Гаргали, около 15-ти вёрст от Оренбурга, где существует знаменитая татарская школа. Многие отправляются в Бухару, где, по их мнению, средоточие высшей учености. У татар существует особенно много связей с Бухарой, как в отношении торговом, так и религиозном***.

---

* Herberstein *Rerum Moscov. Comment*, стр. 89: *Tartari sunt homines statura mediocri, lata facie, obesa, oculis intortis et convacis, sola barba horridi, cetera rasi. Insigniores tantum viri crines contorlos eosque nigerrimos secundum aures habent.*

** На востоке татарский язык занимает то же место, какое на западе занимает французский. Турецкий язык известен на востоке от Персии до Китая, на западе во всех турецких странах и даже в Тунисе. Блуждающие армянские поэты, импровизаторы, поющие длинные языческие истории в Персии и Малой Азии, сочиняют всё на татарском языке.

*** В Казани часто можно видеть бухарских купцов. Они охотно покупают тут татарок, большею частию девочек от 12-ти до 13-ти лет.

Русское правительство пыталось разорвать религиозную связь татар с Бухарой, образовавши в Уфе средоточие магометанского духовенства и назначивши туда муфтия, которому поручило духовный суд над всеми магометанами государства.

Татары мягкаго, сговорчиваго характера, самолюбивы, ласковы, доверчивы, аккуратны и чистоплотны. У них существует ещё старая антипатия и большое недоверие к русским, но они преданы и послушны правительству. С иностранцами, особенно немцами, они откровенны, сердечны и гостеприимны; они любят свои семьи и очень хорошо воспитывают детей. Поведение их обыкновенно нравственно. В этом отношении муллы преследуют их строго и простирают свою власть до того, что за известные преступления лишают их честнаго погребения, – наказание, котораго татары всего больше боятся.

Казанские татары ведут торговлю большею частью татарскими произведениями.

Кожевенные изделия их получили известность. Казанские сапоги очень хороши. Мы видели сапоги, хорошо вышитые золотом и серебром; пара их на месте стоит 65 руб. ассигнациями. Деревенские татары – трудолюбивые земледельцы и хорошие пчеловоды. Почти все они пользуются личной свободой. Между ними есть только некоторые мурзы (татарские князья), которым царь Иван Васильевич подарил деревни. Жители этих последних деревень крепостные, но крепостное право их очень ограничено самым обычаем и мягко.

Господствующая пища мясная. Свиное мясо запрещено Кораном, лошадиное считается простыми татарами за лучшее лакомство; они очень любят мёд и молоко, а из мёду приготавливают хороший медовый напиток*.

* Эрдман, стр. 109, описывает три очень хороших татарских кушанья: п л о в , д ю с и к а к . Я могу подтвердить собственным опытом, что они действительно очень вкусны.

Богатые пьют очень много чаю, и так как в их руках находится значительная часть чайной торговли, то у них можно пить отличные сорта.

Я слышал некоторые татарские песни: они довольно интересны, но очень не мелодичны; содержание и выражение их поэтично. Как и у многих других восточных народов, в стихах их часто повторяются параллели, что встречается во всех старых документах:

«Красный, шёлковый пояс составляет украшение чресл;
Красивый парень составляет украшение деревни».

Мы обедали у г. Фукса. Общество было очень разнообразно: коллежский советник Семёнов, сделавший путешествие вокруг света с Коцебу и Крузенштерном, ученый персиянин, состоящий при университете в качестве ориенталиста, и татарский мулла, считающий себя учёным. У персиянина Мурзы Хасым-Бека отличная восточная голова, он принял протестантскую религию и хотел заняться изучением немецкого языка для отыскания параллели между ним и персидским языком.

Когда я после обеда стал разсматривать висящий на стене русский образ, то г. Фукс сказал мне, что это образ его маленькой дочери. Если новорожденное дитя очень слабо, то русские зовут священника окрестить его и ищут образ того святого, которого имя носит ребёнок, с его двумя ангелами хранителями; образ должен быть почти размера ребёнка. Такой образ заключает в себе целительную силу, и впоследствии заботливо сберегается всю жизнь. Тут висел образ святой Софьи с тремя дочерьми: Верой, Любовью и Надеждой. Тотчас после рожденья поп даёт ребенку молитву и имя, крещение совершается несколько позднее. При крещении необходимо должны быть поп, дьякон и непременно два восприемника, крёстный отец и крёстная мать. Число восприемников может быть

и больше, но непременно парами. Родители ребёнка не могут присутствовать при крестинах.

Я выразил желание приобрести несколько русских образов, и г. Фукс спросил своего слугу, крепостного человека, не знает ли он, где можно купить образа. Слуга отвечал, что образа не п о к у п а ю т , а м е н я ю т ; на что г. Фукс очень вежливо попросил извинение за неправильно употреблённое слово. Чрезвычайно много тонкости и вежливости господствует во всех общественных отношениях России.

Во время разговоров г. Фукса с его маленькой дочерью и с женой я имел случай заметить богатство русского языка в уменьшительных словах; так, от Софьи уменьшительные будут Софьюшка, Сонечка, Сонька (последнее, впрочем, ругательное), от Марьи – Маша, Машенька, Марюша, Марюшенька. Нередки также и увеличительные слова. Так, от слова дом уменьшительным будут: домик, домочек, домишка, а увеличительное – домище.

На следующее утро я пошёл гулять в татарскую часть города. Она скорее походит на немощёную деревню, чем на город; я насчитал восемь мечетей. У татар заметна, в противоположность русским, любовь к цветам: даже на маленьких окнах самых бедных лачуг стояли цветы в горшках. Это не важный, но всё-таки замеченный признак к способности цивилизации. Я убежден, что если бы этот богато одарённый народ принял христианство, то он не только стал бы одним из первых цивилизованных народов, но распространил бы христианство и цивилизацию по всей Азии. Мало-помалу и цивилизация, и христианство привились бы не только к остальным татарским племенам, населяющим Среднюю Азию в числе нескольких миллионов, но и к монгольским племенам, стоящим с издревле в разнообразнейших сношениях с татарами.

Русское правительство уже давно делает опыты распространения христианства между татарами, но вина этого неуспеха лежит не столько в национальной антипатии

татар к христианству, сколько, и притом главным образом, в неспособности большинства русского духовенства к миссионерской деятельности. Большое умственное и нравственное развитие русского духовенства скоро станет насущною необходимостью, как для того чтобы способствовать движению самого русского народа, так и с целью внесения христианства и цивилизации в остальные народы русского государства.

В настоящее время казанские татары превосходят в умственном и нравственном отношении живущих около них русских, поэтому ничто не побуждает их к принятию христианства, – и это будет до тех пор, пока они не убедятся, что в христианстве лежит зародыш высшего развития ума и сердца.

По распоряжению правительства и теперь некоторые русские попы заняты так называемым обращением татар. Но большинство духовенства смотрит на него как на дело, обещающее царскую награду и повышение. Вследствие этого всё внимание обращено на внешность, а не на сущность дела. От татарина, переходящего в русскую веру, требуют исполнения трёх вещей: чтоб они не брили волос на голове, чтобы не ели лошадиного мяса (чего они никогда не выполняют) и чтобы почитали образа и клали бы крестное знамение. Если он всё это выполняет – его крестят. Ясно, что на такую перемену религии соглашаются только дурные люди и что этим путём новый христианин утрачивает только строгость мусульманства, но не приобретает духа любви и цивилизации христианства.

Когда я шёл из татарской части города на базар, то мне встретилась в сопровождении солдат женщина, только что вынесшая наказание кнутом. Она не только шла совершенно бодро, но нельзя было даже заметить никаких следов возбуждения и слёз от вытерпленных страданий. Она убила своего собственного ребёнка. Мне говорили, будто судья высказал мнение, что убийство своего ребёнка не составля-

ет такого тяжкого преступления, как убийство чужаго. Если мать убивает своего ребёнка, то мотивы к убийству должны быть слишком важны, чтобы побороть естественную материнскую любовь. Только моментальная потеря разсудка может привести к такому преступлению; тогда как убийство чужаго ребёнка бывает обыкновенно результатом холоднаго расчёта или преступнаго увлечения страстью, поэтому детоубийца была приговорена к лёгкому наказанию, которое, очевидно, было слабо приведено в исполнение.

Уже с давняго времени наказание кнутом в России употребляется редко. Оно может быть назначено уголовным судом, но никогда полицией. Прежде давалось от 200 до 300 ударов кнутом, впоследствии закон постановил *maximum* 90 ударов. При этом определено, что если суд накажет кого-нибудь кнутом и если при последующем пересмотре процесса окажется, что наказание было незаконно, то суд должен заплатить невинно наказанному 200 руб. сер. за каждый удар кнутом. Поэтому суды очень осторожны в определении этого наказания.

Уголовные законы России менее писаны кровью, чем, например, французские и английские: злоупотребления в России лежат не в этом направлении, а в другом. Не судебныя наказания, а произвол административных и полицейских взысканий достойны порицания в России!

Наказание кнутом не достигает своей цели, потому что лёгкие или сильные удары зависят от воли и умения палача, и его желание, собственное или повеянное свыше, делает наказание слабым или смертельным. Палач может, если захочет, тремя ударами кнута убить человека. Поэтому в последнее время наказание кнутом почти не употребляется.

Базар был для меня интересен по разнообразию находившихся на нём народностей. Пёстрая толпа состояла из русских, татар, черемисов, чувашей, вотяков, мордвинов и пр. Сколько крику и суетни, сколько отвратительных жирных женщин и красивых мужчин! Товары были также до-

вольно интересны, хорошия кожевенныя изделия: сапоги, шапки, конская сбруя; далее пёстрыя татарския материи и, наконец, лавки с превосходным казанским мылом, приготовляемым из кобыльего молока.

Остальную часть дня я провёл за городом. Я проехал в несколько татарских деревень, чтоб собрать некоторыя данныя об их положении, домашнем хозяйстве и земледелии.

Почва Казанской губернии принадлежит к тому знаменитому плодороднейшему чернозёму, который занимает пространство более 20 000 кв. миль – от южнаго склона Уральскаго хребта и до Карпат. Собственно в Казанской губернии некоторыя местности глинисты, а в низких местах много болот, но камней нет. Поверхность земли холмистая, но гор нет нигде.

В лесах почти столько же лиственных дерев, особенно дубов, как и хвойных. Из хлебных пород в озимом поле разводится почти исключительно озимая рожь, а в яровом – яровая пшеница, яровая рожь, ячмень, овёс, полба, просо, греча. В обыкновенные, не в несчастные, годы все хлеба дают от 10 до 12 зёрен. Тут сеют также горох и чечевицу, сурепицу, лён и коноплю. Огородныя овощи разводят в большом количестве и выборе.

Несмотря на то, что Казань лежит почти в одном градусе широты с Мемелем, климат в ней холодный и суровый, – в иныя зимы замерзает ртуть; лёд и снег почти безперерывно остаются от ноября до марта. В половине апреля вскрывается Волга, и с этого времени начинается весна.

Из земледельческих орудий татары употребляют очень простую одноконную соху, без колёс* и с подвижным лемехом. Бороны большею частью делаются из еловых ветвей с деревянными зубьями. Хлеб снимают сер-

---

* Барон Гольберг в описании своего путешествия (Штутгард, 1844 г., часть 1, стр. 218) замечает, что такую же простую соху употребляют в Южной Франции и в большей части восточных стран.

пом, коса употребляется только для гороха и гречи. Хлеб складывается в скирды (кладь) и в них сохраняется. В деревнях скирды ставят большею частью четырёхугольные, редко круглые, как в Германии, а внизу подкладывают под них жерди; сверху они покрываются соломой и так стоят часто несколько лет до молотьбы. Как во всех северных странах, перед молотьбой хлеб просушивается огнём; для этого служат лифляндския риги или овины, с некоторыми различиями в постройке. В помещичьих хозяйствах здесь, как и в Симбирской губернии, нередко встречаются хорошие молотильные машины.

Деревни, виденные мною в этот день, не так интересны, как та татарская деревня, в которой я провёл первую ночь по выезде из Казани и которую я думаю дальше описать подробно; поэтому я опускаю описание моей нынешней поездки.

Утром 22-го я посетил с полицеймейстером Крюднером женский монастырь Казанской Божьей Матери. Существует предание, что на том месте, где стоит теперь зимняя церковь монастыря, найден был в земле образ Богородицы, который с того времени пользуется большим уважением как чудотворный. Между прочим, ему же посвящён знаменитый Казанский собор в Петербурге. Самый монастырь основан в 1579 г. и относится к первоклассным монастырям. Он сохранил за собой небольшую часть своего прежнего богатства, некоторые земли, рыбные ловли, мельницу, которая все вместе приносят 500 руб. годового дохода; казна выдаёт ему 3000 руб. сер. в год. Кроме того, монастырь получает средства от подаяний и от продажи различных произведений; последние заключаются в писании образов, в тканье, в золотошвейных работах для облачения и т. д. По-видимому, эти работы не так хороши, по крайней мере, не имеют такого сбыта, как в Арзамасском монастыре, описанном мною выше. Тем не менее все упо-

мянутые источники должны давать порядочный доход, от которого должна оставаться порядочная экономия, так как на эти средства существуют не только 52 монашенки, но они основали воспитательное заведение, в котором содержат, одевают и воспитывают 200 сирот, дочерей священников. Кроме того, в течение 40 лет монашенки выстроили две церкви, израсходовав на них более 4000 руб. сер.; теперь они вновь пристраивают два флигеля к монастырю, и притом очень изящные, с высокими окнами, с двустворчатыми дверями, хорошими залами и т. п. Мы были встречены радушно, и монастырская экономка водила нас всюду, даже в кельи монашенок. Все очень чисто и мило; в каждой келье живут две монашенки.

Мы прошли некоторые залы. В одной из них учили чтению, письму и закону Божию совершенно маленьких детей, от 6 до 10-ти лет; детей несколько старшего возраста учили в другой зале шитью, вышиванью и т. п. Воспитание оканчивается в 16 лет. Около этого возраста девушки могут оставить заведение, выйти замуж и т. д. Если же они пожелают пробыть ещё некоторое время в монастыре, то они делаются работницами; в этом случае весь барыш от продажи их работы, за вычетом необходимых издержек на содержание и одежду, насчитывается на счёт каждой работницы и выдаётся ей на руки при выходе из монастыря. Образ жизни монашенок, детей и девушек распределён следующим образом: в 4 часа все встают, полтора часа молятся в церкви, затем завтракают, от 6-ти до 9-ти учатся и работают, от 9-ти до 10-ти обедают, от 10-ти до 12-ти работают, в 12 обедают, затем работают до 5-ти часов, от 5-ти до 6-ти молятся в церкви, затем ужинают, работают ещё час, полчаса отдыху, и в 9 часов все ложатся спать. Пища, как и во всех русских женских монастырях, очень скудная, постная, без мяса. Относительно платья можно заметить, что и дети носят также монашеский костюм, с тою только разницею, что у детей высокие монашеские шапки с вы-

резкою на затылке, у работниц сплошная, а монашенки сверх этих шапок надевают ещё покрывало.

Я уже сказал, что экономка водила нас всюду; мы осмотрели все церкви, ризницу, весь монастырь. Во время обеда мы взошли в трапезу; в ней стоял длинный стол, во главе которого сидели монашенки, затем послушницы, работницы и, наконец, дети; при нашем входе все встали и низко поклонились, но не обращаясь к нам. Взошли послушницы в белых фартуках, неся на белой салфетке чашу с кушаньем. Каждая такая чаша составляла порцию для четырёх; оне поставили их перед собой и сделали по низкому поклону. Мне был подан на тарелке хлеб и соль. Одна монашенка вышла к налю и начала громко читать книгу религиознаго содержания, «чтобы девушки не развлекались светскими разговорами».

Мысль, лежащая в основе этого учреждения при правильном ея выполнении, могла бы быть очень полезна и благодетельна для России. Воспитание русскаго народа может только подвигаться вперёд под руководством духовенства, но русское духовенство само ещё очень нуждается в воспитании. В последнее время много сделано в семинариях для большаго умственнаго развития и чёрнаго, и белаго духовенства, но разве это может помочь, когда главная причина всего – первое воспитание в родительском доме – в высшей степени жалко и невежественно? В первом возрасте дети воспитываются матерями, а потому, прежде всего, должно воспитать матерей. Теперешния же попадьи совершенно невежественны и нисколько не образованнее простых крестьянок. Так как обычай не дозволяет священнику жениться ни на ком ином, как на дочери же священника, то следует повсюду открыть заведения, в которых священническая дочери получали бы хорошее образование, чтоб оне могли впоследствии быть хорошими хозяйками и честными матерями. Это может быть выполнено очень легко обращением женских монастырей в та-

кия воспитательных заведений. Но для этого необходимо изменить русские монастырские правила.

На возможность приложения этой мысли указывает женский монастырь в Казани, хотя выполнение ее тут очень недостаточно. Девушки не выучиваются хозяйству и тем работам, которые им будут впоследствии нужны, а обучаются тонким рукодельям, бесполезным в практической жизни; образование их очень ограничено, образ жизни замкнутый, и всё это не может дать благих практических результатов.

Отсутствие свежего воздуха, вечное сиденье в комнатах, скудость пищи, в особенности в детском возрасте, не может не отражаться на их здоровье. Многие из них бледны, почти все слабы. Поэтому девушки, воспитывающиеся в этом монастыре, редко выходят замуж. Мещане и поселяне избегают слабых жён, непривычных к домашним работам, священники женятся на них редко, потому что оне не могут принести с собой обычного приданого*, и разве только дьяконы и дьячки берут некоторых из них.

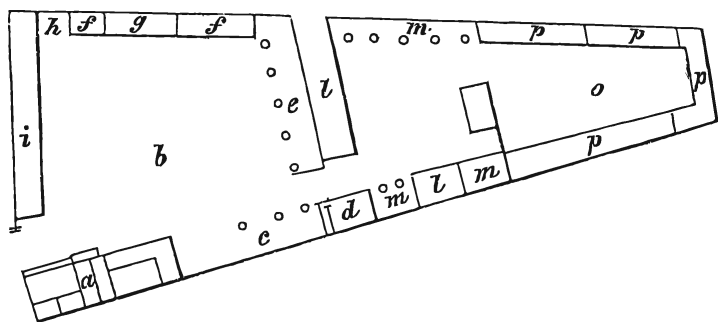
В тот же день я был в татарской деревне Йепан-Ашино, в 60-ти верстах от Казани; мне хотелось поближе познакомиться с хозяйственными и общественными отношениями сельских татар. Случайно мы запоздали, так что прибыли в эту деревню только вечером и остановились в большой татарской избе. Я встал на следующее утро очень рано и вышел, чтобы срисовать дом и деревню и снять план со двора моего хозяина.

Двор (сюрт) татарского крестьянина Захреди представлял удлинённый четверугольник, совершенно загороженный, с воротами около дома. Здесь уже можно заметить не-

---

* Обычное приданое, требуемое священником от своей невесты, заключается в следующем: 1) В длинной поповской палке с серебряным наболдашником, стоящей около 3½ руб. сер. 2 В широкой круглой поповской шляпе, стоящей тоже около 3½ руб. сер. 3) В постеле, стоящей около 12 руб. сер. 4) В дюжине рубашек и дюжине носовых платков. 5) В шёлковой рясе, стоящей 12–15 руб. сер., и сверх того от 100 до 150 руб. сер. деньгами.

который недостаток в лесе: только жилая изба и наружные стены других построек были сложены из бревен, стены же, обращённые на двор, и внутренние перегородки большею частью выплетены из хворосту.

Я представляю здесь рисунок двора и его описание. Длина двора с наружной стороны 134 шага, ширина (снаружи широкой стороны) 72 шага, ширина узкой стороны 15 шагов. В отношении к земледелию и количеству скота, двор чрезвычайно раскинут и, по-видимому, многия постройки излишни.

Подразделение и наименование отдельных частей следующее:

- а) Жилая изба (по-татарски Юи).
- б) Первый или домашний двор (Ишигольде).
- в) Навес на деревянных столбах, открытый спереди (Ауслик).
- д) Баня (Мунчу).
- е) Навес на деревянных столбах, открытый спереди и служащий летом вместо конюшни; поэтому в задней стене сделаны ясли, а под крышей сеновал (Псен-сарай). Как и всякий открытый навес, он называется также ауслик.
- ф) Два помещения для сохранения муки и зерна (Аон-клеть).

- g) Помещение для орудий (Сурай).
- h) Навес (Ауслик), под которым висят большие весы (Геер).
- i) Магазин (Клеть), одна часть для овса, другая для сельскохозяйственных орудий.
- k) Второй или лошадиный двор (Обсарольде).
- l) Конюшня (Отсарай).
- m) Навесы (Ауслик).
- n) Погреб (Басклет).
- o) Третий или скотный двор для коров, овец и коз (Утар).
- p) Различные хлевы для этих животных.

Я не могу отстаивать верность этих названий и правописание их, так как мне нельзя было расспрашивать подробнее. Часть приведённых здесь названий, очевидно, заимствована из русского языка, например, клеть, сарай; я не знаю, перешли ли эти слова в русский язык с татарского, или мой хозяин вместо татарских названий говорил мне русские.

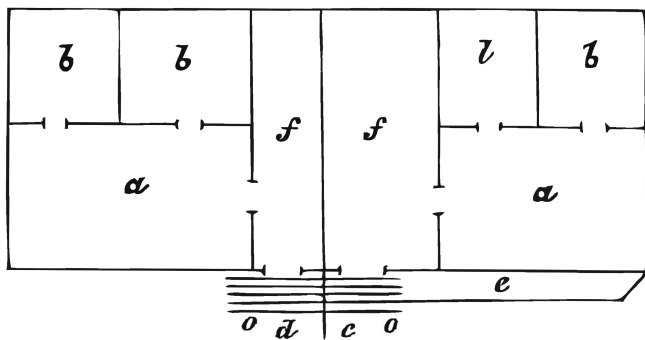
Дом имеет 33 шага в длину и 12 в ширину, расположение его следующее:

Дом разделён на две половины: правая сторона занята мужчинами (наш хозяин жил в нераздельном хозяйстве с четырьмя братьями), левая – женщинами и детьми.

- a) Большая жилыя комнаты (Тау бульма).
- b) Маленькия комнаты (Скина бульма).
- c) Часть крытой лестницы, ведущей в мужскую половину. Белая лестница (Аги баскиш).
- d) Чёрная лестница (Аши баскиш).
- e) Скамейки вдоль наружной стены дома, около 2-х арш. высотой и $3\frac{1}{2}$ арш. длины, под навесом, иногда открытая. Летом служит для сна мужчинам (Скина скелети).

f) Коридоры.

Под жильём, как и в русских избах, подполье, кладовая, помещение для кур и т. п.

Расположение татарских изб имеет много общего с русскими избами, и трудно сказать, кто у кого перенял. Комнатные печи были сложены по-русски; вдоль оконных стен комнат стояли татарские двух с половиной аршинные спальные скамьи. Постели сложены высоко к одной стороне. Не было недостатка в русском самоваре и чайных стаканах; мы видели также чашки и фаянсовые тарелки, европейские столы и стулья и стенные часы. На окнах стояли

цветы в горшках, над дверью изречение Корана: «Бог велик» и т. д. В доме все очень чисто.

У нашего хозяина было 12 лошадей, 5 коров, 25 овец и 6 коз. Он имеет 7 душевых участков земли, высевает в озимом поле 14 пудовок (несколько меньше пуда) ржи и соответственно этому яровой пшеницы, ячменя, овса, гречи, проса. Как и все деревенские жители, паровое поле он употребляет для выгона. В огороде посажен картофель и посеяны репа, горох, огурцы.

Внешность деревни мало отличалась от русских деревень той же местности: несколько широких улиц, на которых дворы помещаются рядом. Почти при каждом дворе я видел скворешники (сирсуик). Этот обычай, вероятно, перенят от русских. На всех окнах горшки с цветами.

В деревне 80 дворов и 246 мужских душ. Тут царствует русский раздел земли по числу душ, сено делится натурой каждый год. Пастбища и лес в общественном пользовании; топливо есть, строевой же лес покупают.

Деревенское устройство татар должно заключать в себе некоторыя особенности, но они скрывают их от русских чиновников и посторонних людей. Представитель деревни называется у них не старшиной, а выборным (вуиберне). Взнос казённых податей за малолетних и за умерших после ревизии раскладывается на всю общину, если родственники не оставляют за собой их земельные участки.

Татарские муллы, которых в большинстве случаев бывает по одному в каждой большой деревне, а иногда и по два, получают наравне с поселянами участки земли по числу душ и наравне с ними несут казённые повинности, от чего русское духовенство избавлено. Кроме того, мулла получает с души по 10 фунтов ржи и по 4 фунта пшеницы, а в религиозныя праздники и шкуры с убитых баранов и коров. Татарские муллы образуют род касты, так как обыкновенно сыновья наследуют звание родителей, и никто из других сословий не может стать муллой.

Разбору муллы подлежат все споры между супругами, а может быть, и другие. Наш хозяин говорил очень сдержанно об их устройстве.

О земледелии, о времени сева, жатвы, о различных родах хлеба и т. д. этих местностей находятся такие полные данные в книге Эрдмана «Материалы для знакомства с внутренней Россией» (Дерпт, 1822 год, ч. 1, стр. 313), что я ничего не могу к ним прибавить и отсылаю читателя к этой книге.

Женщины ходят в этой деревне свободно и без покрывала. Оне шли на работу, нисколько не стесняясь нами.

В татарских деревнях редко встречаются мужчины, имеющие более одной жены, в городах, напротив, особенно между богатыми купцами, это встречается довольно часто, но и там редко больше двух жён. Татары покупают себе жён, платя за них калым, доходящий даже у простых крестьян до 500 р. ассигнациями. Если муж расходится со своей женой вследствие её неверности, то калым должен быть ему возвращён. Если же он не может доказать неверности жены или расстаётся с ней по другим причинам, то не получает обратно калыма.

Тогда как русские крестьяне и крестьянки, встречая проезжающего, кланяются ему, татары никогда этого не делают.

В этой деревне не было школ, хотя оне есть во многих татарских деревнях. Школы содержатся добровольными приношениями и состоят под началом муллы. В них существует система взаимного обучения, как во многих восточных странах. Иезуиты нашли эту методу у индейцев и ввели её в свои школы. Ланкастерская система не новое изобретение!

ГЛАВА XVII

Отъезд из Казани. — Крестьянския избы в Казанской губернии. — Г-н Пирх. — Несколько замечаний о характере русскаго народа. — Устройство здешних барщинных хозяйств. — Земледелие. — Развалины близ села Болгары. — Г-н Молоствов. — Хозяйственныя учреждения. — Симбирск. — Отъезд в Самару. — Большая сѣла. — Причины их возникновения; препятствие в них к успехам земледелия. — Как отстранить это препятствие? — Село Тушино и его хозяйство. — Чувашская деревня. — Волжские мысы. — Народное предание. — Ветряныя мельницы. — Хлебная торговля. — Самара. — Луговая сторона Волги. — Село Воскресенское; земледелие. — Мордвины, оба их племени, одежда, народный характер, язычество, домашнее устройство. — Степь, курганы. — Село Падовка; устройство, отопление кизяком вместо дров, земледелие; земля башкиров. — Город Николаевск. — Здешняя колонизация. — Странствующее хозяйство. — Безпечность. — Село Берёзово; смешение государственных и удельных крестьян. — Село Кучум; приём по русскому обычаю. — Деревня Зельца. — Могущество русскаго общиннаго принципа. — Немецкия колонии. — Панинское; русский делёж земли у немцев, земледелие, производство табаку, образ жизни, крестьяне. — Орловское; старик Ротермелер. — Екатеринштадт; хлебная торговля. — Данныя о немецких колониях. — Покровское, малороссияне, залежь соли в озере Элтоне. — Портрет одного казака. — Саратовская губерния; положение, статистическая данныя, древности Сарая. — Саратовская губерния; прежние жители татары, новая колонизация, ея борьба с разбойничьими ордами, девушка из Мостова. — Увеличение народонаселения, земледелие, скотоводство, рыболовство, население по национальностям

Казань и ея окрестности — самый восточный пункт, которого я достиг в моем путешествии. Прежде Казань

причисляли к Азии, а заграничные географы делают это и теперь; в России Казанская губерния считается самую восточную губернией Европейской России.

Я выехал из Казани 22-го июня и вплоть до Симбирска ехал левым берегом Волги. Русския деревни, попадавшиеся вначале этого пути, отличаются от виденных мною доселе тем, что были огорожены высокими заборами с воротами на манер виселиц.

Мы переехали через Каму, красивую и широкую реку, впадающую в Волгу. На следующей станции большая половина деревни выгорела.

Избы тут очень бедны и просты. Жилая комната разгорожена стеной на две половины. В одной половине вдоль стен стоит скамья, с одной стороны шириною в $2\frac{1}{2}$ аршина; скамья эта, как и в татарских деревнях, служит постелью. В остальных хозяйственных постройках стены плетёныя. Клеть походила на круглый шалаш из плетёных ветвей.

Местами попадалась очень красивая резьба на крышах и окнах, но только у русских, а не у татар. В каждой избе около дверей висит обыкновенно белое полотенце, концы которого в четверть аршина шириной вышиты арабскими красными нитками.

Мы обедали в бедном городишке Спасске и, проехавши полосу земли, в высшей степени плодоносную, прибыли в тот же день в Красную Слободу, именье генерала Пирха.

Г. Пирх родом немец, рано вступил в русскую службу, женился на русской и через жену сделался богатым помещиком. Теперь он ревностный русский патриот, совершенно освоился с характером русскаго народа и стоял в особенно хороших отношениях к своим крепостным. Это человек умный и увлекательно красноречивый. Опытность его была мне полезна, а его замечания о характере народа, его образе жизни, местном сельском хозяйстве часто казались мне меткими.

Я помещаю здесь несколько его замечаний, равно как и несколько анекдотов из его жизни: они характернее, нежели подробные описания:

«Приказания, отдаваемые самим господином, должны быть неизменны, от них не следует отступать ни на одну йоту, поэтому нужно остерегаться давать самому слишком много приказаний»*.

«Если какой-либо из моих крестьян обращается ко мне за помощью, я помогаю ему тотчас же и затем уже основательно разузнаю, нуждался ли он в самом деле или нет. Если нет, то я наказываю строго. С того времени, как мои крестьяне узнали это, они не тревожат меня без действительной необходимости».

Когда г. Пирх много лет тому назад принял имение и приехал в него, он собрал всех своих крестьян и сказал им следующую речь:

«Слушайте внимательно, что я вам скажу, вникните в мои слова хорошенько и не забывайте их никогда, потому что во второй раз я их повторять не стану! Мне от роду 38 лет, 7 месяцев, 9 дней, 11 часов: кто из вас старше хоть на один час, того разумную речь и указания я готов всегда выслушать; но кто из вас моложе хоть на одну минуту и осмелится открыть рот, чтобы прервать мою речь, или что бы то ни было сделает не по моему приказанию, – в 24 часа духу его не будет в моей деревне! Я ваш господин, а мой господин царь. Царь может мне приказывать, а я должен ему повиноваться, но он не приказывает вам! В моём имении я царь, я ваш земной бог, и я должен ответствен за вас перед Богом! Но не кланяйтесь мне, а смотрите мне прямо в глаза, потому что я такой же человек, как и вы! Нужно десять раз вычистить лошадь железной скребницей, прежде чем начать чистить мягкой щеткой! Мне придется сильно почистить вас скребницей, и кто знает, дойду

---

* Это совершенно согласно с мнением, высказанным коренным русским Карновичем (смотри гл. VI).

ли я когда-нибудь до щётки! Бог очищает воздух громом и молнией, в моей деревне я буду очищать его громом и огнём, пока буду находить это нужным».

Он скоро имел случай приложить на практике высказанные здесь положения. Он проектировал дорогу к имению своего тестя, долженствовавшую сократить вдвое 32-вёрстное расстояние; но часть этой дороги должна была проходить через очень болотистую местность. Начались работы, крестьяне постоянно представляли ему невозможность сколько-нибудь укрепить грунт. Он верхом поехал на место и, желая переехать болото, заехал в него по грудь. Было немало хлопот спасти лошадь. При этом случае один старый седой мужик смеялся и сделал несколько острых замечаний. Тогда г. Пирх обращается к нему: «Ты знаешь, что я слушаю всякаго, кто старше меня; я прощаю тебе твои дерзкия слова, но я даю тебе слово, слово твоего господина, что ровно через три года, в тот же день, я проеду по этому месту на шестерике, и если я не сдержу своего слова, то ты должен мне тогда тут же наплевать в лицо». Прошёл год, другой, затем наступила необыкновенно суровая зима. Г-ну Пирху удалось вырубить болото топорами и мотыками, провести глубокия канавы, навезти песку для плотины и т. д. Таким образом, он действительно достиг сухой дороги. Через три года, в тот же день, он задал на том месте праздник, велел привезти разных кушаний и водки. Когда все развеселились, он неожиданно проехал по дороге в коляске шестериком и, сидя в ней, сказал крестьянам пламенную речь, которой, к сожалению, у меня нет, так как при передаче ея он опять взошёл в сильный азарт и слова его действительно катились и сыпались, как водопад.

Сколько я помню, эта речь представляла оригинальнейшее смешение библейских выражений, народных поговорок и таких проклятий и ругательств, что едва можно было их слушать. Но с того времени репутация его была поставлена прочно, не только у его крепостных, но и в це-

лом околотке. Воля его служила непреложным законом. И при всём этом мы слышали только хорошие отзывы о нём: он самым отеческим образом заботился о своих мужиках; его боялись, но очень любили. В последние голодные года, когда цены на хлеб поднялись чрезвычайно, он ничего не продавал, а раздавал хлеб своим крестьянам и кормил их, чтоб они не пришли к необходимости продать свой скот и инвентарь и таким образом совсем разориться. Однажды к нему явилась депутация от его крестьян – он жил ту зиму в Казани – и объяснила ему, «что нехорошо для славы такого большого имения, если он не посылает продавать хлеб на базар, что им самим совестно расходовать на прокормление себя господский хлеб, который в нынешнее время должен дать ему такой значительный барыш! Зима уже к концу, на следующий год, Бог даст, будет урожай, и что им ничего теперь немножко и поголодать, а он пусть лучше продаст свой хлеб!»

Г. Пирх повёл нас показывать всё своё хозяйство. Усадьба состояла из новаго двухэтажнаго господскаго дома, довольно изящно устроеннаго и расположеннаго на красивом, хорошо держанном дворе, окружённом железным забором; по другую сторону дома шел хороший сад, разбитый парком.

За двором начиналась большая деревня, выстроенная совершенно однообразно и правильно, по военному ранжиру. Прямая очень широкая улица делит всю деревню на две главныя части, из которых каждая опять перерезывается прямыми переулками. Каждые пять дворов составляют особый четырехугольник, и жители его составляют особое отделение барщинных рабочих. Г. Пирх обратил внимание на могущество родственнаго чувства в русском народе и завёл у себя книги, в которыя записывались все родственныя отношения его крестьян; он наблюдает, чтобы по возможности ближайшия родственники жили вместе в одном и том же четырехугольнике. Этим облегчается взаимная помощь

в опасности и в нужде, равно как и пособие друг другу в исполнении господских работ.

Г. Пирх ввёл эту правильность с большим трудом и с большими издержками, в первые 12 лет своей жизни тут они перестроили всю старую деревню. Избы хорошо выстроены и расположены. Почти на каждом дворе есть колодезь. Крестьяне смотрят зажиточными.

В деревне было 458 мужских душ. В пользование их предоставлено несколько более $\frac{3}{4}$ всей земли. Г. Пирх не допустил произвести раздел земли самой общине, как это обыкновенно делается повсюду в России, но отвёл на каждый двор по две десятины в каждом поле в постоянное пользование, без права передела этой земли. Сверх этого, в каждом поле оставлено по 180 десятин резервной земли. Из этого резерва отрезывается по $\frac{3}{4}$ десятины в поле каждому старику, у которого три сына, годных к работе, и который в таком случае сам освобождается от всякой обязанности, и по $\frac{1}{4}$ десятины в поле каждому юноше, годному для работы, но ещё не женатому. Остающаяся за этим резервная земля предназначена к наделению вновь образующихся тягол. Впрочем, г. Пирх не хлопочет об увеличении тягол; он не допускает брака для мужчин раньше 20-го и для девушек раньше 18-го года.

Земледелие здесь в высшей степени просто. Земля принадлежит уже к области чернозёма и до того плодородна, что не требует никакого удобрения. Поэтому коров держат только ради молока. Всё хозяйство основано на сборе зерна, а не на молочном и не на мясном хозяйстве. Даже г. Пирх, имея 600 десятин пахотной земли, держит только 8 коров. Плуг без резака, борона состоит из связанных еловых ветвей. Этими орудиями земля только царапается, соха берёт не глубже 3-х дюймов. Хлеб снимается серпом, затем сушится на воздухе и дурно вымолачивается. Безчисленные ветряные мельницы смалывают зерно в муку, которая запаковывается в рогожные кули и в таком виде продаётся.

На следующее утро 24-го июня мы разстались с г. Пирхотом. Чтобы не мучить крестьянских лошадей, он отправил нас на своих собственных.

Около 8-ми часов мы прибыли в село Болгары, возле которого находится знаменитая развалины столицы древняго Булгарскаго царства.

Эта столица первобытнаго царства булгаров, раздавленных монголами и татарами, собственно, называется Брияхимов и была по всей вероятности значительным городом. Город окружён валом и глубоким рвом. Вышеназванное русское село лежит вне древняго города, но очень близко к его границе, а русская церковь, прежний Успенский монастырь, находящийся на конце деревни, отстоит едва на 200 шагов от вполне сохранившагося магометанскаго минарета*.

Самыя развалины описаны прежними путешественниками Лепёхиным, Палласом, Эрдманом. Ферд. Генр. Мюллер в своём основательном сочинении: Угорское народное племя. Берлин, 1839, ч. I, стр. 414, даёт очень хорошее собрание всех сведений и данных, существующих о них. Я могу поэтому пропустить описание развалин и ограничусь замечанием, что они быстрыми шагами идут к полному исчезновению. Из того, что нашли первые путешественники Лепёхин и Паллас, едва ли осталось больше половины. Пётр I приказал беречь эти развалины, которыя, безспорно, принадлежат к замечательнейшим и обширнейшим памятникам, сохранившимся в России, но в настоящее время ничего не делается для их сбережения!

Гробницы магометанских святых, тут похороненных, пользуются у казанских татар высоким уважением. Я сам встретил целую нить пилигримов, шедших на поклонение гробницам.

---

* Минарет и церковная колокольня выстроены несколько криво, так что они нагнулись друг к дружке, как будто хотят обняться.

Булгарский народ, некогда могущественный и цивилизованный, основавший значительный город, теперь совершенно исчез и распустился между занявшими его место русскими, татарами, чувашами и т. п. Его физиономия, нравы, язык окончательно стерлись.

Булгары принадлежали к Угрскому племени, они были многочисленны и могущественны, подчинили себе другие народы, образовали организованное государство, вели обширную торговлю и обладали для своего времени и положения значительною цивилизацией, и при всем том безследно исчезли, тогда как незначительные народы, как чуваша, чермисы, мордва, удержались. Это относится к загадкам всемирной истории и ея экономии.

Мы взошли на высокий минарет, с которого открывается обширное пространство, но покрытое сплошным лесом. На стенах написаны имена многих путешественников, между прочим, мы нашли имя Александра Гумбольдта, который тут был вместе с г. Фуксом из Казани. После опустошения города в XIV столетии и разрушения ханства Золотой Орды вся местность покрылась густым лесом, и развалины были впервые открыты при Петре I, хотя татары давно уже и постоянно отправлялись в леса на богомолье. Со временем возникло село Болгары, и лес, скрывавший развалины, постепенно расчищался; между ними распахивалась земля, и расширение земледелия всё более и более разрушало старые памятники. Камни и даже каменные гробницы с арабскими, армянскими и турецкими надписями разбирались на постройки, именно на постройку сельской церкви.

Тут находят много арабских, персидских, турецких и т. д. монет, украшений, колец и т. п., мы имели также случай купить несколько таких вещей.

Отсюда поехали мы за 9 вёрст в Три Озера, большое именье, принадлежащее трём братьям Молоствовым. Род их, должно быть, принадлежал первоначально к татарской княжеской фамилии, но давно уже обрусевшей. Старший

из них был генералом и отличнейшим человеком. Около 1817 года мы были с ним одновременно в Пирмонте, и с того времени до 1838 года он постоянно жил в Германии, будучи адъютантом при герцоге Вюртембергском. Все дети его родились там, у него была гувернантка-немка и вся прислуга немецкая, так что в его семье и доме по-немецки говорили более чем на каком-нибудь другом языке. Я тут много слышал музыки, и было особенно пикантно слышать здесь, почти на азиатской границе, немецкия народныя песни!

Я узнал, что вообще все здешние помещичьи крестьяне состоят на барщине, – результат непомернаго плодородия почвы и лёгкаго сбыта земледельческих продуктов вследствие близости Волги. В губерниях неплодородных, с дурными путями сообщения и потому с затруднённым сбытом, как во всех тех губерниях, которыя я до сих пор проезжал, помещики охотно отдают всю свою землю крестьянам и переводят их на оброк, но крестьяне тех губерний не могли бы выплачивать настоящего оброка с одного земледелия без помощи промышленности. Здесь иначе – в хорошие года и при хороших ценах сбор хлеба с одной десятины даёт от 150 до 250 руб. асс. Поэтому здесь помещики обрабатывают землю на себя. Они оставляют здесь $\frac{1}{3}$, иногда $\frac{2}{7}$ или $\frac{1}{4}$ пашни за собой, остальную отдают своим крестьянам, которые три дня в неделю работают на барщине и исполняют все работы. Молодой Молоствов считает, что если перевести на деньги всё то, что помещик даёт своим мужикам в земле, скоте, лесе, посевных семенах и т. д., то каждый рабочий день обойдётся помещику в 4 руб. асс. Деревня выстроена хорошо, но без той военной правильности, как у г. Пирха; особыя отделения рабочих находятся также и здесь.

Господския поля состоят более чем из 3000 десятин роскошнейшей земли. Полеводство простое, трёхпольное; в озимом поле рожь, в яровом – яровая пшеница и овёс. Так как

тут уже нет избытка в лесах, то лес бережётся, и есть даже некоторое лесное хозяйство, именно правильная рубка.

Мы выехали в полночь, но по случаю задержки в лошадах должны были остановиться в деревне Бенёво. Это отличная помещичья деревня, выстроенная также правильно, как деревня г. Пирха, только тут отделения, вероятно, также отделения рабочих, состояли не из 5 дворов, а из четырех, и каждые такие 4 двора отделялись от других улицей и переулками и составляли, таким образом, как бы отдельный квартал. Возле помещичьего двора стояла башня с пожарной каланчой, как это делается в больших русских городах. Женский костюм отличается в этой местности главным образом тем, что платье повязывается ниже груди, а не выше, как я до сих пор встречал.

Около полудня 25-го июня достигли мы Волги, против Симбирска, и переправились через неё.

Я оставался тут только до следующего утра, так как губернатор был в отлучке. Собственно город с его широкими улицами, большими пустыми площадями скучен и пуст. Впрочем, это значительный торговый пункт, но в последнее время несколько упавший, так как торговля, именно хлебная, больше развилась в Самаре.

Мы отправились в Самару правым берегом Волги. Почва, принадлежащая и здесь к области чернозёма, повсеместно чрезвычайно плодородна. Здесь начинается возделывание земли очень большими сёлами, в 3 и 4 тысячи жителей. Большею частью сёла тут так отдалены друг от друга, что от станции до станции обыкновенно встречалось не более одного.

Легко понять, что земледелие страдает от этого условия. Часть полей отстоит на 15, 20, 25 вёрст от деревни, и земледелие получает кочевой характер. Приходит черёд до обработки таких отдалённых полей, вся деревня со всем скотом переселяется туда, разбивает хижину и шатры, общими силами обрабатывает поле и возвращается домой.

Во время жатвы повторяется то же самое. Так как земля тут нигде не удобряется, то такое переселение в поле необходимо делать два раза в год, в посев и в уборку хлеба.

Три условия влияют на образование таких непомерно больших земледельческих сёл*: приобретаемая через то возможность большей защиты, расположение русских к общинной жизни и редкость водяных источников в этой местности.

Эта местность стала впервые обрабатываться колонистами; она была отбита от степного пространства, но до времён Петра I возделанный хлеб подвергался тут разбойническим нападениям кочевых татар, башкиров и т. д. С целью защиты и обороны колонисты собирались в большие селения и строили большие деревни.

К этому присоединяется непомерно сильная любовь русских к общинной жизни, которая препятствует жителям одной деревни разделяться или селиться частями порознь, если к этому не вынуждает их внешняя сила или неотвратимая необходимость. Наконец, действительно, водяные источники редки в этой местности, хотя можно везде иметь воду при помощи колодцев, местами, конечно, очень глубоких.

Эти большие сёла, бесспорно, представляют большое препятствие успехам земледелия, и так как главная причина, заставлявшая людей селиться большими группами – опасение от нападений кочевых разбойников – миновала, то правительству следовало бы попытаться разбить эти большие сёла на меньшие.

Для этого есть в высшей степени простое средство. В России можно считать, что каждая деревня, вся или часть ея, сгорает раз в тридцать лет. А потому если бы правительство

---

* В остальной Европе такая большая сёла встречаются только там, где развита большая промышленность, например, в Силезских горах, где господствуют льняные фабрики, в Швейцарии, где работают часы; но всё-таки они нигде не бывают так велики, как в этой части России. З е м л е д е л ь - ч е с к и х с ё л такой величины нигде нет.

запретило погоревшим крестьянам, или части их, строиться вновь на старых местах, а принуждало бы их непременно строиться в других частях поля, то через тридцать лет число деревень в этой местности удвоилось бы, а может быть, и утроилось бы. Отношение к собственности не представляет тут тех препятствий, как в других государствах.

На второй станции от Симбирска мы пробыли час, и я осведомился о ближайших условиях села. Это удельное село Тушино. (В Симбирской губернии мало государственных деревень, но зато много удельных.) В нём 490 дворов и 1446 мужских душ. Земля делится при каждой ревизии, а сенокосы ежегодно*. На каждую мужскую душу в настоящее время приходится по десятине в каждом из трёх полей. В общем пользовании их вместе с несколькими соседними деревнями состоят 36 000 десятин лесу, но в их лесном хозяйстве есть уже некоторый порядок, и поселяне

* Сколько я знаю, сенокосы везде в России делятся ежегодно, да это так и должно быть, потому что, при отсутствии искусственных лугов, урожай травы зависит исключительно от погоды, и притом так, что в сухое лето травы больше в низких местах, а в мокрое – на высоких. Поэтому разделить покосы на несколько лет весьма трудно, тем более что, нуждаясь в корме для скота, крестьяне принуждены косить траву не только на лугах, но и в лесах, и в оврагах, и везде, где только есть хоть какая-нибудь трава, и, конечно, требуется различное количество труда для скошения чистаго луга или кочковатаго, в лесу или в овраге. Всё это заставляет крестьян делить покосы ежегодно. Я могу представить здесь два очень интересные случая дележа покосов:

1) Белоруссы в деревнях близ местечка Усвята, в Велижском уезде Витебской губернии, поступают таким образом: деревня делится на 2 половины, и каждая половина выбирает от себя по одному человеку, которым поручает делёж сенокосов. Эти двое выборные обхаживают все покосы деревни, осматривают их, наконец, один из них, без малейшаго вмешательства другого, делит все покосы на 2 части и другой выбирает л ю б у ю из них. Затем каждая половина крестьян делится опять на 2 части, выбирающая по одному человеку от себя, и опять один делит, другой выбирает л ю б у ю половину и т. д. Такой делёж называется у них л ю б к и.

2) Ещё интереснее делёж покосов в селе Покровском, Покровскаго уезда Владимирской губернии. Там крестьяне делят между собою покосы, принимая в расчёт не то, чтобы пришлось на душу по равному количеству сена, а чтобы на каждого работника приходилось равное количество труда. Затем скошенное сено делят между собой натурой, возами. (Прим. перев.)

должны вносить за право рубки в лесу какую-то безделицу. Навоз лежал в больших кучах в самой деревне и впереди ея, так как земля не выносит удобрения. В озимом поле сеется рожь, в яровом – пшеница, овёс, гречиха и просо; под озимый хлеб пашется два раза, под яровой – один. Рожь высевается в начале августа, сбор ея начинается с половины июля; яровой хлеб сеется в мае, а убирается в августе. Озимый хлеб родится сам-шесть, – яровой сам-пять. Можно считать, что каждые пять лет бывает полный неурожай или половинный урожай. В огородах мы видели капусту, огурцы, репу и местами картофель.

Каждый крестьянский двор держит от 50 до 60 овец, две–три коровы и столько же лошадей. Последняя малы, но сильны и стоят в продаже от 60 до 100 рублей ассигнациями. Пастбища обширны и хороши.

Четвертая станция находится в большой чувашской деревне. Все мужчины были на работе в поле. Женщины мало показываются. Многие дворы были заперты, что не делается в русских деревнях. Избы и дворы лежали в различных беспорядочных группах, но каждый двор огорожен кругом, что мы заметили и в русских деревнях этой местности, в противоположность открытым дворам северной России. Но хлебные амбары находились и тут все вне деревни. Жилыя избы здешних чувашей состоят из одной комнаты, треть которой отгорожена досками. За этой перегородкой находится кухонная печь. В большом отделении комнаты стоят скамьи известной высоты для спанья. На избе сделана надстройка со стенами из плетня, так что воздух проходит через него свободно; тут чувашаи спят летом. Русския избы в этой местности имеют то же расположение, с тою только разницею, что надстройки сделаны не из плетня, а большею частию из настоящих стен. Тут нет обычая строить дома таким образом, чтобы под жильём помещалось подполье или кладовая.

Чуваши держат здесь много домашних птиц, в особенности гусей.

Перед каждой деревней лежит большое общинное пастбище. Многия поля и в особенности лужайки заботливо огорожены. Все деревни, которыя я видел, обнесены красиво плетёною изгородью. При въезде в деревню и выезде из нея стоят ворота. Они вращаются около средняго столба и отворяются на обе стороны. При каждых воротах есть небольшой шалаш. Во всех удельных деревнях стоит перед каждой избой пожарная лестница, а перед каждой четвертой или пятой избой водяная бочка на колёсах. Полиция в этих деревнях должно быть хороша.

Мы проехали деревню г. Левашова, выглядывавшую довольно печально. Крестьяне ея были на оброке. Барщинныя деревни в этой местности много богаче и лучше оброчных*.

Мы приблизились теперь к длинному мысу, в несколько десятков вёрст, образуемому Волгой. На высоте его есть пункты, с которых величественная река видна одновременно по правую и левую руку. Местность здесь очаровательна. Холмы достигают высоты средней величины гор, и даже нет недостатка в небольших скалах. Где есть скалы, там есть непременно и народные легенды. Два высоких камня называются «Братьями».

Однажды три странника были застигнуты тут сильной бурей. Двое из них, два брата, скрылись в небольшой пещере под скалой и не хотели впустить к себе третьяго товарища. Тот проклял их за их жестокосердие. Тогда ударила молния, разбила скалу на два куска и погребла под ними обоих братьев!

---

* Мы слышали, что несколько дальше, на мысе, образуемом Волгой, на котором почти все деревни принадлежат графине Орловой, часть деревень состоит на барщине, другая на оброке, и что последние много богаче первых, так как близость Волги даёт возможность заработков на различных промыслах.

Совершенно подобные же предания существуют в Германии. Весь мир легенд покоится на общечеловеческих основах, поэтому и самые предания различных народов подходят одно на другое, даже часто повторяются.

Непосредственно при подошве этой косы лежит великолепно расположенное имение г. Давыдова, возле красивой деревни Усолье. Красивые сады, наподобие парка, большой хороший питомник деревьев, стадо отличного рогатого скота, принадлежащего деревне, свидетельствуют о хозяйственности и богатстве жителей.

По всей этой дороге мы видели бесчисленное количество ветряных мельниц. Мы слышали, что хлеб отправляется вниз по Волге не в зерне, а мукой, поэтому всё зерно перемалывается тут в муку, которая посылается в Астрахань в рогожных кулях. Напротив, вверх по Волге хлеб отправляется не мукой, а зерном, которое перемалывается в Тверской и Новгородской губерниях, и затем часть его идет системами каналов в Петербург. При мне четверть турецкой пшеницы стоила в Самаре 16 руб. ассигнациями. Доставка до Рыбинска стоит примерно от 3¹/₂ до 4-х руб. ассигнациями. Цена же в Рыбинске теперь 22 руб. ассигнациями; разница составляет барыш купцов на каждую четверть.

Утром 27 июня мы опять подъехали к Волге напротив Самары. Во время переправы через Волгу, ширина которой тут на полчаса езды, посреди ее нас застиг сильный бурный ветер, так что мы находились в некоторой опасности.

В Самаре мы пробыли только до полудня. В последнее время она стала одним из значительнейших торговых пунктов на Волге; многие здешние купцы имеют миллионные состояния. Главные предметы торговли – зерновой хлеб и сало.

Отсюда мы продолжали путь опять левым берегом Волги. В деревнях, ближайших к Самаре, дворы обнесены хорошо плетённою высокою изгородью. Далее дорога проходила через огромные бойни, на которых вытаплива-

ется сало. Вонь, распространявшаяся за несколько вёрст, была невыносима.

Луговая сторона Волги в этой местности имеет особый характер. Обширные равнины, слегка только холмистая, представляют кой-где обработанные поля, большею же частью покрыты роскошно высокою травю, испещрённую безчисленными цветами.

Здесьняя почва – богатейший чернозём, какой только бывает. Я опять видел тут тяжёлый, глубокий и широкий колёсный плуг. Нигде тут земля не удобряется. Во многих местах за недостатком лесов навоз тут месят, нарезавают его четырёхугольными кирпичиками, высушивают и употребляют как топливо. Он даёт больше жару и горит лучше, нежели торф, с которым он, впрочем, сходен.

Мы прибыли в село Воскресенское, отстоящее в 12-ти верстах от Самары и принадлежащее графине Новосильцевой; Новосильцева владеет 20 000 душ крестьян и в одной этой местности у нея 6000 человек; все ея крестьяне находятся под общим управлением. В селе Воскресенском 590 душ, которые прежде платили оброку по 8 руб. серебром с тягла, а теперь переведены на барщину. Каждому тяглу приходится полная обработка одной десятины поля на владелицу. В пользование крестьян предоставлены огромные пространства земли, на каждое тягло приходится 15 дес. пахотной земли и 6 дес. пастбища и леса. На крестьянской земле сеется только пшеница, а на господской также и рожь.

Здесь сеют на одном и том же поле четыре года сряду белотурецкую пшеницу, которая в хорошие годы даёт 25 и 27 зёрен; затем земля отдыхает 6–7 лет и первые два, три года, по случаю роскошно разрастающихся сорных трав, употребляется под выгон, а остальные три, четыре года, после того как от пастьбы скота выведутся сорные травы, она идёт под сенокос. Через шесть лет на ней опять сеют пшеницу, но уже два года сряду; затем опять шесть

лет выгона и сенокоса и потом опять сначала: четыре года пшеницы и т. д.

На каждые семь лет тут приходится два хороших урожая и один средний. Лён и конопля не разводятся во все. После последнего неурожая и падежа скотоводство тут очень слабо.

Люди в этой деревне чрезвычайно красивы.

Поздно вечером мы приехали в мордвинскую деревню, Каменный Брод. Я в первый раз видел тут этот народ* и представляю тут некоторыя общия сведения о нём.

Мордва или мордвины составляют самую южную ветвь первобытнаго финскаго или чудскаго племени, населявшаго некогда всю северную Европу. В настоящее время они не живут все вместе в одной местности, а разсеяны группами в губерниях Казанской, Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Саратовской и Оренбургской. Главная масса их живёт в смежных уездах Нижегородской, Симбирской и Пензенской губерний, но и тут селения их перемешиваются повсюду с русскими и татарскими деревнями**.

Они распадаются на два главных племени, западные эрзад или эрзаны и восточные мокшад или мокшане. Эрзаны несмешанной финской породы, с белокурыми или красноватыми волосами; мокшане с тёмными прямыми воло-

* В сочинении Мюллера «Водяная система Волги». Берлин, 1839, стр. 468 собраны все сведения и данныя об этом народе.

** Сочинение Кёппена: «Народонаселение России в 1838 году». Петербург, 1843, даёт следующие цифры распределения мордвинов в разных губерниях:

в Казанской	7944	м. душ
– Нижегородской	19 298	" "
– Симбирской	53 060	" "
– Пензенской	51 948	" "
– Саратовской	25 709	" "
– Оренбургской	35 949	" "

Всего 208 215 м. душ,

включая женщин, общее число жителей было тогда около 424 000 человек, а теперь около полумиллиона.

сами и жидкими бородами, указывающими на примесь в них татарской крови.

Мужская одежда мало отличается от русской, но женская очень оригинальна. На голове у них неуклюжая пёстро вышитая шапка, похожая на кивер без козырька; на шее несколько ниток стеклянных бус. На теле белая полотняная рубашка, длинная, до половины икор, и с узкими рукавами*, сверх этого другая рубашка до колена, разрезанная с обеих сторон, плотно охватывающая горло, вышитая по всем краям красной и синей шерстью; спереди и сзади, от плеч до колен, вышиты две более широкия, параллельныя полосы, что делает эти рубашки похожими на костюм католических дьяконов. На талии рубашка подвязывается красным шарфом. На ногах онучи и лапти, а по воскресеньям сапоги.

Мордвины мягкаго характера, честны, гостеприимны, трудолюбивы. В них нет упрямства и твёрдости характера черемисов, чувашей, татар и т. д., и поэтому они почти совсем обрусели, до четырёх процентов их приняли христианство, по крайней мере, внешним образом, хотя и в них проглядывает ещё сильно язычество и суеверие. У язычников высший бог, а иногда Небо, называется у эрзан П а с, у мокшан С к а й. Как и черемисы, они признают целую божескую семью, божию мать, сына и т. д. Даже язычники заимствовали от русских св. Николая, оказывают ему божеския почести и называют его Н и к о л а й П а с, то есть бог Николай. Подземное злое божество называется М а с т е р П а с. Образов у них нет. Вообще их религия одинакова с религией черемисов и чувашей. Точно так же наиболее почитаемый праздник у них весенний, но с одним жертвенником вместо семи. Место жертвоприношения называется также к е р е м е т ь. Высшему божеству они приносят в жертву рыжую корову, а подзем-

* Б е л а я, большею частию полотняная верхняя рубашка или верхняя одежда составляет, кажется, общую принадлежность всех б е л ы х финских племён; мы встречали ее у эстов, зырян, мещеряков, чувашей и мордвинов.

ному богу – чёрную; но жертвенную кровь не выливают в огонь, а вырывают ров и выбрасывают её туда. По окончании жертвоприношения мордвины, как и черемисы, при множестве поклонов повторяют: аминь.

Солнцу (Чи-Пас) они приносят в жертву пироги и питьё. Новый месяц они встречают с открытой головой и просят у него счастья на всё время его царствия. Во время бури они молот: П а ш а н ж е П у р г и н и - П а с, то есть умиласердись наш бог – Пургини! Домовая дверь обращена всегда на восток; равным образом мордвины читают свои молитвы, повернувшись всегда на восток.

Деревня Каменный Брод расположена так же, как и русския деревни, то есть состоит из одной главной улицы и нескольких переулков с тесно размещёнными дворами, но устройство этих дворов иное, чем у русских. Дворы огорожены кругом, хозяйственные постройки и летняя помещения выходят на улицу, а жилая изба находится внутри двора. С улицы не видать ни окон, ни дверей, и потому деревня имеет негостеприимный и пустынный вид. Расположение избы в существенном не отличается от русских изб той же местности, только тут больше чистоты. Станным образом окна во всех жилых избах были заделаны решётками. Когда один из моих спутников сделал замечание о некотором сходстве мордвин с чувашами, они обиделись: между этими двумя народами существует взаимное отвращение – мордвины презирают чувашей. Мы просили сказать нам по-ихнему название чисел, – в произношении они похожи с эстонскими. Мы слышали песни их на отдалении; мне показалось, что мелодии их русския. Хозяйка дома принесла свою дочку в воскресном наряде; она приняла от нас небольшой подарок, тогда как муж решительно отказался от всякой платы за молоко и хлеб, съеденные нами.

Двадцать осьмого июня в отличное летнее утро мы проезжали через девственную степь. Какое изобилие полевых цветов! Однако в них нет большого разнообразия.

При этом они всегда и располагались семействами, так что видишь целое поле красных, другое жёлтых или синих цветов. В северной России вся растительная сила почвы стремится стать лесом; каждое брошенное поле, пустырь в несколько лет покрывается лесом: здесь, в области степей, земля производит траву и цветы. И какая роскошная растительность! Травы, которые у нас при самых благоприятных условиях едва достигают полуаршина, здесь выше человеческого роста! Нигде мы не видали тут леса, только там и сям небольшой кустарник – большею частью кривые дубовые кусты. Отсюда видно, что с некоторым старанием тут могли бы быть разведены живые изгороди, так называемые изгороди по валу, как это распространено в Вандее и северной Вестфалии. Эти изгороди принесли бы большую пользу стране и чрезвычайно расширили бы и упрочили бы земледелие.

Мы видели безчисленное количество саранчи, беспрестанно выскакивавшей из-под ног наших лошадей; но этот вид не опасен для хлеба.

Тут же видели мы первые южные курганы. Они очень низки и плоски, часто едва возвышаются над равниной и в этом случае отличаются только тем, что в это время, по крайней мере, они покрыты не свежою, а сухою травою. Посередине их в большинстве случаев есть углубление. Окружные жители уверяли нас, что в них часто попадаются кости, но что кроме костей ничего не бывает.

До сих пор во всё моё путешествие я нигде, кроме Волги, не видал водяных мельниц. Маленькие речки и ручьи в России имеют слишком малое падение. Тем больше, особенно в этой местности, количество ветряных мельниц. Около ничтожного городка Николаева, куда мы прибыли вечером, я насчитал только с одной стороны его 28 ветряных мельниц.

Мы остановились на несколько часов в большом государственном селе Падовка. Я попросил дать мне точные

сведения обо всех условиях этого села. Крестьяне были любезны и услужливы. Пока мы устраивали стол и стулья за тенью одного дома и завтракали, к нам собрались деревенские старики. На улице играли дети, что я редко видал в русских деревнях. Красивые, белокурые мальчишки играли в обруч.

Затем я расспросил о хозяйстве нашего хозяина, умного и зажиточного крестьянина.

Расположение дома и двора значительно разлилось от виденных мною в северной России.

Кроме жилой избы и впереди стоящей клетки, на дворе был ещё запертой дом со стенами из плетня. Кроме того, кругом всего двора находились под соломенною крышею открытыя помещения, которых задняя стена, составляя в то же время ограду двора, выведена из больших нежженных кирпичей. За этим двором шёл другой, совершенно такой же, также окружённый открытым навесом; эти два двора принадлежали двум семейным братьям с отдельным хозяйством. За вторым двором следовал третий, незагороженный; на нём помещались баня и амбар; первая – с целью отдаления от жилых строений опасности огня, второй – чтобы по возможности защитить его от огня.

Жилая изба небольшая, одноэтажная, как повсюду в этой местности, но держится чисто, а двери и окна украшены красивой резьбой.

Перед домом род открытой галереи, в которой стоят стол и скамьи. Здесь летом собирается вся семья и гости, проводят тут время и едят, а хозяин дома обыкновенно и спит тут летом.

Недостаток в лесе очень заметен; только жилая изба и галерея из леса, задняя стены остальных построек или из необожжённых кирпичей, или из булыжника, который тут попадает. Лес доставляется из Екатеринова, Симбирской губернии, за 66 вёрст. Брус, обтёсанный с двух сторон, длиною 9 аршин, а толщиною от 5 до 6 вершков, стоит от 4 до

5 руб. асс. Топят здесь кизяком, кирпичами, сделанными из смеси навоза, соломы и сена. Кизяк приготавливают весной. Навоз свозится на двор, пересыпается мелко нарезанными соломой и сеном, перемешивается ногами лошадей, нарезывается железными лопатами на четырёхугольные кирпичи, которые для просушки их на воздухе выкладываются на лето один на другой с промежутками, как это делается с необожжённым ещё глиняным кирпичом или торфом. В начале осени эти кирпичи переносятся под сарай. При употреблении они тотчас же воспламеняются. Жар от них так же велик, как и от каменного угля. Но жар распространяется, особенно в хлебных печах, только кверху и в стороны, почему нижняя корка хлеба или пирога недопечена. Кизяк даёт мало дыму, но оставляет в трубе много сажи. Запах походит на запах при горении торфа и не более неприятен. Впрочем, в этих местностях есть и торф, но положение и качество его ещё недостаточно исследованы.

В деревне 240 дворов и 800 мужских душ. Она существует с 1835 года, когда крестьяне переселились сюда из Медынского уезда Калужской губернии. Вся эта местность колонизирована в последнее время крестьянами большею частью из Воронежской, Курской и Тульской губерний. Но при этом не было обращено ни малейшего внимания на то, чтобы поместить вместе людей одной родины или, по крайней мере, из одной губернии, напротив, крестьяне, жившие вместе на своей родине, все разбиты тут и перемешаны, а это причиняло вначале немало споров.

Основанием переселения служил известный закон, по которому определялось на каждую душу 15 десятин земли (в некоторых местностях даже по 30 десятин), и в этом расчёте нужное количество земли должно быть предоставлено каждой деревне. Однако деревни были заложены в таких больших размерах и поселение в них было дозволено такому количеству семей, при этом население так быстро возрастало, что теперь ни в одной деревне нет предписанного

количества земли на душу. В настоящее время в большинстве случаев приходится в них от 7 до 8 десятин на душу.

Средним числом каждый обрабатывает ежегодно из своих 15 десятин одну треть, то есть 5 десятин, а $\frac{2}{3}$ остаются всегда необработанными; $\frac{3}{4}$ обрабатываемой земли засеивается пшеницей, а остальная – озимую рожью, ячменём и овсом*.

Лён и конопля разводятся мало, масличные растения вовсе не разводятся. Картофель родится плохо. В огородах выращивают капусту, огурцы, репу, арбузы и дыню.

Земля здесь обрабатывается тяжёлым колёсным плугом, который и русские называют тут плугом; по всей вероятности, они заимствовали его от немецких колонистов. В плуг запрягаются большею частью волы, от двух до трёх пар, а при обработке нови или свежего торфа – пять пар. Впрочем, труд рабочего должен быть лёгок. Так как, естественно, не каждый хозяин имеет десять волов, то крестьяне исполняют плужную работу сообща, и поэтому рабочие волы представляют тут род общественной собственности целой деревни, на которую каждый член имеет равные права. Прежде деревня имела 24 плуга и 240 волов. Неурожайные года уменьшили скотоводство, и теперь в деревне едва 100 волов. Должно быть, скотоводство было тут очень значительно: зажиточные, как, например, наш хозяин, имеют ещё и теперь, кроме рабочего, от 10 до 15 единиц рогатого скота, от 12 до 20 лошадей и от 50 до 60 овец. Свиньи распроданы все в последние годы.

Цена здешней хорошей крестьянской лошади 150 руб. асс., коровы 40 руб. асс., овцы от 5 до 6 руб. асс. Впрочем, эти цены стоят только теперь, так как скота стало мало: в дешёвые года цены бывают наполовину меньше.

* По свидетельству крестьян, здесь, как и в большей части мест кругом, только пшеница даёт хорошие урожаи, остальные хлеба сравнительно вознаграждают дурно. Хорший урожай, в 9–10 зёрен, приносит собственно только яровая пшеница. Озимая пшеница родится редко более сам-пять.

Эта деревня занимается только земледелием, других промыслов совсем нет. Во время жатвы местных рабочих сил недостаёт, и на это время в значительном количестве приходят рабочие с горной стороны Волги. В сенокос, когда работа часто бывает спешная, а рабочих достать нелегко, подённая плата достигает от 80 коп. до 2 руб. асс. При нас за рабочий день платили 1 руб. 60 коп. асс. На уборку хлебов рабочие нанимаются не подённо, а с работы. За скошение, связку в снопы и т. д. хлеба с пространства в 4000 кв. сажен платится от 8 до 10 руб. асс., смотря по времени года: чем раньше, тем дешевле.

Выше было приведено, что повсюду здесь у крестьян стало уже мало земли. Поэтому эта деревня, как и многия другия, принанимают землю. Начиная на расстоянии 50–60 вёрст от леваго берега Волги, идут по направлению к Калку или Уральску огромныя пространства отличной земли, употребляемой некогда как пастбище кочевыми киргизами, калмыками и башкирами, теперь же лежащей безо всякой обработки и пользы. Большая часть ея принадлежит государству и называется Башкирской землей. Все деревни колонизированнаго леваго берега Волги нанимают у казны отдельные части этой земли. Она разделена на определённые участки различного качества и различной величины; наёмная плата за них определена палатой государственных имуществ. Обыкновенно несколько хозяев одной деревни сообща нанимают один участок. Контракт заключает один за ответственностью мира. Прежде в этих случаях крестьяне были притесняемы кулаками, которые, арендовавши наперёд землю, сдавали её потом крестьянам по высшей цене. Теперь при арендовании этой земли государственные крестьяне имеют преимущество предо всеми другими. Цена на все участки определённая, высшая плата за десятину лучшей земли 50 коп. сер., меньшая – 7–8 коп. асс. Крестьяне деревни Падовка арендуют часть этой государственной земли, отстоящей от их деревни на 80 и

100 вёрст. Кроме того, они арендуют в 18 верстах от себя поле, принадлежащее одному дворянину, и платят ему за каждые 4000 кв. сажень на три года от 10 до 20 руб. асс., смотря по качеству земли.

Главная пища здешних крестьян состоит из пшеничного хлеба* и бараньяго мяса, лапши, молока, капусты. Едят они от трёх до четырёх раз в день, и всегда то же самое, холодное или тёплое. На прокормление взрослого человека считают в месяц два пуда пшеницы. Пуд соли стоит от 1 руб. 70 коп. до 2 руб. асс.; пуд полосоваго железа – от 5 до 6 руб. асс. И то и другое привозится из Самары. Там же покупают крестьяне земледельческие орудия; телега стоит от 10 до 18 руб. асс., одноконный плуг – 15 руб. асс., плуг для работы волами – 30 руб. асс., борона с железными зубьями – 5 руб., топор – от 2 до 2½ руб., коса – от 4 до 5 руб. асс. Коса употребляется для срезки травы и овса, остальной хлеб сжинается.

Относительно здешней ценности одежды я слышал, что пара мужских сапог стоит 7 руб. асс., пара кожаных башмаков 1 руб. 50 коп., пара лаптей – 15 коп.; пуд льна стоит 6, 10, 12 руб. асс.; дальнейшая обработка его производится дома. Белую и чёрную шерсть прядут и вяжут из нея чулки. Верхняя ситцевая рубашка стоит 4 руб. асс., синий кафтан – 30–40 руб. асс., обыкновенный серый армяк – 12 руб., кушак – 1½, 2 и до 4 руб., шапка – 2–4 руб. В женской одежде больше роскоши: их будничной головной убор стоит 2 руб., а нарядный до 50 руб. асс.; обыкновенный сарафан из крашеной холстины стоит 3–4 руб., ситцевый – 5–6 руб., пара башмаков – 1 руб. 70 коп. асс. В общем, у крестьян леваго

* По историко-статистическому описанию Саратовской губернии, составленному г. Леопольдовым в 1837 г. и напечатанному министерством в «Материалах для статистических работ», ч. I отд. II, стр. 83., население Саратовской губернии питается преимущественно пшеничным хлебом, так как ржи относительно мало. Здесь изобилие хороших арбузов, из которых варят род мёда или сиропа. Арбузы нарезаются на маленькие куски и варятся в котле до тех пор, пока не получится густой коричневый сок, который затем процеживается и остужается.

берега Волги господствует более роскоши и легкомыслия, нежели у крестьян правого берега Волги.

В тот же день (28 июня) к вечеру прибыли мы в уездный город Николаевск. Прежде это была деревня Мечетное и из видов административных обращена в город и в честь императора Николая названа по его имени. Город лежит при большом Иргизе, что особенно благоприятно в торговом отношении, и он скоро мог бы стать одним из цветущих торговых городов, если б по Иргизу открылось судоходство. Правительство даёт большия льготы переселяющимся в этот город, именно, по уставу о переселенцах каждый волен поселиться в городе, ему выдаётся 100 руб., он освобождается на три года от всяких податей и от военной службы. Жителям города предоставлен выбор, записываться в мещане или крестьяне.

Город основан в 1830; в 1839 сгорел, вновь отстроился, а в прошлом году в нём опять сгорела церковь. Пустынные улицы, на которых растёт трава, дрянные дома производят грустное впечатление*. Уже сказано, что город этот был прежде деревней, называвшейся Мечетное, и которая первоначально была татарской деревней. Татары исчезли, от них остались только развалины мечети, которая и дала своё название новой деревне.

Окружной начальник государственных имуществ показал нам карту уезда, очень хорошо нарисованную крестьянским мальчиком, кантонистом, учившимся три года в уездном училище соседняго города Вольска. Какая лёгкость и способность в русских крестьянских детях, особенно способность к подражанию!

---

* Местность по большому Иргизу довольно заселена и богата, но в ней затруднителен торговый оборот. Если б река была сделана судоходною, что не представляет особых трудностей, то жители отправляли бы хлеб и прочие продукты на Волгу – эту артерию русской торговли – и могли бы легко получать оттуда кирпич, дёготь, железо, соль, лес и другие предметы, в которых они терпят большую нужду. Тогда Николаевск стал бы значительным торговым пунктом.

Тут кстати поместить некоторыя общия сведения об этой местности, взятая мною от местных чиновников. Вся полоса земли от Самары до Саратова и дальше книзу представляет степь с почвою в высшей степени плодородною. Только изредка заходят сюда для пастьбы скота башкиры и киргизы, кочующие дальше на востоке. Прежде других заселилась местность по обе стороны Волги выше Саратова; Екатерина II вызвала сюда в 1763 немецких колонистов. Оказалось, что почва на луговой стороне Волги, именно в низменностях и вдоль всех речек и ручьёв, чрезвычайно плодородна. Почти везде чернозём в аршин толщиною, часто и глубже с подпочвенным слоем из глиняного и известкового мергеля*. Растения, не превышающия в других местах высоты травы, достигают здесь человеческого роста. Рожь и пшеница дают тут в дурные года пять, в средние года – девять, а в хорошие – четырнадцать зёрен. Многие дворяне и лица других сословий, имеющих право на владение землёй, из средней и северной России просили у правительства предоставления им тут земли с обязательством ея заселения. Правительство согласилось на это охотно. Тогда началось большое переселение в эти страны из внутренней России. Помещики переводили сюда всех излишних своих людей. Одно обстоятельство, чрезвычайно важное по своим последствиям, было не предусмотрено вначале правительством. Помещики, не сделавши никаких приготовлений для поселения людей на новом месте, переводили слишком большое количество людей в один пункт; вырытыя места часто снабжались дурною водою, были нездоровы; перемена климата, непривычная и недостаточная пища, чрезмерные труды были причиною, что многия поселения не удались и что переселенцы мёрли сотнями и тысячами! После таких больших несчастий стали приступать к делу осмотрительнее и правительство начало само

---

* Около самага Николаевска чернозём мелок и лежит на толстом слое глины; поэтому тут, местами, земля уже требует удобрения.

переселять сюда государственных и удельных крестьян из внутренней России.

Крестьяне, переселившиеся сюда уже несколько лет и вынесшие тяжёлые первые года, уживаются на новых местах хорошо, и можно принять, что все старые колонисты живут богато. В настоящее время вся полоса земли, к югу от Самары и в разстоянии 50 вёрст от Волги, совершенно заселена. Но так называемая Башкирская земля, более удалённая от Волги, отстоящая от нея до 150 вёрст, точно так же плодородная, ждёт ещё своего заселения. А до тех пор земля там обрабатывается приходящими людьми. Крестьяне заселённой местности нанимают землю от казны, часто за 70–100 вёрст, как было приведено выше при описании одной деревни, большой толпой отправляются туда весною на посев, потом возвращаются домой осенью, на время жатвы опять идут туда, снимают хлеб, вымолачивают его*, зерно привозят домой, а солому оставляют на месте – это род земледелия, господствующий в здешних деревнях. Крестьяне большею частию сеют один только яровой хлеб и не производят вовсе озимаго хлеба. На одном и том же поле сеется четыре года сряду белая турецкая пшеница, и затем оно остаётся под выгоном в течение 5–7 лет. Теперь местами деятельные чиновники принуждают колонистов к правильному трёхпольному хозяйству, – и это должно быть выгоднее для крестьян.

Урожаи непомерны; в хорошие годы один морген (около четверти десятины) приносит до 200 руб. асс. чистаго барыша, однако тут часто бывают три, четыре неурожайных лет кряду, которые не только разоряют всё хозяйство и уничтожают скотоводство, но доводят жителей до значительнаго, а иногда отчаяннаго голода.

Так как тут нет никаких побочных промыслов, а земледелием народ занят только два летних месяца, так как

---

* Молотьба производится здесь на самых полях; для этого очищают площадку земли, утрамбовывают её и таким образом приготавливают ток.

нередко один урожай обогащает деревню, то это ведёт здесь к тем же последствиям, к каким повсюду приводят аналогичные условия, – именно тут развито большое легкомыслие и вообще ленивое и беспечное хозяйство. В хорошие года крестьяне живут расточительно, а в дурной год распродают весь скот, часто бывает нечем засеять поля, и они отдаются в руки ростовщиков, русских купцов и немецких колонистов. Здесь было бы истинным благодеянием опека над всем крестьянским хозяйством, не исключая и мелочей. Они должны сделаться дельными и хорошими земледельцами, прежде чем стать самостоятельными и свободными людьми. Это видно на некоторых здешних же удельных деревнях, которые состоят под такой опекой, – весь вид их свидетельствует о большей порядочности и богатстве жителей сравнительно с соседними государственными деревнями. Впрочем, всё здесь сказанное относится только к здешней местности и отнюдь не должно быть прикладываемо к остальной России.

Я видел у окружного начальника старосту и нескольких крестьян из соседнего государственного села Давыдовского; через них я получил сведения об их сельских отношениях, оказавшихся совершенно однородными с условиями деревни Падовки. Давыдовское основано в 1812 г. переселенцами из Рязанской губернии. Теперь в нём 210 дворов и 683 мужские души. Вначале им было назначено по 15 дес. на душу, теперь же приходится от 7 до 8 дес. Три четверти поля засеваются пшеницей, и только четверть рожью, ячменём и т. д. Лён, конопля, масличные растения не производятся вовсе. Зажиточные крестьяне имели несколько лет тому назад по 40–50 лошадей, теперь же не больше 10–12, потому что в последние неурожайные года скот был продан. Цена хорошей крестьянской лошади 100–150 руб. асс., коровы 40 руб., быка 60 руб., овцы 7–8 руб. Прежде в деревне было 25 плугов и 250 волов, теперь же только 15 плугов и 150 волов. На время жатвы нанимаются рабочие с той сто-

роны Волги. Крестьяне арендуют часть Башкирской земли. Строевой лес покупается в Балакове, куда он доставляется Волгой из Вятской губернии.

После полудня мы выехали из Николаевска. Я видел тут в первый раз больших киргизских овец с курдюками; мы встретили также большие табуны лошадей, охраняемые конными пастухами. Под Саратовом я видел также стада волов, пасомые верховыми пастухами.

Вторая станция от Николаевска – большая деревня Берёзово, состоящая из удельных и государственных крестьян. В ней было 423 мужских душ удельного ведомства и 640 душ государственных крестьян. Такое смешение встречается часто в этой местности, и оно попадалось нам в большинстве деревень вплоть до Саратова. Мне осталась неясною причина, почему это было сделано и почему до сих пор два министерства не могут разделить деревнями, тогда как такое отношение представляет очевидные и значительные неудобства.

У государственных и удельных крестьян одной деревни не отдельные поля, но образуют одну общину и по русскому обычаю делят землю подушно, «по жребью из одной шапки», как выразился один старик, которого спрашивали мои спутники. Но подати их совершенно различны. Удельные крестьяне платят 29 р. 20 коп. асс., а государственные – только 16 руб. 48 коп. асс., следовательно, первые вносят почти вдвое больше вторых. Это неизбежно должно вызывать недовольство. Если б крестьяне одного ведомства имели отдельные поля, то такая несоразмерность не так бросалась бы в глаза. У помещичьих крестьян такая разница в оброке встречается часто. Но здесь, при общих полях, при равном участии на землю всех членов общины, при одинаковости прав каждого из них такое различие податей вызывает тяжёлое чувство. До новой реформы управления государственными имуществами государственные крестьяне были со всех сторон теснимы,

а удельные уже давно находили защиту в своей хорошо устроенной администрации. Тогда эта несоразмерность в податях не выступала так ярко, но этого нельзя сказать теперь, когда государственные крестьяне получили также хорошее управление, и когда величина прямаго налога стала определённою. Эта деревня имела при своём основании до 500 душ, которым, по обыкновению, было отведено столько земли, чтоб на каждую душу приходилось по 15 десятин. Теперь при 1063 жителей мужского пола в этой деревне на душу приходится едва по 7 десятин. Впрочем, может быть, это составляет причину того, что тут нет странствующаго земледелия, как в других соседних деревнях, а более или менее правильное трёхпольное хозяйство. Но земля и здесь не удобряется, кроме общественнаго поля, которое у удельных крестьян по распоряжению их начальства должно состоять из $\frac{1}{16}$ части их земли, это поле они должны обработать, а сбор с него поступает в запасный магазин. Однако крестьяне утверждают, что это поле даёт худшие урожаи, чем неудабриваемое. Подённая плата, цены на различный скот, лес, железо и т. д., пища, образ жизни, одежда с небольшими отклонениями те же самые, что и в деревне Падовка.

Утром 29 июня мы подъехали к Большому Иргизу, напротив деревни Кучум. На том берегу собралась вся община, и, когда мы переехали реку, она приветствовала нас по восточному и древнему русскому обычаю с хлебом и солью. Если б я обладал магическим жезлом фортуны, я перенёс бы на одно мгновение всю группу в какой-нибудь центр европейской цивилизации. Что это за красивый и здоровый народ, с характерными лицами и таким умным выражением, какого нельзя было предполагать, судя по низкой степени его образования. Это выражение ума указывает теперь уже на то, чем этот народ может быть и чем он будет, когда время, обстоятельства и правильно направленное воспитание поработают над ним с

большею ревностью и большим знанием внутренних его свойств, чем это делалось до сих пор! Какие ясные и блестящие глаза видел я здесь даже у седых стариков! Тут можно было бы выбрать дюжину апостольских голов. Женщины тут вообще значительно менее красивы мужчин, но, по-видимому, оне становятся безобразными уже в зрелом возрасте. Девочки от 9 до 12 лет чрезвычайно красивы. Из 56 взрослых мужчин, окружавших меня, только один был с чёрными волосами и бородой, у 8 волосы были русые, все остальные блондины; дети все белокуры.

По ревизии 1834 г., в деревне Кучум 235 удельных и 121 государственных крестьян. Они переселены сюда из западной части Саратовской губернии около 60 лет тому назад. Тогда община состояла из 105 мужских душ. Им была отведена земля по 15 дес. на душу, а когда число жителей вследствие нарождения и прибыли новых переселенцев возросло до 248 душ, им прирезали ещё столько земли, чтоб опять пришлось по 15 дес. на душу. Ко времени ревизии 1834 года их было уже 356 душ, а земли приходилось по 12 дес. С того времени прибавилось ещё 106 душ, но земли им больше не отведено до сих пор. Удельные и государственные крестьяне не имеют отдельных полей, но составляют одну общину; они разделили всё поле на отдельные участки по их положению и качествам и каждый участок разделили на 100 частей. Затем все жители деревни составили из себя группы по 10 душ, по возможности отделяя удельных крестьян от государственных; участки достаются тем или другим группам по жребию, причём, насколько возможно, опять стараются отделить удельных крестьян от государственных. Удельные и государственные крестьяне имеют своих особых старшин и отдельное управление. Удельные крестьяне платят государственных податей удельного оброка и на мирские расходы 29 руб. 20 коп. асс. с души, кроме того, с них сходит ещё по 5 руб. 71 коп. асс. с души за почтовую повинность, которую они

исполняют наймом, а всего приходится с души по 34 руб. 91 коп. асс. Государственные крестьяне платят за всё вместе 16 руб. 48 коп. асс. с души.

После того как добрые люди накормили нас самым гостеприимным образом, причём мне понравился очень вкусный квас, который был светлее и чище здешней воды, мы поехали дальше.

В следующей деревне мы ещё раз встретились с непомерным могуществом принципов русского общинного устройства. Деревня называлась сельцо Маяние. В начале этого столетия князь Вяземский переселил сюда крестьян из Рязанской губернии.

Деревня с 7000 десятин более или менее хорошей земли была заложена в опекунский совет. Князь попал в конкурс, и, когда именьё назначено было в продажу, крестьяне сами купили его за 129 000 руб. асс. и таким образом получили свободу. Вместо того чтоб разделить всю землю на участки, соответственные различному участию каждого крестьянина во взносе денег в опекунский совет, и разобрать эти участки между собой в частную собственность, крестьяне остались при русском общинном дележе земли по душам и вносили и вносят деньги подушно. Я встретил тут некоторую особенность, которой не знал до сих пор. Крестьяне делят ежегодно паровое поле (они ведут правильное трёхпольное хозяйство), так что каждый участок поля находится в пользовании одного и того же человека только два года. Поэтому здесь был бы не затруднителен переход к первобытному славянскому дележу, существующему и теперь в некоторых общинах Сербии и Боснии, именно к ежегодному дележу жатвы.

Когда крестьяне этой деревни приобрели собственность в 1827 году, их было 287 душ. Теперь число их возросло до 350 душ. Как бы спутались чрез одно это обстоятельство права каждого отдельного члена на владение собственностью, участие каждого в принятом обязатель-

стве уплаты денег за землю и т. д., если б взглянуть на это дело с точки зрения наших юридических понятий.

29 июня после полудня достигли мы первой немецкой колонии Шафгаузен. Еще прежде чем мы въехали в деревню, мы почувствовали уже охватившую нас немецкую атмосферу по нескольким женщинам в немецкой крестьянской одежде, возвращавшимся с поля и в а з а в ш и м ч у л к и . Я нигде не видал русских крестьянок за этой работой, по крайней мере, оне никогда не вяжут во время прогулки. Впрочем, большинство русских крестьян и не носит чулок, а обёртывает ноги тряпками. В самой деревне обозначился также немецкий обычай; перед каждым домом посаженныя деревья и хорошо держанный огород, окружённый плетнём.

Распределение домов немецкое, но архитектура дома почти русская, с маленькими колоннами, балконами и навесами. Расположение дома представляет смесь немецкаго с русским; в углу комнаты висит русский образ, хотя жители лютеране. Всё движимое – постели, домашняя и кухонная утварь, одежда – немецкое. Первые колонисты пришли сюда из разных мест Германии, каждый принёс с собой свою одежду, свои нравы. Поэтому здесь всё перемешано, и в результате эта смесь стала в свою очередь прочным обычаем. Только в этих деревнях, в которыя первые колонисты пришли из одной местности, удержались некоторые нравы и обычаи их прежней родины. Этот клочок Германии на границе Азии при Волге производит особое впечатление. Это не одиночная несчастная колония, а цветущая земля с населением далеко за 100 000 душ и с совершенно германской физиономией.

Мы остановились в этой первой деревне, насколько нужно было, чтоб переменить лошадей. Но нам тотчас довольно резко представилась разница обеих национальностей в мелочах. Тут не было больше ловкаго, вежливаго и лукаваго русскаго ямщика на козлах, который любезно

и вежливо снимал шапку при каждом слове и которого лошади несли нас в галоп от станции до станции; теперь на тех же козлах тихо покачивался неуклюжий немец, который постоянно обсуживал наперёд, должен ли он на наши разспросы вынуть трубку из своего широкого рта и отвечать нам общим местом. О галопе нет и помину; он берёт лошадей и требовал от них только лёгкой рыси. Но упряжь прочная, всё сидело плотно; ему не нужно было пять-шесть раз останавливать лошадей, спрыгивать с козел, где подвязать верёвку, где удлинить её или совсем отвязать и т. д., что с русскими ямщиками повторялось на каждой станции. Мы проехали несколько часов от Шафгаузена через Гларис, Цюрх, Золотурн (это звучит несколько странно на Волге) до Панинского, где остались ночевать.

Я просил жителей дать мне точные сведения о деревне. Вероятно, Панинское, самая старая немецкая колония. Она основана в 1765. Первые поселенцы пришли большею частью с Рейна и из Вестфалии. Мы встретили потомков жителей Майнца, Триера, Бамберга и Падерборна. Господствующее наречие рейнское. Фамилия первого попавшего колониста этой деревни была Шёнингер. Колонисты поселились тут в дикой степи, на расстоянии около версты от Волги. Пространство между деревней и Волгой занято лугами и выгоном; тут несколько кустов дуба, ильма, осины и ивы; за деревней в степь идут поля. Этой и ещё одной другой колонии в 1812 г. отведён в пользование лес, лежащий по другую сторону Волги. Вначале, когда население было ещё слабо, каждый занимал из обширного пространства земли столько, сколько был в состоянии обработать. Когда же население возросло, то они добровольно ввели у себя русское деление земли. Каждые три, четыре или шесть лет они делят всю землю по душам. Они измеряют всю землю особыми шнурами 10-саженной длины и затем разбирают участки по жребью. Первоначально

отведенной им земли скоро стало недостаточно, и правительство несколько раз, в 1825, 1828 и 1840 гг. прирезывало им новые земли; теперь приходится на душу по 5 десятин распахиваемой земли, следовательно, за исключением пароваго поля, земледелие тут трёхпольное; в озимом поле сеется только рожь, в яровом – пшеница, ячмень, овёс, картофель (картофель родится тут лучше на низких местах. Уже первые колонисты привезли с собою картофель из Германии). Табак разводится в довольно большом количестве, местами до 150 пудов на семью. Его покупают чувашаи и мордвинаы, приезжающие за ним издалека. Масличных растений разводится немного (пуд постнаго масла стоит в настоящее время 30 коп. асс., пуд сала – 35–40 коп. асс.). Лён и коноплю не производят вовсе. Так как мы не встречаем этих растений на всем протяжении леваго берега Волги, то они или вовсе не родятся, или культура их невыгодна*. Земля обрабатывается тут плугом в две–три лошади. Озимое поле пашется два раза, яровое – один. Земля не удобряется вовсе, навоз идёт на отопление. Собственно табак мог бы хорошо переносить удобрение: сами колонисты говорили мне также, что хлеб, посеянный после табаку, даёт только средний урожай, потому что табак слишком изнуряет землю. В деревне 93 двора и 381 душа. У всех у них 582 лошади, 400 голов рогатаго скота, 450 овец (для меня не совсем понятно такое относительное количество разных родов скота). Цена лошади от 50 до 150 руб. асс., хорошей коровы от 40 до 50 руб., молодаго быка на мясо 20–30 руб. В 1842 г. тут были следующие цены на хлеб: 7½ пуд. пшеничной муки стоили 22 руб. асс., ржаная мука в той же цене, куль овса – 8–11 руб.; ячмень производится

* Профессор Гёбель утверждает, что в колониях разводится много конопли и льна, но с преимущественною целью добывания семян, из которых бьётся масло. Я думаю, что это должно быть отнесено к колониям горной стороны Волги. На луговой стороне я нигде не видал культуры этих растений, но путешественник легко делает заключение к общему от частных фактов, слышанных или виденных им в отдельных местах.

мало и не идёт на продажу. Десятина табаку даёт в хороший год до 100 пудов. Приготовленный русским способом, он продаётся по 1 руб. 40 коп. асс. за пуд; заботливо приготовленный немецким способом, он известен в продаже под именем желтаго табаку и стоит 8–10 руб. асс. за пуд. Но последним способом может быть обработан только табак, выращенный на песчаной почве.

Господствующая пища немецкая. Утром кофе, впрочем, большею частью пшеничный или ячменный, мучной суп, картофельный суп, овощи и только по воскресеньям мясо. Осенью режут свиней. Плата годовому работнику, сверх пищи и помещения, 100 руб. асс., работнице 50 руб. Подённая плата колеблется между 80 коп. и 1 руб. 25 коп. асс.; в жнитво она достигает 3 рублей сверх пищи. Некоторые работы сдаются огулом, например, скосить, связать и убрать десятину ржи 14 руб. асс. деньгами, 2 пуд. муки и несколько соли и масла; всё это вместе стоит около 20 руб. асс. Пара сапог стоит 4–8 руб. асс. Во время уборки хлеба крестьяне часто носят лапти, стоящие 12 коп. за пару и служащие восемь дней. Синий кафтан стоит 30 руб. асс.

Жители этой деревни католики. Тут есть церковь и школа. Школьный учитель получает 130 руб. асс., 13 кулей пшеницы, 13 кулей ржи и по 30 коп. за каждого ученика. В этой деревне я был обрадован встречей с потомками одного переселенца из моей родины Падерборна, именем Бернарда Эверса. Он давно уже умер, но его дочь, вышедшая замуж за колониста Циммермана, ещё жива. Как трогательное напоминание о моей родине я нашёл тут падерборнский молитвенник, а так как в то время совершались в этом доме крестины, то с этого времени будет красоваться в церковной книге деревни Панинской на Волге моё имя как крестнаго отца!

Отсюда поехали мы в богатую деревню Орловское. Обработка земли, виденная мною по дороге, порядочная, во всяком случае, много лучше соседней русской обработки,

хотя не могла назваться образцовой*, по крайней мере, тут заметна обыкновенная трёхпольная система. Только обработка табачного поля была рачительна. Здешние колонисты больше занимаются торговлей и спекуляциями, чем земледелием, поэтому от окружающих русских жителей часто слышатся жалобы, что колонисты, вместо того чтоб служить примером хороших земледельцев, скотоводов и ремесленников, бросились в торговлю и спекуляции и испортили русским те именно отрасли промышленности, которые им наиболее соответствовали. Поэтому я везде встречал в русских ненависть и зависть к немецким колонистам на Волге.

В Орловском мы посетили одного из старейших колонистов, прибывшаго из Германии ещё ребёнком. Фамилия его Ротермелер, ему было 86 лет. Он родился в Берлине, отец его был лакеем при Фридрихе II, мать из французской колонии. Он обладал ещё вполне умственными способностями и рассказывал довольно живо: «Колонисты, у которых он был со своими родителями, сплыли вниз по Волге в 1764 г. В Костроме суда замерзли, и они там зимовали. Когда следующей весной они прибыли на это место, оно имело довольно печальный вид. Из домов, которые они должны были найти готовыми, оказалась ничтожная часть, а выстроенные избы состояли из одной только комнаты. Поселенцы едва могли достать необходимый лесной материал. Необходимое количество скота, хлеба для них, засеянные поля, — короче, всё, что им было обещано перед переселением, они нашли в самом скудном количестве. Между Волгой и Уралом в то время тянулась пустынная, необитаемая степь, по которой

---

* Употребительное земледельческое орудие в колониях — смешанный Веттеровский поворотный плуг с Мергским. Для разрыва земли, особенно нови, служит немецкий острый лемех. При обработке картофельного и табачного поля употребляется большею частью круглый резак. Русская соха встречается везде, где песчаный грунт; но она ничего не стоит, если в почве много пырейных и других твёрдых корней. Молороссияне употребляют очень неудобный плуг с резакон на лемехе; в такой плуг запрягаются три лошади, а часто и 3—4 пары волов. Только в немецких колониях попадаются железные бороны (Гёбель).

кочевали только разбойническия орды калмыков. Наконец, каждый, по возможности, отстроился и взял в собственность столько земли, сколько мог. Таким образом, вначале образовались большия и маленькия поместья. Когда они сняли первую жатву, то убедились, что земля хороша и плодородна, и мало-помалу они преодолели нужду. Спустя некоторое время калмыки, которых соседство было очень неприятно, удалились к китайской границе, но их место заступили в степи башкиры и киргизы, дикие, жестокие народы, с которыми им часто приходилось выдерживать тяжёлыя и кровавыя битвы. Первоначально в Орловске поселились 71 семья, которыя теперь разрослись в 168 семей. При быстром увеличении населения правительство отводило им три раза новыя земли, а теперь они сверх того арендуют ещё часть так называемой Башкирской земли за 80 вёрст от себя, платя за аренду десятины по 98 коп. асс. Кустарник для изгороди они имеют на одном из волжских островов». Первоначальное неравенство в земельной собственности было исправлено впоследствии принятием принципа русскаго равнаго дележа земли.

Старый Ротермелер говорил, что женщины их очень много заняты по домашнему хозяйству и обработке табаку, зимой при отоплении соломой и кизяком, смотрение за огнём требует столько внимания, вязанье чулок и починка белья отнимают столько времени, что о пряже и тканье нечего и думать; поэтому холстину и сукно они покупают.

Около полудня мы прибыли в колонию Катериненштадт, где были дружески приняты пастором Валбергом, живым и любезным человеком. Он свёл нас к одному колонисту, богатейшему местному купцу Зейферту, который сообщил нам некоторыя сведения о торговле. Главная торговля тут хлебная. Торговля ведётся исключительно на наличныя деньги, причём в употреблении контракты сроком на год и более. Крупныя русские хлебныя торговцы в Астрахани, Нижнем и пр. довольно надёжны. Немецкия купцы торгуют

не только колониетским хлебом, но закупают его на большом пространстве. У них свои суда на Волге, но, кроме того, они нанимают множество судов. Хлеб идёт и вверх, и вниз по Волге. Вниз, в Астрахань, отправляется только мука, почему здесь, и в особенности около Саратова, безчисленное количество ветряных мельниц. Из Астрахани мука идёт частью в Персию, частью расходуется по берегам Каспийского моря. Вверх по Волге идёт почти только одна пшеница и часть колониетского табаку. Товары отправляются до Нижнего и до Рыбинска. Обратное сверху везутся брёвна, доски и т. п., а из Астрахани обратного груза нет. Судохозяева обыкновенно нанимают бурлаков от помещиков; теперешняя плата человеку за путину в Нижний или в Астрахань 50 руб. асс. Из этой цифры 22 руб. выплачивается вперёд на оброк помещику, а остальные выдаются постепенно во время пути. Бурлаки возвращаются домой обыкновенно пешком, и весь заработок их заключается в том, что они заплатят оброк господину и прокормят себя во время своего бурлачества.

Мы разстались с нашими соотечественниками утром 1 июля и около 8 часов прибыли в малороссийское село Покровское, напротив Саратова.

Но прежде я передам следующие сведения о приволжских немецких колониях.

Указом императрицы Екатерины II от 22 июля 1763 года приглашались в Россию, в тогда ещё необитаемые приволжские страны, преимущественно немецкие колонисты. Главное переселение длилось от 1764 до 1776 года. Колонии основались по обеим берегам Волги, от Николаевска до Саратова, но более по левому берегу, чем по правому*. В 1775 всех колонистов было 11 986 мужчин и 11 198 женщин. В 1806 г. общее число их состояло почти из 40 000 человек, в 1836 их было 55 476 мужчин и 53 458 женщин = 108 934 человека обоёго пола, в 1838 их стало 117 880 человек, в настоящее

* На левом берегу Волги 56 колоний, на правом – 46; все вместе они образуют 10 округов.

время, наверно, более 150 000. Больше $\frac{2}{3}$ из них лютеран, из остальных большая часть реформаторы, меньшая католики. Переезд их и первое обзаведение обошлось русскому правительству в 5 199 813 руб. сер.; эти деньги колонисты обязались возратить постепенно, и теперь, после того как русское правительство скинуло с них 1 210 197 руб. сер., за ними остаётся только 300 000 руб. При быстром возрастании населения правительство в различное время прирезывало им вновь земли. В настоящее время земля их простирается по левому берегу Волги полосой до 48 вёрст ширины, но этого уже недостаточно, почему почти каждая колония арендует ещё участки Башкирской земли за 100–120 вёрст. Во всех колониях было только 85 500 лошадей, 238 000 голов рогатого скота, 122 000 овец и 92 000 свиней. Колонисты были совсем избавлены от рекрутской повинности и освобождены от податей на 31 год. По истечении этого срока на них возложены были обыкновенные подати государственных крестьян, именно: 3 руб. асс. подушных, 10 руб. асс. оброку и 2 руб. 50 коп. асс. различных общественных сборов на каждую мужскую душу. Но все эти подати были иначе названы и, согласно желанию колонистов, переложены с душ на землю. Правительство назначило в настоящее время общую цифру всего сбора с них около 800 000 руб. асс.*; эта цифра составила из перемножения общего числа муж-

* На 1834 год подати распределялись следующим образом:

1. Государственная подать по 13 руб. асс.			
	с ревизионной души.	405 398 руб.	" коп.
2. Общественных сборов по 25 коп. с души		7 796 "	12 $\frac{1}{2}$ коп.
3. На водяные сообщения по 5 коп. с души		1 559 "	22 $\frac{1}{2}$ коп.
4. На содержание высших чиновников 95 коп. с души		29 635 "	25 коп.
5. На духовенство и школы, на представителей общины и округа, писцов и т. д.		256 787 "	82 коп.
		<hr/>	
		701 176 руб.	42 коп.

Так как государственная подать увеличивается с возрастанием населения, то в настоящее время цифру сбора с колонистов можно наверно принять 800 000 руб. асс.

ских душ по последней ревизии на $15\frac{1}{2}$ руб. асс., то есть величину податей с государственных крестьян. Эту общую сумму переложили на землю таким образом, что всякая десятина без различия в достоинстве обложена одинаковой цифрой. Теперь не справляются о количестве мужских душ в отдельной колонии, а узнают только, каким количеством земли она пользуется, предоставляя самой колонии распределить всю плату между своими членами. Министерство государственных имуществ сделало бы очень хорошо, если б поручило знающим людям произвести размежевание колонистских земель и снять с них верные планы, чтобы на них основать поземельный налог и таким образом постепенно перенести подати с лиц на землю. Измерения, давно уже сделанные колонистами, должны быть, по возможности, правильны, так как в этом заинтересован каждый из них; эти измерения, как мне кажется, могли бы послужить основанием.

Семейное устройство – немецкое. Отец назначает обыкновенно кого-нибудь из сыновей, а за неимением их, из дочерей своим преемником по дому. Тут никто не признает преимущества старшего или младшаго. Отец же назначает приданое и части, следующие всем детям. В случае если после смерти родителей останутся малолетняя дети, то всё имущество их продаётся под наблюдением определяемого общиною опекуна, и вырученные деньги делятся между детьми. Если остающаяся вдова – способная женщина, то она может сама продолжать хозяйство или опять выйти замуж. Такие естественные отношения образуются везде сами собой, хотя и не вошли в формальное узаконение.

Сельское устройство взято с немецкаго образца. Во главе общины стоит ежегодно избираемый староста; вместе с двумя стариками, двумя заседателями и писарем они составляют общинный суд; каждая 4–6 колоний образуют округ под управлением окружного начальника и двух окружных заседателей, избираемых на три года.

Всеми колониями заведует так называемая колони́стская контора в Саратове, состоящая из директора или главного судьи, двух заседателей и секретаря. Эта контора заведует всей администрацией, полицией, гражданским и даже частью уголовным судопроизводством. В разборе дел колонистов между собой только одна контора компетентна. В уголовных делах она одна производит следствия и постановляет решения коллегиально с окружным судом. Все гражданские дела колонистов с лицами прочих ведомств разбираются представителями обоих ведомств коллегиально. Апелляции поступают в 1-й департамент министерства государственных имуществ.

Прежде колонии находились под управлением министерства внутренних дел, но со времени учреждения министерства государственных имуществ оне подчинены последнему.

Немецкие колонисты по коренному немецкому характеру питают глубокую привязанность к царствующему дому. Они рассказывали с трогательной любовью о посещении Наследника, бывшего тут несколько лет тому назад, дружески с ними говорившаго и внимательно расспрашивавашаго об условиях и обстоятельствах их жизни.

В деревне Покровской напротив Саратова мы пробыли один час. Это первая малороссийская деревня, которую я видел. Впоследствии, при описании Малороссии и ея обитателей, я буду иметь случай обрисовать характер и особенности этого интереснаго народа; теперь же я передам только то, что я мог заметить при первом беглом знакомстве с ним.

В юго-восточной России неисчислимыя богатства соли. Все озера солёныя, большая часть рек и речек несёт солёную воду. Стоит только вырыть яму в солёной степи, и вы получите солёную воду. Но величайшую, может быть во всем свете, залежь соли представляет Элтонское озеро (по-калмыцки *А л ь т о н - н о р*, то есть золотое озеро). Часть России давно уже снабжалась солью этого озера. Но перевозка ея была не-

правильна и не обезпечена. Екатерина II привела это в порядок. Были проложены две дороги от Элтонского озера к Волге, которые удержали название Покровской и Николаевской по имени двух конечных пунктов дороги. Опыт показал, что всего лучше доставлять соль на волах. Тогда Екатерина II особым указом вызвала на левый берег Волги колонистов-малороссиян из губерний Полтавской, Харьковской и Черниговской с отличным грузным украинским скотом, чтобы через них устроит перевозку соли. Дороги от Элтонского озера к Волге, во всю длину, должны сохранять десятивёрстную ширину, точно так же кругом Элтонского озера земля не должна быть обрабатываема ближе 15-ти вёрст; всё это с тою целию, чтобы волы повсюду имели хорошия пастбища. На определённых разстояниях были основаны маленькия деревни (станции) и заселены крестьянами почтового ведомства. По дороге в Покровское вырыто 50, а по дороге в Николаевск 34 глубоких колодца на счёт казны; через реки Ярослав и Торгун устроены широкие мосты.

Эти малороссийские колонисты вполне сохранили все свои народныя особенности, язык, нравы, образ жизни и одежду, да и вообще малороссияне никогда не смешиваются с другими сталкивающимися с ними народами.

Постройка и устройство домов совсем не те, что у великоруссов. Тогда как последние строят обыкновенно деревянные дома из круглых брёвен, наложенных одно на другое (у немецких колонистов такие же дома, только гладко вытесанные внутри), – здесь дома строятся или каменные, или плетневые. Каждый дом снаружи и внутри непременно заботливо выбелен. Тогда как в немецких колониях у дверей замки и ручки, здесь простыя деревянные задвижки.

Малороссы любят украшать стены своих комнат картинами. У них не только висит несколько более или менее разукрашенных образов в передней комнате, но и непременно портреты русских царей и некоторых прежних запорожских гетманов. Часто попадаетея портрет одного стара-

го казака, имя которого, однако, не называется, о чём также упоминает Леопольдов в его вышеприведенном описании Саратовской губернии. Русские деревенские маляры снимают постоянно копии с этого портрета и часто недурные. Портрет изображает типичную наружность и костюм малороссийского казака: выбритая голова, только на маковке остаётся связанный чуб волос, падающих над левым глазом, во рту люлька, из которой едва дымится. На коленях лежит народный инструмент, пандора, в правой руке полный стакан. Сзади казака стоит укреплённая в полу пика, возле него красная шапка, за поясом кинжал: на дереве висит турецкое ружьё, возле дерева стоит конь; на одной ветви висит патронташ, пороховница и дорожная сумка, а также лук, колчан, стрелы. Вокруг портрета надпись в стихах.

Малороссиянин любит размышлять и рассуждать; он охотно вспоминает прошлое своего народа; в этой картине он видит свой национальный тип и наслаждается, вспоминая деянья своих предков. На вопрос: кто он такой? Малороссиянин гордо и весело отвечает: «козак»! Это почётное имя народа*.

Жители села Покровского были переселены сюда, как уже сказано, для транспортировки соли из Элтонского озера.

В настоящее время эта обязанность с них снята. Население возросло, и все отношения так изменились, что правительство продаёт теперь соль на месте, предоставляя перевозку её купцам. Взамен этого обязательства жители Покровского обложены теперь обыкновенными государственными податями. Земли у них по 8 десятин на душу, и они занимаются тканьем хороших ковров, которые хорошо расходятся. Мне подарили в Саратове один очень хороший ковёр их работы.

---

* Леопольдов приводит, что между малороссиянами есть религиозные сектанты и что вообще в церкви весь народ поёт хором духовные песни. К сожалению, мне ни разу не случилось быть во время службы в малороссийских церквях. Было бы в высшей степени интересно познакомиться с мелодиями народных и церковных песен малороссиян.

Из Покровского мы ехали ещё полчаса до берега Волги напротив Саратова. Положение города прелестно. Он не лежит, как большинство приволжских городов горной стороны, на возвышении, но расположен в равнине, в котловине. Горы окружают его со всех сторон. Вид всей местности напоминает Гёкстер на Везере в моём отечестве, только здесь всё в более колоссальных размерах, так как Волга тут более получаса ширины, а Саратов – большой город с 400 колоколен и куполов.

Саратов – древний город, он существовал ещё при Иване Васильевиче и первоначально стоял на левом берегу Волги; так как он постоянно подвергался здесь нападениям калмыцких и киргизских орд, которые несколько раз грабили его и сжигали, то после одного такого пожара в 1591 г. город отстроился на правом берегу Волги и обнёсся валом и рвом. Однако это не помешало знаменитому волжскому разбойнику, казаку Стеньке Разину, покорить Саратов в 1671 г., вскоре после разграбления им Астрахани*. Позднее, в 1774 г., город был покорён Пугачёвым, который изрубил тут всех чиновников.

В городе считается теперь около 60 000 жителей. Говоря о населении русских городов, следует всегда прибавлять слово около. Это не только потому, чтобы статистические данные были особенно неверны, а потому, что при всей доброй воле полиции, собирающей эти данные, число городского населения никогда не может быть верно определено. Постоянно меняющийся прилив и отлив жителей, приезд и отъезд дворянства с его дворней, передвижение рабочих и т. д. делают в различные времена года такую огромную разницу в количестве городских населений, что в некоторых

---

* Народные русские песни до сих пор ещё рассказывают об этом Стеньке Разине. Мне была сообщена одна такая песнь: «Вниз по матушке по Волге».

Разбойники часто служат предметом русских народных песен и легенд. Одна из последних рассказывает о девушке, приведшей разбойников и жившей в пещере на берегу Волги; лежащая над этой пещерой цепь холмов называется «Девичья гора».

городах летом число жителей бывает в двадцать раз больше против зимы, как мы видели это в Рыбинске. Уже выгодное положение Саратова указывает на значительность его в торговом отношении. В городе считается 3 000 купцов разных гильдий и 16 000 мелких торговцев. Саратов – один из самых богатых русских городов. Пётр I, который оценил выгодное положение города, подарил ему в собственность 230 000 десятин земли. Колоссальный подарок! В Европе нет ни одного города, общественная способность которого простиралась бы до 44 кв. миль земли! Однако в то время земля в этой местности не имела никакой ценности. Городские власти не обращали на неё ни малейшего внимания. Государственный крестьянин, колонист, всякий кто хотел, брал себе в собственность часть этой земли, как бы никому не принадлежащей; а большая часть её была распродана за безценок. Порядок в управлении ею был введён только в последнее время, когда земля в этой местности получила реальную ценность. По проверке оказалось, что от царского подарка осталось во владении города всего 57 000 десятин – всё ещё огромное пространство в 11 кв. миль*!

* Ещё и в последнее время город продал много земли, так, в 1828 он продал управлению московского воспитательного дома значительное пространство земли в 44 верстах от Саратова за 530 546 руб. асс. На этой земле императрица Мария Фёдоровна основала колонию для незаконных детей. Колония состоит из пяти деревень, названных императрицей в честь своих детей: Александровскую, Константиновскую, Николаевскую, Михайловскую и Марьинскую. Устройство их оригинально. Каждая деревня состоит из 25 парных дворов, причём две жилища избы связаны большим амбаром. Каждая изба в свою очередь разделена на два отделения для двух семей, из которых каждая снабжена всеми нужными строениями. Каждой семье отведено раз навсегда 15 десятин, которые не могут быть ни проданы, ни заложены. Колонисты пользуются большими вольностями, все они лично свободные люди, могут приобретать земельную собственность, записываться в купцы, в первом поколении (или в течение 40 лет) освобождены от рекрутчины и проч. Каждая семья обязана принять к себе приёмыша 12–13 лет из московского воспитательного дома; когда приёмыш вырастет, он точно так же поселяется тут. В каждой деревне есть полицейский дом и училище. В одном из последних введено взаимное обучение. Мне кажется очень разумным, что только мальчики учатся писать, а не девочки. Последние учатся чтению, закону Божию, счислению на русских счётах.

В настоящее время 4 000 десятин, ближайших к городу, разделены на 120 участков и сданы в аренду горожанам, которые устроили на них огороды и небольшие летние хозяйства и платят за это по 4 руб. с десятины. Много остальной земли арендуется мещанами, соседними помещиками и немецкими колонистами. Город получает всех арендных денег 100 000 руб. При незначительных издержках Саратов скопил около 4 000 000 руб., общий доход его простирается до 350 000 руб., а расход не превышает 240 000 руб., так что тут должен скопиться большой общественный капитал*.

Иностранца особенно поражает, что при таком богатстве тут едва только встречаются следы мостовых. Я почувствовал это неудобство, после того как несколько дней шёл сильный дождь. Пешком едва можно было ходить по улицам, даже экипажи застревали на них. Обширные площади с богатыми церквами, окружённые большими домами с балконами и колоннами, широкие улицы с рядами европейских домов, а на продолжении тех же улиц и в переулках – маленькие трёхкоконные избы, на улицах оживлённое движение городских экипажей, офицеров и чиновников, а местами и великорусских телег и малороссийских возов, запряженных волами, и казаков, и чувашей, и мордвы, и калмыков, и башкиров и т. д. – всё вместе составляло живописную, хотя странную картину полного смешения Европы с Азией!

Я познакомился с председателем палаты государственных имуществ г. Бодиско, очень образованным человеком из моряков.

Он собрал несколько древностей Саратовской губернии, показывал мне различные монеты и украшения,

* По поводу этой городской собственности возникали большие процессы, которые частью решены, частью окончены мировой в 1804 году при посредстве тогдашнего министра внутренних дел. См. *Compte rendu* министра внутренних дел за 1804 год. (Ш т о р х. Россия при Александре I. 1806 год, выпуск XXIII, стр. 147).

найденные между предполагаемыми развалинами Сарая, резиденции хана Золотой Орды.

Батый, великий хан Золотой Орды, обладавший половиною двух частей света, Европы и Азии, основал в XIII столетии могущественный город Сарай и сделал его своей резиденцией. Он и его преемники построили в нём дворцы сказочного восточного великолепия. В этот город приезжали поклониться своему господину различные князья и между ними русские великие и удельные князья; они произносили свою клятву повиновения хану, представляли на его рассмотрение споры между собой, — хан разрешал споры и позволял им оставаться князьями.

А теперь нельзя даже с достоверностью сказать, где находилась эта ещё четыре, пять столетий тому назад существовавшая могущественная столица полумира. — *Sic transit gloria mundi!*

Сарай лежал на реке Ахтубе, рукаве Волги, которая при деревне Безродное даёт от себя ветвь и соединяется с нею опять под Астраханью. Карамзин, опираясь на Рубрикаса (*Rubriquis*) и Палласа, думает, что Сарай занимал место теперешнего городка Селитряный Астраханской губернии. Леопольдов, производивший точные изследования на месте, приводит с большою вероятностью*, что Сарай находился там, где расположен теперь город Царёв Саратовской губернии. В самом деле, здесь находятся грандиозные и колоссальные развалины, занимающие огромное пространство: фундамент одного огромного дворца в 50 кв. фут., повсюду обломки колонн, галерей, остатки сводов, мозаиковых полов, каналов, водопроводов, каменных плотин, подземных ходов, укреплений и т. п. Местность, перерезаемая четырьмя реками, райски хороша: роскошные лужайки, небольшие холмы, покрытые дубами, на горизонте большой дубовый лес, красивые озера и между ними богатое сказаниями

---

* Историко-статистическое описание Саратовской губернии Леопольдова 1837 г.

Сахарное озеро. Во всяком случае, нельзя представить себе другого более благоприятного пункта для средоточия и столицы господствовавших тогда кочевых народов.

В окрестности Саратова мы видели хорошие огороды и плодовые сады, разводимые преимущественно малороссами. Мы были приглашены вице-губернатором г. Софроновым в загородный сад, устроенный прежним губернатором; в саду отличные фрукты, и уход за плодовыми деревьями превосходен. Среди сада устроен бассейн, из которого при помощи черпального колеса и маленьких деревянных желобов проведена вода к каждому дереву и к каждой гряде. Под каждым деревом небольшая площадка земли держится совершенно чистою от трав.

Большое количество вишнёвых деревьев с отличными спелыми фруктами помещалось в грунтовом сарае без крыши, с целью предохранения их от сильных холодов на зиму на сарае делается крыша из соломенных щитов. Эти деревья дают непомерное количество плодов, но мне говорили, что деревья, воспитанные таким образом, живут не более 30 лет, так как жизнедеятельность в них слишком возбуждается и ускоряется.

Вечером 2 июля мы выехали из Саратова по дороге в Пензу. Но прежде чем я перейду к продолжению описания моего путешествия, я хочу представить некоторыя общия разсуждения о Саратовской губернии, руководствуясь при этом моими личными наблюдениями, сведениями, сообщёнными мне различными чиновниками и, наконец, вышепомянутым сочинением Леопольдова о восточных уездах губернии.

Саратовская губерния разделяется Волгою на две части, из которых часть, прилегающая к левому берегу реки, значительно больше. В простом разговорном языке русские называют южную приволжскую местность *Н и з о в ы м*

к р а е м, и это не без права. Вся обширная страна к северу от Каспийского моря, Кавказа и Азовского моря была, кажется, в доисторические времена морским дном, так что Каспийское и Чёрное моря составляли один водяной бассейн. Безчисленное количество озёр, болот, большая часть рек несут не только солёную, но морскую воду: повсюду встречаются массы морских раковин. Якорь, вырытый в болоте близ Элтонского озера, не служит ещё доказательством того, что тут было морское дно, так как якорь мог попасть сюда и другим каким-нибудь образом, помимо корабля. Во время, когда это место было покрыто морем, вероятно, ещё не существовало судоходства.

Левый берег Волги пересекается отклонами Урала, частью в виде цепи холмов, частью в виде ровной степной возвышенности (Яблоновый Сырт). Местами они покрыты слоем сильного чернозёма, дающего богатые возделанные поля или роскошную степную растительность с толстым высоким дроком. В холмах при трёх маленьких речках Чиша находятся хорошие каменоломни песчаника и известняка. В Новоузенском уезде Сырт очень каменист – на некотором расстоянии его можно принять за развалины и пирамиды.

Далее к югу начинается солончаковая степь; здесь большинство рек несёт солёную, местами солёно-горькую воду (речка Солёногорская обязана своим названием вкусу её воды).

Правый берег Волги ещё за 100 лет был степью. Однако русский народ постепенно колонизировал эту местность, и теперь она вся обрабатывается, хотя далеко ещё не в должных размерах. Местами попадаются ещё небольшие нетронутые степные пространства. Русские тут были, кажется, п е р в ы м и оседлыми земледельцами. Не только местности, но и мелкие речки носят русские названия.

На левом берегу Волги было иначе. Здесь, очевидно, что всё пространство от Казани до Астрахани не только

было занято кочевыми народами, но вдоль Волги и по берегам прочих рек было обрабатываемо и значительно заселено во время господства монголов. Оседлость тут татар доказывается не только развалинами значительных городов (вся полоса по Ахтубе между деревнями Безродное и Колобомчина на расстоянии 85 вёрст покрыта развалинами), но и названиями почти всех мест*.

Однако монголо-татарское царство на Волге распалось, города были разрушены, татарское население не могло более защищаться против разбойнических киргизских и башкирских орд, и теперь только развалины или разрушенная мечеть свидетельствуют об их прошлом господстве. В степи опять воцарилась мёртвая тишина, только от времени до времени по ней проходят кочующия орды.

Так роскошная плодоносная страна оставалась целая столетия без обработки, частями не тронутая человеческой ногой. Тихо летали над ней орлы и коршуны, а осенью прилетали стаи дроф. Только две таинственные дороги шли поперёк всей степи от Волги через Большой Иргиз и маленькую речку Сакмюковку и дальше терялись в безконечной степи, где они ещё до сих пор не прослежены. Дороги испещрены глубокими бороздами, а середина их давно уже заросла толстым и высоким дроком, потому что теперь они редко посещаются. Дорога эта называется Сиротскою дорогой. По ней уходили из России через Урал в Китай, навсегда прощаясь со своим отечеством, преступники, преследуе-

* Леопольдов приводит следующие татарские названия рек: А л ь т а т а от слова *aldate* – быть обманутым, обмануться. У з е н ь от *jusan* – для себя, отделённый. Т а р г у н от *tar* – узкий и *gun* – полоса. Д а р к у л от *dar* – печальный и *kul* – побочная река. Я р у с л а н, вероятно, изменённое *arслан* – лев. Ч а г р а от *tchagr* – напиток (вода этой реки чиста и светла как кристалл, тогда как в большинстве других рек вода мутна и солонa). Д ж у - р а, в правильной форме *Tjuga* – господин. А х т у б а, *Aktuba*: ак – белый, *tuba* – глубокое место, водорот. Т а р л ы к от *tar* – узкий, *luk* – место. Эта река течёт в очень узкой долине. Следующия названия рек также несомненно татарского происхождения: Чартанта, Чулака, Занма, Кучума, Юльюзан, Мазанга, Каметка, Караман Бетуляк, Стерх, Мяс, Иргиз, Куба и пр.

мые, недовольные, религиозные сектанты, все вынужденные или сами пожелавшие покинуть свою родину; они-то дали этой дороге такое печальное название. Пугачёв также вступил на эту дорогу, желая удалиться к дружественным ему киргизам, но ему изменили, и он был схвачен.

Екатерина II задалась мыслию заселить вновь эту плодотворную и благодатную страну. Для постановки прочной точки опоры для обширной колонизации она вызвала сюда большое число немцев. Эти колонии упрочились в течение 10 лет, от 1765 до 1775 года, и заняли пространство от 70 до 100 вёрст длины*. После того как они доказали на себе верность предварительного расчёта, двинулся сюда поток русских переселенцев из внутренней России. Помещики просили отведения им земли и переводили на неё своих излишних крестьян. Государственные крестьяне приходили сюда охотно и селились тут, и теперь ещё ежегодно тысячи человек приходят сюда искать себе новаго отечества и находят его.

Но в первое время все колонии много терпели от разбойнических кочевых народов. Здесь блуждали башкиры и калмыки, а после вытеснения последних их место заняли ещё более дикие киргизы. Седые старики немецких колоний могут многое поразказать об этих разбоях, как колонисты должны были держать постоянную вахту на церковных колокольнях, как они должны были выходить на полевые работы не иначе как все вместе и притом хорошо вооружённые, как при этом всегда один должен был стоять на страже и оглядывать окрестность и как часто им приходилось выдерживать кровавые сражения. В общем, немцы всегда превосходили их своим огнестрельным оружием, порядком и энергиею.

---

* Немецкия колонии оказали большую пользу этой местности России. В них впервые разцвели хлопчатобумажная фабрика, они ввели улучшения во все железная производства, устроили хорошия мельницы, что способствовало развитию значительной мучной торговли с Астраханью и Новочеркасском.

Ещё хуже доставалось русским деревням, расположенным при реках внутри степи. Деревни эти часто бывали разграбляемы, а жителей уводили и продавали в Китай или бухарцам. Мне рассказывали очень милую историю одной молодой девушки из деревни Мостова при Большом Иргизе. Четырнадцати лет от роду она была похищена киргизами вместе с ея тремя сёстрами. Целые месяцы водили они их с собой и мало-помалу подвигались в своём кочевье к китайской границе. За девушками строго наблюдали, держали их связанными, но это не мешало им тосковать о своей родине и о любимой ими матери. Однажды киргизы в один из своих праздников очень перепились к ночи и завалились спать в кибитках; младшая из сестёр подносит к огню часть верёвки, которой она была обвязана, и таким образом освобождается от оков. Она бежит к своим старшим сёстрам, будит их, развязывает и просит бежать с нею вместе, но те отвечают: «Куда мы побежим: в степь, чтоб завтра же быть пойманными и убитыми»? Тогда младшая сказала: «Так я убегу одна, потому что здесь я умру от печали и тоски». Она бежала всю ночь по направлению к западу; утром она легла уснуть. Так прошло несколько дней и ночей. Но кусок хлеба, взятый ею с собой, был давно уже съеден, страшный голод и жажда мучают её; она ест траву, а утром и вечером собирает росу с листьев. К концу августа она достигает, наконец, берега Яика (Урал). Здесь она нашла ежевику и воду. Но как переправиться чрез быструю и широкую реку? Она сплетает из высокога и жёсткаго камыша род плота, разстилает на него своё платье и хочет попробовать переплыть на нём реку; но быстрый Урал вырывает из ея слабых рук только что сделанный плот. С непомерным трудом и терпением она приготовляет второй и действительно переправляется на нём на другой берег. Здесь к безконечной радости своей она наталкивается на ловящих рыбу казаков, которые приняли её, одели и накормили. Но тоска по матери волнует

её снова: она были разделены ещё степью между Яиком и Большим Иргизом. Она отправляется в путь и, боясь кочевых народов, блуждающих по этой степи, идёт только по ночам, отыскивая направление по звёздам, а на день скрывается в высокой степной траве. Наконец, к неописанной радости всей деревни, она возвращается в свою дорогую родину и к своей любимой матери. Там она умерла в 1840 г. 70 лет от роду. Время от времени она получала известия о своих сёстрах, которые жили в Китае, вышли там замуж и имели много детей.

Эти кочевые народы, которых некогда трепетала Европа, основавшие огромное царство на Волге, в последующия столетия переродились в разбойничьи шайки, а теперешние их потомки занимаются конокрадством!

Здесь население быстро возрастает. Число жителей в Николаевском, Новоузенском и Царёвском уездах состояло по 7 ревизии из 177 300 душ, а по 8-ой из 262 563 душ. Впрочем, такое возрастание есть больше следствие постоянного переселения, чем увеличенного народонаселения. Самое худшее, угрожающее этой местности, это недостаток в лесе. Собственно в степных местностях совсем нет лесу, но при реках, например при Большом Иргизе, Яруслане, Ахтубе и др., часто встречаются красивые рощи. До сих пор на них не обращали никакого внимания и нисколько не берегли. Леса на Большом Иргизе ещё 60 лет тому назад были почти непроходимы: теперь они повыврублены, а дубы исчезли почти совсем. Только сохранились монастырские леса да кустарник, отведённый немецким колонистам. С истреблением лесов ухудшается и почва, влага поддерживала до сих пор плодородие. Из лесных пород тут растут: дуб, берёза, осина, тополь (всего больше и притом хороший), ива, татарский клён; хвойных деревьев нет вовсе.

При быстро увеличивающемся населении начинает уже ощущаться недостаток земли. По закону на каждую душу должно быть отведено по 15 десятин, однако теперь

уже редко приходится больше 8 десятин на душу. Я сказал уже выше, что причину этого следует искать скорее в слишком больших и людных деревнях, чем в действительном недостатке хорошей хотя бы и не везде одинаково плодородной земли. В южных и в юго-восточных местностях земледелие стеснено водой. Повсюду при копанье земли выступает вода, но чаще солёная. Деревни должны быть устраиваемы только на хорошей воде. Если б устроить необходимые пути сообщения, сделать маленькие реки годными для судоходства, что в большинстве случаев вовсе не трудно; если бы держать в порядке леса и засеять новые, если б сделать разведывания торфа*, вероятно повсюду здесь находящегося, и воспользоваться им; если б обезопасить эти местности от разбойнических набегов (утверждают, что уральская козацкая линия слишком слаба), – то эта страна, при её плодородии и непомерно выгодном географическом положении, через непродолжительное время стала бы одною из самых цветущих губерний русского государства.

О ведении тут сельского хозяйства было уже сказано. Огородничество процветает преимущественно около Саратова, табачные плантации – в немецких колониях. Тут делались также опыты разведения шелковичных червей, но тутовые деревья вымерзли в одну из последних холодных зим**. Скотоводство вообще ничтожно и не может быть причислено к источникам благосостояния. Естественные луга дают немного сена, а об искусственном травосеянии никто не думает. Летом скот пасётся свободно в степи. Старики говорят, что прежде зимы были теплей и не так

* Напр., около Николаева большая залежи торфа, но здесь до сих пор не умеют его выработать и потому не пользуются им. Жители употребляют его только для огораживания садов и полей.

** На Ахтубе, недалеко от Безродной, под высоким, крутым скалистым берегом находится старинная тутовая роща, искусственно разведённая. Она, очевидно, посажена ещё прежними обитателями татарами, занимавшимися шелководством. Пётр I сделал новые опыты разведения тутовых деревьев. Опыты эти были повторены в 1772 и 1785 годах, однако без значительных результатов.

продолжительны, так что скот мог всю зиму оставаться в поле и хоть как-нибудь прокармливаться. Впрочем, в более южных частях Саратовской губернии скот зимует в поле и теперь. Пастухи строят для него тростниковые хлевы и землянки для себя. Лошади большею частью киргизской породы, маленькие и выносливые, но не сильные; рогатый скот частью великорусской, частью украинской породы. Большая часть овец русской породы с грубою, жёсткою, но чистою шерстью. Нередко попадаются тут также калмыцкия овцы с курдюком, но вследствие климата оне часто вырождаются и теряют курдюк.

Большим источником прокормления и богатства служит рыболовство. Почти все реки и озера непомерно богаты отличными рыбами: карпами, судаком, окунем, форелью, стерлядью, щукой, даже осётры и белуги попадаютя всюду. Рыбы нет только в реках с солёно-горькою водою, как в Чише. Есть деревни, воды которых доставляют рыбы на 15 000 руб. Леопольдов приводит, что один купец в Ахтубе в одну тоню поймал 1600 пудов рыбы.

Оседлое население губернии состоит главным образом из великороссов, затем из малороссов, немцев, татар (опять переселившихся из Казани), мордвинов (также переселившихся из Пензы). По Яруслану лежит несколько колоний ногайских татар, которым правительство выстроило дома, выдало земледельческия орудия и проч. Они, действительно, сеют хлеб, имеют хороший скот, однако, по всей вероятности, сохраняют ещё сильныя симпатии к кочевой жизни, потому что они находятся под постоянною стражею казаков, которые, кроме того, должны поддерживать между ними порядок.

ГЛАВА XVIII

Отъезд в Пензу. — Деревня крепостных мордвинов. — Характер местности. — Деревня Чинаки. — Пенза. — Ботанический сад. — Крепостной цирюльник. — Монография трёх деревень. — Солевка, замёрзшие дубы. — Зинцока, особенное видоизменение крепостнаго права. — Татарская деревня Моссалин, поселение татар, обязанных военною службою. — Татары перед русским судом. — Татарская мечеть. — Различие между татарскими и русскими деревнями. — Русские крестьянские дома и одежда. — Деревни Шереметьева и Уварова. — Тамбов. — Отъезд. — Деревни укрепления против татар. — Олноворчская деревня. — Лысья Гора. — Господин Павлов. — Село Марфино. — Г. Бунин, его барщинное хозяйство. — Коннозаводство. — Битюги. — Г. Филиппов, домашняя ковровая фабрика. — Конный завод в Падди. — Барцево, расположение дворов, сбережение жатвы на чёрный день, одежда. — Ростопчинский конный завод. — Хреновка, конный завод графини Орловой, арабская порода лошадей. — Замечательное гостеприимство. — Бобров, постройка и население в городах, цены за работы. — Воронеж. — Св. Митрофаній, обед в его монастыре. — Г. Тулинов. — Г. Говен, генерал-губернатор Сибири. — Общія замечания о Тамбовской губернии. — Пути сообщения, главнейшая потребность России. — Описания отдельных деревень Тамбовской и Воронежской губерний

В сильный ветер вечером и 2 июля выехали мы из Саратова и утром прибыли в мордвинское село Сухой Карбулан с 500 жителями. Село это принадлежит князю Голицыну. Все мордвины в России свободные люди, и это единственная во всей России деревня крепостных мордвинов. Они добровольно в качестве колонистов поселились на земле князя Голицына и сделались его крепостными.

Горная сторона Волги, которую мы проехали, носит также характер чрезвычайного плодородия, но уже не такой роскошной, почти дикой, луговой растительности. Цепи небольших холмов в большинстве случаев распаханы до самой вершины, а местами покрыты кустарником. Чем более приближались мы к Пензе, тем более увеличивалась лесная растительность; сначала шли тополи и ива, потом берёза, наконец, дуб, который близ самой Пензы образует обширные и красивые леса. Тут опять относительное количество обработанных полей возрастает, качество лугов ухудшается, потому что тут опять довольно правильное трёхпольное хозяйство, хотя без удобрения земли. Луга и пастбища покрыты густой и равномерной травой; деревянистых дурных трав совсем нет. Между прочим, нам попадались низенькие зелёные ковровые лужайки, достойные английских парков.

Дорога оживлена; нам встречались чумаки при больших обозах с солью, а также гурты волов с конными пастухами. Целое стадо киргизских курдючных овец паслось близ самой дороги.

Под Петровским мы переехали Медведицу, первую реку Донского бассейна. Тотчас после дождя грязь действительно стала непроходимой и наши экипажи несколько раз застревали в дороге.

В близлежащей государственной деревне Чинаки я разспрашивал о тех же монографических сведениях, меня интересующих. В этой деревне 180 дворов и 661 душа; при ней 4528 дес. земли. Переселенцам назначено было по 8 десятин на душу. По этому условию тут не хватает теперь земли на 95 душ. Крестьяне владеют лесом, выгоном и лугами на общинном праве. Сенокос делится ежегодно. Севооборот трёхпольный. Земля не выносит удобрения, тут сеется только рожь; пшеница не разводится вовсе. Осимое поле (под рожь) вспахивается два раза, яровое (овёс, греча и просо) – один раз. Разделение полей для выравнивания участ-

ков до такой степени точно, что на каждую душу в каждом поле отведено по 7 различных полосок. Все жители этой деревни исключительно земледельцы и не заняты никакими промыслами: только 12–15 человек уходят на лето в бурлаки. Земля обрабатывается слабо, без напряжения сил. Как мало кладётся тут труда на землю, видно из ничтожного количества скота: во всей деревне едва 400 лошадей, столько же голов рогатого скота и около 3000 овец. Следовательно, на каждую лошадь приходится обработка 11 дес. пашни. В окрестности Магдебурга почва обрабатывается не в пример легче сравнительно со здешней, но и там на обработку от 70 до 90 моргенов нужно 4 лошади. Здесь же на каждые 4 лошади приходится 176 моргенов! При этом ещё нужно взять в расчёт, что немецкия рабочие лошади втрое сильнее и втрое выносливее русских крестьянских лошадей. Кроме того, крестьяне этой деревни не вывозят сами хлеба на рынок, а продают его на месте купцам, доставляющим в деревню железо (по 7 руб. асс. за пуд) и соль (по 1½ руб. за пуд). Во время жатвы рабочий день стоит от 70 коп. до 1 руб. асс., кроме харчей. Летнему рабочему платится, кроме харчей и одежды, от 40 до 50 руб. асс.

Мы прибыли в Пензу утром 4 июля. Город красиво расположен на холме, так что почти с каждого пункта города открывается красивый вид на плодоносную равнину, испещрённую там и сям лесными буграми; местности этой не достаёт только воды, чтоб стать ещё привлекательнее. Саратов красив при взгляде на него извне, – Пенза, напротив, расположена на холме, с которого открываются во все стороны красивые ландшафты.

Город, как и все русские города, состоит из вновь отстроенной части с изрядными церквями на больших площадях, с каменными домами и из старого города с деревянными домами на широких прямых улицах.

Я познакомился с губернатором, тайным советником Пантчулидзевым. Он с отличием делал кампанию

1813–15 годов в Германию и во Францию, получил европейское образование, жил **en grand seigneur** и держал собственную певческую капеллу под управлением дельного регента-немца. Его незамужняя сестра знала немецкий язык как свой родной.

Председатель палаты государственных имуществ Прокофьев недавно только поселился в Пензе и потому мог дать нам только немного сведений о губернии. Он свёз нас в отличный ботанический сад, находящийся под его управлением. Сад расположен на значительном возвышении, занимает весь южный склон его и содержится в отличном порядке. Тут роскошная ананасная теплица с прекрасными плодами, но лучшие экземпляры их вследствие недостатка в спросе продаются по 1 руб. сер. за штуку. Никогда не видел я лучших карликовых вишнёвых деревьев; они были на длинных шпалерах, не выше аршина от земли, и покрыты чрезвычайно большими и красивыми плодами.

Я посетил протестантского пастора г. Гакена, отличного человека, посвятившего себя образованию своей паствы. Он составил библиотеку назидательных книг. Он выписывал из Берлина, за 400 миль, Хенгстенбергскую церковную газету, что указывает на могущество цивилизации, как миазма распространяющегося через печать!

Мы остановились в немецкой гостинице. Я потребовал цирюльника. Ко мне явился молодой человек, изящно одетый и ловко исполнивший мне всё, что надо. То был русский крестьянин. Его помещик отдал его на 13-м году в ученье к цирюльнику, которому заплатил 100 руб. сер. за три года содержания и учения. По окончании учения помещик отпустил своего крепостного цирюльника на оброк; он должен был первые два года внести по 50 руб. сер. в год. Цирюльник, однако, был очень доволен: он легко выработывал деньги на оброк, добывал много, имел покровителей, щеголял, ходил в театр и при всем том был круглым дураком!

Впоследствии я получил некоторыя сведения об отдельных деревнях этой губернии. Я помещаю эти сведения здесь, так как они обрисовывают все сельския отношения нагляднее и вернее, чем общия описания.

1) Деревня Кочелаево в Наровчатском уезде – 358 дворов, 1298 м. душ и 1471 ж. душ*. Пахотная земля, луга, выгоны и лес обнимают около 7000 десятин. Следовательно, на каждую мужскую душу приходится около $5\frac{1}{2}$ дес. Хозяйство трёхпольное. Сеется в озимом поле рожь, в яром – ячмень, овёс, пшеница и полба. Скотоводство состоит из 996 лошадей, 500 коров и 1965 голов мелкаго скота. Жители заняты только земледелием, не ведут никакой торговли и не работают на фабриках. За последние пять лет, от 1838–1843, цены на хлеба колебались следующим образом: за четверть ржи от 7 до 21 руб. асс., пшеницы от $10\frac{1}{2}$ до 25 руб. асс., овса от 1 руб. 75 коп. до $10\frac{1}{2}$ руб. асс., полбы от 5 до $10\frac{1}{2}$ руб. асс.; пуд сена от 20 до 30 коп. сер. Подати – 3 руб. 81 коп. сер. подушных, 24 коп. сер. на содержание сельских властей, 6 коп. сер. в общественный магазин, 3 коп. сер. на общественныя постройки, $61\frac{1}{4}$ коп. сер. мирских сборов, 21 коп. сер. страховаго сбора – всего 4 руб. $96\frac{1}{2}$ коп. сер., или 17 руб. 36 коп. асс. В маленькой школе священника 8 учеников.

2) Деревня Каремша в Нижнеломовском уезде – 78 дворов, 300 м. душ и 332 женских. Они владеют 1178 дес. пахотной земли, 102 дес. лугов, 348 дес. леса. Хозяйство трёхпольное, сеют рожь, ячмень, овёс, гречу, полбу, коноплю и лён. Скота держат – 231 лошадь, 469 голов рогатаго скота и 708 овец. Жители только земледельцы, торговли не ведут. Впрочем, часть их отправляется каждое лето на заработки в Саратовскую и Астраханскую губернии. Средняя цена в последния пять лет, от 1838–1843 годов, на четверть ржи была $10\frac{1}{2}$ руб. асс., а на яровые хлеба – $5\frac{1}{4}$ руб. асс.

* Отчего этот перевес женскаго населения над мужским во стольких деревнях, виденных мною? – Не составляют ли частые рекрутские наборы долю причины этого? У немецких колонистов, освобождённых от рекрутства, мужское население превышает женское почти на 2%.

3) Деревня Старая-Верхняя в Инсарском уезде – 63 двора, 227 м. душ и 291 женских. Они владеют 709 дес. пахотной земли, 40 дес. лугов, 8 дес. выгона, 1037 дес. лесу. Трёхпольное хозяйство. Сеют рожь, овёс, гречу, горох, коноплю и лён. Скотоводство: 130 лошадей. 132 головы рогатого скота, 320 овец, 150 свиней. Жители, кроме земледелия, занимаются некоторой торговлей и зимним извозом.

Цены на хлебы

Рожь, за четверть:

1839 год	14 руб.	98 коп.	асс.
1840 ”	21 ”	98 ”	”
1841 ”	13 ”	65 ”	”
1842 ”	12 ”	25 ”	”
1843 ”	4 ”	72 $\frac{1}{2}$ ”	”

Овёс, за четверть:

1839 ”	4 ”	97 ”	”
1840 ”	9 ”	45 ”	”
1841 ”	3 ”	85 ”	”
1842 ”	6 ”	30 ”	”
1843 ”	2 ”	97 $\frac{1}{2}$ ”	”

Греча, за четверть:

1839 ”	16 ”	97 $\frac{1}{2}$ ”	”
1840 ”	5 ”	98 $\frac{1}{2}$ ”	”
1841 ”	6 ”	65 ”	”
1842 ”	8 ”	75 ”	”
1843 ”	3 ”	50 ”	”

Горох, за четверть:

1839 ”	28	—	”
1840 ”	7	98	”
1841	совсем	не было	в продаже
1842 ”	12	95	”
1843 ”	5	95	”

Какое значительное колебание цен на сельскохозяйственные продукты в течение пяти лет – иногда разница достигает 400 и 500%! И какое неправильное отношение между различными сортами хлеба!

7 июля мы выехали из Пензы по направлению к Тамбову и около 11 часов прибыли в Солевку, поместье гг. Ховриных. У меня было рекомендательное письмо к хозяйке, и нас дружески приняли. Это были высокообразованные люди.

Г. Ховрин – любитель изящных искусств и дилетант, он рисовал необыкновенно хорошо для дилетанта. У него были прекрасные картины итальянских ландшафтов, снятые им с натуры. Дамы, мать и дочь, обе ослепительной красоты, получили универсальное образование и имели изящные манеры высшего общества. Вся семья долго жила в Италии, Франции и Германии и только недавно поселилась в имении. Это было видно по имению, потому что роскошный парк был несколько запущен. Дом состоял из старых и новых частей и потому не был так однообразно правилен, как большинство русских домов. Некоторые комнаты, именно небольшие комнаты дочери, были чрезвычайно хорошо отделаны. Дом выстроен из балок, наложенных одна на другую. В некоторых комнатах стены без обоев, но вытесаны так чисто, как будто обшиты досками. К этому отличная мебель, небольшая изящная библиотека, фарфоровые вазы с отличными цветами, роскошные ковры и т. д. – все как нельзя лучше.

Парк расположен вдоль высокого берега небольшой реки. Здесь я в первый раз заметил то, что видел потом на всем протяжении до Воронежа, именно, что в последние годы большая часть дубов тут вымерзла и высохла. В этом парке больше половины роскошнейших столетних дубов вымерзли частью совершенно, частью только вершины и отдельные ветви их.

Третья станция находится в деревне Зинцока, принадлежащей г. Всеволожскому. Деревня выстроена вновь

и совершенно правильно: прямые улицы, избы в прямую линию на равном расстоянии друг от друга, совершенно одинаковой постройки и, не по русскому обычаю, кирпичные и крытые черепицею. Мы узнали, что деревня отстроена так не после пожара, а просто по воле или прихоти владельца. Он построил все избы по одному образцу и назначил на каждого домохозяина по 300 руб. асс. долгу. С этой суммы каждый из них должен был вносить ежегодно помещику по 21 рублю. Кто не может выполнить этого наличными деньгами, тот должен весною, когда полевые работы ещё не начинались, и осенью, когда они уже кончились, кроме законных трёх дней, быть ещё два дня в неделю на барщине. Эти работы заключаются в рубке леса и в провозе на винокурный завод, отстоящий за три версты. Я уже думал, что это род новых контрактных отношений, которые имел в виду указ 2 апреля 1842 года, но это было не то. Крестьяне, взявшие на себя долг в 300 руб. на семью, не стали через то действительными собственниками домов, но эти дома, как и всё их имущество и как они сами, принадлежат помещику! Поэтому иностранец не может хорошенько понять всю эту манипуляцию. Зачем помещик затрачивал эти 300 руб.? Зачем он не заставил прямо крестьян сделать новые избы по его плану? Или зачем он просто не потребовал с них денег? Всё это не противоречит закону, но несогласно с обычаями страны! Господин не может потребовать от своих крестьян уплаты произвольной суммы денег – такое требование должно всегда опираться на какая-нибудь особенная окольные условия. Повсюду чувствуется необходимость сделать эти отношения правильными, и скоро будет признана неизбежность законного их изменения.

Впрочем, жители деревни зажиточны. У них обширные и хорошие поля, не требующие удобрения. Навоз составляет для них даже бремя, так как при недостатке в лесе они не нуждаются в нём в топливе. Пшеница не разводится

вовсе, а сеют рожь, и притом очень густо, по 2 четверти на десятину. Рожь родится сам-десять. Деревня обрабатывает барщиной в пользу помещика $\frac{1}{3}$ его земли. На каждое тягло приходится обработка $1\frac{1}{2}$ десятин господской земли.

8 июля прибыли мы в большое татарское село Муссалин, имеющее 728 душ. Крестьяне приняли нас радушно, представитель общины и мулла говорили по-русски и отвечали нам на все наши вопросы. Я передаю сведения, мною полученные, без проверки. В них отражаются напряжённые, полувраждебные отношения между татарами и русскими и придают свой оттенок рассказываемым фактам.

Здесьние татары, как и татары всей этой местности, называются ясачными татарами, то есть обложенными военною повинностью. Пётр I позволил одному татарскому мурзе, именем Яруслану, поселиться на этой земле и взять себе самую землю, сколько ему понадобится. Яруслан поселился тут со своими 54 воинами, взял 50 десятин себе, 32 воинам роздал также по 50 десятин каждому, а остальные 22 получили по 30 десятин каждый. Основание этого различия, по-видимому, лежало не в разнице положения воинов, а в разнице их обязанностей.

Земля была отведена жителям раз навсегда в наследственную собственность и наследственно передавалась от отца сыновьям, а не на праве общинного владения по русскому принципу, с равным дележом земли, повторяемым от времени до времени. По смерти отца дом переходил кому-нибудь из сыновей по жребию; земля же делилась в натуре, и каждый из остальных сыновей строил себе особый дом. Поэтому в этих деревнях неравенство между владениями отдельных поселян чрезвычайно велико.

Но кроме этой земли, первоначально данной поселившимся воинам, деревня владеет ещё почти 1500 десятин, которые делятся по русскому правилу – по душам, так что приходится около 2 дес. на душу. Эта земля досталась им следующим образом: рядом с их наследственными

ми землями лежали поместья нескольких татарских мурз, населённые русскими крепостными крестьянами. Когда издан был указ о том, что нехристиане не могут владеть крепостными людьми христианской веры, то эти мурзы, не захотев принять христианства, должны были лишиться своих крепостных людей. По западноевропейским понятиям можно было бы подумать, что мурзы, отпустив своих крестьян, будут сами обрабатывать свои земли, нанимая работников, или поселив на них татар. Но тут сказалась сила традиционной идеи, общей всем крепостным крестьянам в России: *«Я принадлежу барину, а земля принадлежит мне»*. Крестьяне остались на земле, а мурзы должны были, лишившись крестьян, лишиться и земли. Семь лет крестьяне были свободны, а затем Екатерина II подарила их генералу Шепелеву, который только с помощью военной силы мог заставить их признать его помещиком. Вследствие противодействия крестьян г. Шепелев переселил большую часть их в другия свои имения, а на место их перевёз крестьян из тех имений, и притом много большее число людей против выселенных отсюда; он наделил их землёю всех поровну, причём захватил много земли, принадлежавшей соседним татарам деревни Мусалин. Кроме наследственной земли, принадлежавшей отдельно каждому дому, татары владели ещё обширными пастбищами, от которых г. Шепелев и захватил немалую часть. Однако татары начали с ним процесс, успели оттягать у него часть спорной земли, которую всю они показали в 11 000 десятин, а на остальную часть процесс длится ещё и до сих пор в уездном городе Чембарах. Мурзы, живущие и теперь в этой деревне и ничем не отличающиеся от остальных татар, заявляли также, с большим или меньшим успехом, претензии на их прежняя земли и до сих пор продолжают вести процесс! Оттягнутой таким образом землёю крестьяне решили владеть по русскому общинному праву, то есть делить её по душам.

В деревне три мечети, которыя по наружному виду более походят на немецкия, нежели на русския сельския церкви.

В прежния времена татары в случае каких-либо споров никогда не обращались в русские суды. Не так давно это изменилось, по крайней мере, в этой местности. Русские судебныя места вообще не пользуются репутацией строгой справедливости и законности; но, может быть, Чембарский уездный суд, ведению котораго подлежат эти татарския деревни, заявил на деле нелицеприятие и справедливость? Должно быть, потому что татары часто обращаются теперь к нему со своими жалобами, которыя разрешались прежде муллами. В настоящее время муллы ведают только оброчныя и наследственныя дела; если же последныя слишком запутанны, то с ними обращаются в русские суды. Мы слышали об одной бывшей в Чембарском уездном суде тяжбе татар по наследству. Умирает татарин, оставляя после себя жену, девочку-приёмыша. По завещанию всё имение переходило к приёмышу. Пока вдова была жива, не возникало никаких разногласий, так как она любила девочку как свою собственную дочь. Но по смерти вдовы на всё имущество изъявили притязания родственники вдовы, родственники ея мужа и приёмыш. Первые хотели покончить дело у муллы, но обе прочия партии заявили свои права в Чембарский уездный суд, где процесс длится ещё и теперь.

Муллы пользуются землёю наравне с прочими крестьянами деревни, но получают небольшую определённую плату со двора.

Через несколько часов мы разстались с добрыми, гостеприимными татарами и поехали в уездный город Чембары. Мне бросились в глаза непомерно обширныя поля с гречихой, которая сеется тут на тяжёлой почве, тогда как в моём отечестве её разводят только на тощей песчаной почве. Поля здесь повсюду перемежаются небольшими рощами или кустарником, что придаёт приятный вид всей местности.

Татарския деревни с перваго взгляда легко отличаются от русских, и больше самым расположением деревни, нежели постройкой изб. Татарския деревни представляют безпорядочныя группы домов, тогда как русския деревни сохранили и здесь прямолинейность своих улиц.

Путешественнику бросается в глаза в этой местности особенно бедныя и маленькия избы. Они уже нисколько не похожи на богатыя, просторныя избы Вологодской губернии. Это происходит от недостатка в лесном матерьяле, и кроме того, южнорусские крестьяне, несмотря на их зажиточность в этой местности, не имеют вкуса к просторной и удобной жизни.

Одежда, особенно женщин, отличается здесь несколько от прочих. Женщины часто носят на голове повязанный красный платок, а сарафаны повязываются ниже груди, обозначая, следовательно, талию. Мы встречали очень красивых женщин. Мужчины носят рубашку, подпоясываемую сверх панталон, но не розовую ситцевую, а из белой холстинки, вышитой пестро на рукавах и вороте.

Мы проехали уездные города Чембары и Кирсанов, оба они непривлекательны, однако второй получше перваго.

Мы проезжали через большое село Шереметева, Паин, с 2300 мужских душ. В селе целыя улицы отличных домов, между ними большые каменные дома с колоннами и балконами, крытые железом. Тут значительная торговля скотом и салом. Г. Шереметев самый богатый помещик России, особенно гордится богатством своих крепостных крестьян; и действительно, он владеет многими крестьянами-миллионерами! В Биручинском уезде ему принадлежит село Алексеевское с 32 000 душ. В этом селе есть крестьяне, владеющие поместьями с 600–700 крепостных людей, записанных на *имя* Шереметева (потому что по русским законам крестьяне не могут купить именья или крепостных людей на своё имя). Г. Шереметев не препятствует своим крепостным приобретать недвижимую собственность и не вызы-

шает оброка с богатых людей. Он редко отпускает на волю кого-нибудь из своих крестьян, да большинство из них и не желают этого, так как помещик защищает их больше, нежели чиновники, по крайней мере, до последнего времени. Некоторые крестьяне, нуждавшиеся по особым причинам в свободе, охотно платили за нее от 80 до 100 тыс. руб. Г. Шереметеву же принадлежит и русский Манчестер, село Иваново, которое одно даёт работу на хлопчатобумажных фабриках 42 000 человекам и вырабатывает ежегодно 900 000 кусков бумажных материй на сумму 23 400 000 руб. асс.* Он никогда не притеснял своих крестьян и получает с них оброка менее, нежели что платят государственные крестьяне, но вряд ли не позволяют себе приближённые к г. Шереметеву лица притеснять крестьян. Кроме того, мы слышали, что в его деревнях богатые крестьяне эксплуатируют бедных.

Затем мы проезжали одну уваровскую деревню. В ней нет слишком богатых домов, но все жители ея должны быть *равномерно* зажиточны. У графа Уварова в этой местности 12 деревень с 5000 душ, и у них 38 000 десятин пашни. В этой богатой стране можно считать доход с тягла в 200 руб. асс. Один помещик на луговой стороне Волги получает с 300 душ от 80 до 100 тыс. руб. асс. доходу!

Около 7 часов утра 9 июля мы приехали в Тамбов. Я пробыл тут только до обеда и за отсутствием губернатора познакомился с вице-губернатором Замятиним и несколькими купцами. Здешние купцы нанимают на год большие земли, часто за 30–80 вёрст от города, обрабатывают их наймом, сеют просо и, нередко, снимают 40 зёрен. Просо стоит тут от 10 до 12 руб. асс. за четверть. Таким же образом сеется тут конопля, лён, а ещё более мак, но под него земля удобряется. В последние годы некоторые купцы снимали по 40 000 четвертей маку и продавали его от 25 до 40 руб. за четверть. В урожайные года цена ржи падает до 2–3 руб.

---

* Смотри книгу Кёппена: О городах России и особенно о населении в них, стр. 4.

асс. за четверть, а в голодные года (как было, например, в 1838 году) она доходит до 28 руб. асс. за четверть.

В три часа я выехал из Тамбова в Липецк. На первой станции, Лысья Гора, я пробыл несколько часов для отобрания нужных сведений.

Деревня эта находится на древней границе Московского великаго княжества. За несколько вёрст до деревни дорога шла вдоль стараго високаго вала и глубокого рва. Вал и теперь ещё почти полуторасаженной вышины, а ров такой же глубины. Через каждые 400–500 шагов находятся более широкия круглыя площадки, называемыя башнями, хотя теперь на них нет никаких следов камня или стены. Мне говорили, что этот вал тянется от 500 до 600 вёрст, от Царицына на Волге до Усмана, а может быть и далее, и что он служил прежде для удержания татарских набегов. Наш ямщик рассказывал, что за 10 вёрст отсюда перед валом большая широкая площадь, на которой помещалась крепость одного древняго царя, и что вал возведён в защиту от черкесов. Так живое предание заменяет одно имя другим! Теперь в русском народе давно уже исчез страх к татарам, а о черкесах каждый слышал ещё свежие рассказы.

Великие князья заселяли на этой границе для ея ограждения крестьян, обязанных к военной службе. К таким крестьянам принадлежали предки нынешних обитателей Лысьей Горы. Они рассказывали нам, что в Загорской волости их 12 деревень с 7000 мужских душ, «все однодворцы чистой дворянской казацкой крови». Прежде они никогда не смешивались с соседними крестьянами, не вступали с ними в брак, да и теперь это случается редко, так глубоко лежит аристократизм в крови всех народов! Их привилегии и грамоты на переселение хранятся в Тамбовской палате государственных имуществ. Они платят только подушныя, не внося никакого оброка, так как земля принадлежит им в собственность. Но *только этим* они и отличаются теперь от остальных русских крестьян. Земля делится у них по рус-

скому общинному принципу, то есть подушно. Прежде земля давалась им не поровну, а смотря по заслугам отдельных лиц, но теперь это осталось только в предании.

Как уже сказано, они называют себя однодворцами, но от последних они отличаются существенно. Однодворцы в северной России живут отдельными дворами, которые вместе с принадлежащею ко дворам землёю составляют их собственность, однодворцы не стоят в связи с общиной и не участвуют в подушном дележе земли. Эти же крестьяне, называющие себя однодворцами, не только пользуются личною свободою, как государственные крестьяне, но и избавлены от всякаго оброка и службы. Таких крестьян в России много, и к ним принадлежат все казаки.

В деревне Лысья Гора считается 647 душ, на каждую душу приходится 7 дес. пашни. Земля хороша и удобряется только под огород и посев конопли. Хозяйство трёхпольное, в озимом поле рожь, в яровом – греча, овёс, просо и лён. Солома идёт на отопление, кизяк не употребляется. Некоторые тамбовские мещане нанимают тут избы за 150 руб. асс. и держат постоянные дворы; у бедных крестьян они же арендуют их участки земли. Леса совсем нет; лес для постройки берут за 80 вёрст, и поэтому крестьянская изба обходится обыкновенно в полторы тысячи рублей ассигнациями.

Вся местность носит здесь особый характер. В деревнях перед каждой избой растут деревья, преимущественно ивы, дороги обсажены также ивами. В огородах везде посажены ивовые черенки. Часто попадаются красивые плетни из ивовых прутьев, даже большая часть стен строений, кроме жилых изб, плетнёвыя. Хлева, подобно татарским аусликам, представляют открытые сараи с плетёными стенами. Живых изгородей я нигде не видал, вместо них тянутся безобразные заборы, сделанные из навоза с землей. Дома выходят на улицу широкой стороной, посредине которой входная дверь. Крестьяне живут, как и в северной России, на известной высоте, оставляя внизу избы помеще-

ние для скота. Поэтому к жилью ведёт лестница, наверху которой обыкновенно бывает или открытая, или закрытая площадка, род балкона, перед которым растёт несколько деревьев; на этом балконе летом вся семья почти постоянно живёт, тут стоят скамьи и столы, здесь сходятся соседи, молодежь поёт песни. Весь характер жизни носит на себе жаркий, южный отпечаток.

Мы проехали уездный город Козлов, ведущий значительную хлебную торговлю; поэтому жители тут зажиточны и даже богаты, город выстроен хорошо, даже изящно, и есть слабые попытки к мощению улиц. Город красиво расположен на возвышении. Окрестная земля плодородна, но безлесна.

Последняя станция перед Липецком помещается в красивой и правильно выстроенной деревне Семёновке, принадлежащей тамбовскому вице-губернатору Замятину.

Я слышал, что несколько лет тому назад деревня сгорела и по приказанию владельца все избы выстроены вновь по одному плану, выложены кирпичом и выбелены. Весь материал был дан владельцем, и постройка деревни обошлась собственно деньгами по 150 руб. асс. на каждый двор. Это небольшая деревня с 26 тяглами. Половина поля у крестьян, а другая половина под помещичьим хозяйством. На тягло приходится по три десятины в каждом из трёх полей. В озимом поле сеют рожь, в яровом – гречу, ячмень и овёс. Хозяйством помещика заведывал немец, от которого я и собрал все эти сведения. На помещичьей земле ведётся десятипольное хозяйство. Крестьяне работают на барщине 3 дня, и, кроме того, обложены курами, яйцами и холстом. Большая часть тягол принадлежит большим семьям и потому имеют излишние рабочие силы. Вследствие этого зимой, когда нет надобности во всех барщинных работниках, помещик отправляет часть их в Липецк к соседним купцам для молотбы хлеба с платою, кроме содержания, по 38 руб. асс. за человека. Эти деньги, всего

около 800 руб. асс., владелец отдал в общественную кассу, на случай какого-нибудь несчастья. У г. Замятина в этой местности три деревни с 500 душ, с них он получает до 28 000 руб. асс. годового дохода.

В окрестности большая часть деревень заселена однопольцами вышеописанного рода, которые могут располагать своей землей свободней прочих русских крестьян. Этим пользуются купцы соседних городов и нанимают у них, равно как и у помещиков, имеющих много земли и мало рабочих рук, часть поля, по возможности, на продолжительные сроки. Они платят за здешнюю большую десятину (в 3200 кв. саж.), тогда как казённая десятina равняется 2400 кв. сажень от 10 до 12 руб асс., строят небольшие избы для надсмотрщика и ведут все работы наймом. Тут следующие цены работ:

– вспахать и заборонить десятину в первый раз стоит 5 руб. асс., во второй раз – 3 руб. асс., засеять 3 руб. асс., сжать рожь от 15 до 18 руб. асс., овёс от 18 до 20 руб. асс., за молотьбу (с копны выходит около четверти зерна) 1 руб. асс., все эти цены на готовых харчах. Рожь срезывается серпом, вымолачивается, и затем уже сушат зерно. Хлеб продаётся в Маршанск, Козлов и Тамбов, а остальной везётся в Москву за 460 вёрст сухопутьем. В прошлый, дорогой год платили за доставку хлеба в Москву по 1 руб. 75 коп. асс. с пуда. Одна лошадь* везёт около 20 пуд., делая путь взад и вперёд обыкновенно в 14 дней. Из Москвы крестьяне привозят товары для купцов. Извозчик, живущий достаточно, тратит на себя ежедневно на постоялых дворах от 50 до 60 коп. асс., более бедный расходует только 10 коп. асс. Если извозчики ничего не спрашивают на постоялом дворе, то хозяева стали в последнее время брать с них за постой, чего прежде не было в обычае. Сено и овес обыкновенно очень дороги на постоялых дворах. Впрочем, летом извозчики большею частью не останавли-

* Цена здешней обыкновенной лошади 50 руб. асс., коровы 35 руб. асс.

ваются в них, а располагаются в открытом поле. Мы повсюду встречали малороссийския фуры, расположенныя большими группами возле дороги.

10 июля около 11 часов прибыли мы в город Липецк и остановились в доме одного купца. Издали город чрезвычайно красив. Поднявшись на возвышение, мы въехали в длинную, прямую, хорошо вымощенную улицу, обстроенную с обеих сторон красивыми, большею частью одноэтажными домами, из которых почти все украшены балкончиками на колоннах; с этих балкончиков идут спуски в небольшие палисадники, выходящие на улицу и отделённые от нея железными решётками. Вверху при въезде вдоль южной стороны улицы тянется железная решётка, принадлежащая отличному парку, с роскошными группами дерев*. Этот парк расположен позади домов и переходит красивую долину, на которой находятся лечебные источники, купальни, рестораны и лавки. Вся эта часть города чрезвычайно изящна, и можно подумать, что находишься не в России вблизи Дона, а где-нибудь недалеко от Гамбурга! Однако в конце главной длинной улицы дорога спускается вниз в совершенно русский город с обыкновенными деревянными домами, небольшим базаром и грязными немощёными улицами; несколько подалее город переходит в обыкновенную русскую деревню. Разница поразительна между этою и верхнею частью города.

Уже сказано, что здесь целебные источники**. Источник этот открыт Петром I. В память ему тут поставлен обелиск одним богатым купцом. Вода по своему составу подходит к Пирмондской воде. Сорок или пятьдесят лет тому назад слава ея целебности очень распространилась.

---

* Здесь, так же как и в Пензе, я видел, что большая часть дубов вымерзла в одну из последних зим. Особенно пострадали дубы, росшие на южном склоне холма.

** Есть немецкая книга Д. Р. (Раупаха?): Поездка из Петербурга на Липецкия минеральныя воды. Бреславль. 1809. О Липецке в ней говорится немного, но она содержит в себе очень меткия замечания о русском народном характере.

Воды не долгое время были в моде, скоро слава их поникла, и теперь они составляют почти только место прогулки для чиновников и соседних дворян*. Но некоторые черты жизни на минеральных водах ещё сохранились: вечерняя прогулка, порядочная музыка, общественный зал. Гостиница отвратительна: русские дворяне приезжают со своими кухнями и радушно угощают каждого приезжаго. Это случилось и с нами, мы только первое утро ели очень скверно и дорого, а затем нас отыскал один из тех *gagson*, которые обыкновенно бывают на всех минеральных водах. Навязчивый, любопытный, неутомимый, вежливый, добродушный, он буквально охотился на нас, делал стойку, пока не подстрелил нас, как свежую дичь! Он всюду водил нас и со всеми перезнакомил. Директор вод сделал для нас обед, вечером был задан бал и т. д.! Что сказали бы геродотовские скифы, если б они вышли из своих древних уединённых степных могил и взглянули бы на наши пиршества на их древней родине.

Железная руда тут богата и хорошаго качества, куски ея повсюду видны снаружи. Но разработка ея прекратилась по случаю недостатка в лесе. Тут есть признаки каменноугольной залежи.

Так как я уже несколько месяцев был в дороге, то мне нужно было остричь волосы. В Липецке был парикмахер, старик-француз, уже более 30 лет живущий в России. Он немного мог мне рассказать, однако он умел делать наблюдения и размышлять над тем, что касалось его ремесла. По его словам, во всей северной России волосы у женщин очень тонки и не эластичны, что происходит от частаго мытья их горячей водой, поэтому они негодны для париков. Петербургские и московские цирюльники выписывают волосы для париков из южной России. Недалеко от Астрахани есть большая деревня, которой женщины славятся отличными волосами. Оне никогда не моют их го-

* Запрещение азартных игор убило все минеральныя воды в России.

рячей водой, а мажут их особыми маслами, способствующими сильному росту волос и придающими им отличный блеск и эластичность. Косы у них спускаются до земли, и после обрезки года в два оне вырастают опять также.

Мы были адресованы к одному чиновнику министерства государственных имуществ г. Павлову, который всячески помогал нам в наших исследованиях. Он сообщил нам, что в нескольких часах езды от города министерство основало центральную образцовую ферму. Положение ея очень выгодно, земля, в количестве 1200 десятин, имеет три различные почвы: тощий, песчаный грунт, песчаный чернозём и, наконец, чистый чернозём в два аршина глубины. На ферме достаточное количество леса и хороших лугов. Г. Павлов показывал нам планы и чертежи, но так как до сих пор обработанной земли ещё не больше 50 десятин, а проектированные постройки ещё не возведены, то я отказался от поездки туда.

Мне передавали, что в этой местности очень много однодворцев. Большинство их принадлежит к описанному уже выше роду однодворцев, поселённых тут для защиты границы Московскаго великаго княжества; в Тамбовской палате государственных имуществ должно быть множество древних документов на это. Но, кажется, значительное число этих однодворцев при посредстве раздела, купли и продажи и т. д. сделалось теперь уже полными землевладельцами. Остальные вступили в общины государственных крестьян, участвуют в дележе земли, платят обыкновенный оброк и ничем не отличаются от прочих государственных крестьян. Только и есть, что предание об их происхождении, но и они до сих пор называют себя *дешёвыми* *однодворцами*. Но кроме этих, тут немало и настоящих однодворцев, происшедших от разжалованных дворян. Пётр I разжаловал их за то, что они отказывались служить, и приписал их к однодворцам. Между ними встречаются члены лучших и знатнейших фамилий России, например,

Голицыны. В настоящее время они ничем не отличаются от крестьян, однако некоторые из них владеют крепостными. Между однодворцами и государственными крестьянами нет сословного различия: каждый государственный крестьянин или крепостной, отпущенный на волю, может записаться в однодворцы, как скоро приобретёт в собственность землю.

Начавши говорить об однодворцах, совершенно естественно перейти к мелкопоместным дворянам. Последних в этой местности огромное число. В некоторых деревнях 10–15 владельцев. Есть помещики, владеющие двумя тяглами. Почти все они в неоплатных долгах. Прежде опекунский совет выдавал по 250 руб. за душу, со времени же женитьбы наследника* цифра эта увеличена до 300 рублей. Вследствие этого долги помещиков ещё более возросли. Было бы очень желательно, чтобы правительство скупило все эти мелкие владения с приписанными к ним крепостными людьми, потому что мелкопоместные дворяне составляют истинное несчастье страны, наибольший гнёт крепостных людей**!

Рано утром 12 июля я выехал из Липецка с г. Павловым. Я решил осмотреть интересное хозяйство г. Бунина, дяди г. Павлова, и знаменитые конные заводы по р. Битюгу, и поэтому оставил прямой тракт на Воронеж.

Мы ехали между отличными хлебными полями. Дорогой мы часто встречали красивое растение вайд, растущее тут в диком состоянии. Тогда как в Пензенской губернии вовсе не сеется озимая пшеница, а разводится только немного яровой пшеницы (главный хлеб на луговой стороне) и греча, а в Тамбовской главный хлеб рожь, — здесь начинает встречаться озимая пшеница, а ещё южнее

* Писано в 1847 году.

** Прежняя покупка и продажи в этой местности всегда ограничивались числом душ, ценились только души, теперь же при продаже обыкновенно упоминают, что в имении находится столько-то десятин земли и такое-то количество крестьян. Это знак того, что земля получает свою ценность, тогда как прежде ценился только труд крепостных людей. При таких покупках платят от 400 до 500 руб. за душу, если при ней от 5 до 6 десятин земли.

она делается господствующим хлебом. Красный клевер растёт тут везде в диком состоянии, а на лугах он совершенно заглушает все другие травы. Я слышал, однако, что разводимый искусственно он родится только один год. Тут должен отлично произрастать яровой рапс, но на масло из него мало спроса, крестьяне употребляют в посты конопляное масло собственного изделия, притом последнее они больше любят и находят его вкуснее, для освещения же крестьяне употребляют сало, которое здесь ещё дешевле растительных масел.

Г. Павлов рассказал мне, что вдоль реки Битюга образовались лучшие и значительнейшие конные заводы России. Тут не только огромные заводы графини Орловой, отличные заводы графа Ростопчина, графа Орлова и т. д., но почти каждый здешний помещик держит большего или меньшего размера конный завод, наконец, даже и крестьяне разводят лошадей в очень обширных размерах. Тут и крестьяне продают лошадей за 600–700 руб. асс., а 300 руб. асс. — это самая обыкновенная цена здешней лошади на месте. Эти лошади отличаются ото всех северорусских пород большою силою и выносливостью в перевозке тяжестей. Тогда как обыкновенная крестьянская лошадь, как мы видели и в имении г. Замятина, в нескольких верстах от Липецка, везёт 20 пуд., здешняя лошадь везёт по обыкновенной не очень дурной дороге 170 пудов.

Большая часть помещичьих крестьян в окрестности Липецка состоит на барщине, однако многие находятся и на оброке, именно крестьяне крупных землевладельцев, как, например, князей Голицыных. Оброчные крестьяне большею частью очень богаты.

12-го июля ст. стилия я встретил в первый раз воза с новою рожью нынешняго года. В средней и северной Германии уборка хлебов начинается в те же числа. Сенокос был уже совершенно окончен. Я видел здесь много конопли, но мало льну.

Кирпичи выжигаются тут в открытом поле в печах, отапливаемых соломой. Я бы никак не думал, что солома может дать жар, достаточный для обжига кирпичей, и я полагаю, что тут главное дело в особых приёмах.

Несколько очень неправильно построенных однодворческих деревень представляли не блестящую картину. Здешние однодворцы не особенно хорошие хозяева, напротив, они очень ленивы и ничего не делают. Прежде они часто сдавали свои земли купцам соседних городов, которые обрабатывали их вышеописанным образом. Теперь это запрещено, и потому однодворцы оставляют пустовать ту часть земли, которую не могут сами обработать. Вследствие этого даже незначительные подушные подати остаются в недоимках целыми годами. Тогда полиция стала сдавать пустующую землю с торгов на продолжительные сроки (на 10 лет), причём на круг десятина пошла в 7 руб. 6 коп. асс. Но такие распоряжения не должны быть одобряемы правительством, так как они дают повод к всевозможным обманам и подлогам.

В деревнях, через которые мы проезжали, мы везде видели вышеописанные уже балконы или крыльца, частью открытые, частью под крышами. Что на этих крыльцах крестьяне почти исключительно живут летом, видно из того, что в углу крыльца висит образ, неизбежный в каждой жилой комнате.

Ещё до полудня приехали мы в село Марфино – имение, принадлежащее г. Бунину и гг. Павловым. Это хорошая патриархальная русская семья. Никто в ней не предъявлял диктаторских прав на первенство, и, несмотря на то, в ней царствовали полное согласие и порядок, и только по почтению, с которым относились к г. Бунину младшие члены семьи, можно было узнать, что он собственно глава этой семьи. Г. Бунин был женат, но не имел детей, г-жа Павлова была его сестрой, и у ней 5 или 6 человек детей. Гг. Бунин и Павлов научно образованные люди. Во всём

доме царствовало тонкое обращение и европейское образование. Можно было видеть, что это богатые люди: везде комфорт, но ни малейшей роскоши. Самый дом принадлежал к обыкновенным русским дворянским домам – одноэтажный, из горизонтально наложенных балок, но обширный и удобный. В русских дворянских домах вовсе не существует принцип, который выполняется при постройке немецких домов, именно в последних все главные комнаты должны иметь выход в сени или в коридор, только кабинет может помещаться в углу дома или в отдельной пристройке (перед залой же находится особая комната, которая соединяет первую с общим коридором). В русских домах входная дверь, большею частью двойная, вводит прямо в обширную комнату или в маленькую переднюю, все же комнаты проходные, так что часто нужно пройти 5–6 комнат, чтоб попасть в седьмую. Такое расположение домов вытекает из устройства самой жизни русской семьи. В сенях, или в передней, живёт прислуга (конечно, мужская: женской прислуги очень мало, и посторонний никогда не видит ея.). В передней нет стульев, редко стоит стол, а вдоль стен тянется широкий залавок. Несколько отдельных комнат заняты обыкновенно самим хозяином, одна комната – хозяйкой; все же остальные, то есть наибольшее число их, служит обоим; все двери в них всегда открыты, и можно свободно переходить из одной комнаты в другую. В северной России зимой отапливаются не одна или несколько комнат, а весь дом, сверху донизу, не исключая сеней и лестниц. Русские умеют устраиваться зимой, и действительно, для зимы нет ничего более удобного русских домов в Москве и Петербурге.

Этот образ домашней жизни – общественная ее форма для всех членов семьи, где только глава дома пользуется правом иметь отдельные комнаты, указывает на принцип всего русского народа, русской общины, русской семьи: равенство и общинность всех под началом старшего, главы.

Г. Бунин вёл сельское хозяйство на основании рациональных начал и большой практической опытности. Он нашёл соответственным здешним местным условиям ввести у себя голштинское хозяйство. Поэтому я видел здесь то, чего нигде не видал в остальной России: большинство полей было огорожено живой изгородью по валу, остальные обведены загородкою от потравы скотом. Основной принцип хозяйства заключался в том, чтобы как только возможно часто менять сорта хлебов на поле, а между ними (но не каждые три года) оставлять чистый пар с двукратной распашкой поля. Земля удобряется сильно, от 2000 до 3000 пуд. навозу на большую десятину. Плодоперемежность следующая: пар с сильным удобрением, затем первый год – озимая пшеница, второй – просо и ячмень, третий – чистый пар, четвертый – рожь, пятый – греча, шестой – пар, затем весной удобрение и посев картофеля, седьмой – яровая пшеница, осьмой – овёс, девятый – пар с полным удобрением и опять сначала.

Такое хорошо устроенное хозяйство должно давать вдвое более соломы сравнительно с обыкновенным крестьянским хозяйством этой местности. Но более чем сомнительно, чтоб это хозяйство было в той же степени выгодно, и я был бы готов считать г. Бунина за жертву знания и улучшения земледелия, если б ему не служили пособием некоторые промысла, как, например, маленький, но отличный конный завод и др.

Г. Бунин добился того, что его крестьяне до известной степени переняли у него способ хозяйствования, по крайней мере, они удобряют землю под озимую пшеницу; но для окружающих крестьян и даже для соседних помещиков пример его не имеет до сих пор ровно никакого значения. Не указывает ли это на предположенную мною малую доходность этого хозяйства?

Мы видели тут удивительную озимую пшеницу. Г. Бунин считает, что в этом году она даст 25 зёрен. У него засея-

но на нынешний год от 75 до 80 десятин озимой пшеницы, и он думает, что сбор ея даст ему 25 000 руб. асс., считая четверть по 13 руб. асс. Здесь в употреблении всевозможны замечательныя земледельческия орудия, молотильныя машины, альтенбургския плуги и т. д. Уже сказано, что искусственное разведение здесь красного клевера неудачно, но тем роскошнее удаётся тимофеева трава.

Крестьяне г. Бунина зажиточны. Они на барщине, но г. Бунин самым точным образом определил их обязательную работу. Крестьяне обязаны работать три дня в неделю, однако каждому рабочему точно определяется и предписывается, что он должен сделать: например, в рабочий барщинный день полагается вспахать полдесятины или скосить половину большой десятины ржи или половину казённой десятины овса или сена. Женщина должна в день сжать и связать два ряда, по 4 крестца в каждом ряду, по 13 снопов в каждом крестце. Крестьяне прилежны, работают скоро, оканчивают обыкновенно свои уроки к половине дня и большею частью из трёх дней выгадывают себе целый день, так что работают вместо трёх дней два дня в неделю. Владелец и крестьяне стоят в хороших отношениях друг к другу.

Если бы русскому правительству удалось определить так точно барщинную работу, то в данное время это было бы более желательно, нежели уничтожение крепостного права. Величайшая задача настоящего времени заключается в обуздании личного произвола помещиков, в ограничении его законом, *в действительном исполнении послѣдняго* и в развитии чувства законности во всех классах русскаго общества.

После полудня мы осмотрели конный завод г. Бунина, состоящий из 100 маток. Тут разводится порода орловских рысаков, и мы видели отличных лошадей с здешняго завода.

Ещё интереснее для меня сведения о разведении лошадей крестьянами вдоль реки Битюга. Лошади эти из-

вестны во всей России под именем битюгов. Мы видели многих из них. Они не очень велики, редко выше 2 арш. 3 вершков, грудь у них чрезвычайно широкая, какая только бывает у бельгийских и французских ломовых лошадей, крестец несколько крутой, вообще лошади очень длинны. Ширина груди обуславливает величину промежутка между передними ногами. Масть обыкновенно гнедая или рыжевато-саврасая. Сила, выносливость и скорость езды этих лошадей невероятна. Хороший битюг везёт в довольно крутую гору 140 пуд., а по ровной дороге 180 пуд.; они легко переносят 60, 70 и до 80 вёрст пути с одной кормёжкой, а мне рассказывали об одной лошади, сделавшей 120 вёрст в 15 часов без кормёжки. Лошади эти стоят тут на месте от 300 до 500 руб. асс. Если их не рано пускать в работу, то есть не раньше пятого года, то они живут очень долго, 25 и 26 лет.

Мы пили чай с семейством нашего хозяина в саду, который расположен и содержался лучше всех садов, виденных мною в русских дворянских усадьбах: отличный выбор цветов и роскошные кустарники. Затем мы поехали за несколько миль в имение г. Филиппова, зятя г. Павлова. Я заметил, что полы во всём доме у него обиты коврами, и я узнал, что ковры эти под наблюдением хозяйки дома ткутся дворовыми и крестьянскими женщинами. Таких домашних фабрик под руководством дворянских жён очень много в Тамбовской губернии. Здесь, как и вообще в России, я мог заметить, что музыка гораздо менее развита между русскими дамами, нежели между немецкими: первые, напротив, очень охотно занимаются рисованием и живописью.

Рано утром следующего дня поехали мы дальше. Я видел тут в первый раз большие стаи дроф. Охота за ними должна быть очень интересна. Было отличное утро: на Битюге, который мы раза два переезжали через мосты, лежали красивые виды; местность легко холмиста с красивым кустарником и лесом.

Мы достигли Падди, где граф Алексей Орлов поставил новый конский завод, рассчитанный на 500 маток. Постройка быстро подвигалась к концу. Длина главного здания по фасаду равнялась 300 сажням. Все строения кирпичные. Мы слышали, что 100 (1000?) кирпичу стоит тут на месте 12 руб. асс.

В деревне Барщово мы остановились. Дворы деревни не образовывали прямых улиц, а лежали в беспорядке. Тут уже очень заметен в расположении и постройке дворов переход к малороссийскому типу. Только жилые избы бревенчатые, все остальные постройки плетнёвые. Жилая изба состоит из сеней, обыкновенно плетнёвых, и избы с обыкновенными палатами для спанья. Двор большею частью окружён плетнёвыми навесами. Богатые крестьяне имеют по несколько закрытых дворов, один за другим или подряд, каждый для особаго рода скотины, – так один двор для лошадей, другой для рогатаго скота и т. д. У одного крестьянина я насчитал пять таких дворов. Избы выходят обыкновенно широкой стороною на улицу и снабжены вышеописанными балконами. Большею частью на улицу выходит одно небольшое окошко и рядом с ним одна продушина без рамы.

Почти у каждого крестьянина сберегается на дворе запасный годовой сбор хлеба, «на чёрный день» по его выражению. Повсюду видели мы хорошие фруктовые сады, и также везде находили мы в них цветы – признак возрастающей цивилизации.

Летняя одежда мужчин состоит из белых широких шаровар и белой полотняной рубашки, подпоясанной сверх них. Женщины носят белая рубашки и тканья полосатые юбки.

Около десяти часов приехали мы на конский завод графа Ростопчина. Англичанин, директор завода, нескоро вышел к нам. Внешний вид завода отличается роскошью, порядком и чистотой; замок с парком, хозяйственные постройки, конюшни со светло-зелёными крышами – всё вы-

строено умно и в избытке. В принадлежащей сюда деревне считается до 3000 мужских душ. В именье 35 000 десятин обработанной земли, на 5000 десятинах ведётся господское хозяйство. В этом году посеяно около 1000 четвертей пшеницы и 750 четвертей ржи. Впрочем, господское хозяйство ведётся независимо от конского завода и не состоит с ним в необходимой связи.

В настоящее время в заводе 320 лошадей, из которых около 100 маток*; прежде количество лошадей было почти вдвое. Завод продаёт обыкновенно в год до 40 четырёхлетних лошадей, жеребцов и кобыл, уже предварительно выезжанных. Здоровая лошадь получает ежедневно 2 гарнца овса, чего, кажется нам, несколько много. Поэтому лошади тут жирнее, чем обыкновенно бывают эти благородные животные. Даже жеребья кобылы получают тут овёс, а жеребцам во время случки даётся гарнцем больше против обыкновенного времени. Все заводские жеребцы выезжаются. Завод потребляет 3000 четвертей овса и до 100 000 пуд. сена.

На соседнем Орловском заводе нас уверяли, что завод Ростопчина не только не приносит никакой выгоды, но и не покрывает даже всех расходов. Продажа 40 лошадей, которых сверх того в этой отдалённой местности оплачиваются сравнительно дурно, далеко не покрывает расходов управления, содержания и т. д. Покойный граф Ростопчин основал этот завод из благородной страсти, из патриотизма, с целью показать, чего можно в этой отрасли достигнуть в России. Настоящий владелец не имеет подобной страсти – он пустой мот; можно почти безошибочно разсчитать, когда он совершенно разорится. Всё заведение быстро идёт к упадку и, может быть, скоро уже исчезнет, что, конечно, будет значительной потерей для России, так как тут воспиталась постоянная порода.

---

* Почти все сведения о конских заводах собраны и записаны моим спутником, страстным любителем лошадей, г-ном С. из Риги.

Через час прибыл директор завода, маленький, худой сморщившийся англичанин, истинное произведение жокей-клуба, в сером *habit francais à cheval* и в жёлтых кожаных штиблетах. Он повёл нас по своим владениям. К сожалению, лошадей объезжали утром, и мы должны были удовольствоваться только тем, что их проводили мимо нас. Извинения англичанина, что лошади не были ещё вычищены, показались нам некоторой хвастливостью после того, как мы видели блестящую шёлковую шерсть этих благородных животных. Прежде всего, перед нами провели молодых кобыл по четвёртому году, назначенных к продаже на осень; их заботливо поставили против белой стены, чтобы показать их в наиболее выгодном свете. Такие англичане всегда понимают своё ремесло и ни в каком случае не пренебрегают им. Цены, означенные за лошадёй, колеблются между 700 и 1500 руб. асс. – очевидно, ничтожные цены для лошадей благороднейшей крови. В Западной Европе их оценили бы вдвое, втрое и вчетверо больше. Лучшей из этих лошадей была рыжевато-саврасая кобыла, дочь знаменитого Ради. Портретом её отца мы ещё любовались в гостиниой. Затем нам показали трёх- и четырёх-летних жеребцов в манеже, так как на воздухе их беспокоят мухи, отчего они легко могут одичать. В числе их был перл Леокади, жеребец $3\frac{1}{4}$ вершков, светло-гнедой масти с совершенно особенным золотым блеском, лучше которого ничего не может быть, сын высокознаменитого Анабиса, выигравшаго 11 скаковых призов. Теперь отцу 24 года, он уже не участвует в скачках, но ещё годен для случки, что доказывается горячностью и большою силою его молодого сына. Цена этим жеребцам назначена от 2500 до 5000 руб. асс. за голову. Последняя цена за одного необыкновенного жеребца почти в 7 вершков роста. Наконец нам показали заводских жеребцов, царственных животных, одно благороднее другаго, так что выбор между ними затруднителен. Ветеран Анабис ещё прекрасен и силён, благородный

Ради уже умер; также знаменитый Магомет променен на чистокровного английского жеребца в Орловский завод и составляет одно из лучших украшений последнего.

По уверению нашего англичанина, здешние лошади чистейшей арабской крови; они давно уже скрещиваются между собою, и порода их нисколько от этого не вырождается, так что нет никакой надобности в обновлении ея первоначальной кровью. Напротив, опыты обновления не давали благоприятного результата. Сила и красота этой породы достойны удивления. Англичанин рассказывал, что один жеребец Ростопчинского завода пробежал без отдыха на скачке шестивёрстное расстояние шесть раз, следовательно, 36 вёрст, и при этом немного только взмок, тогда как другие лошади совершенно задыхались и были все в мыле. Впрочем, несмотря на лёгкое и тонкое строение этих лошадей, в них довольно ясно видна сила; каждый мускул тонок, строен и нежен, точно выточен из слоновой кости. Крестец непомерно силён, хвост при каждом движении вздымается вверх, а маленькая тонкая головка, красивая, мягкая уши, прямые аккуратные ноги, нежные маленькие копыта – можно сказать, ножки! – лучше всего указывают на благородную кровь.

У этих животных должен быть отличный бег, по крайней мере, судя по маленьким опытам над некоторыми кобылами, которых действительно превосходно бежали. Две кобылы, которых проезжали верхом перед нашими глазами, казались под седлом несколько короткими, но, впрочем, это были самые дешёвые лошади из всех.

За обедом мой спутник привёл нашего бедного англичанина в смущение вопросом: какия лошади лучше – английския или здешния арабския?

Отсюда поехали мы в Хреновое, большое имение с отличным конским заводом графини Орловой.

Гр. Орлова владеет в этой местности более чем 200 000 десятин земли, из которых недавно она подарила 40 000 десятин гр. Алексею Орлову, который строит на ней теперь

вышеупомянутый конский завод. На этой территории живут 1000 крестьян, из которых 40 тягл состоят на оброке (по 100 руб. асс. с тягла), а остальные на барщине. На каждое тягло приходится земли по 18 дес. для собственного употребления, за что оно должно обработать и убрать хлеб с $\frac{3}{4}$ десятины господской земли. Всей господской земли обрабатывается до 5000 дес., 1700 дес. находится под лесом, большая часть остальной земли сдаётся в аренду купцам. Арендная плата за десятину сенокоса от $2\frac{1}{2}$ до 4 руб., за десятину пашни 7 руб. Купцы-арендаторы обрабатывают землю рабочими из других местностей, платя за двукратную вспашку десятины 20 руб. асс., за бороньбу 7 руб. асс., за жнитво копны (из 64 снопов) 30 коп., за молотьбу копны 30 коп., всего за всю обработку десятины поля до 45 руб. асс.

К сожалению, мы не застали дома ни управляющего именем, ни директора конного завода, отставного полковника, и поэтому не получили точных сведений ни об имени, ни о конном заводе, ни о его истории.

Конный завод основан отцом настоящей владелицы в конце восьмидесятых годов прошлого столетия.

Старый граф Орлов держал сначала датских, потом фрисландских кобыл и случал их с чистокровными английскими жеребцами. Позднее он приобрёл персидских и арабских жеребцов. Таким образом, воспиталась совершенно прочная порода рысаков очищенной крови, равных по своим достоинствам лучшим голландским рысакам и, может быть, превосходящих их.

Теперь в заводе 250 маток и 14 заводских жеребцов лучшей рысистой породы. По-видимому, завод желает остаться единственным владельцем этих лошадей, потому что он не продаёт жеребцов, а только меринов, кобыл же разве с каким-нибудь пороком. Лошади, назначаемые к продаже (около 100 голов в год), ценятся тут высоко. За лошадь с этого завода платят от 3000 до 5000 руб. асс., за одну четвёрку было заплачено 24 000 руб. асс. Самый модный

цвет масти – вороной, но есть и много белых всех оттенков. Здешние лошади ростом от 4 до $5\frac{1}{2}$ вершков.

Они довольно явственно сохранили следы своего происхождения, более с отцовской, чем с материнской стороны, но в фигуре превалирует кровь матери. Благородную кровь отцов можно различить только по маленькой красивой голове, по огню и быстроте. Всё строение лошади решительно не обещает такой быстроты бега, и, напротив, по строению их можно было бы назвать тяжёлыми. В упряжке и в бегу эти лошади необыкновенно выигрывают в красоте. Замечательно, что здешние лошади растут до восьмью года и только тогда складываются окончательно. Зато они живут очень долго – 24 года ещё далеко не преклонные годы для них.

Главное достоинство здешних лошадей – это их замечательно быстрый бег. Круглым счётом, здешний хороший рысак бежит версту в $1\frac{1}{2}$ минуты, но некоторые рысаки пробегают версту в минуту с небольшим (7 вёрст за 8 минут). Можно верить, что выездка их должна делаться с большим терпением и заботливостью, поэтому лошади упражняются ежедневно в езде. На бегу они не стелятся по земле, как английские скаковые лошади, но держатся высоко, и именно это особенно красиво. Задние колена образуют совершенно особенный острый угол, шея не вытягивается вперёд, и живот остаётся спокоен.

На следующее утро 10 таких рысаков, заложенные в дрожки, были выведены на бег. Здесь мы имели случай сделать все тотчас помянутые замечания. Кроме этих рысаков, на том же заводе выводятся лошади чистой арабской крови, как у гр. Ростопчина, и чисто английской породы, но не помеси от них. Здешние арабские лошади легче Ростопчинских, и потому, конечно, несколько слабее, именно крестец, особенно у кобыл, несколько круче. Лошади тут менее кормятся, что и послужило причиной большей их лёгкости, и гораздо хуже чищены и держаны, чем на заводе Ростопчина. Зато и директором был не англичанин! Цены

тут несколько выше, слава Орловского завода больше, а в России это имеет ещё большее значение, чем где-либо!

Мы осматривали арабских лошадей два раза вечером и на следующее утро после скачки рысаков. Из молодых трёх-четырёх-летних жеребцов были очень хорошие лошади, между кобылами меньше. Здесь видели мы также прежде принадлежавшего Ростопчину благородного Магомета, белого жеребца роскошных статей, но ростом всего в $2\frac{1}{4}$ вершка. Утром же видели мы венец завода и, может быть, самую лучшую лошадь в России, Яшму, 9-летнего светло-гнедого жеребца, с роскошным золотым блеском, поистине царственное животное.

Администрация этого завода слишком обширна, хотя и далеко не так, как при старом графе Орлове, который положил своё честолюбие в то, чтобы иметь лучших лошадей в России и, может быть, величайший частный конный завод в цивилизованном мире, и потому ничего не жалел для этого. В его время на заводе было 2300 лошадей и при них 600 конюхов. Теперь на заводе 900 лошадей и 250 конюхов. Тут расходуется до 10 000 четвертей овса.

Впрочем, завод приносит значительный доход, рысаки ценятся хорошо, и другие лошади находят хороший сбыт. Нам сказывали, что валовой годовой доход даёт от 600 до 700 тыс. руб. асс.

На обоих этих заводах, по распоряжению владельцев, царствует сказочное, едва вероятное, гостеприимство. Каждый посторонний посетитель завода, не имеющий никакой рекомендации, никому не известный, помещается с его людьми и лошадьми в нарочно для этого построенных изящных гостиницах, принимаются одним из служащих при заводе, — ему показывают завод, изящнейшим образом кормят, не беря за это ни малейшей платы, и притом это не только на 2–3 дня, но сколько ему понравится! Мы слышали, между прочим, о нескольких австрийских офицерах, покупавших лошадей в Украине; услышавши об Орловском заводе, они

приехали сюда, прожили тут 4 недели, основательно познакомились с заводом и отлично пожили! До какой степени велика роскошь этого гостеприимства, можно видеть из того, что по бюджету завода теперь отпускается на прокорм посетительских лошадей 4000 четвертей овса в год. Мы также испытали на себе эта гостеприимство; на Ростопчинском заводе нам был подан отличный завтрак и роскошный обед. В Хреновском заводе к нам тотчас явился француз-повар, просил нас заказать ужин и подал нам карточку вин, в которой, конечно, стояло неизбежное во всей России шампанское.

До полудня 14 июля поехали мы в уездный город Бобров, где мы были радушно приняты полицеймейстером Мецгером, курляндцем. Мы были тут на границе огромной степи, в которую, однако, сильно стремится проникнуть культура. Большею частью тут господствует уже несколько раз описанное странствующее земледелие. Купцы, городские хлебные торговцы, нанимают часть степи от помещиков (получивших ее в дар от казны или завладевших землею безо всякого права), или от общины, или от однодворцев, обрабатывают ее несколько лет и затем покидают, арендуя другую землю. Помещики основывают и новые деревни, населяя их излишними людьми северных губерний. Разработка степи растёт тут непомерно быстро, но ещё быстрее растёт население, не только от прироста местного населения, но от прибывающей колонизации.

Полицеймейстер представил нам нескольких крестьян соседняго села Бобровскаго для наших обычных разспросов. В селе 708 дворов и 3200 душ, частью однодворцев, частью государственных крестьян (прежде удельных, обмененных с 1840 года). У однодворцев 800 дес. собственной земли, которую они делят, однако, по русскому общинному принципу. Таким образом, обе части села образуют как бы две отдельные общины; но в размещении усадеб такого разделения нет, и они живут, где кому пришлось. Первоначально, сто лет тому назад, тут поселились восемь однодворческих селений; теперь же они умножились до 300 мужских душ.

Удельные крестьяне были поселены тут позднее. При теперешнем числе населения у всех у них слишком мало земли, так что они арендуют степные пространства у помещиков. Они платят непомерно высокую аренду, именно: за десятину нетронутый степи до 25 руб. асс., за распаханную уже землю от 8–9 руб. асс., за десятину хорошего луга, дающего здесь до 80 пуд. сена, от 6–7 руб. асс., за десятину степного покоса, дающую обыкновенно 30 пуд. сена, равно и за десятину степного выгона – от 2 до 4½ руб. асс. В этой местности случается, что обыкновенно бывает редко, что государственные крестьяне покупают землю. Так, в 1813 г. 20 здешних хозяев купили 400 дес. степной земли. Они заплатили тогда по 30 руб. асс. за десятину, теперь она стоит, по крайней мере, 70 руб. асс. В селе 4 семьи по 10 мужских душ; каждая из этих семей владеет почти 20 лошадьми, 20 коровами, 100–200 овцами и 15–20 свиньями. Хозяйство трёхпольное, озимое поле под рожь пашется два раза, яровое поле под овёс, просо и гречу пашется один раз. Удобряется земля только под коноплю. Лён не сеется вовсе, но в огромном количестве разводятся арбузы; хлеб продаётся за 200 вёрст.

Цена обыкновенной лошади здесь от 60 до 100 руб. асс., хорошей лошади от 200 до 300 руб. асс., коров от 25 до 40 руб. асс., овец – 5 руб. асс.

При обработке земли наймом существуют следующие цены: за распашку десятины пахотной земли 6 руб. асс., за распашку десятины нетронутый степи 13 руб. асс., за жнитво 13 руб., за молотьбу копны прежде 40, теперь 80 коп. асс. (Копна состоит из 4 крестцов, крестец состоит в Великороссии из 13, в Малороссии – из 15 снопов). Повсюду видели мы тут большие скирды хлеба, которые часто в течение нескольких лет остаются нетронутыми.

Полицеймейстер Мецгер рассказывал нам, что 8 лет тому назад он купил 700 дес. степи, из них 300 дес. отдал 16-ти крестьянам, поселённым им на ту землю. Остальную землю он обрабатывал наймом и 8 лет тому назад платил

на его харчах по 20 коп. асс. за рабочий день, теперь же ему приходится платить по 1 руб. 20 коп. асс.! В такой степени возросла здесь заработная плата.

Отсюда мы поехали прямо в Воронеж.

Ночью 15 июля прибыли мы в древний Воронеж, построенный, как говорят, в XII столетии хазарами, и на следующее утро осматривали город. Это один из красивейших губернских городов: красивые площади, каменные, большей частью изящные дома, широкия и, nota-bene, вымощенныя улицы. Всё указывало на жизнь и богатство. Город ведёт значительную торговлю хлебом и салом, довольно богатое губернское дворянство живёт в городе и расходует много денег.

Прежде всего, мы посетили собор и монастырь св. Митрофания. Этот святой был тут архиереем в начале прошлаго столетия и состоял в мирной дружбе с Петром I. Ещё при жизни он слыл за набожнаго и святаго человека. В 1832 г. был вскрыт его гроб и тело найдено нетленным. По традиционному верованию русскаго народа, это служит несомненным признаком святости. Народ устремился сюда, произошло несколько чудес, и наконец, синод был вынужден признать народную канонизацию. С того времени эти мощи стали знаменитым и чрезвычайно посещаемым местом поклонения*.

---

* Мы слышали, что вскоре после того, как эти мощи стали известными и уже ежедневно стекалось сюда до 80, до 100 и более богомольцев, явилась сначала одна, а потом и несколько баб-кликуш, которыя при приближении к мощам св. Митрофания внезапно падали на пол и в судорогах выли, кричали, свистали, лаяли, мяукали и т. д. Народ говорил, что они одержимы бесом, который должен выйти из них по приказанию святаго. Каждый крестил себе рот, чтобы не впустить в него дьявола. Такая проишествия стали слишком учащаться, и архиерей запретил их, а когда это не помогло, то он обратился за полицейскою помощью. Полиция объявила, что всякая кликуша, явившаяся в церковь, будет высечена розгами. Полицейские служители вместе с врачами были поставлены при входе в церковь, и первая женщина, взятая ими, оказалась действительно обманщицей, за что и получила хорошия розги. Медицинское исследование остальных показало, что судорога и безпамятство вовсе не притворны. Больныя были отправлены в больницу. С того времени скандалы эти повторяются реже. Однако я слышал, что в русских деревнях встречается часто эта болезнь, и если в деревне появится одна кликуша, то часто все женщины той же деревни заражаются той же болезнью.

В монастыре 80 монахов. Мы были дружески приняты архиереем, а так как это было время обеда, то и приглашены к обеду. Длинный стол был накрыт толстой, но чистой скатертью, на ней чистая посуда, а кругом стола деревянные скамьи. Мы сели вместе с монахами. Обед состоял из ботвиньи, стерляжей ухи и пшённой каши, кушанья хорошо приготовлены, отличный хлеб и хороший квас; нельзя сказать, чтоб тут царствовала роскошь, несмотря на то, что монастырь очень богат. Архиерей ударами по висящему подле него колоколу отдавал приказания прислуге, а прислуживали нам послушники. Архиерей – красивый рослый человек с несколько мечтательным выражением лица; между окружавшими нас монахами были выразительные красивые лица. Возле меня сидел старик с хорошей седой бородой, с добрым и честным лицом. Напротив меня сидел монах несколько старше 30 лет, среднего роста, несколько полный, с лицом желтовато-бледным: его благородные манеры, томные, умные глаза, уныние – всё напоминало в нём нерешительность шекспировского Гамлета. Один из монахов, маленький бодрый старик, был офицером и участвовал в войне 1813 и 1815 годов. По-видимому, он понимал, но не говорил по-немецки. Перед обедом монахи отлично пропели хором молитву. Затем всем поднесли на тарелке маленькие кусочки хлеба, и каждый съел по кусочку.

Точно так же после обеда архиерей взял особенно испечённый маленький хлеб, с молитвою разломил его и роздал всем по кусочку, затем он поднял большую чашу с квасом, все приблизились, пили из нея и принимали благословение. Я не знаю смысла этого обычая. Вторичное хоровое пение молитвы заключило обед. С сердечною благодарностью разстались мы с монахами.

Мы проехали по городу, осмотрели строящийся кадетский корпус, затем только что оконченный театр, выстроенный богатым помещиком Талиновым и стоившим

ему 35 000 руб. Мы застали там строителя и были приглашены им на обед.

Он жил со своим братом *en grand seigneur*. Роскошно устроенный дом, на всех полах персидские ковры, отличные картины, статуи, чрезвычайно красивый буфет с серебряными выкладками рококо, ежедневно открытый стол, отличные обеды – всё указывало не только на большое богатство, но и на долгую привычку жизни в высшем свете.

Гг. Талиновы – крупные землевладельцы, они первые во внутренней России выписали благородных силезских овец, но и они увлеклись новейшею промышленностью и открыли фабрику солдатского сукна и свеклосахарный завод.

Вечером я посетил генерал-губернатора, г. Говена, энергического, деятельного человека, бывшего прежде в Сибири. Он утверждал, что южная Сибирь – одна из прекраснейших, плодоноснейших и здоровейших стран света и что тамошнее население, потомки преступников и ссыльных, отличается от своих братьев в остальной России большею честностью, чистотою нравов и добродетелью. Жители Сибири так отдалены от всяких сношений с людьми, что посторонний человек, попавший в деревню, составляет уже крупное явление в их жизни. Вся деревня окружает его с детским любопытством, но и с детски-безкорыстным гостеприимством. Желание принять гостя у себя доводит их даже до ссоры. Крестьяне живут в хороших домах; они имеют богатый инвентарь, много скота и всех продуктов, доставляемых почвою. Иметь 100 лошадей, 100 коров и 1000 овец не значит ещё там быть богатым крестьянином. Но денег у них нет, и всё, что у нас покупается на деньги, там крестьянин приготовляет и делает сам или выменивает на что-нибудь у своего соседа.

На сибирской границе Китая есть цепь гор, которая, по рассказам некоторых путешественников, бывших там, содержит в себе такое богатство золота и серебра, которое

превосходит в этом отношении всякую другую местность на земле. Граница в этом месте не определена совершенно точно, и Россия, вообще всегда оберегающая Китай, до сих пор не решается занять эти ещё совершенно не населённые горы, несмотря на то, что китайцы до сих пор, кажется, не заявляли никаких притязаний на владение ими. Несколько времени тому назад небольшие казачьи отряды проникли туда и принесли оттуда много золота.

Мы покинули Воронеж рано утром 16 июля. Но прежде, чем я буду продолжать отчёт о моем путешествии, я сделаю несколько общих замечаний о Тамбовской и Воронежской губерниях.

«Пространство Тамбовской губернии занимает 5 912 222 десятины*. По генеральному межеванию 1784 года, земля эта состояла в круглых цифрах из 1 700 000 дес. леса, 600 000 дес. лугов, 100 000 дес. выгону, 300 000 дес. степи. Остальные 3 212 000 дес. представляли пахотную землю, обрабатываемую 417 782 мужскими душами, тогдашним населением губернии. Поэтому на каждую душу приходилось $7\frac{1}{2}$ дес. пахотной земли.

По последней ревизии 1834 года, следовательно через 50 лет, число крестьян более чем удвоилось, именно их стало 850 000 мужских душ. Но и количество пахотной земли увеличилось, большая часть степей и лесов обратилась в пашню, и теперь последней считается $4\frac{1}{2}$ млн. десятин, так что на каждую душу приходится $5\frac{1}{2}$ дес. пашни.

Четыре пятых этой пашни принадлежит к чернозёмной полосе, и до такой степени земля эта плодородна, что обыкновенно не нуждается в удобрении. Можно с достоверностью утверждать, что в три урожайные года (1834,

---

* Большая часть этих сведений взята почти буквально из напечатанных в 1839 г. материалов для статистических работ, но особенно из очень дельного отчета г. Сафронова. Ч. 1, отд. 3, стр. 8.

1835 и 1836) тут собрано хлеба от 80 до 90 млн. четвертей. Если из этого количества вычтеть: 1) на посев 3 млн. десятин в течение трёх лет $13\frac{1}{2}$ млн. четвертей; 2) на прокормление 1 800 000 человек обоюга пола, по $2\frac{1}{2}$ четверти на человека в год, а в три года по $7\frac{1}{4}$ четвертей, следовательно, $13\frac{1}{2}$ млн. четвертей; 3) на винокурение 750 000 четвертей; 4) на прокормление скота 5 250 000 четвертей, 5) в запасные магазины 1 000 000 четвертей, всего 34 000 000 четвертей, – таким образом, избыток от трёх жатв составляет от 54 до 60 млн. четвертей хлеба.

Хлеб главным образом сбывается отсюда в Петербург по судоходным рекам Цне, Волге и системам каналов. С различных пристаней Цны отправлено в 1834 г. до 465, в 1835 г. до 490, а в 1836 г. до 560 судов, всего 1515 судов хлеба. В каждом судне помещается от 3000 до 5000 кулей или четвертей. Следовательно, отправка хлеба из Тамбовской губернии этим путём не могла превышать 7 500 000 четвертей. Но его отправлено значительно меньше этого количества, так как на тех же пристанях Цны грузится много хлеба из Пензенской и Саратовской губерний.

Но будем считать, что этим путём действительно из Тамбовской губернии отправлено 7 500 000 четвертей хлеба; будем считать, что и сухопутно вывезено из той же губернии такое же количество хлеба; прибавим сюда ещё столько же на потерю от порчи, от мышей и насекомых и т. д., – и при всём том в 1836 г. должно было оставаться в Тамбовской губернии от 16 до 20 млн. четвертей непроданного хлеба».

Я потому так подробно привожу эти достоверные и поучительные данные, что Россия должна больше обращать внимания на такие факты.

Прежде всего, следует остановиться на непомерном богатстве земли относительно густоты населения. Какая страна в мире собирает в 3 хорошие года столько хлеба, что по удовлетворении всех материальных потребностей

своего населения она могла бы прокормить то же население *из запасов* от 4 до 5 лет?

Но какое *embarrass de richesses**! Это богатство стало бы тяжким бременем, если б Бог не посылал от времени до времени неурожайные годы! Впрочем, неурожай вследствие климатических условий повторяются тут чаще, нежели в других странах. 1831, 1832 и 1833 года были вполне или отчасти неурожайные. Тогда Тамбовская губерния не только удовлетворила всем потребностям из запасов прежних хороших лет, но и продала в северные и южные губернии более 10 млн. четвертей по таким высоким ценам, которые обогатили помещиков, крестьян и купцов и подняли ценность земли на 50 процентов.

Эти плодородные губернии, собственно говоря, никогда не подвергаются голоду, если только не следуют 4–5 неурожайных годов один за другим, чего, впрочем, до сих пор не случалось. Землевладельцы и крестьяне остерегаются этого. Я говорил уже, что повсюду видел у крестьян сохранённую жатву одного, часто нескольких лет «на черный день».

Совсем не то в нехлебородных губерниях. Оне существуют привозным хлебом. Если их постигнет неурожай года два сряду, то хлебородные губернии, несмотря на свои обильные запасы, и даже в том случае, если у них в то же время урожай, не могут выпустить достаточное количество хлеба, и тогда, как и было несколько лет тому назад в некоторых губерниях, наступает нечаянный голод со всеми его страшными последствиями.

Истинная и важнейшая причина этого лежит в недостатке путей сообщения. – Главнейшая потребность России заключается в улучшенных и целесообразных путях сообщения!

Россия представляет обширную равнину, которой лучшие внутренние губернии удалены от моря, которой

---

* *Embarrass de richesses* – затруднение от изобилия, избытка (франц.).

необильные реки три четверти года несудоходны, дороги в дождливое время непроезжаемы, шоссейных дорог не существует, о железных дорогах ещё не начинают думать, — такая страна нуждается более всякой другой в улучшенных путях сообщения.

Без них это колоссальный великан, связанный по рукам и по ногам!

Стоит бросить взгляд на Северную Америку, имеющую подобное же, если даже не более благоприятное географическое положение. Ей не достаёт государственного единства, энергии, монархии, тут двигают людьми чисто личные и материальные интересы; а что сделала Америка для своих путей сообщения, каких пространства шоссе, каких линии железных дорог проложила она!

Она превзошла в этом отношении все прочие страны, кроме Англии и Бельгии. Но там потребность эта была гораздо сильнее, она была верно понята и поэтому удовлетворена!

Если б Тамбовская губерния могла отправлять по Цне вместо 500 тысячу судов с хлебом, если б хорошия дороги вели со всех сторон к судоходным рекам и на большие тракты, если б обращалось серьёзное внимание на улучшение коннозаводства, чтобы лошадь вместо 20 пуд. везла бы 120 пуд., как битюги, — то не было бы надобности в непроизводительном сбережении и 10–15 млн. четвертей хлеба, с потерей процентов на капитал, с утратою целой четверти хлеба от мышей, порчи и т. д. Тогда Тамбовская губерния могла бы защитить от голода северные нехлебородные, но богатые промыслами и деньгами губернии.

Мне были сообщены сведения о некоторых отдельных деревнях Тамбовской губернии; я передаю их тут для сличения с другими.

1) Село Доброе в Липецком уезде – 373 двора, 1414 мужчин, 1509 женщин (опять большой перевес женского пола!), 4246 дес. пашни, 1211 дес. луга, 1509 дес. выгона, 310 дес. леса, 557 дес. пустопорожней неудобной земли. Хозяйство трёхпольное. Озимый хлеб даёт 6, яровой – 4 зерна. Скотоводство состоит из 3770 лошадей, 3022 голов рогатого скота, 4520 овец. Жители не только занимаются земледелием, но ведут промысла и торговлю и уходят в другие губернии. Они платили оброк прежде по 2 руб. 86 коп. сер. с души, теперь же оброк переложено на землю и составляет $66\frac{3}{4}$ коп. сер. с десятины. Подушные, как и повсеместно, 95 коп. сер. с души, на деревенский долг (?) $10\frac{1}{2}$ коп., особые сборы $\frac{3}{4}$ коп. сер. (?), на содержание земской полиции 9 коп. сер., на продовольственный капитал 6 коп. сер., на запасный магазин 6 коп. сер., на тюрьмы $4\frac{1}{2}$ коп., мирские сборы 57 коп. сер., страховые 7 коп., за наём стражи 1 коп., на необходимые постройки мостов 1 коп. сер., всего с души 4 р. $83\frac{3}{4}$ коп. сер. или 16 руб. $93\frac{1}{8}$ коп. асс. Как видно, тут несколько иных сборов, нежели в Пензенской губернии. Община владеет 180 дес. общественной земли, приносящей ей особый доход, и, пользуясь правами ярмарки, она собирает с весов и мер, – всё вместе составляет 354 руб. $28\frac{1}{4}$ коп. сер. годового дохода. Священник держит школу с 15 учениками.

2) Деревня Кирилово в Спасском уезде – 410 дворов, 1860 муж., 1907 жен. душ, 2499 дес. пашни, 90 дес. луга, 649 дес. выгона, 150 дес. неудобной земли. На мужскую душу приходится менее 2 дес. Хозяйство трёхпольное. Озимый хлеб даёт 5, яровой – 3 зерна. Скотоводство: 511 лошадей, 485 голов рогатого скота, 2250 овец. Кроме земледелия, жители занимаются промыслами и торговлей, в особенности всевозможными деревянными изделиями, и уходят в другие губернии. Подати вообще те же, что и в предыдущей деревне, но оброк, и здесь переложено на землю, составляет только $56\frac{3}{4}$ коп. сер. с десятины, так как

земля тут, очевидно, хуже. Три мельницы и ярмарка приносят общине 380 руб. сер. дохода.

Сведения, доставленные мне из Воронежской губернии, очень полны и составлены с большим старанием и заботливостью, чем сведения большинства прочих губерний. Особенно хорошо составлены сведения о земледелии и о ценах на сельские продукты.

1) Деревня Нижний-Студенец – 337 домов, 1404 муж., 1587 жен. душ, составляющих 280 семей. Земля: 5299 дес. пашни, лугов нет, 322 дес. выгона, 1820 дес. леса, 298 дес. неудобной земли. На каждую ревизскую душу приходится по $5\frac{1}{2}$ десятин. Хозяйство трёхпольное, в озимом поле сеется рожь, в яровом – овёс, греча, просо, горох и конопель. Урожай сам-четверт. Скотоводство: 1200 лошадей, 510 голов рогатого скота, 1671 овца, 2100 свиней. Кроме земледелия, жители несколько торгуют хлебом. Подати: 95 коп. сер. Подушных, 2 руб. 86 коп. оброку, 34 коп. различных поземельных сборов (совершенно для меня непонятных), 6 коп. на общественный магазин, $56\frac{1}{2}$ коп. сер. мирских сборов, всего на душу 4 руб. $77\frac{1}{2}$ коп. сер. или 16 руб. $71\frac{1}{4}$ коп. асс. Три мельницы и один мост через Дон (постройка его обошлась в 4572 руб. сер.) дают 6335 руб. годового дохода. Священник держит школу с 16 учениками.

2) Деревня Дмитрашевка в Землянском уезде – 302 двора, 1161 муж. и 1193 жен. душ, 3483 дес. пашни, 15 дес. луга, 285 дес. выгона, 50 дес. леса. На каждую ревизскую душу приходится три десятины с небольшим. Земледелие: рожь, несколько пшеницы, просо, греча, овёс, ячмень, горох. Севооборот начинается с просо. Поле пашется перед посевом весной, около 9 мая, и несколько позднее, затем ещё раз пашется и боронится. В середине июня и июля всходы пропалывают для очистки от сорных трав. В конце

августа просо поспевает и скашивается, его вяжут в снопы, складывают в скирды и затем молотят по мере надобности. После просо земля на следующий год остаётся в пару, в июле месяце пашется и осенью засеваётся рожью или пшеницей, затем ещё раз пропахивается для очистки от сорных трав. На следующий год осенью, по уборке озимаго хлеба, земля пашется и затем весной засеваётся гречей, овсом, ячменём и горохом. Потом поле остаётся свободным всю зиму, целое лето и опять зиму, а с весны начинается опять тот же севооборот с просо. Следовательно, в 5 лет земля даёт только 3 жатвы.

Греча сеется в конце мая или начале июня, а в середине августа косится овёс; овёс и ячмень сеются в первой половине апреля и созревают одновременно с рожью. Горох сеется в одно время с ячменём, но собирается только в конце августа. Гречишная и гороховая солома идут на покрышку зданий, остальная солома – на корм скота. Озимый хлеб даёт 3, яровой 4 зерна. Скотоводство: 720 лошадей, 420 голов рогатого скота, 1500 овец, 418 свиней.

Очевидно, что при недостатке и дурнокачественности земли жители не могут существовать с земледелия, но они занимаются пчеловодством и имеют обширные каменоломни; они обдeldывают и приготавливают жернова, камни для памятников и т. д. На фабриках они не работают, потому что поблизости нет фабрик.

Хлеб сбывается в города, которые ведут значительную хлебную торговлю.

Подати с души: 3 руб. 81 коп. сер. подушных и оброку, 14 коп. поземельных (?), 15 коп. на постройку тюрем, 9 коп. на земскую полицию, 6 коп. на общественный магазин, 6 коп. на продовольственный капитал, 56 $\frac{1}{2}$ коп. мирских сборов, всего 4 руб. 87 $\frac{1}{2}$ коп. сер., или 16 руб. 6 $\frac{1}{4}$ коп. асс. Отсюда видно, что подати неравны даже в различных деревнях одной и той же губернии.

В селе мельницы и отдаваемая внаймы земли, всё это приносит 374 руб. $46\frac{3}{4}$ коп. сер. дохода. Священник держит школу с 16 учениками.

3) Село Новая-Торостань в Новохопёрском уезде. Чтобы не утомлять читателя повторениями, я приведу только, что тут на ревизскую душу приходится с небольшим 4 дес. земли. Податей с души 16 руб. $71\frac{1}{2}$ коп. асс. Священник держит школу с 21 учеником.

4) Село Турово в Нижнедевицком уезде: 570 домов, 2886 муж. и 2955 жен. душ. 12 $185\frac{1}{2}$ дес. пашни, 1743 дес. луга, 172 дес. выгона, 800 дес. леса, $445\frac{1}{2}$ дес. неудобной земли. На душу приходится по $5\frac{1}{3}$ дес.; скотоводство: 1510 лошадей, 1200 голов рогатого скота, 1800 овец, 1000 свиней. Хлеб продаётся в Воронеже. Цены были:

На рожь, за четверть:

В 1839 г.	2 руб. – коп. сер.
” 1840 ”	5 ” – ” ”
” 1841 ”	3 ” 20 ” ”
” 1842 ”	2 ” – ” ”
” 1843 ”	1 ” 10 ” ”

На крупу, за четверть:

В 1839 г.	4 руб. 20 коп. сер.
” 1840 ”	6 ” – ” ”
” 1841 ”	4 ” 50 ” ”
” 1842 ”	2 ” 65 ” ”
” 1843 ”	2 ” – ” ”

На овёс, за четверть:

В 1839 г.	– руб. 85 коп. сер.
” 1840 ”	1 ” 70 ” ”
” 1841 ”	– ” 90 ” ”
” 1842 ”	– ” 74 ” ”
” 1843 ”	– ” 65 ” ”

Подати с души 16 р. 71 коп. асс. Священник держит школу с 20 учениками.

5) Село Пески в Новохопёрском уезде. На душу приходится 9 дес. земли. Озимый хлеб даёт 6, яровой 5 зёрен. Кроме земледелия, жители заняты извозом и торговлей и возят свой хлеб далеко, в Борисоглебск, Москву и пр.

Цены были:

На пшеницу, за четверть

В 1839 г.	5 руб. 42 коп. сер.
” 1840 ”	5 ” 72 ” ”
” 1841 ”	4 ” 15 ” ”
” 1842 ”	5 ” 29 ” ”
” 1843 ”	2 ” 68 ” ”

На рожь, за четверть:

В 1839 г.	3 руб. 42 коп. сер.
” 1840 ”	3 ” 45 ” ”
” 1841 ”	3 ” 61 ” ”
” 1842 ”	1 ” 10 ” ”
” 1843 ”	1 ” 40 ” ”

На овёс, за четверть:

В 1839 г.	1 руб. 72 коп. сер.
” 1840 ”	2 ” 4 ” ”
” 1841 ”	1 ” 71 ” ”
” 1842 ”	— ” 90 ” ”
” 1843 ”	— ” 80 ” ”

На ячмень, за четверть:

В 1839 г.	2 руб. — коп. сер.
” 1840 ”	2 ” 23 ” ”
” 1841 ”	2 ” 29 ” ”
” 1842 ”	1 ” 30 ” ”
” 1843 ”	— ” 93 ” ”

На просо, за четверть:

В 1839 г.	2 руб. 40 коп. сер.
” 1840 ”	2 ” 62 ” ”
” 1841 ”	3 ” 9 ” ”
” 1842 ”	3 ” — ” ”
” 1843 ”	— ” 80 ” ”

На гречу, за четверть:

В 1839 г.	2 руб. 25 коп. сер.
” 1840 ”	2 ” 31 ” ”
” 1841 ”	3 ” 9 ” ”
” 1842 ”	2 ” 20 ” ”
” 1843 ”	1 ” 16 ” ”

Подати означены в этом селе по 14 руб. 73 коп. асс. с души, но, вероятно, это описка, а податей приходится тут по 16 руб. 66 $\frac{1}{2}$ коп. асс. с души. Две водяные мельницы приносят дохода 2450 руб. асс., а 1435 дес. земли дают 2817 руб. асс. арендных денег.

В другом селе Острожского уезда были следующие цены:

На рожь, за четверть:

В 1839 г.	1 руб. 2 коп. сер.
” 1840 ”	6 ” 54 ” ”
” 1841 ”	2 ” 75 ” ”
” 1842 ”	1 ” 55 ” ”
” 1843 ”	1 ” 25 ” ”

На овёс, за четверть:

В 1839 г.	— руб. 51 коп. сер.
” 1840 ”	1 ” 69 ” ”
” 1841 ”	1 ” 44 ” ”
” 1842 ”	1 ” 21 ” ”
” 1843 ”	— ” 84 ” ”

На просо, за четверть:

В 1839 г.	2 руб. 60 коп. сер.
” 1840 ”	7 ” 75 ” ”
” 1841 ”	4 ” 62 ” ”
” 1842 ”	4 ” 36 ” ”
” 1843 ”	2 ” 38 ” ”

На гречу, за четверть:

В 1839 г.	2 руб. 54 коп. сер.
” 1840 ”	7 ” 85 ” ”
” 1841 ”	5 ” 50 ” ”
” 1842 ”	3 ” 2 ” ”
” 1843 ”	2 ” 20 ” ”

На горох, за четверть:

В 1839 г.	1 руб. 78 коп. сер.
” 1840 ”	— ” — ” ”
” 1841 ”	— ” — ” ”
” 1842 ”	1 ” 71 ” ”
” 1843 ”	1 ” 36 ” ”

На льняное семя, за четверть:

В 1839 г.	2 руб. — коп. сер.
” 1840 ”	12 ” 75 ” ”
” 1841 ”	9 ” 15 ” ”
” 1842 ”	4 ” 28 ” ”
” 1843 ”	1 ” 92 ” ”

На конопляное семя, за четверть:

В 1839 г.	1 руб. 28 коп. сер.
” 1840 ”	9 ” — ” ”
” 1841 ”	7 ” 50 ” ”
” 1842 ”	1 ” 57 ” ”
” 1843 ”	1 ” 28 ” ”

Какая замечательная разница в ценах в местностях, отстоящих друг от друга не далее 140 вёрст.

6) Село Ласовое в Новооскольском уезде: 1182 дома, 5370 муж. и 5410 жен. душ, 27 340 дес. пашни, 3116 дес. луга, 2875 дес. леса, на душу приходится с небольшим 6 дес. Хозяйство трёхпольное. Озимый хлеб даёт 6, яровой 7 зёрен. Скотоводство: 3133 лошади, 3472 голов рогатого скота, 14 074 овцы. Кроме земледелия, жители занимаются всевозможными промыслами, – тут есть кожевенные заводы, красильни кож, сапожники; крестьяне нанимаются также в бурлаки, но нейдут на фабрики и не извозничают. Здесь значительная хлебная торговля. Цены за те же последние пять лет были следующие, за четверть:

	Ржи высшая цена 3 руб. 50 коп.	Низшая цена 1 руб. 40 коп. сер.
Пшеницы	» 5 » – »	» 3 » 10 » »
Ячменя	» 1 » 60 »	» – » 60 » »
Овса	» 1 » 80 »	» – » 60 » »
Проса	» 5 » – »	» 1 » 20 » »
Гречи	» 2 » – »	» – » 60 » »

Подати с души:

Подушная и оброк	3 руб. 81 коп. сер.
На сельский долг	– » 29 » »
В общественный магазин	– » 6 » »
На измерение земли	– » 3 » »
На сельскохозяйственный капитал (?)	– » 6 » »
На тюрьмы и устройства приказа	– » 5 » »
На содержание палаты госуд. имуществ	– » 14 » »
На мирския нужды	– » 24 ¹ / ₂ » »
На страховой капитал	– » 3 ¹ / ₄ » »
Губернские и уездные сборы	– » 1 » »
На постройку хлебного магазина	– » 8 » »
На пополнение податей за неплатящих	– » 24 ¹ / ₄ » »
	<hr/>
	5 руб. 5 коп. сер.

Или 17 руб. 67¹/₂ коп. асс., следовательно, значительно более прочих деревень.

Казне принадлежат тут 5 водяных мельниц, 14 фруктовых садов, 18 огородов, 4 рыбных озера, которые особо сдаются в аренду (?).

Община особо арендует 550 дес. Священник держит школу с 59 учениками.

7) Село Большой Узмань в Воронежском уезде: 661 дом, 3197 муж. и 3365 жен. душ, 18 800 дес. пашни, 3825 дес. луга, 520 дес. выгона, 965 дес. леса. На душу приходится по $7\frac{1}{2}$ дес. Хозяйство трёхпольное. Озимый хлеб даёт 4, яровой – 5 зёрен. Скотоводство: 2900 лошадей, 1859 голов рогатого скота, 8250 овец, 6200 мелкого скота (?). Жители занимаются земледелием, скотоводством, пчеловодством, огородничеством, но не торговлей и не ремёслами.

Средняя цена за последние пять лет за четверть ржи 1 руб. сер., ячменя 1 руб. $14\frac{1}{4}$ коп. сер., овса 85 коп., проса 1 руб. $28\frac{1}{4}$ коп., греча 1 руб. $42\frac{1}{2}$ коп. сер.

Всех податей сходит с души 16 руб. $82\frac{1}{2}$ коп. асс. Община владеет фруктовым садом на 2 десятинах, приносящих доходу 31 руб. $42\frac{3}{4}$ коп. сер. (в России это непомерно высокая выручка с земли!). Священник держит школу с 31 учеником.

ГЛАВА XIX

Отъезд из Воронежа в Харьков. — Переход в другую страну с другим народом. — Деревня Черемушное, особенности наследственного права. — Харьков. — Три периода образования русских городов. — Влияние 1812-го года на дворянство и губернские города. — Значение городов для народа. — Улицы и общественная жизнь Харькова. — Г. Майевский. — Новый кадастр. — Лесные засеваы в степи. — К разъяснению отношений, основанных на крепостном праве. — Дурные результаты, вытекающие из деления деревень. — Характер здешних крестьян, заработная плата, арендная и покупная плата земли, цены на шерсть. — Харьковский университет, профессор Срезневский, славянския деревни. — Архирей Иннокентий. — Гимназия. — Поездка в военное поселение Чугуев, прежняя история, царский дворец, канцелярия, конюшни, дом здешних колонистов, батальон рабочих, земледельческая школа. — Устройство поселения, 4 уланских и 2 гусарских полка, территория каждого из них, положение и обязанности крестьян. — Статистика поселения. — Общий взгляд на Харьковскую губернию. — История. — Малороссийская и великороссийская колонизация. — Статистическия данныя о губернии. — Подати, недоимки. — Положение, почва, климат, земледелие, сбыт, огородничество, фабрики, овцеводство, лесное хозяйство, коннозаводство. — Двор здешняго крестьянина. — Одежда, пища, свадебные обряды, похоронные обряды, народныя песни, праздник Ивана Купалы, танцы. — Отъезд из Харькова в Екатеринослав. — Деревня Габениха. — Прибытие в Екатеринослав; казённый сад, памятник в честь свидания Екатерины II с Иосифом II. — Дворец и парк Потёмкина, казённая суконная фабрика, суконная фабрика г. Неймана. — Заселение Екатеринославской губернии. — Злоупотребления при этом. — Каменные бабы на дворе губернатора

В 2 часа утра 16 июля выехали мы из Воронежа и на разсвете переехали по дурному деревянному мосту через

Дон, здесь ещё не широкий. На той стороне его тотчас меняется характер местности. Город Старый Оскол очень живописен между меловыми горами. Поля, холмы, леса вдоль р. Оскола образуют красивые ландшафты, деревни приветливы, избы малы и некрасивы, но чисто выбелены. Говорят, что крестьяне здесь каждый месяц белят свои дома снаружи и внутри. Впрочем, мел тут в избытке! Перед многими избами стоят маленькие скамьи. Там-сям стоят отдельные дворы. Мы были теперь на границе другой страны, другого народа – Малороссии. Мы въехали в Украину.

Мы проехали города Корочу и Белгород; в последнем есть несколько хороших домов. Множество собственных имён, названий городов по правописанию, значению и выговору одинаковы у всех славянских народов. Белград в Сербии, Белград в Померании и здесь Белгород, и как часто ещё встречается это имя между Балтийским, Адриатическим, Чёрным и Белым морями!

Рано утром 17 июля прибыли мы на станцию в селе Черемушном, и так как нам пришлось тут остановиться, то я воспользовался временем, чтобы разспросить старосту и стариков об их сельских учреждениях.

Жители села теперь большею частью однодворцы, но есть и немного крепостных крестьян, принадлежащих нескольким помещикам. Однодворцев этих считается 211 душ в 40 дворах. Сохранилось у них предание, что предки их лет 100 или 200 тому назад переселились сюда из Рязанской губернии в совершенно дикую страну (степь и лес) и отведённую им землю получили в полную собственность. Тогда было их 27 семей, и землю разделили они между собой навечно так, что каждой семье пришлось по 60 десятин. Итак, они не приняли русского общинного принципа. Естественно, очень скоро появилось неравенство во владении, значительная часть земли перешла в чужия руки отчасти продажей, отчасти за долги, так что в настоящее время из первоначальных 1620 десятин владеют они только 540 де-

сятинами. Остальная земля перешла в руки соседних помещиков, и некоторые из них поселили уже тут крепостных крестьян и выстроили им дворы. Земля последних местами лежит между участками черемушских однодворцев. В высшей степени интересно для меня то, что у них сохранились или развились особые права наследства, вовсе не согласующиеся с государственным кодексом и, следовательно, не имеющие никакой силы перед русскими судами, но, тем не менее, взошедшая в обычай и всегда строго соблюдаемая. Все споры по наследству разрешались до сих пор по этому древнему праву старшиной и стариками перед собравшимся миром, и на эти решения ни разу ещё не поступало жалоб. При дележе наследства все сыновья получают по равной части, но жребий решает, кому именно из них должен принадлежать отцовский дом и каждый клочок земли; жребий мечется следующим образом: каждый бросает в шапку монету, или замеченный камушек, или деревяшку, все эти вещи перемешиваются в шапке, и затем она встряхивается, — чья вещь выскочит первая, тот первый выбирает себе часть наследства, за ним следует второй, третий и т. д. (это очень напоминает древние нравы). Если нет сыновей, а одна или несколько дочерей, то она до самой своей смерти пользуются всею собственностью, а затем имущество переходит в руки ближайших родственников со стороны отца. Ни мужа их, если она выходят замуж, ни дети не наследуют этого имущества. Впрочем, и дочери пользуются этим имуществом, пока они живут в той же деревне или выйдут за однодворца своего села; если же она уйдут из села или выйдут замуж за посторонняго, то имущество тотчас же переходит к ближайшему родственнику по мужскому колену. Вдовы не получают участия в наследстве; но сыновья, или дочери, или ближайшие наследники, получающие всё имущество, должны кормить и содержать вдову до конца ее жизни.

Около полудня прибыли мы в Харьков. Екатерина II 50—60 лет тому назад *произвела* несколько сотен русских

сёл в города, как производят из полковников в генералы. Но нельзя не признать, что императрица имела тонкий взгляд и верно определяла положение и естественные условия местностей; из этих сёл действительно образовались города, а из некоторых и значительные города. Скоро становились они местом вновь организуемой власти и средоточием управления. В них развивались торговля и ремесла, и многие из них достигли значения и процветания. Путешественник и до сих пор может отличить в них три городских части, указывавшая на три различные эпохи их возникновения. Приближаясь к русскому городу внутри России, вы не проезжаете огородами, которые всегда окружают города в германской и романской Европе и тянутся часто на целый час расстояния от города вдоль всех дорог, а въезжаете в русскую деревню, остаток старого села, преобразованного в город. В этой части живут ещё старые крестьяне, занимающиеся теперь большею частью разведением овощей для городских жителей, но не в огородах, окружённых заборами, а просто в поле. Пройдя эту деревню, вы вступаете в город Екатерины II. Он отстроен, как внешняя часть Москвы, описанная мною раньше: длинные, прямые, широкие, немощённые улицы с бревенчатыми домами по обеим сторонам, выходящими фронтоном на улицу. Тут живут *русские* ремесленники: извозчики, кузнецы, хлебные торговцы, тут извозчики и постоялые дворы, кабаки, лавочки и т. д. Затем вы въезжаете в новый европейский город: прямые, часто вымощённые улицы, большие площади, повсюду большие каменные дома, но обыкновенно на улицах мало движения и жизни, если не считать извозчицких дрожек, стоящих на площадях и углах улиц, всегда имеющих не только в губернских, но и в больших уездных городах. Древнейшие постройки в этой части города принадлежат казне, частные дома, за небольшим исключением, выстроены все после 1815 года. Эти три исторические эпохи городов внутренней России

стоят в ближайшей связи с развитием социальной жизни русского дворянства как единственного сословия в России, обладающего европейским образованием.

Мы имели случай говорить уже раньше, что до 1812 года часть дворян, не служивших ни в военной, ни в гражданской службе (служилое дворянство жило, конечно, со своими семьями там, куда призывала его служба), жила или в столицах, или в деревнях. Богатые дворяне никогда, собственно, не жили в деревнях. Они охотно ездили на короткое время летом в свои поместья, которые, впрочем, почти никогда не устраивались комфортабельно, сообразно европейским привычкам владельцев, но постоянно жили в Петербурге в качестве придворных или в Москве в качестве недовольных правительством. Не совсем достаточные дворяне, не могшие из году в год постоянно жить в этих городах, оставались в них на зиму или на столько времени, насколько хватало у них денег, а затем забивались на остальную часть года в деревенский угол и копили деньги. Бедные дворяне, прежде не очень многочисленные, невежественные, часто не образованнее своих крестьян, жили вместе с последними и совершенно омужичились.

Катастрофа 1812 года изменила всю эту жизнь. Богатые и достаточные дворяне, жившие в Москве, лишились своих дворцов и домов, движимой собственности и даже большей части своего состояния; на первые года им не доставало средств к возобновлению своей прежней жизни, и они были почти вынуждены поселиться в деревнях или стать чиновниками, число которых тем более возрастало, чем более европеизировалась самая служба; таким образом, эти дворяне разсеялись по всей поверхности обширного царства. Бывшие на войне за границей познакомились с западной европейской жизнью и хотели перенести её в своё отечество. Многие совершенно разорились через это, и на их место выступили *parvenus* из чиновников. Затем наступила эпоха непомерного развития фабричной

деятельности, большею частью обязанной своим началом дворянству, так как большинство фабрик было основано дворянами. Фабричная деятельность потребовала трудолюбия, прилежания, предусмотрительности, образования, личного присутствия на фабриках и надзора за ними. Таким образом, совершился значительный переворот в социальном положении русского дворянства. В настоящее время дворяне более чем прежде живут в деревнях, хотя всё ещё не в той степени, чтоб они могли быть названы сельским дворянством; но всё-таки они посещают свои имения, занимаются даже хозяйством в них, что видно из того, что число барщинных крестьян постоянно возрастает (то есть часть земли отбирается от крестьян и обрабатывается ими же за барщину в пользу господина), тогда как оброчное положение, дотоле господствовавшая форма взимания дохода с крестьян во всей Великороссии, прекращается. Поэтому дворянство не может, как прежде, удалиться далеко и надолго от своих имений и фабрик. Сама Москва стала фабричным городом. Поэтому теперь в Москве дворян живёт меньше, чем прежде. Но так как дворянство по своим привычкам и воспитанию не может отрешиться от общественной городской жизни, то оно поселилось в ближайших губернских городах, в которых с того времени образовалась новая часть города и которые приобрели в многочисленных гражданских и военных чиновниках и местном дворянстве новый элемент для общественной жизни. Мы считаем это за значительный шаг вперёд для развития культуры и народной жизни. Это путь к образованию цивилизованной провинциальной жизни, чего в России совсем не было прежде, а со временем те же условия могут развить и буржуазию, зародыш которой до сих пор ещё слишком ничтожен. Мы не хотим этим сказать, что ценим слишком высоко современную общественную жизнь, но всё же она оказывает большее или меньшее влияние на умственное развитие.

Эти новые русские города, как кажется, становятся средоточиями народной жизни, разсадниками развития и культуры, но совершенно обратно тому, как исполняли то же назначение первобытные города древней России. В первобытные времена такое значение имеют те пункты, в которых народ впервые прочно укрепился. Из этих пунктов, как из центров, поселения и обработка земли распространялись радиусами, из этих первых общин развивались новые общины, подобно роям пчёл, разлетающимся из улья, и селились в соседстве, сохраняя ближайшую связь с первоначальной общиной. Такая первоначальная община была, следовательно, матерью остальных. Поэтому-то в средние века такие первобытные города назывались матерями: *м а т ь* Суздаль, *м а т ь* Новгород, *м а т ь* Владимир и т. д. Теперь наоборот: новые города правительство сделало средоточием и матерями страны. Но могущество власти до такой степени прирождённо русскому народу, что сначала он усыновил этих данных ему матерей, а впоследствии признал их настоящими матерями и предоставил им распространять вокруг себя жизнь и цивилизацию. Русский народ во всех своих жизненных отношениях не может обойтись без отца или матери. Если нет настоящего отца, то им может быть какой-нибудь член семьи, брат или дядя, а иногда и совершенно посторонний. Первое общественное звено, община, выбирает себе старшину, которым может быть юнейший член ея; крепостные крестьяне видят в своём помещике отца, шестилетняго своего барина они называют *батюшкой*, народ выбирает себе царя, не может без него жить и точно так же называет его *батюшкой*.

Харьков – один из этих новых городов. 250 лет тому назад один казак именем Харьков выстроил здесь себе дом. Вскоре к нему присоединились многие другие, и таким образом возникла деревня. Благоприятное положение обусловило ея процветание, а в 1780 г. Екатерина II переименовала её в город и сделала его главным пунктом губернии.

В 1804 тут открыт университет. Теперь это один из красивейших и значительнейших городов южной России; быть может, со временем он отнимет первенство у Одессы, подобно тому как Петербург отнял его у Москвы. В городе 30 000 жителей, он отстроен очень изящно, и мне говорили, что в новой части города нет ни одного дома старше 30 лет*; тем отвратительнее самая улицы. Почва здесь чернозём в аршин глубиною, довольно долгое время стояла сухая погода, и потому пыль на улицах такая, что с одной стороны улицы нельзя было видеть домов на другой ея стороне. Но в дождливое время положение жителей должно быть ещё ужаснее. Почва совершенно размокает, ноги лошадей, людей и колёса вязнут в глубокой и густой грязи, так что невозможно перейти пешком через улицу. В самые лёгкие экипажи впрягают от 6 до 8 лошадей, и даже карета императрицы несколько лет тому назад завязла посреди улицы! Мощение улиц – самая слабая сторона России. В Петербурге тратится бозконечный труд и не жалеют никаких денег и всё-таки не могут достигнуть порядочных мостовых. Камень там довольно хорош, но болотистая почва и глубокое ея замерзание, после чего земля превращается в глубокий слой грязи, делает почти невозможным крепкую связь камней. В северных губернских городах улицы и дороги мостятся лесом, тротуары делаются из досок, что в Казани немало способствовало распространению пожара. В Харьковской губернии совсем нет камня, а лесу мало, и он очень дорог.

* Большая часть здешних домов выстроена купцами на спекуляцию для отдачи в наём дворянам, приезжающим на зиму или с целью продажи. По поводу этих домов мы слышали об одной совсем особенной спекуляции. Некто г. Кузин, очень богатый человек и пользующийся большим кредитом, снял откуп в нескольких губерниях. Ему нужно было представить правительству на несколько миллионов залогов, а сам он не имел недвижимой собственности на такую ценность. Огромное количество здешних купцов передало ему свои дома для залога из 6%. Откуп должен доставлять огромные барыши. Впрочем, если г. Кузин обанкротится, то харьковские купцы потеряют свои вновь отстроенные дома, и правительство сделается обладателем всех красивых улиц Харькова, так как не найдётся достаточно покупателей на эти дома.

Поэтому тут улицы чинятся навозом, который бросают в грязь, чтобы придать ей несколько связности.

Вследствие этого тут все, даже ремесленники и лавочники, держат лошадей. Я не видел ещё до сих пор ни одного города, в котором бы относительное количество экипажей было больше, чем здесь.

В Харькове живёт много дворян, хотя и не таких богатых, как в Воронеже. Немцы, живущие тут, жалуются на умственную пустоту так называемого хорошаго здешняго общества. С первого вида можно принять это общество за образованное – внешний лоск, свобода обращения, французский язык, но под всем этим ясно сквозит грубое невежество и неразвитость мысли, так что карточная игра и танцы – лучшее препровождение времени в этом обществе. Такой приговор не несправедлив, но разве лучше большая часть так называемых цивилизованных обществ в остальной Европе? Общество в германских провинциальных городах довольно пусто и мелочно.

Мы поехали в палату государственных имуществ. Председатель ея, г. Майевский, принял нас очень дружески. При всех палатах государственных имуществ в России есть собрания естественных произведений, геогностических и минералогических особенностей, произведений искусства и фабрик, модели как употребляемых в губернии земледельческих орудий, так и таких, которыя были бы пригодны в данной местности. От председателя и других чиновников я получил интересныя данныя о Харьковской губернии.

Г. Майевский очень хорошо отзывался о системе кадастра (оценка государственных земель), предпринятой и оконченной в Воронежской губернии; он думал, однако, что было бы проще и целесообразнее, по крайней мере для Харьковской губернии, сделать эту оценку гуртом. Теперешний министр государственных имуществ, находя систему подушнаго налога несправедливой (хотя оброк составляет собственно плату за землю, однако и он собира-

ется с души), возымел мысль перевести налог постепенно с души на землю и с этою целью начал в Воронежской губернии правильное измерение и оценку земель. Очевидно, что научная оценка земель во всей России представляет непомерный и даже невыполнимый труд. С наличным числом землемеров и таксаторов, с их инструментами, в 50 лет можно кончить только $\frac{1}{10}$ часть этой работы. Кроме того, оценка на научных данных каждого клочка земли совершенно невозможна и всегда более или менее основывается на личных воззрениях таксаторов.

Определение величины и поземельного налога по сделанному кадастру, собственно, несправедливо. Некоторые налоги, определённые по этому принципу, были бы подражанием сенсимонистской оценке крепостных людей, делаемой некоторыми русскими помещиками. Как было уже сказано прежде, помещик оценивает не только землю, которую даёт крепостному человеку, но и инвентарь, и даже индивидуальныя свойства человека, его физическия и умственныя силы, трудолюбие, порядок, предусмотрительность, уместность и т. д., капитализирует всё это вместе и с этого капитала определяет процент, который должен ему платить крепостной человек.

Но в настоящем случае речь идёт не о *поземельном налоге в России, а о доходе с государственной земли*, так как не вся земля Русскаго государства обкладывается податью, а только земля, населённая государственными крестьянами, что, за вычетом лесов, степей и т. д., составит не более $\frac{1}{8}$ всего пространства России и меньше половины теперь возделанной земли. Поэтому оценка, предпринятая на научных данных, кажется мне и несправедливою, и, что важнее всего, невыполнимою на практике. Министр предвидел это и задался очень практической идеей: признать повсюду за действительную оценку земли тот раздел участков между членами каждой общины, который совершается самими крестьянами по русскому общинно-

му принципу. Министр приказал сделать самую точную и научную оценку земли в нескольких общинах, и по аккуратном сравнении научных измерений и оценок с измерениями своей земли, сделанными самими поселянами для дележа ея между собой, неожиданно оказалось, что крестьянския измерения почти везде совершенно верны, а оценка, сделанная ими, разнится от оценки, произведённой научным образом, от 1 до 3 процентов. Следовательно, если принять за основание величины оброка крестьянскую оценку земли, остаётся только снять планы и определить величину поземельной платы в общинах относительно достоинства их земли. Но справедливое определение высоты этой платы – работа очень большая и сложная.

В Западной Европе поземельный налог состоял первоначально в отдаче натурою части всего сбора, десятой, седьмой или пятой, или в отдаче части хлеба, четверти, половины, целого шеффеля с каждого моргена. Такая форма налога в Западной Европе образовалась понемногу в течение нескольких столетий. Введение теперь в России этой системы, несмотря на то, что она соответствовала бы степени образования народа, вызовет безконечныя затруднения, и поэтому в России, вероятно, останется денежная плата за землю, причём опыт, сделанный министром, получит применение, хотя отчасти.

По мнению г. Майевского, для Харьковской губернии было бы вполне достаточно самое простое разложение оброка на пахотную и сенокосную землю поддесятинно. Он говорит, что Харьковская губерния разделяется четырьмя почти параллельно текущими речками, принадлежащими к бассейну Дона, на четыре части почти равной величины. Во всех четырёх частях земля почти равна в достоинстве, только по правому или горному берегу четырёх речек лежат от двух до шести вёрст ширины полосы неплодоносной или дурной земли. Все крестьяне были бы совершенно довольны, если бы вся хорошая земля была обложена

подесятинно одинаковой платой, а дурная земля вчетверо или вдвое дешевле. Если оброк, собираемый с крестьян теперь, переложить на невозделанную землю, то на десятину хорошей земли приходилось бы 1 руб. 20 коп. асс., а на десятину дурной – от 30 до 60 коп. асс. Я не могу судить, насколько всё это справедливо.

Я слышал об интересном опыте облесения здешних степных пространств. Лесной офицер Абрамов по собственной охоте и частью на собственный счёт засадил с 1838 года около 860 десятин очень песчаной почвы тополями и ивовыми отводками, которые очень хорошо принялись. Правительству следовало бы, по возможности, поддерживать и поощрять такие опыты. Нельзя сказать ничего общего относительно облесения степей, такие опыты не удаются в одном месте, но удаются рядом с ним.

Мне были сообщены ещё некоторые наблюдения, относящиеся к разъяснению крепостных отношений и дополняющие уже сказанное мною относительно недостаточности путей сообщений*.

В этих хлебородных местностях помещики ни под каким видом не продают своего хлеба в урожайные года и в большинстве случаев запрещают продажу его и своим крестьянам. Поэтому в такие года огромные массы хлеба не поступают на рынок и цены на него не падают до минимума. В неурожайный год помещики и их крестьяне продают хлеб высокими ценами и этим предотвращают голод. Помещики богатеют в такие года, но точно так же богатеют и их крестьяне, которые здесь в общем итоге богаче государственных крестьян. Государственные крестьяне, совершенно свободные и ничем не вынуждаемые, продают по легкомыслию, лежащему в природе русского человека, свой хлеб каждый год и потому в голодные годы терпят

* Я упомяну ещё раз, что из доставленных мне сведений следует, что цена на хлеб в этих местностях, смотря по тому, хороши или дурны дороги, близка или далека судоходная река, разнится в местах, отстоящих друг от друга на 50 вёрст, больше чем наполовину.

действительную нужду. Казённые и общественные магазины не могут совершенно отвратить голод. Если бы провести в достаточном количестве хорошия дороги, а крепостныя отношения изменить, согласно указу от 2 апреля 1842 года, на контрактныя отношения с денежной платой за труд, если барщинное хозяйство заменится вольнонаёмным, причем землевладельцы будут нуждаться в деньгах для ведения хозяйства, а, следовательно, будут вынуждены ежегодно продавать свой хлеб, то все сельскохозяйственныя отношения изменятся чрезвычайно, и нельзя даже наперёд вычислить всех влияний, какия это окажет на увеличение сбора хлеба, цены на него и на имущественныя отношения помещиков и крестьян; однако для меня не подлежит никакому сомнению, что по миновании кризиса настанет прочное равновесие в хлебной торговле и денежных оборотах. Внезапное уничтожение крепостнаго права или даже вынуждение к замене его контрактными отношениями по указу 1842 года, но без предварительнаго устройства всевозможных путей сообщения, было бы, по крайней мере, для этой местности истинным бедствием.

Я считаю делимость земельного владения между несколькими наследниками одним из величайших зол земельного владения в России. Этим подрывается самая могущественная политическая основа Русскаго государства – единство сельской общины. Поместья дробятся, образуется класс бедных дворян, вследствие своей бедности остающихся в России неизбежно без всякаго образования. Эти-то бедные дворяне – настоящия пиявки для своих крестьян; при раздроблении сельской общины между несколькими владельцами разорённые и измученные крестьяне не могут даже найти защиты в своей общине, тогда как целая община всегда внушает некоторое опасение даже в крутом помещике. Я слышал, что в этой губернии дробление деревень встречается очень часто и что это вызывает множество неурядиц. Некоторые помещики

владеют несколькими отдельными клочками земли, разделёнными подобными же клочками других владельцев, и обрабатывают их своими крестьянами; целая деревня, а иногда и несколько крестьян из этой деревни, принадлежащих одному владельцу, пользуются даровым топливом из соседняго леса, быть может прежде принадлежавшего их господину, но теперь составляющаго собственность другаго, или имеют даровой выгон на соседних лугах без определения количества скота и т. д., — одним словом, тут единственно вследствие этого несчастнаго деления деревень и последующих обменов, продаж и т. д. возникают те же путаницы поземельной собственности, что и в Западной Европе, которыя составляют там такое препятствие к успехам земледелия и которыя мы стараемся отстранить понемногу с огромным трудом и неисчислимыми издержками. Эти путаницы возникли в России в последние 150 лет, так как прежде русское дворянство было малочисленно и деления деревень могли встречаться очень редко. Правительство должно было бы принять меры против этого, и мне кажется, что исправить это было бы нетрудно. Для этого не нужно даже изменять законов о наследственности, стоит только запретить на будущее время *действительный раздел* деревень. В случае нескольких наследников пусть один из них берёт всё именье за себя за определённую цену, выплачивая остальным их доли; если же они не сойдутся между собой, то всё именье должно быть продано в посторонния руки и наследники делят между собой полученные деньги. Равным образом должна быть запрещена продажа отдельных частей деревень, ещё не разделённых до сих пор. При продаже частей уже разделённых деревень лицам, владеющим какой-нибудь частью той же деревни, должно быть предоставлено преимущественное право покупки. Эти путаницы поземельнаго владения должны представлять значительныя препятствия и для кадастра.

Здешние крестьяне вообще несколько ленивы. Мало-россияне отправляются в поле со своими волами и задумчиво ходят за ними таким же медленным шагом. Великоросс, пашущий на своей резвой лошадедке, ловок и поворотлив, впрочем, он так же мало употребляет усилий в работе, как и его весёлая лошадка. Государственные крестьяне ленивее барщинных; но самые ленивые работники – это однодворцы. Мне рассказывали, что во время жатвы они берут себе в помощь великороссов из соседней губернии. В Старобельском уезде они отдают этим рабочим за все работы по уборке хлеба от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{5}$ всего сбора. За сенокос они платят вместо денег половину сена. В помещичьих имениях десятину хлеба скосить, связать в снопы и поставить в крестцы должны в течение дня два работника и три работницы.

Близ Харькова десятина земли под посадку арбузов, которая должна перед тем года два отдыхать, сдаётся в аренду ценою до 21 руб. асс.* Обыкновенная и худшая земля сдаётся от $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ руб. асс. за десятину. Здесь также часто нанимают и обрабатывают землю городские купцы. Они держат обыкновенно своих лошадей, имеют свои орудия, телеги и т. д. и нанимают только рабочих на время обработки полей и уборки. Казна платит тут рабочим $1\frac{1}{2}$ руб. асс. в день.

В нынешнем году цена на мериносую шерсть в Харькове стояла 40 руб. 25 коп. асс. за пуд мытой шерсти и 19 руб. 25 коп. асс. невытой шерсти; такая разница указывает на то, какое огромное количество степной пыли проникает в руно от сильных восточных ветров. Центнер шерсти того же достоинства стоил в том же году на рынках северной Германии от 60 до 70 талеров**. Пуд обыкновенной шерсти стоит от 7 до 10 руб. асс.

* В книге г. Пассека «О Харьковской губернии» арендная цена земли близ Харькова стоит от 10 до 40 руб. асс. за десятину. При составлении моего труда я не раз пользовался этою книгой.

** В центнере 110 прусских фунтов; 37 прусских фунтов равняется нашему пуду, – следовательно, в центнере почти ровно 3 наших пуда.

Нам очень хвалили воронежского генерал-губернатора за его прямоту и любовь к правосудию. Он очень популярен, в особенности между государственными крестьянами и однодворцами, которые при всяком случае обращаются к нему с большим доверием. Впрочем, это служит поводом к возникновению безчисленных притязаний крестьян к соседним помещикам на возвращение земель, отрезанных некогда помещиками у крестьян: отсюда жесточайшие процессы. Мне рассказывали по этому случаю, что если возбудить в русском крестьянине страсть к процессам, то в нём вызывается более чем в ком-либо другом непримиримая вражда, разоряющая его физически и нравственно.

Я посетил здешний университет и познакомился с несколькими отличными профессорами, как-то: гг. Луниным, Срезневским, Эйнбродом, Струве; все они получили своё образование в германских университетах.

Профессора здешнего университета получают содержание от 5 до 6 тыс. асс., что очень мало. Плата студентов в пользу профессоров не существует. Трудно понять, почему этот обычай не в употреблении здесь, так как, с одной стороны, это служило бы поощрением для учащихся и учащихся, а с другой – русские студенты в общем принадлежат к достаточному классу. Почти все профессора держат несколько пансионеров, и студенты находятся под строгим надзором. О дуэлях и других обычаях немецких студентов тут нет и речи, тем страннее, что между русскими студентами очень распространено политическое развитие, большею частью самого разрушительного направления, несмотря на существование строгой цензуры для литературы и на то, что от своих профессоров они никогда не слышат даже малейших намёков на такие доктрины и воззрения. Такова миазма! Гувернёры и гувернантки, прежде ежегодно наводнявшие Россию из Франции и Швейцарии, несут на себе главную ответственность в распространении этих доктрин в недрах всех семей, а последующие политиче-

ские заговоры при Александре I стали историческим преданием, хранимым юношеством. Эти учения значительно распространены не только между всеми студентами, но даже в гимназиях и семинариях, в кадетских корпусах и других столичных воспитательных заведениях, наконец, между молодыми чиновниками и офицерами, в особенности же в среде молодых гвардейских офицеров.

В профессоре Срезневском я нашёл дельного славяниста и знатока славянских древностей. Я выразил ему своё удивление, что не встретил нигде в России того расположения и постройки деревень, которые называются в Германии *вендскими*; деревни эти вполне сохранились в Альтмарке и близ Люнебурга, и я считал их первобытными славянскими, в них все дворы деревни совершенно замкнуты, расположены рядом в виде круга таким образом, что в деревне только один вход и выход. Г. Срезневский полагал, что этот обычай существовал прежде и у чистых славян в России. Обыкновенно русская деревня и теперь состоит из одной улицы; может быть, это указывает на то, что в древние времена на одном конце улицы дворы замыкались, так что вся деревня представляла вид мешка. В Малороссии есть и теперь деревни в виде таких длинных мешков. Древние круглые валы, городища в Богемии и Лаузице, далее рынки или кольца в польских городах и, наконец, расположение древнерусских городов намекают также на этот обычай. В связи с ним же Москва расположена в виде колец, лежащих друг в друге, как чешуйки луковицы. Но, кроме того, действительно, в некоторых отдалённых местностях, например в Нижегородской и Казанской губерниях, существуют деревни, в которых дворы расположены кругом, — это и большею частью деревни раскольников, лежащая в глуши, в лесах и часто вовсе неизвестная полиции. Такие деревни называются скитами, а их жители — скитари. На круглой площади, образуемой дворами, висит между двумя стол-

бами под перекладиной колокол, а молельня помещается в общем ряду между другими домами. Эти раскольники не делят землю, как прочие русские, а обрабатывают поля всей общиной и делят между собой сбор.

На мой вопрос, не сохранились ли в России следы первобытных народных судов с особенной юриспруденцией, передаваемой по преданию, г. Срезневский уверял меня, что в Малороссии, именно в Киевской губернии, например в деревне Мошне при Канилеве, существуют и теперь вполне организованные сельские суды, в которых все дела разбираются тремя стариками. У донских казаков также есть организованные суды, но в них разбираются только дела по пастьбе скота и скотоводству*.

У лютеранского пастора Ландезена я познакомился с одним греческим монахом Иеронимом. Он родом эстляндец и перешёл в православную Церковь. С ним вместе я посетил один здешний монастырь и впоследствии с ним же был у архиерея Иннокентия. Последний один из учёнейших и даровитейших духовных особ русской Церкви, знаменитый проповедник, и с чрезвычайно достойной наружностью. Он основательно знает немецкую теологию и прежде был в литературных сношениях с Шлейермахером и Неандером. Он беден, потому что содержание архиереев очень ничтожно**, и притом он делает множество добрых дел, — разве только он получает большия деньги за свои сочинения, очень любимыя публикой. Его отличныя проповеди привлекли большое количество (в течение нескольких лет до 25 000 человек) раскольников к православию.

---

* Прежде в моём сочинении *Über die Kaspel und Köhrgerichte in Pommern*, остатке древняго народного суда, напечатанном в *Jahrbücher für die Preussische Gesetzgebung 1840*, тетр. 112, я высказал мнение, что эти последние суды, касающиеся только дел выгона и скотоводства, составляют остаток древних вендских народных судов. Вышеприведённые суды у казаков подтверждают это мнение.

** Я слышал, что в России всё православное духовенство получает из государственнаго казначейства менее денег, нежели духовенство католическое, протестантское и магометанское, вместе взятыя.

Затем я посетил здешнюю гимназию. Преподавание в ней то же, что в старых иезуитских школах, — именно первый класс представляет нижнюю ступень; в него принимаются десятилетние дети, умеющие читать, писать и знающие 4 правила арифметики; их учат тут латинскому, немецкому и французскому языкам. Во втором классе к тем же предметам прибавляется география; в третьем — история, в четвёртом — логика, в пятом — физика, в шестом — философия, — и ученик приготовлен к университету.

Рано 21 июля поехали мы осматривать украинския военные поселения за 35 вёрст от Харькова в город Чугуев, где помещается штаб. На 14-й версте увидел я в первый раз, на искусственном круглом кургане около 4 сажень высоты, таинственное каменное изваяние, каких прежде было разсеяно много тысяч штук в степях севернаго Кавказа и севернаго берега Чёрнаго моря и принадлежавших совершенно неизвестным народам и временам. Описание здешней бабы я откладываю до другого места, где я помещу вместе всё, что мне удалось собрать в моём путешествии об этих памятниках старины.

Около 9 часов прибыли мы в Чугуев. Город расположен на крутом правом берегу Донца. Всё здесь носит на себе характер военного порядка, правильности и чистоты. Прекрасная длинная аллея итальянских тополей ведёт к городу.

Уже давно, при Иване IV, в этой местности были поселены казаки. Есть грамоты царя Алексея от 1638 и 1647 годов. Впоследствии Чугуев и окружающая его казачья колония были местом ссылки бунтовавших стрельцов. Сюда же ссылались и несчастные иностранцы, и теперь ещё между крестьянами есть их потомки, которых можно узнать по фамилиям. Так, тут есть несколько русских крестьянских семей, носящих фамилию Штих, — они, вероятно, произошли от одного немецкаго доктора того же имени, сосланнаго сюда при Алексее Михайловиче. Тут так

же часто встречается между крестьянами фамилия Урке (Ourke); существует известная фамилия графов Урке в Англии и Лифляндии, и судьбе угодно было, чтобы именно теперь командиром тут был генерал граф d'Урке.

Мы взошли в хорошенькую квартиру инспектора поселения; нас принял адъютант и проводил во временную квартиру императора – в прекрасный небольшой загородный дом, живописно расположенный на возвышении над Донцем и окружённый цветущим садом, спускающимся к самой реке. Вся мебель в доме сделана рабочими поселения – солдатами рабочего батальона; всё было сделано хорошо и со вкусом, и в доме царствовал полный комфорт. Затем к нам пришёл начальник бригады, генерал-майор Линдгрэн, чтобы предложить нам осмотр всего. Мы осмотрели городскую думу, канцелярию, архив (где охраняются старья жалованья грамоты царей), собрание найденных здесь окаменелостей, где мы видели экземпляры каменного угля, который, вероятно, находится неподалёку отсюда в больших залежах, но ещё не сделано до сих пор надлежащих разведок. Тут есть и железная руда, содержащая до 30% железа. Нам показывали отличные планы и карты, почти все прекрасно нарисованные здешними кантонистами и солдатами. Мне подарили небольшую статистику этого военного поселения с шестью отлично нарисованными картами шести округов. Эта книга может служить замечательным доказательством русской ловкости и умелости, – вся она была безошибочно скопирована по-немецки латинскими буквами; работа эта исполнена одним русским кантонистом, *ни слова не знающим по-немецки*. Я воспользовался числовыми данными этой книги. Мы пошли в церковь, которая вся целиком, с каменной и деревянной работой, резьбой, позолотой, иконописью и т. д., выполнена здешними кантонистами здешнего батальона рабочих, о котором мы будем говорить далее. Затем мы осмотрели конюшни. Каждая 40 лошадей помещаются

в отдельном здании, в котором есть, конечно, особые комнаты для сёдел, орудий, мундиров и т. д. Лошади отличные, 3 вершков росту (для уланов). Средняя цена лошади в покупке 240 руб. асс. Они покупаются на ярмарках южной России, на которые пригоняется 29 и 30 тыс. лошадей. Каждые 6–8 лет лошади тут меняются. В каждом полку лошади своего цвета, – мы осматривали белых.

Внешняя часть города состоит из деревень. Я взошёл в первый лучший дом и должен был подивиться порядку и чистоте в нём. Все избы построены по одному образцу – по три окна на улицу и по маленькой комнатке под крышей. Солдат живёт в совершенном согласии со своими хозяевами, у него особая комнатка, он помогает крестьянам в их хозяйстве, насколько у него остаётся времени от чистки мундира и лошади и от учения. Далее мы осматривали военное депо, в котором всё заготовлено для моментального выступления в поход целой дивизии, больницу, состоящую не из одного большого, но из нескольких маленьких строений. Устройство в ней образцовое. В ней находилось 140 больных, частью солдат, частью принадлежащих к поселению крестьян. В высшей степени интересны большие дворы и помещения батальона рабочих, осмотренные нами; мы видели тут мастерские всех возможных ремёсел вместе – тут были кузнецы, оружейные мастера, делатели орудий, столяры, резчики, седельники, даже живописцы, и картины, конечно копии, портреты царя и т. д. указывали на значительную техническую обработку.

Из мебели, приготовляемой тут, я видел лучшую в царском дворце. Разные рамы для картин были все очень хорошо сделаны. Работа сёдел особенно хороша, – отличная кожа и очень дёшево: седло с двойным мундштуком стоит 40 руб. асс., за что в Германии, наверное, надо заплатить вдвое. Там же рабочие батальоны учреждены во всех военных поселениях; в этих батальонах отдельные офицеры, своя форма, и рекруты набираются в них особо, хотя и тем

же общим порядком. Плата и содержание тут те же, что и остальным солдатам. Всё сделанное ими в свободные часы они имеют право продавать в свою пользу, но и в этом случае работа и плата за неё находятся под контролем.

Затем мы осматривали манеж и артиллерийскую школу, где множество детей упражнялись на деревянных пушках. Наконец, мы отправились на вновь учреждённую земледельческую ферму и земледельческую школу с 32 учениками на той стороне Донца. Мы видели здесь отличное собрание земледельческих орудий, – именно всевозможные роды плугов, и при этом слышали, что обыкновенный тяжёлый малороссийский колёсный плуг всего более подходит к степной земле, вновь поднимаемой. Он пашет глубоко, что необходимо для сухой почвы; конечно, в него впрягается не менее 4 волов.

Мы слышали, что крестьяне просили принять в земледельческую школу их сыновей, что и сделано. Между этими крестьянами, уже привыкшими к военной дисциплине, было бы легко ввести скорыя и дельные улучшения в хозяйстве и наблюдать за действием их. Это военное поселение могло бы стать примером для всего юга России.

В этом поселении 4 полка улан, 4 полка кирасиров по 1800 человек в каждом; к ним в последнее время прибавлено из Херсонской губернии 2 полка гусар, 2 улан, 2 кирасиров, так как они уменьшены с 10 эскадронов на 6. В каждом эскадроне по 3 роты.

Каждому полку отрезана площадь земли величиною от 12 до 25 кв. миль; в доставленном мне экземпляре статистики были нарисованы карты этих земель. Площадь земли, принадлежащей 4-м уланским и 2-м присоединённым гусарским полкам, составляющим одну дивизию, о которой я только и имею надлежащая сведения, так как дивизии кирасиров я не посещал, обнимает несколько более 100 кв. миль. Земля эта заселена крестьянами, которые не платят ни податей, ни оброка, а взамен того обяза-

ны содержать эти полки, так что, собственно говоря, полк тут не что иное, как собственник этой земли и владелец крепостных крестьян.

Каждому крестьянскому дому отрезано раз навсегда по 18 десятин пашни, по 6 десятин в поле и сенокосов в разных деревнях различно, но не более 6 десятин на двор. Лес на постройку и отопление они получают, сколько нужно, безвозмездно.

За это они не несут никаких денежных податей, а вместо того каждый двор должен дать у себя постоянное помещение одному неженатому солдату*, то есть квартиру, отопление, освещение и пищу; затем они исполняют известные натуральные повинности: вносят овёс в магазин для содержания лошадей, пшеницу и рожь в хлебный магазин, наконец, они же несут и подводную повинность при развозке хлеба, при подвозке матерьялов для построек, починок и т. д. Мне говорили, что в земле кирасирской дивизии, лежащей к юго-востоку, крестьяне не обложены хлебной податью, а просто состоят на барщине. Часть поля не отдана крестьянам и обрабатывается ими как помещичья земля. И крестьяне там богаче, впрочем, у них и земля лучше здешней**.

Я передаю тут следующие числовые данные, которые тем более интересны и поучительны, что *совершенно верны*, чего никогда нельзя сказать об остальных русских статистических матерьялах.

Вся площадь земли, принадлежащей казне, обнимает пространство в 541 509 десятин, из числа которых в настоящее время 180 000 дес. обработанной пахоты, 40 000 дес. сенокосов, 37 243 дес. леса и кустарника, остальные поч-

* Семейным солдатам предоставляется особый домик с огородом, а провиант на них и их семьи выдаётся из магазинов.

** Я знаю об этом по изустно сообщённым мне сведениям. Из переданных мне статистических таблиц уланского поселения видно также, что в отдельных местностях и тут крестьяне освобождены от натуральных повинностей и обрабатывают барщиной землю для полка.

ти 300 000 дес. – необработанная степь, неудобная земля и т. д. Внутри этой площади находятся и некоторые частные владения, так что всё пространство, как уже сказано, занимает около 100 кв. миль. Всё это пространство, соответственно распадению дивизии на полки и т. д., делится на 6 частей по числу полков, и затем каждая такая часть ещё на три. Первоначально для содержания целого полка считалось нужным 11 000 мужских душ населения, теперь же большинство полков живёт трудом более 13 000 муж. душ. Общее население всей этой площади простиралось в 1843 г. до 75 801 муж. и 76 755 жен. пола, а всего 152 556 человек; в 1825 г. было только 54 812 муж. и 56 724 жен. пола, всего 111 536 человек. Следовательно, в 18 лет население прибыло почти на $\frac{1}{3}$, или почти на $1\frac{1}{2}$ процента в год. Теперь на квадратную милю приходится 1 564 человека, а в 1825 приходилось 1 154 человека.

Всё это население состоит из следующих частей:

Число крестьян-хозяев 1-го класса	8 394
Число крестьян-хозяев 2-го класса	3 564
Не-хозяев	17 019
Детей-мальчиков всех поселенцев	37 770
Число кантонистов	404
Число служащих инвалидов	1 383
Число неслужащих инвалидов	2 410
Число безсрочноотпускных	1 510
Число рабочих в ремесленных батальонах	1 499
Число больничных и других служителей	414
Число не оседлых здесь унтер-офицеров и окончивших срок службы	254

В какой мере вместе с возрастанием населения увеличилось и количество инвентаря и хозяйственных принадлежностей, можно видеть из следующей небольшой таблицы:

СКОЛЬКО ЧЕТВЕРТЕЙ ХЛЕБА ЗАСЕВАЛОСЬ КОЛОНИСТАМИ	Число лоша- дей	Число рабо- чих волово	Число не- рабочаго рогатаго скота	Число овец
В 1825 году 50 470	8 627	28 217	41 610	89 446
В 1843 году 150 825	12 036	48 955	59 411	131 667
Следовательно, в 1843 году более на 100 355	3 409	20 738	17 801	42 221

Отсюда видно, что хозяйство поселенцев в течение 18 лет возросло в большей степени, нежели в какой увеличилось население, и, следовательно, тут улучшилось благосостояние не только всей общины вместе взятой, но и отдельных членов ея. Пространство обрабатываемой земли утроилось, число лошадей увеличилось на $\frac{3}{8}$, рабочих волов – на $\frac{5}{7}$, прочага рабочего скота – на $\frac{3}{7}$, овец – почти наполовину!

Познакомившись с Чугуевским военным поселением, насколько это возможно было сделать в один день, мы поехали после обеда обратно в Харьков, где напились только чаю и в ночь выехали по дороге к Екатеринославу.

Но прежде чем продолжать отчёт о путешествии, я сообщу некоторым общия соображения о Харьковской губернии. Они заимствованы большею частию из историко-статистического описания Харьковской губернии В. Пассека, напечатанного на русском в «Матерьялах для статистических работ», и переведённого, собственно, для меня на немецкий язык. Это одна из лучших монографий, какия только мне попадались об отдельных местностях России.

Пространство, занимаемое теперь Харьковской губернией, представляло 300 лет тому назад голую степь, по которой скитались только кочевые народы. Московское великокняжество только что окрепло тогда, оно завоевало

внутригосударственное единство и вне независимость от владычества Золотой Орды. Последняя была раздавлена, и из развалин ея образовались три царства – Казанское, Астраханское и Крымское; два первые из них были слишком слабы, чтобы быть опасными для Москвы и скоро совсем ей подчинились. Но царство крымских татар целые 200 лет ещё было опаснейшим врагом России. Между двумя царствами лежала степь, и татары переезжали её в своих разбойничьих набегах на Россию. Поэтому Россия старалась найти себе оплот в степи и прежде всего укрепить некоторые пункты, с которых можно было бы наблюдать за движением татар и удерживать их набеги. Уже Иван Васильевич на месте нынешнего военного поселения в Чугуеве на Донце заложил вал, род укрепления, защита котораго была поручена стрельцам, а впоследствии казакам. В 1599 г. Борис Годунов заложил в 50 верстах южнее на Осколе укреплённый город Царёво-Борисов и населил его стрельцами и боярскими детьми. Их потомки невдалеке от него построили новый город. Южнее был сделан вал, следы котораго видны ещё и теперь при городе Славянске. Татары в свою очередь укрепили некоторые пункты в степи. Об этом свидетельствуют названия некоторых городов, как Изюм, Ахтырка (по-татарски белый берег) и название реки Андар. Там и сям встречаются в степи большие кругообразные валы с небольшими остатками развалин внутри; кто различит, были ли то маленькие городки или лагерные стоянки? Они принадлежат более древним временам и неизвестным народам, как и курганы.

Но кроме этих немногих укреплённых мест вся степь представляла полнейшую пустыню. Она никому не принадлежала: ни русские, ни татары не делали никаких притязаний к завладению ею. Пространство, занятое Россией ещё при первом Романове, определялось линией, шедшей через Белград, Оскол, Корочу, Яблонов, Бейлуки и т. д.

Вышепомянутые укреплённые пункты были большею частью заселены великороссами, в половине XVII века на-

чали переселяться туда и малороссияне. Это была часть тех, которые воспротивились религиозной и политической унии и поселению между ними польского дворянства. Они просили защиты у Москвы, и её обещал им царь Михаил Фёдорович.

Тогда быстро возникла масса слобод и деревень, распространяясь везде от севера к югу и непременно вдоль рек, как инстинктивно совершались все русския колонизации, так что главные пункты принимали названия рек. Тогда возникли Харьков, Волчья вода, Липчик, Марчив, Хатомля-Бурлук и др. Во внутрь степи никто ещё не проникал. Переселение в неё началось не ранее того, как безопасность со стороны крымских татар была обезпечена лет 70–80 тому назад. Малороссияне распространялись естественным путём; их крупные слободы выселяли на речках мелкие колонии, а из великороссов выселялись в степь излишние крепостные люди их помещиками. Колонии малороссиян представляют частью деревни, частью отдельные дворы или хуторы. Таковы, например, вышедшие из города Салтова: Дьочек, Ралков, Малый-Салтов, Красное и др. Из деревни Хатомля вышли хуторы: Дудглов, Чижов, Лазарев, Томахов. Из деревни Олхуватка возникло около 30 хуторов. Впрочем, основываясь на густоте населения разных пунктов, можно думать, что главное движение его шло с запада на восток.

Эти первыя малороссийския поселения, будучи постоянно на стороже против набегов татар, приняли совершенно военную организацию. И организация эта отнюдь не была введена сверху, но устроилась сама без какого-либо принуждения. Это старая народная организация казаков. Поселенцы образовали тут три сословия или отделения: казаки, которые поселились преимущественно в слободах и одни имели артиллерию и пользовались ею; *кампомайцы*, принимавшие участие в военных походах и стоявшие в несколько подчинённом отношении к казакам, и крестьяне, обрабатывавшие землю вместе с казаками. О внутренней военной организации их, о разделении на полки, об атама-

нах, эсаулах, о судах и прочем я буду говорить подробнее в другом месте, при описании всего русского казачества. Колонисты образовали 4 полка, имевшие своё местопребывание в 4-х слободах: Сумах, Харькове, Изюме и Острогожке, которые вначале были управляемы самой Москвою, а затем были подчинены Белграду.

Они выказали верность и преданность московскому престолу, особенно во время возмущения Брюховецкаго, за что царь Алексей Михайлович освободил их от податей и торговых пошлин. Цари Феодор, Иван и Пётр подтвердили все их привилегии. В 1697 г. Пётр I обложил кампомайцев сбором по рублю с головы, но по представлению казачьих полковников налог этот был снят. Очень интересен указ от 28-го февраля 1700 года; он бросает некоторый свет на жизнь и отношения колонистов: «Мы, Пётр I и пр. разрешаем полковникам сельских черкесских полков Сум, Харькова, Изюма и Острогожска, равно и старшинам и казакам за их верную и безпорочную службу, вести торговлю в городах, владеть рыболовством и мельницами, держать шинки безпошлинно и курить вино по их черкесским обычаям и безпошлинно; повелеваем оставаться им свободными от податей, как они и прежде были. Для улучшения порядка в войске, к каждым пяти сельским полкам должно быть приписано 3500 казаков. За исключением обыкновенной военной службы, они нигде не должны быть утруждаемы какой-нибудь посторонней работой без нашего на то особаго царскаго повеления. В слободах и городах, где казаки платят подати, не должно быть русских содержателей кабаков, а таможни, мосты и перевозки принадлежат старшинам и казакам, и со всех едущих и русских купцов, и с черкесских товаров могут они, по предписанию начальства, взывать деньги и представлять последния в Белгород. В заключение утверждаем мы настоящих полковников тех полков навсегда в их теперешних должностях, равно как старшин и казаков, и скрепляем то нашу царевою печатью».

Нельзя отрицать, что из этого документа, отнюдь не единичного, равно как и из других источников, несомненно явствует, что в казачьих землях царствовала демократическая свобода, федеративная самостоятельность и независимость и что эти вольности были у них так прочны и живучи, как ни в одном другом славянском племени.

Однако в Украине это устройство должно было постепенно исчезнуть и замениться другим, так как основа и гений внутренней жизни казаков – воинственный дух, возбуждавший весь народ, – мало-помалу совершенно изсяк. С того времени как крымские татары подпали под власть русской короны, с того времени как турки не осмеливались выступать из своих засад, с того времени как украинский казак не стоит более на одинокой страже, на высоких деревянных подмостках, следя оттуда своим острым глазом за пылью, поднимаемую в степи копытами татарских коней, с того времени как весь народ не стоит постоянно наготове к войне, с того времени живой, активный воинственный дух успокоился, а вместе с ним постепенно изсякало чувство свободы и независимости, и казаки постепенно лишались своих вольностей и привилегий! Европейское военное устройство и новейшее чиновничье управление заняли место воинственного казачьяго сельского устройства и патриархального самоуправления.

После Полтавской победы Пётр I поставил над четырьмя сельскими полками Украины дивизионнаго генерала Петра Матвеевича Апраксина.

Тогда, собственно, началась колонизация великорусскаго племени. Апраксин и многие другие из придворных дворян приобрели покупкою, царскими подарками, а подчас и произвольным присвоением множество земли в Украине и заселили её своими крестьянами из великорусских деревень. Скоро это вызвало подражание, и из всех местностей России отправлялись в Украину партии переселенцев, а вскоре переехали туда и многия дворянския семьи. Так, фамилии Кантемира и Куликова прибыли сюда

из Валахии, фамилия Хорвата из Венгрии и т. д. Впрочем, некоторые фамилии, как Донцер, Захарищев, Квитка и Шидлов, жили тут уже с незапамятных времён.

В 1731 г. была проведена охранная линия от впадения Орла в Днепр, до впадения Стора в Донец; линия эта состояла из рва и вала, а на каждые 10–15-ти верстах были сделаны укрепления. Эта линия непосредственно соединялась с другой древнейшей линией, заложенной ещё Борисом Годуновым. Спустя два года в этой части казачьей земли правительство начало вводить новые порядки, тогда как западная часть сохранила ещё свои старинные учреждения. В городе Сумы была учреждена высшая канцелярия. Было приказано одному из казацких полковников именоваться впредь бригадным командиром всех слободских полков, а остальным полковникам называться премьер-майорами, творить суд по русским законам, ввести поголовный сбор по 21 коп. с души, отобрать из всех слободских полков способнейших людей и образовать из них на счёт казаков драгунский полк, прежний крест на знамёнах и печати заменить государственным гербом с обозначением полка и т. п. Эти меры изменили внутренний характер всей прежней организации, впрочем, отчасти оне тогда не все были приведены в исполнение, а отчасти были и совсем уничтожены впоследствии. Так, в 1742 г. императрица Елизавета уничтожила драгунский полк (вместо него в 1752 г. учреждён слободской гусарский полк, на содержание которого был назначен в Украине подушный налог $19\frac{1}{2}$ коп. с души). Она сохранила казакам их древние вольности и возвратила отнятые. Число украинских казаков было определено в 5000 человек.

При Екатерине II всё малороссийское казачество было совершенно преобразовано. Границы государства были расширены и укреплены, так что малороссийским казакам не приходилось быть пограничной стражей страны и их народная военная организация перестала быть необходима.

С 1766 года слободские казачьи полки переименованы в гусарские. Они удержали свои названия, их обер-офицеры сохранили своё военное положение и т. д. Вся казацкая страна образовала отдельную губернию – губернию Слободской Украины. Четыре полковые слободы: Харьков, Ахтырка, Сумы и Изюм – переименованы в уездные города. Вместо сумм, взимавшихся на содержание казацких полков, жители привилегированной местности, то есть такой, где было разрешено безошлинное курение вина, обложены налогом в 95 коп. сер. с души, жители непривилегированных местностей – налогом в 85 коп., а крепостные, помещичьи крестьяне в 60 коп. сер. с души. Право безошлинного курения вина было ограничено по местным надобностям и личному разрешению губернатора. Обыкновенно разрешалось на каждые 1000 душ курить 180 вёдр в трёх заторах.

В 1780 г. Украина получила наименование Харьковскаго наместничества. Тогда же было предпринято измерение всего государства, и в Харьковском наместничестве считалось, за опущением квадратных сажень, в круглых цифрах:

Пашни	1 674 988	десятин.
Сенокосов	549 493	–
Лесу строеваго и дровянаго	468 468	–
Хуторской земли и пастбищ	115 375	–
Неудобной земли	143 293	–
	<hr/>	
	2 951 617	десятин.

Остальная земля была тогда дикая степь.

Население состояло из	403 334 муж. душ.
	394 474 жен. душ.
	<hr/>

всего 797 808 душ, которья жили
в 1182 городах, деревнях и колониях.

В это число не вошли дворяне, чиновники и прежние старшины с их семьями, так что всё население можно считать в 805 000 человек.

При пятой ревизии число населения возросло до 835 501 человека, а при седьмой ревизии – до 910 000 человек.

Тогда к наместничеству был присоединён Старобельский уезд с 70 000 жителей. В 1796 г. Харьковское наместничество переименовано в Харьковскую губернию, некоторые уезды его отнесены к Курской губернии, а в 1819 г. один уезд Воронежской губернии присоединён к Харьковской.

Эти значительная внутренняя и внешняя перемены совершенно изменили весь характер страны и её жителей. Казачество со своим устройством исчезло. Их потомки знают своё происхождение по преданию, но уже совершенно утратили казацкий характер, сделались мирными земледельцами и отличаются от других крестьян только тем, что владеют землёю на правах собственности и не платят никакого оброка. В официальных донесениях их называют не черкесами, не казаками, а однодворцами.

Харьковская губерния лежит между $51^{\circ}55'$ и $56^{\circ}5'$ долготы и между $48^{\circ}20'$ и $51^{\circ}20'$ широты. Географическое положение соответствует средней Германии, Бельгии и северной Франции. В ней считается до 4 833 339 десятин или около $870\frac{1}{2}$ кв. миль*.

В 1838 г. все это пространство состояло в круглых цифрах из:

2 287 000	десятин	пашни	
1 488 000	–	лугов	

* Как мало следует полагаться на верность цифр, можно видеть по вышеприведённой работе Пассека. Он приводит вышеуказанное количество десятин, основываясь на старинных, совершенно неверных измерениях. При перекладке десятин в квадратные мили в этом пространстве выходит $870\frac{1}{2}$ кв. миль. Но по его же исчислению отдельных сумм оказывается уже некоторая разница. Несколько ранее стоит 728 кв. миль. Шуберт приводит только 594 миль, Арсеньев 720, Зябловский 750, Булгарин 712. Поэтому цифры, приводимые мною, не следует считать точными. Они дают только числовые отношения и могут служить материалом для выводов, если только общая картина этих отношений не слишком искажена.

672 000	–	лесу
388 000	–	дорог, болот и необработанной земли.

Впрочем, отношение это меняется с каждым годом, так как то лес обращается в пашни, то пашни в луга и т. д. Жившее на этом пространстве население считалось в 1838 г. в 564 238 муж. душ и 583 890 жен. душ. Население это распадалось на следующие составные части:

Дворяне, введённые в родовые списки	1 999 муж.	1 641 жен.	душ
Дворяне, не внесённые в родовые списки	2 500	–	2 708 – –
Светское духовенство и церковные служители	2 607	–	2 534 – –
Дети их	2 872	–	3 242 – –
Монахи и монахини	40	–	131 – –
Нижние служители присутственных мест	374	–	223 – –
Отставные солдаты	2 286	–	3 042 – –
Привилегированные (?)	1 153	–	– – –
Лица, не принадлежащая ни к какому определённом состоянию (?)	543	–	557 – –
Мещане	4 575	–	5 095 – –
Купцы	1 642	–	1 390 – –
Мелкие торговцы	229	–	221 – –
Ремесленники	5 859	–	6 279 – –
Государственные крестьяне всех родов	311 649	–	319 528 – –
Крепостные	226 009	–	237 329 – –
Всего	564 337	–	583 920* – –

* Г. Кёппен в своём «Общем населении России 1838 года», Петербург, 1843, основываясь на окладных листах, даёт числа несколько, хотя незначительно, разнствующия с вышеприведёнными. Я, однако, следую числам, приводимым Пассеком, потому что его сочинение служило мне главным основанием для выводов о Харьковской губернии.

Земля следующим образом распределяется между жителями.

	Пашни и лугов	Лесов
	десятин	
У короны (или вернее у различного рода крестьян, частных собственников и у военных поселений)	1 945 724	335 244
У общин вольных хлебопашцев	—	155 492
У помещиков	1 839 492	225 484

Остальные 388 000 дес., как уже сказано, неудобной земли.

Если б вся земля была разделена равномерно, то на каждую мужскую душу государственных крестьян приходилось бы $7\frac{2}{3}$ десятин пашни, лугов и лесу, а на каждую мужскую душу крепостных крестьян пришлось бы $9\frac{1}{20}$ десятины. В отдельных случаях отношения эти ещё менее благоприятны. Так как Харьковская губерния принадлежит к числу тех, в которых по закону должно быть отведено по 15 дес. на ревизскую душу, то тут слышатся жалобы на недостаток в хлебе, что послужило поводом к переселению отсюда в последние десять лет (перед 1838) 17 060 человек в другие губернии.

В губернии 16 городов и 2009 деревень. В городах живёт менее 12-й части всего населения. Большие деревни встречаются только в восточной и южной частях губернии и вдоль рек; внутри же деревни большею частью малы. Из 2009 деревень только в 305 деревнях число дворов превышает 100, в 360 деревнях от 50 до 100 изб, в 706 деревнях от 10 до 50, и наконец, в 692 деревнях менее 10 изб.

Все эти данные наводят нас на следующие размышления.

Отношение пашни, лугов и леса здесь совершенно иное, чем в северной России. Лес совершенно отступает на задний план*. Тогда как в северной России лес занимает $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$, часто даже $\frac{3}{4}$ всего пространства, здесь им едва покрыта $\frac{1}{7}$ площади. Здесь, напротив, сравнительно с остальными местностями России заметен значительный перевес лугов, которые тут составляют более $\frac{1}{4}$ всего пространства. Земля тут принадлежит к области чернозёма, и почти половина ея обработана под пашню.

Что касается числовых отношений населения, то тут бросается в глаза уже не раз замеченный нами перевес женского населения над мужским. В этой губернии женщин почти на 2% больше мужчин: на 28 мужчин приходится 29 женщин**. Но в частностях отношение это подвержено изменению. У государственных крестьян перевес женского населения над мужским выражается $1\frac{1}{4}$ процентом, а у крепостных крестьян – $2\frac{1}{2}$ процентами. Как это объяснить? У ремесленников женщин больше, чем мужчин на $3\frac{1}{2}$ процента, а у простых мещан – на $5\frac{1}{2}$ процентов.

Но два совершенно особые отношения образуют духовенство и отставные солдаты. У попов и их жён число мужчин превышает число женщин на $1\frac{1}{2}$ процента. Это понятно, так как по общим законам населения, по отношению ко взрослым людям смертность обыкновенно более между женщинами; но как объяснить непомерный перевес женского пола над мужским, именно на 6%, в детях духовенства? Ещё страннее непомерный перевес женщин, на 14%, в семьях отставных солдат. Скорее можно было думать наоборот, что тут должно быть больше число муж-

* Некоторые местности губернии совершенно безлесны, например, Старобельский уезд, где поэтому топят печи навозом.

** По сведениям Ярославской палаты государственных имуществ, число женщин там относится к числу мужчин, как 120:100, следовательно, женщин на 10% больше. В Нижегородской губернии перевес женщин также считают от 8 до 10%, а у государственных крестьян 12%. В целом такое отношение почти невероятно!

чин, так как многие отставные солдаты не женятся больше! В высшей степени замечательно, что в древняя времена перевеса женского населения вовсе не существовало в России. Напротив, ревизские сказки 1780 года дают перевес в $\frac{3}{4}\%$ мужчин над женщинами.

Из числовых отношений городов между собою видно, что дворянство составляет тут 130-ю часть населения. В Воронежской и Тамбовской губерниях, лежащих к северо-востоку, дворянство составляет 266–270-ю часть населения. В древнейших русских местностях, например в Новгородской губернии, оно составляет 195-ю, в Рязанской – 117-ю часть населения; напротив, в старопольских местностях оно гораздо многочисленнее. Уже в Полтавской губернии, имевшей почти одинаковое развитие с Харьковской губернией, дворянство составляет 107-ю часть населения, напротив, в Киевской губернии (если считать шляхту) дворянство составляет $\frac{1}{25}$, в Могилёвской $\frac{1}{19}$, в Каменец-Подольской $\frac{1}{13}$, в Виленской $\frac{1}{12}$ населения! Если взять во внимание непомерное увеличение дворян в последние 140 лет вследствие того, что все офицеры и чиновники получали дворянство, то в древних частях России дворянство может стать непомерно многочисленным. В Польше было не так. Но польское дворянство составляет другое, позднее прибывшее славянское племя, племя победившее, а польские крестьяне составляют племя побежденное, жившее издревле на этой земле.

Духовенство в России не составляет многочисленного сословия, по крайней мере, в сёлах и в местностях, не очень давно заселившихся. В больших городах оно часто многочисленно, как мы видели выше в Арзамасе. В Харьковской губернии приходится один духовный на 434 муж. души, следовательно, почти на 880 жителей. В соседней Воронежской губернии один духовный приходится уже на 580 жителей. На севере, в Олонецкой и в Вологодской губерниях, можно считать одного духовного на 300 человек, но на каких разстояниях живут там люди!

В губернии находится 18 соборов, 586 приходских церквей и 23 часовни. Из этого числа в городах 91 церковь, в сёлах 463 и в военных поселениях 74, следовательно, всего 628 церквей. Таким образом, одна церковь приходится на 1828 человек, однако в деревнях отношение это несколько иное, именно там приходится одна церковь на 2360 человек.

В России едва только наступает начало буржуазии. В Харьковской губернии, если считать в этом сословии купцов, мещан, ремесленников и мелких торговцев, отнюдь не живущих, впрочем, исключительно в городах, промышленное сословие составит 452-ю часть населения, а без лиц, живущих обыкновенно в деревнях, едва 100-ую часть. В местностях по преимуществу промышленных купцов, мелких торговцев и ремесленников значительно больше, чем в южных, вновь колонизированных губерниях, исключительно основанных на земледелии: в Ярославской губернии к ним принадлежит 20-я, в Новгородской – 21-я, в Вологодской – 28-я часть населения. В старопольских губерниях мещанское и купеческое сословие занимают по статистическим таблицам более видное место, именно, в Виленской губернии оно составляет 9-ую, в Киевской 8-ую, в Могилёвской 7-ую, в Каменец-Подольске 6-ую часть населения; однако при ближайшем изследовании дела оказывается, что почти исключительные представители буржуазии в этих губерниях – евреи!

Насколько в этих местностях земледелие составляет нерв жизни, это видно из количественного отношения крестьян. В Харьковской губернии крестьянское сословие составляет $\frac{23}{24}$ всего населения, и подобныя же отношения существуют в соседних губерниях: в Полтавской крестьяне составляют $\frac{21}{22}$, в Воронежской – $\frac{27}{28}$, в Таврической – $\frac{38}{39}$.

Государственных крестьян всех родов, включая и однопольцев, в Харьковской губернии более чем крепостных крестьян, именно первые относятся ко вторым как 3:2.

Прирост населения далеко не так велик, как можно было бы думать, основываясь на начавшейся здесь колонизации в последние 70–80 лет. По ревизии 1780 года в губернии считалось 403 434 муж. и 394 374 жен. душ, всего 796 808 человек, а в 1838 г. 564 238 муж. и 583 890 жен. душ, всего 1 147 128 человек. Однако отношение теперешних жителей к поземельной собственности совсем иное, чем прежних, что можно легко видеть из предпосланного исторического очерка. Прежде больше половины населения составляли вольные крестьяне, однодворцы, казаки, все владевшие собственной землёю. Теперь число их не только не увеличилось, напротив, скорее уменьшилось. Но рядом с ними поселилась огромная масса государственных и крепостных крестьян, мало-помалу возделавших дикую степь почти до $\frac{1}{12}$ всей территории.

Вследствие этого, равно как и по другим причинам, прямые государственные налоги значительно тут изменились. Прежде крестьяне, жившие на привилегированных местностях, платили 95 коп. сер. с души, жители непривилегированных местностей – 85 коп. сер., а помещичьи крестьяне – 60 коп. сер. В настоящее время помещичьи крестьяне, однодворцы, государственные, удельные крестьяне – все без исключения платят 95 коп. сер. с ревизской души. Однако прежде население состояло почти из одних однодворцев, казаков и помещичьих крестьян. Тут не было государственных крестьян, поселённых на государственной земле и платящих оброк, а теперь их огромное количество. Но к прямым податям следует присоединить и косвенные налоги, и тогда разница в денежных сборах между прежним и настоящим временем станет очень значительна. В 1786 г. все прямые сборы казны в Харьковской губернии составляли 2 037 500 руб. асс., теперь же 5 414 713 руб. асс.

Поборы казны, как они ни ничтожны (ни в одной стране нет такого малаго прямого налога)*, в прежние неурожай-

* Тут существует, собственно, один прямой налог, именно подушная подать,

ные годы не могли быть взысканы, а в большинстве губерний частью вовсе не получены. Накопившиеся недоимки во многих губерниях составляют очень крупные суммы. В Харьковской губернии в 1838 г. недоимка возросла до невероятной цифры 16 803 940 руб. асс., следовательно, почти трёхгодичного сбора со всей губернии. Эти недоимки отнюдь не прощены, но висят над головами жителей большей части губерний, как Дамоклов меч.

Будут ли когда-либо собраны эти недоимки, достигающая во всей стране многих сотен миллионов рублей? Наличными деньгами, конечно, нет! Но есть средство получить эти деньги без значительного обременения отдельных лиц и к большой пользе всей страны. В урожайные годы, когда цена на хлеб падает до трёх рублей ассигнациями за четверть, а в некоторых губерниях количество хлеба бывает так велико, что он не может быть продан и по этой цене, можно было бы брать с крестьян в счёт недоимки хлеб по средним ценам, а именно: пшеницу от 18 до 20 руб. асс., рожь от 15 до 16 руб. асс. за четверть. Такая мера ни малейшим образом не могла бы разорить крестьян. Этот хлеб следовало бы в каждой губернии, в каждом уезде сложить в магазины и в голодные годы продать по тем же средним ценам. Такой оборот представляет три выгоды: 1) Недоимки исчезли бы, наконец, из финансовых смет, и дамоклов меч перестал бы угрожать главам подданных. 2) В урожайные годы большое количество хлеба было бы взято из обращения, отчего остальной хлеб получил бы более высокую рыночную цену. 3) В голодные годы правительство имело бы в своих руках средство ослабления голода и могло бы регулировать цены на хлеб и помешать наживам крупных хлебных торговцев. Во всякой иначе устроенной стране такая мера была бы очень практична, но в России она разбивается о побочные обстоятельства. Устройство магази-

---

не превышающая талера с мужской души. Оброк не есть государственная подать, а арендная плата за пользование государственной землей.

нов, а прежде всего отыскание добросовестных и надёжных чиновников, которым могли бы быть поручены сбор хлеба, надзор за ним, хранение и последующая продажа его, представляют безконечные трудности.

Харьковская губерния лежит высоко между Донским и Днепровским бассейнами. Почва принадлежит к области чернозёма, однако встречаются местности песчаной земли, где попадаются хорошие песчаники. Уже найдено несколько залежей каменного угля, например, близ Чугуева. Как скоро в России будут нужные пути сообщения, то разыскание каменноугольных залежей, бесспорно существующих во многих местах, будет важнее самых обширных золотых приисков. Залежи гипса указывают на присутствие соли и солёных источников, разыскание их принадлежит ещё будущему. Сера находится в большом количестве в земле древних курганов.

В общем, этот глубокий чернозём не богат минеральными составными частями, но тем роскошнее здесь растительность. Эта местность составляет границу растительности между северной и южной Россией. Часть губернии (уезды Харьковский, Валкский, Ахтырский и Изюмский) покрыта большими лесами, на горных берегах всех рек много леса. Из дичи тут только зайцы и множество птиц, особенно дроф.

Климат стал суровее прежнего, что приписывается уничтожению лесов, как здесь, так и в соседних местностях, лежащих к востоку и северо-востоку. Пространственное количество лесов, однако, не изменилось; леса стали только реже, воздух стал от этого менее сыр, а резкие ветры встречают менее препятствий.

Главнейшее занятие жителей есть земледелие. Земля не уваживается. Были деланы опыты удобрения, и наблюдения показали, что удобренная земля даёт много соломы, но слабое и тощее зерно, притом так непрочное сидящее в колосе, что выпадает от ветра ранее жатвы. Гораздо

выгоднее здесь продолжительный пар. Если поле пробудет тут в пару пять лет, то оно родит отличный хлеб в течение пятнадцати лет. Из земледельческих орудий, прежде всего, следует назвать тяжёлый малороссийский колёсный плуг. Он состоит из деревянного станка с двумя лемехами, резакон и ножом. Не существует другого земледельческого орудия, которое могло бы выдержать твердость степной нови и силу восьми волов. Этот плуг почти никогда не ломается, а в случае поломки он может быть легко и везде починен. Глубина и ширина делаемой им борозды вдвое больше борозды от сохи, которая, впрочем, употребительна здесь для последующаго паханья.

Такой колёсный плуг лучшаго качества стоит самое большее 30 руб. асс. и может быть сделан ещё дешевле – в меньшем размере, если хотят работать с силою, меньшею 6–8 быков. Здесь держатся того мнения, что этот плуг соответствует местным условиям лучше всех новейших усовершенствованных орудий, которыя обходятся тут очень дорого и с которыми рабочие не привыкли обращаться. Малороссиянин пашет здесь в три дня две десятины, причём мальчик водит и погоняет его шесть быков. Здешняя соха делается с одним, а также и с двумя ножами. Другое здешнее орудие состоит из лежащих в один ряд железных зубьев, вроде маленьких плужных ножей; оно имеет дышло и только сильно разрезает землю.

Посев озимаго хлеба начинается около 6-го августа, а яроваго – между 15 и 20 марта. Около половины ноября замерзают реки, а вскрываются в первой половине марта. На десятине высевается по одной четверти ржи, пшеницы, ячменя и проса, овса полторы четверти, гречи полчетверти. Просо смешивается предварительно с песком для более равномерного посева. Средним урожаем считается для ржи и пшеницы 4 зерна, для гречи $4\frac{1}{2}$, для ячменя 5, для овса 8, а для проса 75 зёрен. Тут начали сеять кавказское просо, которое лучше выдерживает ночные морозы и даёт больший

сбор. Жатва начинается 1-го июля; весь хлеб косится. Один работник скашивает десятину в три дня. Хлеб молотят и веют в открытом поле или в открытых овинах, по возможности, при сильном ветре. Северных риг тут вовсе нет, но есть другия, отапливаемая соломой и употребляемая только на юге. Один работник вымолачивает в день от одной до полутора копен. Женщины тут не молотят, разве только при величайшей нужде; но они помогают при уборке хлеба, вяжут снопы и складывают их в копны.

Харьковская губерния производит хлеба значительно больше, чем сколько нужно для собственного употребления. Она вывозит хлеб в Курск и Таганрог, например, из Волчанскаго уезда пшеница идёт в Таганрог, реже в Харьков и оттуда в Курск, а овёс – в военное поселение. Но географическое положение губернии очень неблагоприятно в отношении сбыта. Она окружена другими настолько же плодородными губерниями, не имеет никаких водяных сообщений и поэтому страдает настолько же в урожайные года от низких цен, насколько в голодные года от высоких. Донец был прежде судоходен, равно как и Оскол – ещё при царе Алексее Михайловиче до города того же имени. Река Псёл могла бы быть сделана судоходною. Опустошение лесов, конечно, могло частью способствовать обмелению рек, однако дно Донца указывает, что он преимущественно обмелел от соломы, навоза и хвороста, внесённых в него мельничными запрудами и ручьями. Так как солома и навоз не употребляются для удобрения земли, то все стараются освободиться от них всеми способами и где можно выбрасывают в реки. Чем могла бы быть Харьковская губерния, если б только очистить реки и провести к ним дороги.

Таким образом, почти единственным средством сбыта хлеба остаётся выкурка из него вина. Поэтому-то в Харьковской губернии такое большое число винокуренных заводов. В 1838 г. в десяти уездах (за исключением Старобельскаго уезда, где жители не пользуются привилегией) считалось

275 винокурен*. Об арендной цене на землю вблизи Харькова я говорил уже выше. В Волчанском и Изюмском уездах аренда десятины хорошей земли стоит от 10 до 15 руб. асс. Обработка десятины обходится в 6 руб. асс. Продажная цена десятины от 35 до 50 руб. асс.

Огородничество малоразвито; здешнее население мало употребляет овощей в пищу; распространение картофеля ещё незначительно, известно, что староверы считают употребление его за грех и думают, что холера есть наказание за картофель; но даже и разсудительные люди говорят: какой нам толк в картофеле, когда мы не в состоянии съесть нашего хлеба? Разведение табака увеличивается, так как русские крестьяне всё больше и больше привыкают к нему, несмотря на то, что прежде (а староверы ещё и теперь) считали курение за грех. Только в Изюмском уезде табак не разводится вовсе.

Лён и конопля тут превосходны. В некоторых уездах особенно хороша конопля. В 1838 г. тут существовала одна прядильня. Красильные растения не разводятся, но они растут в диком состоянии, и малороссияне пользуются ими для окраски своих материй. Шелководство уже значительно процветало в 1838 году.

Здешние фабрики перерабатывают большею частью местные сырые продукты, следовательно, принадлежат к той категории фабрик, которая следует по возможности поддерживать и защищать: сальные варницы, мыльные заводы, кожевенные, селитренные заводы, чугунные и медные плавильные заводы, обработка шерсти, приготовление кожевенных изделий (тут все носят кожаную обувь).

---

* Пассек утверждает, что винокурни тут необходимы и нисколько не вредны, что пьянство в губернии не очень распространено. В 1836 г. от него умерло тут 26 человек. От свободного винокурения вино тут много дешевле, чем в губерниях, где существует откуп; одно и то же количество вина, продающееся за 10 коп., стоит там 50. Но именно поэтому здесь пьют не больше, чем там. Есть русская поговорка: «Охота пуще неволи». Впрочем, тут курят от половины октября до половины апреля.

Само собою разумеется, что тут существуют русския, фабричныя рабочия артели. В Змиевском узде есть несколько деревень, в которых все женщины заняты шитьём разных одежд и работают не хуже берлинских портних. Мужья возят эти работы по ярмаркам и продают их из собственных лавок. Обыкновенно сколько-нибудь сносные ремесленники, столяры, седельники, слесаря и т. д. встречаются только в помещичьих имениях. Только господа принуждают своих крепостных к хорошей работе. В государственных общинах не достаёт этого спасительнаго принуждения. Русские ещё нуждаются в подготовительном воспитании для принятия цивилизации и свободы.

Овцеводство быстро возрастает. Уже в 1838 г. тут было более 40 000 тонкорунных овец, тогда как за 30 лет назад не было ни одной овцы. Фабрикация ковров соответствует вкусу и характеру малороссиян. Малороссиянин обладает фантазиею, ему нравятся яркие краски, цветы и рисунки ковров, он любит украшать цветами свои маленькия белыя мазанки и предпочитает пёструю одежду всякой другой.

В лесах преимущественно растут дубы, берёзы, тополи и пихты, но, кроме того, попадаются и клён, ясень, вяз, сибирский ильм, красный ильм, ветла, ольха, осина, липа, рябина (здесь ея южная граница), далее дикия вишнёвыя, персиковыя, яблочныя и грушевыя деревья, – последняя в таком огромном количестве, что в Валкском узде в неурожайные годы плоды их варят, сушат, превращают в муку, из которой пекут хлеб и делают квас.

Некоторые помещики начали в последнее время разводить леса, именно пихтовые. Но многие ещё далеко не умеют ценить сохранение лесов, они продают на вырубку от 10 до 100 десятин, и так как лес рубится весною по причине наиболее дешёвых в то время цен за труд, то покупатель вместе с деревьями уничтожает и все молодые побеги. Крестьяне здесь, как и все русские крестьяне, заклятые враги каждаго дерева.

Коневодство очень значительно в этой губернии. Самые большие и лучшие конные заводы находятся в Изюмском, Змиевском и Старобельском уездах. На заводах богатых помещиков разводится не только местная порода, но и арабские, английские, а также и орловские рысаки. Казна имеет тут также большие конные заводы, к которым приписаны крепостные крестьяне, исполнявшие все работы при заводах вместо барщины или оброка.

Ярмарок, этих вспомогательных средств в торговле в стране, дурно снабженной путями сообщения, поэтому самому в Харьковской губернии очень много, именно 288. Оборот их простирается до 80 млн. ассигнациями.

Здешний крестьянский двор чисто малороссийский, существенно отличающийся от великорусскаго как в расположении и постройке, так и в материале. Деревни не представляют более одной улицы из тесно друг возле дружки стоящих изб, обращённых фронтоном на улицу, причём большею частью 2 избы стоят непосредственно рядом, а сзади тянутся длинные и узкие дворы, на которых помещаются в ряд одна за другой хозяйственные постройки; здесь, напротив, деревни имеют более характер немецких деревень: эти деревни (Dorf, Dorp, Trup) состоят из дворов, расположенных вдоль нескольких кривых, неравномерных улиц, часто в совершенном беспорядке; двор четырёхугольный, часто равной ширины и длины, большею же частью круглый и окружён хозяйственными постройками. Жилая изба обыкновенно, хотя не всегда, выходит на улицу *широкой* стороной, в середине которой находится вход. Изба невысока, как великорусская изба, где внизу устроена кладовая или помещение для скота, а хозяева живут над этим, и в их жильё ведет снаружи лестница: напротив, здесь изба низенькая, вход в неё с улицы прямо через порог, безо всякой лестницы; при входе открываются направо и налево комнаты и кухня, которая здесь помещается особо, тогда как у великороссов кушанье обыкновенно готовится в жилой

комнате, где всего одна печь, служащая и для нагревания комнаты, и для приготовления кушанья. Но и материал, из которого строятся избы, не тот в Малороссии. Где достаточно леса, и тут встречаются дома из брусьев, наложенных один на другой; но такое обилие леса здесь редко, а потому в большинстве случаев матерьялами для постройки служат здесь хворост, камыш и глина.

Крестьянские дворы в Харьковской губернии имеют уже вполне малороссийский характер, несмотря на то, что большая часть населения здесь состоит из великороссов, которые в других случаях всюду переносят с собой свои обычаи и образ жизни, как, например, в русских колониях Северной Америки все избы построены по образцу великорусской избы Московской или Ярославской губерний.

Избы в Харьковской губернии построены очень непрочно из дерев в клетку, стены или перегородки выложены необожжённым кирпичом или плетёныя из хвороста или камыша и затем вымазаны глиной. Стены непременно выбелены, что делается часто в течение года, потому что малороссиянин любит чистоту и некоторую щеголеватость. Крыша крепкая, соломенная, но покрытая часто очень правильно и красиво. Вокруг избы идёт завалинка, род низенькой скамьи, сделанной из хвороста или камыша, скреплённого глиной, выравненной и выкрашенной в желтый цвет. Часто эта скамья служит цветочной грядой, огибающей весь дом, что чрезвычайно красиво. Обыкновенно жилая комната находится вправо от входа и образует угол избы и тогда имеет 2 окна с одной стороны и 1 с другой. В углу между окнами обыкновенно висит образ, всегда заботливо украшенный свежими или сухими цветами. Налево от входа в большинстве случаев кладовая, для хранения разных домашних вещей. Все стены всегда выбелены, пол во всём доме из крепко выбитой глины, в домах зажиточных крестьян деревянный, причём полы, равно столы и лавки, гладко выструганы. Дымовыя трубы

и печи сложены из кирпича сырца (обожжённые кирпичи редки). В общем печи легки, удобны, красивы и целесообразны. Кругом стен идут скамьи. Вдоль безоконной стены расположены нары или скамьи для спанья, впрочем, и сама печь служит для той же цели.

Двор держится по возможности чисто; хозяйственные постройки, амбары и хлева большею частью четырёхугольные, иногда, впрочем, круглые, все выстроены из мелкого леса с хворостом и глиной. Позади двора, в одну линию с ним, находится огороженное и открытое сверху гумно. Рядом расположен огород под коноплю, арбузы, овощи и пр.

Несмотря на лёгкость и ничтожность строительных материалов, малороссийския избы стоят так же долго, как и великорусския, а часто и дольше. Их поддерживает чистота, порядок, заботливость в немедленном исправлении малейшей порчи, – в противоположность великорусской беззаботности. Плетнёвые и вымазанные глиной стены всегда сухи и лучше каких-либо других стен противодействуют зимнему морозу и летнему зною. Постройка такой малороссийской избы стоит немного. Материал почти у каждого крестьянина свой, а работу он справит почти всю один с своей семьёй; таким образом, расход на постройку чистыми деньгами часто не превышает 25 руб. асс. и никогда 100 руб. асс.

Одежда здешних мужчин не так живописна, как у великороссов. Она состоит большею частью из короткой суконной свитки, подпоясанной на животе шерстяным поясом, из полотняных или шерстяных широких, до половины икр спускающихся шаровар, из сапог на высоких каблуках и меховой шапки. Горожане носят большею частью платье из нанки или плюша.

Летом и в будни женщины не надевают никакого платья сверх рубашки, а накидывают на плечи длинный пёстрый, коричневый или чёрный платок и крепко подвязывают его поясом. В праздники же оне надевают обыкновенно

2 куска шерстяной материи разного цвета, один наперёд, другой назад, и подвязывают их поясом. Кроме того, оне носят хорошенькия шерстяные корсеты зелёного или чёрного цвета, с различными украшениями и большею частью без рукавов. В холодное время сверх этого надевается род халата, а богатяя или горожанки носят заячьи или лисьи шубы. На ногах башмаки или сапоги на высоких каблуках. На шее – снурки стеклянных бус с золотым медальоном или крестом или иным украшением. Молодые женщины и девушки носят в течение всего лета на голове свежие цветы или венки из них, прикрепляя их к вискам. В церковь малороссиянки являются особенно празднично-нарядными, и это действительно чрезвычайно красиво. Зимой оне носят искусственные цветы собственного приготовления.

Пища состоит из ржаного и пшеничного хлеба, борща, то есть супа из красной свеклы с говядиной и свиного сала (свиное сало малороссияне любят больше всего), пирогов с творогом, галушек и немного овощей. Вообще малороссияне больше любят солёную пищу, чем кислую. Пьют они воду или фруктовый и терновый квас.

Свадебные обряды заключают в себе некоторыя особенности. Невеста выбирает нескольких молоденьких хорошеньких девушек, которыя должны присутствовать при всех церемониях. Они несут восковыя свечи, прикреплённые к маленьким дощечкам, которых один конец вырезан в форме лошадиной головы и которыя, кроме того, украшены маленькими цветами. Свечи должны гореть всё время, пока молодая не войдет в дом своего мужа.

Во время похорон, когда покойника проносят с хоругвями мимо церквей, в них должны звонить. В деревнях часто вовсе не бывает кладбищ, и тогда покойников хоронят в садах. На могилах городских кладбищ ставятся кресты часто 3-х и более аршин вышины.

Малороссияне – поэтический народ, с богатою фантазией, поэтому можно думать, что у них должна быть

масса народных песен, сказаний и легенд. И действительно, богатство их непомерно велико; но оно отнюдь ещё не исчерпано и не собрано. Множество народных загадок, поговорок, пословиц, гаданий, этих истинных сокровищ для поэзии и истории, ещё совершенно не известно. Здесь ещё в ходу всевозможные колдовства, симпатические средства и искусства ведьм. Многие обычаи, быть может, настолько же древние, как и сам народ, частью удержались ещё от времени язычества. Так, например, молодые девушки, украшенные определёнными цветами и травами, собираются в вечер накануне Ивана Купалы близ воды, раскладывают огонь, поют, кружась вокруг его, известные песни и дико прыгают взад и вперёд через огонь. Зимой, при начале морозов, молодые парни и дети ходят с песнями под окнами и просят пирогов и орехов. В вечер перед Рождеством здесь, как и в католической Германии, называемый святым вечером, старики, окружённые народом, поют под окнами изб духовные гимны. Весною молодые парни и девушки собираются на первом обтаявшем месте и поют весенние песни. На каждое время года тут есть особые песни, которые поются на вечерницах, где собираются и стар и млад. В праздники же пение почти вовсе не умолкает. Но мужчины поют много меньше, чем женщины и девушки.

Замечательна разница великорусов и малороссов по отношению к народным танцам. Великорусские танцы большею частью тихи, важны, вычурны. Великороссы так углубляются в свои танцы, что их трудно чем-нибудь отвлечь от них. Я часто подходил к танцующим и долго наблюдал их, и человек, одетый по-иностранному, обыкновенно возбуждавший к себе внимание всей деревни, был совершенно игнорирован танцующими. Но в противоположность с его задумчивыми танцами, великоросс по природе своей легкомыслен, смел, бодр и быстр во всех движениях. Напротив, малоросс разсудителен, задумчив, поэтичен, мечтателен, медлен и осторожен во всех движениях. Но танцы его боль-

шею частью свежи, отважны, сопровождаются прыжками и вообще полны жизни и одушевления! У великороссов пляшут больше женщины, у малороссов – мужчины.

Малороссы имеют много способностей к изящным искусствам, в большинстве случаев они обладают чистым полным голосом и таким острым слухом и памятью, что поют без упражнения совершенно хорошо и верно и выучиваются играть на различных инструментах. У них также значительный талант к рисованию и живописи.

Малороссияне необыкновенно набожны, благочестивы и чрезвычайно верны своей Церкви. Я говорил уже, что никогда ещё учение какой-либо секты не прививалось у них.

Вечером 21 июля выехали мы из Харькова. Проснувшись рано утром, мы увидели себя в настоящей стране степей. В течение нескольких часов езды – ничего, кроме открытой степи. Но в это время года степь особенно непривлекательна: сухая земля серо-жёлтого цвета, трава совершенно высохшая, там и сям большею частью образуя род кустов, росли исполинския сорныя травы, репейник и бурьян (лучшее топливо степных жителей), также совершенно высохшие. Нигде ни следа лесов или деревьев, только там и сям в какой-нибудь низине попадается высокий зелёный куст и кустарный ивняк. Маленькия речки тихо струятся вдоль широких песчаных берегов. Я нигде не видал такой степи, как тут: повсюду волнистыя возвышения, как будто взволнованное и мгновенно окаменевшее море. Мне казалось, что эти волнистыя возвышения образовались в силу определённого закона, что в них существует известная гармония, что они расположены в определённых направлениях. Натуралисту было бы интересно исследовать это и узнать; но чтоб придти к какому-нибудь заключению, необходимы самыя точныя карты с обозначением даже малейших возвышенностей.

К вечеру приехали мы, за несколько станций перед Екатеринославом, в хорошенькую малороссийскую деревню Губениху, где я ещё раз собрал монографические данные. Старый малороссиянин дал нам ясные ответы на все наши вопросы. Было приятно видеть, как этот старик хорошо понимал нас, как разумно и дельно отвечал нам. В деревне 304 двора и 1017 муж. душ, всей земли у них 7600 десятин, из них $\frac{1}{4}$ служит выгоном. Остальная земля делится по душам. Однако бедность и богатство перемешаны во всём свете в необходимой пропорции, и то же неравенство состояний заметно и здесь, в особенности по отношению к инвентарю. Часть бедного населения не в состоянии сама обрабатывать свою землю и вынуждена сдавать её зажиточным соседям. Здесь в употреблении арендная плата натурой. Сдающий в аренду свежую землю, или землю, отдохавшую от 4 до 5 лет, получает четверть жатвы, за землю более или менее истощённую получает соответственно до $\frac{1}{7}$ сбора. Севооборот следующий: в первом году сеется просо и лён, во втором году – озимый хлеб, именно озимая пшеница, в третьем – рожь; затем земля служит выгоном от 4 до 7 лет. Обыкновенно хозяин высевает от 5 до 6 четвертей ржи (по четверти на десятину), четверть просо (два четверика на десятину) и от 3 до 5 четвертей ячменя на прокормление птиц и свиней. Такой хозяин имеет обыкновенно 2 лошади, от 4 до 5 пар волов, 4–5 коров и сотню овец. Навоз употребляется только для топлива, а не для удобрения. Хлеб перед деревней в этом году, по-видимому, был хорош, но, по мнению нашего старика, он черезчур соломист и зерном будет плох. Крестьяне достают себе топливо из помещичьих имений за 10–15 вёрст, платя на месте за сажень от 15 до 20 руб. асс.; с провозом сажень обходится в 25 руб. асс. Во всей этой местности леса существуют *только в помещичьих имениях*; государственные крестьяне совершенно опустошили свои рощи. Здесь на юге мы слышали и видели повсюду, что

обширные пространства, занятые прежде лесами, теперь едва покрыты мелким кустарником; даже значительные плантации фруктовых деревьев были совершенно опустошены. Давно пора министерству государственных имуществ учредить строгий контроль над лесной администрацией. Огурцы растут тут дурно, арбузы только на свежей земле и притом не более одного года. Картофель и конопель произрастают тоже не хорошо, – и тот и другой любят низкия места, которых тут нет. Здесь обширное пчеловодство так называемых земляных пчёл; летом пчелиные улья ставятся на землю в степи, а на зиму зарываются. У некоторых хозяев до ста ульев. Если бедный крестьянин хочет сдать свой участок в аренду, то он может только сдать его члену своей общины. По смерти родителей дом обыкновенно достаётся младшему члену семьи. Дочери получают свои части деньгами. Обязанность содержания сестёр существует тут как обычай, распространённый, впрочем, везде на низких степенях цивилизации. Пища людей состоит из ржаного, пшеничного, а иногда и ячменного хлеба, из пшённой каши, баранины, свинины и гусей; овощей едят мало, мяса много. Как видно, пища здесь совсем иная, чем в северной России. Железо стоит от 8 до 10 руб. асс. за пуд, соль крестьяне возят большею частью из Крыма, где покупают её по 94 коп. за пуд, а с привозом она обходится в 1 руб. 34 коп.; из лавок в незначительных городах она продаётся по 1 руб. 50 коп. асс. за пуд. Хлеб продаётся большею частью в Новомосковске за 20 вёрст. Одежда та же, что описанная выше; молодые парни носят малороссийские усы, старики же полныя бороды великороссов. В общем, мужчины некрасивы, со смешанными физиономиями, большею частью курносыя и с сильно развитыми скулами. Женщины красивее, по крайней мере, круглее и живее.

Вдоль всей этой дороги, начиная от Битюга, мы видели повсюду одиноко стоящая близ дороги постоянные дворы, чего мы никогда не видали в северной России.

Впрочем, содержание постоялаго двора не составляет отдельного промысла у малороссиян: проезжий может быть принят в каждом доме в деревне, за плату или даром, большею частью с платою по собственному усмотрению. Те же одиноко стоящие постоялые дворы служат станциями для извозчиков. Почты здесь почти все содержатся жидами, которые при всякой возможности притесняют проезжающих. Впрочем, я ни разу во всём моем путешествии не имел случая пожаловаться на это благодаря данному мне отличному кондуктору Тимофею. Девяносто пять вёрст не доезжая Екатеринослава, на правой стороне дороги находится обширный, замечательный и загадочный вал. Быть может, это остаток вышепомянутого древнего вала, возведённого в защиту от татар, хотя здешний вал кажется мне уже слишком далёким на юге для этой цели.

Поздно ночью прибыли мы в Екатеринослав и остановились в очень хорошей гостинице. На следующее утро мы осматривали город. Он заложен в очень больших размерах, которые, однако, не выполнены. При Екатерине II Екатеринослав был сделан летней резиденцией царей. Прежде местечко лежало на левом берегу Днепра: Потёмкин перенёс его на правый и начал отстраивать его с полным великолепием, причем в 1786 г. оно было возведено в звание города.

Затем мы осматривали общественный сад, устроенный тут правительством ещё 40 лет тому назад на 35 десятинах; при саде находится школа. Директор и его помощники немцы и чрезвычайно охотно показывали нам всё. Цветоводство прекрасно, но ещё интереснее были плантации дерев. Директор доказал нам до очевидности, что, по крайней мере, некоторые местности степи совершенно способны к облесению. Тут находятся все породы лесных дерев: дуб (*quercus robur*), ясень, акации, различные виды тополей, даже бук, который не встречается в остальной России, и все они растут отлично. Утверждают, что как скоро

дерево в степи проникнет своими корнями до подпочвенного слоя, то оно тотчас умирает. Я не думаю, чтоб это было повсеместно, или следует допустить, что в Екатеринославе слой чернозёма невероятно глубок, потому что здесь растут в полной красоте и здорovie даже деревья с самыми длинными корнями, как, например, дуб, о котором говорят, что корень его идёт в землю на такую же глубину, на какую высоту тянется выше земли его ствол и ветви. Здешние сорокалетние дубы имеют толщину и высоту 150-летних деревьев. Тридцатилетние тополи имеют две сажени в объёме! Может быть, что деревья тут не достигают глубокой старости, но и этого нельзя ещё утверждать за недостатком опыта: однако если рост их совершенно оканчивается в 30–40 лет, то нет никакой беды, если после этого деревья погибают. Я не вхожу здесь в разбор вопроса, не вредит ли качеству леса такое быстрое и роскошное произрастание. Поданные нам плоды были очень красивы, но не совсем вкусны: это всегда бывает в южных странах с яблоками, грушами и другими. Солнце жжёт здесь уже слишком сильно; при нас было в тени 28 градусов Реомюра.

Затем мы сделали визиты к различным чиновникам и обедали у губернатора, очень любезного и умного человека. Мы встретились у него с немецким врачом, доктором Саксом из Галиции, который после обеда повёл нас по городу. На возвышенности над Днепром стоит каменный памятник: на этом месте Екатерина II принимала императора Иосифа II, приехавшего к ней сюда. Памятник очень пострадал от времени и представлял почти развалины. Против него стоит красивая церковь, окружённая кладбищем. Пространство, занимаемое теперь церковью и кладбищем, было некогда определено Екатериной для возведения на всём этом месте собора, по образцу римского храма Петра, но в гораздо больших размерах. Затем отправились мы в парк Потёмкина, расположенный вдоль Днепра. Потёмкин построил тут дворец, превосходивший роскошью и вос-

точным великолепием всё, дотоле известное в России. Тут были собраны сокровища искусства и редкости, металлические зеркала невероятной величины занимали целые стены и т. д. После смерти Екатерины император Павел приказал всё находившееся во дворце продать в 24 часа с публичного торга. Тогда ценность многих миллионов обратилась под аукционным молотком в немногие тысячи! Самые роскошные сокровища искусства исчезли, и никто не знает, куда они делись. Дворец и парк были подарены губернскому дворянству; часть первого находится уже в развалинах. Парк по своему расположению красивейший из всех виденных мной в России (за исключением парка в Крыму); он лежит вдоль чрезвычайно живописного скалистого берега Днепра с превосходнейшими видами на противоположный скалистый берег. Между обоими берегами бежит величественный Днепр, который здесь шире Рейна. Теперь он с каждым годом мелеет, так что судоходство по нём возможно только весной в течение шести недель. Не очень далеко отсюда находятся знаменитые Днепровские пороги, которые все ещё делают судоходство почти невозможным. Эти пороги составляют продолжение Карпатских гор, длинного и невысокого гранитного кряжа, идущего через всю степь.

Так же погибло другое создание Потёмкина – огромная суконная фабрика, основанная с капиталом в 14 млн. рублей и дававшая работу 7000 человекам. Вследствие донесения одного ревизовавшего фабрику генерала об её невыгодности последовало приказание о продаже машин. Оне были проданы за 35 000 руб. асс., что не составляло даже ценности их матерьяла; например, одна прядильная машина, купленная за 200 руб. асс., была продана за 4 руб. сер. С закрытием этой фабрики город понёс значительные потери, потому что оборот фабрики простирался до 2 млн. руб., из которых около половины доставалось городу. Здания фабрики стоят теперь пустые и наполовину в развалинах, которые служат часто прибежищем воров и бродяг.

Позднее мы осматривали суконную фабрику г. Неймана, аахенского уроженца, поселившегося в России с 1815 года. Он долгое время был директором многих частных и казённых фабрик, скопил себе 100 000 рублей и открыл собственную фабрику, которую мы видели в цветущем положении. Тут работается ежегодно до 18 000 арш. сукна средняго достоинства, от 8 до 14 руб. асс. за аршин. Г. Нейман передал мне очень поучительныя сведения о своём деле. Электоральныя овцы переносят очень хорошо климат южной России, но шерсть их чрезвычайно портится от непомернаго жара, острой степной пищи, тонкой степной пыли, садящейся на руно и на кожу; тонкий жир в волосных мешочках кожи совершенно высыхает, отчего шерсть делается как бы мёртвой, теряет упругость и прочность, так отличающия саксонскую шерсть. Здешняя шерсть очень хороша и тонка по виду, но фабрикант не может её употреблять. Из нея нужно прясть очень толстыя нитки, чтоб сделать их сколько-нибудь крепкими, а от этого сукно получается толстое и, в конце концов, всё-таки непрочное. Цена на тончайшую шерсть в этом году стояла здесь 28 руб. асс. за пуд. Такая низкая цена указывает уже сама по себе на достоинство шерсти. (Хорошая шерсть нашла бы себе хорошую цену в Одессе.) К этому нужно прибавить, что землевладельцы очень мало понимают в овцеводстве, они дурно моют шерсть, смешивают все сорта вместе. Поэтому никогда нельзя покупать по пробе. Сортировщиков или браковщиков шерсти тут нигде нет. Помещики, имеющие собственные маленькия фабрики, перерабатывая собственную шерсть в сукно, ни во что не ценят работу своих крепостных крестьян и поэтому продают свои фабрикаты по самым низким ценам. Прежде были очень большия колебания в курсе, поэтому конкуренция с западом совершенно невозможна, а охранительныя пошлины составляют необходимость. Относительно заработной платы г. Нейман сообщил нам следую-

щее. Взрослые хорошие работники получают в настоящее время 27 руб. асс. в месяц. Но при хорошем урожае и всеобщей дешевизне рабочих нельзя найти, тогда рабочая плата достигает 2½ руб. асс. в день, а на хозяйских харчах (очень обильных) 1½ руб. асс. в день. Девушки получают теперь от 18 до 25 коп.; дети 15 коп. асс. в день. По мнению фабриканта, он всё ещё работает слишком тонкия сукна, но всё устройство и постановка дела таковы, что ему нельзя менять сорта. Ему было бы всего выгоднее работать толстое сукно, например, солдатское в 2 руб. 5 коп. асс. за аршин. Во всём этом разсуждении есть некоторые вещи, не совсем последовательные, но я передаю их так, как они мне были сообщены.

Обработка земли здесь распространяется быстро, но отношения к собственности ещё недостаточно определены. Ежедневно из всех стран и мест являются сюда новые переселенцы: здесь встречаются великороссы и малороссы, валахи, сербы, албанцы, греки (в большом числе), татары и немцы. Из великорусских губерний многие помещики переселяют сюда своих крепостных, из старопольских губерний здесь поселяются многие шляхтичи, из Рязанской губернии сюда приходят бедные дворяне. Поселяющиеся на государственной земле получают от правительства 8 десятин и 100 руб. сер. на необходимые постройки, и кроме того, освобождаются на несколько лет от податей. Земля быстро растёт в цене. Девять лет тому назад десятина земли продавалась от 8 до 10 руб. асс., теперь же от 30 до 35 руб. асс.; тогда арендная плата за десятину земли была от 10 до 15 коп., теперь – от 1 до 1½ руб. асс. Вследствие этого переселения, конечно, сюда является множество бродяг, беглых крепостных людей и т. д. Здесь они стяжали себе особое прозвание *незнающих*. Эти люди на все вопросы, касающиеся их происхождения, сословия, места рождения, занятия, места жительства, паспорта и т. п., отвечают всегда одним и тем же: *не знаю!*

На основании особаго указа все такие люди записываются в крепостные к тем владельцам, на земле которых они поселились. Это вызывает множество несправедливостей и неприятностей. Совершенно свободные люди, заключившие контракты с землевладельцами, поселившиеся на их земле, внезапно объявляются крепостными людьми тех же землевладельцев. Во время Потёмкина различным лицам были подарены необъятныя пространства земли, не имевшая тогда почти никакой ценности, так что собственники их не вступали даже во владение. Впоследствии земли эти заселились вольными людьми, думавшими, что эта земля никому не принадлежит. Внезапно являются собственники этих земель и объявляют поселившихся на них людей своими крепостными. Был и такой случай, что один бедный дворянин приобрёл несколько десятин земли и поселился тут; возле него поселилось несколько сот вольных людей. Тогда он делает заявление, что земля принадлежит ему и что, следовательно, все эти люди принадлежат ему. Так как они не могли доказать, что законным порядком приобрели эту землю и потому не могли быть признаны собственниками ея, то были действительно записаны в крепостные люди этого дворянина.

На дворе губернатора стояли две большия каменные бабы, которыя я срисовал. Описание их будет помещено ниже, где я буду подробнее говорить о курганах и каменных идолах.

ГЛАВА XX

Отъезд из Екатеринослава. — Посещение меннонитов в Хортицком уезде. — Меннониты, их возникновение, их поселение в западной Пруссии. — Переселение 1783 года в Россию на Днепр, 17 деревень в Хортицком уезде, статистические сведения о разделении земли, числе душ, земледелии, скотоводстве, торговле, ценах и подённой плате. — Посещение колоний меннонитов на Молочной. — Их богослужение. — Иоганн Корнис. — Посещение деревни ногайских татар. — Поселение ногайцев, совершённое Иоганном Корнисом. — Хутор Иоганна Корниса. — Опыты облесения степи. — Устройство меннонитов. — Посещение других немецких колоний на Молочной. — Статистические сведения о здешних колониях меннонитов, о числе населения, податях, промыслах, скотоводстве, земледелии, лесоводстве, луговодстве, шелководстве и торговле. — Политическое значение меннонитов в России. — Посещение гуттерских братьев, их судьба, интересный манускрипт. — Гробница одного татарского святого. — Арабатская коса. — Прибытие в Феодосию и Керчь

Рано утром 23 июля подъехали мы к Днепру и переехали через него на немецком перевозе, то есть экипаж наш не ставился с несказанным трудом поперёк перевоза, а спокойно поместился на него в длину. Я не понимаю, почему русские, столь практичные во всевозможных делах, остаются при этом бессмысленном обычае. Здесь перевоз держат немецкие колонисты, и скоро мы прибыли в колонию Розенталь, принадлежащую к группе колоний немецких меннонитов в Хортицком уезде. Как будто нас внезапно пересадили в западную Пруссию в долины Вислы, — до того немецки было всё кругом нас! Не только люди, их манеры,

язык, одежда, дома и их устройство, но каждый сосуд и посуда, даже домашние животные, шавка и пудель, корова и коза – всё было немецкое; колонисты умели придать немецкий вид всей местности и самой природе. Живописец, срисовавший здешние ландшафты, мог бы легко выдать их за германские. Здесь немецкое разделение и обработка полей, поля и луга обнесены немецкою изгородью. Расположение деревень и отдельных дворов, огороды, их расположение, растения, овощи и, прежде всего, картофель – всё, как в Германии! Этого вовсе нет у немецких колонистов на Волге: там немцы сохранились только по языку, одежде и нравам, всё же вокруг их носит на себе скорее русский характер, разве с примесью некоторых немецких удобств.

Вся эта цветущая немецкая колонизация, состоящая из 17 деревень, заселена исключительно меннонитами.

Меннониты – это секта, развившаяся во время реформации. Когда Лютер установил правило, что только писанное слово, или Библия, может быть основанием христианской веры и христианского учения и отверг предание, а вместе с ним и авторитет Церкви и её живых представителей, папу, епископов и соборы, то очень скоро многие из его прежних последователей выступили против им же самим поставленного и утверждаемого понятия о вере и учении, воспользовались против него им же проповедуемым правилом свободного исследования и отпали от него. Последовательнейшие из этих сектантов были так называемые анабаптисты, перекрещенцы, названные так потому, что, между прочим, они оспаривали значение крещения детей. Они говорили, что если не признавать предания и освященные Церковью обычаи, то по здравому смыслу и по словам Библии ничем нельзя оправдать крещения детей, оно совершенно лишено всякого значения. Выражение «кто *не верит* и крестится» показывает, что нужно верить прежде, чем принимать таинство крещения. А что крещение детей не необходимо для их спасения, на это указывает Христос, говоря: «если вы

не уподобитесь этим детям, то ни увидите в царстве небесное», а то были некрещёные дети. Сектанты эти вскоре подверглись преследованию, и тогда между ними развились учения о царстве Христа на земле, о христианской свободе и т. д. В Мюнстере, в Вестфалии они одержали верх над лютеранами и действительно приступили к организации так называемого царства Христа. Во главе сектантов стояли фанатики, и скоро кровавые стычки вызвали против них светскую власть. После сомнительного сопротивления они были усмирены, а их предводители казнены.

Вскоре затем один духовный в Фрисландии, Симон Менно, принял опять теологическую систему перекрещенцев и придал ей более духовный, более мягкий и можно даже сказать более христианский характер. Прежде всего, он отверг земное царство Христа, он перешёл даже в другую крайность, в крайность полной пассивности и бездеятельности; он признавал не только за сумасшествие организацию царства Христа насилием, огнём и мечом, — он учил, напротив, что царство Христа есть царство терпения, что не только не следует вводить меч в мир, но что нужно терпеливо сносить меч над собой, что нужно без сопротивления и ропота выносить всякий позор, всякое страдание, оскорбление и даже смерть*.

---

* Я не могу не привести здесь меткое суждение и свидетельство о меннонитах со стороны одного католического богословского писателя: Rien de plus fougueux, de plus immoral que les premiers Anabaptistes, rien de plus paisible que leurs descendants actuels dans les deux mondes, ils ont abjuré cet esprit de fertige qui deshonorait leurs fondateurs et causa tant de ravages. Soumis aux lois, respectueux envers les magistrats, ils se bornent à soutenir avec raison, que les droits de la conscience sont independants de toute autorité civile. Pespectables par leurs moeurs, leurs loyauté, il est presque inoui, qu'aucun Baptiste ait encouru une peine afflictive, ils sont laborieux économes, bons cultivateurs, simples dans leurs maisons et leurs costumes, comme les Quakers et les Moraves avec lesquels ils ont beaucoup d'affinité, ils insistent sur l'amour des ennemis et regardent la guerre comme une dégénération de l'espèce humaine. Puissent a cet égard tous les chretiens leur ressembler Cet éloge commun a tous les Baptistes comprend dès-lors ceux de France vulgairement appelés Anabaptistes (Histoire des sectes religieuses par M. Gregoire évêque de Blois. Paris. 1814, часть 1, стр. 245).

Несмотря на гонение и преследование, Симон Менно приобрёл многих последователей, особенно в Фрисландии и Голландии. Частые преследования вызвали переселение их целыми толпами ещё в 1540–1550 годах из Фрисландии и Голландии в западную Пруссию*, где они и поселились в долинах Вислы. Сначала польские короли издали несколько распоряжений против них, но впоследствии меннониты получили некоторые привилегии (одна привилегия, сохранившаяся до сих пор, относится к 1642 г., но в ней уже есть ссылки на предшествующия). Воинственные короли Пруссии всего более досадовали на то, что меннониты из религиозных оснований не хотели идти в солдаты**. Однако они были терпимы и охраняемы там, где жили, но своё освобождение от рекрутчины принуждены были выкупать налогом на кадетские корпуса; кроме того, они лишались права приобретать земли сверх того количества, которым уже обладали. Иначе при их деятельности, трудолюбии и любви к порядку можно было ожидать, что они распространятся непомерно быстро. Кто же пожелает отказаться от правила невступления в военную службу, тот освобождается от всех этих ограничений.

---

* Причина и история этого переселения ещё темны; что они вышли действительно из Голландии, на это указывают ещё и теперь их нравы и образ жизни, их физиономия и сложение тела, их хозяйственные учреждения, имена и даже права наследства. Их учебники, молитвенники писаны по-голландски, а 70 лет тому назад их проповеди говорились по-голландски. Они до сих пор находятся в постоянной связи с голландскими меннонитами.

** По строго соблюдаемому обычаю, перед крещением юноши должны дать обещание «согласно христианской обязанности не вступать в управление и не воевать». Теперь, при более ослабленных обрядах, требуется только заявление, что «лучше повиноваться, чем управлять, лучше страдать, чем поднимать оружие». В Северной Америке меннониты отказались от этого правила и вступили в милицию; но с того времени простота нравов между ними исчезла, они стали распущеннее и безнравственнее других общин (См. «Филадельфийский Евангелический Магазин» 1812 года).

У строгих меннонитов земледелие стоит религиозною обязанностью, от которой никто без особой нужды не должен отказываться, согласно с библейским выражением: «в поте лица твоего возделывай хлеб свой». Так как этими ограничениями приобретение земли было чрезвычайно затруднено, а дачи меннонитов не могли быть вследствие их положения хорошо и удобно делимы, к тому же самый раздел противоречит их нравам и обычаям; так как, следовательно, раздел земли, однажды принадлежащей меннонитам, встретил трудности *извнутри*, а приобретение новой земли *извне* было запрещено, а между тем население значительно возросло, – то меннониты решились на переселение тех из себя, которые не могли найти пристанища на своей родине. Внеся прусскому правительству известную пошлину на право выезда за границу, они обратились к русскому правительству, которое охотно приняло их предложение.

Первое переселение было в 1783 году. Неизвестно где они поселились, прежде всего, вероятно, в русской Польше, где близ Острога существует до сих пор меннонитская колония, разделённая на две деревни. Затем, как кажется, отсюда уже большая часть их, после присоединения к ним новых членов с их прусской родины, отправилась на Днепр, 60 вёрст южнее Екатеринослава. Здесь русское правительство отвело 330 семьям их (около 1650 человек) 32 648 десятин земли (почти 6 кв. миль). Каждая семья получила по 65 десятин, остаток назначался для будущих семей. Прибывшие сюда меннониты отнюдь не были бедны, однако правительство дало им на первое обзаведение значительную сумму в 341 800 руб. сер. (1 196 300 руб. асс.), которая в настоящее время (1842 год) уменьшена до 30 000 руб. сер.

Я собрал на месте следующие статистические данные об этих 17 деревнях колонистов.

Сначала о населении:

В году	Число семей	Число душ		
		Мужских	Женских	Всего
1789	330	?	?	
1813	?	1255	1191	2446
1819	590	1489	1399	2888
1838	?	2789	?	
1843	873	3178	3198	6376

Быстрое увеличение населения в 30 лет почти на 160 процентов объясняется не только рождением, но и прибытием новых колонистов из западной Пруссии. Этим же объясняется и перевес мужского населения в прежние года, так как, бесспорно, между переселенцами должно быть больше мужчин, чем женщин. В последние года переселение прекратилось.

В году	Часов щиков	Плотников	Столяров	Токарей	Бочаров	Сапожников	Портных	Ткачей	Кузнецов
1819	2	26	18	9	10	20	25	49	16
1843	5	31	27	2	3	17	11	37	40

Уменьшение такого числа ремесленников объясняется тем, что прежде многие их произведения сбывались соседним русским, теперь же явилась большая конкуренция*.

В году	Число домов	Число церквей	Число ветряных мельниц	Число конных мельниц	Число крупчаток
1819	476	2	22	1	3
1843	850	2	43	3	5

* Сведения о 1813 и 1819 годах, равно как и нечто о прежнем состоянии меннонитов, заимствованы мною из книги «Материалы к ознакомлению с общинами меннонитов в Европе и Америке» барона Рейвица и профессора Вадцека. Берлин, 1821.

Немного более половины дворов занято земледельческим хозяйством, в другой половине живут так называемые соседние жители (*Anwohnern*) – мелкие торговцы, подёнщики, ремесленники.

В году	Число плугов	Число борон	Число телег	Число лошадей	Число рогатаго скота	Число овец	Число свиней
1813	?	?	?	2375	4440	5921	2154
1819	345	542	532	2582	6090	11774	2070
1843	631	1028	1194	3476	5570	47241	1299

Возрастающее процветание колонии видно всего лучше по увеличению инвентаря: число земледельческих орудий в 24 года почти удвоилось, число лошадей увеличилось почти в $1\frac{1}{2}$ раза, рогатаго скота и свиней несколько уменьшилось, но зато овцеводство разрослось до того, что число овец более чем учетверилось. Если считать 8 свиней или овец за одну голову рогатаго скота, то не только не будет потери от уменьшения скотоводства и свиноводства, но по причине увеличения овцеводства окажется, что ценность всего скота вместе возросла более чем на 50 процентов.

Колониям предоставлено всей земли	32 663	десятины
Из них в 1843 было: пашни	7 120	»
Под садами и шелковичными плантациями	156	»
Под огородами	$55\frac{5}{8}$	»
Сенокосов или лугов	6 321	»
Выгона для скота	8 100	»
Выгона исключительно для овец	10 677	»
Под деревьями, дорогами, прудами и пр.	$254\frac{3}{5}$	»

Отсюда видно, что скотоводство значительно превышает надобности земледелия. Продажа скота и животных продуктов составляют следующий приход:

Статьи прихода	Серебром	
	Руб	Коп
Продано 187 лошадей за	10 675	–
Выручено от продажи рогатого скота	19 541	–
Продано из общественной овчарни 1328 овец, баранов и пр. за	5 515	26
Продано 17 617 овец и пр., принадлежащих частным лицам, за	50 566	39
Продано 289 пуд. 29 фунт. шерсти из общественной овчарни за	7 712	–
За 2775 пуд. шерсти частных овчарен получено	75 716	–
Продано 1434 пуда масла за	13 564	–
29 пуд. сыру	275	–
20 пуд. копчёного мяса продано за	191	–
Продано 2 пуда 2 фунт. шёлку за	745	15
	184 500	80

Колония имеет общественную овчарню из 4493 голов. В общественном магазине находится 4026 четвертей озимаго хлеба и 497 четвертей яроваго.

Осенью 1842 г. высеяно 1437 четвертей озимаго хлеба, весною 43-го посеяно 3346 четвертей яроваго хлеба.

Тут находятся один винокуренный завод, одна пивоварня, один уксусный завод и пять красилен холста.

Поверхность земли, по случаю близости Днепра, не плоская, а холмистая; все деревни лежат в маленьких долинах, так как на высотах совершенно нет воды; особенно красиво расположены между высокими утесистыми возвышенностями близ Днепра деревни Кронверде и Эйнлаге. Почва очень плодородна и требует малой обработки, но климат и особенно засухи часто уничтожают все надежды. Для поднятия новой земли употребляется плуг в шесть лошадей, на второй год – в четыре лошади, на третий и последующие – в две лошади. Пшеница удаётся редко, однако её много сеют, так как сравнительно она стоит дорого,

часто втрое против ржи. В 1819 г. четверть пшеницы стоила 15–17 руб. асс., ржи – 5–7 руб. асс., ячменя и овса – 5–6 руб. асс. По случаю дороговизны всех работ* земля под рожь пахалась тогда один раз, и затем с нея собиралось две жатвы (делается ли это и теперь, я не знаю). Хлеб оставляли в поле перезреть, чтобы часть семени высыпалась и дала бы новый сбор. Дешевизна хлеба позволяет колонистам держать обширное птицеводство. Судходство вверх по Днепру неудобно по случаю порогов, а книзу Днепр всё мелеет. Поэтому только скотоводство доставляет денежную прибыль. Продукты скотоводства находят тем более лёгкий сбыт, что русские и окрестные татары предпочитают немецкое приготовление мяса, масла, сыра и пр., не перенимая сами этого приготовления. Собственно лесов в колониях нет, но у них есть остров на Днепре с достаточным лесом. Кроме того, они по возможности сажают лес в долинах и лощинах, так что имеют необходимый лес на поделки и на дрова.

Теперь у них отличные фруктовые сады; прежде у них были только дыни.

Уже в 1819 г. говорили, что со времени начала обработки земли в 1790 г. зима постепенно делается суровой и холодней. Прежде не было нужды собирать сено для зимнего прокормления скота, – скот круглый год пасся на воле и добывал себе пищу.

Все 17 деревень составляют одну общину, с одним общим управлением; выручка с общественной овчарни, с перевоза через Днепр, с аренды винокурни и пивоварни составляет общественный доход. В колониях есть общественный магазин, общество застрахования от огня, две церкви и в каждой деревне по школе. В деревне Хортице находится общественный дом, центр общественного управления, где

* В 1819 г. подённая плата работнику была 1 руб. 50 коп. асс., а во время уборки 2 руб. асс. и харчи (ассигнационный рубль стоил тогда 30 зилбегрошей). Простой каменщик или плотник получал 2 руб. 50 коп. асс. в харчи, а мастер – 5 руб. асс. и пищу.

председательствует главный смотритель. При нём находится писарь, знающий по-немецки и по-русски.

Пробывши в этой колонии несколько часов, мы направились к новым немецким колониям на реке Молочной. Они лежат около 80–90 вёрст южнее, и к вечеру мы прибыли в одну из них, по имени Гальбштадт, где нас дружески и радушно принял один богатый меннонит. На следующее утро, в воскресенье 24 июля, поехали мы в Орлов, место управления колониями, отстоящее на час езды. Мы хорошо поместились в хорошеньком, чистеньком домике. Так как только что должна была начаться церковная служба, то мы отправились в церковь, или скорее в большой зал для молитвы. Мне удалось в первый раз присутствовать при меннонитском богослужении. Зал лишён всякого украшения, без алтаря, только возвышенная эстрада для проповедника и обыкновенные скамьи для прихожан. Богослужение началось церковным пением (они сохранили старое лютеровское пение), затем явился проповедник. У меннонитов нет учёных проповедников, община по своему благоусмотрению выбирает одного из своих членов, который *должен* принять на себя эту обязанность. Он не получает никакого содержания, разве если он совершенно беден или должен ради этой обязанности отказаться от других занятий. Тем более должен был я подивиться проповеди. Очевидно, она не была выучена наизусть, даже не была предварительно обработана оратором, потому что он мимоходом обратил свою речь к нам, говорил плавно и свободно о том, что мы принесли им привет из отчизны, что мы приехали сюда изучить их жизнь и быт, чтобы доставить весть о них их родине, и в заключение пожелал нам Божьяго благословения на наш дальнейший путь, прося всю общину вместе с ним помолиться за нас. Изложение было ясно, логично, просто, гладко, без всякого шарлатанства и к тому же на правиль-

ном и хорошем немецком языке. Каким образом простой поселянин без школьного образования приобретает такую теологическую изустную безошибочную речь, которая превосходит проповеди сотни «учёных» проповедников, слышанных мной? Это сила традиционного христианства, в котором всегда отходящее поколение наставляло живущих, и это у людей, отвергающих предание Церкви! Ни одна секта, отделившаяся от Церкви, никогда не может совершенно оторваться от внутреннейшего зерна католицизма, которое именно заключается в предании.

Вернувшись домой, мы познакомились с одним человеком, бесспорно интереснейшею личностью из всех немцев, живущих теперь в России. Иоганн Корнис, родившись в западной Пруссии, молодым юношей переселился на Молочную вместе со своими родителями в начале текущего столетия. В своей юности он не получил никакого школьного образования, но он обладает ясным беспристрастным умом, тонким практическим смыслом и любящим сердцем; обязанный всем самому себе, он обучился и развился до такой степени, что его нельзя не признать достигшим высоты истинной цивилизации. Несмотря на то, что силою своего ума и в особенности честного и стойкого характера, он приобрёл положение одной из самых влиятельных личностей южной России, он остался во всей своей жизни, в своей семье, в домашнем быте простым безпритязательным крестьянином. Русский император может каждую минуту сделать его губернатором, Корнис будет тут на своём настоящем месте, но сам он не хочет быть ничем иным, как меннонитским крестьянином, дающим обещание перед крещением: «Согласно христианской обязанности, *не управлять* и не воевать!» У него нет ни чина, ни ордена, он должен отказаться по своим религиозным понятиям от того и другого, несмотря на то, что он и то и другое заслужил с гораздо большим правом, чем любой усеянный звёздами русский чиновник. До какой степени

могущественна эта личность, – этого нигде нельзя так ясно видеть, как в России, где человек без чина и ордена обыкновенно ничего не значит и где, несмотря на то, сам губернатор всей южной России, князь Воронцов, нелегко приступал к какому-нибудь шагу во внутреннем управлении этой местности, не спросивши предварительного совета у Иоганна Корниса.

Мы употребили этот день на ознакомление со всеми подробностями здешней колонии; мы осмотрели почти каждый дом и двор, земледельческие орудия, скот, огородные растения, хлеба и пр.

На следующее утро, 25 июля, я поехал с г. Корнисом в Акейму, соседнюю деревню ногайских татар. Я был немало удивлён, увидавши совершенно немецкую деревню по меннонитскому образцу. Г. Корнис научил татар строить деревни таким образом и всеми способами помогал им при этом. Теперь уже большое число татарских деревень выстроено под его руководством. Другие, не сам г. Корнис, говорили мне, что он поселил уже таким образом 17 000 татар. Мы нашли в этой деревне ещё новую депутацию к нему от целой партии ещё не оседлых татар; депутаты подошли к нему и сказали: «Ты отец нашего народа, будь и нашим отцом и помоги нам, как ты помогал уже другим!»

Избы этой деревни построены совершенно правильно и прочно с дымовыми трубами; дома лежат в огороженных дворах, в большинстве случаев перед входом стоит несколько тополей, а направо и налево небольшие цветочные гряды; в садах мы находили множество хороших фруктовых деревьев, на дворе были плуги, бороны, телеги, по меннонитскому образцу. В одном углу двора касса навозных кирпичей, употребляемых для топлива, сложена в правильные клетки.

Хозяин двора, красивый, сильный татарин, смотритель деревни, дружески и почтительно принял г. Корниса и пригласил нас в свой дом. Внутреннее устройство было точно так же по меннонитскому образцу, посуда и домашняя

утварь в кухне и жилой комнате не обильна и старомодна, как у меннонитов, однако и не очень бедна; тут были столы и стулья, котёл и ведро и даже сковорода для яичницы. Так как я заявил желание видеть женщин в их национальной одежде, то наш хозяин удовлетворил и этому нашему желанию, собственно говоря, совершенно неприличному по отношению к мусульманину. Он вышел из комнаты и через четверть часа вернулся со своими тремя жёнами, разряженными наилучшим образом. Только рот у них, как и у всех магометанок, был совершенно закрыт. Оне молоды, но малы ростом, толсты и некрасивы.

Отсюда мы поехали на большой хутор, принадлежащий г. Корнису и им устроенный. Дорогой мы проезжали мимо нескольких им заведенных лесных плантаций (посадкою дерев и посевом), которые находились в отличном состоянии. Одна плантация дуба и вяза на высоком кургане и вокруг его находилась в наилучшем состоянии, что тем более удивительно, что она была совершенно открыта действию степных ветров. Устроенный им хутор заключал в себе несколько тысяч десятин. Все строения новыя из кирпича, хороший рогатый скот западной прусской породы и облагороженные овцы. По одну сторону двора начинались его лесные посеы и посадки. Здесь можно видеть всевозможныя породы дерев, каждый сорт сеется на особом поле, затем пересаживается на другое поле и, наконец, уже в большем возрасте пересаживается ещё раз в третье поле, где и остаётся расти. С первых двух полей молодыя растения продаются. По-видимому, все главныя породы дерев удаются хорошо, однако мне кажется, что лиственные леса удаются лучше хвойных. Брат г. Корниса стоял во главе управления этим хозяйством.

Чем дольше живёшь с меннонитами, тем приятнее поражают доверчиво-братския отношения между ними. Это не церемонная вежливость, господствующая у русских крестьян, не нежность с поцелуями и объятиями, всегда являю-

щаяся у русских, как только вино попадѣт им в голову, – нет, это настоящие немецкие крестьяне, неуклюжие и неловкие в движениях, молчаливые, необщительные, но, как скоро того потребует дело, они в то же мгновение готовы друг другу помогать, друг друга защищать и отстаивать.

Нигде нет более полного равенства людей, основанного на религиозном представлении, как у меннонитов. Так как земледелие составляет у них религиозный долг, то никто не может быть ничем иным, как селянином. Каждый промысел, ремесло, торг подчиняются этому понятию и потому могут быть только в связи с земледелием. Их правители и чиновники, даже проповедники – не только все вышли из крестьянского сословия, но и остаются теми же крестьянами.

Это равенство всего яснее выражается в отношениях между господами и работниками. Мне это было особенно ясно, когда я наблюдал существующия отношения между г. Корнисом и его работником, который нас вѣз. При внешней вежливости форм тут выражалось скорее отношение сына к отцу, чем работника к господину.

Когда я передал это замечание г. Корнису, он сказал: «У нас существует правило, что каждый, даже сын самого богатаго крестьянина, должен на несколько лет идти в работники к кому-нибудь из своих соседей; поэтому работники не составляют у нас отдельнаго сословия, скорее это школа перед вступлением в жизнь; мой младший брат был некоторое время работником у меня и теперь ещё управляет моими делами. Мы платим нашим работникам и работницам очень высокую плату, от 30 до 70 руб. сер., и держимся этого как обычая; как скоро это делают все, то отношения уравниваются без вреда. А между тем даже и бедный крестьянин приобретает возможность скопить себе небольшие средства, и так как везде кругом много нетронутой, но плодородной земли, то он может при этих небольших средствах завести свое собственное хозяйство и стать хозяином.

А потому у нас бывает часто, что дочери богатых крестьян выходят замуж за работников, и даже за бедных, если они только способны и умны. Моя дочь точно так же может выйти замуж за кого захочет, даже за работника, если он ей только нравится и если он способный человек».

У г. Корниса один сын и одна дочь, хорошенькая 18-летняя девушка, *но ещё не крещёная*, и утверждают, что состояние его далеко превышает миллион рублей.

Нельзя, конечно, отрицать, чтобы богатство и бедность не делали своих разграничений между людьми и у меннонитов, нельзя отрицать и того, что некоторые из них заражены тщеславием богатства и другими пороками. Я слышал о всевозможных недостатках, господствующих у меннонитов Хортицкого округа. Но, по крайней мере, эти недостатки не пользуются санкцией общественного мнения, — они составляют исключение, но не правило.

Мы обедали у г. Корниса, то был простой, но вкусный домашний стол. Всё, что подавалось на стол, даже вино, было произведением собственного хозяйства, посуда и мебель старинные и прочные. Жена и дочь не обедали с нами: жена оставалась на кухне и отпускала кушанье, а дочь, по первобытному германскому обычаю, прислуживала за обедом гостям.

26 июля я поехал с г. Корнисом в другия немецкия колонии, заселённые вюртембергскими и другими немецкими крестьянами. Здесь нет ни того порядка, ни той зажиточности, как у меннонитов. Эти колонии были долгое время задержаны в своём развитии, однако в последнее время они начали поправляться и в некоторых деревнях заметно уже начало развивающагося благосостояния.

Отсюда мы поехали в духоборческую деревню Богдановку, посещение которой описано мною раньше.

Я достал от г. Корниса очень подробныя статистическия сведения о здешней колонии меннонитов; я передам эти данныя, насколько они бросают взгляд на хозяйственныя отношения этой интересной колонии.

Увлечённые счастливой колонизацией в Хортицком уезде, 347 меннонитских семей в западной Пруссии решились в 1803 г. переселиться в Россию. Русское правительство предоставило для их поселения целый округ на Молочной. Эти первые колонисты основали в 1804 и 1805 годах 17 деревень. Но к ним постоянно прибывали новые пришельцы из западной Пруссии, а размножение населения шло само по себе быстро, а потому от 1806 до 1822 года тут основалось ещё 16 деревень, и от того времени до настоящего ещё 11, – последняя только несколько лет тому назад.

Этим 44 деревням русское правительство в различное время предоставило в пользование 96 812 десятин земли; но оборотистые колонисты не удовлетвоались этим и накупили у своих соседей, у татар, других немецких колоний, молокан, духоборцев, много земли, всего до 48 446 десятин. Наконец царь подарил им ещё с особенным назначением 3500 десятин, так что вся земля их теперь составляет площадь в 148 767 десятин, или около $26\frac{4}{5}$ кв. миль. Население, живущее на этом пространстве, состояло в 1838 г. из 5521 муж. души, а в 1842 г. из 6334 муж. и 6227 жен. душ в 2517 семьях. В числе последних было 1041 семья сельских хозяев, 938 семей подёнщиков и 538 семей торговцев и промышленников. Работниками были 84 человека колонистских детей и, кроме того, 242 русских крестьянина.

В то время, когда прибыли сюда меннониты, все вышепомянутое пространство земли представляло голую, безлесную степь, хотя с очень плодородною почвой.

Так как меннониты имели пред своими глазами опыт своих братьев в Хортицком уезде, то они надлежащим образом приготовились к своему переселению. Они взяли с собой лошадей и телеги, нагруженные постелями и всевозможной посудой и мебелью; взяли с собой рогатый скот и овец, так что, проходя через Польшу, они должны были разбиться на несколько партий, чтобы прокормить свой скот. Им не понадобилось никакого займа у правительства

для своего устройства. Некоторые имели при себе от 10 до 12 тысяч дукатов чистыми деньгами, а все 347 семей первого переселения располагали вместе 150 000 дукатов.

Деревни были выстроены совершенно правильно; каждый двор занимал в ширину 40 сажень, а между двумя дворами оставлялся непременно промежуток в 14 сажень.

От правительства они получили десятилетнее освобождение от податей и обещание никогда не быть принуждаемыми к военной службе. Каждая семья получила в пользование 65 дес. земли. Из числа 96 812 дес., предоставленных им короной, до сих пор поступило в раздел между ними 68 052 дес., а остальные 28 769 дес. остаются в резерве, для будущего поселенья. Из 68 052 дес. до сих пор находится под пашней 26 018 дес., остальная земля служит сенокосом и выгоном.

Меннониты платят следующие подати: 1) вместо оброка по $4\frac{2}{7}$ коп. сер. с каждой десятины земли и ещё особия поземельная деньги по $\frac{3}{4}$ коп. сер. с десятины; 2) подушные с каждой мужской и женской души, способной к работе, от 14 до 60-летнего возраста, по 60 коп. сер.

Из этого видно, что податная система устроена тут совершенно иначе, чем в остальной России. Однако я думаю, что правительство взыскивает с них подушные и оброк тем же, как и в остальной России, обыкновенным порядком, по числу ревизских душ, но что меннонитам разрешено распределить подати между собою вышеописанным образом. Подати ежегодно утверждаются управлением колоний, взыскиваются и доставляются в государственную казну. Из числа 6434 муж. душ в 1842 г. было 4976 лиц, обложенных податью, то есть от 14 до 60-летнего возраста; 314 человек не платили податей, так как им не истёк ещё 10-летний срок освобождения.

На содержание старшин, писаря и пр. взыскивается с каждого дома по 30 коп. сер., а на поддержание общественных заведений – по 14 коп. сер. с каждой души, годной к работе.

В том же году тут было 1779 домов или дворов: потому что у меннонитов господствует привезённое ими из западной Пруссии обыкновение ставить под одну крышей жильё, амбар и хлев обыкновенно таким образом, что два флигеля соприкасаются друг с другом правым углом, причём в первом флигеле помещается жильё и часть хлева, а в другом – амбар. Из этих 1779 домов было:

Каменных	52
Кирпичных	157
Из необожжённого кирпича	1 240
Плетнёвых	209
Деревянных	121

Частных промышленных заведений было:

Водяных мельниц	5 (в 1844 г. прибавилось ещё 4).
Ветряных мельниц	45
Круподёрок	18
Конных мельниц	6
Маслобоен	31
Уксусных заводов	6
Кирпичных заводов	13 (в 1842 г. было выжжено 1 319 800 штук кирпича, продано 554 000 штук по 25 руб. асс. за 1000; в 1844 г. выжжено 1 742 593 штуки и продано 1 423 723 штуки).
Черепичных заводов	3 (в 1842 г. выжжено 51 119 штук, продано 43 119 штук по 60 руб. асс. за 1000; в 1844 г. выжжено 62 400 штук, которые не могли удовлетворить всему требованию)
Известковых заводов	1
Красилен	12
Сукновален	3
Суконных фабрик	1 (в 1844 г. было выработано 6431½ арш. сукна, которые проданы за 36 566 руб. асс. и далеко не удовлетворили спроса)

Общественных зданий было:

Ратуш	3
Домов для молитвы	9
Школ	47*
Овчарен	4
Пивоварен	2

Промышленников и ремесленников в колонии находилось:

Часовщиков	12	Плотников	31
Столяров	35	Токарей	8
Бочаров	3	Сапожников	34
Портных	25	Ткачей	142
Кузнецов	68	Каретников	44
Каменщиков	9	Верёвочных мастеров	1
Слесарей	3	Оловянишников	2
Переплётчиков	2	Булочников	1
Мельников	74	Пивоваров	2
Маслобоев	31	Красильщиков	11

В колониях в 1842 г. состояло: 9021 лошадь (из них было: 5609 рабочих лошадей, остальные были назначены к продаже; в 1844 г. всех лошадей было: 10 086 голов), рогатого скота 12 353 головы (из них 5650 молочных коров немецкой породы; в 1844 г. всех было 13 611 голов), овец 97 908 (в 1844 г. 103 030 голов), свиней 4575 голов.

В колониях на Молочной скотоводство слабее сравнительно с колониями Хортицкаго уезда. Население в Хортицких колониях вдвое больше против здешняго, но земли у них в $3\frac{1}{2}$ раза больше, поэтому скотоводство на Молочной в $2\frac{1}{5}$ больше, чем там. Это совершенно объясняется плодородием земли и условиями местности. Почва на Молочной плодо-

* В 1842 г. школы посещали 1976 детей. Едва ли тут есть хоть один меннонит, не умеющий читать и писать. Едва ли есть надобность прибавлять, что в каждом доме есть Библия, молитвенник и обыкновенно несколько учебных и назидательных книг.

роднее, поэтому тут сильнее развито земледелие, а вследствие близости моря и сбыт хлеба легче. На тех же основаниях в Хортице должно быть сильнее развито скотоводство.

Земледелие находится тут в следующих условиях: 48 446 дес. земли, купленной частными лицами, находится по отношению к земледелию в полном распоряжении владельцев. Напротив, земля, отведённая казной каждому двору в количестве 65 дес. (всей этой земли 68 052 дес.), не подлежит произволу частных лиц, а тесно связана с землёю остальных членов общины и с заведённым во всей общине родом полевого хозяйства. Уже с 1838 года здесь заведено и установлено правильное четырёхпольное хозяйство. Каждый хозяин может из своих 65 дес. отвести под пашню 25 дес., из которых ежегодно три части заняты хлебом, а одна находится в пару, и только едва $\frac{1}{6}$ часть её засаживается картофелем. Осенью 1842 г. было посеяно 1599 четвертей озимаго хлеба, а весною 1843 г. – 13 402 четверти яроваго хлеба. Луга и сенокосы, сообразно своему качеству, в различных деревнях занимают различные пространства. Поэтому на каждый двор приходится от 6 до 10 дес. лугу. По отношению к лугам каждый хозяин волен оставить их лугами, или обратить в выгон для своего скота, или, наконец, распахать. Остальная земля назначена под общественный выгон своей деревни, причём установлено число скота, которое каждый хозяин имеет право выгонять на пастбище. Число это колеблется между 25-ю и 30-ю единицами крупного скота на каждого хозяина, причем за большую скотину считается 2 жеребёнка, 4 свиньи или телёнка и 6 овец.

Что до земледельческих орудий, то в 1842 г. их было: 1518 плугов, 2317 борон, 2775 телег и, как признак успехов рационального хозяйства, 89 молотильных машин, работающих лошадиною силой, и 42 соломорезки, из которых 38 работают лошадиною силою, а 4 – человеческою.

Обработка поля производится меннонитами с большим смыслом. Они отнюдь не держатся старых привычек,

но постоянно следуют за всеми усовершенствованиями, делая осторожные опыты.

Когда они прибыли сюда 40 лет тому назад, то, как уже сказано, на всей этой поверхности земли не было ни одного дерева. Как топливо они употребляли тогда солому, тростник, бурьян (исполинская степная трава) и навоз; в настоящее время их лесные посадки и посевы доставляют им уже часть топлива. Вместе с этим уже несколько лет тому назад они начали вместо топлива употреблять навоз на удобрение, и им удалось через это возвысить плодородие земли и значительно сократить пар. Корнис уверяет*, что в 1843 г. поля, которые были удобрены и заботливо обработаны, дали жатву вчетверо, пятеро и шестеро большую, чем поля, обрабатываемая по рутине. Неурожай, повторявшийся прежде очень часто, случается редко при заботливой обработке поля, и теперь его не было уже 10 лет. Прежде особенно часто подвергалась неурожаю пшеница, что уже было сказано при описании Хортицких колоний, теперь посевы пшеницы увеличиваются с каждым годом, и в 1842 г. было засеяно ею почти 1547 дес. больше, чем три года назад. Впрочем, в этом году под пашню было отведено лишних 2000 дес. Для предохранения полей от бурь и, в особенности, от неблагоприятных климатических условий, начали обсаживать поля деревьями, особенно тузовыми, наподобие изгороди или в беспорядке. На круг в этом году собрано: пшеницы 7 зёрен, ржи 12, ячменя 9, овса, в этом году неудавшагося, 7 зёрен**. Пшеница продавалась здесь 14 руб. асс. за четверть, а в Бердянске, месте сбыта, 17 руб., рожь стоила здесь 3¹/₂ руб. асс., ячмень – 4 руб. 2¹/₂ коп. асс., овёс – 3¹/₂ руб. асс. Меннониты разводят много картофе-

* В журнале министерства государственных имуществ за 1843 год: «О состоянии сельского хозяйства у меннонитов на Молочной» Корниса.

** В 1844 г. пшеница дала 9¹/₂, рожь 11¹/₂, ячмень 11, овёс 5 зёрен. Пшеница в этом году стоила только 10 руб. асс. за четверть.

ля и употребляют его даже на корм скота*. Мало-помалу окрестные русские переняли от них посадку картофеля. Но ногайские татары обязаны распространением у них картофеля г. Корнису. Ещё в 1838 г. ногайцы едва только знали картофель по названию. За исключением ближайшей к меннонитам ногайской деревни Аккерман, нигде в остальных 75 деревнях не сажали картофель. Но уже в 1843 г., во время посетившего их неурожая, картофель составлял почти единственную их пищу.

Лён разводится в количестве, удовлетворяющем местным нуждам. В зиму 1842 г. пражей льна и тканьём холста было занято 2571 человек.

В последнее время получает большое распространение разведение масличных растений, особенно китайской масличной редьки.

Меннониты начали также улучшать луга посредством орошения – единственное орошение, виденное мною в России, в России, где, по моему неизменному убеждению, только через улучшение лугов земледелие может достигнуть богатых будущностью и выгодных результатов. Посредством земляных плотин весною нынешняго года было орошено уже 1384 дес. сенокосу, и сбор сена дал двойное количество против прежних лет.

Меннониты занимаются также несколько и разведением табаку. Граф Воронцов прислал им семян альбанскаго табаку, который растёт хорошо. Табак мог бы иметь большое значение для так называемаго мелкаго люда, имеющаго только огороды, обрабатываемые руками.

Значительно распространяется разведение плодовых дерев. Каждому из 1041 крупных сельских хозяев было разрешено выделить из севооборота по одной десятине земли под огород и сад. Считали, что каждый при этом может посадить 500 фруктовых дерев (владельцы более ста-

---

* Я думаю, что нигде во всей России вино ещё не курится из картофеля.

рых садов продают теперь ежегодно одних свежих фруктов на 200–300 руб. асс.)*. В 1842 г. тут было уже 167 153 фруктовых дерева с плодами. В этом году посажено ещё 25 608 новых деревьев. В следующем затем 1843 г. посажено 35 169 деревцев, а в 1844 г. 38 512 штук. В школах находится ещё более 400 000 молодых деревцев. Окрестные русские соблазнились этим примером и начали также разводить фруктовые сады. Выше я уже сказал, что ногайские татары также не остались к этому равнодушны.

Тутовых деревьев было более 600 000 штук. В 1836 получено было в первый раз 15 фунт. чистаго шёлку. В 1842 шелководством занимались 71 человек и получили 8 пуд. 32 фунт. чистаго смотаннаго шёлку, который был продан тут на месте по $10\frac{1}{2}$ руб. асс. за фунт. В 1843 г. выработано 14 пуд. 26 фунт., и было уже пять машин для намотки шёлка. В общем, намотка идёт ещё очень нехорошо, вследствие чего за здешний шёлк платят только $10\frac{1}{2}$ руб. асс., тогда как он стоит от 14 до 17 руб. асс. за фунт. В 1844 г. шелководством занималось 129 семей и выработали 23 пуд. шёлку. Но важнейшее значение для будущего юга России представляют леса этих колоний, так как они практически доказывают возможность облесения степи, по крайней мере, в некоторых определённых местах.

После сделанных отдельных опытов посева разных древесных семян и пересадки всех возможных пород деревьев меннониты приступили в 1834 г. к правильному разведению лесов. 857 хозяев в 39 деревнях отделили каждый по $\frac{1}{2}$ дес. под лес, из которых $\frac{1}{3}$ должна быть занята тузовыми деревьями, а остальная земля – другими породами деревьев. Из этих $428\frac{1}{2}$ дес. в 1842 г. 163 дес. были уже засажены 29 различными породами дерев. В 1843 г. всего было уже посажено 2 300 000 деревьев, кроме лесных плантаций г. Корниса.

* В 1844 г. урожаи плодов были так велики, что их было продано на 6403 руб. асс., – случай, доселе небывалый.

В этих колониях в 1842 г. было продано сельскохозяйственных произведений:

а) Из всего сбора хлеба, составившего всех сортов вместе 89 675 четвертей, продано:		
15 597 четвертей пшеницы и ржи за	208 708 руб. асс.	
682 четверти картофеля за	3 388 » »	
б) Продано скота*:		
425 лошадей за	33 292 » »	
466 голов рогатого скота за	20 660 » »	
15 048 овец за	64 480 » »	
в) Продано шерсти 7062 пуд. 15 фунт. за	145 992 » »	
(в 1844 г. продано 7053 пуд. шерсти за	189 476 » »)	
г) Из внутреннего хозяйства продано:		
7412 пуд. 20 фунт. масла за	70 874 » »	
(в 1844 г. продано 10 151 пуд. масла за	81 006 » »)	
312 пуд. 20 фунт. сыру за	2 807 » »	
(в 1844 г. продано 406 пуд. сыру за	3 323 » »)	
717 пуд. 20 фунт. ветчины за	3 038 » »	
д) Различных продуктов:		
554 000 кирпичу по 25 руб. асс. за 1000 на	13 850 » »	
51 119 черепиц по 60 руб. асс. за 1000 на	3 067 » »	
352 фунта шёлку по 10 ¹ / ₂ руб. асс. за фунт на	5 280 » »	
68 118 молодых фруктовых деревьев на	5 638 » »	
Продано фруктов на	2 819 » »	
Итого	583 893 руб. асс.	

Можно рассматривать здешних меннонитов, по их изолированному положению с извне и по единодушию внутри, как одно общество с общественной собственностью, и в этом случае из вышеприведённой прибыли пришлось бы на каждого человека за удовлетворением всех обыкновенных

* Порода лошадей посредственная, порода рогатого скота в последнее время очень улучшена, почему уже в следующем году продано более 10 000 пуд. масла и 500 пуд. сыра.

потребностей жизни – пищи, отопления, освещения, одежды и т. д. – по 46 руб. 11¹/₂ коп. асс. Конечно, это очень благоприятный результат народного благосостояния.

На поддержание их общего быта меннониты платят подати и налоги, и, кроме того, у них существуют особые общественные сборы. Уже выше было приведено, что на содержание управления и писаря сбирается с каждого дома по 1 руб. 5 коп. асс. и на прочие общественные нужды по 49 коп. асс. с каждой души, способной к работе, от 14 до 60 лет. У них существует общественный магазин, в который каждый должен вносить определённое количество хлеба. На 1 января 1843 г. в магазине было 5212 четвертей озимаго хлеба и 833 четверти яроваго хлеба. Есть также общественная овчарня, в которой на 1 января 1843 г. было со включением ягнят 8220 голов; с них в 1842 г. собрано 437 пуд. 15 фунт. шерсти, которая продана за 11 025 руб. асс. Наконец, винный откуп доставлял общине ежегодного дохода 15 316 руб. асс. Общй денежный приход может простираться до 30 000 руб. асс.

Я потому так подробно описал сельскохозяйственные отношения этой колонии меннонитов на Молочной, что они дают неопровержимыя доказательства немецкаго трудолюбия, немецкой любви к порядку, их высокой цивилизации и нравственности – потому, наконец, что значение их для России ещё недостаточно признано. Во всей России нет другаго уголка, где бы в общем царствовала такая равномерно-высокая культура земли и населения. Эти колонии могут служить для правительства масштабом и для всего русскаго народа примером того, как много могут сделать прилежание, нравственность и порядок. Но, прежде всего, колонии эти служат для правительства верным масштабом того, до чего может быть доведена обработка земли и в особенности облесение степи и всей южной России, а это самый главный пункт могущества и внутренней политики России. Если бы

весь юг России получил такую же обработку и культуру, как эта полоса, то Москва и Петербург не могли бы быть более центром тяжести и полярною звездой страны, и ими стали бы Харьков или Екатеринослав и Одесса.

---

27 июля я поехал с г. Корнисом в другой его хутор, управляемый его единственным женатым сыном. На земле, смежной с его хутором, образуется новая колония, принёсшая сюда совершенно особый порядок.

Во время реформации один духовный в Цвикау, именем Гуттер, образовал, в существе своём, такую же богословскую систему, какую впоследствии развил Симон Менно. Однако нет никаких указаний, чтоб эти две системы стояли хотя бы в малейшей связи между собой. Напротив, Гуттер состоял в переписке с Томасом Мюнцером и имел с ним даже одно свидание; но они не могли согласиться, так как Гуттер не хотел и слушать о земном царстве Христа и его избранных и об образовании и упрочении этого царства, хотя бы при помощи огня и меча. Наоборот, он учил подобно Менно, что никто не должен подымать меча. Повидимому, он не находился ни в какой связи с прочими реформаторами своего времени и был совершенно одинок. Он собрал маленькую общину, и мы видим его в 1540 г. при этой общине в северной Богемии. Вскоре выгнанный оттуда, он поселился со своей общиной вблизи Инспрука. Позднее он был сожжён в Инспруке.

Снова преследуемые во время 30-летней войны, последователи Гуттера переселились в Венгрию и Семигорье. Там долго они жили спокойно и в начале XVIII столетия увеличились ещё прибытием их единоверцев из Коринфии. В 1752 иезуитам удалось через их проповедников обратить около половины их, примерно 1400 человек, в католицизм. Остальные, узнавши об угрожавшей им опасности, ушли отсюда и поселились близ Бухареста в Валахии. Когда во вре-

мя турецкой войны в 1770–1775 годах деревни их были разорены и сожжены, они обратились к русскому фельдмаршалу графу Румянцеву с просьбой о переселении их в Россию. Он поселил их действительно на свои земли в Подолии. Пока граф был жив, и несколько времени после его смерти, им было хорошо. Но затем имения графа перешли в чужия руки и колонистов стали притеснять. Тогда они просили министра государственных имуществ отвести им государственную землю. Корнису было поручено исследовать их отношения и нужды и переселить их вблизи меннонитских колоний на Молочной. Таким образом, после длинных скитаний в течение трёх столетий они поселились, наконец, теперь в чужой стране, рядом со своими соотечественниками и одноверцами, никогда не слыхавшими прежде об их существовании. Они тут всего второй год и уже собрали хорошую жатву.

Когда я посетил так называемых гуттерских братий, они жили ещё в землянках, но с большим трудолюбием занимались перевозкою камней, гашением извести, приготовлением глины и т. д. для возведения своих домов по меннонитскому образцу. По виду это были порядочные и честные люди. Их соседи меннониты помогают им по своим силам. Как, однако, различны и как стойки национальности! В меннонитах можно и теперь ещё узнать старых фрисландцев, точно так же у гуттерских братьев вполне сохранились южногерманския национальныя особенности, несмотря на то, что прошло уже 200 лет, как они выселились из Германии. Наречием, одеждою, темпераментом они существенно отличаются от меннонитов.

Я спустился с г. Корнисом в землянку их общинного старшины. Она была обширна и состояла из нескольких отделений или комнат и кухни, – всё в порядке и чисто.

Общинный старшина показал мне в высшей степени замечательный манускрипт. Рукопись начата основателем секты Гуттером. В фолиантах содержится частью его учение, затем описана судьба его и его общины. После смерти Гуттера старший в общине постоянно продолжал рукопись до но-

вейшаго времени. К сожалению, у меня было мало времени, и я мог только её бегло перелистать. Кроме богословских рассуждений, в ней содержится масса интереснейших исторических сведений, именно о первых движениях реформации и о 30-летней войне. Эти люди, конечно, хранят эту книгу как святыню и никогда не выпустят ее из своих рук, но они очень охотно дали бы с нея копию, если б какая-нибудь публичная библиотека предложила им за неё несколько сот рублей.

Эти *сознательно крещённые* (*Taufgesinnten*, так, собственно, называют они сами свою секту), эти меннониты и гуттерские братья, несмотря на свои продолжительныя и далёкия скитанья, вполне сохранили свои национальныя особенности, и этим они обязаны тому обстоятельству, что никогда не вступали в брак с другими народами и племенами, а это есть результат их религиозных воззрений. Так как они не признают крещение детей за действительное крещение, то они должны считать всех прочих христиан *некрещёными*. А вступать в брак с некрещёными запрещает всякая христианская религия.

При моём возвращении я нашёл уездного исправника, который, услышавши о моём прибытии, хотел мне представиться. Это был неотёсанный русский человек, и я должен был с ним говорить при помощи моих спутников. Но, по видимому, он был честный человек. На мой вопрос: доволен ли он меннонитами, он отвечал, что ни разу не получил на них никакой жалобы и что, сколько он помнит, у них не было ни одного полицейскаго следствия, что они живут в наилучшем мире со всеми своими соседями и помогают им, насколько могут. Поистине прекрасное и достоверное свидетельство.

28 июля я простился с этими честными людьми. Г. Корнис проводил нас до духоборческой деревни Терпение, где я остановился на несколько часов. Моё посещение этой деревни описано много в 13 главе. Здесь я пожелал всего лучшего г. Корнису и отправился в своё дальнейшее путешествие к косе, отделяющей Гнилое море от Азовскаго.

Мы проехали мимо множества курганов, но ни на одном из них не было бабы, однако на станции Асбергинской я видел вдаль на возвышении множество камней, расположенных в порядке. Когда мы подъехали к этому месту, мы увидели гробницу одного святого ногайских татар. В расстоянии около 100 шагов от нея на склоне заметили мы землянку, и вскоре вышли из нея двое грязных татарских мулл или дервишей и подошли к нам. Они просили милостыню, и, получивши её, один из них, знавший по-русски, рассказал моему спутнику татарскую легенду, которой нельзя сделать упрёк в богатстве фантазии. Много лет тому назад один важный татарин шёл со своим спутником через эту местность и видел, как кто-то перед ним пробежал, держа свою собственную голову под мышкой. Когда татарин в удивлении окликнул его, человек тот внезапно повалился, а когда тот подошёл к нему, то увидел, что это был татарин, а под головою у него лежала рукопись, утверждающая, что он настоящий святой. Он был похоронен на этом месте, а на могиле его поставили каменную гробницу и мечеть, которая, впрочем, теперь давно уже в развалинах. Теперь это место поклонения многих татар; тут совершается много чудес. Особенно много пригоняют сюда больного скота, который по молитве святого получает исцеление. На наш вопрос: всегда ли поступает исцеление? – мулла чрезвычайно наивно отвечал: иногда и нет! Мы проехали всю ночь и проснулись следующим утром на узкой косе, отделяющей Гнилое море от Азовского. Коса эта около 85 вёрст длины. К стороне Азовского моря она образует песчаную дюну от 20 до 60 футов высоты, а к стороне Гнилого моря она совершенно спускается и переходит большую часть в болото, теряющееся в этом отвратительном, во многих местах вонючем море. В большей части мест эта коса шире $\frac{1}{4}$ мили, а часто не превышает 400 шагов, и это придаёт некоторую особенность виду с высокой дюны между двух морей, причём далеко по другую сторону одного из этих морей, Гнилаго, виднеются голубые вершины Крымских гор.

На всей этой длинной косе только две почтовые станции и затем более ни одного жилья. Раза два, три встретили мы нескольких верблюдов и сопровождающих их верхами татар. Здесь чувствуется уже близость Азии.

Около 8 часов прибыли мы в маленькую крепость Арабат, основанную турками у самого корня косы в Крыму. Крепость порядочно уже разрушена. На почтовой станции, лежащей перед крепостью, мы нашли еврея, хорошо говорившего по-немецки, потому что он долго жил в Германии. Большая часть почтовых станций южной России находятся в руках евреев. Они все говорят по-немецки даже между собой, потому что они прибыли сюда из Польши, но их едва можно понять. В версте от этой станции я ещё раз увидел каменную бабу, высеченную очень грубо: это самая древняя баба из виденных мной. Она была не на кургане, а посреди углубления в степи. Дорога поворачивает отсюда вправо в обширную степь, и всё-таки с каждого возвышения видны голубья Крымския горы. Наконец, влево показалось в первый раз Чёрное море, и около 11 часов мы прибыли в Феодосию. Тут пробыли мы до следующего вечера и затем отправились в Керчь, куда приехали рано утром 31 июля. 1 августа я отправился на паровом судне к берегам Мингрелии. Я изложу мое путешествие по Кавказу в особом сочинении. Так как я вновь вернулся в Керчь 22 сентября и на этот раз опять был в Феодосии, то я опишу в особой главе оба мои посещения обоих этих городов и всё, что я там узнал и увидел.

Здесь же я хочу поместить прежде три небольшие статьи, для которых я собирал материалы в течение всего моего путешествия и для которых я нашёл интереснейшие данные у меннонитов и именно у г. Корниса.

- 1) О колонизации и колониях южной России.
- 2) О так называемых курганах южной России и находящихся на них каменных бабах.
- 3) О ногайских татарах, их нравах и особенностях.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие переводчика	5
Предисловие автора	11
ГЛАВА I. <i>Отъезд из Берлина в Петербург. – Разница в температуре. – Вскрытие Невы. – Страстная неделя и заутреня в Почтамтской церкви. – Русское церковное пение. – Пасхальное «Христос Воскресе». – Большой парад перед Зимним дворцом. – Отъезд из Петербурга. – Лисинский лесной институт и Петербургская лесная Академия. – Новгород. – Вышний Волочок. – Торжок и тамошняя кожевенная изделия. – Тверь. – Крестьянская община. – Положение и постройка деревень. – «Ижорские». – Русский крестьянский двор. – Изгороди. – Народная одежда. – Нравы.....</i>	24
ГЛАВА III и IV. <i>Москва в сравнении с Петербургом. – Велико-русский народ. – Путь его цивилизации. – Народное значение Москвы. – Пётр I и данное им направление. Взгляд на Москву. – Улицы, церкви. Кремль, его архитектура, строения. Иван Васильевич. – Китай-город; базар, русские торговцы. – Положение женщины в России. – Составные части населения Москвы. – Прежде дворянский город, теперь купеческий. – Постройка старых дворянских домов, дворян. – Теперешняя постройка, фабричные рабочие. – Политическое значение Москвы как промышленного центра. – Об образовании среднего сословия, германская корпорация, русская артель. Русские ремесленники, ремесленные артели. – В России нет пролетариата. – Коренные русские типы. – Дворник, будочник, плотник .....</i>	44
ГЛАВА V. <i>Отъезд из Москвы. – Скворешники. – Крестьянская одежда. – Троицкая Лавра, её значение в истории. –</i>	

Профессор Голубинский. Осмотр монастыря. – Колокольня. – Успенский собор, гробницы царей и князей. – Церковь Св. Троицы, замечательные образа. – Нерукотворенный образ Христа по восточным и западным легендам. – Учение о чистилище. – Св. София с тремя дочерьями. – Ризница. – Где скопляются жемчуги? – Монашеская келья. – Русское монашество. – Трапеза. – Больница. Библиотека, старославянские музыкальные знаки, русския мигнатуры. – Школа для бедных. – Духовная академия. – Нищие. – Воронья республика. – Отъезд из Троицы. – Переславль. – Села с каменными и деревянными церквами. – Никитский монастырь. – Озеро Плещеево. Памятник Ивана. – Постройка деревень в Ярославской губернии. – Ростов и его ярмарка. – Деревни огородников 81

ГЛАВА VI. *Ярославль. – Русская гостиница, караван-сарай и трактир, чай и самовар. – Губернатор, его супруга, религиозное благочестие Русских. – Неслыханный осётр. – Поездка с председателем палаты государственных имуществ к г. Карновичу. – Мирская сходка по дороге. – Прибытие. – Описание имения Горы Пятницкой. – Внутренность одного крестьянского двора. – Оригинальный состав одной крестьянской семьи. – Ферма, учреждённая на новых основаниях. – Местечко Великое Село. – Русское крепостное право в его столкновении с новым временем. – Русское дворянство, изменение его нравов с 1812 года, чиновное дворянство. – Полотняная фабрикация в Великом Селе, особенный раздел земли. – Отношения между помещиками и крепостными, анекдоты. – Новья распоряжения графа Киселёва. – Недостаток в близком суде для незначительных проступков. – Русские портные. – Поземельный раздел в русских общинах. – Тягло на оброчном и барщинном положении. – Приращение русскаго населения. – Политическое и культурное значение русской общины. – Сравнение русскаго сельскаго хозяйства с немецким и последняго с английским и французским. – Пункты соприкосновения с новейшими теориями. – Сен-симонизм. –*

<i>Сходства и противоположности с русским социальным устройством. – Земледелие под Ярославлем. – Отъезд от Карновича. – Деревенский поп. – Белильня полотен. – Поездка в Рыбинск. – Его торговое значение. – Бурлаки. – Возвращение в Ярославль. – Яковлевская фабрика .....</i>	<i>96</i>
ГЛАВА VII. <i>Обицья разсуждения о Ярославской губернии. – Промышленность и земледелие в ней. – Большия поместья и крестьянския хозяйства. – Народныя фабричныя ассоциации или ремесленныя артели и новейшия фабрики, их польза и вред. – Возможная народная организация их. – Статистическия сведения о пяти уездах и разсуждения по поводу их. – Хозяйство города Ярославля .....</i>	<i>152</i>
ГЛАВА VIII. <i>Отъезд в Вологду. – Самоварныя фабрики в Данилове. – Вологда, ея городское устройство, прежнее и современное значение. – Филигранныя работы. – Поездка в деревню Кубинскую. – Деревенское устройство. – Образцовая ферма удельных крестьян. – Отъезд из Вологды. – Принцип первобытной русской колонизации на Севере. – Область лесов. – Ямщик и его лошади. – Русская народная песня. – Тотьма. – Китайская архитектура. – Маляр Вагенов. – Статистическия данныя. – Земледелие и скотоводство. – Школы. – Дорога до Устюга. – Внешний вид и внутреннее содержание города. – Северная ночь. – Поездка водой к Троице. – Посещение старосты в Пестове. – Одежда. – Троицын день в Троицком монастыре. – Св. Иван и Св. Стефан. – Зыряне .....</i>	<i>202</i>
ГЛАВА IX. <i>Некоторыя обицья сведения о Вологодской губернии, в особенности по отношению к государственному хозяйству и экономии .....</i>	<i>242</i>
ГЛАВА X. <i>О половничестве или о положении поселян, обрабатывающих землю из половины сбора, в Никольском, Устюжском и Сольвычегодском уездах .....</i>	<i>256</i>
ГЛАВА XI. <i>Юрьевец. – Сведения о Костромской губернии. – Кологривский уезд; его хозяйственныя отношения. Отношения крестьян. – Судостроение. – Ветлужский</i>	

- уезд. – Дегтярный промысел и участие в нём землевладельцев. – Мочальное производство. – Отъезд из Юрьевца. – Удельная деревня Дьяконская. – Народная школа. – Ремесленное училище. – Сельское хозяйство. – Внешний вид и украшения здешних изб. – Приезд в Нижний Новгород..... 268
- ГЛАВА XII. Нижний Новгород.** – Губернатор. – Дворец. – Гулянье, народныя увеселенья, народныя песни. – Русская народная одежда в противоположность немецкой. – Изобилие жемчугов. – Провинциальный театр. – Суеверие. Поездка в Арзамас. – Посещение женскаго монастыря. – Дисциплина в нём, возникновение и история монастыря, монастырския правила, отличия от других русских монастырей, указанныя для внутренней реформы монастырскаго устройства. – Школа живописи в Арзамасе. – Фабрики. – Деревня Висена, сапожная ассоциация в ней, деревенския порядки и распределение податей. – Гусиные бои. – Возвращение в Нижний. – Осмотр тюрьмы. – Благодетяния преступникам. – Бурлаки..... 277
- ГЛАВА XIII. Нижний Новгород.** – Посещение единоверческой церкви. – Русское сектантство. – Древнейшия секты: самосожигатели, скопцы, хлысты, безсловесники, субботники. – Раскольничьи секты времён патриарха Никона. – Староверы; их характер и значение. – Религиозные споры в Кремле на Св. неделе. – Три подразделения староверов: единоверцы, часовенные, поморяне. – Их учения, учреждения и богослужения. – Большая староверческая больница в Москве. – Секты времён Петра I. – Молокане, их учение и связь с учением квакеров. – Духоборцы, их учение. – Моё посещение их на Молочной. – Капустин, их Христос. – Духоборческая деревня Терпение 308
- ГЛАВА XIV. Нижегородская ярмарка в 1843 г.** – Поездка на ярмарку из Москвы. – Великорусския деревни. – Положение города и ярмарки. – Макарьев. – Внешний вид ярмарки. – Значительнейшие предметы торговли. – Каменные ряды. – Рестораны и другия увеселения. – Подземныя га-

лереи. – Вспомогательные отрасли торговли. – Барки. – Казацкая стража. – К характеристике великороссов. – Значение и важность ярмарки.....	389
ГЛАВА XV. <i>Отъезд из Нижняго. – Второе посещение лагеря. – Кантонисты. – «Машина» на Волге. – Козьмодемьянск. – Черемисская деревня. – Черемисский двор. – Черемисы. – Одежда. – Жилище. – Народная жизнь. – Народный характер. – Религиозные обряды и мирозозерцания. – Отъезд. – Встреча с партией ссылаемых в Сибирь. – Колонизация Сибири. – Развращение ее золотыми приисками. – Чуваши. – Их характеристика. – Их религия и суеверие. – Приезд в Казань.....</i>	399
ГЛАВА XVI. <i>Казань. – Пожар 1842 года. – Статский советник Фукс. – Переселение гадов с востока на запад. – Университет. – Русская Швейцария. – Профессор Ковалевский. – Сведения о Китае. – Казанское дворянство. – Посещение татарского богослужения. – Посещение дома двух татарских купцов. – Домашнее устройство, одежда, телесное развитие, умственные способности, характер и образ жизни татар. – Их народная поэзия. – Русские крестины. – Образа святых. – Богатство русскаго языка в уменьшительных словах. – Способность татар к цивилизации. – Их политическое значение, если б они были христианами. – Наказание кнутом детоубийцы. – Уничтожение кнута. – Произведения земли, климат, земледельческие орудия и полевое хозяйство в Казанской губернии. – Казанский женский монастырь. – Воспитательное заведение для поповских дочерей. – Возможность реформы женских монастырей с целью превращения их в воспитательные заведения. – Татарская деревня Епан-Аишино. – Татарский двор и его устройство. – Деревенское устройство. – Положение муллы. – Положение женщин.....</i>	431
ГЛАВА XVII. <i>Отъезд из Казани. – Крестьянские избы в Казанской губернии. – Г-н Пирх. – Несколько замечаний о</i>	

характере русского народа. – Устройство здешних барщинных хозяйств. – Земледелие. – Развалины близ села Болгары. – Г-н Молоствов. – Хозяйственные учреждения. – Симбирск. – Отъезд в Самару. – Большия сёла. – Причины их возникновения; препятствие в них к успехам земледелия. – Как отстранить это препятствие? – Село Тушино и его хозяйство. – Чувашская деревня. – Волжские мысы. – Народное предание. – Ветряныя мельницы. – Хлебная торговля. – Самара. – Луговая сторона Волги. – Село Воскресенское; земледелие. – Мордвины, оба их племени, одежда, народный характер, язычество, домашнее устройство. – Степь, курганы. – Село Падовка; устройство, отопливание кизяком вместо дров, земледелие; земля башкиров. – Город Николаевск. – Здешняя колонизация. – Странствующее хозяйство. – Безпечность. – Село Берёзово; смешение государственных и удельных крестьян. – Село Кучум; приём по русскому обычаю. – Деревня Зельца. – Могущество русского общиннаго принца. – Немецкия колонии. – Панинское; русский делёж земли у немцев, земледелие, производство табаку, образ жизни, крестьяне. – Орловское; старик Ротермелер. – Екатеринштадт; хлебная торговля. – Данные о немецких колониях. – Покровское, малороссияне, залежь соли в озере Элтоне. – Портрет одного казака. – Саратовская губерния; положение, статистическая даннья, древности Сарая. – Саратовская губерния; прежние жители татары, новая колонизация, ея борьба с разбойничьими ордами, девушка из Мостова. – Увеличение народонаселения, земледелие, скотоводство, рыболовство, население по национальностям 458

ГЛАВА XVIII. Отъезд в Пензу. – Деревня крепостных мордвинов. – Характер местности. – Деревня Чинаки. – Пенза. – Ботанический сад. – Крепостной цирюльник. – Монография трёх деревень. – Солевка, замёрзшие дубы. – Зинцока, особенное видоизменение крепостнаго права. – Татарская деревня Моссалин, поселение татар,

обязанных военною службою. – Татары перед русским судом. – Татарская мечеть. – Различие между татарскими и русскими деревнями. – Русские крестьянские дома и одежда. – Деревни Шереметьева и Уварова. – Тамбов. – Отъезд. – Древняя укрепления против татар. – Однодворческая деревня. – Лысья Гора. – Господин Павлов. – Село Марфино. – Г. Бунин, его барщинное хозяйство. – Коннозаводство. – Битюги. – Г. Филиппов, домашняя ковровая фабрика. – Конный завод в Падди. – Барцево, расположение дворов, сбережение жатвы на чёрный день, одежда. – Ростопчинский конный завод. – Хреновка, конный завод графини Орловой, арабская порода лошадей. – Замечательное гостеприимство. – Бобров, постройка и население в городах, цены за работы. – Воронеж. – Св. Митрофаний, обед в его монастыре. – Г. Тулинов. – Г. Говен, генерал-губернатор Сибири. – Обиция замечания о Тамбовской губернии. – Пути сообщения, главнейшая потребность России. – Описания отдельных деревень Тамбовской и Воронежской губерний..... 515

ГЛАВА XIX. Отъезд из Воронежа в Харьков. – Переход в другую страну с другим народом. – Деревня Черемушиное, особенности наследственного права. – Харьков. – Три периода образования русских городов. – Влияние 1812-го года на дворянство и губернские города. – Значение городов для народа. – Улицы и общественная жизнь Харькова. – Г. Майевский. – Новый кадастр. – Лесные засева в степи. – К разъяснению отношений, основанных на крепостном праве. – Дурные результаты, вытекающие из деления деревень. – Характер здешних крестьян, заработная плата, арендная и покупная плата земли, цены на шерсть. – Харьковский университет, профессор Срезневский, славянския деревни. – Архиерей Иннокентий. – Гимназия. – Поездка в военное поселение Чугуев, прежняя история, царский дворец, канцелярия, конюшни, дом здешних колонистов, батальон рабочих, земледельческая школа. – Устройство поселения, 4 уланских и 2 гусарских

полка, территория каждого из них, положение и обязанности крестьян. – Статистика поселения. – Общий взгляд на Харьковскую губернию. – История. – Малороссийская и великороссийская колонизация. – Статистические данные о губернии. – Подати, недоимки. – Положение, почва, климат, земледелие, сбыт, огородничество, фабрики, овцеводство, лесное хозяйство, коннозаводство. – Двор здешнего крестьянина. – Одежда, пища, свадебные обряды, похоронные обряды, народные песни, праздник Ивана Купалы, танцы. – Отъезд из Харькова в Екатеринослав. – Деревня Габениха. – Прибытие в Екатеринослав; казённый сад, памятник в честь свидания Екатерины II с Иосифом II. – Дворец и парк Потёмкина, казённая суконная фабрика, суконная фабрика г. Неймана. – Заселение Екатеринославской губернии. – Злоупотребления при этом. – Каменные бабы на дворе губернатора 567

ГЛАВА XX. Отъезд из Екатеринослава. – Посещение меннонитов в Хортицком уезде. – Меннониты, их возникновение, их поселение в западной Пруссии. – Переселение 1783 года в Россию на Днепр, 17 деревень в Хортицком уезде, статистические сведения о разделении земли, числе душ, земледелии, скотоводстве, торговле, ценах и подённой плате. – Посещение колоний меннонитов на Молочной. – Их богослужение. – Иоганн Корнис. – Посещение деревни Ногайских Татар. – Поселение ногайцев, совершённое Иоганном Корнисом. – Хутор Иоганна Корниса. – Опыты облесения степи. – Устройство меннонитов. – Посещение других немецких колоний на Молочной. – Статистические сведения о здешних колониях меннонитов, о числе населения, податях, промыслах, скотоводстве, земледелии, лесоводстве, луговодстве, шелководстве и торговле. – Политическое значение меннонитов в России. – Посещение Гуттерских братьев, их судьба, интересный манускрипт. – Гробница одного татарского святого. – Арабатская коса. – Прибытие в Феодосию и Керчь 625

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (подготовлено 19 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 200 томов).

Редактор В. С. Долгов
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 24.08.2016 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 30,5 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация *(вышел)*
- Русское Православие в трех томах *(вышли)*
- Русское государство *(вышел)*
- Русский патриотизм *(вышел)*
- Русское мировоззрение *(вышел)*
- Русский образ жизни *(вышел)*
- Русская география
- Русское хозяйство *(вышел)*
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература *(вышел)*
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.

Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Нелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Трицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолубие, 752 с.
Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.
Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
Домострой, 448 с.
Уваров С. С. Государственные основы, 608 с.
Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским, 768 с.

- Панарин А. С. Православная цивилизация, 1248 с.
Говоруха-Отрок Ю. Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея, 768 с.
Ушинский К. Д. Русская школа, 688 с.
Распутин В. Г. У нас остается Россия, 1200 с.
Митрополит Платон (Левшин) и его учено-монашеская школа. К чести духовного чина, 896 с.
Вельтман А. Ф. Древности и сокровища российские, 1152 с.
Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века, 1200 с.
Русская доктрина, 1056 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

- Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спаский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.

- Ганичев В. Н. О русском, 832 с.
Мионов Б. С. Русский национализм, 560 с.
Шевцов И. М. Тля. Антисоциалистский роман. Соколы. Воспоминания о деятелях русской культуры., 816 с.
Тимофей Буткевич, протоиерей. Верую разумеваем, 704 с.
Любомудров М. Н. Каноны русского мира. Идеология. Культура. Искусство, 816 с.
Ерчак В. М. Слово и Дело Ивана Грозного, 1008 с.
Душенов К. Ю. Православие или смерть, 960 с.
Крушеван П. А. Знамя России, 720 с.
Ивашов Л. Г. Геополитика Русской цивилизации, 800 с.
Аверьянов В. В. Наш дух не сломлен, 688 с.
Бегунов Ю. К. Тайные силы в истории России, 944 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

- Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.
Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, 688 с.
Фаминцын А. С. Божества древних славян, 736 с.
Терещенко А. В. Быт русского народа в 2-х томах, т. 1 – 944 с.; т. 2 – 864 с.
Азадовский М. К. История русской фольклористики, 1056 с.
Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи, 528 с.
Шергин Б. В. Отцово знание. Поморские были и сказания, 704 с.
Сумцов Н. Ф. Народный быт и обряды, 688 с.
Буслаев Ф. И. Русский быт и духовная культура, 1008 с.
Русские люди XVIII века, 784 с.
Токарев С. А. История русской этнографии, 656 с.
Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, 672 с.
Орлов А. С., Пропп В. Я. Героическая тема в русском фольклоре, 864 с.
Бурцев А. Е. Народный быт великого севера, 624 с.
Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов, 160 с.
Нидерле Л. Славянские древности, 784 с.
Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке, 752 с.

Мэкензи Уоллэс. Традиции и быт России глазами иностранца. Этнографические очерки, 800 с.

Прыжов И. Г. Очерки русского быта, 640 с.

Август Гакстаузен. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России, 672 с.

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 3-х томах, т. 1. – 1120 с.; т. 2. – 1120 с.; т. 3. – 1280 с.

Воспоминания о Михаиле Каткове, 624 с.

Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском, 464 с.

Иван Аксаков в воспоминаниях современников, 544 с.

Ягодинский В. Н. Александр Чижевский, 496 с.

Алексей Хомяков в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 608 с.

Николай Краинский. Психофильм русской революции, 624 с.

Михаил Чижов. Константин Леонтьев, 640 с.

Личутин В. В. По морю жизни – на русском челне, 976 с.

Краинский Д. В. Записки тюремного инспектора, 896 с.

Станислав Куняев. Воспоминания, 688 с.

Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах, 624 с.

Крупин В. Н. Море житейское, 752 с.

Славянофилы в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 656 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.

Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.

Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.

Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.

Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.

Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.

Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.

Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.

Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.

Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.

Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.

Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.

Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.

Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.

Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.

- Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
- Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
- Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
- Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
- Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
- Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
- Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
- Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
- Очерки истории русской иконы, 592 с.
- Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
- Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
- Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
- Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
- Русский государственный календарь, 728 с.
- Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
- Русская артель, 672 с.
- Русская община, 1376 с.
- Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
- Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
- Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
- Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
- Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
- Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.
- Катасонов В. Ю. Экономика Сталина, 416 с.
- Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек, 688 с.
- В. Ю. Катасонов, В. Н. Тростников, Г. М. Шиманов. История как Промысл Божий, 640 с.
- Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове, 1120 с.
- Катасонов В. Ю. Православное понимание общества, 432 с.
- Катасонов В. Ю. Россия и Запад в XX веке: История экономического противостояния и сосуществования, 736 с.
- Куняев С. Ю. Русское слово и мировое зло, 880 с.
- Кикешев Н. И. Истоки славянской цивилизации: Мифы. Гипотезы. Открытия, 912 с.
- В. Аладьин, В. Ковалев, С. Малков, Г. Малинецкий. Помни войну. Аналитический доклад российскому интеллектуальному клубу, 480 с.
- Мауров А. Н. Борьба с пьянством в России с древних времен до наших дней, 880 с.

Большаков В. В. Сионизм и коммунизм. Корни родства и причины вражды, 1248 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЕ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

Юрген Граф. На пути к Апокалипсису. Что ждет коренные народы Европы? 624 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.

Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.

Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.

Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.

Платонов О. История царевубийства, 768 с.

Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.

Башилов Б. История русского масонства, 640 с.

Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.

Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.

Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.

Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.

Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.

Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.

Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.

Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.

Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.

Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в издательстве МОФ «Родная страна» (тел. 8(495)-788-55-74, mofrs@yandex.ru, www.mofrs.ru) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)